

ЭКОНОМИСТЫ О РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

А.А. БЕЛЫХ

К. ДЭВИС

Я.И. КУЗЬМИНОВ

В.А. МАУ

С.Е. НАРЫШКИН

Ю.А. ПЕТРОВ

Р.М. ЭНТОВ

Экономисты о революции 1917 года

Научный редактор
А. А. Белых

УДК 330.8
ББК 65.02
Э40

Э40 Экономисты о революции 1917 года: сборник статей; сост., науч. ред. А. А. Белых. — Москва : Издательский дом «Дело» РАНХиГС — 824 с. (Экономическая история в прошлом и настоящем). — ISBN 978-5-85006-269-9

Произошедшая в России в 1917 году революция и ее последствия во многом определили развитие всего мира в XX веке. О ее причинах, характере, временных границах и последствиях спорили и продолжают спорить историки, экономисты, политологи, социологи.

В сборнике представлены оценки, которые давали экономическим факторам и последствиям революции как экономисты, жившие в то время, так и современные исследователи. В данной книге революция рассматривается как единый процесс, начавшийся в феврале 1917 года и продолжавшийся до победы большевиков в Гражданской войне. Поэтому вошедшие в сборник работы современников революции относятся прежде всего к периоду военного коммунизма. Представлена вся палитра мнений о революции: включены работы как большевиков, так и их критиков — от анархистов до монархистов.

Книга предназначена как специалистам-историкам, так и всем, кто интересуется теми периодами, когда решалась судьба России.

ISBN 978-5-85006-269-9

УДК 330.8
ББК 65.02

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	9
Часть I. ДО РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА	15
<i>К. Маркс.</i> Историческая тенденция капиталистического накопления	17
<i>Л. Д. Троцкий.</i> Особенности развития России	22
<i>В. И. Ленин.</i> Государство и революция	35
<i>В. П. Милютин.</i> Дооктябрьский период экономического развития	40
Часть II. ПОСЛЕ РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА: ОБЩИЕ ВОПРОСЫ	51
<i>И. Х. Озеров.</i> Над бездной	53
<i>И. Х. Озеров.</i> Куда мы идем?	69
<i>И. Х. Озеров.</i> Разгром нашей экономической жизни	83
<i>И. Х. Озеров.</i> Что нужно делать	106
<i>Л. Н. Юровский.</i> Единый путь	125
<i>Л. Н. Юровский.</i> На пути к анабиозу транспорта	129
<i>Л. Н. Юровский.</i> После грозы	132
<i>Л. Н. Юровский.</i> Русское хозяйство	137
<i>Л. Н. Юровский.</i> Крайний срок	143
<i>Л. Н. Юровский.</i> Вольные цены или свободная торговля	147
<i>Л. Н. Юровский.</i> Социальное содержание социалистической революции	151

<i>Б. Д. Бруцкус. О социально-экономических основах русской революции</i>	155
<i>А. А. Богданов. Из письма А. В. Луначарскому</i>	159
<i>Б. В. Никольский. Из писем к Б. А. Садовскому</i>	164
<i>Я. Махайский. К рабочим</i>	169
<i>Я. Махайский. Второй год борьбы</i>	173
<i>В. А. Базаров. Последний съезд большевиков и задачи «текущего момента»</i>	184
<i>Л. Б. Кафенгауз, Я. М. Букипан. Россия после большевистского эксперимента (программа экономического возрождения России)</i>	200
<i>В. П. Милютин. Два года экономической диктатуры пролетариата в России</i>	229
<i>П. Б. Струве. Итоги и существо коммунистического хозяйства</i>	245
<i>Н. В. Валентинов. Новая экономическая политика и кризис партии после смерти Ленина</i>	255
<i>П. А. Сорокин. Россия после НЭПа (к пятилетнему юбилею октябрьской революции)</i>	288
<i>Б. Д. Бруцкус. Судьбы русского народного хозяйства</i>	317
<i>Б. Д. Бруцкус. Экономическое планирование в советской России</i>	319
Часть III. ПОСЛЕ РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА: ОТРАСЛЕВЫЕ ПРОБЛЕМЫ	339
<i>А. В. Чаянов. Что такое аграрный вопрос?</i>	341
<i>Н. Д. Кондратьев. Продовольственный вопрос</i>	384
<i>Н. Д. Кондратьев. Основы перспективного плана развития сельского и лесного хозяйства</i>	388
<i>А. Д. Билимович. Аграрный вопрос на Юге России в 1918–1920 годах</i>	409
<i>Б. Д. Бруцкус. Об эволюции земельной политики советской власти</i>	420
<i>Л. Н. Крицман. Аграрная революция (ее движение и его первые этапы)</i>	430
<i>Л. Н. Литошенко. Социализация земли в России</i>	449

<i>В. М. Чернов. Социализация кредита</i>	<i>470</i>
<i>И. М. Кулишер. Наши финансы в 1918–1920 годах</i>	<i>490</i>
<i>Приложение. Приятельское письмо Ленину от Аркадия Аверченко.</i>	<i>542</i>
Часть IV. РЕВОЛЮЦИЯ 1917 ГОДА. СТО ЛЕТ СПУСТЯ	
Материалы конференции	547
<i>А. А. Бельх. Ленин о целесообразности и результатах революции</i>	<i>549</i>
<i>Дж. Биггарт. «Мировая война и Мировая революция»: интерпретация Александра Богданова.</i>	<i>585</i>
<i>А. М. Никулин. Русская революция в утопиях Александра Чаянова и Андрея Платонова</i>	<i>617</i>
<i>А. В. Соболев. Оценка экономистами русской эмиграции влияния революции 1917 года на трансформацию кооперации . . .</i>	<i>657</i>
<i>М. Г. Покидченко. П. Б. Струве — теоретик и критик социализма . .</i>	<i>672</i>
<i>С. В. Беспалов. П. Б. Струве об экономическом содержании русской революции</i>	<i>681</i>
<i>А. Ю. Мельников. Заметки об уходящей стране (Леонид Наумович Юровский в «Русских ведомостях», 1916–1918)</i>	<i>692</i>
<i>Ш. Мерль. Революция и политическая экономия, 1917– 1929 годы: переход от планового управления хозяйством и обществом к сталинской командной экономике</i>	<i>704</i>
<i>А. С. Сенин. Железные дороги в 1917 году в оценках инженеров путей сообщения — участников и очевидцев Великой русской революции</i>	<i>733</i>
<i>А. А. Бессолицын. «Разгром нашей экономической жизни» (И. Х. Озеров об экономической ситуации в России после февраля 1917 года).</i>	<i>747</i>
ПРИЛОЖЕНИЯ	765
Справочный материал. Экономисты	767
Участники конференции	820

Предисловие

Историческое время не всегда совпадает с календарным. В восьмитомном сочинении историков Э. Лависса и А. Рамбо том, посвященный XVIII веку, начинается с 1715 г. (смерть Людовика XIV), а заканчивается 1789 г. (начало Великой французской революции)¹. Стоит отметить, что это издание посвящено всеобщей истории, а не только Франции, к которой формально относится такая датировка.

XIX век оказался длинным и завершился с началом Первой мировой войны в 1914 г. Книга историка А. Туза, посвященная последующим событиям, не случайно им названа «Всемирный потоп. Великая война и переустройство мирового порядка»². В России Первая мировая война сменилась революцией и последующей Гражданской войной. Роль войны как важного фактора революции хорошо понимал В. И. Ленин. Еще в январе 1913 г. он писал М. Горькому: «Война Австрии с Россией была бы очень полезной для революции (во всей восточной Европе) штукой, но мало вероятия, чтобы Франц Иозеф и Николаша доставили нам сие удовольствие»³.

¹ Всеобщая история с IV столетия до нашего времени: В 8 т./Сост. под руководством Эрнеста Лависса, Альфреда Рамбо. Т. 7: XVIII век. 1715–1789. М.: типолитография В. Рихтера, 1901.

² Туз А. Всемирный потоп. Великая война и переустройство мирового порядка, 1916–1931 годы. М.: Издательство Института Гайдара, 2019.

³ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч. в 55 т. Т. 48. М.: Политиздат, 1970. С. 155.

Произошедшая в России в 1917 г. революция и ее последствия во многом определили развитие всего мира в XX веке¹, поэтому исследователи — историки, экономисты, политологи, социологи — всегда проявляли к ней большой интерес. Вполне объяснимо и то, что в 2017 г., в год столетия революции, ей были посвящены конференции, круглые столы, многочисленные публикации. Настоящая книга возникла по итогам международной конференции, проведенной в Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации в ноябре 2017 г. Для обсуждения был избран специфический ракурс — участники конференции рассматривали те оценки, которые давали экономическим факторам и последствиям революции экономисты, жившие в то время. Идея организаторов конференции заключалась в том, чтобы издать книгу, в которую вошли бы как представленные доклады, так и работы экономистов — современников революции.

Естественно, при такой постановке задачи возникло немало вопросов. Прежде всего надо было определиться с принципами отбора материала. В настоящее время историки отказались от господствовавшей в советский период концепции, заключавшейся в том, что в 1917 г. были две революции — Февральская и Октябрьская. Сегодня события 1917 г. рассматриваются как единый революционный процесс. Тем самым время начала революции сомнений не вызывает — это февраль 1917 г. Сложнее обстоит дело с датой завершения революции².

Конечно, можно считать, как это было принято в советское время, что революция завершилась в октябре 1917 г. (штурм Зимнего дворца, съезд Советов, выступление Ленина, первые декреты советской власти). Традиционным было использование названия — «Великая октябрьская социалистическая революция». Однако в Москве вооруженные столкновения продолжались и в первых числах ноября. Кроме того, при всей важности победы революции в Петрограде и Москве это не оз-

¹ Адекватные оценки того исторического времени, когда закончился XX век, смогут дать, наверно, только будущие историки.

² В популярной советской песне утверждалось: «Есть у революции начало, нет у революции конца».

начало, конечно, что революция победила во всей России¹. Так называемое «триумфальное шествие советской власти» происходило в конце 1917 — весной 1918 г. Но затем началась Гражданская война. Можно ли говорить о победе революции, если в течение несколько лет даже не было понятно, удержат ли большевики государственную власть? Конечно, временем завершения революции можно было бы считать конец 1920 г., когда были одержаны решающие победы в Гражданской войне.

Однако такой подход лишь формально выглядит приемлемым. В современном понимании завершение революции — это создание новых политических и экономических институтов². Но новая экономическая политика, принятая в 1921 г., означала частичный возврат к капитализму, а окончательно новая политическая и экономическая структура в СССР возникла только после проведения коллективизации — в 1929–1930 гг. Не случайно коллективизацию называли «революцией сверху». «Слом НЭПа... означал завершение начатого в 1917 г. революционного процесса. „Великий перелом“ 1929 г. поставил последнюю точку»³. Таким образом, революция продолжалась с 1917 по 1930 г.

Понятно, что для нашей конференции такое расширение временных границ изучаемого революционного периода сделало бы невозможным обсуждение даже основных вопросов. Поэтому мы в основном ограничились рассмотрением периода с 1917 г. до начала НЭПа. Соответственно не только доклады, но и включаемые работы современников революции относятся прежде всего к этому этапу, периоду военного коммунизма.

На конференции исследователи, которые делали доклады о тех или иных ученых, отбирали работы этих ученых для данного издания и готовили соответствующие краткие биографические справки. Выражаем нашу благодарность за подготов-

¹ В марте 1871 г. революция в Париже привела к власти правительство, которое осталось в истории как «Парижская коммуна». Революция не охватила всей Франции, и Парижская коммуна просуществовала всего 72 дня.

² *Мау В. А.* Революция: механизмы, предпосылки и последствия радикальных общественных трансформаций. М.: Издательство Института Гайдара, 2017. С. 118.

³ Там же. С. 118.

ку биографических справок не участвовавшим в конференции профессору НИУ ВШЭ Г. Д. Гловели и старшему сотруднику Российской национальной библиотеки Д. Н. Шилову.

При публикации источников преследовалась двоякая цель. Во-первых, необходимо было дать читателю по возможности полное представление о взглядах современников на экономические последствия революции. Во-вторых, публиковать, естественно, стоило прежде всего не переиздававшиеся ранее работы. Эти цели определяли критерии отбора. К сожалению, между этими двумя критериями есть определенное противоречие. Если при включении материалов в книгу руководствоваться только «новизной», то картина не будет полной.

Чтобы у читателя возникло адекватное понимание тех взглядов на экономику, которых придерживались большевики, мы посчитали полезным поместить отрывки из работ К. Маркса, В. И. Ленина, Л. Д. Троцкого. Эти тексты, конечно, не являются «новыми», но они хорошо показывают, каковы были исходные теоретические представления об экономике у новой власти. Нельзя было не включить хотя бы одну статью В. А. Базарова — выдающегося экономиста, который после революции занял критическую позицию по отношению к политике большевиков, хотя все его основные работы были недавно переизданы¹.

Отметим, что работы, включенные в книгу, не только анализировали экономику революционной России, но были написаны непосредственно по следам событий. Исключений немного — например, мы публикуем значительный отрывок из книги Н. В. Валентинова «НЭП и кризис партии после смерти Ленина», написанной гораздо позднее и впервые опубликованной в 1971 г. Дело в том, что Валентинов не только участвовал в революционном движении и лично знал Ленина, но и оставил мемуары, содержащие уникальное свидетельство — документ, подготовленный «Лигой наблюдателей», нелегальным кружком меньшевиков. В этом документе анализировался переход от военного коммунизма к НЭПу.

Редактору этой книги хотелось представить читателю всю палитру мнений о революции — от анархистов до монархистов.

¹ Базаров В. А. Избранные произведения: В 2 т. М.: ИД «Дело», 2014.

Этим объясняется включение материалов, связанных с Я. Махайским и Б. Н. Никольским, хотя их трудно считать экономистами. Не был экономистом, строго говоря, и П. А. Сорокин, но не включить его работу в наш сборник было бы, конечно, неправильно. Разумеется, несмотря на попытку сделать нашу книгу максимально репрезентативной, некоторые важные работы включить не удалось, что связано прежде всего с их объемом. Так, необходимо упомянуть достаточно интересную книгу Г. Г. Швиттау¹. Несколько не вошедших в наш сборник работ все же, хотя иногда и частично, доступны в интернете — это книги Д. Далина², Л. Н. Крицмана³, Ю. О. Мартова⁴, С. Н. Прокоповича⁵. Мы уверены, что интерес исследователей к экономическим проблемам российской революции сохранится, и работа по их изучению, по переизданию трудов ученых прошлого, по переводам зарубежных публикаций будет продолжена.

А. А. Белых

¹ *Швиттау Г. Г.* Революция и народное хозяйство в России (1917–1921). Лейпциг: Центр. т-во кооп. изд-ва, 1922. Вообще говоря, научное наследие Георгия Георгиевича Швиттау (1875–1950) еще ждет своего исследователя.

² *Далин Д.* После войн и революций. Берлин: Грани, 1922.

³ *Крицман Л. Н.* Героический период Великой русской революции. М.: Госиздат, 1924. Большая часть материала опубликована в журнале: Вестник Коммунистической академии. 1924. Кн. 9. С. 3–146.

⁴ *Мартов Ю. О.* Письма и документы. М.: Центрполиграф, 2014.

⁵ *Прокопович С. Н.* Народное хозяйство в дни революции. Три речи. М.: тип. т-ва «Кооп. изд-во», 1918; *Прокопович С. Н.* Очерки хозяйства Советской России. Берлин: Обелиск, 1923.

Часть I
ДО РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА

К. Маркс

Историческая тенденция капиталистического накопления¹

Итак, к чему сводится первоначальное накопление капитала, т. е. его исторический генезис? Поскольку оно не представляет собой непосредственного превращения рабов и крепостных в наемных рабочих и, следовательно, простой смены формы, оно означает лишь экспроприацию непосредственных производителей, т. е. уничтожение частной собственности, покоящейся на собственном труде.

Частная собственность, как противоположность общественной, коллективной собственности, существует лишь там, где средства труда и внешние условия труда принадлежат частным лицам. Но в зависимости от того, являются ли эти частные лица работниками или неработниками, изменяется характер самой частной собственности. Бесконечные оттенки частной собственности, которые открываются нашему взору, отражают лишь промежуточные состояния, лежащие между обеими этими крайностями.

Частная собственность работника на его средства производства есть основа мелкого производства, а мелкое производство составляет необходимое условие для развития общественного производства и свободной индивидуальности самого работника. Правда, этот способ производства встречается и при рабовладельческом, и при крепостном строе, и при других формах личной зависимости. Однако он достигает расцвета, проявляет всю свою энергию, приобретает адекватную классическую форму лишь там, где работник является свободным частным собственником своих, им самим применяемых условий труда, где крестьянин обладает полем, которое

он возделывает, ремесленник — инструментами, которыми он владеет как виртуоз.

Этот способ производства предполагает раздробление земли и остальных средств производства. Он исключает как концентрацию этих последних, так и кооперацию, разделение труда внутри одного и того же производственного процесса, общественное господство над природой и общественное регулирование ее, свободное развитие общественных производительных сил. Он совместим лишь с узкими первоначальными границами производства и общества. Стремление увековечить его равносильно, по справедливому замечанию Пеккёра, стремлению «декретировать всеобщую посредственность»¹. Но на известном уровне развития он сам создает материальные средства для своего уничтожения. С этого момента в недрах общества начинают шевелиться силы и страсти, которые чувствуют себя скованными этим способом производства. Последний должен быть уничтожен, и он уничтожается. Уничтожение его, превращение индивидуальных и раздробленных средств производства в общественно концентрированные, следовательно, превращение карликовой собственности многих в гигантскую собственность немногих, экспроприация у широких народных масс земли, жизненных средств, орудий труда, — эта ужасная и тяжелая экспроприация народной массы образует пролог истории капитала. Она включает в себя целый ряд насильственных методов, из которых мы рассмотрели выше лишь эпохальные методы, как методы первоначального накопления. Экспроприация непосредственных производителей совершается с самым беспощадным вандализмом и под давлением самых подлых, самых грязных, самых мелочных и самых бешеных страстей. Частная собственность, добытая трудом собственника, основанная, так сказать, на срастании отдельного независимого работника с его орудиями и средствами труда, вытесняется капиталистической частной собственностью, ко-

¹ C. *Pecqueur*. *Théorie nouvelle d'économie sociale et politique, ou Études sur l'organisation des sociétés*. Paris, 1842. P. 435.

торая покоится на эксплуатации чужой, но формально свободной рабочей силы¹.

Когда этот процесс превращения достаточно разложил старое общество вглубь и вширь, когда работники уже превращены в пролетариев, а условия их труда — в капитал, когда капиталистический способ производства становится на собственные ноги, тогда дальнейшее обобществление труда, дальнейшее превращение земли и других средств производства в общественно эксплуатируемые и, следовательно, общие средства производства и связанная с этим дальнейшая экспроприация частных собственников приобретает новую форму. Теперь экспроприации подлежит уже не работник, сам ведущий самостоятельное хозяйство, а капиталист, эксплуатирующий многих рабочих.

Эта экспроприация совершается игрой имманентных законов самого капиталистического производства, путем централизации капиталов. Один капиталист побивает многих капиталистов. Рука об руку с этой централизацией, или экспроприацией многих капиталистов немногими, развивается кооперативная форма процесса труда в постоянно растущих размерах, развивается сознательное техническое применение науки, планомерная эксплуатация земли, превращение средств труда в такие средства труда, которые допускают лишь коллективное употребление, экономия всех средств производства путем применения их как средств производства комбинированного общественного труда, втягивание всех народов в сеть мирового рынка, а вместе с тем интернациональный характер капиталистического режима. Вместе с постоянно уменьшающимся числом магнатов капитала, которые узурпируют и монополизируют все выгоды этого процесса превращения, возрастает масса нищеты, угнетения, рабства, вырождения, эксплуатации, но вместе с тем растет и возмущение рабочего класса, который постоянно увеличивается по своей численности, который обучается, объединяется и организуется механизмом самого про-

¹ «Мы вступили в совершенно новый общественный строй... мы стремимся отделить всякий вид собственности от всякого вида труда» (*Sismondi. Nouveaux Principes de l'Économie Politique*. Т. II [Paris, 1827]. Р. 434).

цесса капиталистического производства. Монополия капитала становится оковами того способа производства, который вырос при ней и под ней. Централизация средств производства и обобществление труда достигают такого пункта, когда они становятся несовместимыми с их капиталистической оболочкой. Она взрывается. Бьет час капиталистической частной собственности. Экспроприаторов экспроприируют.

Капиталистический способ присвоения, вытекающий из капиталистического способа производства, а следовательно, и капиталистическая частная собственность есть первое отрицание индивидуальной частной собственности, основанной на собственном труде. Но капиталистическое производство порождает с необходимостью естественного процесса свое собственное отрицание. Это — отрицание отрицания. Оно восстанавливает не частную собственность, а индивидуальную собственность на основе достижений капиталистической эры: на основе кооперации и общего владения землей и произведенными самим трудом средствами производства.

Превращение основанной на собственном труде раздробленной частной собственности отдельных личностей в капиталистическую, конечно, является процессом гораздо более долгим, трудным и тяжелым, чем превращение капиталистической частной собственности, фактически уже основывающейся на общественном процессе производства, в общественную собственность. Там дело заключалось в экспроприации народной массы немногими узурпаторами, здесь народной массе предстоит экспроприировать немногих узурпаторов¹.

¹ «Прогресс промышленности, невольным носителем которого является буржуазия, бессильная ему сопротивляться, ставит на место разъединения рабочих конкуренцией революционное объединение их посредством ассоциации. Таким образом, с развитием крупной промышленности из-под ног буржуазии вырывается сама основа, на которой она производит и присваивает продукты. Она производит прежде всего своих собственных могильщиков. Ее гибель и победа пролетариата одинаково неизбежны... Из всех классов, которые противостоят теперь буржуазии, только пролетариат представляет собой действительно революционный класс. Все прочие классы приходят в упадок и уничтожаются с развитием крупной промышленности, пролетариат же есть ее собственный продукт. Средние сословия: мелкий промышленник, мелкий торговец, ремесленник и кре-

- ¹ Маркс К. Капитал. Т. 1. Глава 24. Так называемое первоначальное накопление. Раздел 7. Печатается по: Маркс К., Энгельс Ф. Капитал. Критика политической экономии. Т. 1 // Собр. соч.: В 50 т. 2-е изд. М.: Госполитиздат, 1960. Т. 23. С. 770–773. Здесь и далее в концевых сносках помещены комментарии научного редактора, а также отдельные примечания из изданий, по которым печатаются тексты. Авторские примечания приведены в постраничных сносках. Включенные в издание тексты публикуются в соответствии с современными правилами русской орфографии и пунктуации с сохранением ряда особенностей авторского написания и стиля.

стьянин—все они борются с буржуазией для того, чтобы спасти свое существование от гибели, как средних сословий. Они, следовательно, не революционны, а консервативны. Даже более, они реакционны: они стремятся повернуть назад колесо истории» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Манифест Коммунистической партии. Лондон, 1848. С. 11, 9 [см.: Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч.: В 50 т. 2-е изд. М.: Госполитиздат, 1960. Т. 4. С. 435–436, 434]).

Л. Д. Троцкий

Особенности развития России¹

Основной, наиболее устойчивой чертой истории России является замедленный характер ее развития, с вытекающей отсюда экономической отсталостью, примитивностью общественных форм, низким уровнем культуры.

Население гигантской и суровой равнины, открытой восточным ветрам и азиатским выходцам, было самой природой обречено на долгое отставание. Борьба с кочевниками длилась почти до конца XVII века. Борьба с ветрами, приносящими зимнюю стужу, а летом засуху, не закончилась и сейчас. Сельское хозяйство — основа всего развития — продвигалось экстенсивными путями: на Севере вырубались и выжигались леса, на Юге взрывались девственные степи; овладение природой шло вширь, а не вглубь.

В то время как западные варвары поселились на развалинах римской культуры, где многие старые камни стали для них строительным материалом, славяне Востока не нашли никакого наследства на безотрадной равнине: их предшественники стояли на еще более низкой ступени, чем они сами. Западноевропейские народы, скоро упершиеся в свои естественные границы, создавали экономические и культурные ступки промышленных городов. Население восточной равнины при первых признаках тесноты углублялось в леса или уходило на окраины, в степь. Наиболее инициативные и предприимчивые элементы крестьянства становились на Западе горожанами, ремесленниками, купцами. Активные и смелые элементы на Востоке становились отчасти торговцами, а больше — казаками, пограничниками, колонизаторами. Процесс социальной

дифференциации, интенсивный на Западе, на Востоке задерживался и размывался процессом экспансии. «Царь Московии, хотя и христианский, правит людьми ленивого ума», — писал Вико, современник Петра I. «Ленивый ум» москвитян отражал медленный темп хозяйственного развития, бесформенность классовых отношений, скудость внутренней истории.

Древние цивилизации Египта, Индии и Китая имели достаточно самодовлеющий характер и располагали достаточным временем, чтобы, несмотря на свои низкие производительные силы, довести свои социальные отношения почти до такой же детальной законченности, до которой ремесленники этих стран доводили свои изделия. Россия стояла не только географически между Европой и Азией, но также социально и исторически. Она отличалась от европейского Запада, но разнилась и от азиатского Востока, приближаясь в разные периоды разными чертами то к одному, то к другому. Восток дал татарское иго, которое вошло важным элементом в строение русского государства. Запад был еще более грозным врагом, но в то же время и учителем. Россия не имела возможности сложиться в формах Востока, потому что ей всегда приходилось приспосабливаться к военному и экономическому давлению Запада.

Существование феодальных отношений в России, отрицавшееся прежними историками, можно считать позднейшими исследованиями безусловно доказанным. Более того: основные элементы русского феодализма были те же, что и на Западе. Но уже один тот факт, что феодальную эпоху пришлось устанавливать путем долгих научных споров, достаточно свидетельствует о недоношенности русского феодализма, о его бесформенности, о бедности его культурных памятников.

Отсталая страна ассимилирует материальные и идейные завоевания передовых стран. Но это не значит, что она рабски следует за ними, воспроизводя все этапы их прошлого. Теория повторяемости исторических циклов — Вико и его позднейшие последователи — опирается на наблюдения над орбитами старых, докапиталистических культур, отчасти — первых опытов капиталистического развития. С провинциальностью и эпизодичностью всего процесса действительно связана была известная повторяемость культурных стадий в новых и новых

очагах. Капитализм означает, однако, преодоление этих условий. Он подготовил и, в некотором смысле, осуществил универсальность и перманентность развития человечества. Этим самым исключена возможность повторяемости форм развития отдельных наций. Вынужденная тянуться за передовыми странами отсталая страна не соблюдает очередей: привилегия исторической запоздалости, а такая привилегия существует, позволяет или, вернее, вынуждает усваивать готовое раньше положенных сроков, перепрыгивая через ряд промежуточных этапов. Дикари сменяют лук на винтовку сразу, не проделывая пути, который пролегал между этими орудиями в прошлом. Европейские колонисты в Америке не начинали историю сначала. То обстоятельство, что Германия или Соединенные Штаты экономически опередили Англию, обусловлено как раз запоздалостью их капиталистического развития. Наоборот, консервативная анархия в британской угольной промышленности, как и в головах Макдональда и его друзей, есть расплата за прошлое, когда Англия слишком долго играла роль капиталистического гегемона. Развитие исторически запоздалой нации ведет, по необходимости, к своеобразному сочетанию разных стадий исторического процесса. Орбита в целом получает непланомерный, сложный комбинированный характер.

Возможность перепрыгивания через промежуточные ступени, разумеется, совсем не абсолютна; размеры ее определяются, в конце концов, хозяйственной и культурной емкостью страны. Отсталая нация к тому же нередко снижает заимствуемые ею извне готовые достижения путем приспособления их к своей более примитивной культуре. Самый процесс ассимиляции получает при этом противоречивый характер. Так, введение элементов западной техники и выучки, прежде всего военной и мануфактурной, при Петре I привело к усугублению крепостного права как основной формы организации труда. Европейское вооружение и европейские займы, — и то и другое — бесспорные продукты более высокой культуры, — привели к укреплению царизма, тормозившего, в свою очередь, развитие страны.

Историческая закономерность не имеет ничего общего с педантским схематизмом. Неравномерность, наиболее общий за-

кон исторического процесса, резче и сложнее всего обнаруживается на судьбе запоздалых стран. Под кнутом внешней необходимости отсталость вынуждена совершать скачки. Из универсального закона неравномерности вытекает другой закон, который, за неимением более подходящего имени, можно назвать законом *комбинированного развития*, в смысле сближения разных этапов пути, сочетания отдельных стадий, амальгамы архаических форм с наиболее современными. Без этого закона, взятого, разумеется, во всем его материальном содержании, нельзя понять истории России, как и всех вообще стран второго, третьего и десятого культурного призыва.

Под давлением более богатой Европы государство поглощало в России гораздо большую относительную долю народного достояния, чем на Западе, и не только обрекало этим народные массы на двойную нищету, но и ослабляло основы имущих классов. Нуждаясь в то же время в поддержке последних, оно форсировало и регламентировало их формирование. В результате бюрократизированные привилегированные классы никогда не могли подняться во весь рост, и государство в России тем больше приближалось к азиатской деспотии.

Византийское самодержавие, официально усвоенное московскими царями с начала XVI века, смирило феодальное боярство при помощи дворянства и подчинило себе дворянство, закабалив ему крестьянство, чтобы превратиться на этой основе в петербургский императорский абсолютизм. Запоздалость всего процесса достаточно характеризуется тем, что крепостное право, зародившись с конца XVI века, сложилось в XVII, достигло расцвета в XVIII и было юридически отменено лишь в 1861 г.

Духовенство, вслед за дворянством, сыграло в образовании царского самодержавия немалую роль, но вполне служебную. Церковь никогда не поднималась в России до той командующей высоты, что на католическом Западе: она удовлетворялась местом духовной прислуги при самодержавии и вменяла это в заслугу своему смирению. Епископы и митрополиты располагали властью лишь как ставленники светской власти. Патриархи сменялись вместе с царями. В петербургский период зависимость церкви от государства стала еще более рабской. 200 тысяч священников и монахов составляли, в сущно-

сти, часть бюрократии, своего рода полицию вероисповедания. В возмещение за это монополия православного духовенства в делах веры, его земли и доходы ограждались полицией общего порядка.

Славянофильство, мессианизм отсталости, строило свою философию на том, что русский народ и его церковь насквозь демократичны, а официальная Россия—это немецкая бюрократия, насажденная Петром. Маркс заметил по этому поводу: «Ведь точно так же и тевтонские ослы сваливают деспотизм Фридриха II и т. д. на французов, как будто отсталые рабы не нуждаются всегда в цивилизованных рабах, чтобы пройти нужную выучку». Это краткое замечание исчерпывает до дна не только старую философию славянофилов, но и новейшие откровения «расистов».

Скудость не только русского феодализма, но и всей старой русской истории наиболее удручающее свое выражение находила в отсутствии настоящих средневековых городов как ремесленно-торговых центров. Ремесло не успело в России отделиться от земледелия и сохраняло характер кустарничества. Старые русские города были торговыми, административными, военными и помещичьими, следовательно, потребляющими, а не производящими центрами. Даже Новгород, близкий к Ганзе и не знавший татарского ига, был только торговым, а не промышленным городом. Правда, разбросанность крестьянских промыслов по разным районам создавала потребность в торговом посредничестве широкого масштаба. Но кочующие торговцы ни в какой мере не могли занять в общественной жизни то место, которое на Западе принадлежало ремесленно-цеховой и торгово-промышленной мелкой и средней буржуазии, неразрывно связанной со своей крестьянской периферией. Главные пути русской торговли к тому же вели за границу, обеспечивая уже с отдаленных веков руководство за иностранным торговым капиталом и придавая полуколониальный характер всему обороту, в котором русский торговец был посредником между западными городами и русской деревней. Этот род экономических отношений получил дальнейшее развитие в эпоху русского капитализма и нашел свое крайнее выражение в империалистской войне.

Ничтожество русских городов, наиболее способствовавшее выработке азиатского типа государства, исключало, в частности, возможность реформации, т. е. замены феодально-бюрократического православия какой-либо модернизованной разновидностью христианства, приспособленной к потребностям буржуазного общества. Борьба против государственной церкви не возвышалась над крестьянскими сектами, включая и самую могущественную из них, староверческий раскол.

За полтора десятилетия до Великой французской революции в России разразилось движение казаков, крестьян и крепостных уральских рабочих, известное под именем пугачевщины. Чего не хватало этому грозному народному восстанию, чтобы превратиться в революцию? Третьего сословия. Без промышленной демократии городов крестьянская война не могла развиваться в революцию, как крестьянские секты не могли подняться до реформации. Результатом пугачевщины явилось, наоборот, упрочение бюрократического абсолютизма как стража дворянских интересов, снова оправдавшего себя в трудный час.

Европеизация страны, формально начавшаяся при Петре, все более становилась в течение следовавшего столетия потребностью самого господствующего класса, т. е. дворянства. В 1825 г. дворянская интеллигенция, политически обобщив эту потребность, пришла к военному заговору с целью ограничения самодержавия. Под давлением европейского буржуазного развития передовое дворянство попыталось, следовательно, заменить недостающее третье сословие. Но либеральный режим оно хотело все же сочетать с основами своего сословного господства и потому больше всего боялось поднимать крестьян. Неудивительно, если заговор остался предприятием блестящего, но изолированного офицерства, которое расшибло себе голову почти без боя. Таков смысл восстания декабристов.

Помещики, владевшие фабриками, первыми в среде своего сословия стали склоняться в пользу замены крепостного труда вольнонаемным. В эту же сторону толкал и возраставший экспорт русского зерна за границу. В 1861 г. дворянская бюрократия, опираясь на либеральных помещиков, проводит свою крестьянскую реформу. Бессильный буржуазный либерализм состоял при этой операции в качестве покорного хора. Неза-

чем говорить, что царизм еще более скаредно и воровато решил основную проблему России, т. е. аграрный вопрос, чем прусская монархия в течение ближайшего десятилетия разрешила основную проблему Германии, т. е. ее национальное объединение. Разрешение задач одного класса руками другого и есть один из комбинированных методов, свойственных отсталым странам.

Бесспорнее всего закон комбинированного развития обнаруживается, однако, на истории и характере русской промышленности. Возникнув поздно, она не повторяла развития передовых стран, а включалась в это последнее, приспосабливая к своей отсталости его новейшие достижения. Если хозяйственная эволюция России в целом перешагнула через эпохи цехового ремесла и мануфактуры, то отдельные отрасли промышленности совершали ряд частных скачков через технико-производственные этапы, которые на Западе измерялись десятилетиями. Благодаря этому русская промышленность развивалась в некоторые периоды чрезвычайно быстрым темпом. Между первой революцией и войной промышленная продукция России выросла примерно вдвое. Это показалось некоторым русским историкам достаточным основанием для того вывода, что «легенду об отсталости и медленном росте приходится оставить»¹¹. На самом деле возможность столь быстрого роста определилась именно отсталостью, которая, увы, сохранилась не только до момента ликвидации старой России, но, как наследие ее, и до сегодняшнего дня.

Основным измерителем экономического уровня нации является производительность труда, которая, в свою очередь, зависит от удельного веса промышленности в общем хозяйстве страны. Накануне войны, когда царская Россия достигла высшей точки своего благосостояния, народный доход на душу был в 8–10 раз ниже, чем в Соединенных Штатах, что неудивительно, если принять во внимание, что $\frac{1}{5}$ самодеятельного населения России занято было в сельском хозяйстве, тогда как в Соединенных Штатах на 1 занятого в земледелии приходилось 2,5 занятых в промышленности. Прибавим еще, что на 100 квадратных километров в России приходилось накануне войны 0,4 километра железных дорог, в Германии — 11,7, в Австро-Вен-

грии—7,0. Остальные сравнительные коэффициенты того же типа.

Но именно в области хозяйства, как уже сказано, закон комбинированного развития выступает с наибольшей силой. В то время как крестьянское земледелие в главной массе своей оставалось до самой революции чуть ли не на уровне XVII столетия, промышленность России по своей технике и капиталистической структуре стояла на уровне передовых стран, а в некоторых отношениях даже опережала их. Мелкие предприятия, с числом рабочих до 100 человек, охватывали в 1914 г. в Соединенных Штатах 35% общего числа промышленных рабочих, а в России—только 17,8%. При приблизительно одинаковом удельном весе средних и крупных предприятий, в 100–1000 рабочих, предприятия-гиганты, свыше 1000 рабочих каждое, занимали в С[оединенных] Штатах 17,8% общего числа рабочих, а в России—41,4%! Для важнейших промышленных районов последний процент еще выше: для петроградского—44,4%, для московского—даже 57,3%. Подобные же результаты получатся, если сравним русскую промышленность с британской или германской. Этот факт, впервые установленный нами в 1908 г., трудно укладывается в банальное представление об экономической отсталости России. А между тем он не опровергает отсталости, а лишь диалектически дополняет ее.

Слияние промышленного капитала с банковским проведено было в России опять-таки с такой полнотой, как, пожалуй, ни в какой другой стране. Но подчинение промышленности банкам означало тем самым подчинение ее западноевропейскому денежному рынку. Тяжелая промышленность (металл, уголь, нефть) была почти целиком подконтрольна иностранному финансовому капиталу, который создал для себя вспомогательную и посредническую систему банков в России. Легкая промышленность шла по тому же пути. Если иностранцы владели в общем около 40% всех акционерных капиталов России, то для ведущих отраслей промышленности этот процент стоял значительно выше. Можно сказать без всякого преувеличения, что контрольный пакет акций русских банков, заводов и фабрик находился за границей, причем доля капиталов Англии, Франции и Бельгии была почти вдвое выше доли Германии.

Условиями происхождения русской промышленности и ее структурой определялся социальный характер русской буржуазии и ее политический облик. Высокая концентрация промышленности уже сама по себе означала, что между капиталистическими верхами и народными массами не было иерархии переходных слоев. К этому присоединялось то, что собственниками важнейших промышленных, банковских и транспортных предприятий были иностранцы, которые реализовали не только извлеченную из России прибыль, но и свое политическое влияние в иностранных парламентах и не только не подвигали вперед борьбу за русский парламентаризм, но часто противодействовали ей: достаточно вспомнить постыдную роль официальной Франции. Таковы элементарные и неустраняемые причины политической изолированности и антинародного характера русской буржуазии. Если на заре своей истории она была слишком незрелой, чтобы совершить реформацию, то она оказалась перезрелой, когда настало время для руководства революцией.

В соответствии с общим ходом развития страны резервуаром, из которого формировался русский рабочий класс, являлось не цеховое ремесло, а сельское хозяйство, не город, а деревня. Русский пролетариат складывался при этом не постепенно, веками, влача за собой груз прошлого, как в Англии, а скачками, путем крутой перемены обстановки, связей, отношений и резкого разрыва со вчерашним днем. Именно это, в сочетании с концентрированным гнетом царизма, сделало русских рабочих восприимчивыми к наиболее смелым выводам революционной мысли, подобно тому как запоздалая русская промышленность оказалась восприимчивой к последнему слову капиталистической организации.

Короткую историю своего происхождения русский пролетариат всегда воспроизводил заново. В то время как в металлообрабатывающей промышленности, особенно в Петербурге, кристаллизовался слой потомственных пролетариев, окончательно порвавших с деревней, на Урале преобладал еще тип полупролетария-полукрестьянина. Ежегодный приток свежей рабочей силы из деревень во все промышленные районы обновлял связь пролетариата с его основным социальным резервуаром.

Политическая недееспособность буржуазии непосредственно определялась характером ее отношений к пролетариату и крестьянству. Она не могла вести за собой рабочих, которые враждебно противостояли ей в повседневной жизни и очень рано научились обобщать свои задачи. Но она оказалась в такой же мере неспособной вести за собой крестьянство, потому что была связана сетью общих интересов с помещиками и боялась потрясения собственности в каком бы то ни было виде. Запоздалость русской революции оказалась, таким образом, не только вопросом хронологии, но и вопросом социальной структуры нации.

Англия совершала свою пуританскую революцию, когда все население ее не превышало 5½ миллиона, из которых полмиллиона приходилось на Лондон. Франция в эпоху своей революции имела в Париже тоже лишь полмиллиона из 25 миллионов всего населения. Россия начала XX века насчитывала около 150 миллионов населения, из которых свыше трех миллионов приходилось на Петроград и Москву. За этими сравнительными цифрами скрываются величайшие социальные различия. Не только Англия XVII, но и Франция XVIII столетия не знали еще современного пролетариата. Между тем в России рабочий класс во всех областях труда, в городе и в деревне, насчитывал к 1905 г. уже не менее 10 миллионов душ, что с семьями составляло свыше 25 миллионов, т. е. больше, чем население Франции в эпоху Великой революции. От крепких ремесленников и независимых крестьян армии Кромвеля — через санкюлотов Парижа — до индустриальных пролетариев Петербурга революция глубоко изменила свою социальную механику, свои методы, а тем самым и свои цели.

События 1905 г. были прологом обеих революций 1917 г.: Февральской и Октябрьской. В прологе были заложены все элементы драмы, но только не доведены до конца. Русско-японская война расшатала царизм. На фоне движения масс либеральная буржуазия напугала монархию своей оппозицией. Рабочие организовывались самостоятельно от буржуазии и в противовес ей, в виде советов, впервые призванных тогда к жизни. Крестьянство восставало за землю на огромном протяжении страны. Как крестьяне, так и революционные части

армии тянулись к советам, которые в момент высшего подъема революции открыто оспаривали власть у монархии. Однако все революционные силы выступали тогда впервые, опыта у них не было и не хватало уверенности. Либералы демонстративно отшатнулись от революции именно в тот момент, когда обнаружилось, что недостаточно расшатать царизм, надо еще повалить его. Крутой разрыв буржуазии с народом, причем она и тогда уже увлекла за собой значительные круги демократической интеллигенции, облегчил монархии расслоение армии, выделение верных частей и кровавую расправу над рабочими и крестьянами. Хотя и недосчитываясь кое-каких ребер, царизм вышел все же из испытаний 1905 г. живым и достаточно сильным.

Какие же изменения в соотношении сил внесло историческое развитие за 11 лет, отделивших пролог от драмы? Царизм пришел за этот период в еще большее противоречие с потребностями исторического развития. Буржуазия стала экономически более могущественной, но, как мы уже видели, это могущество опиралось на более высокую концентрацию промышленности и на возросшую роль иностранного капитала. Под действием уроков 1905 г. буржуазия стала еще консервативнее и подозрительнее. Удельный вес мелкой и средней буржуазии, незначительный и ранее, еще более понизился. Какой-либо устойчивой социальной опоры у демократической интеллигенции вообще не было. Она могла иметь переходящее политическое влияние, но не могла играть самостоятельной роли: зависимость ее от буржуазного либерализма чрезвычайно возросла. Дать крестьянству программу, знамя, руководство мог при этих условиях только молодой пролетариат. Вставшие перед ним, таким образом, грандиозные задачи породили неотложную потребность в особой революционной организации, которая могла бы сразу охватить народные массы и сделать их способными к революционному действию под руководством рабочих. Так, советы 1905 г. получили гигантское развитие в 1917 г. Что советы, отметим тут же, представляют собою не просто порождение исторической запоздалости России, а являются продуктом комбинированного развития, свидетельствует хотя бы тот факт, что пролетариат наиболее индустриальной страны, Германии,

не нашел во время революционного подъема 1918–1919 гг. другой формы организации, как советы.

Революция 1917 г. все еще имела своей непосредственной задачей низвержение бюрократической монархии. Но в отличие от старых буржуазных революций в качестве решающей силы выступал теперь новый класс, сложившийся на основе концентрированной индустрии, вооруженный новой организацией и новыми методами борьбы. Закон комбинированного развития раскрывается здесь пред нами в крайнем своем выражении: начав с низвержения средневекового гнилья, революция в течение нескольких месяцев ставит у власти пролетариат с коммунистической партией во главе.

По отправным своим задачам русская революция являлась, таким образом, демократической революцией. Но она по-новому поставила проблему политической демократии. В то время как рабочие покрыли всю страну советами, включив в них солдат и отчасти крестьян, буржуазия все еще продолжала торговаться, созывать или не созывать ей Учредительное собрание.

В ходе изложения событий вопрос этот предстанет пред нами во всей своей конкретности. Здесь мы хотим только отметить место советов в историческом чередовании революционных идей и форм.

В середине XVII века буржуазная революция в Англии развернулась в оболочке религиозной реформации. Борьба за право молиться по собственному молитвеннику отождествлялась с борьбой против короля, аристократии, князей церкви и Рима. Просвитериане и пуритане были глубоко убеждены, что они свои земные интересы ставят под незыблемое покровительство божественного промысла. Задачи, за которые боролись новые классы, неразрывно срослись в их сознании с текстами библии и с формами церковного обихода. Эмигранты уносили с собою эту кровью скрепленную традицию за океан. Отсюда исключительная живучесть англосаксонских интерпретаций христианства. Мы видим, как и сегодня еще министры-«социалисты» Великобритании обосновывают свою трусость теми самыми магическими текстами, в которых люди XVII века искали оправдания для своего мужества.

Во Франции, перешагнувшей через реформацию, католическая церковь, в качестве государственной, дожила до революции, которая нашла не в текстах библии, а в абстракциях демократии выражение и оправдание для задач буржуазного общества. Какова бы ни была ненависть нынешних заправил Франции к якобинизму, но факт таков, что именно благодаря суровой работе Робеспьера они все еще сохраняют возможность прикрывать свое консервативное господство формулами, при помощи которых было некогда взорвано старое общество.

Каждая из великих революций отмечала новый этап буржуазного общества и новые формы сознания его классов. Как Франция перешагнула через реформацию, так Россия перешагнула через формальную демократию. Русская революционная партия, которой предстояло наложить свою печать на целую эпоху, искала выражения для задач революции не в библии и не в секуляризованном христианстве чистой демократии, а в материальных отношениях общественных классов. Советская система дала этим отношениям наиболее простое, незамаскированное, прозрачное выражение. Господство трудящихся впервые нашло свое осуществление в системе советов, которая, каковы бы ни были ее ближайшие исторические перипетии, так же неискоренимо проникла в сознание масс, как в свое время система реформации или чистой демократии.

^I Первая глава первого тома книги «История русской революции», первое издание которой вышло в 1931 г. (Берлин, издательство «Гранит»). Печатается по: *Троцкий Л.Д.* История русской революции: В 2 т. Т. 1. Февральская революция. М.: Терра; Республика, 1997. С. 33–44.

^{II} К этой фразе Троцкий сделал примечание: «Утверждение принадлежит профессору М. Н. Покровскому. См. приложение № 1». В этом приложении (с. 439–446 издания 1997 г.) Троцкий оспаривает аргументы, приведенные Покровским в статье «Правда ли, что в России абсолютизм „существовал наперекор общественному развитию“» (Красная новь. 1922. № 3 (7). С. 144–151).

В. И. Ленин

Государство и революция^I

Пролетариат использует свое политическое господство для того, чтобы постепенно вырвать у буржуазии весь капитал, централизовать все орудия производства в руках государства, т. е. организованного как господствующий класс пролетариата, и возможно более быстро увеличить сумму производительных сил^{II}. <...>

Капитализм упрощает функции «государственного» управления, позволяет отбросить «начальствование» и свести все дело к организации пролетариев (как господствующего класса), от имени всего общества нанимающей «рабочих, надсмотрщиков, бухгалтеров».

Мы не утописты. Мы не «мечтаем» о том, как бы сразу обойтись без всякого управления, без всякого подчинения; эти анархистские мечты, основанные на непонимании задач диктатуры пролетариата, в корне чужды марксизму и на деле служат лишь оттягиванию социалистической революции до тех пор, пока люди будут иными. Нет, мы хотим социалистической революции с такими людьми, как теперь, которые без подчинения, без контроля, без «надсмотрщиков и бухгалтеров» не обойдутся.

Но подчиняться надо вооруженному авангарду всех эксплуатируемых и трудящихся — пролетариату. Специфическое «начальствование» государственных чиновников можно и должно тотчас же, с сегодня на завтра, начать заменять простыми функциями «надсмотрщиков и бухгалтеров», функциями, которые уже теперь вполне доступны уровню развития горожан вообще и вполне выполнимы за «заработную плату рабочего».

Организуем крупное производство, исходя из того, что уже создано капитализмом, сами мы, рабочие, опираясь на свой рабочий опыт, создавая строжайшую, железную дисциплину, поддерживаемую государственной властью вооруженных рабочих, сведем государственных чиновников на роль простых исполнителей наших поручений, ответственных, сменяемых, скромно оплачиваемых «надсмотрщиков и бухгалтеров» (конечно, с техниками всех сортов, видов и степеней)— вот наша, пролетарская задача, вот с чего можно и должно начать при совершении пролетарской революции. Такое начало, на базе крупного производства, само собою ведет к постепенному «отмиранию» всякого чиновничества, к постепенному созданию такого порядка, порядка без кавычек, порядка, не похожего на наемное рабство,— такого порядка, когда все более упрощающиеся функции надзора и отчетности будут выполняться всеми по очереди, будут затем становиться привычкой и, наконец, отпадут, как особые функции особого слоя людей.

Один остроумный немецкий социал-демократ семидесятых годов прошлого века назвал почти образом социалистического хозяйства. Это очень верно. Теперь почта есть хозяйство, организованное по типу государственно-капиталистической монополии. Империализм постепенно превращает все тресты в организации подобного типа. Над «простыми» трудящимися, которые завалены работой и голодают, здесь стоит та же буржуазная бюрократия. Но механизм общественного хозяйничанья здесь уже готов. Свергнуть капиталистов, разбить железной рукой вооруженных рабочих сопротивление этих эксплуататоров, сломать бюрократическую машину современного государства— и перед нами освобожденный от «паразита» высоко технически оборудованный механизм, который вполне могут пустить в ход сами объединенные рабочие, нанимая техников, надсмотрщиков, бухгалтеров, оплачивая работу всех их, как и всех вообще «государственных» чиновников, заработной платой рабочего. Вот задача конкретная, практическая, осуществимая тотчас по отношению ко всем трестам, избавляющая трудящихся от эксплуатации, учитывающая опыт, практически уже начатый (особенно в области государственного строительства) Коммуной¹¹¹.

Все народное хозяйство, организованное как почта, с тем чтобы техники, надсмотрщики, бухгалтеры, как и все должностные лица, получали жалованье не выше «заработной платы рабочего», под контролем и руководством вооруженного пролетариата — вот наша ближайшая цель. Вот какое государство, вот на какой экономической основе, нам необходимо. Вот что даст уничтожение парламентаризма и сохранение представительных учреждений, вот что избавит трудящиеся классы от проституирования этих учреждений буржуазией^{IV}. <...>

Демократия есть форма государства, одна из его разновидностей. И, следовательно, она представляет из себя, как и всякое государство, организованное, систематическое применение насилия к людям. Это с одной стороны. Но, с другой стороны, она означает формальное признание равенства между гражданами, равного права всех на определение устройства государства и управление им. А это, в свою очередь, связано с тем, что на известной ступени развития демократии она, во-первых, сплачивает революционный против капитализма класс — пролетариат и дает ему возможность разбить, сломать вдребезги, стереть с лица земли буржуазную, хотя бы и республикански-буржуазную, государственную машину, постоянную армию, полицию, чиновничество, заменить их более демократической, но все еще государственной машиной в виде вооруженных рабочих масс, переходящих к поголовному участию народа в милиции.

Здесь «количество переходит в качество»: такая степень демократизма связана с выходом из рамок буржуазного общества, с началом его социалистического переустройства. Если действительно все участвуют в управлении государством, тут уже капитализму не удержаться. И развитие капитализма, в свою очередь, создает предпосылки для того, чтобы действительно «все» могли участвовать в управлении государством. К таким предпосылкам принадлежит поголовная грамотность, осуществленная уже рядом наиболее передовых капиталистических стран, затем «обучение и дисциплинирование» миллионов рабочих крупным, сложным, обобществленным аппаратом почты, железных дорог, крупных фабрик, крупной торговли, банковского дела и т. д. и т. п.

При таких экономических предпосылках вполне возможно немедленно, с сегодня на завтра, перейти к тому, чтобы, свергнув капиталистов и чиновников, заменить их — в деле контроля за производством и распределением, в деле учета труда и продуктов — вооруженными рабочими, поголовно вооруженным народом. (Не надо смешивать вопрос о контроле и учете с вопросом о научно образованном персонале инженеров, агрономов и пр.: эти господа работают сегодня, подчиняясь капиталистам, будут работать еще лучше завтра, подчиняясь вооруженным рабочим.)

Учет и контроль — вот главное, что требуется для «наложения», для правильного функционирования первой фазы коммунистического общества. Все граждане превращаются здесь в служащих по найму у государства, каковым являются вооруженные рабочие. Все граждане становятся служащими и рабочими одного всенародного, государственного «синдиката». Все дело в том, чтобы они работали поровну, правильно соблюдая меру работы, и получали поровну. Учет этого, контроль за этим упрощен капитализмом до чрезвычайности, до необыкновенно простых, всякому грамотному человеку доступных операций наблюдения и записи, знания четырех действий арифметики и выдачи соответственных расписок.

Когда большинство народа начнет производить самостоятельно и повсеместно такой учет, такой контроль за капиталистами (превращенными теперь в служащих) и за господами интеллигентами, сохранившими капиталистические замашки, тогда этот контроль станет действительно универсальным, всеобщим, всенародным, тогда от него нельзя будет никак уклониться, «некуда будет деться».

Все общество будет одной конторой и одной фабрикой с равенством труда и равенством платы.

Но эта «фабричная» дисциплина, которую победивший капиталистов, свергнувший эксплуататоров пролетариат распространит на все общество, никоим образом не является ни идеалом нашим, ни нашей конечной целью, а только ступенькой, необходимой для радикальной чистки общества от гнусности и мерзостей капиталистической эксплуатации и для дальнейшего движения вперед.

С того момента, когда все члены общества или хотя бы громадное большинство их сами научились управлять государством, сами взяли это дело в свои руки, «наладили» контроль за ничтожным меньшинством капиталистов, за господчиками, желающими сохранить капиталистические замашки, за рабочими, глубоко развращенными капитализмом, — с этого момента начинает исчезать надобность во всяком управлении вообще. Чем полнее демократия, тем ближе момент, когда она становится ненужной. Чем демократичнее «государство», состоящее из вооруженных рабочих и являющееся «уже не государством в собственном смысле слова», тем быстрее начинает отмирать всякое государство.

Ибо когда все научатся управлять и будут на самом деле управлять самостоятельно общественным производством, самостоятельно осуществлять учет и контроль туенядцев, баричей, мошенников и тому подобных «хранителей традиций капитализма», — тогда уклонение от этого всенародного учета и контроля неизбежно делается таким неимоверно трудным, таким редчайшим исключением, будет сопровождаться, вероятно, таким быстрым и серьезным наказанием (ибо вооруженные рабочие — люди практической жизни, а не сентиментальные интеллигентки, и шутить они с собой едва ли позволят), что необходимость соблюдать несложные, основные правила всякого человеческого общежития очень скоро станет привычкой.

И тогда будет открыта настежь дверь к переходу от первой фазы коммунистического общества к высшей его фазе, а вместе с тем к полному отмиранию государства^V.

^I Работа написана в августе и сентябре 1917 г., впервые опубликована в 1918 г. Печатается по: *Ленин В.И. Полн. собр. соч.*: В 55 тт. Т. 33. М.: Политиздат, 1969 (страницы в сносках указаны по этому изданию).

^{II} С. 23–24.

^{III} Имеется в виду Парижская коммуна — революционное правительство в Париже в марте-мае 1871 г.

^{IV} С. 49–50.

^V С. 100–102.

В. П. Милютин

Дооктябрьский период экономического развития¹

Настоящее и будущее имеет корни свои в прошедшем. Мы не можем правильно оценить тот или иной экономический период, не восстановив в более или менее полном виде картины предыдущего. Экономическое положение России настоящего времени не создано сразу, а имеет свою историю, свои предпосылки в таком недалеком и таком уже отдаленном прошлом. <...>

Октябрьская революция 1917 г. провела глубокую историческую грань между двумя периодами русской жизни: до октября 1917 г. и после октября 1917 г. Два совершенно различных периода по соотношению сил, организации государственной власти и экономической политике.

И вместе с тем они тесно связаны друг с другом.

Мы унаследовали от дооктябрьского периода истощенное, расстроенное войной хозяйство, унаследовали определенные материальные и технические ресурсы, старые аппараты и т. д. и т. д. С этим материалом придется иметь еще долгое время дело и, перемещая, изменяя этот материал, строить новую общественную жизнь России. <...>

Рассматривая процесс экономического развития до октября 1917 г., мы можем наметить три этапа в его развитии.

Первый начинается с момента объявления войны Россией, т. е. со второй половины 1914 г., и тянется до второй половины 1915 г.

Второй — с половины 1915 г. и весь 1916 г.

Третий охватывает 1917 г. до октября месяца 1917 г.

Различаются эти три периода между собой как общим экономическим положением, так и экономической политикой, проводимой в течение каждого из них.

Период, охватывающий вторую половину 1914 г. и первую 1916 г., является временем перелома в народном хозяйстве России. В этот период совершался колоссальный сдвиг всего народного хозяйства от мирной жизни к военной, переход производства на удовлетворение нужд войны и соответствующее перераспределение рабочих сил в стране. Война, как всем известно, требует своего особого производства, особых «товаров», особых «продуктов».

Не говоря уже о металлургии, но и такие отрасли, как текстильная, химическая и т. п., должны были быстро перестраиваться, переоборудоваться, приспособляясь к новым формам «производства».

В результате в первое время, естественно, должен был произойти кризис в тех отраслях промышленности и предприятиях, которые не могли сразу приспособиться к приготовлению военных товаров.

Если от войны и от работы на войну выигрывали с первых же дней ее те отрасли промышленности и предприятия, которые и раньше работали на армию или же которым легко было приспособить свои станки и перейти к производству нужных для армии и войны предметов, то, наоборот, целый ряд предприятий должен был испытать крах, не будучи в силах сразу приспособиться к новым требованиям.

В этом отношении нарушение кредита и обмена лишь ускорило процесс краха этих предприятий.

По официальным данным министерства торговли и промышленности в фабрично-заводской промышленности с 20 июня по сентябрь 1914 г. *закрылось 602 фабрики, а сократило производство 1034 фабрики.*

Подобный частичный кризис производства должен был оказать влияние на рабочий рынок и на распределение рабочей силы.

Несмотря на то что война взяла в первые же месяцы до 20% взрослого мужского рабочего населения, вследствие чего можно было бы ожидать роста спроса на труд и уменьшения пред-

ложения благодаря указанной причине, на рабочем рынке, на оборот, появились десятки тысяч безработных.

По одним только официальным данным число рассчитанных с фабрик рабочих (благодаря закрытию фабрик и сокращению производства) доходило до 160 тысяч. Но это далеко не полные и не точные данные.

В одной Варшаве безработных (в сентябре 1914 г.) насчитывалось 40 870 чел., а с семьями — до 150 тыс.; в Петрограде 24 368 рабочих было рассчитано; в Москве производство сократилось во всех отраслях промышленности на 25 и даже на 50%. <...>

В сельском хозяйстве в это же время, по данным с мест, также наблюдается наплыв рабочих, и заработная плата сельскохозяйственных рабочих испытывает некоторое понижение (на 2–3%)¹.¹¹

Никакой помощи ниоткуда рабочие получить не могли и не получали. Их собственные организации почти повсеместно были разрушены. 14 июля 1915 г. при Министерстве торговли и промышленности состоялось совещание, на котором было признано нежелательным возобновление деятельности профессиональных рабочих организаций. С другой стороны, при таком относительном «избытке» рабочих рук на рынке правящим классам совершенно не приходилось заботиться ни о каком планомерном распределении рабочей силы.

Уменьшение в стране рабочей силы, направленной на производительную работу, массовое отвлечение ее на войну, приспособление предприятий к производству тех предметов, которые безудержно поглощались и уничтожались войной, кризис тех из них, которые не были к этому приспособлены, — вот отличительные черты этого переходного периода.

Внешним его проявлением был рост дороговизны на предметы массового потребления, который выразился в среднем в 50–70%. На внутренние потребности страны ни промышленники, ни правящие круги не обращали внимания.

Буржуазия бросилась с жадностью пожинать выгоды от войны, правительство Сухомлиновых¹¹¹ и К° было абсолютно неспособно понять нужды переживаемого времени. В этом от-

¹ Милютин В. П. Сельскохозяйственные рабочие и война. М., 1917.

ношении Россия, богатая всяческими естественными благами, неизбежно должна была оказаться в несравненно худшем положении, чем западноевропейские страны, которые сразу учли необходимость удовлетворения внутренних своих потребностей, а не только военных. Русская буржуазия, русские промышленники оказались в этом отношении в большей степени хищниками и мародерами, чем западноевропейские их братья, которые то же самое хищничество проводили в более организованных и предусмотрительных формах.

Экономические условия первого периода уже имели налицо все данные для того, чтобы развернулась самая острая и озлобленная классовая борьба.

1915–1916 годы являются годами наибольшего военного размаха России.

В это время происходит ряд новых мобилизаций, на фронте развиваются широкие боевые действия, и естественно, что в этот второй период народное хозяйство России обнаружило максимум приспособления к нуждам войны, и производство для войны, во имя войны достигает громадных размеров.

Война с экономической точки зрения есть непроизводительная трата народного богатства — это бесспорная истина.

Но для предпринимателя, для капиталиста она есть прежде всего *предприятие*, с которого он хочет получить доход.

Военные траты показывают, что эта кровавая фабрика требует колоссальных денежных затрат, проценты с которых идут тем, кто для нее поставляет живой и мертвый материал. За этот промежуток времени военные траты в переводе на деньги с 20 млн рублей в день в начале войны поднялись уже через несколько месяцев до 30, а затем, в 1916 г., составляли уже 50 млн рублей в день, или 1 млрд рублей в месяц. Доходы предприятий необычайно растут. <...>

Вот, например, данные из различных областей нашей промышленности.

В области механической и машиностроительной промышленности прибыль шести обществ составила за 1915 г., по данным «Торгово-промышленной газеты», 18,9 млн рублей — на 7,3 млн рублей, или на 37%, более, чем в 1914 г. В отдельных обществах это увеличение доходит и до 50%. В некоторых обще-

ствах новая чистая прибыль составляет по отношению к основному капиталу 20, 30 и даже 35%. В табачной промышленности чистая прибыль восьми фирм почти удвоилась, с 3,9 млн рублей в 1914 г. увеличившись до 6,9 млн рублей в 1915 г. У шести крупных петроградских коммерческих банков чистая прибыль за 1915 г. увеличилась с 25,4 млн рублей до 35,5 млн, т. е. на 33%. У шести крупнейших московских банков чистая прибыль повысилась с 11,7 до 14,4 млн рублей, или на 23%. Сильный рост прибыли обнаруживают и нефтепромышленные предприятия, и спичечные фабрики, и многие другие.

По данным «Русского слова», прибыль 19 крупнейших предприятий металлургической промышленности увеличилась с 31,9 млн рублей в 1913 г. до 52,3 млн рублей в 1914 г., или на 20,4 млн рублей, т. е. на 65,5%; в 12 предприятиях суконной, шерстяной и льняной промышленности чистая прибыль увеличилась с 4,2 до 6,8 млн рублей, т. е. на 2,6 млн рублей, или на 61,9%; прибыль 8 предприятий в сахарной промышленности увеличилась с 1,9 до 4,3 млн рублей, т. е. на 2,4 млн рублей, или на 126,3%; в 4 крупнейших предприятиях резиновой индустрии прибыль увеличилась с 14,7 до 18,0 млн рублей, т. е. на 3,3 млн рублей, или на 22,4%. Отдельные предприятия дали гораздо большее увеличение прибыли. Так, Брянский завод дал увеличение с 4,7 до 7 млн рублей, или на 45%; «Гартман» — на 73%; Общество медно-прокатных и трубочных заводов — на 18%; Демидовская мануфактура — на 82%; Нарвская мануфактура — на 60%; Сеньков — на 240%; Костромская мануфактура — на 73,8%; сахарный завод Н[ижне]-Таволжанский — на 151%; Катермунд и Вейсе — на 166%; «Богатырь» — на 109%; «Каучук» — на 216%; фабрики Рябушинских — на 230%; Северо-Кавказское нефтяное общество — на 99%; «Эмба» — на 95% и т. п.¹ Данные за 1915–1916 гг. также свидетельствуют о необычайном росте прибыли. В металлургических, механических и машиностроительных заводах этот рост достиг следующих размеров (в миллионах рублей)^{2, IV}:

¹ Загорский С. Финансовые итоги и перспективы // Современный мир. 1917. № 1. С. 245.

² Биржевые ведомости. 18.11.1916. С. 6.

Предприятия	1913/14 г.	1914/15 г.	1915/16 г.	Увеличение по сравнению с 1913/14 г.	
				Млн руб.	%
О[бщест]во маш[иностроительных] зав[одов] Гартмана	1,04	1,67	2,06	+1,02	+98
Ник[ополь]-Мариуп[ольское] горно-металлургическое общество]	4,08	5,36	6, 60	+2,52	+61
Русск[ое] паровоз[ное и ме- ханическое общество]	0,64	1,05	2,30	+1,66	+259
[Общество] Тульских мед- нопрокатных и патронных заводов	2,88	8,39	15,51	+12,63	+438
Южно-русск[ое] Днепр[овское] мет[аллургическое общество]	9,64	8,45	12,11	+2,47	+25

Для предприятий, не обязанных публичной отчетностью, министерство финансов определяло общую сумму прибыли в 1592 млн рублей в 1916 г.—на 645,9 млн рублей, или на 69%, более, чем в 1915 г.

Подобный грандиозный рост доходов приводил к новому притоку капиталов в промышленность, к быстрому возникновению новых предприятий. Рост новых предприятий можно видеть ясно из нижеследующей таблицы:

Годы		Число новых предприятий	Сумма основных капиталов в млн руб.
1913	I полугодие	226	295
	II полугодие	173	231
1914	I полугодие	176	240
	II полугодие	158	182
1915	I полугодие	108	130
	II полугодие	213	279
1916	I полугодие	272	386

Из этой таблицы мы можем ясно проследить и переходный период, временное сжатие промышленности за второе полугодие 1914 г. и первое полугодие 1915 г., когда число новых предприятий быстро понизилось, — во вторую половину 1914 г. по сравнению с первой на 10% и за первое полугодие на 40%. Зато уже во вторую половину 1915 г. число вновь возникших предприятий *увеличилось* на 100% по сравнению с первой половиной, и этот рост продолжался и в 1916 г., когда за первую половину возникло 272 новых предприятия, т. е. превысило цифру первого полугодия 1913 г. и всех последующих полугодий. Аналогичную картину представляет и рост основных капиталов этих вновь возникавших предприятий.

Так производство на войну питало нашу промышленность и вело ее к нездоровому разбуханию.

Благодаря этому приспособлению промышленности и вообще народного хозяйства к нуждам войны потребовалась колоссальная затрата рабочей силы на военное производство. Положение рынка труда меняется. Вместо безработицы первого периода получается усиленный *спрос на рабочие руки*. Возникают жалобы и опасения по поводу недостатка рабочих и целый ряд проектов о ввозе китайцев, мобилизации инородцев и т. д.

Спрос на рабочие руки далеко превышает предложение.

По данным Всероссийского бюро труда, с 1 июля 1915 г. по 1 июля 1916 г. в 75 крупнейших биржах и бюро труда *предложение труда* равнялось 314 тыс., *спрос на труд* — свыше 600 тыс. (послано на работу до 238 тыс. человек). *Таким образом, спрос на рабочие руки вдвое превышал предложение труда*. Недостаток мужского труда компенсировался усиленным применением труда женщин и детей. По данным анкеты Московского общества фабрикантов и заводчиков, женский труд возрос на 10%, по данным Ростовского областного бюро труда — на 40,2%.

Применение труда малолетних возросло, по данным той же анкеты Московского общества фабрикантов и заводчиков, на 9,6%.

Распределение рабочей силы в стране пошло по определенному пути — основной поток рабочей силы был направлен для производства на войну.

В этих целях использовались все производительные силы России, все ее технические ресурсы и все ее живые рабочие силы.

Железная логика экономического развития, совершавшегося в атмосфере войны, вела к колоссальному истощению всего хозяйственного организма страны, и кризис в экономической области назревал с поразительной быстротой.

Военная промышленность, несмотря на показной эффект, с неизбежностью ведет к разрушению производительных сил страны.

Разрушительное действие выражается в том, что потребности страны и непосредственно в области потребления, и в области производства не могут уже получать своего удовлетворения. Война высасывает все соки. По самым скромным вычислениям, до 50% всего производства в России поглощалось войной.

Несмотря на военный расцвет промышленности, классовые противоречия не только не уменьшались, *но возрастали*.

В то время, когда, как мы видели, капиталисты зарабатывали на войне, народные массы выносили на своих плечах всю неимоверную тяжесть войны.

Мы уже говорили, что в первые месяцы до 20% наиболее здорового и активного мужского населения было взято на войну. Мобилизации не прекращались, и в 1916 г. мужская рабочая сила понизилась численно на 35–40%. Дороговизна продолжала увеличиваться, усиливаемая исчезновением с рынка целого ряда продуктов.

Вместе с тем помещичье-капиталистическое правительство выказывало полное пренебрежение к потребностям рабочего класса и крестьян. Железное кольцо политического гнета и экономической эксплуатации сдавливало рабочий класс и крестьянство со всех сторон. Противоречия были настолько велики, что каждую минуту следовало ждать взрыва.

В этих условиях — сгустившейся политической атмосферы — наступил революционный 1917 год.

1917 год — год двух революций: Февральской и Октябрьской. После второй революции власть из рук крупной и мелкой буржуазии перешла в руки пролетариата.

Парламентский строй был заменен советским. Большая часть 1917 г. прошла под знаком войны. Экономическое поло-

жение не только не улучшалось, но приходило во все большее и большее расстройство, гигантскими шагами приближаясь к полной экономической катастрофе.

На VI съезде РСДРП (большевиков), в августе 1917 г., автору этих строк в докладе об экономическом положении пришлось следующим образом обрисовать экономическое состояние страны:

«Если еще два месяца, месяц и даже две недели назад мы могли говорить, что экономическая разруха надвигается, то настоящий момент характеризуется наступлением этой катастрофы... В области производства положение кричащее. Сокращение металлургической промышленности — на 40%, текстильной — на 20%.

Имея в виду, что и прежде 80% текстильных фабрик работало на армию, ясно, что при создавшихся условиях скоро не во что будет одеваться.

Из 11,5 млрд национального дохода в 1915 г. на войну пошло 6 млрд. Вот объективные условия краха в области производства.

В области продовольствия мы накануне голода...»

Аналогичную оценку давали не только мы, противники бывшей в то время власти, но и ее сторонники, те, кто поддерживал Временное правительство.

Как видно из всех докладов того времени, положение рисуется до крайности безотрадным. Наконец, цифровые данные характеризуют общее экономическое положение как быстро идущее к упадку.

Военный расцвет промышленности 1916 г. сменяется быстрым падением производства и экономическим истощением.

Добыча каменного угля на юге России в 1916 г. — 22,5 млн т, в 1917 г. — 18,66 млн т.

Производство железа и стали по всей России в 1916 г. — 356,17 тыс. т, в 1917 г. — 270,38 тыс. т, уменьшение — на 85,79 тыс. т, или на 24,1%.

Производство чугуна (за 10 мес.) 1916 г. — 3190,36 тыс. т, в 1917 г. — 2620,26 тыс. т, уменьшение — на 570,10 тыс. т, или на 17%^{1, V}.

¹ Народное хозяйство. 1918. № 1. С. 19.

Быстро росло закрытие заводов и фабрик, и опять нарастала волна безработных.

Данные Министерства торговли и промышленности показывали, что с 1 марта по 1 августа 1917 г. закрылось по всей России 568 предприятий с общим числом рабочих в 104 372 человека. Наибольшее число упало на металлическую промышленность — 91, хлопчатобумажную — 49 и производство пищевых и вкусовых веществ — 196.

По месяцам закрытие предприятий происходило следующим образом:

Было закрыто	Заводов	С числом рабочих
Март	74	6646
Апрель	55	2816
Май	108	8701
Июнь	125	38455
Июль	206	47754

Таково было объективное экономическое положение, в атмосфере которого сталкивались борющиеся силы: буржуазия, мелкая буржуазия и пролетариат.

Дороговизна, война и фактическое отстранение народных масс от управления — вот объективные факторы, которые революционизировали массы и заставляли искать выхода из того экономического кризиса, который господствовал в стране. В это же самое время на спине народа, в атмосфере войны, продолжал процветать постыдный торг между буржуазией и теми, кто делал на словах «демократическую» политику, — эсерами и меньшевиками.

Но уже назревали те силы, которые выступили на арену в октябре того же года.

Пройденный путь экономического развития вел к одной цели — к замене существовавшей политической и экономической системы, системы, построенной на интересах капиталистов и помещиков, принципиально новой системой, построенной на основе интересов широких масс народа: рабочих и крестьян.

Экономическое разорение и истощение достигло колоссальных размеров, временный военный расцвет промышленности только усугубил истощение ее.

Оздоровление промышленности и вообще всей хозяйственной жизни страны могло начаться только с устранением основного фактора гибели и крушения ее — войны.

Но поворот от войны к миру означал решительный разрыв с буржуазией, означал по существу революционный переворот снизу доверху.

Буржуазия после Февральской революции великолепно учитывала подобное положение вещей и всю свою экономическую политику направляла в сторону беспощадной классовой борьбы с поднимающимся пролетариатом. Наоборот, господствовавшие партии меньшевиков и эсеров не только не понимали этого, но, наоборот, стремились согласить несогласимое, наладить «гражданский мир», удовлетворить одновременно и буржуазию, и пролетариат — в результате получалось лишь бесхарактерное топтание на месте и куча бумажных резолюций и намерений, абсолютно не претворявшихся в жизнь.

^I Печатается по: *Милютин В.П.* История экономического развития СССР (1917–1927). М.—Л.: Государственное издательство, 1929. С. 57–66.

^{II} Автор не указал страницы, на которые он ссылается в своей книге. Указанная им цифра понижения зарплаты получалась при сравнении уровня зарплаты при уборке урожая 1914 г. с уровнем 1913 г. по Европейской России (с. 32), однако при сравнении уровня 1914 г. со средним уровнем за предыдущие пять лет (1909–1913) у него получались иные результаты — рост зарплаты: по Европейской России, для разных категорий работников, от 10,7 до 15,8% роста (с. 33), для Кавказа — от 15,8 до 55,4% роста (с. 35), для азиатской части страны — от 16,7 до 24,5% роста (с. 36). — *Прим. И.А. Кузнецова.*

^{III} Сухомлинов В. А. (1848–1926) — военный министр в 1909–1915 гг.

^{IV} Таблица взята В.П. Милютиным не из указанного источника, а из цитированной выше статьи С. Загорского, который дополнил ее показателями сравнения с 1913–1914 г. Названия обществ восстановлены мной по источнику. — *Прим. И.А. Кузнецова.*

^V В источнике объем производства указан в тысячах пудов. — *Прим. И.А. Кузнецова.*

Часть II
ПОСЛЕ РЕВОЛЮЦИИ
1917 ГОДА:
ОБЩИЕ ВОПРОСЫ

И. Х. Озеров

Над бездной¹

Куда мы идем

Война нам оставит огромный долг, конечно, сейчас трудно предугадать размер его: он зависит от продолжительности войны и нам придется по этому долгу платить огромные проценты.

Колоссальных расходов потребует обеспечение семей лиц убитых, инвалидов, раненых, а затем нужно будет восстановить разрушенные города и селения, исправить и ремонтировать наши железные дороги и т. д., и бюджет наш дойдет, вероятно, после войны до 8–9 млрд рублей.

Я имею здесь в виду и то обесценение рубля, которое имеет место сейчас.

Откуда взять средства для питания нашего бюджета?

Никаким нажимом налогового винта мы этих средств из карманов населения не извлечем, так как мы присутствуем в настоящее время при экономическом разорении России: огромное количество наших раньше созданных ценностей уничтожено.

И слишком напрягать налоговый винт едва ли целесообразно — нам надо, чтобы население оправилось после войны и принялось за творческую работу.

Где же взять для этого средства?

Окинем взором нашу страну, и вы увидите необозримые поля, введите лучшую их обработку с богатым удобрением, с машинами, и эти поля дадут много новых богатств России. Россия делается житницей Европы.

Посмотрите на огромные пространства нашей Средней Азии, приложите здесь человеческую энергию, и сколько можно создать здесь хлопка и можно им снабжать всю Европу.

Обратите внимание на наше национальное достояние — лес.

А огромные пространства Сибири представляют столько удобств для развития у нас скотоводства, что при умении мы можем создать мясную промышленность в обширных размерах.

А наши рыбные богатства, — только наше неумение ведет к тому, что мы не используем эти наши богатства.

Европе придется после войны обстраиваться, а мы располагаем огромными лесными богатствами, и опять при умении наши леса могут нам дать богатые средства.

Мы можем создать в огромных размерах целлюлозное и писчебумажное производства и снабжать бумагой всю Европу.

А наши богатства водяной силы, наши водопады — они также могут быть использованы, а до сих пор мы почти не коснулись их.

Коэффициент использования гидравлической силы у нас всего 0,03% от всех запасов нашей водяной силы, тогда как в других странах он достигает 15–20 и даже 34–35% (Германия).

Да, наша, быть может, миссия — после войны снабжать сырьем Европу, и этого сырья у нас много множество.

Возьмите хотя бы наши торфяные богатства — опять сколько электрической энергии можно из них извлечь, а наши запасы золота, каменного угля, железа. Все климаты у нас сочетаются.

Итак, у нас огромные богатства и для залечивания ран, нанесенных нам войной, мы должны подойти к ним с творческим деянием и пробудить эти богатства от сна.

Но для этого нужен прежде всего человек-творец, который бы горел священной жаждой творчества.

Чтобы использовать наши богатства, нам нужно победить пространство, создать густую железнодорожную сеть, улучшить наши водные пути, шоссе и, прежде всего, создать другую школу, из которой бы выходили люди-творцы, люди — энтузиасты творчества.

Знаменитый художник Брюллов в своем творческом экстазе крикнул: «Дайте мне кисти и краски, я распишу само небо»¹¹.

Пусть и русский человек проникнется таким же энтузиазмом творчества, вспомнит о своей былой энергии, возьмется за кисти и краски и напишет новые картины на полотне русской действительности.

Мы должны понять, что ключ к нашим богатствам лежит в нас самих, мы его должны откопать в тайниках нашей души.

Ведь в прежнее время русские люди были энергичны, они успели колонизовать огромные территории, соединяли путями сообщения один океан с другим и даже при прежних способах и средствах умели вызывать из недр земли богатства и использовать их.

Но в настоящее время это творчество у нас зачихло, пришло к концу, но нам надо потряхнуть стариной, вспомнить нашу былую энергию и с прежним рвением обратиться к эксплуатации наших богатств.

В этом лежит ключ к питанию нашего бюджета.

Но чтобы зиждательный дух стал носиться над нашими богатствами и оплодотворил бы их. Нам нужны капиталы, а капитал любит спокойствие, ему нужна уверенность в грядущем будущем, только при этих условиях он может работать.

А между тем, в настоящее время мы делаем как раз обратное.

У нас и до войны своих капиталов было недостаточно, и мы постоянно нуждались в притоке к нам иностранных капиталов, а в настоящее время к нам, конечно, никакие иностранные капиталы не придут: у нас не только нет власти и порядка, но и атмосфера насыщена злобой против лиц, обладающих средствами, и ясное дело, что при этих условиях у нас и наш капитал уйдет от нас.

Капитал ведь — редкая птица, изнеженная, нуждающаяся в особой атмосфере, а главное, за капиталом стоит капиталист, который привык управлять капиталом.

Ведь мало располагать кистями и красками, надо быть художником, и если бы экспроприировали люди у художника его кисти и краски, то ведь они не в состоянии были бы нарисовать хороших картин.

То же самое и с капиталом, его могут экспроприировать у лиц, которые им располагают, но вместе с тем отнимут у капитала его зиждательную силу. Капитал, попав в руки лиц, не умеющих с ним обращаться, делается мертвым, распылится, потеряет свое творческое качество.

К сожалению, у нас этого не понимают, и мы ставим в настоящее время капитал в такие условия, в которых он не может ра-

ботать: пути, на которые мы жаловались и которые лежали на промышленной деятельности при старом режиме, лежат у нас и в настоящее время, и здесь, как показывает печальный опыт, все осталось по-прежнему.

Если прежде у нас общественная атмосфера была неблагоприятна для экономического творчества просто потому, что ею не подбадривались экономические творцы, то в настоящее время дело стало гораздо хуже.

Ведь можно быть и не сторонником капиталистического строя, но пока мы существуем при нем и пока еще не доросли до нового порядка, мы, принимая капиталистическое хозяйство, должны принимать и все его предпосылки, а здесь огромную роль играет сам предприниматель, то, что англичане называют «капитан промышленности», между тем при условиях нашей действительности его деятельность теперь парализована.

Широкие массы нашего населения, к сожалению, должны будут пройти тяжелые предметные (уроки) у нас, экономические основы нашего существования будут подточены, и только на развалинах былого, хотя и скромного достатка они узрят то, что надделано неопытными руками в смысле разрушения тех ценностей, которые у нас были, — материальных и духовных, так как несомненно, что у нас много лиц, которые могли бы с успехом творить в экономической области, покинуть пределы России, и они унесут с собой свой творческий дух в другие страны и там будут оживлять их чужие богатства на благо других людей, но не нас, русских, которые по своему недомыслию не умеют ценить культурные достояния.

Конечно, тогда покорно мы склоним свою голову, и мертвая тишина явится у нас взамен анархии, которая гуляет теперь, и порядок, железный порядок, выкованный стальной рукой нужды и голода, и тогда придут к нам иностранцы и будут диктовать свои условия, как эксплуатировать наши богатства.

Конечно, это позорно, унижительно для нашего национального самолюбия, но мы идем в этом направлении и идем быстрыми шагами.

ТВОРЧЕСКАЯ ПРИВИВКА

Вне развития производительных сил нашей страны нам нет спасения, а здесь нам нужен и прилив капиталов, и прилив творческой энергии извне.

Нам нужно сделать себе творческую прививку.

Но если мы не будем энергично наступать и изменим общему делу, то мы отмежуем себя китайской стеной от наших союзников и даже вообще от культурных стран и тогда, конечно, ни капиталы, ни люди, настоящие люди — эти генералы и капитаны промышленности — к нам не пойдут, и мы обречены будем на гниение.

Но стоило только пахнуть нашим наступлением, и мы видим, как оживилась у нас подписка на заем, оживляется спрос на бумаги, а ведь это последнее означает усиление питания нашей промышленности и доверие к нашему экономическому будущему.

После войны нормальный наш бюджет возрастет, вероятно, до 8 и более миллиардов, и этой суммы никакими налогами мы не в состоянии будем получить, если не поднимем производительные силы нашей родины.

Мы должны в настоящее время все наши промыслы направлять на эту цель. Мы должны создать общественное мнение, благоприятное для этой задачи, пробудить творческие инстинкты в населении, особенно в подрастающем поколении. Нам нужно беречь наши хозяйственные единицы: предприятия должны обрасти у нас за это время мясом и жиром, иначе мы не в состоянии будем приспособить нашу промышленность для работы на мирный уклад, и она не в состоянии будет встретить конкуренции на международном рынке.

Вот почему чрезмерные высокие фискальные требования, которые предъявляются теперь промышленности, чреваты тяжелыми последствиями. В этих условиях наша промышленность не в состоянии будет сделать себе достаточный запас жизненных сил для будущего времени, для времени демобилизации

Наше правительство должно понять, что такой своей политикой оно совершает великую разрушительную работу и, ко-

нечно, крупных средств оно не получит, а промышленность разрушит.

Можно получить очень крупные средства, но другим способом, так: можно ввести правительственную торговлю сахаром и установить продажную цену его хотя бы в 20 рублей за пуд, и казна получит огромный доход. У нас производство сахара свыше 90 млн пудов в год (я говорю про современные условия), и один сахар мог бы дать нам дохода 1 млрд 200 млн рублей, если не больше.

В настоящее время, кому очень нужен сахар, платит и рубль и полтора за фунт, у населения денежных знаков много, и высокая цена на сахар была бы прекрасным насосом, чтобы выкачать излишние денежные знаки из населения, кроме того, теперь эти переплаты на сахар идут в карманы посредников (мелких торговцев), а тогда они пошли бы в государственное казначейство.

Конечно, могут сказать: это — косвенное обложение, но во время беспримерной войны нужно отбросить эти трафаретки.

Да, нам надо вступить на путь установления некоторых налогов на потребление.

Чрезмерно высокие прямые налоги убьют всякую инициативу в нашей промышленности, а мы и так ею небогаты.

В самом деле, кто будет стремиться развивать нашу промышленность, лучше ее технически оборудовать, когда будут знать, что 90% всей прибыли возьмет себе казна? Это убьет у нас всякую энергию.

Чрезмерные требования трудящихся, я боюсь, доведут многие промышленные предприятия до остановки, и теперь уже увеличиваются кадры безработных, и, пожалуй, трудящимся скоро придется пережить тяжелые предметные уроки.

К сожалению, наши трудящиеся недостаточно знакомы с внутренним строем промышленности и при предъявлении своих требований они не считаются с тем, что может выдержать промышленность.

К тому же очень повышенная заработная плата поведет к увеличению дороговизны: деньги, которые выдаются в качестве заработной платы или повышенных вознаграждений, будут предъявлять себя сейчас же во что бы то ни стало в обмен

за товары, а это поведет к тому, что товары будут повышаться в цене, а деньги будут падать, а это в свою очередь будет вызывать новые требования повышения заработной платы и т. д. Образуется заколдованный круг, и в результате будут истощены все средства промышленных предприятий, эти последние будут вынуждены остановиться, и тогда будет безработица, будет голод и холод, и на развалинах старого нам придется создать новое, но какими тяжелыми усилиями.

На мой взгляд, долг каждого в настоящее время и особенно нашей периодической печати — распространять правильные экономические понятия, показывать то, что достижимо при существующих условиях, от чего приходится отказаться просто потому, что мы еще не доросли.

Повышение заработной платы налагает ведь и обязанности поднятия интенсивности труда со стороны трудящихся, а это предполагает развитие в них чувства долга работать, желания трудиться.

Да, в настоящее время у нас промышленность в опасности, а вместе с ней в опасности и весь наш бюджет. Ведь если промышленность остановится, то сократятся поступления от промыслового налога, от подоходного, от многих налогов на потребление (от сахара, от нефти, от табака и т. д.), доход от перевозки по железным дорогам, доход от почт и телеграфов.

Ведь нужно понимать эту связь...

Я бы сказал, мы должны объявить крестовый поход в пользу поднятия производительных сил нашей страны и мобилизовать все наши силы — от седовласого старца до юнца: пусть пастырь церкви с церковной кафедры призывает благословение Божие на эту великую работу, пусть сердца и мозг учащегося еще на школьной скамье загораются жаждой святой работы, пусть творчество в экономической области начинает манить к себе, и пусть это творчество в глазах юнца будет окружено волшебным ореолом, пусть русская женщина возлагает венки на творцов русской экономической жизни так же, как возлагала она раньше на Собинова, Шаляпина и т. д., пусть мать в семье с первых шагов своих детей влагает им в голову жажду работы по пробуждению наших несметных богатств, пусть волшебной сказкой пленяет она мечты и окрыляет грезы юнцов в этом

же направлении, указывая, как в прежнее время люди волшебным словом вызывали богатства из недр земли, а это волшебное слово в настоящее время есть наша мысль, наш труд...

Надо всю общественную атмосферу напоить этой жаждой творения; в этом наше спасение.

Надо помнить, что задача развития производительных сил страны — тонкое дело, и нужно подойти к нему органически, вся наша политика должна быть направлена на эту цель, весь уклад нашей жизни должен быть перестроен на этот лад, и тогда, при наших богатствах, нам не трудно будет залечить раны, нанесенные нам этой войной.

Нам нужно только, чтобы у нас появились люди-творцы, которые бы своим волшебным гением принялись за пробуждение наших спящих богатств.

ПОДГОТОВЛЯЕМЫЙ ПРОРЫВ НАШЕГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ФРОНТА

Тяжелые испытания послало нам Небо, но мы переживаем теперь то, что сбили, сеяли безрассудной рукой.

Мы и наше правительство, облеченное доверием народа, смотрели совершенно безучастно на преступную пропаганду, но ведь эта пропаганда разлагала нашу армию. Эта пропаганда была похожа на то, как если бы кто-нибудь стал разносить бациллы чумы или холеры, и мы бы спокойно на это смотрели, видя и в этом акте проявление гражданской свободы. У правительства все же была некоторая власть, но оно не умело ею пользоваться, оно, я бы сказал, преступно бездействовало, и следовало бы его предать суду за бездействие власти.

И вот незрелых людей опутали разного рода лозунгами: «Долой войну», и в результате мы будем под каблуком у немцев.

Мы переживаем полную разруху в армии, мы расшатали дисциплину, а разве время может быть без дисциплины?

Я бы сказал, надо восстановить во что бы то ни стало дисциплину — этого требует спасение России. Здесь-то и сказалась незрелость новых людей; они думали одними словами управлять Россией, как карась в щедринской сказке: скажу-де я, карась, хорошее слово, и щука не будет пожирать пискарей.

Разве армия возможна без дисциплины, разве можно так все строить на товарищеских отношениях? И представители нашего правительства усердствовали в расшатывании нашей армии.

Теперь некоторые министры расшатывают нашу экономическую жизнь и также готовят здесь немецкий прорыв; делают это они, конечно, бессознательно, по недомыслию, делают это они, потакая трудящихся в их чрезмерных домогательствах, делают это они путем обложения превосходящего всякие границы, и этим они ослабляют нашу промышленность, расшатывают ее, обескровливают, и нашей промышленности в будущем под натиском иностранной конкуренции так же придется бежать врассыпную, как бежит наша армия.

Наши министры и здесь готовят поражение, и жестокое. Конечно, повторяю, делают это они по неразумию.

Ведь и уничтожая дисциплину в армии, они делали это якобы в угоду или по требованию демократических принципов, и расстраивая промышленность, они делают это якобы в силу демократических масс (главным образом тех же большевиков).

Да, я как экономист утверждаю: нас готовят к экономическому разгрому. В настоящее время от дела устройства русской экономической жизни устранены у нас все люди, сколько-нибудь эту жизнь знающие; на каждом деловом человеке поставлено как бы клеймо Каина, а без буржуазии нельзя направить в должное русло нашу экономическую жизнь.

Нам надо было бы создать целую армию лиц, борющихся за экономическое возрождение России, но опять и здесь нужна крепкая, железная дисциплина.

Нельзя допускать вмешательства рабочих в управление фабриками, нельзя допускать устранения лиц администрации по капризу рабочих, это так же расшатывает нашу промышленность, как расшатало нашу армию.

Нас ведут к гибели, и я по долгу совести это говорю и обращаюсь к лицам, которых судьба поставила теперь у кормила правления: одумайтесь.

Вы, новые люди, я вижу, понемногу начинаете учиться: г. Керенский уже отказывается кой от чего, Скобелев тоже, но, господа, это уже происходит на живом организме России.

И пока вы учитесь, Россия придет в такое состояние, что ее восстановить экономически будет невозможно.

Опомнитесь, господа, пройдите курс учения возможно скорее и с наименьшим разрушением России: ведь у нас теперь разруха в железных дорогах, на почте, в армии, в школе, на фабриках и заводах, распад России на отдельные части...

НАД БЕЗДНОЙ

Мы прежде говорили о поднятии производительной силы России, а после этих лозунгов, после разговоров оказались теперь идущими под лозунгом не развития, а разрушения этих сил.

Мы все делаем, чтобы разрушить...

А сколько у нас работы. Возьмите хотя бы наш Север: мы в настоящее время голодаем, а там был огромный улов рыбы, а между тем не оказалось соли, и не знали, что с рыбой делать. Выкопали ямы и зарыли огромное количество сельдей. На севере можно было бы устроить превосходные фабрики для изготовления рыбных консервов.

Самим небом назначено место на севере для постройки целлюлозных заводов, а мы в настоящее время сидим без бумаги...

А какие там огромные пространства для разведения скотоводства.

Конечно, надо отрешиться от нашей рутины и давать концессии на леса с обязательством постройки целлюлозных и писчебумажных фабрик, но наши министры — адепты философии нищеты на это не пойдут: им все будет чудиться, что кто-то на этом наживет.

Мы разрушаем в настоящее время нашу вывозную торговлю, так, торговля льном в руках иностранцев, и они расплачиваются за приобретаемый у нас лен рублями, затем, будь эта торговля совершенно свободна, мы за лен могли бы получать немало заграничной валюты.

В настоящее время же представители иностранных фирм снабжены даже особыми полномочиями на внеочередную отправку льняных товаров по русским дорогам в Архангельск.

Наша вывозная торговля тормозится в настоящее время тем, что экспортеры всю полученную ими валюту представля-

ют в кредитную канцелярию, а между тем можно было бы премировать экспорт и требовать представления в кредитную канцелярию не всей валюты, а ее части, хотя бы одной половины или двух третей.

Правда, крупные экспортеры могут это обходить, отправляя особых лиц за границу и не показывая всю полученную ими валюту, но мелкие экспортеры не могут отправлять лиц: слишком дорого это стоит, и такой порядок создает премию в пользу крупных экспортеров и наоборот, убьет мелких.

Путем разных приемов в настоящее время капиталы от нас перекачиваются за границу. Путем покупки бумаг за границей, с платежом в рублях, продаются дома иностранцам с платежом за границей и внесением валюты в иностранные банки и т. д., и мы обессиливаемся экономически, и союзники едва ли к нам придут на помощь, пока мы не будем наступать. Я был сейчас в Архангельске. Пароходы из-за границы не приходят. В порту мертво, зловещая тишина. Надвигается безработица.

Да, мы должны наступать, ведь если союзники победят, они заинтересованы, чтобы мы были платежеспособны, так как в их руках много наших обязательств, и они нам не навяжут разорительных для нас торговых договоров, сознавая, что этим самым они убьют нашу промышленность, и нам тогда нечем будет платить, они будут очень и очень считаться с интересами нашего экономического развития. Если же, не дай Бог, мы бы очутились в лапах Германии, то она навяжет убийственные для нас торговые договоры. Она будет смотреть на нас как на объект эксплуатации, и тогда наступит наша гибель...

Но, к сожалению, хотя мы и располагаем огромными богатствами, но мы в настоящее время нашим ничегонеделанием культивируем у себя ленивую психологию и на фабриках, и в армии и затем эту заразу разносить по деревням.

Надо возможно скорее создать железную дисциплину.

Ведь если певец не обладает голосом, то он должен уйти со сцены, если артист в театре не может играть, то он также должен покинуть сцену, если люди, которые взялись властвовать, слишком мягкотелы и не могут проявить власти, они также должны покинуть свое место, иначе они приведут страну к распаду.

Надо иметь смелость быть сильными в настоящее время и проявлять силу и власть.

Одно дело говорить слова, и другое — ярко творить. В настоящее время у нас какая-то педократия (господство детей, незрелых лиц).

Недавно в печати сообщалось, что ищут министра торговли среди лиц, знающих торговлю, но не связанных ни с какой отраслью, ни с каким отдельным предприятием; этим самым ищущие подписывают сами себе смертный приговор, это все равно, что искать врача, знающего свое дело, но не связанного с пациентами, не лечившего больных.

Это глубокая ирония.

Да, нам нужны люди дела, а теперь настоящий человек у нас не ценится. Нам нужны люди с широким кругозором и богатой фантазией, но в то же время люди холодного расчета, коммерческой складки, люди сильной инициативы, могущие заражать своим священным огнем окружающих себя. Наше единственное спасение в развитии частной инициативы, а мы убиваем у нас ее живые побеги.

Теперь денег много у всех, и если поощрить хозяйственную инициативу, то не мало людей окрылят этими денежными средствами и поднимутся на должную хозяйственную высоту, пробудив в себе должную творческую энергию.

И, казалось бы, эту частную инициативу надо всемерно поддерживать.

Иначе Россию за гроши скупят иностранцы. Уже и теперь богатства России, ее предприятия, фабрики и заводы упаковываются в два больших пакета, и придут американцы и купят их, а мы будем гулять по Невскому, разговаривать, ходить на митинги, ставить во главе ответственных дел маленьких людей.

Говоря о двух пакетах, я имею в виду два больших консорциума, и если посчитать, то сколько здесь контрольных пакетов, разного рода предприятий.

Жалуются, что капиталисты мало подписываются на заем свободы, что предприятия хотели бы подписаться на заем свободы в размере одной четверти своим основным капиталом.

Но повышение заработной платы и всеобщее вздорожание требует от промышленных предприятий, чтобы они держали наготове большие оборотные средства. Конечно, благоразумие заставляет их воздерживаться от этой подписки.

Да, нам нужно создать хорошую боевую экономическую рать с хорошим командным составом и с ней идти на экономическое завоевание, на экономическое поднятие России, а между тем мы губим и здесь творческую энергию, те же пути при учреждении акционерных обществ, что и при старом режиме. Так, одно общество страховое давно уже добивается введения в круг своих операций страховой жизни¹¹, при старом режиме года полтора не было ни ответа, ни привета, но и при новом, вот уже прошло больше трех месяцев, то же самое...

Так далеко мы не уйдем. Нельзя не отметить следующее весьма замечательное явление. Мы по роковой случайности теперь уже идем в объятия Германии: наша валюта очень упала, также упала германская марка, и при этих условиях после войны нашим промышленным предприятиям выгоднее совершать свои операции с Германией, чем с другими странами, валюта коих не так обесценена, в других странах она и совсем не обесценена.

На это союзники должны обратить серьезное внимание, а также и все те, кто не желает вновь идти в германскую кабалу...

И при этих условиях где же творчество Временного правительства?

Министерство народного просвещения совершенно мертво, говорят, по делам судят. А каковы его дела за это время?

Изгнание более восьмидесяти профессоров из Университета за насаждение безграмотности.

А между тем сколько работы и нужно посадить сильное яркое творчество.

Министерство торговли долго было обезглавлено и плетется по старой дорожке.

Министерство финансов — здесь все говорят, говорят, советуются, и кто же советники? А дел не видно...

Да, мы топчемся над бездной, сияющей бездной, готовой нас поглотить...

Куда нас ведут

У нас, к сожалению, обливали грязью всех, кто шел в практическую творческую жизнь, и вот за это-то мы так тяжело и расплачиваемся теперь. Наша интеллигенция была всегда белоручкой, и мы не ценим организаторских сил. В настоящее время у нас организаторские силы будут парализованы.

Разве сельский хозяин, желавший работать, когда закрыт для него всякий кредит вследствие запрещения земельных сделок, останется в деревне? Нет, он отрясет прах от ног своих, ликвидирует свое хозяйство, и эта ликвидация сельского хозяйства во многих местах уже идет усиленным темпом, но помещик-лежебока останется, и мы нашей аграрной политикой создаем теперь премию в пользу лиц, ничего не делающих.

Мы идем к полному банкротству, и прежде всего мы стоим у банкротства нашей юной общественности: мы не выдвинули сил, который могли бы собрать рассыпанную храмину, не оказалось у нас строителей, зодчих «новой России».

Меня особенно удивляет безучастное поведение нашей буржуазии: она махнула на все руками и предоставила событиям идти своим порядком, а между тем распалась уже не крыша здания, в котором мы живем, а сам фундамент грозит провалиться, и, казалось бы, здоровый инстинкт самосохранения должен был бы проснуться у нас, но, увы,—этого нет.

Перед нами стоит в настоящее время голод, и хохочет он, и гримасничает он, предвкушая уже, как он будет душить нас и наших детей...

Мы убиваем сельское хозяйство, убиваем нашу промышленность и, словно каннибалы, вымазавшие кровью свои лица и руки, мы пляшем около костра, где сгорают останки нашей промышленности.

И вместо созидательной работы мы все говорим о поднимающей голову контрреволюции.

Но скажите, кто у нас контрреволюционеры?

Их нет. Старый строй был так плох, что не находил защитников, если, конечно, мы нашей безумной политикой теперь не создадим их.

В самом деле, старый строй рабочему классу не давал ничего, кроме кнута и ссылки...

Солдата? Что он имел при старом режиме? В нем не признавали человека, а видели лишь «серую скотину».

Бесправный еврей, что ли, сторонник старого режима? Старообрядцы? Буржуазию, и ту гнули в бараний рог...

Землевладельцы? Но и они на разумные жертвы пойдут.

Конечно, если будут сладострастно убивать промышленность, губить это детище буржуазии, то разве у этой последней не будет обливаться кровью сердце, когда она будет видеть, что гибнет то, над чем она работала, как умела и как могла, при старом режиме? И конечно, она тогда, быть может, не будет питать очень добрые чувства к новому строю.

Разве у честного офицера при виде разложения армии не обливается также кровью сердце?

Но во всем этом мы сами повинны. Эта разруха промышленности, разложение армии — дело рук некоторых групп.

Если мы не будем бороться с хозяйственной разрухой, если мы своими безумными мероприятиями доведем страну до голода и холода, то, конечно, реакция поднимет голову.

Голодные бунты будут тогда у нас, и сравнение будет не в пользу нового строя, и тогда массы спросят: чьих это рук работа?

И будут делаться выводы, что новые люди не могут творить, созидать...

Представители некоторых групп сами своими руками подготавливают эту реакцию.

Я утверждаю, что чрезмерными требованиями, предъявляемыми к промышленности (проф. Бернацкий удостоверил, что рабочая плата достигла сейчас 80% всех расходов производства), разложением армии (Калуш^{IV}), сельскохозяйственной разрухой нас толкают на путь реакции.

Теперь распропагандировывают самого опасного агитатора, который может все смести, — это «голодный желудок», тем более что мы заразили политикой нашу армию, пренебрегли вековым золотым правилом, что армия должна оставаться вне политики.

Да, от иллюзий, выношенных во тьме темными массами, люди отрезвляются только тяжелыми предметными уроками, и нам придется, быть может, испить горькую чашу до дна, и только тогда мы с сожалением обернемся на пройденный путь и, увидев дымящиеся остатки нашего народного хозяйства, быть может, отрезвимся.

Сейчас, к сожалению, мы буквально в сумасшедшем доме; все стремятся поставить неприемлемые требования: рабочий — требования, неприемлемые для промышленности, солдат — для армии, и это подтачивает наши жизненные силы, и в то же время мы демонстрируем перед Европой нашу некультурность.

Так и хочется крикнуть: «Опомнитесь, господа!»

Выпущено еще на 2 млрд кредитных билетов, а это еще более обесценит их. Гулящих денег станет больше, а предметов, которые можно на них купить, будет становиться все меньше и меньше, и мы останемся без материальных благ, но с грудой кредитных бумажек.

Мы искусственно культивируем ленивую психологию, оплевывая «буржуя» и капиталиста, а они и так уже съежились, и мы отбиваем у них всякую охоту работать, организовать эксплуатации наших естественных богатств. Производительность труда на фабриках и заводах понизилась, наш солдат проходит школу ничегонеделания навыками гулянья по тротуарам, вернется в деревню, — что он ей даст?

^I Печатается по: *Озеров И.Х.* Над бездной. Петроград: Свободный народ, 1917. С. 3–15.

^{II} Высказывание К. Брюллова при росписи плафона Исаакиевского собора.

^{III} Так в тексте.

^{IV} Калуш — город в Галиции, был взят русскими войсками в ходе последнего наступления в июне 1917 г., наступление провалилось из-за падения дисциплины в русской армии.

И. Х. Озеров

Куда мы идем?¹

РАСПЛАТА ЗА ПРОШЛОЕ

Всколыхнулось у нас целое море всякого рода пожеланий, но нет регулятора.

Великое преступление старого режима—это что он не шел в уровень с требованиями жизни, и потому сразу прорвалось столько социальных требований, и это вполне законно.

Старая власть могла бы постепенно расширить крестьянское землевладение, организуя скупку земель через крестьянский банк, поднимая земельную культуру, и землевладелец мог бы получить больше от земли, и не было бы этой ненасытной жажды земли, но этого не было сделано.

Если бы мы развивали промышленность и создали здесь более нормальные условия жизни трудящихся, организуя профессиональные союзы, примирительные камеры, большие категории лиц плотно срослись бы с фабриками и заводами, и их не тянуло бы к земле, и тогда не было бы такой жажды земли, что мы фактически наблюдаем в Соединенных Штатах, где землю дают, но люди ее не берут; жизнь рабочего там, благодаря развитию промышленности профессиональных организаций, куда привлекательнее, чем жизнь на ферме.

Если бы ранее, при старом режиме, у нас не стеснялось образование профессиональных союзов, то наш рабочий окунулся бы в опыт деловой жизни. Профессиональные союзы за границей прекрасно ознакомлены с конъюнктурой рынка, с условиями своего производства, у них в секретариатах все страны увешаны графиками, изображающими движение экономической жизни, и это создает там трезвое отношение всех рабочих к своим собственным пожеланиям.

У нас же трудящиеся оторваны были от реальной жизни, и когда окружающая жизнь очень неприветлива, люди уходят в фантазии и утопии, верят в них, и естественно, при этих условиях они могут предъявлять требования, которых реальная жизнь не оправдывает. Опять это не создавало задерживающих центров и в трудящихся массах.

Среди крестьян у нас мало были развиты сельскохозяйственные союзы, и поднятие сельскохозяйственной культуры, как корректив малоземелья, не успело войти в сознание крестьян, и опять, следовательно, здесь нет задерживающих центров.

Далее, наш народный учитель голоден и холоден, он наиболее бедный из наших пролетариев, и, конечно, существующий строй в нем может найти только ярую критику, и едва ли он может внести успокоение в существующее положение вещей.

Наше духовенство по своему экономическому и общественному положению напоминает духовенство Франции XVIII века: пришибленное, голодное и холодное.

<...>

С одной стороны, много всколыхнувшихся задержанных пожеланий и вполне справедливых, с другой стороны, как это обычно бывает, когда эти желания надолго были задержаны, они перегибаются и становятся нередко чрезмерными, и в то же время нет сдерживающего начала.

Представьте себе, что вспыхнула бы революция в Англии или Германии, но там мы видим не распыленного рабочего и организованного в прочных союзах, хорошо знакомого с условиями действительности, и он предъявил бы там в настоящее время требования осуществления 8-часового рабочего дня. В Англии в настоящее время в сильной степени приостановлено фабричное законодательство, охраняющее рабочего и регламентирующее труд; там практическая жизнь была прекрасным учителем рабочего и сумела сделать свое дело, мы же расплачиваемся за прошлое. Там духовенство и народный учитель не те пролетарии, как у нас, и их здравый голос стал бы раздаваться в пылу революции. В Германии профессора высших учебных заведений участвуют в практической жизни, и эту привычку они делают и учащимся, у нас же участие в правилах практической жизни является самым великим смертным грехом.

Автор этих строк сам был весьма хорошим человеком, по мнению многих, пока не захотел учиться практически и не решил-ся соединить теорию с практикой, и между тем разве профессор медицины может быть хорошим наставником обучающегося поколения, если он практически сам не занимается своим делом.

Самое общество, и в Англии, и в Германии, прекрасно понимает значение промышленности и может оценить, может ли эта последняя удовлетворить те требования, которые к ней предъявляются.

Итак, там жизнь имеет известные задерживающие центры, и это чрезвычайно важно.

Там более подготовлены к введению 8-часового рабочего дня, так как нет там той ленивой психологии, которая имеет место у нас. Но и там в настоящее время отказались от сокращения рабочего времени и удлиняют его. В этом видна та школа, которую прошел там рабочий при посредстве своих рабочих организаций. Да, мы должны приложить все усилия, чтобы ввести жизнь в должное русло.

В настоящее время самая важная наша задача — справиться с нашим внешним врагом, не расколотся самим, поддержать среди нас и должное воодушевление.

Мы вступили в «Новую Россию», но по русской привычке мы хотим все вопросы разрешить за раз.

Недаром немцы всегда удивлялись русским, приезжающим учиться за границу. Русский не изучает какой-нибудь один предмет, а изучает все сразу, и от этого получается то, что мы не успеваем ничего хорошо сделать. Самый любимый предмет у русского студента — социология.

В настоящее время прежде всего нам нужно укрепить основы политической свободы у нас, я бы сказал, фигурально выражаясь, нужно сделать столь крепкими и упругими стенки котла, в котором будет протекать наша политическая жизнь, чтобы эти страсти могли здесь бурлить и кипеть, и в то же время котел выдерживал бы это давление.

А давление будет весьма сильным. Сколько у нас задержанных потребностей.

Но надо помнить: нельзя делить шкуру еще не убитого медведя.

А ведь мы только-только вступаем в новую полосу нашей жизни, и в настоящее время каждый должен стоять на своем посту и по долгу совести закреплять этот строй, тщательно отстраняя все то, что может его ослаблять.

Надо окончить одно дело политического устройства России, а затем приниматься за устройство нашего нового бытия с социальной стороны, иначе, я боюсь, вплетение социальных мотивов в настоящий момент может сильно повредить упрочению того фундамента, на котором должна покоиться «Новая Россия».

Автор этих строк — сторонник принудительного отчуждения земли, о чем он писал в своей книжке «Земельный вопрос в России» еще в 1906 г., но я боюсь, что поднятие этого вопроса сейчас и практическое его разрешение может расколоть те силы, на которые опирается новый строй. В 1906 г., когда поднимался этот вопрос, многие поправили и перешли в другие группы, а в настоящее время нам нужно прежде всего единство.

С другой стороны, установление хотя бы 8-часового рабочего дня в настоящее время, установление, я имею в виду фактическое, неосуществимо: враг очень силен, и мы должны на прячь все усилия, чтобы его сломить, а для этого нужно, чтобы все наши фабрики и заводы работали возможно больше, и притом не только работающие непосредственно на оборону, так как нам нельзя расстраивать тыла.

Поднятие аграрного вопроса в настоящее время, его выдвижение на первую очередь, может поселить чрезвычайно опасное беспокойство среди землевладельцев, а это поведет к сокращению засева полей, и, следовательно, мы на будущий год станем перед голодом, а голод — ужасный бунтарь, беспринципный, и его трудно будет обуздать.

Поэтому и в настоящее время наша задача — сдерживать временно поток социальных требований.

Повторяю, это я говорю, будучи сам сторонником принудительного отчуждения земли и проведения 8-часового рабочего дня, установления участия рабочих в прибылях предприятия и т. д.

Но, повторяю, сейчас затрагивать эти интересы очень опасно. Это может разбить нужное нам в настоящее время вооду-

шевление, и мы опять останемся с разбитым корытом, как это было в 1905 г.

Я понимаю всю справедливость этих требований, но представляю себе, каково положение солдата — земледельца, сидящего с винтовкой в окопе, что он может думать: я сижу, descansar, здесь, а там без меня решается этот насущный для меня вопрос. Разве он будет обладать должным спокойствием, чтобы бороться с врагом, противостоять его натиску? Нет, это понизит его воодушевление.

А что может думать сидящий в окопах, если он знает, что рабочий не желает работать более 8 часов в сутки, и он, солдат, вследствие этого может остаться без снарядов и заплатить за это, быть может, своей кровью. Это может вызывать чрезвычайные последствиями рознь интересов.

Защитники восьмичасового рабочего дня говорят, что это не отразится на производительности труда, так как можно работать в три смены.

Но у нас не хватит людей, особенно в настоящее время. Я понимаю требование повышения заработной платы, но и то в каждом отдельном случае представители трудящихся должны были бы осведомляться, приемлемо ли для предприятия требуемое повышение заработной платы.

Надо, кроме того, иметь еще и то в виду, что дивидендные бумаги многих предприятий далеко не находятся в руках первоначальных основателей того или другого дела, а перешли в другие руки, и притом по повышенным ценам, и, следовательно, всякое колебание их дивидендов, выходящих из разумной границы, может отпугнуть от приобретения этих бумаг, а это лишит на будущее время промышленность притока в нее средств, а нельзя не памятовать, что выращивание нами своей собственной промышленности — одна из первейших задач времени...

Сверх того, установление рабочего дня при культурном уровне нашего рабочего не поднимет производительности труда, это поведет к еще большей дороговизне и тяжело отразится на крестьянских массах и лицах либеральных профессий, а также и самих рабочих, так как массу предметов им придется приобретать, и это, я боюсь, может углубить или создать

раскол между крестьянами и рабочими массами, а это чревато большими последствиями; таких расколов, особенно в настоящее время, тщательно надо избегать...

Вот почему настоящий момент не время перестройки социального строя, мы должны жить как бы в бивуаках, в старых, покосившихся, сгнивших строениях, отложив перестройку до момента после войны.

Конечно, наша задача в настоящее время вырабатывать эти планы и перестройки, чтобы, когда придут наши братья, сидящие в окопах, им могла бы быть предложена для обсуждения уже подготовленная работа, но в настоящее время мы должны слиться в одной идее, самой энергичной работе по отражению врага.

В самом деле, если неприятель прорвет наш фронт с суши или с моря, то всем нашим свободам может быть положен конец, и улыбнувшаяся нам весна будет чрезвычайно короткой, а это движение будет всего лишь пустоцветом.

Я понимаю тот факт, что в настоящее время сразу пробудилось столько социальных требований: слишком задерживалось удовлетворение насущных нужд населения, но народ, сбросивший с себя одежду ребенка и сразу облачившийся к тогу взрослого мужа, должен обладать известной выдержкой, обнаружить и соответствующий характер.

НА КРАЮ ГИБЕЛИ

Надо посмотреть открытыми глазами на то, что у нас делается сейчас: в стране — анархия, в некоторых местностях горят города, сжигают усадьбы, творят бесчинства на фабриках и заводах, страна в анархии.

Люди, сидевшие так долго во тьме, ослеплены блеском свободы, и трудящиеся предъявляют прямо невыполнимые требования, и экономическая жизнь может остановиться, вагоны и паровозы износились, все более и более затрудняется подвоз продовольственных грузов к городам, сырья к фабрикам.

Отдельные единицы распылены, и даже не видно тех сил, около которых могла бы начаться кристаллизация новой жизни, не видно цементирующих сил.

И в этом вина старого режима: у нас нет консервирующих, в лучшем смысле этого слова, связей с промышленностью, и эта связь могла образоваться на почве допущения акций мелкой купюры. У нас старый режим всеми мерами противился этому, и потому задача поддержания здорового экономического организма нам не под силу, она непонятна.

Мы жили во тьме, под кнутом, и потому нет у нас дисциплины, покоящейся на разумном понимании нами своего долга.

С нас, как с бочки, сняли грубый заржавленный обод, и отдельные доски рассыпаются, и в этом — великая опасность: чем меньше будет у нас сейчас дисциплины, тем больше анархия, тем мы ближе будем опять к реакции. Можно опасаться междоусобной войны на этой почве; вследствие разрухи промышленности и падения нашего рубля цены на предметы, нужные нашей деревне, будут расти и расти, и это будет естественно вызывать реакцию в душе у многих; людям надоест анархия.

Мы в настоящее время все говорим о демократии, о свободах, но надо быть достойным ее, надо суметь сочетать свой собственный интерес с интересами других, и этим проникнуться должны все классы и группы нашего населения.

Уже теперь говорят о возможности закрытия некоторых фабрик и заводов, а между тем в развитии промышленности лежит залог оздоровления нашего бюджета. Не надо скрывать от себя, что мы стоим перед полным банкротством; выпуски кредитных билетов в народное обращение растут и растут, все каналы заполнены ими, особенно в настоящее время, с ростом заработной платы и разного рода вознаграждений, выкачать их из обращений путем займов не удастся, путем обложения также едва ли удастся; конечно, можно жестоко обложить промышленность, но здесь, с выкачиванием кредитных билетов, можно будет убить и самую промышленность, а тогда — нам гибель.

У нас многие группы в настоящее время проходят школу ничегонеделания, войны мы не ведем, а сидим в окопах, ничего не делая, и тем самым размножаем микробы ленивой психологии, и этими микробами будем потом заражать всю Россию. Мы и так-то не склонны были к работе, у нас не было чувства долга, а теперь совсем отучимся от работы.

Если нам не удастся восстановить дисциплины в армии, то мир может быть тогда заключен союзниками за наш счет, нам могут быть навязаны убийственные для нас торговые договоры, и Россия может быть расчленена, даже взята в опеку для восстановления в ней порядка, так как наши кредиторы заинтересованы в том, чтобы мы платили по нашим обязательствам, они заинтересованы в том, чтобы у нас был порядок, так как они принимают участие в промышленной жизни страны, и затем всякая анархия является заразительной, это то же, что холера в какой-нибудь стране; другие страны вынуждены ограждать себя карантином или сами принимают меры для борьбы с нею.

Повторяю, если мы не восстановим у себя дисциплины, то вот что произойдет у нас в момент демобилизации: целые толпы из действующей армии устремятся к себе, без всякого порядка, на железных дорогах будут твориться беспорядки, железнодорожное движение прекратится, большие центры останутся без продовольствия вследствие невозможности подвоза, начнется форменный голод, фабрики и заводы остановятся из-за невозможности подвоза сырья и топлива, голодные люди, возвращающиеся из действующей армии, на путь будут искать куска хлеба, и пойдет повальное уничтожение и истребление имущества целых селений и городов.

Надо это иметь в виду, и надо заблаговременно принять все меры, чтобы этого не произошло.

Нам самим у себя надо завести порядок, иначе опять дело кончится тем, чем начиналась наша история — призыванием варягов, которые бы водворили у нас порядок.

Я повторяю, что другие страны будут кровно заинтересованы водворением у нас порядка.

Мы сейчас поступаем как варвары, не дорожа нашими ценностями, развитием производительных сил страны, надо понять, что поднятие производительных сил — величайшая задача государственной важности.

И прежде всего мы должны установить у себя какой бы то ни было порядок, какую бы то ни было власть. Существующая у нас власть — часто декоративная, и в России гуляет анархия, бывшие каторжане, и на них нет управы.

При старом режиме говорили, что у нас нет власти, а где она теперь?

Старый режим обвиняли в том, что он рекрутирует себе сотрудников лишь из своих собственных рядов, а теперь не то же ли самое?

Где же спасение?

Да, пока не видно большой силы, около которой могла бы начаться кристаллизация отдельных распыленных элементов. А время не терпит.

Нельзя не заметить, что чувство безответственности, безнаказанности все более и более входит в плоть и кровь каждого из нас.

Еще многие это недостаточно поняли, а что будет, какая разнужданность может наступить, когда люди сознают свою полную безнаказанность, безответственность.

Да, мы на краю гибели, и все благоразумные элементы должны понять это и объединиться, и по мере сил, словом и делом, содействовать тому, чтобы восстановить у нас порядок, дисциплину.

Путь к социальному миру

Американский рабочий часть своих свободных средств помещает в дивидендные бумаги, особенно тех предприятий, в которых он сам работает. Этим самым он связывает себя с предприятием, с его судьбами, и в некоторых предприятиях чрезвычайно большой процент рабочих является акционерами данного предприятия.

Рабочие, являясь акционерами предприятия, стремятся поднять производительность своего труда. Это их заинтересовывает кровно в успешности производства и создает среди них атмосферу, благоприятную для промышленности.

Распространению акций среди рабочих там содействует и существование мелкой купюры акций (10 шиллингов и менее), и это уничтожает ту пропасть, которая существует у нас между представителями капитала и труда. При приобщении рабочих к участию в капитале предприятия это перебрасывает мост между капиталом и трудом.

Американские предприниматели охотно идут навстречу рабочим и в этом отношении и предоставляют часть акций в распоряжение служащих и рабочих; в видах социального мира у нас, по-видимому, на этот путь в настоящее время вступает Восточное общество товарных складов, с разбивкой прежней 100-рублевой купюры этих акций на более мелкую 25-рублевую.

В этом сказывается здравый смысл американского предпринимателя, который хочет спаять в одно целое служащих и рабочих предприятий, и там эти последние кровно заинтересованы в успешности предприятий: рабочий, который сидит у станка, если ему приходит в голову какая-нибудь счастливая, а иногда очень простая мысль о поднятии производительности труда, о получении лучших результатов своей работы, считает долгом тотчас же сообщить об этом в правление, и правление, конечно, вознаграждает его, и нередко вчерашний рабочий становится сегодня директором предприятия. Вот эти широкие перспективы, легкость перехода от положения рабочего на положение директора правления, окрыляют рабочего в его монотонной жизни, побуждая его прилагать все свои силы к улучшению положения дел общества.

И надо нам вступить на эту дорогу. Я уже упомянул, что одно общество подало этот благой пример. Надо, чтобы трудящиеся откликнулись на это. Это они могут сделать именно в настоящее время, когда заработная плата сильно повышена, и, следовательно, часть ее они могут обратить на указанную цель. И это выгодно во всех отношениях для наших рабочих: в настоящее время рубль падает в цене, а фабрики и заводы (машины и их оборудование) должны увеличиваться в цене, и, следовательно, акция, которая теперь стоит 100 рублей, должна будет стоить в будущем значительно больше, когда окончится наша экономическая разруха, и жизнь войдет в нормальную колею.

Попробуйте построить теперь новую фабрику или завод, во сколько дороже они обойдутся, и, следовательно, цена всех старых фабрик и заводов должна подняться, и лица, обладающие сбережением, должны их помещать в дивидендные бумаги, и рабочие, пользуясь повышением заработной платы в настоящее время, при общем расстройстве экономической жизни,

когда акции многих предприятий упали в цене, могут и должны начать приобретать эти акции, и они могут становиться постепенно собственниками этих предприятий, и во всяком случае в недалеком будущем могут получить право голоса в управлении предприятиями.

Итак, трудящиеся могут сделаться владельцами тех предприятий, в которых они работают, и этот путь — самый верный. В самом деле, надеяться на отобрание фабрик и заводов бесплатно совершенно невозможно, так как у нас много акций находятся в руках иностранцев, а затем вообще бесплатное отобрание предприятий недопустимо.

Капиталисты обычно считали тяжелые времена, переживаемые промышленностью, самым благоприятным временем для посева капиталов, и они в такие моменты скупают акции разного рода предприятий и затем обогащаются, когда наступают лучшие времена, и акции поднимаются в цене.

Пусть же в настоящее время рабочие последуют этому примеру, они обладают теперь бумажными деньгами, лучшего способа использовать бумажки, как приобрести на них дивидендные бумаги, нет.

Итак, пусть же наши трудящиеся подумают об этом, и вместо того, чтобы витать в облаках, жить среди грез и фантазий, пусть они спустятся на землю и возьмутся практически за дело осуществления своих заветных пожеланий сделаться собственниками тех предприятий, в которых они работают.

Пусть же вдумаются они в это, ведь акции можно приобретать с рассрочкой. Я думаю, что правления некоторых предприятий охотно вступят на этот испытанный в Соединенных Штатах путь, в интересах упрочения у нас социального мира.

Когда рабочие будут становиться собственниками предприятий, они будут принимать участие в управлении предприятиями, включая от себя определенных лиц в состав правления, и тем самым контролируя и заправляя деятельность обществ и несомненно финансовые результаты обществ будут улучшаться.

Да, нам нужно сделать нашей промышленности американскую прививку. И этого требуют интересы поднятия производительных сил России. Пусть рабочий эту мысль заронит

в головы своих товарищей и образует дружную рать на выкуп предприятий в свои руки. И русская промышленность поднимется, экономическое положение русских рабочих значительно улучшится. К тому же стоять у станка станет веселее: трудящийся будет знать, что он работает в своем собственном деле, и это откроет новые страницы в истории нашей промышленности.

Если посмотреть протоколы общих собраний, то мы увидим, каким небольшим сравнительно количеством акций держатся в руках те или другие предприятия; так называемые контрольные пакеты составляют нередко не более одной пятой или одной шестой и даже менее всего капитала и, следовательно, если трудящиеся проникнутся этой трезвой мыслью, то легко в настоящее время могут собрать в свои руки такие пакеты. В самом деле, на заводах рабочих по несколько тысяч, а то и свыше десятка тысяч; если каждый из них приобретет по одной или две акции, то это уже может составить нередко такой пакет акций, обладая которым, можно управлять заводом. И это положит основание для реальной политики.

ЗАДАЧИ МОМЕНТА

Да, мы вступили в новый строй, в «Новую Россию».

Старой России не доставало прежде всего творчества. Всем было тесно, душно, и люди ходили, как будто постоянно они кого-то хоронили.

Они хоронили свои лучшие мысли и думы.

Как будто страшная египетская казнь постоянно совершалась над ними: избиение первенцев, наших начинаний.

Сколько творческой энергии гибло, не находило отклика.

В настоящее время открылась свобода творчеству.

Но старый режим, убивая творчество, не прошел бесследно для нашей творческой энергии: она замерзла, она впала в летаргию, и теперь надо ее оживить и воскресить.

И надо вести самую широкую пропаганду в этом смысле.

Если прежде эта пропаганда была, так сказать, академической, то теперь она может дать реальные плоды.

И надо разжечь это угасавшее в нашей душе экономическое творчество.

В самом деле, мы даже представить себе не можем с трудом, какие тяготы упадут на наши плечи после войны, и все наше спасение в пробуждении и использовании наших богатств.

На мой взгляд, следовало бы теперь же мобилизовать всех учащихся в наших высших школах, организовав для них особые курсы и познакомить их с государственным правом, аграрным вопросом, нашими экономическими задачами, задачами школы в данный момент, и пусть летом-осенью они разбредутся по всем уголкам России и читают там лекции, но, конечно, надо, чтобы эти лекторы сами усвоили хорошо, что они будут преподносить населению.

Они должны показать относительную ценность разных форм государственного устройства, познакомить с системой выборов и т. д.

Они должны развернуть картину аграрного вопроса у нас, показать и малую урожайность наших полей, и наше малоземелье (конечно, относительное), и выяснить, как применяется принцип принудительного отчуждения, в каких размерах возможно его применение у нас.

Важнее всего, чтобы эти лекторы пробудили жажду творчества в классах населения, разбудили бы в них священный огонь творчества, дух искания.

Можно было бы для пропаганды прибегнуть к графикам: показать графически нашу меньшую урожайность и причины этого (малое удобрение полей), и это отчасти давало бы ответ, почему у нас нет хлеба.

Можно было бы изобразить себестоимость разного рода товаров сравнительно с Западом и особенно Америкой, и отсюда ясно было бы, чтобы ввести у нас 8-часовой рабочий день, надо принять и производительность труда нашего рабочего.

Можно было бы показать производительность труда работы у нас и в Западной Европе.

Я исхожу из той мысли, что введение 8-часового рабочего дня налагает обязанности и на рабочих поднятия производительности своего труда, и надо всячески им отрешиться от привычной ленивой психологии.

Можно было бы сделать плакаты и картины с такими рисунками, пустить их в население большими массами, затем пропустить их через кинематографы.

Надо использовать все пути и средства, чтобы провести в население здоровые идеи, основанные на фактах действительности. Надо немедленно же составить книжки и издать небольшие библиотеки по основным вопросам государственного права, экономики и финансам (развитие промышленности, земельный вопрос и т. д.) для народных учителей, сельских священников, учащихся средних школ, солдат, и это надо сделать быстро и тотчас же распространять эти книжки возможно шире среди населения.

Тогда народный учитель и священник явятся хорошими пропагандистами среди населения.

Эти книжки следует снабдить иллюстрациями, написать их ярко, красочно, живо.

На мой взгляд, для войсковых гарнизонов, стоящих в разных городах, теперь следовало бы организовать разного рода чтения, курсы по прикладной экономике, по вопросам государственного права, это расширило бы кругозор наших воинов, а теперь мозг человека находится как бы в расплавленном состоянии, и что в него погрузить, то и останется в нем надолго, этим моментом надо пользоваться.

В настоящее время нужно образовать местные комитеты на местах, которые бы повели пропаганду идеи правильного экономического развития России.

¹ Печатается по: *Озеров И.Х. Куда мы идем?* Петроград: Свободный народ, 1917. С. 3–16.

И. Х. Озеров

Разгром нашей экономической жизни¹

РАЗГРОМ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ

Чтобы управлять страной, нужно прежде всего обладать широким кругозором и большой силой воли. Правительство не должно походить на монаха — созерцателя жизни, в распоряжении которого есть только слово — проповедь, нет, здесь нужно иметь мужество, когда нужно, опереться на меч, и кто отказывается от этого, тот не правитель. Журналист, отказывающийся от слова, — не журналист, артист, отказывающийся от игры, — не артист.

В настоящее время мы присутствуем при каком-то невиданном зрелище, мы видим правительство неправящее — оно прежде всего стремится быть приятным для всех.

Оно — лебедь, рак и щука, и все члены его тянут в разные стороны, и естественно, что в современном сложном государственном организме это может повести и приведет к весьма тяжелым последствиям.

Ни у правительства, ни у отдельных лиц не находится достаточно мужества, чтобы крикнуть властно на тех, кто производит сейчас разрушительную работу у нас, а эта работа делает свое злое дело с большим успехом.

К сожалению, при старом режиме у нас так все сгнило, что не было места выращивать людей сильных и властных, мы культивировали вокруг себя зайцев, и мудрые зайцы сидят и теперь за кустами, а на арене у нас нередко слепые кроты, или если и зрячие, то безвольные люди.

Посмотрите только, кого у нас выставляют разные группы кандидатами на ответственные посты, по делам мы можем судить тех, которые к счастью уже ушли, но и деяния тех, которые на их места придут, больно нас, можно думать, ударят.

И это главным образом объясняется тем, что люди, которые участвовали творчески при старом режиме, должны были идти на разного рода компромиссы, иначе невозможно было творчество, а так называемые чистые люди, это — те, которые стояли за бортом жизни. Да, быть может они сохранили белизну своих одежд, но зато у них никакого жизненного опыта, и они долго будут учиться на нашей спине.

Я считаю большой ошибкой настоящего момента, что у нас не призывают к работе людей практики. Ведь все равно, рано или поздно, а жизнь заставит к ним пойти на поклон, но их призовут только после тяжелых уроков, которые жизнь нам преподнесет, после той разрухи, которую нам придется пережить.

Тогда все от мала до велика увидят, что нельзя словами создавать (мы не Боги, и эти иллюзии новые люди должны оставить), что нельзя без жизненного опыта и знаний создавать новые формы жизни.

Тернистая дорога приведет нас к этому сознанию, но только спрашивается, что к тому времени останется от нашей экономической жизни, ведь за это время мы успеем разрушить добрую часть того, что, как могли, наши деды и отцы веками создавали.

Когда голод подойдет вплотную к каждому, и когда холод своим холодным дыханием будет сдвигать всех нас, тогда мы будем судорожно метаться из стороны в сторону.

Теперь, к сожалению, некоторых опьяняют якобы успехи, достигнутые в области социальных отношений (поднятие заработной платы, участие в установлении условий труда и т. п.), но ведь все это мишура, это увеличенное количество бумажек, которое многие получают, ничто, если количество реальных ценностей будет уменьшаться, а это-то последнее обстоятельство и имеет в настоящее время место.

Экономика — фундамент общественной и политической жизни.

А между тем мы идем к полному разгрому этого фундамента.

Средства у многих предприятий уже вычерпаны рабочими, остальное вычерпает фиск своими высокими налоговыми ставками, и промышленность будет разгромлена. Железные дороги скоро не в состоянии будут подвозить топливо, во многих

больших центрах не будет пропитания, и тогда заговорит своим языком «голодный желудок», и этот безумный, озлобленный язык пронесется по стране как ураган, все сметающий, все губящий.

И будем мы снова с разбитым корытом. Наша «демократия» повинна в этом. Нельзя одновременно совершать и политическую революцию, и социальную, и вести войну...

Нужно было отказаться на время от социальной переустройства, как автор этих строк с самого начала революции и говорил, «иначе она нас расколет». Так и произошло.

Нельзя, конечно, очень винить нашу молодую демократию. Что с нее спрашивать?

Это люди, которые сидели во тьме, не знали реальной жизни, не знали развития промышленности, их головы и мозги были в плену у грез и фантазий, и когда яркий свет упал на них, он их ослепил, и они стали брыкаться туда и сюда, и этим они разрушили нашу экономическую жизнь. Для меня вне всякого сомнения, что у нас скоро настанет в буквальном смысле этого слова голод во многих местностях России, деревни не будут кормить наших городов, просто потому что она за кредитки ничего не будет продавать, видя, что она сама на эти кредитки ничего купить не может.

Помещичье хозяйство будет разрушено вконец, поля останутся незасеянными.

Промышленность остановится и улицы будут кишеть безработными, молящими о куске хлеба, и тогда-то настанет то самое ужасное, что нас перевернет совсем, переделает наш мозг, мы, получив тяжкий предметный урок, увидим, что нельзя, будучи внизу лестницы, сразу очутиться на ее вершине, таким путем можно только сломать себе шею.

И тяжелая расплата будет за эту разруху.

Мы в буквальном смысле — дети, и не понимаем того, что происходит перед нами.

Демагоги же играют на низких струнах толпы, потакают ей.

Леденящий ужас охватывает душу, когда умственным взором хочешь проникнуть в грядущее будущее...

Пожалуй, счастливы те, кто спит могильным сном на кладбище, и теперь мысль примиряется со смертью любимых лю-

дей, которые ушли от нас, и смерть коих мы горько тогда оплакивали, смерть избавила их от тех переживаний, которые нам предстоят.

Голод и холод могут сильно оттолкнуть маятник нашей общественной и политической жизни вправо, и чтобы этого не было, мы должны были бы неотложно просить, умолять теперь всех, от кого это зависит, охранять нашу экономическую жизнь от разрухи, спаять армию воедино.

Мы ведь стоим перед гражданской войной, перед распадом России, перед ее превращением в колонию других стран, и будем мы данниками этих последних надолго.

Правда, естественные ресурсы России огромны, и разработка их крайне необходима в интересах других стран, и вот потому-то, раз мы сами этих богатств не умели эксплуатировать, нас могут взять в опеку.

Так и хочется крикнуть безумцам — разрушителям военной и экономической мощи России: «Вы вьете веревку на свою шею. Вы сами испугаетесь дела ваших рук, когда увидите, к чему это приведет».

Откажитесь от вашего злого дела и примитесь за организационную работу.

ТРОЯНОВ КОНЬ¹¹

Сейчас выдвинут вопрос о нормировке прибыли промышленных предприятий. Правда, лишь на время войны.

Но мы знаем, что эта оговорка значит. Если нормировка будет установлена, то она останется и после войны.

Но я хочу сейчас поговорить по существу вопроса.

Можно обложить предприятие очень высоко, но нормировать прибыль у нас нельзя, и вот почему: при обложении, даже высоком, у руководителей дела сохраняется интерес вести дело коммерчески лучше, так как все-таки известная доля этой прибыли, при всяком обложении, останется владельцу предприятий.

При нормировке же прибыли мы создаем премию на безхозяйственность, руководители дела, раз будут знать, что они выработали установленный процент прибыли, склонны будут

почить на лаврах, не будут стремиться приобретать материалов возможно лучше и т. д. И мы нашу промышленность направим тогда в русло наших казенных горных заводов, работающих с убытком и у которых нет никакого стимула вести дела хозяйственно.

Финансовая же политика должна быть и орудием воспитания промышленности, а не только грубым способом получения средств для казны.

Руководители дела будут вероятно иногда даже склонны закрывать свой завод после выработки узаконенного процента (конечно, под тем или другим предлогом — ведь все равно выработать больший процент прибыльности нельзя, а проработать его можно, притом могут быть во время работы завода всякого рода случайности).

Такой нормировкой дивидендов предприятий мы искусственно будем прививать микробы бесхозяйственности нашим предприятиям, привьем легкое отношение руководителям в ведении дела.

Нам надо всячески развивать у себя промышленность — ведь в ней и в поднятии производительных сил нашей родины лежит питание нашего бюджета.

Нормировкой же прибыли мы задержим развитие промышленности у нас, для развития ее надо индустриализировать нашу психологию, т. е. привить населению привычку держать дивидендные бумаги. До сих пор никто не думал о нормировке дивидендов у нас, и приобретали бумаги иногда по высоким ценам, а нормировкой этих смельчаков ударят обухом по голове, чтобы и неповадно было ходить в русскую промышленность.

Да, быть может этим заставят кое-кого понести свои средства в государственные займы, но ущерб, нанесенный развитию нашей промышленности, будет огромным.

Этот проект — троянов конь нашей промышленности, и меня удивляет, как у руководителей нашей экономической политики он мог созреть в голове.

Я понимаю, если бы немцы нам его навязывали, — лучшего средства расшатать нашу промышленность не найти.

Германия, стремясь сохранить и развить свою промышленность, не огоршит таким проектом свою промышлен-

ность, это мы — адепты философии нищеты — могли выдумать.

Публика отшатнется от новых выпусков предприятий, и наша промышленность останется без питания, а как же она будет демобилизоваться после войны?

Ведь для этого потребуются крупные средства, и промышленность теперь должна успеть обрасти жиром и мясом, а у нас, когда война кончится, и она встанет лицом к лицу с международной конкуренцией, наша промышленность будет из себя представлять кожу да кости, и на такой промышленности мы далеко не уедем.

У нас разрушают сельское хозяйство (твердыми ценами), теперь хотят оседлать пролетарского коня и раздавить промышленность.

Нельзя не считаться с тем, что мы живем пока еще при капиталистическом строе, а у нас, по-видимому, биржу начинают считать аморальным учреждением, но без нее мы пока не можем обойтись...

Не можем все мы при существующих условиях превратиться в монахов.

В Евангелии говорится: «Посмотрите на птиц небесных, они не сеют и не жнут, а Господь их питает».

Но примите же это буквально хотя бы к нашей армии — не заботиться о пище для нее, что из этого выйдет?

Условий реальной жизни мы не должны упускать из вида.

Нормировкой дивидендов хотят бороться с дороговизной — но прежде всего здесь вместе с водой выбросят и ребенка, а затем не фабричные и заводские цены; зачастую очень высокие, а дороговизна нередко зависит от мелочной торговли (сахар и т. д.).

Дороговизна главным образом зависит от падения рубля.

Увеличение содержания разным категориям лиц поведет к еще большему подъему цен, так как эти деньги будут гуляющими, они пойдут на рынок и предъявят спрос на разного рода товары, и от того эти последние еще более поднимутся в цене.

Нет, облагайте промышленность, но не конфискуйте всей ее прибыли, этим вы выроете могилу нашей промышленно-

сти и поставите крест над задачей поднятия производительных сил России.

Тогда, конечно, уже не только никакие иностранные капиталы к нам не придут, но и наши-то от нас уйдут.

И мы останемся с разбитым корытом...

ПОКУШЕНИЕ НА УБИЙСТВО НАШЕЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Все наше спасение — в развитии производительных сил нашей родины.

Эта фраза навязла в зубах, но, к сожалению, мы не раскрываем рта, а поступаем совершенно обратно.

Так, для развития производительных сил страны нам нужен приток иностранных капиталов, но при той организации, которая имеет место у нас в настоящее время, иностранные капиталы к нам не пойдут.

У нас теперь навис тяжелый дамоклов меч над всей нашей промышленностью.

Требования, предъявляемые рабочими, нередко чрезмерны, и промышленность их не может удовлетворить без весьма опасного для себя ущерба.

Повышение заработной платы и сокращение рабочего времени должно идти нога в ногу с повышением производительности труда, с нарастанием чувства долга работать.

У нас этого сознания даже и среди нашей интеллигенции нет, и это ставит нашу промышленность в весьма тяжелое положение.

Я боюсь, что наша промышленность из этого конфликта выйдет обессиленной, она не успеет обрасти мясом, чтобы встретить должным образом свою демобилизацию.

Для демобилизации потребуются очень крупные средства, а если мы теперь еще напугаем нашего держателя дивидендных бумаг, и без того у нас всегда пугливого, и оттолкнем его от покупки их в будущем, то мы лишим нашу промышленность питательных соков, и она начнет хиреть.

Я боюсь, что чрезмерное обложение промышленных предприятий — яд для промышленности, это опять старая политика

эффекта; кое-кого заставить покупать твердо-процентные бумаги, но этим можно убить нашу промышленность, а уж задержать темп ее развития — вне всякого сомнения.

Во всяком случае, как и при борьбе с дороговизной, чрезмерное обложение может иметь лишь отрицательное значение.

У нас столько кредитных билетов в обращении, и инфляция страны ими все будет продолжаться; посмотрите хотя бы на рост заработной платы за последнее время: все эти кредитные билеты пойдут на базар и будут предлагать себя в обмен за мясо, муку, яйца, сукно и т. д., и, следовательно, цены на товары должны будут расти, а цена кредитных билетов должна будет падать, и в этом лежит причина все растущей у нас дороговизны.

Но кроме того, с точки зрения производства такое обложение поразит параличом нашу промышленность: творческая деятельность у нас прекратится, люди перестанут улучшать предприятия.

Америка обязана дешевизной своих товаров так называемой комбинированной промышленности, это значит, например, когда бумажная фабрика приобретает свой лес и устраивает целлюлозную фабрику, то этим самым она удешевляет свое производство.

Металлургические заводы, приобретая для себя рудники, каменноугольные копи, опять удешевляют свои производства.

Но зачем же предприниматель будет теперь это делать, если он не в состоянии будет пользоваться плодами своего труда, и, я повторяю, творчество умрет.

Кроме того, и комбинированные-то предприятия будут у нас распадаться; будет выгодно расчленять предприятия на отдельные части, и из этих частей составлять отдельные предприятия, увеличивать расценку выделяемого имущества; так, писчебумажная фабрика выделит свой лес в отдельное предприятие и акции передаст держателям прежних акций, и этим самым она может уклониться от чрезмерного обложения, следовательно, мы пойдем вспять в построении нашей промышленности.

Опять поднимается вопрос о нормировке прибыли, теперь, впрочем, только табачных предприятий. Нормировать хотят в размере 8–10%.

Но на что будут исчисляться эти 8–10% нормированной прибыли—на основной капитал, на все капиталы, работающие в данном предприятии (т. е. основной капитал, запасный разного наименования и другие капиталы), или на выпускную цену акции?

За последнее время министерство финансов, устанавливая выпускную цену, определяло ее, капитализируя дивиденд предприятий из 10%, след[овательно], выпускная цена акции могла быть тогда значительно выше номинальных акций и соответствующая доля запасного капитала, причитающегося на каждую акцию.

Тогда такая нормировка опять явится почти незаслуженным наказанием для приобретателей акций новых выпусков.

В общем, и мне представляются подобные проекты плодом недомыслия, как выразился М. И. Туган-Барановский в Обществе финансовых реформ.

Идея общего нормирования прибыли идет от московских промышленников.

Но есть большая разница между ними и другими держателями бумаг. Бумаги московских текстильщиков на бирже не обращаются, и для них нормировка прибыли есть лишь лишение малой доли прибыли, притом обычно они высоких дивидендов не дают, а скрыто увеличивают активы своих предприятий.

Для держателей же дивидендных бумаг такое чрезмерное обложение и нормировка прибыли равносильна их разорению, и мы в зародыше уьем первые попытки более или менее самостоятельных лиц, которые начали было помещать свои средства у нас в дивидендные бумаги.

И мы останемся тогда без промышленности.

Для иностранного капитала, чтобы он шел к нам, нужна более высокая норма прибыльности, чем этот капитал имеет у себя.

Мы иначе потеряем всякую притягательную силу, и иностранный капитал к нам не пойдет, а между тем в развитии нашей промышленности лежит ключ к питанию нашего бюджета.

ПЕРЕГРУЗКА НАЛОГОВОГО АППАРАТА

В настоящее время подняты ставки подоходного обложения до 30% и, сверх того, установлен единовременный подоходный налог в размере до 30%, и, следовательно, эти ставки могут дойти до 60%.

Если принять во внимание, что немало лиц у нас обложено военно-прибыльным налогом, ставки которого теперь повышены, то налог может поглотить почти весь доход плательщика (90%).

Но в данном случае я хочу говорить лишь о высоких ставках в подоходном обложении. В Англии эти ставки в настоящее время высоки, но не надо забывать, что подоходный налог там вошел уже в обиход, население с ним свыклось, налоговый аппарат налажен.

У нас далеко не то. Налог еще только что вводится и, как слышно, туго прививается, декларацию подают далеко не все, кто должен был ее подавать, и притом огромный процент деклараций с большими дефектами.

Подоходное обложение — весьма тонкий аппарат, и нельзя слишком на него нажимать, все равно как на спину малолетнего ребенка нельзя наложить 5-пудовую тяжесть, так и подоходный налог должен вращаться в сознание масс населения, и только тогда можно его будет использовать в должном размере.

Автор этих строк в 1905 г. настаивал на введении подоходного обложения у нас, но с весьма низкими ставками, как я тогда говорил — со статистической целью, чтобы лучше выяснить распределение у нас дохода, и низкие ставки не могли бы создавать стимула к сокрытию своего дохода.

И если бы тогда меня послушали, то в настоящее время мы располагали бы налаженным аппаратом для обложения, но, к сожалению, это тогда не было сделано, и, на мой взгляд, применение весьма высоких ставок теперь поведет только к порче этого налогового аппарата, и потому в интересах его сохранения и правильного функционирования в будущем от чрезмерного напряжения налогового винта пока здесь следует отказаться.

Что делать? Мы были слишком непредусмотрительны, мы оказались неподготовленными к войне ни в области транспор-

та, ни в области топлива, ни в области промышленности, — то же самое и в финансовом отношении.

Я боюсь, что, слишком нажимая здесь налоговый винт, мы можем деморализовать население.

Нам волей-неволей приходится расплачиваться за ошибки прошлого и обратиться, пожалуй, к косвенному обложению, поднятию обложений сахара или лучше — к введению монополии продажи сахара, и здесь казна могла бы получить весьма крупный доход.

Плательщики, подавая свои декларации, считались с известным размером ставок, и тем не менее, несмотря на сравнительно небольшие ставки обложения, весьма высокий процент не подал совсем деклараций, а те, которые подали, оказалось теперь, попали как бы в ловушку, и можно думать, что в будущем году процент лиц, подающих декларации, еще более понизится, и несомненно, что множество лиц примет меры к сокрытию своего дохода.

Жизненный опыт выработает ряд практических обходов, и это поведет к такой деморализации населения, что надежды на получение крупных средств от подоходного обложения должны будут исчезнуть.

Нельзя не^{III} забывать того обстоятельства, что в настоящее время и без того во многих местностях России налоги не поступают, и к тому же нет власти, которая могла бы принудить к этому.

Если же налоги не поступают по давно действующим законам, то тем меньше можно ожидать поступления от вновь вводимого налога, с которым публика еще не свылась, и в конце концов эти недоимки придется сложить, поставив над ними крест.

Казалось бы, есть богатый финансовый опыт в этом отношении, но для нас это книга за семью печатями.

При применении чрезмерно высоких ставок подоходного и единовременного налогов мы убьем у себя всякую инициативу: американец работает под влиянием врожденного беспокойства своего духа, в нем жажда работы уже укоренилась, у нас еще этого нет, нам нужны более низменные стимулы.

У нас делались все хозяйственные расчеты на основании известных определенных расчетов и, между прочим, известного

налогового строя, слишком же резкое изменение этого последнего вносит сюда полный хаос, и мы в настоящее время будем внедрять у себя искусственно ленивую психологию, высокие ставки у многих, пожалуй, погасят жажду работы, притом, не следует себя обманывать, эти налоги много дать не могут: так или иначе начнутся всякого рода уклонения от обложения: прежде всего сократится количество лиц, подающих декларации, предприятия будут укрывать прибыль, частная публика будет запирать свои бумаги в сейфы.

Итак, получим-то мы немного, а между тем вред, причиненный нашей промышленности, будет колоссальный.

НАДО БЫТЬ ВЫШЕ ТОЛПЫ

Представители нашего Временного правительства идут зачастую на поводу у толпы.

Они слишком чувствительны к тому, что говорит эта толпа.

Я приведу пример: нелепое прямое обложение в 90% раз-
ве не продиктовано толпой, притом главным образом большевиками? И теперь, кажется, они сами начинают понимать, что этими мерами можно только разрушить промышленность.

Установление срока Учредительного собрания на конец ноября тоже разве не сделано в угоду толпе? Всякий здравомыслящий человек скажет, что в такой краткий срок, да еще и при условии прямого, равного и тайного голосования, при наших огромных пространствах и редкости населения во многих местностях, нельзя правильно произвести выборы.

Но, однако, толпа требовала, и это пока сделали.

Представители нашего Временного правительства поощряли притязания рабочих на чрезмерное увеличение заработной платы, но ясно было, что русская промышленность этого не вынесет, и что же мы видим в настоящее время?

Кассы некоторых предприятий уже пусты, и они будут закрываться, масса будет безработных, и опять простой здравый смысл ранее уже говорил, что это движение нужно было сдерживать, но мы в угоду толпе этого не сделали...

А приказ № 1, уничтоживший дисциплину в армии и превративший нашу сильную и грозную армию в бегущую орду, разве он сделан был не в угоду толпе?

А нелепое законодательство, запрещающее земельные сделки, разве тоже оно сделано не в угоду толпе? Тем более что в нем не было и необходимости. Можно было просто сказать, что все сделки с такого-то времени не будут приниматься во внимание при проведении земельной реформы, и риск должен лежать на лицах, совершающих эти сделки. А ведь запрещением земельных сделок уничтожен сельскохозяйственный кредит, брошена искра в пороховой погреб, положено начало ликвидации помещичьего хозяйства. Мы видим, как вследствие земельных захватов у нас ликвидируются образцовые сельские хозяйства; так, в одном крупном имении, где был превосходный племенной скот, вследствие захвата лугов этот скот теперь распродается. Поля остаются незасеянными, молочное хозяйство падает, и города будут без молока, и, опять повторяю, потворства этим захватам делаются в угоду толпе.

А уничтожение всякой власти на местах — разве опять это не кость, брошенная толпе? И страна, вследствие уничтожения власти на местах, впала в анархию.

Государственное казначейство нуждается в средствах и в то же время вершители наших финансов боятся вводить косвенные налоги, так как толпа против косвенных налогов. Представители нашего правительства подчиняются толпе, идут за ней, отказываясь самостоятельно мыслить и освещать своей мыслью текущие события.

А чтобы управлять, первое правило, нужно быть выше толпы.

Здесь мне вспоминается одна старая персидская сказка.

Жил-был один имам. Он был уже стар, и на старости лет, когда ноги начали отказывать, он решил записать свое учение, и начал он писать книгу, писал несколько лет, ему оставалось уже немного, чтобы кончить свой труд.

Однажды вечером, когда он сидел у фонтана и писал свою книгу, к нему подошел незнакомец и спросил его: «Имам, что ты делаешь?» Имам ему объяснил, а незнакомец взял листы этой книги и бросил в воду.

Имам был в испуге: «Как, ты погубил труд многих лет моей жизни!»

А незнакомец ему в ответ: «Я посмотрел твою книгу. Ты еще не умеешь писать книги, но если хочешь, я достану эти листы». И он достал их из воды, и они оказались сухи, как будто в воде и не были. Имам понял, что пред ним стоит какое-то высшее существо, и сказал: «Так научи же меня, как писать книгу». И незнакомец приказал ему следовать за ним.

Они шли долго по пустыне, и когда подошли к одному городу, то незнакомец сказал ему: «Имам, сходи в город и купи мне вина». — «Как, учитель, вина? Ведь закон запрещает употреблять вино». А незнакомец ему ответил: «Я тебе говорю: „Сходи за вином“».

Имам пошел в город, но не решился зайти в лавку, где продают вино, послал носильщика, дал ему денег на вино и за труды, и когда носильщик принес вино, то спрятал его под полой и принес его к учителю, но учитель отвергнул вино, говоря: «Не надо мне твоего вина. Ты, боясь толпы, в испуге тайком нес его, я тебе приказываю: „Сходи за вином“».

Имам вновь пришел в город, подозвал опять носильщика и сам не решился зайти в лавку и через носильщика купил вино, и уже сам понес бутылку с красным вином по улице, и прохожие, видя имама с бутылкой красной жидкости, спрашивали его: «Имам, имам, что несешь?» — «Уксус, уксус», — отвечал имам.

И когда он принес учителю, учитель опять отверг вино, говоря: «Не надо мне твоего вина, и ты не можешь писать книги. Чтобы учить людей, надо быть выше толпы, ведь все здесь зависит от того, какое употребление человек делает из вина. И я тебе говорю: „Превозмоги себя и сходи за вином“».

Имам вновь пошел в город и зашел в лавку во время яркого дня, когда толпа окружала питейное заведение, купил сам бутылку красного вина, откупорил его и раскупоренную бутылку поставил себе на голову и вышел из лавки, с пляской шел по улице к учителю, алой струей струилось вино по белой чалме имама, и толпа, видя, что имам с пляской и с вином идет по улице, принимала его за пьяного и стала над ним издеваться, ругаться и бросать камнями в него, крича: «Вот позор, пьяный имам идет по улице!»

Но имам радостный радостно шел к учителю.

Он чувствовал, что с его мозга спала какая-то тяжесть. И когда он пришел к учителю и подал вино, учитель ему сказал: «Вот это так. Теперь ты выше толпы, и ты можешь учить людей, теперь иди, продолжай свою книгу».

Чтобы учить людей, нужно быть выше толпы, тем более чтобы управлять людьми.

К сожалению, прежде у нас боялись людей справа, теперь боятся людей слева...

Прежде трепетали, как бы не вызвать раздражения справа, теперь трепещут еще больше, чтобы не вызвать раздражения слева.

А между тем, чтобы управлять Россией, чтобы вывести ее из того тупика, в котором она находится, нужно прежде всего быть выше толпы. Членам нашего правительства следует это хорошо помнить, иначе, как бы портфели они ни меняли, все равно можно сказать: «Как ни садитесь, а в музыканты не годитесь...»

ЧТО ИМЕЕМ — НЕ ХРАНИМ

Мы переживаем тяжелый продовольственный кризис.

Хотя, быть может, и не так много, а все-таки в деревне имеются съестные припасы, но надо уметь их извлечь, а этого-то умения ни у старого, ни у нового правительства нет.

Прежде был хорошо налаженный торговый аппарат. В начале войны его просто игнорировали и вместо него посадили институт уполномоченных. В большинстве людей малосведущих, которые не знали, как подойти к деревенскому обывателю и извлечь из него нужные продукты. Это вело к повышению цен, так как закупки делались разом, большими количествами.

Мы вообще не храним наших ценностей. Мы — разрушители по природе, а не созидатели. Не умели беречь и хорошо налаженного у нас торгового аппарата.

Наши коммерческие банки таким аппаратом располагают, но вследствие нападков на них они перестали вообще заниматься торговыми операциями, и мы, уничтожив прежний торговый аппарат, ничем его не возместили.

А между тем в самом начале войны некоторые представители банков обращались тогда к власти имущим лицам с весьма целесообразным проектом, но по обычаю сводилось к следующему:

«Размеры и условия настоящей войны вынуждают соблюдать особенную экономию в расходовании сумм, единственным источником коих является, кроме наличности Государственного казначейства, внутренний денежный рынок».

У нас имеется в прошлом опыт, когда это снабжение обходилось Государственному казначейству дорого и притом не всегда обеспечивалось хорошее качество поставляемых продуктов.

Снабжение армии продовольствием и вообще всем, что ей необходимо, очевидно не под силу отдельным подрядчикам, которые не могут взять на себя финансировку крупных поставок и обеспечить надлежащими залогами своевременность поставок и качество продуктов, не говоря уже о том, что при таких условиях конкуренция подрядчиков не может не увеличить цен до крайних пределов.

Русские коммерческие банки, проникнутые сознанием исторической важности переживаемого момента, предлагают свои услуги по снабжению русской армии и населения, где это будет необходимо по обстоятельствам места и времени, всеми нужными им продуктами.

Располагая в совокупности большим количеством отделений, раскинутых по всей России, они ведут комиссионную торговлю разного рода продуктами (хлебом, хлопком и сахаром) и имеют большой опыт в этом деле, готовый обширный кадр специалистов и потому с полной уверенностью могут сказать, что ими может быть хорошо выполнена задача по снабжению армии продовольствием, а интендантское ведомство может получить продукт хорошего качества и по дешевой цене.

Таким образом, вместо легиона мелких подрядчиков правительство будет иметь дело с несколькими крупными подрядчиками — банками, располагающими громадными средствами и имеющими возможность поэтому устанавливать повсеместно наиболее выгодные цены.

Русские коммерческие банки в настоящее время в значительной степени освобождаются от своей обычной работы

и, следовательно, они могут предоставить в трудную минуту, переживаемую Россией, всю свою разветвленную организацию к услугам правительства.

Помимо выгоды для правительства использования такой мощной организации, последняя может принести умеренную прибыль и самим банкам, а распространение сведений в публике о том, что банки взяли на себя эту задачу, а, следовательно, они не останутся без работы в течение войны, вселит еще большее доверие к ним среди публики, и последняя более спокойно будет относиться к факту оставления своих средств в руках банка во время войны.

Конечно, Государственный банк должен будет открыть товарный кредит в должном размере и под товар, принадлежащий в данный момент банкам.

Но едва ли он в этом встретит затруднение, так как и при обычной системе поставок авансы придется выдавать поставщикам, а Государственный банк может открыть кредит им в крайнем случае за счет кредиторов, открытых военному ведомству, а следовательно, его риск как кредитного учреждения совершенно отпадает.

Сверх того, сами наши коммерческие банки, располагая крупными средствами, представляют гораздо более высокую гарантию по этим кредитам, чем поставщики — частные лица.

Если правительству угодно будет воспользоваться услугами коммерческих банков, то они сейчас же приступят к созданию должной организации.

Банки могли бы взять на себя поставку хлеба, овса, сена, ячменя, мяса, живого скота, валенок, сукна, одежды, кож, сапог и т. д., предварительно заготовив определенное количество этих продуктов в известных пунктах по соглашению с правительством.

Если правительству угодно будет пойти навстречу в этом направлении, то банки, обсудив более детально свое предложение, будут ходатайствовать об открытии им товарных кредитов в Государственном банке в определенном размере, а также предоставлении возможности пользоваться незамедлительно вагонами для перевозки грузов указанной категории, насколько позволят обстоятельства военного времени.

Таким образом, могла бы быть создана широкая общественная коммерческая организация по снабжению армии и населения продовольствием, и такая организация, смеем мы думать, была бы в обоюдных интересах как Государственного казначейства, так и коммерческих банков.

Вся деятельность этой организации могла бы быть поставлена под общественный контроль, и операции этой организации могли бы совершаться при участии контроля.

Предполагалось сохранить всю налаженную торговую организацию и все дело закупки совершать через нее под контролем, делая определенные надбавки в пользу этой организации.

Вопрос шел (как уже это предвиделось) не только о снабжении армии, но и больших центров продовольствием. Правда, тогда еще лелеяли надежду, что война не будет столь затяжной, и это должно было бы держать цены на известном уровне.

Во всяком случае, может быть, можно спорить о деталях, но в основе была положена правильная идея, но, к сожалению, идей у нас много, но мы, как тогда, так и теперь, идем бюрократическими дорожками, а эти дорожки нас привели к тому тяжелому положению, в котором мы сейчас находимся.

Опубликовывая это предложение, я хочу только показать, что у нас с самого начала войны в некоторых группах были очень правильные идеи, и не только по этому вопросу, но, к сожалению, к этим идеям не прислушались.

НАШИ СБЕРЕГАТЕЛЬНЫЕ КАССЫ ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ

Весьма интересные выводы можно сделать из рассмотрения отчетов наших сберегательных касс. Правда, мы имеем пока отчет лишь за 1915 г.

Вклады в сберегательных кассах сильно растут: остаток денежных вкладов на 1 января 1915 г. был 1835 млн, а на 1 января 1916 г. — 2448 млн рублей.

Вклады в процентных бумагах также увеличились на 262,3 млн рублей.

Итак, много бумажных денег у нас осело в сберегательных кассах, и несомненно наши сберегательные кассы в извест-

ной степени предупреждают дальнейшее обесценивание нашего бумажного рубля, как-никак, а они впитали в себя свыше 613 млн бумажных рублей, и в этом немалая заслуга сберегательных касс.

Фонд процентных бумаг, принадлежащих сберегательным кассам за 1915 г., увеличился по номинальной стоимости на 595,5 млн рублей и достиг на 1 января 1916 г. 2638,8 млн рублей, причем весь этот прирост фонда падает на государственные военные займы (588,1 млн рублей).

Если прибавить к этой сумме, читаем мы в отчете, те 190 млн рублей, которые были помещены населением через посредство сберегательных касс в бумаги, краткосрочного 5½% военного займа 1915 г., то оказанное сберегательными кассами в отчетном году содействие реализации военных займов выразится кругло в 750–800 млн рублей, и нельзя не признать этого крупнейшим влиянием в области государственной кредитной политики.

Нельзя не отметить, что весь прилив вкладов за 1914 г. с начисленными процентами составил только 149,6 млн рублей, а за 1915 г. — 613,6 млн рублей.

За первые же десять месяцев 1916 тогда этот прилив составил уже 1009,6 млн рублей.

Итак, сберегательные кассы прекрасно выполняют свою роль по борьбе с бумажно-денежной инфляцией.

С другой стороны, они сослужили большую службу и в распространении военных займов.

Но после войны можно ожидать известного отлива, так как теперь торговля парализована, некоторые виды промышленности также находятся в застое; тогда же будут рабочие руки, начнется новая экономическая жизнь, и нужно в настоящее время озаботиться тем, чтобы отлив происходил постепенно. Поэтому министр финансов думает сделать для населения изъятие из кассовых оборотных средств менее необходимым и для этого ввести возможность распоряжаться вкладами посредством чеков, какой законопроект уже выработан.

Автор этих строк давно был сторонником введения чекового обращения в сберегательных кассах, как это введено в сберегательных кассах некоторых других стран.

Мне думается, что систему наших сберегательных касс надо было бы увенчать созданием особого банка сберегательных касс, который выдал бы все эти взаимные расчеты между сберегательными кассами по переводу денег и по чековой операции, и, наверное, можно было бы возложить некоторые и другие задачи на сберегательные кассы, с предъявлением этих векселей, и, быть может, ввести некоторые простейшие банковские операции, и таким образом к услугам населения была бы целая сеть таких маленьких банков (на 1 января 1916 г. у нас уже числилось 9855 касс).

Это увеличивало бы доход сберегательных касс и тем дало бы возможность значительно расширить эту сеть.

Нельзя не отметить, что из общей суммы денежных вкладов вклады от крестьян составляют 38,2% общей суммы денежных вкладов единоличных вкладчиков.

Вместе со светлой стороной роста сберегательных касс нельзя не отметить, пожалуй, и грустного явления, а именно того, ценой чего является накопление этих вкладов. В журнале «Вестник мелкого кредита» за прошлый год печатались весьма интересные статьи на тему: «Поднимается ли экономическое благополучие в деревне», и здесь мы находим немало указаний на то, что деревня в настоящее время, под влиянием недостатка в рабочей силе, продает свой инвентарь, распродает скот и вырученные отсюда деньги несет в сберегательные кассы, и нередко в сберегательные кассы переходит мужицкий инвентарь.

Но, спрашивается, как в будущем деревня вновь будет приобретать этот инвентарь: несомненно, цены на него будут стоять высокие, и деревне трудно будет приобрести раз уже ею проданное.

Я боюсь, что это скопление вкладов в сберегательных кассах вместе со служением целям победы путем размещения военного займа и борьбой с денежной инфляцией таит в себе нечто грозное — распродажу крестьянского инвентаря.

Вот почему нужно в будущем озаботиться тем, чтобы часть этих вкладов могла быть перелита в учреждения мелкого кредита.

Настанет момент, когда население обратится к мирному труду, и надо позаботиться, чтобы все, кто захочет приложить

свою энергию на экономической арене, нашли нужные для этого средства.

В предвидении этого следует расширить те пределы существующего уже закона, в которых в настоящее время совершается питание средствами сберегательных касс, учреждений и мелкого кредита.

Правда, десятипроцентное отчисление от приростов вкладов в учреждения мелкого кредита и теперь уже сильно подняло абсолютную цифру этих отчислений, но мне думается, после войны надо идти в этом направлении гораздо дальше, и нужно выработать проект нового закона, чтобы он вступил в силу по окончании войны, дабы трудовая энергия могла более обильно оплодотворяться нужными ей капиталами.

ВЕЛИКОЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ ПЕРЕД РОДИНОЙ

В ближайшее время у нас наступит паралич экономической жизни.

Требования рабочих чрезмерны, и промышленность не может их вынести.

Нельзя упускать из виду и других неблагоприятных условий, среди которых нашей промышленности приходится теперь существовать, то не хватает сырья, то оно не может поступать вследствие расстройств транспорта и т. п.

И это тяжелое положение усугубляется чрезмерными требованиями трудящихся.

В этих последних как будто нарочно разжигают страсти, то и дело обвиняя буржуазию во всех смертных грехах (что будто бы война ведется в интересах буржуазии).

Но скажите, если мы кончим сейчас войну позорным сепаратным миром и наши союзники останутся с Германией один на один, то где гарантия, что нам Германия не навяжет тогда крайне разорительных для нас торговых договоров, и тогда мы никакой защиты наших интересов у наших теперешних союзников не найдем.

А что значат разорительные торговые договоры?

Крушение нашей промышленности. Германия наводнит нашу страну массой своих дешевых товаров, фабрики у нас

принуждены будут закрыться, и рабочие останутся без работы, и это будет полнейшим нашим экономическим порабощением Германией и нашей экономической смертью. Мы превратимся тогда в колонию Германии, которая с нами будет делать все, что ей угодно.

Германия будет склонна проводить старый принцип колониальной политики, т. е. что колония даже подков для лошадей не должна сама вырабатывать, а должна их брать у метрополии, поставляя для последней лишь сырье.

Но даже если мы не заключим формального сепаратного мира, а просто фактически не будем воевать, т. е. не будем наступать, то и тогда, при заключении мира воюющими державами, наши интересы будут игнорироваться, мир может быть заключен на наш счет, и мы не увидим уже занятой неприятелем территории, и опять несомненно весьма неблагоприятные торговые договоры будут нам навязаны, и о нас никто не замолвит доброго слова, как о стране вероломной.

За наш счет Германия опять будет развивать свою промышленность, получив в свое распоряжение наш рынок, и это будет контрибуцией для нее.

Неужели это не ясно тем, кто стоит теперь против наступления у нас.

Прямо начинаешь думать, что противники наступления работают в интересах Германии, и больше того, разжигая страсти среди трудящихся и ослабляя тем самым промышленность у нас, они подготавливают почву для победы Германии над нашей промышленностью.

В самом деле, из нашей промышленности сейчас могут быть выжаты все соки, она останется без средств и, следовательно, не в состоянии будет встретить конкуренцию.

После войны союзным странам придется стремиться изо всех сил залечивать раны, и они будут напрягать свои усилия, чтобы завлекать свои внешние рынки, а мы, обессиленные, с обескровленной промышленностью, что мы будем тогда делать?

А мы в настоящее время носим у себя экономическое творчество, оплевывая всех на этой арене, углубляя ров между капиталами нашей промышленности и трудящимися, и плоды

этого мы пожнем в нашем грядущем экономическом ослаблении.

Я, как экономист, скажу: мы — среди сумасшедших или лиц, сознательно ведущих нас к краху, или же среди невежественных людей. В настоящее время наша работа должна была бы состоять в том, чтобы укрепить нашу промышленность, а мы ее всемерно ослабляем.

Кто сейчас будет создавать новое дело, кто будет вызывать богатства на потребу человеку?

Я имею положительные данные, что банки сокращают теперь кредит даже старым предприятиям, патронируемым ими, и чтобы создавать в настоящее время новые дела, надо быть безумцем. В самом деле, если у вас будет убыток, то его вам благосклонно оставляют, если же у вас будет прибыль, то говорят: мы всю ее возьмем.

Я боюсь, мы опять будем под немецким каблуком.

Так и хочется крикнуть: опомнитесь, оглянитесь кругом себя, посмотрите, что вы делаете, каковы будут плоды этого. Если бы по указке из Берлина вели у нас такую противогосударственную пропаганду, то можно было бы сказать: да, она целесообразна с точки зрения немецких интересов, но она принесет гибель нам, она приведет нас к полному банкротству. Такая политика — великое преступление против России.

^I Печатается по: *Озеров И.Х.* Разгром нашей экономической жизни. Петроград: Свободный народ, 1917. С. 3–24.

^{II} В современном написании — троянский конь.

^{III} Так в тексте.

И. Х. Озеров

Что нужно делать¹

К ПЕРЕЖИВАЕМОМУ МОМЕНТУ

Наши тяжелые военные неудачи наносят удар революции и ее завоеваниям.

Люди, говорящие об охране завоеваний революции, не понимают, что охранить их можно только работой, нужно быть достойным этих завоеваний.

Нельзя жить одной революцией, это — скорлупа без ореха.

Скоро близится рассвет, и победный петух возвестит утро новой земли, и нам надо напрячь все усилия, иначе мы окажемся за бортом жизни.

Будь у нас только политическая революция, сколько капиталов к нам пришло бы в начале революции, американцы засыпали нас вопросами, куда им идти со своими капиталами, но в настоящее время они и слышать об этом не хотят.

При иных условиях мы могли бы праздновать в настоящее время расцвет нашей промышленности, а вместо этого мы сейчас присутствуем при ее погребении.

В настоящее время наши кредитные билеты все равно что выигрышный заем, где один шанс на тысячу получить выигрыш при их повышении и 999 проиграть от их понижения, и неудивительно, если крестьяне не хотят давать продуктов своего труда в обмен на кредитные билеты, да и в будущем, чтобы бороться успешно с бумажно-денежным наводнением, нужно создать повышенный темп экономической жизни, но для этого нужна другая психология: наши же министры с узкой пролетарской психологией не в состоянии вступить здесь на правильный путь.

Они не могут дать свободы творческой экономической деятельности; может быть, на устах их и будут эти ходячие фор-

мулы, но они будут напоминать Пенелопу, которая то, что сошьет днем, будет раздирать вечером. Уста будут говорить одно, а руки будут делать другое, просто потому, что представители власти представляют из себя жалких пленников, они боятся левых организаций, боятся разрушать иллюзии, которыми живут опьяненные массы.

Но жизнь их все равно разрушит.

Увы, у нас гибнет дух в настоящее время.

Классы проникнуты ненавистью и завистью друг к другу.

А между тем никто не думает о тех заботах и волнениях, которыми наполнена жизнь истинных людей — творцов, ведь эти последние за выращиванием своей идеи и ее воплощением в жизнь смотрят как мать за своим ребенком.

Мне вспоминается одна русская легенда из собрания А. Н. Афанасьева.

Однажды рядом с Спасителем шел апостол Петр, и апостол сказал: «Как хорошо быть Богом, хотя бы на полдня сделать-ся мне».

Господь улыбнулся и сказал: «Пусть будет по твоему желанию. Будь Богом до вечера». Они приблизились к деревне, и им встретилась крестьянка, которая выгнала гусей на луг и оставила их там, а сама пошла в деревню. Апостол Петр обратился к ней: «Ты хочешь гусей одних оставить в поле?» А она: «Неужели стеречь их и сегодня? У нас нынче праздник, надо погулять». А апостол Петр: «Кто же будет стеречь твоих гусей?» А крестьянка же ему в ответ: «Пусть сегодня Господь Бог бережет их». И ушла.

Тогда Спаситель обратился к Петру и сказал: «Петр, ты слышал. Я бы с тобой погулял сегодня, так как тут храмовый праздник, но ведь с гусями может что-нибудь дурное случиться, а ты сегодня — Бог до вечера, и ты должен остаться до вечера у стада и их караулить». И ушел от него, а Петр остался один сторожить гусей.

Сказка говорит, что апостолу Петру было очень досадно, но он должен был остаться, и он дал зарок, что никогда больше не желает быть Богом.

В трудных случаях болезни приглашают опытнейших врачей, а у нас обратно, когда Россия переживает такой тяжелый кризис, у власти стоят маленькие люди.

В настоящее время нужно созидать, а не разрушать.

Нам нужны люди знания, опыта, а стоит посмотреть теперь на тех, кто стоит у кормила правления, и в душе рождается страх за будущее России.

Вытаскивают из архива пыли набальзамированные мумии, которые 20–30 лет жили вне пульса русской жизни, когда вообще не понимали значения развития промышленности для государственной мощи и для государственного строительства, и эти мумии загробными голосами вещают о необходимости борьбы с капиталистами.

А капиталы в настоящее время играют общественную роль, и без напряженной работы мы не в состоянии перейти в другой строй.

Мы гасим всякие творческие порывы, и в этом наше горе.

Речь на Государственном Московском совещании¹

(Изложена была лишь часть, и то в извлечении, вследствие ограничения времени 15 минутами)

Социальный мир нужен всем, и все его жаждут, но как сделать, чтобы голод и холод своими костлявыми руками не подточили его основание?

¹ Я оставлял ее как сын народа, вошедший из него, воспитанный мозолистыми руками моей матери, которая полола грядки, живя поденной работой. Мои родственники и теперь пахут землю и работают на заводах. Я говорю как человек, вышедший из среды народной, плоть от плоти ее, знающий народную нужду.

Я еще в 1901 г. издал брошюру «Фабричные комитеты и коллективный договор» и знаю народную нужду и горе, и думаю, имею право, смело сказать правду.

При царском правительстве я не раз выступал смело: меня старались привлечь к ответственности за мои книги: «Как расходуются в России народные деньги» [Как расходуются в России народные деньги? Критика русского расходного бюджета и государственный контроль. (По неизданному документу). 2-е изд. М.: тип. А. П. Поплавского, 1907] и «Политика по рабочему вопросу в России» [Политика по рабочему вопросу в России за последние годы. (По неизданным документам). М.: т-во И. Д. Сытина, 1906], в которых я изобразил расточительство в народных деньгах со стороны старого режима и тот произвол относительно рабочих, который у нас царил: в рабочем не видели человека, а только одну машину, не видели головы, а виде-

Надо, чтобы и буржуазия, и трудящиеся могли жить рука об руку и полной жизнью. Ведь если промышленность будет разрушена, разрушен будет транспорт, сельское хозяйство, то разве возможен тогда социальный мир?

Все мы — сыны нашей родины, и не с узкой точки зрения наших интересов нужно обсуждать положение страны в эту тяжелую минуту, а как сыны, болеющие за свою родину-мать: мы все живем в одном здании, под одной крышей, и если обрушится она, то всех задавит, и правых, и виноватых.

С нас сняли железный заржавленный обруч, и мы распались. Мы жили во тьме и до социалистического строя еще не доросли, и мы должны жить в капиталистическом строе (мы его еще не изжили), укрепляя пока его, но не разрушая, сглаживая его дурные стороны, беря из него все лучшее, чтобы подготовить переход к другому социальному укладу. Нельзя предъявлять здесь чрезмерные требования, и мы должны себе это вполне уяснить и определенно сказать, и должна быть сильная власть, а не тень, которая в состоянии была бы это проводить.

Власть только говорящая не есть власть, надо уметь, когда это нужно, опираться на силу и на меч, и мы, повинувшись своей совести, должны сказать только правду, быть может и горькую.

Нам нужна сильная власть, а не тень ее. Нельзя только словами управлять страной. Если в запасе у правительства есть только слова, то оно не правительство, и представители его могут быть хорошими проповедниками, занять вакантные кафедры в университете (благо там таковые в настоящее время имеются), или надеть священническую рясу и проповедовать с церковной кафедры. Правительство в настоящее время в плену у разного рода советов и других организаций.

У нас нет личной и имущественной безопасности.

Надломлена наша победоносная грозная армия, которая прежде без снарядов и вооружения, с голыми руками шла на

ли лишь руки и хотели, чтобы голова была во тьме, чтобы работали только руки. Тогда было одно стремление согнуть рабочего в бараний рог.

То, что я говорю, мне продиктовано моей совестью и моим посильным пониманием положения страны.

Спасение России требует правды. Мое сердце кровью обливается при виде переживаемой нами великой разрухи.

врага, не щадя своей жизни и проливая кровь за дорогую родину, а с падением всей дисциплины часть этой армии бежит, превратившись в орду недисциплинированных людей. Временное правительство спокойно смотрело, как разносилась зараза по нашей армии. Маленькие дети могут не понимать, когда на их глазах выпускают чумных бацилл и тем создают эпидемии, и Временное правительство повинно здесь в бездействии власти, и вследствие этого бездействия открыли наш фронт для вторжения неприятеля.

Но теперь открывается фронт и нашей экономической жизни той разрухой, которая у нас имеет место, потаканием трудящихся их чрезмерным требованиям, высоким прямым обложением, и промышленность кровью истекает, она будет обессилена, она не будет подготовлена к демобилизации, и не в состоянии будет встретить международную конкуренцию, мы останемся без промышленности, а в развитии ее лежит одно из средств вылечить наш бюджет и предохранить от падения наш рубль, так как с расстройством нашей промышленности нам придется много ввозить из-за границы, вывозить нам будет нечего: хлеба с расстройством частновладельческого хозяйства нам едва ли хватит самим, масла, яиц также, тем более что наш солдат привык за это время питаться лучше и стал более требователен к своему столу, к тому же и закрытие казенных винных лавок оставит в его карманах некоторые средства.

Лес мы не скоро еще будем вывозить, не скоро согласится русский рабочий после войны пойти на север и стоять там по пояс в снегу и рубить лес, и мы думаем, что разрушение промышленности, на которое правительство так спокойно смотрит, величайшее бедствие, это нож в спину русской революции: с разрушением ее придет голод в наши города и будут тогда сравнивать новый строй со старым...

Разрушается сельское хозяйство потаканием, организованным захватом, по терминологии г. Чернова, частновладельческих земель, инвентаря темными массами населения, так как говорят лишь об охране культурных имений, и тем самым остальные как бы отдаются на поток и разграбление. Но кто определяет, что такое культурные имения и охраняются они-то?

Твердыми низкими ценами внесена великая разруха в продовольственное дело и понятно, почему крестьяне не отдают своего хлеба в обмен на кредитные билеты: на них ничего нельзя купить — ни ситца, ни железа, ни сахара; и, пожалуй, в политической экономии скоро так и будут определять русские бумажные деньги, это — денежные знаки, на которые можно приобрести лишь русские военные займы и больше ничего.

А стремительное падение рубля — дело рук Временного правительства. Оно хотело быть всем приятным и раздавало кредитные рубли направо и налево, чем создало в стране множество гулящих денег, которые идут на базар и предъявляют себя в обмен на товар за всякую цену; надо принять меры к строжайшей экономии.

К тому же повело и потакание трудящимся в требовании чрезмерного повышения их заработной платы.

Мы расшатали железные дороги, уничтожив и здесь всякую дисциплину.

Запрещением земельных сделок землевладелец лишен кредита. Этим брошена искра в пороховой погреб, уничтожено желание творческой работы у землевладельцев, в деревне идет брат на брата, культурные, хозяйственные ячейки, наша великая ценность, гибнут. И им не дается исполнить своего гражданского долга перед страной — давать хлеб родине.

Я стою на точке зрения приемлемости и необходимости принудительного отчуждения земли, и когда потребуется, буду защищать это, но сейчас не время социальных реформ и социальных экспериментов. Солдат, находящийся в окопах, должен думать о войне, а не о дележке земли.

У нас проводится политика экономического поражения. К чему ограничивать земельные сделки, право залога и лишать этим кредита землевладельцев? Ведь достаточно было сделанного объявления, что сделки после 1 марта не будут оказывать влияние на проведение земельной реформы.

Кроме того, по долгу совести, я полагаю, что под влиянием высоких цен на сельскохозяйственные продукты сельское хозяйство потребует массы машин, искусственного удобрения, ему надо будет влить в себя много капиталов, и реформа принудительного отчуждения земли должна быть соединена с на-

делением масс населения в обширных размерах оборотными средствами. Иначе урожайность у крестьян понизится, хлеб будет дорог, нам нечего будет вывозить за границу, да мы и не в состоянии будем конкурировать с хлебом заокеанских стран, произведенным при помощи влитых там в хозяйство больших капиталов, а это еще более уронит курс нашего рубля.

Кроме того, понижение урожайности и дороговизна хлеба больно ударят у нас городское население и рабочих.

Старый режим своей экономической политикой создал в массе населения вполне понятную жажду земли, и хотя я стою на принципе принудительного отчуждения, и принцип этот уже освещен Англией, Ирландией, Австралией, но подчеркиваю, справедливость вознаграждена по многим соображениям и, между прочим, потому, что в сберегательных кассах, где хранятся сбережения малоимущих, много бумаг, обеспеченных землей, хотя думаю, что это земельного вопроса у нас не разрешит, так как земли для всех не хватит и будут горькие разочарования.

Выкуп земли без вознаграждения повел бы к обесцениванию закладных листов, а это рикошетом ударило бы по государственному кредиту. Сегодня не обесценены закладные листы, завтра — государственные займы.

Наши государственные финансы разрушены. В начале революции курс нашего рубля поднялся за границей — так за граница приветствовала наш новый режим, но теперь там увидели духовное банкротство наших новых людей, и курс его сильно упал.

В течение четырех месяцев после революции у нас успели разрушить нашу грозную и доблестную армию, наши финансы, нашу промышленность, частновладельческое сельское хозяйство, наши железные дороги, все-таки до этого времени положение было сносно.

Все мы слышим ссылки на полученное наследство от старого режима, но какое наследство оставит теперь новое правительство?

Неудивительно, что мало подписываются на государственные займы, когда все знают, что бумажка завтрашнего дня будет дешевле бумажки сегодняшнего, и вещи будут становиться

дороже денег. Некоторые даже из членов Временного правительства заявляли служащим, что для удовлетворения их приязней хватит печатного станка.

Прежде требовали экономической и финансовой программы от старого правительства, где же она теперь?

Неужели вся эта программа, изложенная министром Скобелевым,—взять из банков и промышленных предприятий 100% прибыли?

Дело сейчас не в дележке, но, пожалуй, скоро и делить-то будет нечего. Государственный долг на 1 января 1918 г. должен возрасти до 60 млрд рублей, да надо принять еще материальные потери каждого русского обывателя, а все богатство страны, правда, по гадательным данным исчислялось у нас в 35 млрд долларов, а это по курсу 4 рубля за доллар составит около 140 млрд рублей.

Надо понять, и на это направить все усилия, что все дело теперь в создании новых ценностей, а между тем производительность труда у нас упала, и некоторые представители власти, увы, этой простой истине учатся на живой спине народного организма.

Нам нужно всемерно бороться с товарным голодом и, быть может, часть армии, находящейся в тылу, надо отпустить для работ, так как голод и холод—самый жестокий враг свободы, и мы сейчас распропагандировываем самого опасного агитатора—голодный желудок, который может снести все.

К сожалению, у нас нет ясного понимания того, что мы переживаем.

У нас разжигается классовая вражда, натравливается рабочий на предпринимателя, крестьянин на помещика, а наше новое правительство страдает тем же грехом, как прежняя русская бюрократия, подбирая себе людей из собственного кружка, и потому у него мало знающих советчиков, там господство детей (педократия), и Россия идет к гибели.

Не будем же только апеллировать к «авось», к «вере» в великую Россию, к историческим воспоминаниям о тяжелых переживаниях России в начале XVII века, ведь умирают люди и в детском возрасте,—надо приняться за сильное и яркое творчество.

У нас полное расстройство в администрации. Временное правительство потакало всяким желаниям толпы, в угоду ей был издан приказ № 1, разложивший нашу армию, в угоду ей обескровливается промышленность, опустошен казенный сундук, уничтожена всякая власть на местах, и водворена анархия, наводнена страна разбойниками и грабителями, и в России искусственно культивируется ленивая психология: солдаты впитывают в себя эту психологию и ей они заразят деревню, и за это Россия им не скажет «спасибо».

Даже администрация центральных управлений разрушена. Там прежде были знающие свое дело люди, и легко было дать машине другое направление, а теперь там хоть шаром покати и нередко никто ничего не знает.

У нас уничтожено самое элементарное условие всякой деятельности — вследствие отсутствия личной и имущественной безопасности все сидят и чего-то томительно ждут, что вот-де на них нападут, изуродуют и ограбят, а между тем переживаемое время требует самой напряженной работы.

Возьмите же, господа, растерянную вами власть в руки и сделайте мужами, перестаньте быть плачущими, ноющими детьми, боящимися не только чужого, но и своего «дяди», сузьте вашу задачу военными и политическими вопросами и оставьте социальную в стороне, если же вы творить не можете, не можете превратиться в мужей, опирающихся на силу, то лучше обновите свой состав.

Министр-председатель заявил, что все будет поставлено на свое место, но надо делать это немедленно. Нельзя утопающего утешать тем, что начали-де вить веревку, и когда ее совьют, то ее ему бросят, и потому нельзя не ставить упрека правительству в медлительности.

И нельзя позволять себе роскоши дезорганизации армии и хозяйственной жизни.

Вы должны властно сказать солдатам: «Ваше место на фронте, а не на тротуаре, ваше дело — сидеть в окопах, а не шелушить семечки, отвоевывать нашу территорию, занятую врагом, а не торговать на улице».

Армия должна быть вне политики со всеми последствиями, вытекающими отсюда, и неведомых экспериментов во время

беспримерной войны нельзя сделать. Нужно восстановить дисциплину во что бы то ни стало.

Мы уже говорим о необходимости ее для победного окончания войны, но если дисциплина не будет восстановлена до демобилизации армии, то во время демобилизации много городов у нас будет разрушено, железные дороги останутся, сколько будет насилий, хозяйственная жизнь придет в параличное состояние.

Вы должны сказать трудящимся, и пусть они услышат это через это собрание: каждый должен теперь стоять на своем посту, забыть на время о 8-часовом рабочем дне и напрячь все свои усилия, чтобы создать возможно больше новых ценностей, поднять производительность труда.

Разные демократические организации говорят все о спасении революции, о контрреволюции, но, положив руку на сердце, скажите, мы обращаемся к этим организациям, кто эти возможные контрреволюционеры?

Забитый солдат, в котором при старом режиме не видели человека?

Рабочий, которому не давали объединиться, держали в черном теле?

Крестьяне, которые должны были трепетать перед каждым урядником и стражником?

Бесправный еврей? Гонимый старообрядец?

Буржуазия, которой боялся старый режим, что она посмеет свое суждение иметь.

Это — фантом, и нечего бороться с ветряными мельницами. Нет, у старого режима нет сторонников.

Но, углубляя и расширяя военную, политическую, хозяйственную и общественную разруху, вы готовите контрреволюцию.

При отсутствии личной безопасности, при голоде и холоде люди будут метаться и, боясь, будут обращать взоры к власти, какой бы то ни было, гонимые в ее объятия страхом за свою судьбу.

Революция должна быть в психике людей, и если вы своими мерами ее вытравите, то придет контрреволюция. Надо прижаться за созидание.

Да, вы вьете веревку на свою шею, на шею русской революции и нашей свободы. Оставьте это злое дело, мы с болью в сердце вам это открыто говорим.

Надо иметь мужество сказать массам населения неприятные вещи и быть выше толпы: свобода не есть свобода от труда, от долга работать, от совести, это не есть свобода рвать по кускам своекорыстно живое тело родины; только тот достоин лучшего, кто работает. Надо расстаться с не созревшими еще иллюзиями.

Надо бросить кружковщину, перестать вариться в своем собственному соку и мобилизовать все наши духовные ценности: старый режим не ценил их, не использовал их, а новый ими швыряет.

И когда все классы населения увидят, что создается твердая власть, что проснулась бывшая наша энергия и наша магическая власть над природой, когда в прежние времена по властному слову человека выходили вклады из недр земли и рассыпались на потребу человека, когда правительство покажет свою экономическую и финансовую программы, как оно думает развивать экономические силы страны и предохранить рубль от дальнейшего падения, тогда начнет восходить новая эра над Россией.

Для урегулирования наших финансов мы не можем обойтись без косвенных налогов, и это справедливо: массы населения много выиграли от нового строя, нужно ввести некоторые монополии, например сахарную. Сахарная монополия одна может дать свыше миллиарда рублей государственному казначейству; конечно, нужно поставить производство сахара в благоприятные условия, обеспечив его рабочими, топливом. Нужно прибегнуть к выигрышному займу, быть может, к принудительному, и этими средствами мы выкачаем много кредитных билетов и тем самым будем бороться с бумажно-денежной инфляцией.

Для урегулирования транспорта надо восстановить дисциплину на железных дорогах, озаботиться усиленным ремонтом подвижного состава. Для поддержания сельского хозяйства нужна твердая власть на местах и, быть может, введение премии на увеличение запасов. Вместо твердых цен — долготные заказы от казны на поставку хлеба по образцу военных

заказов, отменить ограничения земельных сделок, чтобы одухотворить сельское хозяйство кредитом, иначе после войны надолго у нас будет наблюдаться упадок в сельском хозяйстве.

В области промышленности необходимо поощрение частной инициативы, свобода эмиссий для предприятий, чтобы они могли подготовиться к демобилизации. Эмиссии нужны еще потому, что вследствие дороговизны все предприятия нуждаются в увеличении оборотных средств и надо приветствовать расширение предприятий, допустив акции мелких купюр.

Министр торговли говорил, что промышленность есть ценнейшее благо государства и надо ее оберегать и развивать, и мы приветствуем некоторые заявления министра торговли, но к проектируемому им ограничению прибылей надо отнестись с большей осторожностью, чтобы это не поколебало стимула к работе: люди не ангелы. Американец работает, побуждаемый святым беспокойством духа; нам нужны еще другие, более элементарные стимулы, и умерщвлять их преждевременно.

Надо положить предел чрезмерному росту заработной платы, пора перестать обескровливать промышленность. Мы поступаем с нашей промышленностью как ее злейшие враги, ослабляя ее и тем самым подготавливая к победоносному нашествию германцев на нашу промышленность после войны.

Для урегулирования денежного обращения нужна программа, но широкая, чуждая вражды к настоящему промышленнику — творцу-созидателю новых экономических организаций, лишенная специфического партийного духа, программа развития наших производительных сил страны (нужно давать концессии на леса, на земли для развития скотоводства, хлопководства) и если эта широкая, деловая творческая программа вселит уверенность в население, что рубль не будет падать, то крестьяне в обмен на него будут давать свои продукты, и наши города и наша интеллигенция не погибнут тогда от голода и холода, тогда и публика пойдет широко в займы, веря в свое деловое правительство и зная, что она будет обратно получать рубли той же ценности или даже более дорогие. При падающем же рубле люди будут предпочитать приобретать вещи в разной форме.

Чтобы бороться с товарным голодом, надо часть армии в тылу обратить на работу на фабрики и заводы и войти в об-

суждение вопроса о введении у нас трудовой повинности, как это правильно указало правительство.

Необходимо понизить чрезмерное прямое обложение, которое затормозит нашу промышленность и погасит у нас творческие инстинкты, а мы и так работать привыкли, не богаты творческими силами и боимся, что у нас начнется экспорт «капитанов» нашей промышленности за границу.

Только при этих условиях можно ожидать притока к нам иностранного капитала, а без притока нам не залечить наших ран, да и русский капитал, пожалуй, уйдет от нас.

Министр финансов говорил, что на рискованные меры он не пойдет, а чрезмерное прямое обложение — это ведь рискованная мера, могущая убить промышленность.

Чтобы население платило налоги, надо, чтобы оно было уверено в разумном расходовании народных средств, а этого-то у нас и нет: теперь у нас здесь более расточительны, чем при старом режиме.

В области народного образования надо связать школу с жизнью, надо прививать молодому поколению любовь к труду, приучать малышей к кооперации, как это делается в Бельгии, Соединенных Штатах. Надо ввести в народную школу основы элементарного преподавания сельского хозяйства (учебные поля с премированием тех учеников, кто наилучшее вырастит тот или другой злак, как это делается в Соединенных Штатах).

Надо выращивать нового человека, человека-творца.

Из высшей школы мы выпускаем людей неученых, отучаемых от творчества, и здесь нужно прежде всего возбуждать в учащихся святую жажду творчества, и в переживаемое время эта обязанность налагается на весь преподавательский персонал.

Все слои населения должны проникнуться культом труда: кто не работает, тот не достоин уважения, его надо бойкотировать. У нас, к сожалению, труд не в почете, и нужно объявить крестовый поход в защиту культа труда.

Нужно ореолом окружить лиц работающих, лиц, обладающих творческим резцом, и подбадривать их.

Нужно, одним словом, органическое перевоспитание всего общества.

Итак, нужна сильная власть, она должна освободиться из-под разных влияний, должна быть восстановлена армия во что бы то ни стало, должна быть создана сильная власть на местах и социальные эксперименты нужно пока забыть, они не к моменту, который мы переживаем, и не по плечу русской демократии, жившей все время во тьме и не имеющей для создания другого социального уклада должных качеств.

Но, к сожалению, мы среди правительства не видим творчества, не видим должного опыта, и нужно призвать в состав правительства людей и из тех сфер, которые на протяжении русской истории эти свои творческие способности уже показали, иначе мы, Россия, из великой сделаемся малой.

Представители демократии, искренно желающие добра массам населения, не имеют навыка к государственному строительству и управлению, и в этом они должны честно признать-ся и предоставить большее участие представителям других слоев населения.

К сожалению, мы страдаем отсутствием государственности в широких массах и склонны проводить вместо общих свои частные и партийные интересы.

Надо положить этому предел, надо очнуться, и мы увидим тогда зияющую бездну пред собой, и если не сольемся все в общегосударственном строительстве, то мы погибнем.

В настоящее время надо оставить все вопросы, кроме вопроса о восстановлении дисциплины в армии, об организации сильной власти, организации транспорта, поддержании сельского хозяйства в промышленности.

Я убежден, что капиталисты готовы принести все материальные жертвы, не разрушая однако предприятий, этих живых организмов, для блага родины, но пусть и рабочие работают, пусть напрягут все свои усилия, не разрушая однако своей физической силы и здоровья, пусть солдаты сражаются, пусть крестьяне дают хлеб, чтобы спасти страну от голода, и это даст нам победу и спасет страну от разгрома и спасет от контрреволюции (возвращения к старому режиму никто не хочет), но правительство и демократия должны прислушиваться к голосу разума и пойти навстречу общим национальным пожеланиям, и мы хотим верить, что это будет так.

С победой Германии будет разрушена наша экономическая жизнь, а тогда прежде всего пострадает демократия.

Да, надо забыть распри, споры, перед нами одна задача — восстановить армию, создать порядок в стране, поддержать экономическую жизнь в стране, ведь родина гибнет.

Надо исправить посильно ошибки, без этого все жертвы будут втуне.

Сейчас вопрос идет о том, быть или не быть России, как великой стране.

И мы должны думать прежде всего о нашем долге перед родиной и работать, работать, иначе наши дети и внуки проклянут своих отцов и дедов.

Пусть же проснется наша бывшая энергия, но когда мы пройдем эти великие испытания, когда вырастим у себя новые силы, тогда начнем мы выращивать и другой социальный строй, в котором всем будет житья лучше.

МОСКОВСКОЕ СОВЕЩАНИЕ

Не радостное впечатление оставило на меня Московское совещание¹¹, и не удивительно, если под влиянием его наш рубль за границей полетит вниз, там увидели нашу разрушительную работу, самодовольство некоторых крайних групп, которые не ведают, что творят.

Мы слышали лишь одни фразы о развитии производительных сил страны, но раскрывать эту формулу представители правительства боятся, ведь тогда придется говорить о постройке железных дорог, притом частными средствами, так как у казны денег нет, об эксплуатации наших лесов путем выдачи концессий и, следовательно, о привлечении буржуазии к творчеству, а что скажут на это товарищи слева?

В этом трагизм правительства: оно боится.

Старый режим боялся шевельнуться: что скажут правые?

Теперь боятся из-за левых, и этот страх обессилил старый режим, лишил его творчества, и его обессилит и новый, и творческий резец выпадет из его рук.

И тогда ведь сознавали, что нельзя сидеть сложа руки, надо что-то делать, и даже министры старого режима гово-

рили, что если творчества режим не проявит, то революция неизбежна.

И теперь вожаки левых как будто начинают прозревать, что с экономической разрухой рухнут и чаяния революции, но боятся «ведомых».

Вожди левых как будто прозревают, что они ведут массы к пропасти, но ведут по цветущему полю грез и мечтаний, и пропасть уже видна. И что скажут тогда те, кого они ведут? Этот час близок.

Среди капиталистического строя всего мира нельзя создать другого уклада жизни, капитал уйдет в другие страны, конечно, каменные стены фабрик не уйдут, но уйдет дух промышленности, а с этим все уйдет, уйдут живые силы, не будут больше строить фабрик и заводов, не будут властным словом вызывать богатств из недр земли, и мы останемся с тяжелым бременем долга на шее.

Мы убьем у себя всякую энергию и инициативу.

Как иностранные капиталы могут идти к нам, когда у нас царит самовластие рабочих, их вмешательство в управление фабриками?

После войны капитал будет редкой птицей, и пойдет только туда, где он спокойно будет развивать свое творчество.

А нам нужно капиталом одухотворить наши богатства. В Канаде на душу населения пшеницы производят 46 пудов, а у нас 8 пудов, овса в Канаде — 47 пудов, а у нас 6 пудов. Кукурузы — в Соединенных Штатах — 46 пудов, а у нас меньше 1 пуда, и нам нужно влить большие капиталы в сельское хозяйство.

У нас только в 26 губерниях фосфоритов миллиарды пудов, а мы у себя всего добываем 1 млн и ввозим необработанных фосфоритных руд около 1½ млн пудов.

В интересной книжке «Цифры о России»^{III} автор говорит: для того чтобы от сего дня лет через пять, т. е. в 1923 г., нам занять то положение, в коем была угольная промышленность Германии в 1913 г., нам уже сегодня надо прибавить на основные и оборотные капиталы новых угольных предприятий 2½ млрд наличными в добавление к тем 100 млн рублей, которые вложены в 1913 г.

В нашей промышленности заложено около 5 млрд рублей, и если взять и экспроприировать эти капиталы и поделить их, то придется едва ли больше 20 рублей на душу населения: ведь ликвидационный комитет съел бы, вероятно, 20–30% от этой суммы, да распределительный комитет, пожалуй, столько же, и останется даже меньше 20 рублей на голову, ведь мы знаем, сколько средств поглощают продовольственные комитеты: демократия не умеет обращаться с деньгами.

Мы страшно богаты золотом, а между тем все акционерные общества по добыче золота и платины располагают капиталом в 120 млн рублей, а в Соединенных Штатах одно общество по изготовлению глиняных горшков и посуды имеет капитал в таком же размере.

Если мы захотим повысить производство железа хоть на одну треть сравнительно с его добычей в 1913 г., то на это уже нужно новых капиталов на 200 млн рублей.

А мы опять поднимаем вопрос об ограничении прибылей предприятий и угрожаем промышленности, что во что бы то ни стало заставим ее надорваться да уплатить 90% своих прибылей в форме обложения, и это включаем даже в программу, и неудивительно, если разум Европы отвечает на это понижением нашего рубля.

Мы сражаемся в настоящее время не с внешним врагом, а с нашей промышленностью и сельским хозяйством (частновладельческим), и сражаемся весьма удачно, так торговля совсем уже повержена в прах.

Но делить капиталы нашей промышленности не так трудно, творчества и здесь не надо, но, спрашивается, если наше население получит по 15–20 рублей на голову при этой дележке, а промышленность погибнет, то так ли это хорошо?

Недаром даже приезжие социалисты, познакомившиеся с тем, что делается у нас, говорят, что мы своим неразумением лет на 300 затормозим развитие социализма в Европе.

Мы преждевременно расковыриваем бутон, и, конечно, тогда не будет плода.

И мы должны иметь мужество указывать ошибки не для того, чтобы возбуждать рознь, а чтобы избавиться от них.

За последнее время уже мы немало ввезли к себе маринованных человеческих мозгов и притом испорченных.

Мой душевный крик: надо прекратить разрушение у нас сельского хозяйства, промышленности, торговли, ослабить работу печатного станка по печатанию кредитных билетов.

Конечно, мы все повинны в разрухе, мы были зайцами и всё боялись поднять здравый голос, кто им обладал в момент всеобщего опьянения, и дух улетел из нашей революции, и вместо него получился разгул своекорыстных интересов и ленивой психологии.

У нашей демократии нет навыка к управлению: она далеко стояла даже от городского и земского управления, не проходила школы и в рабочих организациях, и об этом надо громко говорить и нельзя этого замалчивать.

Хотя у нас и нет теперь политического самодержавия, но в душе мы самодержцы и не терпим ограничения, и наша демократия, воспитанная в затхлой атмосфере, страдает этим же грехом, и в настоящее время это особенно сказывается: мы никак не хотим сознаваться в наших прегрешениях, видя в этом оскорбление его Величества «Я».

В настоящее время одна только идея — «благо родины» — должна доминировать надо всем, и мы должны забыть все наши личные распри и споры.

К сожалению, и иностранцы, приезжая к нам, из вежливости воскурят фимиам нашей демократии, а под сурдинку говорят иное, и этим наносят удар самым идеям.

Вожаки масс видят, что Россия разрушается, а при разрушении нельзя говорить о водворении у нас социализма, не до жиру, а быть бы живу, но, по-видимому, не решаются об этом говорить массам населения, а между тем голод, холод, безработица — все это создает у нас столько взрывчатого вещества, что может перевернуть все.

Мы должны были бы теперь же, сегодня, не откладывая до завтра, принять все меры к экономическому подъему России. Надо распустить часть солдат, находящихся в тылу, для работ на фабриках и заводах, в деревне. Ведь экономическая мощь — один из главнейших факторов победы.

Надо остановить требования рабочих в повышении заработной платы, ведь это убивает промышленность.

К сожалению, у кого в настоящее время физическая сила, там нет разума, у кого же есть разум, нет силы, надо слить это воедино, но надо помнить: от суда истории не уйдут и новые люди, и она произнесет свой приговор. Потворствуя толпе, новые люди идут самым дешевым для себя путем к популярности и самым дорогим для государства.

Да, надо иметь прежде всего мужество говорить толпе, хотя это и неприятно ей, но говорить то, что лежит на душе, на совесть, к сожалению, этого-то у нас и нет. Мы слишком падки на популярность, на похвалы и слишком не любим критики, это — старая закваска.

От этого надо отрешиться, а если мы не отрешимся, то мы не в состоянии будем творить, а без творчества мы погубим самые идеи, которым мы поклоняемся и в которые мы верим.

Но надо сажать пока эти идеи и ждать десятки лет, пока они не прорастут, и надо об этом иметь мужество открыто говорить массам населения.

^I Печатается по: *Озеров И.Х.* Что нужно делать. Петроград: Свободный народ, 1917. С. 3–16.

^{II} Государственное совещание в Москве (Московское государственное совещание) — всероссийский политический форум, созванный Временным правительством. Проходил в Москве 12 (25)–15 (28) августа 1917 г.

^{III} Возможно, идет речь о работе: *Цифры о России*. Петроград: тип. Общества распространения религиозно-нравственного просвещения, 1917.

Л. Н. Юровский

Единый путь^I

Повсюду — на совещаниях тех лиц, которые группируются около социалистических советов, и на собраниях торгово-промышленных деятелей, во всем ряду организаций, начиная с большевистских и кончая теми, которые вышли из прежней октябристской среды, — раздается одна общая жалоба на безвыходность создавшегося положения. Винят анархию и контрреволюцию, безмерность требований рабочих и «саботаж» предпринимателей; всякий толкует причины этой безвыходности на свой лад, но все, кроме самых неразумных, признают ее. И она, действительно, налицо. Она не будет уничтожена ни частными, ни государственными совещаниями, ни призывами, ни приказами, опирающимися на реальную силу, ни новой группировкой политических сил. Эта «безвыходность» коренится во всех условиях нашего государственного существования. Она подготовлена трехлетней войной, форсированная революцией, и мы как будто стоим перед нею, бессильные и беспомощные.

Мы не в состоянии прокормить свою армию и свои города. Мы не в состоянии одеть свое население и обуть его. Мы не в состоянии защитить себя от зимних морозов. Мы не в силах разрешить самые элементарные задачи, стоящие перед всяким обществом, и эта опасность страшнее, чем всякая другая. Перед лицом этой опасности теряют значение политические и социальные споры, которые могли волновать нас в теплые летние дни. Голодный народ, сидящий в нетопленных квартирах, сметет всякую власть, какова бы ни была ее политическая и социальная программа. Нужен какой-то полный пересмотр всех

начал нашего государственного управления, и лишь тот заслуживает власти, кто будет иметь смелость предпринять его.

Основной факт заключается в том, что мы обеднели людьми и материальными средствами в такой степени, что нам не под силу разрешить какие-либо крупные государственные задачи. Что у нас есть великодержавного теперь? Разве лишь то, что несмотря на все поражения, земля наша все еще велика и что в самые тяжкие дни нашей истории мы вновь возомнили себя третьим Римом и захотели проучить всю Европу. И больше ничего.

Наша государственная машина работала плохо накануне войны. Она стала работать ниже всякой критики в 1915 и 1916 гг. В настоящее время она почти совсем не работает. Наши организационные силы оказались столь ничтожными, что мы не в состоянии не то что справиться со всей своей государственной разрухой,—мы не умеем даже как следует подойти к ней. В войске, в милиции, в железнодорожном, в продовольственном, в промышленном деле мы работаем, как беспомощные дети, на которых возложена задача, выходящая далеко за пределы того, что они могут совершить. По инерции еще работают некоторые части машины, еще вертятся некоторые колеса, еще шумит расшатанный механизм. Но постепенно ломаются все новые части, и несоответствие между работой и потребностями становится столь разительным, что последствием его может быть лишь одно: голодный и холодный бунт, восстание бесцельное, жестокое, разрушительное, варварское.

Возможно ли его предотвратить? Кажется, возможно, но направление нашей государственной политики, в широком значении слова, должно для этого измениться самым решительным образом. Речь идет не об изменении в сторону той или другой партийной программы. Речь идет о пути экономического спасения, и при том, быть может, о единственном пути.

Мы должны приспособить свои задачи к своим средствам. Средства эти—скромные, и задачи должны быть невелики. И если мы этого не признаем, то мы все равно не разрешим никаких задач. Мы должны продолжать войну вместе со своими союзниками до тех пор, пока не станет возможен общий мир. Но в этой войне нам придется играть лишь скромную роль

одного из многих факторов. Многомиллионная армия, которую мы держим, пытаемся одеть и прокормить, не есть армия; на три четверти по крайней мере это опасная для государства толпа, которая истощает последние государственные силы и не служит ровно ни к чему. С этой армией мы не сделаем даже того немногого, чего интересы союзников и наши собственные интересы все еще требуют от нас. Чтобы превратить толпу необученных или плохо обученных людей в войско, хорошо управляемое и удовлетворительно снабженное, необходимы организационные и материальные средства; у нас их хватит, чтобы выполнить дело в небольшом масштабе, но мы, несомненно, сорвемся, если захотим остаться при миллионных армиях на фронте и в тылу. Нам нужна небольшая армия, но настоящая, крепкая, для которой хватило бы хороших офицеров, здоровых солдат, хлеба, кожи, сукна, повозок, лошадей. Небольшую армию мы сможем, быть может, дисциплинировать и содержать, и это будет полезная для государства сила. Большую армию мы не сумеем ни дисциплинировать, ни прокормить. Она задавит всю страну и все ж таки не просуществует, если даже и признавать, что она существует еще теперь.

Война есть важнейшее из условий, в которых живет в настоящее время Россия. И с армии поэтому необходимо начинать. Сократить армию — значит подойти к разрешению всех остальных задач. Это в конечном счете значит усилить ее боеспособность, и это значит в то же время улучшить ту обстановку, в которой живет тыл. Облегчится работа железных дорог, меньше потребуется хлеба на рынке, ибо часть отпущенного населения пойдет в деревни, по домам, появятся рабочие силы и повысятся некоторые производства. Уменьшатся государственные расходы и вместе с тем несколько медленнее будет расти дороговизна.

Однако это не всё. Сокращение армии должно быть лишь звеном в той государственной программе, которая может вывести страну из тупика. Власть должна определенно, незыблемо установить принцип: мы обеднели, а не разбогатели во время войны, и трехлетняя война не может вести к тому, чтобы население пользовалось большим благосостоянием, чем раньше. В распределении богатств между классами населения воз-

можны, конечно, изменения, но основная линия экономической политики должна быть направлена в данный момент в сторону обеспечения необходимых средств государству, а не отдельным лицам и классам, как бы справедливы ни были их притязания. И уж во всяком случае, если кто имеет право быть беспощадным в настоящее время, так это не население по отношению к государству, а государство по отношению к населению. Политика безумного расходования денег казначейством должна быть прекращена. Прямыми налогами, косвенными налогами, в подходящий момент, быть может, принудительными займами власть должна укрепить положение финансов. Одна из печальнейших сторон революции заключается, несомненно, в том, что она дала гораздо больше простора жадности и корыстолюбию, чем самопожертвованию и энтузиазму.

Определить пределы тех государственных проблем, которые мы в силах разрешить, и водворить в государственном хозяйстве начало крайней экономии, — в этом заключается задача ближайшего времени. Какая из политических групп сумеет ее осуществить, покажет нам недалекое будущее. Но можно смело утверждать, что все те политические группы, которые пренебрегут ею, будут сметены ходом событий.

¹ Печатается по: Юровский Л. Н. Единый путь // Русские ведомости. 1917. 18 (31) августа. № 188. С. 2.

Л. Н. Юровский

На пути к анабиозу транспорта¹

Данные о состоянии транспорта, приведенные в этой заметке, взяты из статьи практика и специалиста И. Д. Михайлова, напечатанной в книжке «Известий по продовольственному делу», которая на днях выходит из печати¹¹. Они в каких-либо комментариях не нуждаются, будучи сами по себе так красноречивы и грозны, что никакие восклицания не могли бы прибавить что-нибудь к их поистине страшному значению.

Некоторые цифры уже приводились в печати. Для полноты картины они будут, однако, вновь упомянуты.

«Паровозов в текущем году сравнительно с 1916 г. на 1200 больше, а между тем сейчас их работает всего только 15 930 против 16 600 работавших в это время в прошлом году».

Процент больных паровозов возрастал за последние месяцы следующим образом:

15 марта — 21%,
15 апреля — 22,6%,
15 мая — 23,5%,
15 июня — 24,2%,
15 июля — 25,3%.

На некоторых дорогах процент больных паровозов достигает фантастических цифр: на Сызрано-Вяземской — 34,7%, на Ейской — 40,9%, на Северо-Восточной Уральской — 41,7%, на Мурманской — 51,9%.

Процент больных вагонов растет еще быстрее. Он составлял:

1 марта — 5,4% наличного числа,
15 марта — 6,0%,
15 апреля — 7,3%,
15 мая — 7,4%,
15 июня — 8,3%,
15 июля — 9,0%.

Известно, что ремонтные работы протекают в высшей степени неудовлетворительно. И. Д. Михайлов сообщает об этих работах нижеследующее:

«Во многих железнодорожных мастерских зафиксирована заработная плата в 250 рублей в месяц, по расчету 3–4-часовой работы в день; на остальное время рабочие уходят на частные заводы. Между тем стоимость работ сильно повысилась: так, например, капитальный ремонт паровоза ранее стоил 12 000 рублей, в настоящее время он стоит уже 100 000 рублей».

Из-за недостатка паровозов образуются пробки на рельсовых путях, и Забайкальская дорога, например, не в состоянии пропускать все грузы из Владивостока. Вывоз из последнего упал поэтому со 150 вагонов до 50, и бывают дни, когда погрузка совершенно не производится. Отражением служат хвосты у частных магазинов.

«За полугодие 1917 г. по сравнению с тем же полугодием 1916 г. железные дороги недогрузили 700 000 вагонов, т. е. потребители недополучили 700 млн пудов нужного им груза и в том числе свыше 100 млн пудов угля».

Свои выводы И. Д. Михайлов резюмирует в следующих словах: «9 июля на съезде начальников железных дорог уже раздавались голоса, что осенью железные дороги останутся, и я полагаю, что это — не угроза, не голословное заявление, а логическое следствие из нынешнего положения вещей, и если обстановка не изменится немедленно к лучшему, если не будут приняты решительные меры к поднятию продуктивности труда и не будет признан и проведен в жизнь принцип, что дисциплина на железных дорогах также необходима, как она необходима и в армиях, и это растление власти в железнодорожном

деле совершенно нетерпимо, то угроза превратится в реальную и ужасную действительность».

С водным транспортом дело обстоит так же плохо, как и с железнодорожным. По данным распорядительного водного комитета, к 1 июля отправлено было тысяч пудов хлеба:

	В 1916 г.	в 1917 г.
По Волге	87439	22311
По Каме	28211	18094
По Оке	3279	2422

Прибытие хлеба по Волге в Рыбинск упало в четыре раза. В Петроград на 27 июля по водной системе прибыло 679000 пудов против 6725000 за то же время в 1916 г., т. е. в *десять раз* меньше.

И такое же явление на Южном Буге (Николаев) и на Днестре (Херсон).

Ничего к этому не прибавить. О «решительных, неотложных мерах» в конце подобных заметок ведь пишут лишь потому, что надо же что-нибудь написать. В данной политической и социально-психологической обстановке этих мер не существует. Мы просто должны быть готовы всё, всё пережить.

^I Печатается по: *Юровский Л. Н.* На пути к анабиозу транспорта // Русские ведомости. 1917. 30 августа (12 сентября). № 198. С. 5.

^{II} См.: Известия по продовольственному делу. Петроград: Министерство продовольствия, 1917.

Л. Н. Юровский

После грозы^I

Как мы ни бьемся в мучительной тревоге над разрешением тех политических и хозяйственных задач, которые оказались непосильными для нас, мы только топчемся на месте, в то время как мировая жизнь идет своим путем. Рано или поздно эта «мировая жизнь» поставит нас перед совокупностью своих решений, и нам останется только преклониться перед незыблемой силой вещей. Смутное чувство, что дело обстоит именно так, проникло в последние дни даже и в интернационалистические круги русских политиков. Орган В. Чернова^{II} стал громко протестовать против решения великих выдвинутых войной вопросов без соблюдения интересов России и вне той постановки, которой требовала революционная демократия Советов. «Дело народа» поднялось даже до призыва к воссозданию сильной, боеспособной армии. Но поздно. Так поздно, что уж не лучше, чем никогда. Жалкими и ненужными представляются теперь эти вопли, запоздалый патриотический пафос и гражданские слезы. Игра проиграна и, может быть, пора уже теперь подсчитывать, что останется у нас *после* проигранной игры.

Останутся ограниченные запасы хлеба и всякого сырья, испорченная железнодорожная сеть, изломанные машины на фабриках, неремонтированные в течение трех лет заводские и жилые строения, разоренная полоса земли на западе, большой иностранный долг, плохой иностранный кредит, — а может быть, и отсутствие всякого кредита, — пониженная работоспособность населения и масса вдребезги разбитых политических иллюзий, словом — то самое разбитое корыто, от которого мы всячески открепщивались, но которое волею судь-

бы неминуемо должно составить все наше национальное достояние. Чтобы не прибавлять к этим старым иллюзиям еще одной лишней иллюзии, мы должны определенно предвидеть уже теперь, что время по окончании войны будет необыкновенно трудным, что в хозяйственном отношении на целый ряд лет это будет время страданий и нищеты. Всем будет не легко, и победителям, и побежденным. Но горе побежденных будет, несомненно, особенно тяжело. Для нас этот вопрос решили многие причины, и было бы несправедливо взыскивать всю ответственность на одни плечи. Но поражение довершили преступления тех людей, которые чувствуют себя теперь победителями в стране.

Сейчас, когда машины экспедиции заготовления государственных бумаг работают вовсю, когда некоторые требования предъявляются, а иногда и удовлетворяются, можно сказать, в утопических размерах, истинное положение вещей не выступает во всей своей наготы. И кроме того, мы приписываем временный характер очень многому, что на самом деле будет длительно. Мы живем под впечатлением, что «дезорганизация», «разруха», «развал», — что все это прекратится вместе с войной и жизнь пойдет не только по-старому, но, в связи с более справедливым распределением народного дохода между классами, пойдет лучше, чем по-старому. Но это — иллюзия.

У нас не будет иного богатства, кроме бумажек и огромных бессодержательных цифр. Взять даже сельскохозяйственное население, для которого в известной мере война была не безвыгодна: перераспределение происходило отчасти в его пользу, и все помнят, как в первый год войны отмечались обилие денег в деревне и рост ее покупательных сил. Но что есть у деревни теперь? Сапоги она износила и одежду тоже. Мертвый инвентарь за время войны обветшал. Живой инвентарь скорее всего уменьшился (если только не исчислять его путем сравнения несравнимых переписей). Остались вклады в сберегательных кассах и кредитные билеты в сундуках. Сумма вкладов (общая) в сберегательных кассах доходит теперь почти до пяти миллиардов рублей. Но насколько вкладчики богаче, чем были до войны? Что стоят теперь их вклады: два миллиарда золотых рублей или, может быть, еще меньше?

Что есть у обогатившихся торговцев и промышленников? Дома, которые построены до войны, акции старых железных дорог или фабричных предприятий и снова бумаги, реальная цена которых такая же, как и реальная цена рубля. И с чем они начнут «расширенное» производство по заключении мира? Ни с чем, ибо нет ни новых машин, ни сырья, ни средств, чтобы купить что-либо за границей. Результат может быть только один. Мы пройдем через период самой острой и очень длительной, небывало тяжелой хозяйственной депрессии, колоссальной безработицы, страшной нищеты. Все это — не злостное каркание и не произвольное гаданье, все это — несомненное будущее, равно непредотвратимое и ужасное. В терминах экономики то, к чему мы пришли, называется сокращением основного капитала и огромным уменьшением, почти уничтожением, оборотного при отсутствии кредита.

Одно обстоятельство, которое не зависит от нас, могло бы помочь нам до некоторой степени после войны. Если бы нам суждено было собрать несколько хороших урожаев, то при тех ценах, которые Европа согласится платить за хлеб, когда откроются все рынки, мы могли бы выручить достаточные суммы, чтобы перебиваться в течение ближайших лет. Но хорошие урожаи вне нашей воли, во всяком случае летом 1917 г. народная воля не была еще направлена на увеличение их.

Если оставить в стороне это «независящее» обстоятельство, то разрешение вопроса о длительности хозяйственного кризиса и нищеты будет зависеть от двух факторов: от массы и интенсивности народного труда и от той помощи, которую окажут нам более счастливые государства.

Количество трудящихся уменьшится, это ясно. Убитые, тяжело раненые, испытывавшие непосильные лишения плена, — все они должны быть сброшены с одной чашки экономических весов, а отчасти положены на другую. Сократившемуся числу работающих придется прокормить инвалидов войны, уплатить проценты по долгам, погасить самые долги, восстановить изношенный и разрушенный капитал. Только огромное повышение производительности труда могло бы справиться с этой задачей. Мы же пока находимся в полосе его падения, и признаков обратного процесса еще не видно.

Что касается иностранной помощи, в первую очередь иностранного кредита, то рассчитывать на него в широких размерах не приходилось бы даже в случае благоприятного положения вещей внутри государства. Ибо алчущих будет много, а дающих мало, и те, кто раньше ссужал, теперь явятся сами за ссудами с пустыми кошельками. Но мы, по-видимому, не получим и той небольшой доли, на которую мы в иных условиях могли бы претендовать. Никто не дает тому государству, вся будущность которого под сомнением.

Но если бездействуют эти два фактора, тогда подорвана самая основа государственной жизни, и выхода из положения не видно. Тогда мы можем опуститься так низко, что участь разлагающихся восточных государств станет нашей собственной участью. Недаром недавно в этой связи вспоминали о Польше. Это не значит, конечно, что такая судьба может постигнуть нас через месяц, через год или через десятилетие. Государства разлагаются веками. Никто не может доказать, что будет. Нужно, чтобы весь круг несчастий был пройден, для того чтобы можно было сказать, когда действительно начался процесс разложения. Эти вещи констатируют не современники, а историки. Легкомыслию современников не положено — увы! — не положено ни логического, ни какого-либо иного предела. Отрезанные от морей, мы ведь будем существовать. Лишенные части своей территории, мы тоже будем существовать. Да, наконец, люди на нашей земле вообще не перестанут существовать, покуда она будет обитаема. Существуют Турция, Персия, существуют народы и там, где была когда-то Римская империя.

Что России угрожает опасность гибели, это совсем не фраза. Но это, разумеется, не значит, что население страны погибнет. Речь идет о таком общественном и культурном процессе, которого обыватель, — зовут ли его Троцкий или Каменев, или Чернов, или Иванов и Петров, — может не замечать.

Обстановка, в которой нам будет угрожать эта опасность, в международном отношении будет характеризоваться соседством всемогущей по сравнению с нами империи, в хозяйственном отношении — страшным оскудением и растратой не большого накопленного в последние десятилетия капитала. Но справиться с обстановкой возможно. Важнее обстановки источ-

ник этой опасности, а она — в душевной слабости нации, которую обнаружили война и революция, особенно последняя. В годы после войны в затяжном и остром хозяйственном кризисе, в неминуемой нищете народная душа подвергнется новому испытанию. Без помощи извне, на разоренной почве, в тяжчайших условиях международного соревнования, не закончив внутренних распрей, в тяжелом труде придется воссоздавать русскую государственность и работать над русской культурой.

Кто ныне может с уверенностью сказать, что это будет сделано? Никто. Необходимо почти что чудо.

Необходимо, чтобы в сознание народа вошли такие начала, которых ныне в нем нет. Те начала, на которых покоятся устойчивые, дисциплинированные и честные общественные и государственные организации лучших наций. И только в том случае, если бездна несчастий, на которые мы обречены, заставит зародиться и развиваться эти начала в народной душе, Россия может быть спасена.

Каким ничтожным и мелким представляется в этой перспективе все политиканство наших дней.

¹ Печатается по: Юровский Л.Н. После грозы // Русские ведомости. 1917. 16 (29) сентября. № 211. С. 2.

¹¹ Имеется в виду газета «Дело народа», центральный орган партии эсеров, издавалась в Петрограде с 15 (28) марта 1917 г.

Л. Н. Юровский

Русское хозяйство^I

В первом январском номере газеты подводят обычно итоги прошедшему и высказывают предположения о том, что ожидает страну в наступающем году. Этот добрый обычай нам приходится оставить. Мы вошли в катастрофическую полосу русской истории, когда немыслимы итоги и недопустимы пророчества. Наш государственный корабль, как лодка захваченного вихрем рыбака в мрачном и фантастическом рассказе Эдгара По, с головокружительной быстротой скользит в бездну, и никто из современников не в силах предугадать, что всплывет на поверхность взбаламученного моря, когда пройдет военный и революционный ураган. Что ожидает русское народное хозяйство? Да кто знает: может быть, надо писать не о русском народном хозяйстве, а о великорусском, украинском, башкирском, молдавском, одесском и прочая, и прочая, и прочая? Не время теперь для обобщающих статей. Результаты катастроф описывают лишь тогда, когда они закончены.

Но нельзя же расстаться окончательно с обычаем, существующим с тех пор, как издаются газеты: что-нибудь «новогоднее» необходимо написать. Поскольку речь идет о народном хозяйстве, это можно сделать в одной только форме: можно наметить те вопросы, которые будут иметь для нашего будущего главнейшее значение.

Три с половиной года прошло со времени объявления войны, и за это время Россия обеднела. Насколько? Отвечая на этот вопрос, следует поставить отдельно финансовую и народно-хозяйственную проблему.

На военные потребности к 1 сентября 1917 г. ассигновано было 41 млрд рублей. К 1 января 1918 г. ассигнования составили, вероятно, около 50 млрд рублей. Не вся ассигнованная сумма уже израсходована. На государственном совещании в Москве 12 августа С. Н. Прокопович указывал, что фактический расход достиг 34,5 млрд рублей. К концу года он, вероятно, превысил 40 млрд. Однако разность между ассигнованиями и фактическим расходом почти целиком составляет невыплаченный еще казенный долг, и можно поэтому считать, что по 1 января 1918 г. война нам обошлась в 50 млрд рублей. Эти 50 млрд не однородны. Сюда входят заграничные займы, по которым придется платить «золотом», внутренние займы, по которым придется платить кредитными билетами, и наконец, выпущенные Госбанком кредитные билеты, по которым можно будет ничего не платить.

Но вообразим на время, что государство могло бы и хотело бы избежать не только явного, но и скрытого банкротства, что, изъяв весь излишек кредитных билетов из обращения, оно превратило бы все 50 млрд в консолидированный долг и уплачивало бы проценты по этому долгу полноценным рублем. Сумма процентов составила бы свыше 2,5 млрд рублей в год.

Наш довоенный бюджет превышал 3 млрд. Если исключить из него все оборотные суммы обширных государственных предприятий, то он составлял около 2 млрд. Не считая всех тех новых расходов, которые неминуемо возникнут после войны, русскому казначейству при сделанном допущении пришлось бы расходовать после войны ежегодно $2,5 + 2 = 4,5$ млрд. А если считать эти неизбежные расходы, то цифру осторожнее поднять до 5 млрд золотых рублей. Посильно ли это для казначейства? Другими словами, какую часть народного дохода составляет эта сумма?

По подсчетам главного экономического комитета, народный доход России накануне войны составлял около 16 млрд в год. Эта цифра, во всяком случае, не преуменьшена, и она не слишком далека от других аналогичных исчислений. Если бы по окончании войны народный доход возвратился к уровню 1913 г., предполагаемый расход в 5 млрд составил бы 30% его. Но прежнего дохода уже не будет. Нам угрожает утрата тер-

риторий, население которых достигает $\frac{1}{8}$ части всего населения России. Мало того. Мы потеряем территории, которые по благосостоянию своему значительно выше среднего русского уровня. На их долю приходится не $\frac{1}{8}$ народного дохода, не 2 млрд, а больше. И без них народный доход России составит уже не 16 млрд, а менее 14, может быть, лишь 13. Однако и это не всё. Во время войны не только израсходована часть нашего капитала (мы дальше возвратимся к этому вопросу), упала, кроме того, производительность народного труда. На меньшей территории русский народ в ближайшие годы не будет производить новых ценностей на 13 млрд рублей, и самое большее, во что позволительно оценивать после войны наше ежегодное производство, это 11–12 млрд золотых рублей. По отношению к этой сумме народного дохода расход в 5 млрд составил бы 40–50%. Никакой финансист не сумеет взять у населения половину его дохода. Финансовый вопрос не может поэтому разрешиться иначе, как при помощи скрытого банкротства, путем окончательного признания того или иного обесценения кредитного рубля, путем девальвации.

Если бы удалось установить курс кредитного рубля около 25 копеек золотом, удержав в обращении те 20 млрд бумажных денег, которые выпущены Государственным банком, финансовая задача свелась бы к следующему. Нам пришлось бы платить проценты по займам на сумму приблизительно в 30 млрд. Из них около 8 млрд взяты за границей, около 22 получены или должны будут быть получены внутри страны. Так как с обесценением русского рубля будут обесценены и русские займы, то эти 22 млрд составят в прежних полноценных рублях лишь 5,5 млрд. Вместе с 8 млрд нового заграничного долга это составит 13–14 млрд рублей, а проценты на эту сумму — около 700 млн рублей золотом. Это будет огромное бремя, но в таком и даже несколько большем масштабе финансовая проблема в случае восстановления государственного порядка была бы разрешима. Конечно, дело обстояло бы так, если бы мы вышли из всех наших катастроф в январе 1918 г. В новом году все это может еще резко измениться.

Финансовая проблема не совпадает с народно-хозяйственной. Расход казны и расход народного хозяйства — совершенно

разные вещи. Хлеб, съеденный солдатом, с финансовой точки зрения является новой затратой, а с народно-хозяйственной точки зрения это прежний расход, ибо солдат съедал свой хлеб и дома. Постройка железной дороги может явиться расходом для казны и приходом для народного хозяйства в смысле увеличения его производительных сил. Говоря, что война обошлась нам в 50 млрд, из коих 8 получены за границей, 12 составляют внутренние краткосрочные и долгосрочные займы, свыше 18 добыты путем выпуска кредитных билетов и остальные еще не оплачены, мы даем весьма общую, но достаточно верную характеристику финансовых итогов войны. Но мы почти ничего не говорим о народно-хозяйственной стороне дела. К сожалению, мы вообще очень немного можем сказать о ней, потому что она остается пока малоисследованной.

Длительная война ведет к израсходованию части национального капитала, в настоящее время это можно считать твердо установленным: сперва капитала оборотного, а затем капитала основного. Мы израсходовали за время войны все обычные запасы топлива и сырья, угля, шерсти, хлопка, кожи, железа и пр. Нет статистических данных, по которым можно было бы определить, какой капитал составляли все эти запасы до войны. Но несомненно, во-первых, что для полной работы промышленности они необходимы и, во-вторых, что их не скоро удастся восстановить. Позднее, чем стало обнаруживаться израсходование сырья, проявилась трата основного капитала: неотремонтированных зданий, усиленно работавших машин и станков. И здесь нельзя дать даже приблизительные цифры. Но ясно, что за 3,5 года этот расход не может быть ничтожен, и в некоторых отраслях он был, несомненно, огромен. Больше, чем какая-либо иная отрасль хозяйства, пострадали наши железнодорожные предприятия. Интенсивное использование путей и подвижного состава сказалось на состоянии железнодорожного хозяйства уже задолго до революции. В последние 10 месяцев приходилось говорить не об усиленном использовании, а о систематическом и варварском уничтожении. Если до войны министерство путей сообщения заявляло, что для полного оборудования запущенной рельсовой сети ему необходимо произвести расход в 1 млрд рублей, то после войны потребует-

ся несколько «золотых» миллиардов, чтобы привести в порядок вотчину «Викжеля»¹¹. Наконец, в 1917 г. к прежним формам сокращения национального капитала присоединились Гражданская война и погромы. Если Карл V говорил, что в его империи не заходит солнце, то Ленин с еще большим правом может утверждать, что в его социализированных землях не потухает зарево пожаров. Ценность того капитала, который вложен в помещичьи хозяйства, даже в условиях нашей земледельческой культуры очень велика. Погромы постепенно приближают ее к нулевому пределу.

Сокращение народного капитала было бы менее страшно, если бы перед нами раскрывалась одна из двух возможностей: получить существенную помощь из-за границы в виде кредита или быстро воссоздать затраченное благодаря росту производительности труда в связи с тем психологическим сдвигом, который может явиться результатом напряженной войны. По видимому, обе возможности для нас одинаково закрыты.

Свободных капиталов после войны всюду будет немного. Все страны быстрого и значительного накопления богатств участвуют в войне. Весьма вероятно, что лишь Соединенные Штаты Северной Америки по окончании войны смогут еще выступить на международном денежном рынке в качестве сильного кредитора. Но искателей кредита будет много. Большие государства с хорошей политической организацией, твердым порядком, интеллектуально высоко стоящим населением, вполне надежным хозяйственным будущим находятся в их числе. Если при условии верности союзникам и государственной благоустроенности мы могли бы еще рассчитывать на некоторую долю в будущем «кредитном» фонде, то теперь наши шансы на помощь становятся совершенно ничтожными и, может быть, нам долгое время будут давать лишь столько, сколько необходимо для уплаты процентов по иностранным долгам. Нам остается надеяться лишь на самих себя.

Увы! Это плохая надежда, по крайней мере в ближайшее время. Беда наша не только в том, что мы разрушили и продолжаем разрушать свои богатства, а в том еще, что мы утратили желание создавать. Развращающий лозунг бесплатного наделения землей стал знаменем времени. Самое характерное для

экономики революции заключается именно в том, что господствовавшая, да и теперь еще наиболее многочисленная, партия пропагандировала идею о связи благосостояния не с производительностью труда, а с успешностью захвата. Богатство есть, его надо только взять, все могут быть счастливы, стоит только издать надлежащий закон. На улицах, на рынках, в вагонах, в мастерских, в советах и комитетах — всюду господствует одна идея: надо взять богатство у имущих и распределить, и вся задача добывания хлеба насущного будет этим разрешена. Недаром уже в первые месяцы революции появились группы, объявившие 8-часовой рабочий день буржуазным предрассудком, и недаром стремительное падение производительности труда и кормление за государственный счет стали важнейшей и губительнейшей характеристикой революции.

Человек создает богатства, и он может быстро воссоздать разрушенное безумием. Но безумие прочно овладело Россией, и покуда оно не пройдет не только во внешних политических формах, но и в глубине человеческой души — нам нечего и думать об экономическом преуспевании: до тех пор наш удел — варваризация.

¹ Печатается по: *Юровский Л. Н.* Русское хозяйство // *Русские ведомости*. 1918. 3 (16) января. № 1. С. 3–4.

¹¹ Викжель — Всероссийский исполнительный комитет профсоюза железнодорожников, организация, созданная на 1-м Всероссийском учредительном съезде железнодорожников в 1917 г.

Л. Н. Юровский

Крайний срок^I

Власть народных комиссаров оказалась более длительной, чем многие полагали два с половиной месяца назад. Почему? Такой вопрос имеет не только историческое значение. Его необходимо поставить, чтобы дать себе отчет в том, сколько времени может еще продолжаться наш нынешний развал.

Власть большевиков — захватного происхождения, методом подготовки этого захвата были демагогия и политический обман, методом осуществления новой власти является вооруженное насилие, и в нем, в насилии, а не в воле большинства населения находится опора большевиков. Но все эти обстоятельства не должны заслонять от нас того факта, что с властвованием большевиков связаны интересы значительных групп населения. Пусть это интересы лишь сегодняшнего дня или плохо понятые выгоды невежественных людей, или даже чисто грабительские интересы тех темных лиц, которые сознают себя в настоящее время безответственными за все свои преступления. Если мы хотим не морализировать, а хладнокровно взвешивать силы и проверять степень устойчивости созданного этими силами положения, мы должны учитывать все интересы, — кратковременные и длительные, действительные и мнимые, честные и преступные, — всем им подвести один общий итог.

Большевики не дали России обещанного мира: с фон Кюльманом^{II} даже Бронштейн^{III} пока не в состоянии был заключить мирный договор. Это обстоятельство несколько ослабляет позицию большевиков; но зато большевики распускают уже армию и этим в свою очередь укрепляют свое положение.

Дезертирство перестало быть преступлением, и, что еще важнее, оно было облечено в более или менее правовые формы. В порядке разрешения отпусков и увольнения отдельных возрастов распоряжением прапорщика Крыленко армия сокращена была в несколько раз^{IV}. Интересы уволенных солдат связаны определенным образом с большевиками. Солдаты могут со временем забыть об этой связи, но сейчас они еще помнят о ней.

Большевики не дали народу и земли. Не дали потому, что крестьяне и сами захватили все то, что лежало близко. Они не имеют никакого основания видеть в аннексированных помещичьих землях дар Троцкого и Ленина, а не «своего селянского министра». Отсюда — относительная слабость большевиков в деревне. Однако большевики гарантируют в большей мере, чем какая-либо иная власть, полную безнаказанность за все совершенные преступления и все произведенные погромы, и по сему интересы недавно поживившихся связаны с правительством народных комиссаров.

Наконец, в городах власть большевиков поддерживает значительнейшая часть промышленного пролетариата, которому обещан полностью социалистический строй.

А государственная разруха, голод и нищета, которые приносит новая власть взамен всех благ, объявленных ею? Поскольку на длительность большевистского владычества не повлияют события международной жизни, которых в настоящее время нельзя ни предугадать, ни учесть, постольку именно разрухе суждено, по-видимому, сыграть в большевистском деле решающую роль. Однако здесь необходимы оговорки.

Пусть жестокая разруха уже налицо. Пусть банковая и кредитная системы расшатаны. Пусть промышленные предприятия закрываются одно за другим. Пусть железные дороги из путей сообщения превращаются в места, где подвергают жестокой пытке немногих платных пассажиров и время от времени перевозят небольшое количество товаров. Этого рода разруха ударит по большевикам не сразу.

Мы живем в период такого опрощения, какое представлялось бы немислимым несколько лет назад. Наши потребности изменились до неузнаваемости. Нас постепенно перевоспита-

ла война. Ее дело довершила революция. Мы донашиваем старую обувь и старую одежду, лишь в случае крайней необходимости покупая что-либо новое, новых домов не строим, новых книг почти не издаем, и внимание наше направлено преимущественно в одну сторону — как бы поесть. Почти не работают заводы. Россия разодрана на части, а мы тем не менее существуем. Если бы эксперимент, подобный банковскому декрету, произведен был в момент нормального течения хозяйственной жизни — он перевернул бы хозяйство вверх дном, и вся неспособность его стала бы очевидной в тот же день.

Теперь, когда хозяйственная жизнь все равно замирает, он стал возможным и, пожалуй, просуществует несколько месяцев.

Разруха вызывает бестоварье и безработицу. Но со стороны бестоварья разрушительные акты большевиков будут в течение некоторого срока компенсироваться сокращением интендантских заказов и возобновлением работы некоторых предприятий на гражданский рынок, а, может быть, и немецкими товарами. А безработных советская власть будет, очевидно, содержать сперва за «буржуазный», а затем за государственный счет. Покуда у владельцев предприятий имеются текущие счета, они послужат источником вознаграждения рабочих. Параллельно будет набираться красная гвардия или вербоваться социалистическая армия, и никто не помешает большевикам кормить несколько сот тысяч или даже миллионы безработных за счет печатания бумажных денег в течение довольно продолжительного срока. Разрушение промышленного капитализма будет подрывать большевистскую власть, но лишь постепенно, и не здесь таится наибольшая опасность для народных комиссаров.

Задачи, стоящие перед советской властью, очень упрощаются тем, что она пришла во время крайнего нашего оскудения, когда весь финансовый социализм сводится к тому, чтобы напечатать побольше кредитных билетов, и весь промышленный социализм сводится к тому, чтобы успешнее раздать эти кредитные билеты рабочим, из коих все большее число перестает заниматься промышленным трудом. Но при всей упрощенности задач есть одна сторона нашей разрухи, которая должна стать для большевиков роковою.

Продовольственный кризис погубит их в близкое время, потому что с голодом невозможно бороться при содействии красной гвардии и его нельзя утолить бумажными деньгами. Если бы не обостряющийся продовольственный кризис, социалисты Смольного института могли бы превратить Россию на время в чисто аграрную страну: потребности крестьянского населения в продуктах промышленности удовлетворялись бы германскими товарами, русская обрабатывающая промышленность была бы разрушена, промышленный пролетариат содержался бы под видом добровольной армии за государственный счет. Но без хлеба такой план неосуществим, и голоду суждено спасти нас от варварства: это одно из самых зловещих противоречий нашей государственной жизни.

В таком виде нам представляются результаты объективного анализа современного положения. На основании этих результатов очень рискованно было бы гадать. Но если предположить, — а для этого имеются вполне достаточные основания, — что продовольственный кризис достигнет весною предельной остроты, то этим будет уже кое-что сказано относительно вероятного «крайнего срока».

^I Печатается по: *Юровский Л. Н.* Крайний срок // Русские ведомости. 1918. 26 января (8 февраля). № 17. С. 3.

^{II} Рихард фон Кюльман (1873–1948) — министр иностранных дел Германской империи во время Первой мировой войны, руководитель германской делегации на мирных переговорах в Брест-Литовске.

^{III} Бронштейн Лев Давидович (1879–1940), псевдоним — Троцкий.

^{IV} Во время Первой мировой войны Н. В. Крыленко имел чин прапорщика, после революции, в ноябре 1917 г. назначен Верховным главнокомандующим.

Л. Н. Юровский

Вольные цены или свободная торговля¹

НЕ НАЧАТЬ ЛИ СКАЗКУ СНАЧАЛА

Система хлебной монополии осуждена. Пусть не в принципе, а лишь в современном ее применении, пусть лишь в условиях русской безгосударственности, растерянности и дезорганизации. Об этом не время спорить. Осуждена монополия в настоящем году в пределах того, что осталось от государства Российского: вот всё, что нам важно установить. Мысль, что наша хлебная монополия отжила свой век, проникла уже в общественное сознание, и вся система государственных закупок и твердых цен все более и более распадается. Говорят, что она уже «отменена» в некоторых губерниях. Передают, что места-ми даже представители продовольственных комитетов покупают или собираются покупать зерно по ценам, в несколько раз высшим, чем те, которые были установлены законом 28 августа. Трудно проверить все эти слухи в наше смутное время. Во всяком случае, правила о передаче хлеба в распоряжение государства доживают свои последние дни. Не только собрания хлебных бирж, но и кооперативные съезды заслушивают доклады об отмене хлебной монополии. «Русские ведомости» в конце декабря также вполне определенно высказались за скорейшую ликвидацию продовольственной системы, от которой ничего хорошего ждать уже не приходится.

Но нет такой мысли, которая не могла бы предстать человеческому уму в очень различных нюансах и насколько я могу уловить в своей саратовской глуши, в которую почтовые пакеты и газеты проникают настолько же регулярно, насколько правильно совершались, по преданию, почтовые сношения в первые десятилетия свергнутой династии, — насколько я могу

судить, мысль о ликвидации нынешней политики представлена в соответствующей литературе в трех видах. Одни полагают, что следует сохранить государственную монополию, но покончить с твердыми ценами, разрешив продовольственным комитетам закупать по вольной цене. Другие думают, что следует сохранить лишь существующий уравнилельный порядок распределения хлеба при помощи хлебных карточек, а все остальные ограничения уничтожить. Третьи, наконец, считают, что необходимо восстановить свободную торговлю в полном объеме. «Русские ведомости» стали в своей редакционной статье на среднюю из вышеизложенных точек зрения. Но я надеюсь, что мне не отказано будет в разрешении высказать на тех же столбцах несколько соображений в пользу последнего взгляда. *Das alte stürzt*¹¹. И мне думается, что в нынешней экономической и политической обстановке ему лучше всего провалиться без остатка.

Всякий проект можно критиковать тщательно и беспристрастно лишь при условии, что он высказан достаточно подробно и определенно. Таких проектов в настоящее время, по видимому, нет, и можно поэтому обсуждать лишь возможные их принципиальные основания.

Зачем нужна была хлебная монополия? Затем, чтобы распределить равномерно среди всего населения то количество зерна, которого не хватало для удовлетворения потребностей страны в прежних размерах. При вольном торге и вольных ценах состоятельный покупатель бы больше, чем бедный; он достигал бы этого тем, что предлагал бы высшую цену, которая становилась бы все более недоступной для бедняка. Без монополии и карточной системы распределение хлеба происходило бы действительно неравномерно. Но эта неравномерность имела бы единственным своим источником высокую цену хлеба, безразличную для одной группы населения и невыносимую для другой. Никому бы и в голову не приходило вводить монополию, если бы цена хлеба на вольном рынке оставалась достаточно низкой. И крайне неясно, зачем собственно будет существовать монополия, если цена все равно будет очень высокой.

У сторонников первого из указанных взглядов могли бы быть такие соображения. Во-первых, при монополии с воль-

ными ценами цена хотя и возрастет, но поднимется меньше, чем при свободной торговле. На рынке останется один покупатель — государство. Губернии по-прежнему будут разверстаны между главными потребительскими центрами и конкуренция скупщиков, комиссионеров, спекулянтов и прочих не вздует цены до невероятной высоты. И во-вторых, государство сумеет взять все излишки зерна, между тем как свободная торговля, может быть, не разрешит этой задачи.

Все это в настоящих условиях неверно. Государство не будет единственным покупателем ни при какой системе, ибо солдатская вольница, прорвавшая хлебную монополию и спекулирующая по всей России, сохранится и после отмены твердых цен. Но, не говоря даже об этом, продовольственные комитеты в качестве «единственного покупателя» могут оказаться в худшем положении, чем множество конкурирующих коммерсантов. Видя, что «казна» уплачивает все большие цены, население может повысить свои требования сильнее, чем перед лицом частных спекулянтов. Надеяться же, что продовольственные комитеты скорее сумеют взять все излишки зерна, чем торговцы, позволительно было десять месяцев назад, но никак не теперь.

Второй проект имеет больше оснований. Он предлагает ликвидировать всю систему хлебной монополии, кроме той ее части, которая существовала уже до монополизации торговли и касается распределения хлеба по карточной системе. Мне кажется, однако, что и эта мера предосторожности в настоящее время будет бесполезна. Если теперь, когда вольная торговля встречает такие препятствия, желающие тем не менее могут приобретать контрабандную муку, то тем более это будет происходить тогда, когда закупка и перевозка хлеба станут совершенно или почти совершенно свободными. Теоретически можно представить себе равномерное распределение хлеба среди городского населения при осуществлении свободной торговли. Но наше повсеместное безвластие сделало бы и эту попытку бесплодной. Она требовала бы организации и контроля (не одних булочников, а всего рынка), в настоящее время неосуществимых. К тому же при высокой вольной цене она была бы не особенно нужна.

Единственные меры, которые следовало бы, на мой взгляд, временно сохранить,— это постановления о помоле одного лишь сорта муки, запрещение кондитерских производств, требование выпечки одного сорта хлеба. Да и то я думаю, что это были бы паллиативы, которые в лучшем случае оказали бы некоторое влияние на хлебный рынок в течение нескольких месяцев. Меры государственного вмешательства потеряли свой *raison d'être*^{III} с тех пор, как рушилось государство. Перебирать их снова в том или ином порядке едва ли своевременно.

У знаменитого когда-то англо-норманнского публициста Принса Смита есть рассказ об англичанине, который хотел, чтобы его породистая собака была без хвоста. Но так как он вместе с тем нежно любил своего пса, то он не мог решиться сразу отрубить весь хвост несчастного животного. И поэтому он отрубал каждый день лишь по кусочку. Принс Смит стоит на той точке зрения, что собака от этого не выиграла.

Мне думается, что, уничтожая хлебную монополию по частям, мы при нынешней обстановке также ничего не выиграем и что лучше всего ликвидировать ее, во-первых, целиком, и во-вторых, поскорее.

^I Печатается по: Юровский Л. Н. Вольные цены или свободная торговля // Русские ведомости. 1918. 15 (2) марта. № 36. С. 1.

^{II} Das alte stürzt (нем.) — старое рушится.

^{III} Raison d'être (фр.) — основание существования.

Л. Н. Юровский

Социальное содержание социалистической революции¹

Настоящая революция официально признана социалистической, и даже государство российское объявляется социалистическим в волеизъявлениях народных комиссаров и в размышлениях новых казенных публицистов и историографов. Социализм не является в этом смысле чем-то желаемым или требуемым, он есть программа, осуществляемая и до некоторой степени осуществленная. Нас не может не интересовать вопрос о тех действительных социальных вопросах, которые происходят в новой республике временного состава и в период этой «истинно русской» социалистической прививки.

Взгляд на современную экономическую жизнь обнаруживает эти социальные процессы и позволяет выяснить то, что можно назвать социальным содержанием нашей социалистической революции. Это содержание заключается в *рождении новой буржуазии*. Историки найдут здесь некоторую новую аналогию между явлениями Великой французской революции и событиями нашего трагического развала. Но нас интересуют не аналогии, а обстоятельства русской жизни, взятые сами по себе,—обстоятельства, в высшей степени важные для нашего государственного и хозяйственного будущего.

Стихийные процессы могущественней всех усилий людей, располагающих даже сравнительно прочной властью. В то время как «советы» и «комитеты» занимаются насаждением «социализма», жизнь неуклонно творит свое. И со временем, оглядываясь на события нынешних дней, мы увидим, что наряду с мыльными пузырями в эти дни созидалось и нечто очень устойчивое и очень прочное—мелкая буржуазия. Ее очень

легко заметить. Она держится уверенно и независимо. Рука реквизирующей, обыскивающей, конфискующей и социализирующей власти ей совершенно не страшна. Эту вновь нарождающуюся буржуазию можно встретить везде. В городе на рынке, на железнодорожных станциях и особенно в деревне. Теми или другими, иногда очень простыми, иногда очень сложными и неуловимыми путями ей досталось богатое наследие прижатой к стене крупной и средней буржуазии и «социализированного» в тылу и на фронте государственного достояния.

Наше время характеризуется огромным перераспределением богатств. Совершенно независимо от того, что будет дальше и как закончится нынешний «опыт», оно не останется без последствий, ибо *полного восстановления* никогда не бывает. Значительная часть того, что подверглось перераспределению, сохранится в новых руках. И с этой точки зрения, допуская, что будущее внесет еще значительные поправки, весьма любопытно установить, что составляет тот фонд, который распределила революция, и кто участвовал в распределении?

Фонд составляла прежде всего помещичья земля. Затем его составляют дома, фабрики, заводы, пароходы и т. п. Далее в него вошло очень большое имущество армии и отчасти, кажется, даже и флота. Наконец, в нем есть еще один, четвертый элемент, очень существенный, который мы пока оставим без наименования. В этом фонде имеются более или менее постоянные части.

Дома, фабрики, заводы, пароходы «пришли» и «уйдут»; в общем и целом «реформа», поскольку она их коснулась, но не разрушила, не сожгла, не уничтожила физически, никого особенно не разорит и не обогатит. Таково уж социальное свойство вещей. Они тем прочнее присваиваются, чем менее они физически прочны, и наоборот. С этой точки зрения земля также должна была бы составить лишь временную принадлежность фонда. Но земельная реформа в каком-нибудь виде неизбежна, и поэтому земля на особом счету. Армейское имущество вошло в состав распределительного фонда безвозвратно. А о четвертом элементе речь будет впереди.

Все это досталось огромной массе, имя которой легион. Но доставшееся отнюдь не распределилось равномерно. Все на-

блюдатели деревни констатируют, что помещичье добро досталось более «крепким» крестьянам и, по-видимому, земля, если не сейчас, то в недалеком будущем тоже обнаружит тяготение к ним. Армейское имущество некоторых обогатило чрезвычайно, других не коснулось совсем. Поговорка гласит, что «деньги идут к деньгам». Так было, вероятно, и на этот раз: одни и те же руки успевали тянуться в разные стороны. И особенно они тянулись в ту сторону, о которой мы только упомянули, не называя ее.

Революция вслед за войной приняла перераспределение богатств между городом и деревней. Городской социализм не создал новых ценностей. Напротив, он уничтожил старые богатства. Городская жизнь замирает. Безработица растет. Повышенная зарплата редко остается в руках городского населения. Разумеется, и здесь происходит некоторое накопление, но оно невелико, оно выдвинет со временем из рабочей среды нескольких мелких капиталистов, не изменив общего облика рабочего класса: ибо возросли потребности и, главное, растет дороговизна.

Повышенные заработки, огромные государственные расходы, суммы, так или иначе взятые у имущих классов населения, — все это не застревает в городах, а идет сплошным потоком в деревню, в руки тех, у кого есть хлеб, мясо, яйцо, птица, молоко, т. е. преимущественно в руки более зажиточных крестьян, и здесь остается. Иногда крестьянин получает не всю вырученную в городе сумму: если мешочник торгует не собственным хлебом. Но весьма часто тысячи, вырученные в больших городах за муку, поступают целиком в крестьянские сундуки.

В наше смутное время ничего в точности не учесть и не определить. Но целый ряд признаков говорит о том, что в России в указанном направлении совершается очень значительный кризис, который переживает революцию и много определит в нашей жизни после нее. В этой заметке хотелось бы только подчеркнуть в той же связи лишь еще одно обстоятельство. Что бы ни произошло с помещичьей землей, но та земля, которая была куплена через посредство Крестьянского банка, достанется теперь заемщикам почти даром: не вследствие социализации, а вследствие обесценения бумажного рубля и вме-

сте с тем обесценения в 4–5, может быть, со временем в 6–7–8 раз самого ипотечного долга. А эта земля составляет теперь многомиллиардную ценность.

Чем более социализируется государство, чем более страдают города, тем успешнее развивается эта новая, мелкая, но преимущественно деревенская буржуазия. В том, что она крепнет, нет беды. Напротив, может быть, со временем она явится в деревне носительницей технического прогресса и культуры. Но весь рассматриваемый социальный процесс в целом представляет огромную опасность и, может быть, готовит непоправимую беду. Деревня в связи с революцией поглощает город. Наш город, молодой, слабый, чахлый носитель европейской культуры, не выдерживает ударов современных катастроф и погибает вместе с городской промышленностью, городским промышленным пролетариатом, который начинает уже уходить в деревню, городской интеллигенцией, против которой в первую очередь направлен современный фазис революции, и городской культурой. Это большая тема, к которой необходимо будет еще вернуться.

¹ Печатается по: *Юровский Л.Н. Социальное содержание социалистической революции // Свобода России. 1918. 25 (12) апреля. № 12. С. 1.*

Б. Д. Бруцкус

О социально- экономических основах русской революции¹

9 марта проф. Б. Д. Бруцкус прочитал по приглашению союза русских студентов доклад на вышеуказанную тему.

Скоро исполнится семь лет, констатирует докладчик, с момента русского взрыва, и ненависть к виновникам его не ослабела. Тем не менее нужно объективно отнестись к событиям, понять, что русская революция есть часть русской истории. В известный момент развития капиталистического строя появляются враждебные этому строю силы; это общий для всех стран процесс, и потому революция должна захватить весь мир. Такова, собственно говоря, концепция Маркса. Доклад проф. Б. Д. Бруцкуса посвящен доказательствам ложности этой идеи.

По мнению докладчика, русская революция — специфически русское явление. Главным фактором нашей революции является крестьянство. Нужно констатировать полное разрушение народного хозяйства, громадное разрушение, которое можно было бы сравнить лишь с падением Римской империи, если бы разрушение не шло таким стремительным темпом. Как же подобная катастрофа могла обрушиться на Россию: конечно, только потому, что у масс, и прежде всего у крестьянства, не было сознания ценности народного хозяйства. По мнению Плеханова, Россия есть страна колонизации¹¹; проблема народонаселения решалась у нас именно таким путем. В то время как на Западе эта проблема разрешалась путем углубления — усовершенствования труда, улучшения способа землепользования и т. д., в России занимались все новые и новые местности, — в России проблема народонаселения решалась экстенсивным путем. В конце XV в. создано обширное государство — Рос-

сия. Иван III есть современник Людовика XI. И однако народное хозяйство^{III} у нас начало строиться лишь при Петре Великом, когда мы впервые соприкоснулись с Западом. Для народа народное хозяйство было дело чужое. Это было или царское, или барское дело. Лишь после освобождения крестьянства последнее начало постепенно вовлекаться в народное хозяйство. Но психология отстает от экономики. У крестьянства не было сознания ценности народного хозяйства. Настроение это передалось и нашей интеллигенции. Глеб Успенский^{IV} дает апологию натурального хозяйства. Всякий предприниматель — это Разуваев, Колупаев^V. У Льва Толстого заметно глубокое отвращение ко всему городскому, к организаторской деятельности, так называемому буржуазному экономическому строю. Народное хозяйство было санкционировано и поддерживалось в значительной мере царской властью. И когда авторитет этой власти пал, когда пала сама власть, погибло и народное хозяйство.

Докладчик вспоминает слова, сказанные им несколько лет тому назад: «Община вышла из своих берегов и затопила народное хозяйство». Община была, к сожалению, консервирована властью для поддержания дворянства. Уже Воронцов-Дашков указывал на опасности, таящиеся в общине. Ту же мысль ярко выразил и Витте в 1905 г., еще до беспорядков: горе той стране, которая не насадила идеи частной собственности, той стране, в которой имеется коллективное владение, т. е. община^{VI}. Эти общинные принципы имели роковое для России значение. С.Л. Франк^{VII} не прав, когда утверждает, что русская аграрная революция ничего общего с коммунизмом не имела: крестьянин не только хотел разделить землю дворянскую, помещичью, он хотел бросить в общий котел и земли крестьянские, чтобы разделить потом все заново, совершить черный передел. Сила взрыва была так велика, что сельские общества^{VIII}, давно уже забывшие общину, были захвачены ее духом, и повсюду, от севера до юга, по всей стране прошла идея черного передела. Народнические партии не знают, или не хотят этого знать, что аграрная революция была гибелью народного хозяйства.

Идеей о черном переделе крестьянство заразило и рабочий класс. За месяцы перед октябрьской революцией как бы носи-

лась в воздухе идея о черном переделе в городах: о разделе капиталов и вообще имущества. Это была именно идея о черном переделе, и ее не завесить никакими красными флагами.

Рабочий в России жил в худших, чем на Западе, условиях. Русская промышленность развивалась не органически, как на Западе, а насаждаемая правительством и иностранным капиталом, росла неравномерно: в России необычайно быстро произошла концентрация промышленности, которая, как правильно указывал Маркс, должна быть опасна строю, основанному на частной собственности. Промышленность Петербурга не многим отставала от Берлина и Лондона. Накапливалась большая сила — рабочие, не имевшие никаких формальных прав. Идеи социализма, которые вообще ничего творческого не могут внести в народное хозяйство, поддерживали разрушение. В 1921 г. власть пошла на уступки в одном пункте, именно объявив, что социализм на деревню не распространяется^{IX}. В настоящее время крестьянство вполне изжило идею черного передела, а власть уже стремится осуществить аграрные идеи Столыпина^X.

Если вы меня спросите, кончает докладчик, что принесла революция, то я, чтобы не создавать иллюзий, должен сказать: ничего. Единственное, может быть, что принесла революция, — это изживание психологии черного передела, изживание, которое может стать базисом последующего возрождения. В 1917 г. народные массы выступили на первый план; они хотели сами устроить свою судьбу и сделали это весьма неудачно. В известном смысле выступления этих масс можно обозначить как нашествие внутренних варваров.

^I Печатается по: Бруцкус Б.Д. О социально-экономических основах русской революции // Руль. 1924. 13 марта. С. 4. Комментарии к данной статье подготовлены И. А. Кузнецовым.

^{II} Концепцию российской истории как процесса непрерывной колонизации пространств России русским народом развивал В.О. Ключевский, у которого ее заимствовал Г.В. Плеханов.

^{III} Под народным хозяйством Б.Д. Бруцкус понимал единую экономическую систему страны, используя этот термин как антоним натурального хозяйства — хозяйства замкнутого, ориентированного на местное потребление.

^{IV} Успенский Г. И. (1843–1902) — писатель-народник, публицист.

- ^V Разуваев, Колупаев — литературные персонажи М. Е. Салтыкова-Щедрина.
- ^{VI} Вероятно, имеется в виду выступление С. Ю. Витте на заседании «Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности» 12 марта 1905 г.: «...В течение более чем двух поколений народ воспитывается в отсутствии понятия о собственности и законности <...> Население воспитано в условиях уравнительного землепользования, т. е. в условиях, исключающих всякую твердость и неприкосновенность прав отдельных лиц на их земельное владение. <...> Если идея воспитания крестьян в условиях уравнительного землепользования и вообще в условиях, отдаляющих их от общего правопорядка, будет и далее проводиться с таким же упорством, то Россия может дожить до грозных исторических событий...» См.: Протоколы по крестьянскому делу. Заседания с 8 декабря 1904 г. по 30 марта 1905 г. СПб., 1905. С. 4–5.
- ^{VII} Франк С. Л. (1877–1950) — российский религиозный философ, в юности был марксистом, в 1922 г. выслан из Советской России.
- ^{VIII} Сельское общество — официальное название крестьянской общины. Речь идет о так называемых беспередельных общинах, которые не производили переделов земель: к ним относились все общины, где крестьяне имели наделы на праве подворного владения, т. е. без права передела, и те общины, где крестьяне имели право переделывать земли, но не пользовались им.
- ^{IX} Имеется в виду переход большевистского правительства к НЭПу, т. е. возвращение к принципам частного, рыночного хозяйства.
- ^X Б. Д. Бруцкус связывал свои надежды на возвращение России к столыпинской политике с принятием Земельного кодекса РСФСР 1922 г. В действительности в годы НЭПа возврат некоторой части крестьян к хуторам происходил в основном лишь в западных районах СССР, но уже во второй половине 1920-х гг. власти затормозили этот процесс, а начало коллективизации похоронило всякие надежды на какую-либо либерализацию аграрной политики.

А. А. Богданов

Из письма А. В. Луначарскому¹

19 НОЯБРЯ (2 ДЕКАБРЯ) 1917 Г.

<...> Дорогой Анатолий.

Письмо твое спокойно пролежало в Совете Р. Д.^{II} неделю, и только теперь доставлено мне «с оказией». Отвечаю немедленно. В июне—августе писал тебе, но, видимо, не дошло.

Я не стою, конечно, на позиции саботажа или бойкота. Не вижу ничего смешного в том часто нелепом, но почти всегда вынужденном, что у вас делается. Трагизм вашего положения не только вижу, но думаю, что вы-то видите его далеко не вполне, попробую даже выяснить его по-своему.

Корень всему—война. Она породила два основных факта: 1) экономический и культурный упадок; 2) гигантское развитие военного коммунизма.

Военный коммунизм, развиваясь от фронта к тылу, временно перестроил общество: многомиллионная коммуна армии, паек солдатских семей, регулирование потребления; применительно к нему, нормировка сбыта, производства. Вся система государственного капитализма есть не что иное, как ублюдок капитализма и потребительского военного коммунизма,—чего не понимают нынешние экономисты, не имеющие понятия об организационном анализе. Атмосфера военного коммунизма породила максимализм: ваш, практический, и «Новой Жизни», академический. Который лучше, не знаю. Ваш открыто противонаучен; тот псевдонаучен. Ваш лезет напролом, наступая, как Собакевич, на ноги марксизму, истории, логике, культуре; тот бесплодно мечтает о социал-революции в Европе, которая может и нам,—Манилов.

В России максимализм развился больше, чем в Европе, п[отому] ч[то] капитализм у нас слабее, и влияние военного коммунизма, как организационной формы, относительно слабее. Социалистической рабочей партией была раньше большевистская. Но революция под знаком военщины возложила на нее задачи, глубоко исказившие ее природу. Ей пришлось организовать псевдосоциалистические солдатские массы (крестьянство, оторвавшееся от производства и живущее на содержании государства в казарменных коммунах). Почему именно ей? Кажется, просто потому, что она была партией мира, идеала солдатских масс в данное время. Партия стала рабоче-солдатской. Но что это значит? Существует такой тектологический закон: если система состоит из частей высшей и низшей организованности, то ее отношение к среде определяется низшей организованностью. Например, прочность цепи определяется наиболее слабым звеном, скорость эскадры — наиболее тихоходным кораблем, и пр. Позиция партии, составленной из разнородных классовых отрядов, определяется ее отсталым крылом. Партия рабоче-солдатская есть объективно просто солдатская. И поразительно, до какой степени преобразовался большевизм в этом смысле. Он усвоил всю логику казармы, все ее методы, всю ее специфическую культуру и ее идеал.

Логика казармы, в противоположность логике фабрики, характеризуется тем, что она понимает всякую задачу как вопрос ударной силы, а не как вопрос организационного опыта и труда. Разбить буржуазию — вот и социализм. Захватить власть — тогда все можем. Соглашения? это зачем? — делиться добычей? как бы не так; что? иначе нельзя? ну, ладно, поделимся... А, стой! мы опять сильнее! не надо... и т. д.

С соответственной точки зрения решаются все программные и тактические вопросы. Голосование 18-летних: они дети! Жизнь сложна, дайте им подразобраться... вздор! винтовку держать могут; а главное — они за нас; чего толковать. Выборы строевого начальства — агитаторов в стратеги и в организаторы сложнейшего ротного и полкового хозяйства. Сознательный рабочий вряд ли требовал бы выборности инженеров...

Вот маленький, но наглядный пример. Если бы я хотел принять твоё предложение, я не смог бы этого сделать по матери-

альным причинам. Время и силы надо отдать целиком, а жалование — «не выше обученного рабочего». Как бы это я смог содержать две семьи, да издавать на свой счет вторую часть «Тектологии», которую печатаю сам, потому что никакой издатель не возьмет такого коммерчески нелепого, но идейно, как я полагаю, необходимого дела. Уж конечно, рабочий-социалист не потребует, чтобы инженерам плата была не выше, чем ему: интересы дела. А казарма этого вопроса не ставит — ибо дела производительного нет; она знает только паек. Разве Ленин и Троцкий не читали Маркса, не знают, что стоимость рабочей силы определяется нормальным уровнем потребностей, связанных с выполнением данной функции. Конечно, знают, но они сознательно рвут с логикой социализма для логики военного коммунизма... А впрочем, может быть, и несознательно.

Кстати, как бы ты содержал себя здесь и семью в Швейцарии на этом пайке, если бы не случайное наследство. Прирабатывал бы литературой. Много бы выиграли дела революционного министерства...

А культура... Ваши отношения ко всем другим социалистам: вы все время только рвали мосты между ними и собой, делали невозможными всякие разговоры и соглашения; ваш политический стиль пропитался казарменной трехэтажностью, ваши редакции помещают стихи о выдавливании кишок у буржуазии...

Ваши товарищеские отношения... на другой день после того как ты закричал «не могу!»^{III}, один из твоих ближайших товарищей, Емельян Ярославский, печатает в «СоциалДем.»^{IV} статью об «истерических интеллигентах, которые жалеют камни и не жалеют людей», которые «верещат „не могу!“, ломая холёные барские... руки», и пр. (цитирую приблизительно, но стиль не искажаю). Таково товарищеское уважение. Это пролетарий? Нет, это грубый солдат, который целуется с товарищем по казарме, пока пьют вместе денатурат, а чуть несогласие — матерщина и штык в живот. Я в такой атмосфере жить и работать не мог бы. Для меня товарищеские отношения — это принцип новой культуры. Чтобы не нарушить их по отношению к далеким кавказским дикарям, раз вошедшим на товарищеских правах в мою революционную жизнь, я порвал почти со всеми

мне близкими, с группой «Вперед» — ты помнишь. И я не так-то легко меняю свою природу. Тут нет ничьей вины: все это было неизбежно. Ваша безудержная демагогия — необходимое приспособление к задаче собирания солдатских масс; ваше культурное принижение — необходимый результат этого общения с солдатчиной при культурной слабости пролетариата. Черные годы реакции огрубили его, затемнили его сознание; еще два года назад рабочие Москвы — Москвы, и даже Пресни! — приняли искреннее участие в черносотенном немецком погроме^V... И в экономическое положение рабочих въелась фальшь, искажение: и они на $\frac{3}{4}$ на содержании у государства, все их прибавки идут из казначейства, чего не станет отрицать ни один экономист.

А идеал социализма? ясно, что тот, кто считает солдатское восстание началом его реализации, тот с рабочим социализмом объективно порвал, тот ошибочно считает себя социалистом — он идет по пути военно-потребительного коммунизма, принимает карикатуру упадочного кризиса за идеал жизни и красоты. — Он может выполнять объективно-необходимую задачу, как нынешний большевизм; но в то же время он обречен на крушение, политическое и идейное. Он отдал свою веру солдатским штыкам, — и недалек день, когда эти же штыки растерзают его веру, если не его тело. Здесь действительно трагизм.

Я ничего не имею против того, что эту сдачу социализма солдатчине выполняют грубый шахматист Ленин, самовлюбленный актер Троцкий. Мне грустно, что в это дело ввязался ты, во-первых, потому что для тебя разочарование будет много хуже, чем для тех; во-вторых, потому что ты мог бы делать другое, не менее необходимое, но более прочное, хотя в данный момент менее заметное дело, — делать его, не изменяя себе. Я же останусь при этом другом деле, как ни утомительно одиночество зрящего среди слепых.

Социалистической революции в Европе теперь не будет — не на том уровне культуры и организованности стоит ее рабочий класс; возраст его ясно засвидетельствован историей войны. Там будет ряд революций характера ликвидационного, уничтожающих наследство войны: авторитарность (олигархию, диктатуру властей), задолженность (следовательно, гипертрофию

рантьерства), остатки национального угнетения, вновь созданную войною и фиксированную государственным капитализмом обособленность нации и пр. — работы много.

В России же солдатско-коммунистическая революция есть нечто, скорее противоположное социалистической, чем ее приближающее. Демагогически-военная диктатура принципиально неустойчива: «сидеть на штыках» нельзя. Рабоче-солдатская партия должна распасться, едва ли мирно. Тогда новой рабочей партии или тому, что от нее оставят солдатские пули и штыки, потребуется своя идеология, свои идеологи (прежние, если и уцелеют, не будут годиться, пройдя школу демагогии — диктатуры). Для этого будущего я и работаю.

Надо, чтобы пролетарская культура перестала быть вопросом, о котором рассуждают словом, в котором нет ясного содержания. Надо выяснить ее принципы, установить ее критерии, оформить ее логику, чтобы всегда можно было решить: вот это — она, а это нет.

Такова моя задача, ее я не брошу до конца.

Я послал тебе брошюры, надеюсь, ты получил (через «Жизнь»). Пошлю и II ч. «Тектологии» и «Вопросы социализма», которые еще не напечатали вот уже 3 месяца. Был бы рад, если бы ты вернулся к рабочему социализму. Боюсь, случай упущен. Положение часто сильнее логики.

Привет, твой Александр.

^I Печатается по изданию: *Богданов А. А.* Вопросы социализма. М.: Политиздат, 1990. С. 352–355.

^{II} Совет рабочих депутатов.

^{III} 3 (16) ноября 1917 г. газета «Новая жизнь» под заголовком «Отставка А. В. Луначарского» опубликовала заявление А. В. Луначарского в Совнарком. Луначарский писал, что услышал от очевидцев о бомбардировке Кремля, в котором собраны все главнейшие художественные сокровища Москвы и Петрограда, и разрушении собора Василия Блаженного и Успенского собора. Признавая свое бессилие перед ужасом борьбы, ожесточившейся до звериной злобы, Луначарский писал, что не может этого вынести и заявлял о своем выходе из состава Совнаркома.

^{IV} «Социал-демократ», орган московского комитета РСДРП(б).

^V 27–28 мая 1915 г. под воздействием слухов о «немецких и австрийских шпионах» в Москве произошел крупный погром.

Б. В. Никольский

Из писем к Б. А. Садовскому¹

29 ДЕКАБРЯ 1917 Г.

<...> Вы спрашиваете меня в заключение, можете ли мне писать, не прибегая к эзоповскому языку, и объясняете свой вопрос тем, что боитесь меня подвести. Полноте: перед кем и как можно меня подвести? Разве вот эзоповским языком, всегда подозрительным. Мой принципиальный монархизм и патриотизм всем известны и ни одна душа в мире не предполагает, чтобы я хоть на йоту в них поколебался и хоть йотой в них поступился. Я думаю даже, что теперь и самый исступленный большевик начинает признавать не только правизну, но и правоту моих убеждений. Патриотизм и монархизм одни могут обеспечить России свободу, законность, благоденствие, порядок и действительно демократическое устройство, и только патриоты-монархисты смогут вывести ее из нового лихолетья. Во всяком случае, как бы ни думали другие, все знают, как думаю я, а история развертывает свою панораму — и я молча указываю моим друзьям, врагам и всему потомству на дни, дела и события перед зеркалом моих воззрений. Какие можно дать доказательства разительней и страшнее? Нет, милый Борис Александрович, мое положение таково, что ни мне, ни моим корреспондентам ничто не угрожает. А вообще, от тюрьмы да от сумы не отказывайся. Да я и не отказываюсь: я все-таки ничем не рискую. Если сбывается все самое худшее, чего я боялся и что сулил, то нельзя же меня в чем-либо считать виновным. Иначе нужно сажать в тюрьму астронома, вычислившего время и место появления кометы, когда она явится с точностью планиды небесной по его предугаданию: разве он ее вывел на

небосклон? Правда, бывало — сажали, и даже на кострах жгли. Но ведь кого же, в конце концов, не сажали и не жгли! Чем бы ни грозило мне от теперешних людей и событий пристрастное и тревожное воображение друзей, моего спокойствия не возмущают не только никакие опасения, но даже никакие насилия обезумевших, остервенелых и совершенно ослепленных тушинцев¹¹ из Смольного:

Не придумать им казни мучительней
Той, которую в сердце ношу!

21 АПРЕЛЯ 1918 Г.

На реставрацию не надеюсь, а если бы реставрация состоялась, то я не стану во главе не только Публичной библиотеки, но и чего бы то ни было. Страшно то, что происходит, но реставрация была бы еще страшнее. Царствовавшая династия кончена, и на меня ее представителям рассчитывать не приходится. Та монархия, к которой мы летим, должна быть цезаризмом, т. е. таким же отрицанием монархической идеи, как революция. До настоящей же монархии, неизбежной, благодатной и воскресной, дожить я не надеюсь. До нее далеко, и путь наш тернист, ужасен и мучителен, а наша ночь так темна, что утро мне даже не снится. <...>

Остается ответить на Ваш вопрос об испанском подданстве. Не Вы первый хватаетесь за такую мысль и не Вам первому я отвечаю: бросьте, будьте мужчиной, а не истерической женщиной, мечущейся в трудную минуту от одной беспочвенной фантазии к другой. Чем большевики хуже кадетов, эсеров, октябристов, Штюмеров и Протопоповых? Ничем. Россией правят сейчас карающий Бог и беспощадная история, какие бы черви ни заводились в ее зияющих ранах. Оказаться испанцем в Нижнем было бы сейчас просто смешно. А позже оказалось бы и еще смешнее. Сидите себе на месте, делайте свое литературное и житейское дело и не покушайтесь на формальное выяснение своего личного отношения к мировым событиям.

26 ОКТЯБРЯ (8 НОЯБРЯ) 1918 г.

Я Вам должен сказать, что с советским режимом я мирюсь откровенней, искренней и полнее, чем с каким бы то ни было другим, не говоря уже о Распутинско-Штюрмеровски-Протопоповском. Худого лично мне и моей семье большевики ничего не сделали, а доброго и хорошего много. Враги у нас общие — эсеры, кадеты и до октябристов включительно. Демократическим элементам их программы сочувствую, не во всем, конечно, а все-таки даже то, в чем не сочувствую, считаю исторически неизбежным, как временное бедствие: лес рубят — щепки летят. В активной политике они с нескудеющей энергиею занимаются самоубийственным для них разрушением России¹. Это разрушение исторически неизбежно, необходимо: не оживет, аще не умрет. И они торопят, они не только торопят: они действительно ускоряют события. Ни лицемерия, ни коварства в этом смысле в них нет: они поистине орудие исторической неизбежности. Разумеется, к ним прилипли, как железные опилки к магниту, все мерзавцы — по крайней мере худшие — старого порядка и все мерзавцы нового; но лучшие в их собственной среде сами это чувствуют, как кошмар, как мурашки по спине, боясь в этом сознаться себе самим; а с другой стороны, в этом их Немезида: несите тяготы власти, захватив власть! Знайте шапку Мономаха!

Он выплыть из всех напрягается сил,
Но панцирь тяжелый его утопил!

Мы были сильны традициями, культурой, инерцией; все у нас слежалось, сам навоз, хоть и вонял, был контрфорсом для расползающихся стен; а они все поджигают и опрокидывают; но среди смердящих и дымящихся пожарищ будет необходимо строить с таким нечеловеческим напряжением, которого не

¹ Одновременно с тем выполняя всю закладку объединительной политики по нашей, русской патриотической программе, созидая, вопреки своей воле и мысли, новый фундамент для того, что сами разрушают, как продавившее свой недостаточный старый фундамент.

выдержать было бы никому из прежних деятелей, — а у них никого, кроме обезумевшей толпы. И вот они делают последнее, что им остается, — истерически расталкивают всю глубину русского моря до самого дна. Они как Садко, играющий расплескавшемуся морскому царю. Европа гибнет — но гибель идет от нас. Мы очнемся, когда она будет в самом разгаре бреда. Наша революция покажется детскою невинною забавою перед тем, что должно разразиться на Западе и кончиться только в Америке. Вы знаете, до какой степени я не большевик и даже не социалист; но я, увы, много учился, много думал, и совесть и правда мне дороже всего. Заслуг у вождей нашего большевизма нет, как нет заслуг у бомбы, которая взрывает, как нет заслуги у рычага, который опрокидывает, у тарана, который проламывает: заслуга (или преступление) в той разумной воле, которая ими движет (когда такая воля есть); но они стихийные, неудержимые и верные исполнители исторической неизбежности. Делать то, что они делают, я по совести не могу и не стану; сотрудником их я не был и не буду; но я не иду и не пойду против них: они исполнители воли Божией и правят Россией если не Божиею милостию, то Божиим гневом и попусшением. Они в моих глазах наилучшее доказательство того, что несть власти, аще не от Бога. Они власть, которая нами заслужена и которая исполняет волю Промысла, хотя сама того и не хочет, и не думает. Я жду — и вижу, что глубока чаша испытаний и далеко еще до дна. Доживу ли я до конца — кто знает? Вон вчера мне сказали, будто бы расстрелян Розанов. Я этому не верю, но, разумеется, это возможно. Да, великие требования предъявляет к нам история, и только претерпевший до конца, тот спасется. Вот Вам стихи, сочиненные мною в Москве:

Поруган мир преданий кровных
И осквернен.
Молчит колоколов церковных
Певучий звон.
Кресты и главы золотые
Еще блестят,
С икон угодники святые
Еще глядят,

Еще собираются к молитве
Остатки паств,
Но алчный голод уж грозит вам
Последних яств
Лишеньем, в испытаний чаше
Все ждущем дна,
И—да не дрогнет сердце ваше! —
Она полна,
Страданий полон путь безвестный,
Темнее ночь,
И мы должны под ношей крестной
Не изнемочь.
И тьма, и крест, и скорби в чаше,
И льды пустынь...
Да не смутится ж сердце наше!
Аминь. Аминь.

Все это я дописываю на досуге по случаю празднования годовщины совдепской революции: два дня без трамваев — что же делать, если не писать? Мое письмо да будет Вам поэтому октябрьским юбилейным подарком!

^I Печатается по: *Никольский Б.В. Сокрушить крамолу*. М.: Институт русской цивилизации, 2009. С. 202–203, 203–204, 207–209.

^{II} Лагерь Лжедмитрия II располагался у села Тушино под Москвой, которое стало столицей самозванца.

Я. Махайский К рабочим¹

Рабочие! Своей борьбой вы превратили русскую революцию в великий бунт против старого мира грабежа и диких звериных войн. Вы обуздали эксплуататоров-капиталистов и вырвали русский народ из заколдованного круга бесконечной международной бойни.

Но недостаточно укротить грабителей. Их необходимо, пока еще не поздно, сокрушить захватом их богатств. Плоха политика советской власти свести октябрьский переворот только к ограничению хозяйского самовластья в производстве. Безрассудно пытаться обуздать грабителей, оставляя в их руках богатства, источник их господства.

Советская власть оставила контрреволюционной буржуазии достаточно времени и средств для создания белогвардейских и офицерских организаций на Украине, на Дону, в Сибири, а теперь и в Поволжье. Недодушенная буржуазия манит и вводит в Россию иноземных разбойников. С их помощью на Украине, на Дону, в Финляндии она уже восстановила свое господство и топит революцию в крови защитников октябрьского переворота. Железным кольцом контрреволюция окружает советскую республику и грозит задушить великий русский бунт против грабежа и войны.

Способна ли советская республика защитить свое существование? Увы! В роковой момент коммунистическая власть не верит более в единодушный порыв рабочего населения к самозащите и назначает принудительный набор.

Тяжелое положение советской власти проистекает из ее нежелания покончить с буржуазией. Большевистская партия, ко-

торой рабочие так глубоко верили в октябре, когда она обещала низвергнуть грабительский строй, сделав несколько шагов, трусливо остановилась, позорно попятилась назад. Она объявила приостановку атак на буржуазию и в то же самое время диктаторской советской власти поставила задачей введение дисциплины и усиленного труда рабочих в пролетарском государстве. Этой своей политикой большевики вырвали почву из-под советской республики и русской революции. Своим поворотом они вдохновили всех прочих социалистов на контрреволюционную работу. Эсеры и меньшевики, боящиеся, как огня, рабочей революции, обнаглели до такой степени, что смеют вызывать голодные бунты, рабочие волнения и организовывать политические забастовки за учредилку, за возвращение всех прав буржуазии. Чего им бояться? Ведь сами коммунисты решили не допускать немедленной рабочей революции и диктаторским режимом подавлять рабочие бунты.

Большевики усыпили рабочих своими уверениями, что больше не нужны стачки, не нужна экономическая борьба рабочих с буржуазией за повышение заработной платы, за обеспечение от безработицы, ибо все будет сделано декретами и приказами «рабочей» власти. Голод и безработица измучили рабочих, разочарование в большевиках многих совершенно сбило с толку. Социалистическим контрреволюционерам удалось вложить в уста некоторых рабочих позорящие рабочий класс лозунги: «Назад! Вернуть буржуазии учредилку, а капиталистам — фабрики!»

Рабочие! Пора очнуться от многомесячной бездеятельности, пора вернуться к рабочему делу. Как только вы подымете свою борьбу за наивысший заработок, социалистические контрреволюционеры сразу присмирят: ваша экономическая борьба против эксплуатации разрушит их контрреволюционные заговоры скорее большевистского террора и красногвардейских расстрелов.

Пора рабочим массам перестать быть пешками в руках интеллигентских партий, стремящихся вырвать друг у друга политическую власть. Довольно гнаться за какой-то идеальной властью, лучшей, чем советская. Своей собственной власти, собственного рабочего правительства вы не дождетесь никог-

да: перед всякой властью придется упорной борьбой отстаивать свое рабочее дело.

Пора наконец подумать о собственной рабочей революции, о захвате фабрик и заводов, о захвате капиталистической прибыли для наибольшего увеличения своей заработной платы. Для этого дела требуется такое же единодушие масс, как в октябрьские дни. Захват рабочими всего производства будет постольку удачным, поскольку он будет произведен одновременно. Поэтому прежде всего надо принудить советскую власть объявить всеобщую одновременную экспроприацию крупной и средней буржуазии. Всякая собственность, приносящая доход выше установленной нормы (примерно 10 тысяч в год), должна быть конфискована; все доходы интеллигенции должны быть сведены до той же максимальной нормы.

Всеобщая экспроприация буржуазии лишит ее возможности содержать белогвардейские отряды и оплачивать бастующих служащих. Интеллигенция под угрозой голода принуждена будет отказаться от стачек и саботажа.

За счет той прибыли, которую потребляют капиталисты и сытая интеллигенция, должна быть повышена заработная плата рабочих, в особенности неквалифицированных, ныне обреченных на голодный паек. Но прежде всего должны быть обеспечены безработные. Для них надо добиться, не дожидаясь окончательной экспроприации буржуазии, немедленного открытия по всей России страховых касс, субсидируемых государством.

Рабочие! Всеобщая экспроприация буржуазии — это начало той рабочей революции, которой с октября ждут от России рабочие всех стран. Они надеются, что там, где буржуазную власть удалось низвергнуть, рабочий класс покажет всему миру, как можно жить без грабителей, как преступно бороться за грабительское отечество и в братоубийственной войне приносить ему в жертву миллионы жизней. После уничтожения буржуазного строя в России никакому кайзеру не удастся удерживать рабочие массы в адской бойне, не удастся спасти буржуазный строй от мировой революции.

Москва, 24 июня.

- ¹ Опубликовано в журнале «Рабочая революция». 1918. Июнь-июль. № 1. С. 1–2. Вышел один номер. Печатается по изданию: *Махайский Я.* Умственный рабочий. New York, Baltimore: Международное литературное содружество, 1968. С. 353–355.

Я. Махайский

Второй год борьбы¹

За что борется рабочий народ после того, как рухнул царский трон? Где тот враг, которого он так упорно преследует и осаждает, пытаясь его доконать? Чего хотят, к чему стремятся русские рабочие массы?

По низвержении царского самодержавия социалистические спасители пролетариата, вкуче со всей прочей буржуазией, всячески старались убедить рабочих, что единственной их заботой должно быть преобразование России в «свободное» демократическое государство на манер западноевропейского, укрепление его и защита от внешнего врага. Но рабочие массы скоро показали, что царскую власть они разрушали не для того, чтобы кровью своей по-прежнему защищать российских грабителей и их богатства, не для того, чтобы вернуть им утраченные и завоевывать новые владения, а для того, чтобы защитить себя от эксплуатации, избавиться от голодовок и двинуть вперед борьбу с грабителями.

Когда при новом правительстве стали гнать в окопы не менее усердно, чем при царе, рабочие массы убедились, что новая власть, хоть она и республиканская, и демократическая, и опирается на захваченные социалистами-оборонцами рабочие советы, есть тем не менее власть буржуазная, все та же, что при царях, господская власть, повелевающая рабам охранять своих угнетателей, принуждающая миллионы гибнуть на войне, защищая богатства тех самых грабителей, против которых рабочий народ поднял свое восстание.

Рабочие массы объявили непримиримую борьбу новому демократическому государству. Но этот вызов неизбежно бил не

только по русской республике, но и по всем государствам, затеявшим зверскую бойню, и прежде всего задевал почтенные демократии, которые для ведения войны заключили союз с царем. Этот вызов был брошен всему старому миру, всем высококультурным грабительским державам, которые опустошают мир, истребляют наилучшие силы человечества, обрекают на голод и вырождение целые народы.

Русский рабочий разгадал злодейские замыслы великодержавных разбойников, которые, пользуясь продолжительным упадком революционной борьбы рабочих, затеяли бойню, чтобы в крови утопить грядущую рабочую революцию. Тех самых рабочих, что клялись в единении и верности всемирной борьбе с эксплуатацией, заставили истреблять друг друга. Тех самых рабочих, которые мечтали о низвержении грабительского строя, принудили спасти этот строй ценою миллионов загубленных жизней. Коронованные и республиканские разбойники решили разъединить народы морями крови, непреодолимыми стенами племенной ненависти предохранить грабительский мир от грозящей ему гибели, вернуть ему средневековую крепость.

Русский рабочий разбивает дьявольские планы угнетателей и призывает к восстанию рабочих всего мира. На фронте, вооруженные для борьбы с внешним врагом, рабочие массы совершают невиданную измену разбойничьему государству, топчут безбоязненно священнейшие заветы грабительского отечества, подают руку его врагам, начинают братание с целью немедленно прекратить варварскую бойню. В тылу, по всей стране с каждым днем растет нападение на эксплуататоров: рабочими завоевывается высшая плата, восьмичасовой рабочий день, обуздываются капиталисты в их самодержавии на фабриках и в мастерских.

Напрасны усилия социалистических опекунов пролетариата укрепить буржуазную власть против бунтующего народа своим собственным участием в правительстве. Выдвинутый ими социалистический диктатор своей злодейской и бессмысленной политикой наступления вызывает лишь контрреволюционную корниловщину, приводящую в негодование всю Россию. Попытка демократического совещания образовать правитель-

ство исключительно из социалистов кончается фарсом и дает лишь возможность вернуться к власти заядлым локаутчикам.

Гнев рабочего народа растет. Вспыхивают повсюду аграрные бунты с обычным кличем рабов русской деревни: долой с земли помещиков! Но к этому стародавнему кличу присоединяется в городах новый могучий клич, общий рабочим всех стран: долой с фабрик и заводов всех буржуазных пиявок! Расправа с грабителями — в этом стихийном стремлении объединяется рабочий народ всей России.

Большевистская партия верно учла силу назревшей революционной стихии и постаралась овладеть ею. Своим лозунгом «Вся власть советам!» она определила по-своему цель всенародного восстания и убедила массы, что советская власть будет властью рабочего класса и беднейших крестьян. Восторженно приветствовали рабочие захват большевиками центральной правительственной власти, крутые меры против буржуазных правителей, против богачей и саботирующей интеллигенции, решительные шаги к заключению мира, свержение господской офицерской касты, закрытие лживой буржуазной прессы, разгон Учредительного собрания.

«Эти уж наверно расправятся со всеми эксплуататорами!» — так думали массы и беззаветно доверились большевикам.

Буржуазия почувствовала смертельную опасность и двинула в бой все свои силы. Они оказались гораздо многочисленнее, гораздо внушительнее, чем предсказывала социалистическая, а значит и большевистская программа. Врагами рабочего народа оказались не только капиталисты и помещики, не только явно буржуазные партии, но и все демократы, все социалисты, за исключением небольшой группы большевистской интеллигенции. Социалистические опекуны народа, энэсы и эсеры, оказались свирепыми убийцами народа. В Москве, в Питере, в ставке, на Дону они вооружали и вдохновляли на борьбу с рабочими буржуазных сынков, белогвардейцев, юнкеров, офицеров.

Перед рабочим предстал новый, до сих пор укрывавшийся за социализмом, буржуазный класс, самый заядлый, самый цепкий паразит, образованный, надменный враг рабочей революции, саботирующая интеллигенция.

Не раз поколебались большевистские вожди при столкновении с организованным отпором буржуазного образованного общества. Но рабочие массы не дрогнули. Напротив, вырастающие всюду новые вражеские силы вдохновляли их лишь на более упорную борьбу, ибо становилось очевидным, что идет борьба всех ограбленных против всех грабителей, всех рабов ручного труда против господствующего мира белоручек.

Рабочий народ в течение зимы по всей России обеспечил победу большевикам, дал полную возможность советской власти расправиться с эксплуататорами.

И что же? Оправдали ли большевики ожидания столь беззаветно верившего им народа? Увы, уже после двух, трех месяцев большевистского хозяйничанья рабочие заметили, что расправа с эксплуататорами не подвигается вперед. С капиталистами, хозяевами фабрик и заводов большевики не думали спешить, как со старыми чиновниками, судьями, офицерами.

Большевики наносили подчас жестокие обиды богачам, лишили помещиков и капиталистов голоса в управлении государством, но богатства буржуазии были затронуты лишь в незначительной степени. Так, например, советская власть разорила часть банкиров, т. е. тех капиталистов, у которых прибыль не создается, а лишь загребается и распределяется, часто в ущерб самим промышленникам и буржуазному обществу. Но те источники богатств, где прибыль непосредственно выкачивается из рабочих, за очень малыми исключениями, остается собственностью капиталистов. Советская власть не решается посягнуть на эту собственность и лишь ищет отговорок, чтобы оттягивать как можно дольше экспроприацию промышленников. Таким образом, основа буржуазного хозяйства, капиталистическая промышленность, не нарушалась: буржуазный строй не переставал существовать в России.

Но, может быть, все-таки благодаря большевистской диктатуре и «рабочему контролю» на фабриках стало улучшаться материальное положение рабочих масс? Ничуть! Заработная плата совсем не поднялась. При бешено растущей дороговизне оплата труда значительно ниже, чем до октябрьского переворота. Даже самый влиятельный из профессиональных союзов, союз металлистов, не мог дожидаться в течение трех месяцев за-

требуемого им еще 1 октября обычного повышения ставок. И так, даже прибавки по случаю дороговизны достаются рабочим в советской республике ничуть не легче, чем в республике Керенского и локаутчиков.

После февральского буржуазного переворота рабочая плата сильно повысилась и завоеван восьмичасовой рабочий день. После октябрьской пролетарской революции рабочие не получили ничего. Капиталистов локаутчиков зависть брала при виде железной хозяйской руки коммунистов, которые ловким маневром предохранили себя от рабочих стачек и волнений.

Не в меньшей мере «пролетарская власть» показала свою железную хозяйскую руку по отношению к безработным. Согласно изданному декрету, безработные должны были получать пособие из страховых касс, куда капиталисты обязаны были делать регулярные взносы. Но всю зиму никто об исполнении декрета не заботился, а пролетарская власть не считала нужным отпустить в кассу безработных из государственной казны ни гроша. Таким образом, до самой весны безработные никакого пособия ниоткуда не получали.

Когда на Россию обрушился голод, картина в «социалистическом отечестве» получилась та же, что и в отечестве буржуазном, что и при царе: рабочий народ пухнет с голоду, в столицах и в провинции среди бедноты свирепствуют эпидемии, а тут же о бок богачи и все привилегированные люди хоть немного и стеснены, все же голода не ощущают, ибо для них всегда находится достаточное количество дорогостоящих продуктов, которыми можно заменить недостающий хлеб и другие дешевые продукты, без которых не может обойтись рабочая семья.

Рабочий народ ждет терпеливо месяц за месяцем, но в «социалистическом отечестве» равенство ничуть не приближается, подлинная расправа с богачами и господами не наступает.

«Вероятно, трудно наладить все сразу!» — думают одни, а другие уже успели совершенно разочароваться и махнули на все рукой.

Вдруг раздается грозный окрик коммунистического хозяина: «Железная дисциплина на фабриках! Усиленный труд! Трибуналы для „саботажников“ рабочих!» Вот из-за чего дело

стоит: социалистическая власть делает все возможное, но при озорстве и лени рабочих идти вперед на верный провал нельзя.

Этот грубый хозяйский окрик, эти благочестивые поучения «революционного» правительства о том, что вместо «додушения буржуазии» надо заняться «самодисциплинированием», весь этот скандальный «поворот» в марте месяце был предподнесен Москве как подарок, с приездом Совета народных комиссаров. Подарок этот, очевидно, не мог быть оставлен на прощание питерским рабочим, давно уже разочарованным и озлобленным; его надо было сохранить для более спокойных московских рабочих.

Не только рабочие с недоумением слушали неожиданный нагоняй своих коммунистических освободителей. Вся буржуазия ушам своим не верила. Но факт несомненный. Большевики бьют генеральный отбой. За своими вождями вся партия, все коммунистические ораторы и чиновники преподносят рабочим выговоры за леность. И буржуазия громко, весело расхохоталась. Увы! Она хохотала над грозной большевистской революцией, перед которой недавно трепетала.

Большевистские правители в один прекрасный день пришли к выводу, что Россия совсем разучилась работать. И словно самая обыкновенная буржуазная власть, коммунисты обрушиваются первым делом... на рабочих. Рабочие — это первые, которых надо подхлестнуть и заставить усиленно работать. Ну а все белоручки, образованная буржуазия совсем не лодырничает? Не их ли первых следовало бы подхлестывать и подгонять? Но образованных, ученых людей разве можно принуждать в их «работе мысли», в их умственном труде?

Своими стачками против рабочей диктатуры интеллигенция выторговала у большевиков привилегированное положение и свои жирные доходы. Теперь коммунисты больше не смеют, даже при желании, задобрить рабочих, заикаться об уравнивании доходов интеллигента и рабочего. Теперь, напротив, за восьмичасовой труд рабочему полагаются выговоры за леность, а легкая шестичасовая работа белоручек в теплых и чистых конторах, бюро и всяких учреждениях, при жирных, за счет труда рабочего, окладах не заслуживает никакого упрека. Это труд честный, безупречный.

Труд рабочего должен быть усилен, интенсифицирован, оплачиваем сдельно, чтобы лишняя копейка, упаси Бог, ему не досталась. Для чего? Чтобы оставленные большевиками на фабриках капиталисты исправно получали прибыль? Чтобы рабочий щедро, по-старому кормил все образованное общество, всю буржуазию, благополучно продолжающую существовать в «социалистическом отечестве»?

Для свержения и подавления буржуазии рабочие вручили большевикам сильную диктаторскую власть. Теперь эта власть заявляет, что она нужна для введения порядка и дисциплины в среде самих рабочих. Та привычка к труду, которую привили массам помещики своим кнутом, а капиталисты — угрозой голода и безработицы, еще недостаточна для успешного ведения рабочего хозяйства. Твердая власть большевистской диктатуры должна завершить эту выучку, которая, по уверению Ленина, является благороднейшей задачей рабочей советской власти. Самодисциплинирование во имя якобы товарищеской солидарности при жизни буржуазного строя есть самая настоящая дисциплина, вводимая большевистскими комитетчиками, комиссарами и судьями во славу «отечественной промышленности».

Коммунисты совершенно забыли то недавнее время, когда вовсе не были нужны диктаторы-комиссары над рабочими для того, чтобы вести городское хозяйство Москвы в труднейших условиях, при упорном саботаже интеллигенции, когда рабочие прекрасно исполняли труд не только свой, но и бастующих служащих. Тогда рабочие верили, что идет борьба за их дело. Теперь никакими коммунистическими уверениями рабочих не убедишь, что их делом является «самодисциплина» в таком производстве, которое дает прибыль капиталистам, и повышение производительности труда в таком обществе, которое состоит по-прежнему из голодного народа и сытой буржуазии. Без принуждения нельзя заставить раба прилежно работать на своего эксплуататора. Голодный не станет добровольно носить на своей спине сытых паразитов.

Не помогут большевистскому правительству его убеждения и разъяснения, что дисциплина вводится самими рабочими, их собственной ими выбранной рабочей властью: рабочие мас-

сы будут чувствовать палку «рабочего» правительства, и такой власти выражением своей воли не признают, на ее защиту не поспешат.

Кто же, в таком случае, будет защищать советскую республику от ярости и мести иностранной и своей буржуазии? Уже в марте, при нашествии кайзеровских полчищ, оказалось, что рабочие массы не идут на защиту «социалистического отечества» большевиков. Не помогут уверения, что война «справедлива» и «священна» с тех пор, как большевики достигли власти, призвали к миру все страны и обнародовали тайные империалистические договоры. Рабочий народ рассуждает не по-большевистски. Он потребовал прекращения войны в тот самый момент, когда объявил расправу со своими «отечественными» грабителями. Он показал, что за грабителей, за сохранение их богатств он больше драться не желает.

Большевики все это чувствуют и, не полагаясь на добровольческую армию, объявляют принудительный набор. Такая армия, как и красногвардейская, сумеет, пожалуй, защитить советскую власть от чехословаков и внутренней контрреволюции, но перед нашествием немцев или японцев она не устоит.

Советское правительство не может не чувствовать, что обещанное октябрьским переворотом уничтожение грабительского строя одно лишь могло бы спасти революцию; что только захват фабрик, заводов и прочих богатств буржуазии в пользу рабочих мог бы возродить октябрьский единодушный порыв рабочих масс к упорной защите рабочей революции. Большевики должны понимать это и все-таки выбрали путь противоположный. Они объявили приостановку атак на буржуазию и направили свою диктаторскую власть на обучение рабочих прилежанию. Почему? — Такова уж природа социализма.

Всякий социалист обязательно назначает рабочим, раньше их освобождения, предварительную выучку под палкой. Социал-демократы — меньшевики никогда не хотят расставаться с капиталистической палкой. Их родные братья, социал-демократы — большевики, раньше чем отказаться от нее, сооружают палку коммунистическую.

Большевики уверяют, что советская власть, избранная самими рабочими, без участия капиталистов, не может не быть

истинным выражением воли рабочих. Но год тому назад советская власть, избранная на тех же основах, что и большевистская, уж несомненно не была рабочей волей, а под руководством меньшевиков и эсеров защищала буржуазный строй и призывала к участию в грабительской войне. Таким образом, советская власть сама по себе не есть святая святых, не дает еще гарантии и теперь, что в руках большевиков она выражает волю и нужды рабочего класса.

Почему же год тому назад рабочие не выбрали своих истинных представителей? Почему и теперь между волею рабочих масс и властью выбранных ими депутатов лежит глубокая пропасть?

Не будем говорить в данный момент о разнице в интересах и нуждах наемных рабочих и тех крестьян, что мечтают лишь о приобретении и владении собственным клочком земли. Рабочих не менее интересует и другой вопрос: почему между рабочими массами и их собственными депутатами раньше или позже возникает рознь?

К советским выборам допускается наравне с рабочими и интеллигенция, которая в октябре яростно восстала против всеобщего стремления рабочих низвергнуть власть локаутчиков; та самая интеллигенция, которая оказалась вернейшим защитником буржуазии, упорнейшим врагом рабочей революции. Несмотря на такие выступления интеллигенции, социалисты, и большевики в том числе, заставляют смотреть на нее, как на солидарный с рабочими отряд единого «пролетариата». Между тем интеллигенция, за исключением низших ее слоев, выгоден демократический буржуазный строй, в котором она возвышается над ручными рабочими, и опасна рабочая революция, которая грозит ей уравнием с рабочими. Вот почему она удерживает рабочих от нападения на буржуазное общество и сочиняет социалистические программы, только ей выгодные.

Большевики в октябрьском перевороте провозгласили демократическую сказку, будто рабочие массы, обреченные на пожизненный ручной труд и невежество, станут вдруг сами управлять государством. Для управления, уже на местах, требуются люди интеллигентные, а в центрах сплошь и рядом просто необходимы ученые специалисты. Не рабочие массы правят в со-

ветской республике, а их депутаты. Рабочие массы выбирают образованных социалистов, которые обещают борьбу с грабителями, но потом, получив власть, в угоду интеллигенции эту борьбу приостанавливают. Если рабочая масса в лучшем случае выбирает своих более интеллигентных товарищей, рабочих «передовиков», то они должны иметь в руках ясно выраженную и обоснованную программу, которой вдруг не создашь, которую они берут готовой у социалистов. Рабочие-передовики вступают в социалистические партии, отрываются от массы, становятся пропагандистами интеллигентских программ, а не выразителями рабочих масс.

В большевистской диктатуре рабочие «передовики» из революционеров, выражающих волю масс, превращаются в государственных чиновников, которые по большевистской указке строят в буржуазном обществе новое демократическое государство. Они становятся обыкновенными правителями, командирами, надсмотрщиками, уходят от рабочей массы и пристают к низшим слоям буржуазного образованного общества. Теперь они с особенным рвением вводят рабочую дисциплину и вырабатывают на съездах и в профессиональных союзах разные системы прижимок в виде сдельной оплаты труда, расчетов «малопроизводительных» рабочих и даже черных списков.

Такие явления происходят во всех странах. Рабочие массы своим депутатам и представителям довериться не могут. Они должны, не поддаваясь социалистическим басням, беспрестанно и громко заявлять о своих нуждах, о своей воле.

Рабочие не будут иметь своего «рабочего правительства» даже тогда, когда исчезнут капиталисты. Пока рабочий класс обречен на невежество, править будет, в лице его депутатов, интеллигенция, которая, защищая себя, а не рабочих, будет всегда отстаивать привилегии старого грабительского мира. После экспроприации капиталистов рабочим предстоит уравнять свои доходы с доходами интеллигентов, иначе они обречены на ручной труд, невежество и неумение управлять жизнью страны. Итак, даже после падения капиталистического строя, рабочие не будут носителями государственной власти, не будут иметь послушного правительственного аппарата в своих руках.

Когда рабочий класс стремится к своему господству, это значит, что он стремится к революционному господству над государственной властью. Революционным давлением, изъявлением воли миллионных рабочих масс он должен диктовать законы государственной власти.

Уже больше полугода большевистская диктатура усыпляет рабочие массы сказкой, будто в России существует коммунистическое рабочее правительство, которое выражает волю рабочих, которое само уничтожает их рабство. И вот это большевистское «рабочее правительство» оставляет при жизни буржуазный строй, приостанавливает нападение на грабителей, приостанавливает рабочую борьбу раньше, чем она разрослась в настоящую рабочую революцию. Мало того. Рабочие были так отуманены, потом так разочарованы, что всякий контрреволюционер, всякий меньшевик легко тащит их назад и смеет призывать к возвращению грабителям всех прежних их прав.

Не низвергать советскую власть, на радость всем соглашателям и контрреволюционерам, должны рабочие массы, а толкать ее вперед своими рабочими экономическими требованиями, которые после захвата советами власти не должны были замолкнуть, а напротив, подняться до требования экспроприации буржуазии в пользу рабочего класса.

¹ Опубликовано в журнале «Рабочая революция». 1918. Июнь-июль. № 1. С. 2–6. Печатается по изданию: *Махайский Я.* Умственный рабочий. New York, Baltimore: Международное литературное содружество, 1968. С. 356–364.

В. А. Базаров

Последний съезд большевиков и задачи «текущего момента»¹

Недавно закончившийся съезд¹¹ коммунистической партии представляет, бесспорно, огромный общественный интерес. Съехалась не просто одна из партий, но партия «по преимуществу», партия, держащая в своих руках всю полноту власти. Ее программа есть вместе с тем и наша государственная программа.

Естественно было ожидать, что оценивая «текущий момент» и намечая перспективы своей дальнейшей работы, большевики будут исходить не только из голых теоретических схем, но постараются учесть опыт своего полуторагодового господства, примут во внимание те колоссальные сдвиги, те совершенно непредусмотренные тенденции развития, которые обнаружил за это время наш коммунистический строй.

Ожидание это оправдалось лишь наполовину. В блестящей речи, произнесенной при обсуждении вопроса о новой партийной программе, В. Ленин с полным бесстрашием и не допускающей никаких кривотолков ясностью вскрыл действительное направление нашего общественного развития. <...> Но гора родила мышь: никаких практических выводов не последовало: и в партийной программе, и в резолюциях съезда сохранились в полной неприкосновенности все трафареты обычной коммунистической фразеологии, стоящей в непримиримом противоречии с анализом вождя партии. Очевидно, по тактическим соображениям Ленин счел несвоевременным менять политический курс в соответствии с высказанными им основными положениями и пока ограничился лишь осторожным зондированием почвы, лишь теоретической подготовкой общественного

мнения партии к грядущим переменам. Нельзя не пожалеть об этой чрезмерной робости, ибо как раз настоящий момент особенно благоприятен для решительных действий, в то время как в дальнейшем всякие попытки выпрямить политическую линию могут оказаться уже запоздалыми.

Но прежде чем перейти к этой теме, восстановим в своей памяти основные черты той эволюции, которую проделал советский строй за 18 месяцев своего существования.

Самый важный и поучительный урок этого периода нашей истории заключается в том, что вся схема пролетарской революции, выдвинутая деятелями октябрьского переворота — *классическая, марксистская* схема — оказалась совершенно неприложимой к современной русской действительности, мало того, силою вещей превратилась в свою полную противоположность.

В самом деле. *По теории* партия пролетариата, захватив политическую власть, не нуждается в применении государственного насилия к представителям рабочего класса, но пользуется орудиями принуждения лишь для того, чтобы сломить сопротивление буржуазии; по мере ослабления этого последнего государство мало-помалу «отмирает», растворяясь в свободном союзе трудящихся. *На практике* октябрьское государство, сломив сопротивление буржуазии и впитав в себя значительную ее часть в качестве «советских служащих», не только не отмирает, но разрастается с чудовищной быстротой, словно гигантская раковая опухоль, съедающая все прочие ткани социального организма. И по мере роста «государственного аппарата» растет его принудительная сила, направляемая уже не столько на борьбу с поумневшей и притихнувшей буржуазией, сколько на дисциплинирование трудящихся масс. Успехи, достигнутые в этой области большевиками, поистине огромны¹. Если при царском самодержавии нехватка хлеба — по нынешнему масштабу очень незначительная — вызвала в Петербурге революцию; если при Временном правительстве всякое возрастание дороговизны, всякое уменьшение пайка сопровождалось

¹ В тех случаях, когда дисциплинирование принимает особенно решительные формы, рабочие фигурируют в официальных рапортах под псевдонимом «шкурников» и «хозяйчиков».

бурными волнениями рабочих, то в настоящее время, несмотря на зверский голод, рабочие волнения сравнительно редки. Пролетариат, бесспорно, мирится с заработной платой в $\frac{1}{2}$ прожиточного минимума, стоически выдерживает муки голода, в крайнем случае тихо разбредается по деревням в поисках пищи и по первому требованию начальства покорно выносит восторженные резолюции о беззаветной поддержке Советской власти: Ave Caesar, Imperator, morituri te salutant!¹¹¹

Не менее поразительные результаты достигнуты Советской властью и в борьбе со всякого рода сепаратизмом: уездным, губернским, областным, национальным. И характерно опять-таки, что это усиление центра осуществилось не благодаря, а вопреки тем принципам, которые были торжественно провозглашены в октябре 1917 г. Как известно, октябрьский переворот подарил всем народам России полную свободу самоопределения «вплоть до отделения». Мало того, согласно коммунистической доктрине, строившей советскую республику по типу «государства-коммуны», неограниченное политическое самоопределение принадлежит любому провинциальному совдепу как воплощению «всей власти» пролетариата на местах.

Местные совдепы *не подчинены* всероссийскому центру, а лишь морально *считаются* с его авторитетом, вступая с ним и друг с другом в добровольную «федеративную» связь; именно это и означает буква «Ф» в официальном титуле нашей республики «РСФСР». И в первые месяцы после октябрьского переворота губернские и уездные народы государства Российского самоопределялись с величайшей энергией, не обращали почти никакого внимания на «директивы» центра, законодательствовали напропалую... особенно в области контрибуций, конфискации и реквизиций. Были отдельные случаи, когда даже волостные совдепы возвышались до государственной самостоятельности, смело шли «вплоть до отделения», заводили собственные таможи и облагали попудным сбором все грузы, перевозимые по железной дороге через территорию данной волости. Но мало-помалу Советской власти удалось, ни на йоту не умаляя формального полновластия местных органов «диктатуры пролетариата и беднейшего крестьянства», оставляя

букве «Ф» ее почетное место в заголовке Конституции, свести суверенитет провинциальных совдепов почти на нет, восстановив бюрократическую централизацию во всех ее дореволюционных правах. Конечно, и поныне многие «губисполкомы» продолжают под сурдинку вести собственную государственную политику, «саботируя» неприятные для них декреты и циркуляры московской власти. Но ведь то же самое было и в доброе старое время — губернаторы, а в отдаленных уездах даже исправники недаром любили возглашать: «Я здесь царь и бог!» Номинальному самодержцу Российской империи приходилось мириться с отчуждением очень значительной доли своего суверенитета в пользу местных администраторов. Эта неприятная особенность присуща всякому самодержавию, всякой олигархии — коммунистической не в меньшей степени, чем дворянской или буржуазной. И нельзя не признать, что власть, сумевшая в обстановке ужасающей государственной разрухи довести престиж бюрократического центра почти до той высоты, на которой он стоял при старом режиме, не оставляет желать ничего большего в смысле своей силы, твердости и решительности.

Но быть может, всего знаменательнее успехи большевиков в деле воссоединения латышей, белорусов, украинцев и прочих так называемых неисторических народностей под скипетром московской власти как представительницы державного великорусского племени. Иллюстрируем это лишь одним примером. Все помнят ту бурю негодования, какую возбудил среди демократов-самостийников проект договора между Антантой и петлюровцами, согласно которому эти последние должны были оплатить военную поддержку союзников предоставлением украинских железных дорог в распоряжение Франции. А когда через две недели после этого инцидента московское правительство согласилось оказать украинскому денежную помощь лишь на условии «объединения» украинских железных дорог и банков с великорусскими, то никаких протестов, насколько нам известно, не последовало. Московское требование прошло совершенно незамеченным широкой публикой, не вызвало никакого обсуждения в печати и на собраниях, было воспринято советской Украиной как нечто само собой разумеющееся. Украинское, белорусское и прочие национальные советские

правительства, сохраняя весь декорум государственной власти, посылая «ноты» иностранным державам, имея «собственные» армии, в действительности ничуть не более самостоятельны, чем те маршалы и генералы, которых Наполеон I в награду за верную службу делал королями и герцогами завоеванных областей. И здесь буква «Ф» символизирует не столько Федерацию, сколько фиговый листок, прикрывающий исполнительные органы единого государственного аппарата, возглавляемого московским Совнаркомом.

Поэтому поистине в открытую дверь ломился искренний, но наивный большевик Бухарин, требовавший на съезде, чтобы в программу коммунистической партии вместо федералистического принципа был внесен пункт, открыто провозглашающий необходимость полного экономического и политического объединения всех стран и народов, обьятых коммунистической революцией. Объективная логика текущего момента такова, что все революционные страны — даже «советские» по своей конституции — находятся в состоянии войны с коммунистической Россией до тех пор, пока во главе их стоят партии, желающие вести самостоятельную национальную политику. А когда у власти становятся «коммунисты», те группы общественных деятелей, связанных с нашими правящими сферами столь же тесными интимными узами, как маршалы и генералы наполеоновской армии с французским императором, тогда полное экономическое и политическое единство осуществляется само собой, в гораздо более совершенных формах, чем это могли бы гарантировать какие бы то ни было параграфы партийной программы или государственной конституции. Ленин был, бесспорно, прав, решительно восстав против предложения Бухарина. В самом деле, к чему дразнить самостийных гусей? Зачем давать повод к формальному обвинению Российской республики в «империализме», в захватных замыслах, если без всяких лишних и неприятных слов ход событий идет как раз в том направлении, как это хотелось бы Бухарину?

Превращение «государства-коммуны» в свою полную противоположность — в централизованную бюрократическую олигархию вполне оправдало себя как метод «успокоения» народных масс, взбудораженных военной и революционной

разрухой. Только заменив бурное демократическое творчество Советов управлением сверху, только вручив всю полноту власти в центре и на местах строго дисциплинированной аристократии так называемых партийных ячеек, коммунисты сумели прекратить наиболее разрушительные проявления всеобщей анархии и водворить на всем протяжении советской России относительно сносный внешний порядок. Большевики, возбудившие к себе в начале революции такую бешеную ненависть со стороны всех русских патриотов, видевших в них предателей Отечества и разрушителей государства, на деле оказались высокогосударственной, мало того, единственной подлинно государственной партией в обстановке нашей революции. И, как мы уже неоднократно упоминали, этот блестящий результат, заставивший даже Пуришкевича воспеть дифирамбы Советской власти, получился вопреки всем планам, одушевлявшим деятелей октябрьского переворота, в полном противоречии с той Марксовой схемой развития пролетарской диктатуры, которую в медовый месяц коммунистического режима пытались провести в жизнь вожди большевиков.

Но если «политическая надстройка» в процессе своей полугодовой эволюции все более и более отдаляется от коммунистического идеала, от свободного безгосударственного союза трудящихся, если она все более и более приближается к централизованному бюрократическому самодержавию, характерному для первоначальной стадии капитализма, то приходится допустить, что аналогичный процесс совершается и в недрах «экономического базиса», что вместо преодоления капитализма получилась его деградация, вместо прогрессивного перехода от буржуазной к социалистической организации производства — реакционный возврат от высших капиталистических форм к низшим примитивно-капиталистическим и докапиталистическим формам хозяйства. Эту тенденцию и подчеркнул в своей программной речи В. Ленин. Проект партийной программы во второй, *новой* своей части говорит о синдикатах и трестах, об империализме и финансовом капитале как материальной предпосылке социалистического переворота. Так как мы уже полтора года назад совершили социалистический переворот, то Бухарин и настаивал на том, чтобы в программе оста-

лась только эта новая ее часть; старая же, трактующая о борьбе пролетариата в рамках уже уничтоженного в России капиталистического строя, подлежит, по его мнению, аннулированию как явно устаревшая. В противовес этому Ленин утверждал, что схема, начертанная в программе, совершенно не соответствует действительному положению вещей в современной России. «Мы переживаем сейчас последствия империалистской войны и начала диктатуры пролетариата, и в то же время в целом ряде областей России, которые были более отрезаны друг от друга, чем прежде, мы переживаем возрождение капитализма и развитие его первой стадии... Взять хотя бы крах транспорта, который мы так хорошо — или вернее так плохо — на себе испытываем. Что значит крах транспорта в империалистической системе? Возвращение к самым первоначальным формам товарного производства... Мы хорошо знаем, что такое мешочники... А ведь эту категорию вы не подведете ни под какую диктатуру пролетариата, а должны будете вернуться к низам капиталистического общества и товарного производства. Выскочить из этой печальной действительности посредством гладкой и цельной программы значит выскочить в нечто безвоздушное и заоблачное, написать программу неверную... Прошлое нас держит, хватает тысячами рук и не дает делать шага вперед или заставляет делать эти шаги так, как мы их делаем... только учитывая действительность, мы сможем разрешить такие вопросы, как, скажем, отношение к среднему крестьянству. В самом деле, откуда мог взяться средний крестьянин в эпоху чистого империалистического капитализма? Ведь даже в странах просто капиталистических его не было... он есть мелкий товаропроизводитель. Вот та азбука капитализма, которую сказать нужно, потому что из этой азбуки мы все еще не вылезли. От этого отмахнуться и сказать: „зачем нам азбука, когда мы финансовый капитал изучили?“ — это в высшей степени не серьезно»^{IV}.

Если «империалистическая война» подорвала нашу крупную капиталистическую промышленность, а «диктатура пролетариата» еще обострила процесс ее разрушения, вернув нас к «азбуке капитализма», то, казалось бы, всякие «безвоздушные» и «заоблачные» программы коммунистического строительства

надо предоставить небожителям вроде Н. Бухарина и заняться насущным практическим делом: от «азбуки капитализма» перейти понемногу к его слогам, от слогов к словам и предложениям, и только тогда, когда в процессе этого развития исчезнут и мешочники, и средние крестьяне, и прочие представители «первоначальных товарно-хозяйственных форм», когда капитализм не в мечтаниях благочестивых теоретиков, а на деле, в конкретной русской действительности, произнесет свою заключительную финансово-империалистическую фразу, только тогда поставите вопрос о коммунизме. Однако такого вывода Ленин не сделал. У него выходит как-то так, что наряду с разрушением производства в одних областях возможен самый подлинный социализм в других, хотя эти счастливые области предусмотрительно не поименованы. Он пытается утешаться тем, что аналогичные разрушительные процессы происходят и в других странах. Конечно, «на миру и смерть красна», но каким образом эта мировая смерть крупного производства может спасти диктатуру российского пролетариата, остается все-таки невыясненным. Единственный практический результат выступления Ленина — принятая съездом резолюция о более мягком отношении к среднему крестьянству. Но и эта резолюция, ограничивающаяся одними моральными увещаниями, никаких реальных последствий иметь не может. Резолюция рекомендует направлять скорпионы пролетарской диктатуры исключительно против кулаков, но отнюдь не против среднего крестьянства: к средним крестьянам не должны применяться произвольные реквизиции, с них надлежит взysкивать чрезвычайный налог в мягкой форме, «не останавливаясь даже перед уменьшением общей суммы налога»^V. Но так как точных признаков, позволяющих отличать среднего крестьянина от кулака, не указано, то все эти благопожелания, конечно, останутся на бумаге и ни в малейшей степени не смягчат наступательного рвения местных комиссарчиков всех ведомств и наименований. Да если бы даже и удалось резко отделить кулаков от широкой массы среднего крестьянства, это последнее все-таки не сделалось бы поклонником советской власти. Средний крестьянин, конечно, враг кулака, но не принципиальный, а, так сказать, личный. Мелкий хозяйчик завидует крупному,

но именно потому, что его задушевная мечта — главный двигатель его хозяйственных трудов и забот — это самому «выбиться в люди», стать зажиточным крупным хозяином. И если власть своими преследованиями «кулаков» делает невозможным само существование крупных хозяйств, она убивает основной стимул хозяйственной энергии в мелком и среднем крестьянстве, способствует понижению производительности земледельческого труда и сеет глубокое недовольство существующим режимом в среде тех самых широких трудовых: масс, которые имеется в виду привлечь на свою сторону решительной «классовой политикой». Вообще, удачная «классовая политика» требует не только решительности действий, но и некоторой гибкости ума.

Но хуже всего то, что резолюция большевистского съезда ни одним словом не затрагивает самый злосчастный, самый самоубийственный принцип советской продовольственной политики, а именно оставление крестьянину одного только продовольственного пайка и отчуждение по убыточным твердым ценам всего остального хлеба. Осуществить эту программу на деле, разумеется, совершенно не удалось, а между тем ее контрреволюционное воздействие на крестьянскую массу и, что еще хуже, на посевную площадь успело уже сказаться в полной мере. Сама «Правда» озабочена вопросом о том, как заставить крестьянина засеять весь надел, несмотря на грозящее ему отобрание излишков сверх продовольственной нормы. Средство, предлагаемое почтенной газетой, сводится к тому, чтобы полный паек на душу получало лишь то семейство, которое обработает весь надел; за каждую необработанную десятину налагается штраф в виде понижения нормы душевого пайка. И в самом деле, с точки зрения коммунистических чиновников, органом которых является «Правда», лучше ничего и выдумать нельзя. Подумайте только: какое грандиозное поприще для советских контролеров! Сколько новых вакансий! Сколько удобнейших поводов проявить строгость и милость — строгость по отношению к строптивым «кулакам», милость по отношению к податливой «бедноте», готовой пойти на мировую и спастись от продовольственных репрессий путем небезвыгодной для обеих сторон сделки! А ведь имеется очень простое средство выкачать из деревни потребное количество хлеба, ничуть

не раздражая крестьянство, а, наоборот, внося в него действительное «успокоение». Средство это — натуральный подесятинный налог. В самом деле, после всей той неразберихи и всех тех вакханалий, которые имели место у нас до сих пор в продовольственном деле, мужик перекрестился обеими руками, если бы ему было объявлено, что отныне военные, комбедные и всякие иные экспедиции за хлебом прекращаются, всякого рода «чрезвычайные» и нечрезвычайные сборы в пользу Советской власти раз и навсегда отменяются, а вместо всего этого каждое сельское общество должно собрать из нового урожая и доставить в определенный пункт столько-то зерна с каждой десятины удобной надельной земли. Можно сказать с уверенностью, что сельские общества с величайшей готовностью выполнили бы это требование, лишь бы отвязаться от компрода и прочих правительственных агентов. Города получили бы в 2–3 раза больше хлеба, нежели доставляется им теперь, и притом сравнительно без хлопот, без мобилизаций лучших пролетарских сил в реквизиционные отряды; неутомимые продовольственники оттерли бы кровавый пот с чела своего и к немалой пользе для государственного бюджета $\frac{3}{4}$ этих доблестных деятелей можно было бы освободить от их многосложных обязанностей, направив к более производительным занятиям. Почему же такие простые соображения не приходят в голову современным государственным деятелям? Не потому ли, что мысль бюрократа фатально работает в направлении расширения штатов и углубления репрессий и органически неспособна обратиться в противоположную сторону? Как бы то ни было, ясно одно: прочный мир с крестьянином-середняком не удастся заключить до тех пор, пока в налоговой продовольственной и аграрной политике капризы чрезвычайных мероприятий не уступят место твердым нормам, серьезно считающимся с положением середняка как мелкого товаропроизводителя и со всеми теми объективными тенденциями развития, которые из этого положения вытекают.

Однако даже при выполнении этого условия Советская власть не сделается, конечно, властью крестьян-середняков — в лучшем случае она вступит с ними в устойчивые «добрососедские отношения». Какова же подлинная социальная природа

этой власти? Чьей «диктатурой» она в настоящее время является? Диктатурой пролетариата, как гласит официальный титул? Но говорить о пролетарской диктатуре в обществе, стремительно эволюционирующем от высших форм капитализма к низшим, значит забыть азбуку марксизма. Политическая власть не может не служить интересам того класса, который при данном уровне развития господствует в экономической области. Какой же класс экономически господствует в современной России? Очевидно, капиталист эпохи первоначального накопления или, как проще назвал его Ленин, мелкий и крупный «мешочник», «спекулянт». И пока нами не изжит период первоначального накопления, пока не создались условия, позволяющие капиталу от спекулятивного хищничества перейти к нормальной торговой и промышленной деятельности, до тех пор всякая власть — независимо от намерений и планов ее отдельных представителей — на деле неизбежно окажется диктатурой мешочников и спекулянтов. От действия этого закона не удастся ускользнуть и современной власти, несмотря на то что во главу своей внутренней политики она поставила борьбу с мешочничеством. Борьба ведется путем запрещения частной торговли и попытки организовать производство и распределение продуктов силами государства. Если бы попытка эта удалась, был бы убит не только спекулятивный, но и всякий вообще капитал, и мы действительно вступили бы в некую переходную между капитализмом и социализмом форму общежития. Но попытка не удалась и не могла удалась. У нас отсутствует статистика, но всякому из повседневного опыта известно, что через государственный аппарат проходит лишь ничтожная доля обращающихся в стране товаров: по меньшей мере 10% распределения сосредоточено по-прежнему в частных руках.

Государственное регулирование уничтожило нормальный товарообмен, поскольку он еще существовал, но тем самым в высшей степени стимулировало спекуляцию. В самом деле, там, где нет абсолютного недостатка в товаре, экономической предпосылкой спекулятивной торговли является расстройство транспорта, создающее возможность колоссальной разницы цен в отдельных пунктах страны, некогда связанных между собой в единый капиталистический рынок. Заградительные от-

ряды и прочие решительные меры дополняют естественные затруднения транспорта искусственными, которые окончательно выбивают из строя простодушных торговцев старого типа, но ничуть не обескураживают истинного спекулянта по призванию. Этот последний легко находит ключ, отмыкающий перед его товаром все замки правительственных запретов; для него наличность заградительного отряда — не политическая, а чисто экономическая категория: повышение накладных расходов по доставке продукта и устранение с рынка менее ловких мешочников, сбивающих цены своей конкуренцией. Таким образом, запретительная политика не уничтожает, а совершенствует спекуляцию, производит своего рода естественный отбор спекулятивных талантов, способствует процветанию наиболее искусных, изобретательных и энергичных, наилучше приспособленных к своей профессии капиталистов первоначального накопления. Неудивительно, что советский государственный корабль густо обрастает спекулянтами. И напрасно начальство думает, что корпус правительственного корабля можно очистить от спекулянтов механически, как очищают морское судно от присосавшихся к нему ракушек. Нет, спекуляция не только извне налипла, она насквозь пронизывает всю систему современного государственного регулирования, составляет самую его душу. Спекулянт — не просто паразит, но вместе с тем и действительная опора правительства, герой, спасающий власть в критических случаях. Когда внезапно обнаруживается острый недостаток продовольствия на каком-нибудь фронте, когда грозит замереть из-за недостатка топлива какой-нибудь стратегически важный участок железных дорог, кто спасает положение? Советский или околосоветский спекулянт! Это он из-под земли откапывает до зарезу необходимую партию угля или хлеба; это он, платя бешеные цены, вырывает продукты из рук десятка других претендентов; это он преодолевает таинственными способами трудовую дисциплину товарищей железнодорожников и доставляет груз на месте назначения с волшебной, почти дореволюционной быстротой. Экстренное снабжение в момент катастрофы осуществимо только при помощи спекуляции, что же касается снабжения регулярного, то оно при существующих условиях вообще не-

мыслимо; это явная утопия. Но всякая утопия, проведенная в жизнь силой принудительной власти, из романтики превращается в коррупцию — такова непреодолимая объективная логика вещей. И правительству приходится лелеять героя коррупции, крупного дельца-спекулянта, приходится мириться с тем, что режим, задуманный как диктатура пролетариата, оказывается на практике диктатурой подлинного господина нашей жизни, творца первоначального накопления.

Было бы, впрочем, ошибочно думать, что деятели первоначального накопления являются фанатиками советского режима в теперешних формах. Те миллионы керенок, которыми государство оплачивает драгоценные услуги спекулянтов, представляют в настоящее время весьма шаткое, почти призрачное богатство. Советские дельцы охотно примирились бы с понижением барышей, если бы правительство открыло для них возможность пустить более прочные корни в родную почву, превратиться из спекулянтов в солидных торговцев и промышленников. Таким образом, в среде воротил современного строя, в среде его подлинно деловых и талантливых представителей, поворот советской политики в сторону культивирования более высоких форм капитализма встретил бы не сопротивление, а всемерное сочувствие и поддержку. Что касается миллионной армии низших советских служащих, безответных канцеляристов, вынужденных в силу ограниченности своего влияния довольствоваться скудным казенным жалованьем, то они без всякого огорчения перекочевали бы опять в те частные конторы, из которых выгнала их октябрьская революция. Энергичный протест против всяких попыток восстановления «власти торгового и промышленного капитала» последовал бы лишь со стороны средней, также довольно многочисленной категории советской бюрократии. Мы имеем в виду полчища юных комиссаров, отличительные внешние признаки которых — несокрушимо победоносный вид, безупречный френч, слева под мышкой внушительный портфель, справа — шикарная дама в каракулях. Их внутренние качества — склонность к головокружительно-быстрому передвижению на автомобилях и лихачах, безграничная самоуверенность при глубочайшем невежестве и полная неработоспособность при кипучей показной

деловитости. Социальное происхождение этого слоя довольно разнообразно: тут есть и бывшие студенты, служившие во время войны в «земгусарах»^{VI}, и выходцы из мелкой буржуазии, разоренной революцией, и бывшие рабочие. Все они радикально оторвались от своей социальной среды и усвоили характерные особенности той деклассированной богемы, того «люмпен-пролетариата», общественную физиономию которого так блестяще обрисовал Маркс. Это насквозь паразитический элемент современной бюрократии, принципиальные «прожигатели жизни», и именно поэтому неукротимы левые большевики, рьяные сторонники расширения советского аппарата, чрезвычайных полномочий, реквизиций, конфискации, экзекуций и национализации. Судя по типичному тренду их жизни, в среднем комиссары этой категории должны проживать раз в 10–12 больше казенного жалования.

Но они отнюдь не являются активными деятелями первоначального накопления, наоборот, это расточители *par excellence*^{VII}, наиболее надежные потребители продуктов разнообразнейшего мешочничества.

Так как всякое оздоровление нашей экономической политики больно ударило бы как раз по люмпен-пролетарским элементам бюрократической армии, то, естественно, малейшие намеки на возможность поворота правительственного курса в эту сторону вызывают с их стороны отчаянные вопли о нарушении священных принципов пролетарской диктатуры и т. п. Но протесты паразитических френчменов^{VIII} сами по себе для высшей власти не представляли бы ни малейшей опасности. Лишь в случае широкого отклика в массах подлинного пролетариата недовольство служилого люмпен-пролетариата могло бы вырасти в серьезную угрозу. Велики ли шансы для такого отклика? По-видимому, очень невелики. Для подлинного рабочего нет священных и самоценных политических принципов; каждую политическую форму он оценивает лишь как средство улучшить свое положение, т. е. добиться большей обеспеченности и большей свободы. Современный режим признается рабочим классом не потому, что он улучшил его положение в этих двух смыслах, наоборот, и в том и в другом смысле положение пролетариата, бесспорно, ухудшилось, а потому, что все дру-

гие режимы, испробованные за время революции, оказались столь же несостоятельными. Пролетариат с полным спокойствием отнесется к расширению прав частного капитала, если такого рода реформа будет сопровождаться повышением его благосостояния. Но одним только освобождением от излишних пут отечественных капиталистов этот результат не может быть достигнут. Высшие формы русского капиталистического хозяйства глубоко дезорганизованы и не в состоянии оправиться собственными силами. Постепенное вырастание благоустроенной промышленности из капитала первоначального накопления — слишком длинный и мучительный процесс.

Естественно, что мысль наших правящих кругов все настойчивее направляется в сторону привлечения иностранного капитала, в первую голову американского. Однако вопрос этот обсуждается слишком медленно и робко. На съезде ему совсем не было уделено должного внимания. В «сферах» бесконечно разрабатывается проект северной концессии, которая сама по себе вовсе еще не в состоянии вывести нас из тупика. Для восстановления наших разрушенных производительных сил американский промышленный капитал должен быть допущен не только на окраины, но и в самые центры России. И время не ждет. Под впечатлением военных успехов на юге, событий в Венгрии и Баварии престиж Советской России поднялся на небывалую высоту. Теперь мы могли бы обставить проникновение американского капитала очень приличными условиями. Впоследствии, когда вскрыется иллюзорность нашего могущества, когда даст о себе знать таким трудом сдерживаемая внутренняя анархия, о выгодных условиях не придется и заикаться. Россия все равно станет добычей иностранного капитала, но если будет упущен благоприятный момент, не русское правительство поставит условия американским капиталистам, а эти последние продиктуют свой ультиматум, который Россия вынуждена будет принять без рассуждений.

¹ Впервые опубликовано в журнале «Мысль» (г. Харьков), 1919. № 10. С. 349–358. Печатается по: Базаров В.А. Избранные произведения: В 2 т. М.: ИД «Дело», 2014. Т. 1. С. 226–280.

- II Речь идет о VIII съезде РКП(б), проходившем 18–23 марта 1919 г. в Москве.
- III Ave Caesar, Imperator, morituri te salutant! (*лат.*)— Славься, император Цезарь, идущие на смерть приветствуют тебя!
- IV См. Ленин В.И. Доклад о партийной программе на VIII съезде РКП(б) (19 марта)// Ленин В.И. Полн. собр. соч.: В 55 т Т. 38. М.: Политиздат, 1969. С. 153–156.
- V Резолюция съезда «Об отношении к среднему крестьянству»// Восьмой съезд РКП (б). Протоколы. М.: Госполитиздат, 1959. С. 431.
- VI Земгусары—ироничное наименование служащих Земгора—объединенного комитета Всероссийского земского союза помощи больным и раненым воинам и Всероссийского союза городов, созданного летом 1915 г. Эти служащие носили военную форму.
- VII Par excellence (*англ.*)—преимущественно.
- VIII Френчмен—возможно, неологизм В.А. Базарова. Очевидно, ироничное наименование советских бюрократов, часто носивших френчи.

Л. Б. Кафенгауз, Я. М. Букшпан

Россия после большевистского эксперимента (программа экономического возрождения России)¹

Экономическая политика России после революции должна определяться не субъективными целями отдельных групп и классов населения, не программами тех или иных политических партий, а только реальными нуждами нашей послевоенной и послереволюционной действительности.

А эта хозяйственная действительность прежде всего характеризуется наличной нищетой. Наша промышленность понизила свою производительность до ничтожных размеров, наше сельское хозяйство перестало давать излишки сырья на рынок и вот уже в течение нескольких лет стремительно сокращает производительность и хлебов, и наиболее ценных технических культур. Основной капитал страны в виде дорог, зданий, технического оборудования, живого и мертвого сельскохозяйственного инвентаря износился до крайней степени и стоит на границе полного разрушения.

В то же время европейская война оставила нам в наследство огромный государственный долг, в несколько раз превышающий наш довоенный долг, а революция смела исторически сложившийся государственный, хозяйственный и финансовый аппарат, не создав вместо него ничего нового.

При таких условиях главная и единственная задача нашей экономической политики состоит в восстановлении производительной деятельности, в росте и интенсификации производства. Если несколько лет тому назад до великой европейской войны и нашей внутренней катастрофы мы считали возможным насаждать у себя наиболее высокоценные ростки хозяйственной культуры и осложнять нашу политику высокими

социально-политическими задачами, то теперь в силу необходимости наша экономическая программа должна стать сравнительно простой, грубой и элементарной.

Надо расширить посевную площадь, надо увеличить добычу угля и металлических руд, надо увеличить производительность труда, надо восстановить железные дороги, и эти задачи надо выполнить в кратчайший срок и во что бы то ни стало, хотя бы для этой цели пришлось пожертвовать всеми политическими и социальными программами.

Из всех этих соображений вытекает также и определение того, что при всей своей важности не стоит на очереди. К этим не очередным задачам относятся все проблемы социальной политики высшего порядка, все проблемы справедливого распределения национального богатства. Распределять нечего — это положение надо твердо усвоить, и поэтому в течение ближайших лет социальную политику придется ограничить самыми элементарными государственными нуждами, которые скорее следует отнести к общественной благотворительности и к призрению бедных, чем к современной социальной политике.

Та же хозяйственная действительность вместе с тем богатым опытом войны и революции указывает нам также и ту форму, в которой только и может быть восстановлена нормальная хозяйственная жизнь страны.

Опыт двухлетнего социалистического хозяйства с совершенной наглядностью показал, что социализация или национализация всего народного хозяйства на современной стадии нашей хозяйственной и общественной культуры может привести только к хозяйственной нищете, государственной разрухе и национальному, моральному разложению. Точно так же испробованные нами самые разнообразные виды государственного контроля над промышленностью и многочисленных производственных и торговых монополий должны убедить нас, что возможности плодотворного, государственного вмешательства в хозяйственную жизнь очень ограничены.

При таких условиях единственной, экономически рациональной формой организации восстановления нашего разрушенного народного хозяйства является хозяйство, основанное

на частной собственности, вольной торговле и частных свободнo-дoгoвoрнoх сoюзax и тoвaрищeствax.

Государство не в состоянии восстановить своим несуществующим еще аппаратом хозяйство страны. Частная предприимчивость и инициатива, творческие силы населения, предоставленные собственной ответственности, — вот главная надежда хозяйственного возрождения России. Других путей нет у нашей страны и нашего государства: если сила нашего национально-го разложения окажется так велика, что частным хозяйствам не удастся вновь восстановить народно-хозяйственный организм, то Россия, как независимое государство, окончательно погибнет. Она тогда неизбежно станет объектом чужеземной эксплуатации, объектом какого [угодно] хозяйства — частного, государственного, но не русского. Поэтому восстановление частной собственности и создание условий для нормального функционирования индивидуального хозяйства — частной предприимчивости есть основные условия, как хозяйственного, так и национального, государственного возрождения.

Здесь, однако, приходится считаться с другой стороной дела. Как ни временны в исторической перспективе связанные с войной мероприятия правительства в виде организации торговли, мобилизации промышленности для целей обороны, регламентации цен, монополии отдельных отраслей хозяйства, принудительных синдикатов и т. п. — все эти проявления «этатизма», наблюдаемые во всех странах, не могут пройти бесследно для будущего. Так как организация народного хозяйства оказалась важнейшим условием необходимой боевой готовности каждой из воюющих сторон, то и хозяйственная демобилизация, подобно военному разоружению, естественно должна ставиться в зависимость от государственно-политических соображений и расчетов. В своем стремлении обладать запасами сырья борющиеся на мировом рынке государства не могут предоставить свободной игре экономических сил снабжение своих народных хозяйств необходимыми материалами, и вынуждены к дальнейшему регулированию некоторых сырьевых рынков. С другой стороны, свои товарные преимущества (Англия — уголь, Чили — селитру, Бразилия — кофе, Соединенные Штаты и Аргентина — хлеба и т. п.) они используют при помо-

щи регламентации вывоза для воздействия на своих контрагентов и противников. Речь идет о переходе от замкнутого, регламентированного товароснабжения к условиям свободной конкуренции, свободной игры экономических сил, когда восстановится естественный ритм хозяйственных процессов, когда можно будет говорить о мировом хозяйстве как о нормальном взаимоотношении народных хозяйств.

Исходя из этих общих соображений, к которым мы должны прийти не в силу приверженности той или иной экономической доктрине, а в силу требований реальной жизни и результатов опыта истекших пяти лет, мы можем развить практическую программу в политике хозяйственного возрождения России.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО

Основой нашего сельского хозяйства и до революции было крестьянское хозяйство: по данным сельскохозяйственной переписи 1916 г., свыше 90% посевов главных зерновых культур приходилось на крестьянское хозяйство, и только несколько губерний юго-западного свеклосахарного района давали картину более или менее прочного крупного помещичьего хозяйства. Удар, который потерпело наше крупное землевладение за время революции, фактически совершенно ликвидировал его. А так как падение крупного землевладения есть явление, неуклонно продолжавшееся с самого дня освобождения крестьян, то, по-видимому, крушение этого землевладения, завершившееся революцией, надо считать окончательным.

К этому событию громадного исторического значения следует подходить не доктринерски, не с предвзятой точки зрения политических симпатий или антипатий к крупному землевладению, а с точки зрения реальных нужд нашего сельского хозяйства.

На первый план должны выступить более сильные элементы крестьянского хозяйства. Не в силу «малоземелья» следует ликвидировать большую часть частновладельческих хозяйств, ибо никакое наделение земель не устранил «малоземелья» при косности и застое сельскохозяйственной техники. Ликвидации

частное владение подлежит в силу своей хозяйственной отсталости и только в той мере, в какой оно действительно отстало и может быть рационально использовано крестьянским хозяйством. В тех же районах нашей страны, где крупное хозяйство стоит на достаточно высоком хозяйственном уровне и где крестьянское хозяйство не в состоянии поглотить его, там и в той мере крупное землевладение должно быть частично восстановлено и предоставлено свободной экономической борьбе, которая путем естественной эволюции оставит крупному землевладению те пределы, в каких оно может быть экономически рациональным. Само собой разумеется, что ликвидация крупного землевладения должна быть произведена на началах возмездного отчуждения и передачи ее не вообще желающим получить землю, а сильным или могущим стать сильными в хозяйственном отношении элементам крестьянства.

Платеж за землю необходимо провести и по финансовым соображениям. Не заплатить за землю значит уничтожить ценность закладных листов, размещенных на сумму около 3 млрд [рублей] среди частных лиц, благотворительных учреждений, сберегательных касс, страховых обществ и т. п. А если придется заплатить за закладные листы, то надо заплатить и за землю, ибо непонятно, почему должен потерять ценность своей земли хозяин, который не закладывал, а тот, кто ее заложил, не теряет. Правовое государство не может становиться на такую точку зрения. Плата за землю с известным отчислением в пользу государства может быть средством извлечения значительной суммы бумажных денег из их скрытого состояния. Суммы эти можно употребить на воспособление¹¹ сельскому хозяйству постройкой элеваторов, холодильников и организацией образцовых крупных, культурных хозяйств.

Как ни популярно учение о необходимости ликвидации нашего крупного землевладения, центр тяжести нашей аграрной политики лежит не в нем: главная задача состоит в рациональном устройении нашего наличного крестьянского хозяйства, в создании условий для его преуспевания. Больше чем когда-либо, судьба нашей страны зависит от хозяйственно-духовной и культурной мощи нашего крестьянства, и поэтому наша аграрная политика должна быть фермерской.

Однако реальная политика крестьянского хозяйства имеет мало общего и, вернее, совсем ничего не имеет общего с той уравнилельно-передельной земельной политикой, которая усиленно прививалась крестьянам нашими социалистическими партиями. Когда мы сравниваем результаты трех лет революционно-социалистического аграрного творчества с результатами предшествующих лет аграрной политики, связанной с именем Столыпина^{III}, то для непредубежденного человека, для человека, любящего крестьянское хозяйство больше, чем народнические книги о крестьянском хозяйстве, сомнения не может быть: частная крестьянская собственность на землю, землеустройство, переход от общинного землепользования на отруба, частью на хутора, переход к более интенсивным культурам — вот реальная программа в крестьянской аграрной политике.

Есть много признаков, показывающих, что наше крестьянство не нуждается вовсе в опеке общины, что оно может стоять на собственных ногах. А если так, то укрепление частной крестьянской собственности и рациональная ликвидация общинного землевладения создадут основу для подлинного и мощного роста крестьянского, а вместе с ним и всего сельского хозяйства.

Земля — к ней стремился веками наш крестьянин, но получает он ее не путем социализации, или национализации, или муниципализации, а тогда, когда он станет ее ощущать реально своей: частная собственность на крестьянские земли есть единственный и подлинно реальный вид перехода земли к «трудовому крестьянству», есть единственное соответствующее действительным нуждам культурного сельского хозяйства разрешение «аграрного вопроса» в той мере, в какой он вообще разрешим мероприятиями мирового характера. Небывалый в истории аграрных отношений успех реформ Столыпина совершенно наглядно показывает, насколько частная собственность и переход на отруба и хутора соответствует нуждам крестьянского хозяйства. Само собой разумеется, полный переход миллионов крестьянских хозяйств к частной собственности и связанное с ним разверстание^{IV} чуть не всей площади землепользования не может быть произведено в один год или

в несколько лет: это программа, рассчитанная на десятки лет. Точно так же не должно быть речи о доктринерском декретировании права абсолютной и неограниченной частной собственности, необходимые ограничения в праве частной собственности на землю диктуются и природой земельной собственности вообще, и опытом Западной Европы, и нуждами нашего крестьянского хозяйства. Однако суть все-таки остается в том, что крестьянское хозяйство должно выйти из той стадии первобытного социализма, который представляет собой наша передельная община^V. Наша деревня слишком бедна ремесленным, мелкопромышленным и торговым элементом. Общинная собственность на землю не мешает, правда, существованию слабой «кустарной» промышленности, но выделение из массы крестьян-кустарей экономически сильных торговых и промышленных предприятий крайне задерживается отсутствием права частной собственности на крестьянские земли. Этим задерживается также и рост наших сельских поселений, и превращение их в городские центры в тех случаях, когда хозяйственные условия этому способствуют.

Кустарная, как и вообще мелкая промышленность, заслуживает сейчас особого внимания. Крупная промышленность в результате войны и революции вышла потрясенной и разрушенной, мелкая индустрия (ремесло и кустарная промышленность), более приспособленная к условиям народного хозяйства, приобретает интерес не только с социально-политической стороны (поддержка средних классов), но и с чисто хозяйственной. То, что многие из промыслов зиждутся на местном сырье, и то, что в мелких производственных единицах рабочий вопрос не имеет обычной остроты, наконец, подлинно «органичность» ремесла и кустарной промышленности — все это дает мелким промыслам некоторую жизнеспособность в условиях общей разрухи и бестоварья и вводит их существенным слагаемым в общую сумму производительных сил. Государству следует поощрять статистическое изучение мелкой промышленности, кооперирование ее союзными кооперативными объединениями, финансирование ее центральных хозяйственных органов; заинтересовать муниципалитеты или частные общества в деле электрификации их подходящих^{VI} промыслов и техническо-

го оборудования подсобных механических мастерских, обслуживающих разбросанные предприятия^{VII}. Кожевенное дело, обувное, сапоговаляльное, кружевное, керамическое, мелкое деревообделочное составляют еще достаточную опору для существования мелкой промышленности.

Поощрение тех или иных промыслов следует конкретно связывать с условиями того или иного хозяйственного района и с общим вопросом о целесообразном географическом размещении нашей промышленности.

Укрепление частной собственности на крестьянские земли имеет громадное значение, далеко выходящее за пределы одного только сельского хозяйства. Из крестьянских рядов вышла наша торгово-промышленная буржуазия, крестьянские дети заполняют собой массы городского населения, и поэтому рост и укрепление индивидуалистического крестьянского хозяйства создаст культурно-психологическую и материальную основу для быстрого развития здорового, трудоспособного «среднего» класса, в котором так нуждается и наша экономика, и наше политическое развитие.

ЛЕС И НЕДРА

За время революции к национализации земли заодно присоединили и национализацию лесов, хотя все те истинные или ложные аргументы, которые приводились против крупного частного землевладения в области сельского хозяйства, ничего не имеют общего с нуждами нашего лесного хозяйства.

Если в области сельского хозяйства крупное землевладение должно было уступить место крестьянскому хозяйству, то в области лесного хозяйства частное крупное и торговое лесовладение не только не обнаружило признаков упадка, но составляет необходимое условие нормального развития нашей лесопромышленности, нашего топливного хозяйства и связанной с ним фабричной промышленности. И до революции наша страна обладала единственным в мире по величине и несоизмеримо крупным фондом государственных лесов, увеличенных за время революции еще и удельными лесами^{VIII}. Необходимо признать, что интересы колонизации этих необъятных и пу-

стынных пространств казенных лесов, интересы более интенсивной их эксплуатации требуют частичной распродажи этих драгоценных, но сотни лет втуне лежащих богатств. Таким образом, частное землевладение должно быть не только восстановлено, но и даже расширено в тех областях, где исключительно господствуют казенные, по современной терминологии «национальные» леса. Необходимо развитие концессионной системы эксплуатации казенных лесов преимущественно в неустроенных районах (Север, Сибирь, Кавказ), улучшение состояния сплавных рек и вообще водных путей в связи с проведением лесовозных дорог; усиление работ по лесоустройству; окончательная выработка лесного устава; подъем техники производства мелких лесобрабатывающих отраслей (фанерной, целлюлозной, спичечной, брикетно-опилочной, перегонка дерева и т. п.).

Наше государство обладает также громадным запасом государственных земель, богатых минеральными богатствами. Наиболее ценные залежи нефти, угля и многих других ископаемых принадлежат казне. Частная собственность на недра охватывает только меньшую часть этих богатств, и если к тому же прибавить, что значительная часть приходится на крестьянскую мелкую и среднюю собственность, то придется признать, что частная собственность на недра, являющаяся одним из главных источников образования очень крупных и, может быть, чрезмерно крупных частных богатств, получила у нас до революции сравнительно скромное и не опасное для интересов нашего будущего развитие. Ввиду этого следует восстановить и частную собственность на недра; реформы нашего горного права должны касаться только тех необходимых ограничений в праве собственности и праве пользования недрами, которые диктуются интересами интенсивной и рациональной эксплуатации этих недр. Необходимо устранить зависимость горной разведки и разработки от владельцев поверхности земли и провозглашением принципа горной свободы исключить всякую возможность прекращения поисков, разведки или разработки из-за притязаний владельцев рудоносной земли; своевременным является также ликвидировать вопрос о казенных землях, закрытых для част-

ной предприимчивости, часть которых содержит признаки месторождений. Необходимо выработать нормы для заявок и отводов, которые гарантировали бы государству фактическое использование предпринимателем найденных им залежей и не давали бы основания шиканью так называемых «столбопромышленников»^{IX}.

Из многочисленных месторождений России должно быть обращено особое внимание на энергичное восстановление Донецкого бассейна, антрацитовые залежи которого поистине огромны, и в особенности на Алтайский бассейн.

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

Имеются объективные основания предполагать, что Россия долго еще должна оставаться страной производства и экспорта сельскохозяйственных продуктов. Поэтому неосуществимым было бы стремление превратить Россию в страну с преобладающим значением промышленности. Однако утверждать на этом основании, что Россия лишена промышленных перспектив, было бы также неправильно.

Мощное развитие промышленности может выражаться не только в «преобладании» промышленности, как это имеет место в современных индустриальных государствах, но и в «равновесии» между промышленностью и сельским хозяйством. Под «равновесием» понимается такое положение, при котором спрос сельского хозяйства на промышленные фабрикаты удовлетворяется в основных потребностях местной промышленностью, а промышленно-городской спрос покрывается собственным сельскохозяйственным производством. Стремление к такому будущему равновесию между сельским хозяйством и промышленностью, под знаком которого протекало развитие Соединенных Штатов Америки, должно ориентировать экономическую политику на соответственное удовлетворение аграрных и индустриальных интересов народного хозяйства.

В области промышленности нашей ближайшей задачей является полная ликвидация всех социалистических экспериментов и восстановление права частной собственности

и свободной промышленности, а Высший совет народного хозяйства со всеми его разветвлениями следует ликвидировать. Теоретически идея ВСНХ как центрального учреждения, организующего всю народно-хозяйственную жизнь во всех ее проявлениях, представляет собой социалистическую утопию, неосуществимую и вредную: неосуществимую потому, что все многочисленные и сложные элементы, которые двигают вперед хозяйственную жизнь, не вполне осознаны наукой и в значительной своей части не могут быть осознаны; вредную потому, что она совершенно устраняет свободную хозяйственную инициативу, которой мир обязан самыми крупными завоеваниями. Практически наш ВСНХ оказался самым бюрократическим и самым паразитическим учреждением, равное которому вряд ли знает история культурных народов.

В нашем обществе, вообще недоверчиво относящемся к частной промышленности, существует мнение, что некоторые промышленные монополии, совокупность которых представляет собой ВСНХ, должны остаться и на будущее время. Ничего не может быть ошибочнее этой мысли. Опыт и военного регулирования, и социалистических монополий показал, что ни одна из существовавших за время 1914–1919 гг. монополий не оказалась осуществимой и хозяйственно-рациональной. Поэтому надо восстановить внутреннюю торговлю во всей промышленности и торговле, единственное исключение следует сделать для тех монополий, которые могут оказаться необходимыми в фискальных интересах, и то только в том случае, если финансовые результаты могут оказаться очень крупными (чай).

Однако необходимо принять во внимание, что ликвидация ВСНХ будет представлять собой серьезные затруднения ввиду длительности его существования и полной ликвидации прежде существовавших частных предприятий. Там, где возможно восстановление прежде существовавших частных предприятий без нарушения государственных интересов, там оно должно быть произведено возможно скорее. Там же, где это невозможно, там необходима планомерная распродажа «национализированного» имущества, образовавшегося в социалистический

период, с целью образования новых хозяйственно сильных частных торговых и промышленных предприятий.

Однако ликвидация ВСНХ сама по себе представляет собой только прекращение разрушительного процесса в нашей хозяйственной жизни. Восстановление производительной деятельности в тех размерах, в каких это необходимо, возможно только в том случае, если в течение ближайших лет, ближайшего десятка лет наша экономическая политика будет руководиться в первую очередь интересами максимального роста производства.

В этом отношении необходимо признать, что для быстрого восстановления частнохозяйственного аппарата и для максимального роста товарных рыночных запасов необходимы высокие цены. В высоких ценах страна заинтересована потому, что Россия теперь нуждается в одно и то же время как в росте производства, так и в крайнем сжатии потребления. Надо начать вновь процесс накопления растраченного народно-хозяйственного капитала, а для этого при современных условиях нет другого импульса, чем высокие цены и дорогая жизнь.

Отсюда не следует делать того вывода, что следует искусственно повышать цены, но необходимо признать, что надо отказаться от всех мероприятий, имеющих целью понижение рыночных цен для потребителей. Свободный внутренний рыночный обмен установит тот уровень цен, который, в общем, соответствует нуждам народного хозяйства страны, хотя этот уровень цен и не будет соответствовать интересам некоторых групп населения. Однако в данном случае государство должно сознательно пойти на жертвы некоторым интересам, так как другого пути у него нет. Политика попечения о нуждах некоторых мало производительных классов населения на счет всего народного хозяйства принесет гораздо больше жертв.

Если будет признано, что низкие цены не являются социальной панацеей, то отпадет и необходимость в тех мероприятиях экономической политики, которые потерпели наибольший крах как во время войны, так и во время революции, — государственных торговых монополиях и аналогичных им сложных системах распределения товаров.

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ И ФИНАНСОВАЯ СИСТЕМА

Вопрос о восстановлении наших государственных финансов выходит за пределы настоящего краткого доклада, однако в той мере, в какой государственная финансовая политика связана с общеэкономической политикой страны, необходимо отметить, что косвенные налоги могут дать быстро известное количество средств государству без крайнего ущерба для производительной деятельности страны. А так как при современном состоянии нашей страны наша налоговая политика должна быть беспощадной, то ясно, что обложено должно быть все, что только может быть обложено, и притом в максимальных размерах. К тем объектам, которые подлежали акцизному обложению до войны, можно было бы еще прибавить соль, ткани и электрическую энергию.

Установление высоких косвенных налогов облегчается тем обстоятельством, что в силу расстройств всей нашей промышленности в течение первых лет после восстановления свободной внутренней торговли спрос на товары значительно будет превышать их предложение: производители в состоянии будут вырывать монопольные цены, и потому высокие акцизы лягут не только на потребителя, но и на монопольную прибыль предпринимателей. Отсюда, конечно, не следует, что можно рекомендовать отказ от прямых налогов, и в частности подоходного. При громадной финансовой нужде наше государство не может отказаться ни от одного, хотя бы и скромного источника доходов, но необходимо только заранее учесть: при преобладании в стране мелкого сельского хозяйства и при почти полном разорении торгово-промышленной городской буржуазии получение значительных средств от подоходного или поимущественного обложения невозможно. Подоходный налог надо оставить главным образом как основу, на которой со временем вместе с ростом нашего национального богатства можно будет реформировать нашу финансовую политику.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ВМЕШАТЕЛЬСТВО В ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

Исходя из принятых нами общих положений, государственное вмешательство должно иметь своей целью содействие восстановлению деятельности частных предприятий. В этом отношении на первое место необходимо поставить снабжение сырьем наших фабричных предприятий. Некоторые виды сырья будут находиться у нас в недостаточном количестве в течение довольно продолжительного периода после восстановления порядка (хлопок, шерсть, резина и т. д.). Для усиления подвоза этих недостающих товаров из-за границы потребуются содействие государства. Далее, интересы правильного распределения этого сырья между фабриками требуют точно так же создания специальных органов, ведающих распределением недостающих сырых материалов.

Второй проблемой промышленной политики, разрешение которой нуждается в государственном содействии, является снабжение промышленности топливом. Производительность Донецких копей дошла в настоящее время до минимума, недостаточного даже для деятельности дорог, обслуживающих бассейн. Многие копи разрушены, затоплены, квалифицированный рабочий персонал распущен, оборудование испорчено и отчасти разворовано: при таких условиях, вероятно, потребуется не меньше трех-пяти лет, для того чтобы восстановить прежний размер добычи, исполнявшийся в количестве 150–170 млн пудов в месяц. В ближайшее время вряд ли можно рассчитывать на добычу, превышающую 50 млн пудов в месяц. Возможно, что в лучшем состоянии находятся наши нефтяные промыслы, которые в Баку охраняются английскими войсками. Однако нам уже известно, что грозненские промыслы большей частью разрушены, а бакинские значительно сократили свою производительность еще в 1918 г.: насколько к нам проникли сведения о состоянии промыслов, на рынок может в лучшем случае поступить около 100 млн пудов в год нефтяного топлива, в то время как в 1916–1917 гг. поступило его свыше 300 млн пудов.

Так как восстановление промыслов потребует также работы в течение нескольких лет, то ясно, что недостаток минерального топлива будет у нас ощущаться в течение нескольких лет даже при восстановлении порядка.

Ввиду этого государство вынуждено будет взять на себя содействие снабжению топливом и организацию распределения его. В этом отношении прежде всего следует принять меры к расширению потребления дров и торфа. Расширение заготовок дров не требует сложного оборудования и возможно в довольно широких размерах в самое ближайшее время. Наше дровяное хозяйство страдало главным образом от многочисленных запрещений рубки, ввоза и вывоза и от необеспеченности собственности. Если эти препятствия будут устранены, то заготовка дров и доставка их на рынки скоро усилятся. Кроме того, заготовка дров и торговля ими раскинуты на громадных пространствах, сосредоточены в руках десятков тысяч мелких предпринимателей и заготовщиков и потому совершенно не поддаются сколько-нибудь рациональному государственному контролю. Поэтому дровяная торговля и потребление дров должны быть освобождены от всяких нормировок. При этих условиях частный рынок и промышленность, которая в состоянии работать на дровах собственными усилиями, в состоянии будут обеспечить себя более или менее удовлетворительно дровами. Государству придется взять на себя только заботу о снабжении дровами железных дорог, проходящих в районе лесов. Для этой цели совершенно необходима организация больших государственных заготовок хозяйственным способом и через подрядчиков.

[Далее,] снабжение хлопком. Возвращение Туркестана к хлопковой культуре и поощрение ее в Закавказье должно систематически проводиться при помощи свободного обращения акционерных обществ для целей орошения и культуры хлопка. Увеличение количества орошаемых земель становится очередной задачей в снабжении промышленности этим основным видом сырья. В ближайшее переходное время получение и распределение привозного хлопка должно производиться под контролем государственной власти, при содействии

специального импортного товарищества из заинтересованных фирм и групп.

Следующей областью, которая потребует государственного вмешательства в промышленную жизнь, является военная промышленность и военно-техническое снабжение нашей армии. Так как воссоздание нашей военной силы будет, несомненно, первой задачей нашего будущего правительства, то необходимо будет в самом непродолжительном времени создать организацию, которая бы заботилась о восстановлении старых военно-промышленных заводов, о создании новых и разработке законодательства, касающегося военной мобилизации нашей промышленности.

Итак, снабжение сырьем, топливом и воссоздание военной промышленности — вот три главные области, где необходимо вмешательство государства в промышленную жизнь. Что же касается вопросов, связанных со снабжением населения предметами промышленного производства, то государство должно предоставить разрешение их частной инициативе и вольному рынку. Как бы плохо этот рынок ни обслуживал первые годы наших частных потребностей, как бы «спекулятивны» ни казались вольные цены, все же вольный рынок даст стране больше, чем самая лучшая из возможных правительственных нормировок.

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ И РАБОЧИЙ КЛАСС

Одним из самых трудных вопросов, с которым нам придется считаться при восстановлении частноправового порядка, является рабочий вопрос. Трудность разрешения этого вопроса состоит в том, что социальная борьба, которая привела к развалу нашу промышленность, питается противоречиями, лежащими в самой природе современной промышленности и потому неустранимыми никакими реформами. Трудности эти усугубляются тем обстоятельством, что значительная часть рабочего класса развращена двухлетним бездельным существованием на казенных пайках. Угодить этой части рабочих не сможет никакое правительство, и потому найти такую политику, которая

не вызвала бы оппозиции в кругах, настроенных революционно-социалистически, совершенно безнадежно.

Правительству придется считаться с тем, что будут существовать и стачки, и обостренные конфликты, и задача экономической, как и общей, политики может состоять в том, чтобы ввести эту борьбу в известные легальные границы и парализовать только крайние, опасные для существования самого государства ее проявления. В этом отношении было бы весьма важно содействовать организации наиболее трезвых, спокойных и деловых элементов рабочих и усилению их влияния в общей рабочей среде. Надо надеяться, что после того как наш фабрикантский класс так жестоко поплатился за все действительные и воображаемые грехи старого режима, у него найдется достаточно такта для того, чтобы не давать воли чувству мести и вести политику, отвечающую как интересам страны, так и своим собственным.

Больше всего следует опасаться массового сокращения заработной платы. Если принять во внимание, что в первое время трудно будет ожидать скорого поднятия покупательной силы нашего рубля, если, кроме того, государству необходимо будет ввести высокие косвенные налоги, а отмена карточной системы лишит рабочих тех пайков, которые они теперь получают, то необходимое падение реальной заработной платы будет достаточно обеспечено общей экономической политикой государства.

Далее, безусловно необходимо гарантировать общие правовые интересы рабочих: в этом отношении прежде всего необходима гарантия свободы организации профессиональных союзов, кооперативных организаций и культурно-просветительных объединений. Организованным формам легального рабочего движения необходимо даже обеспечить некоторое содействие государства в виде признания их прав в государственных предприятиях, так как этим путем легче всего воспитать в рабочих кругах чувство законности, порядка и способствовать выделению наиболее консервативных элементов рабочего класса, которые в конце концов необходимо получают преобладание в прочных рабочих организациях. Но зато во всех тех вопросах, которые выходят за пределы гарантии рабо-

чим формального гражданского и политического равноправия, политика правительства должна быть лишена всякой демагогии и сентиментальности.

Право рабочего должно быть обеспечено, но правительство должно твердо и решительно заявить и проводить на практике, что право предпринимателя и частного собственника будет охраняться всеми имеющимися в его распоряжении средствами. В этом отношении должны быть прежде всего ликвидированы все формы рабочего контроля и участия рабочих в управлении фабриками. Необходимо ограничить функции комитетов настолько, насколько это необходимо для нормального сохранения рабочей дисциплины и для достаточной охраны права владельца фабрики.

В области ограничения законодательством рабочего времени надо признать: при современном развале промышленности и ничтожной производительности труда 8-часовой день во всей крупной промышленности является едва ли возможным. Столь короткий рабочий день можно было бы ввести только при подъемных работах на копях и рудниках и в особо вредных производствах. В остальных же отраслях промышленности по условиям нашей хозяйственной жизни возможно ограничение труда взрослых рабочих мужчин 10 часами: строгое соблюдение такой 10-часовой законодательной нормы фактически сведется к преобладанию 9-часового и значительному распространению 8-часового дня, так как распространение женского труда и необходимость непрерывного производства во многих отраслях промышленности приведут к необходимости сокращения рабочего дня ниже легального предела. Сохранение 8-часового рабочего дня, как правило, станет возможным в том случае, если продолжительность рабочего времени восемь часов будет ограничена международными нормами охраны труда.

Из всей социалистической программы следует сохранить только страхование от болезней, несчастных случаев и инвалидности. Страхование от безработицы является слишком дорогостоящей реформой, да и при существовании мелкой земельной собственности и связи рабочих с деревней не настолько необходимой. Далее, все виды страхования рабочих

должны поддерживаться в равной мере за счет предпринимателей, как и за счет рабочих. Что же касается форм организации страхования, то желательно введение широкого самоуправления рабочих в страховых кассах при одновременной охране законных интересов предпринимателей и государства. Обеспечение самоуправления рабочих необходимо главным образом в целях политического воспитания рабочих, которое одно только может обеспечить нас от разрушительных форм социальной борьбы в будущем. Этим же целям политического воспитания населения должна отвечать, конечно, общая политика правительства, ибо политика правительства в рабочем вопросе в большей мере будет зависеть от общего направления внутренней политики, чем от экономической и промышленной политики.

ЖЕЛЕЗНЫЕ ДОРОГИ

В целях поднятия труда на железных дорогах необходимо установление поверстной и сдельной оплаты с широким применением системы премировки работы за высшую продуктивность, а также подрядной системы сдачи работ артелям из мастеровых и рабочих. Конструктивная организация центральных, областных, окружных и районных учреждений должна быть восстановлена примерно в том виде, как это было при Временном правительстве. Вновь созданные округа путей сообщения должны быть отменены, так как децентрализация управления на время укрепления центральной власти нежелательна.

Должны быть приняты меры к скорейшему доведению до нормы процентов больных паровозов и вагонов посредством объединения на определенных заводах заказов на изготовление запасных частей для подвижного состава с обязательным выполнением этого заказа заводами в первую очередь в порядке государственной повинности.

До приведения в норму разрушенного подвижного состава неизбежно срочное получение из-за границы новых паровозов и вагонов, в частности из Америки. Для перевозок грузов на все время недостатка в транспорте необходимо установить разрешительную систему перевозок. Ибо раз транспорт не может

удовлетворить всем требованиям на перевозки, то надо делать между ними выбор, надо группировать потребности и в соответствии с ними распределить провозоспособность железных дорог.

Вопрос только в форме разрешительной системы перевозок. Такую форму надо искать в области плановых перевозок. Плановая внеочередность должна представляться не лицам или учреждениям, а известному грузу по норме, устанавливаемой центральным комитетом по перевозкам по соглашению с регулирующими органами и министерствами. Норма эта распределяется по дорогам отправления или даже отдельным линиям той или другой дороги.

Если в области промышленного производства наша задача должна состоять в том, чтобы по возможности ликвидировать государственное вмешательство и довести его до минимальных размеров, то в железнодорожном хозяйстве нам придется стоять на иной точке зрения. Как общие условия железнодорожного хозяйства, так и исторические условия русского железнодорожного дела диктуют нам политику преимущественного развития государственного хозяйства. К этим соображениям необходимо присоединить еще и политические соображения. При той зависимости, в которой мы будем находиться от иностранных государств, широкое предоставление эксплуатации нашей сети частной, а следовательно, иностранной инициативе может усилить и продлить наше политическое зависимое положение. Поэтому надо будет предпринять все меры к тому, чтобы в руках государства сосредоточилась возможно большая часть работы по восстановлению и по эксплуатации нашей сети. Поощрять частную инициативу следовало бы только в постройке новых железных дорог до тех пор, пока не восстановится нормальный хозяйственный порядок в стране.

ИНОСТРАННЫЕ КАПИТАЛЫ

Быстрое восстановление нашей хозяйственной жизни невозможно без притока к нам иностранного капитала в виде сырья, топлива, машин, транспортных средств, золота и предпринимателей, техников и квалифицированной рабочей силы. При-

ток этот столь необходим, что государство не должно ставить препятствий такому притоку, но должно принять все меры для организованного привлечения в страну иностранных капиталов, особенно из наиболее богатых стран, которые бы обеспечили нам заключение займов: а) для оплаты процентов по государственному долгу; б) для восстановления нашего денежного обращения, в) для восстановления железнодорожного хозяйства; г) для эксплуатации наших горных богатств; д) для оплаты иностранного сырья и е) для восстановления нашего частного кредита.

Само собой разумеется, что привлечение к нам иностранных капиталов в столь крупных размерах в то время, когда в этих капиталах нуждается весь земной шар, может практически состояться только в том случае, если иностранному капиталу будет обеспечено достаточно широкое и свободное поле для деятельности и достаточная прибыль. Еще раз приходится отметить, что ничто так не помешает притоку иностранного капитала, как всякого рода социалистические эксперименты и правительственные нормировки, и ничто так не содействует им, как распространение частной собственности и свободной внутренней торговли.

К счастью, привлечение иностранного капитала к нам легко возможно, если мы предоставим ему широкую возможность эксплуатации наших втуне лежащих естественных богатств. Предоставление льготных концессий частным компаниям на эксплуатацию казенных лесов, залежей угля, нефти, руды и прочих ископаемых, если оно произойдет решительно и без канцелярской волокиты, обеспечит нам приток капиталов не только в горное и лесное [дело], но положительно во все отрасли промышленности и торговли. Необходимо выработать общие минимальные условия—гарантии приемлемости для государства подобных концессий. Желательно дарование их в порядке соревнования по образцу установившегося в России порядка дачи железнодорожных концессий. Необходимо избегать комбинированных концессий одновременно на целую систему предприятий, равно как и нескольких концессий в одних руках. Срок концессии должен быть возможно кратким, чтобы

государство сохранило за собой право досрочного выкупа на определенных условиях.

Плата желательна не единовременной, обыкновенно мало выгодной суммой, а в определенных отчислениях натурой в пользу государства (по образцу нефтяных концессий). Право надзора и контроля, изъятия из действующих законов остается за государственной властью, причем на территории, предоставленной концессионерам, не может быть установлен какой-нибудь порядок, отличный от общегосударственного.

Необходимо также выработать способы, предупреждающие торговлю и перепродажу концессий.

ВНЕШНЯЯ ТОРГОВЛЯ

Проблемы нашей внешней торговой политики разрешаются исходя из тех предпосылок, которые лежат в основе прилагаемой программы: максимального содействия производственной деятельности. С этой точки зрения государство, конечно, не вправе допустить такого ввоза иностранных товаров, который бы оказал задерживающее влияние на развитие нашей промышленности. Если и до войны, когда промышленность наша стояла на более высоком уровне, она нуждалась в охране от иностранной конкуренции, то теперь эта охрана сугубо необходима: наша общая таможенная политика должна долгие, долгие годы стоять под знаком высокого протекционизма.

Мы уже говорили, что высокие цены необходимы для быстрого восстановления нашего производственного механизма, поэтому протекционизм в настоящее время имеет больше положительных сторон, чем отрицательных. Хотя со стороны крестьянского населения возможна оппозиция такой политике, тем не менее промышленный протекционизм в глазах аграрных кругов может быть оправдан тем, что конъюнктура на все продукты сельскохозяйственного производства будет долгое время очень высокой, и тем, что восстановление свободной торговли даст возможность компенсировать высокую стоимость городских товаров высокими ценами на сельскохозяйственные произведения.

Когда через несколько лет восстановится нормальный хозяйственный порядок, то внешняя торговая политика сосредоточится главным образом на установлении достаточной таможенной охраны нашей промышленности; что же касается непосредственно ввоза и вывоза и заключения торговых сделок, то нам следует стремиться к возможно более быстрому восстановлению свободной торговли. Конечно, в этой области нашей экономической политики мы будем находиться в зависимости от внешнеторговой политики тех государств, с которыми мы будем вести торговлю: если на Западе упрочатся некоторые внешнеторговые государственные монополии, то и нам придется регламентировать соответствующие отрасли внешней торговли. Во всяком случае, сейчас важно отметить, что мы заинтересованы в свободной внешней торговле, ибо на мировых рынках будет долгое время спрос на предметы питания и на сырье, т. е. как раз на главные предметы нашего вывоза.

Однако в ближайшие два-три года введение свободной внешней торговли будет невозможным. Прежде всего, свободный ввоз товаров с оплатой пошлин может угрожать нашей промышленности, так как разработка рациональных таможенных ставок возможна будет только по прошествии некоторого времени, когда будут выяснены условия конкуренции русской промышленности с иностранной. Кроме того, так как наши платежные средства весьма ограничены, а расчетный баланс и без того будет весьма для нас неблагоприятным, то нам по необходимости придется ограничить наш ввоз только самыми необходимыми товарами.

Торговая политика при нынешних осложненных международных условиях становится целым комплексом взаимоотношений финансовых, политических и экономических и потому не может быть исчерпана таможенными мероприятиями. В борьбе государств за сырье в торговую политику новым моментом входит нынче торгово-политическая охрана вывоза, в то время как в прежней системе в центре внимания находился исключительно ввоз. Каждое из народных хозяйств будет стремиться к использованию и реализации своих экспертных возможностей только за определенный эквивалент. Необхо-

димо при соглашениях с иностранными государствами поставить вопрос о валоризации^x разных статей нашего вывоза на тех же началах взаимности. Будущие торговые договоры желательно оформить по принципу компенсации, либо по меньшей мере на основе условного благоприятствования. Не следует стремиться к формированию экспорта из-за расчетного баланса, так как при нашей огромной задолженности значение торгового баланса весьма невелико, а во имя чисто финансовой цели могут быть извращены чисто экономические потребности укрепления той или иной отрасли хозяйства. Торговая политика должна на переходное время эмансипироваться от валютных соображений, в то время как финансовая политика, выходящая за рамки чисто валютной и девизной^{x1}, должна базироваться всецело на широкой экономической программе. Без оздоровления народного хозяйства ценность русской денежной единицы не может быть укреплена никакими чисто финансовыми мероприятиями.

При разработке оснований для вывоза необходимо стремиться к тому, чтобы сырье прежде всего по возможности перерабатывалось внутри страны и лишь при наличии экспортных остатков поступало на внешние рынки. Целым рядом мероприятий внутреннего характера и покровительства (кроме пошлин и железнодорожных тарифов, промышленным кредитом и льготным учредительством) поощрять эту внутреннюю переработку с отдаленной целью вывозить пиленый лес вместо кругляка, целлюлозу вместо балансов^{x11}, муку вместо зерна, хромовые кожи вместо опоек и сырых кож, нефтяные продукты вместо нефти и т. п. На переходное время наиболее подходящей системой вывоза является разрешительная система, регламентирующая только общий контингент ввоза, вывоза и страны получения и назначения. Разверстка отдельных партий должна быть предоставлена импортно-экспортным товариществам, организуемым по типу принудительных синдикатов. Пошлины должны быть проведены на предметы и ввоза, и вывоза, причем товары должны быть разделены на три группы: по ввозу на 1) необходимые, 2) полезные и 3) излишние; по вывозу [на] 1) ограниченные к вывозу, 2) желательные и 3) свободные.

Ставки должны быть выработаны не с единицы веса или объема, а <...>^{XIII} примерно в следующем соответствии (цифры взяты только для относительного выяснения).

По ввозу: 1) 5%, 2) 20%, 3) 80%.

По вывозу: 1) 40%, 2) 10%, 3) 2%.

Систему разрешений и соглашений с отдельными государствами строить по принципу взаимовыгодного взаимо-учитываемого товарообмена.

Можно с уверенностью сказать, что никакие дипломатические таланты наших будущих министров не обеспечат так русских интересов за границей, как пароходы, груженные русским хлебом, лесом, льном и кожами. Только систематический экспорт покажет западному миру, что Россия вновь ожила. Поэтому необходимо признать, что наша политика должна быть направлена к возможному усилению экспорта. Правда, голод и холод, царящие в настоящее время в стране, не допускают разрешения свободного вывоза товаров из России, но, с другой стороны, необходимо отметить, что в государственных интересах мы должны, во всяком случае, вывозить известное количество товаров, хотя бы даже многие районы страны находились в полуголодном состоянии. В настоящее время у нас популярнее всего запрещение вывоза хлеба; однако необходимо принять во внимание, что наши сельскохозяйственные окраины не смогут первое время всего излишка своих хлебов вывезти в центр уже в силу расстройств путей сообщения: уже поэтому допущение некоторого экспорта хлебов из южной России морем за границу следует считать возможным. Далее, вполне возможен экспорт за границу известных количеств льна, хотя посев его значительно сократился. Наконец, в широких размерах возможен вывоз лесных материалов. Надо надеяться, что при деятельном исследовании нашего возможного экспорта окажется, что существует значительное количество товаров, которые мы могли бы поставить на мировой рынок. Ввиду того, что цены на мировом рынке будут высокие, то с точки зрения наших финансов было бы весьма рационально введение достаточно высоких вывозных пошлин. Во всяком случае, большинство ограничений экспорта должны быть отменены, как только хоть сколько-нибудь улучшится продовольственное со-

стояние страны... ибо развитие экспорта есть одно из весьма существенных условий восстановления производительных сил страны.

Реформы в области денежного обращения должны иметь в виду три периода: 1) первые срочные меры к упорядочению денежного обращения как необходимое условие сколько-нибудь нормального хозяйственного оборота; 2) планомерная длительная экономическая и финансовая политика укрепления нашей валюты; 3) завершительные меры к полному восстановлению размена.

Для первого периода необходимо признать равноценность всех отдельных сортов денег, выпущенных за время войны и революции (как центральной властью, советской, так и краевыми правительствами — Сибирским, Донским, Кубанским и пр.). Необходимо стремиться к единому курсу рубля, не делая различия между отдельными сортами денег. Различие курсов по субъектам выпусков (императорского, временного, советского) без нужды осложнило бы оборот и причинило бы ущерб случайным держателям тех или иных сортов денег. Такое различие не могло бы к тому же быть проведено соответственно своим основаниям, так как сорта денег не совпадают с субъектами выпуска и каждое последующее правительство выпустило денег больше, чем предыдущее.

Аннулирование денег вообще или отдельных сортов недопустимо. Будучи экономически вредной мерой, так как отнимает от народного хозяйства единственное мерило ценности и платежное средство, оно и политически нецелесообразно, так как вызовет недовольство крестьян, накопивших большое количество денежных знаков. Бумажная валюта переходного времени должна опираться на финансовую помощь, которую окажут нам иностранные государства, в результате чего курс рубля должен подниматься с установлением его на уровне какого-нибудь определенного паритета. Как и все народное хозяйство России, проблема рубля имеет международное значение и необходимо использовать этот момент для постепенной ценностной переработки рубля в рамках народного хозяйства. Энергичные финансово-валютные мероприятия, возможные только на общем фоне народно-хозяйственного оздоровления, имеют

кроме своей непосредственной цели задачу постепенного понижения уровня цен. Вследствие низкой производительности русской промышленности и неизбежного покрытия многих потребностей в фабрикантах иностранным привозом, цены будут находиться под давлением заграницы. Таким образом, и со стороны финансов, и с чисто экономической ценность рубля будет зависеть в значительной степени от внешней торговли.

Таковы в главных чертах основные линии практической программы восстановления хозяйственной мощи России. Конечно, всякая программа необходимо должна видоизменяться при практическом проведении ее в жизнь. Особенно придется с этим обстоятельством считаться нам, так как в настоящее время невозможно даже приблизительно представить себе той конкретной внутренней и внешнеполитической обстановки, в которой придется работать первому правительству Новой России.

Пределы возможных уклонений от намеченных путей могут быть очень велики, однако общее направление, общий дух той экономической политики, которая намечена в настоящем докладе и которая отвечает реальным нуждам России, должны остаться непоколебимыми: это дух хозяйственного индивидуализма, ограниченного интересами государства.

Можно заранее провидеть, что эта программа вызовет возражения и указания на элементарность ее построений, на грубость тех сил, которые должны выступить наружу при ее осуществлении; можно указать, наконец, на ее «рациональность», на то, что она недостаточно считается с теми социальными изменениями, которые будто бы уже назрели во всем культурном мире и которые должны заставить <...> не преодолеть никакому правительству. Поэтому деятели новой России имеют перед собой только один путь для ближайших десятилетий: грубый, только что родившийся в крови и воровстве, русско-азиатский индивидуализм превратить в индивидуализм культурный.

¹ Документ написан, по предположению первого публикатора А. С. Велидова, летом 1919 г. Публикуется по изданию: *Кафенгауз Л. Б. Эволюция промышленного производства России (последняя треть XIX в. — 30-е годы XX в.)* / Сост. И. Л. Лунден. М.: Эпифания, 1994. (Серия «Памятники эконо-

- мической мысли»). С. 654–669. Текст был подготовлен к публикации проф. А. С. Велидовым, ему принадлежит часть комментариев. Дополнительные комментарии подготовлены П. Н. Клюкиным.
- ^{II} Воспособление (*устар.*)—вспоможение, вспомоществование, пособие, помощь.
- ^{III} Столыпин Петр Аркадьевич (1862–1911), государственный деятель Российской империи, министр внутренних дел и председатель Совета министров (1906–1911). В российской истории начала XX века известен в первую очередь как реформатор, сыгравший значительную роль в подавлении революции 1905–1907 гг., и автор аграрной реформы. Столыпинская аграрная реформа—это обобщенное название широкого комплекса мероприятий в области сельского хозяйства, проводившихся правительством России, начиная с 1906 г. Основными направлениями реформы были передача наделных земель в собственность крестьян, постепенное упразднение сельской общины как коллективного собственника земель, широкое кредитование крестьян, скупка помещичьих земель для перепродажи крестьянам на льготных условиях, землеустройство, позволяющее оптимизировать крестьянское хозяйство за счет ликвидации чересполосицы. Ряд видных ученых, государственных и общественных деятелей (А. И. Чупров, Н. Н. Кутлер и др.) не поддерживали проведение реформы.
- ^{IV} Разверстание земель—перераспределение угодий между владельцами, предусматривающее соединение в цельные участки земель, принадлежащих одному владельцу (*устар.*). Вообще вопрос о разверстании (чересполосных) земель вызвал существование двух противоположных направлений, между которыми шла постоянная борьба, не прерывавшаяся, можно сказать, с того времени как возникла поземельная собственность. Это тягелая борьба противоположных аграрных стремлений—центростремительной и центробежной сил, поземельного округления и парцеллирования (дробления) земли.
- ^V Сельская (территориальная) община, где периодически производился передел общинной земли между членами общины.
- ^{VI} Так в оригинале.—Прим. А. С. Велидова.
- ^{VII} В исходной рукописи ошибочное «мероприятия».—Прим. А. С. Велидова.
- ^{VIII} Удельные леса—по аналогии с удельными землями в Российской империи—леса, принадлежавшие ведомству уделов, т. е. царской семье, они являлись коллективной собственностью семьи Романовых.
- ^{IX} В 1889–1891 гг. экспедиция под руководством академика Ф. Н. Чернышева (1856–1914) изучала месторождения каменного угля, серы, золота и других полезных ископаемых в бассейне Печоры. Большое внимание уделено было ухтинской нефти. На Ухту потянулись изыскатели, но среди них преобладали, как их тогда называли, «столбопромышленники», т. е. те, кто ставил на своем участке заявочный столб и на этом «промышленную деятельность» считал законченной (зато, мол, когда кто-нибудь другой нефть найдет, каждый участок будет дорогим и его можно будет с выгодой продать).
- ^X Валоризация (*фр.* valorisation; valoir—«ценить, подходить») — это проводимые государством мероприятия по переоценке или повышению стоимо-

сти товаров, ценных бумаг, валюты, пенсий, социальных выплат и другого капитала. В данном случае имеется в виду повышение цены экспортного товара.

^{XI} Девизы (*фр. devise*)—платежные средства, выраженные в иностранной валюте, при помощи которых производятся международные расчеты.—*Прим. А. С. Велидова.*

^{XII} Балансы—короткие бревна, используемые для производства бумаги и целлюлозы.—*Прим. А. С. Велидова.*

^{XIII} Неразборчиво.

В. П. Милютин

Два года экономической диктатуры пролетариата в России¹

I

Свергая власть капиталистов, пролетариат немедленно берет в свои руки не только политическую, но и экономическую власть со всеми ее материальными и организационными предпосылками. Пролетариат берет на себя руководство всей экономической жизнью.

Рабочий класс России первый выступил на путь свержения капитализма и оказался первым победителем в начавшейся мировой революции: он первый провозгласил и экономическую, и политическую диктатуру пролетариата. Но, как авангарду мировой революции, ему приходится выдерживать бешеный натиск мирового капитала, стремящегося приостановить ход исторического развития и задушить рабочую революцию.

В условиях борьбы с мировой буржуазией, сражаясь против английской, французской, русской и всякой другой буржуазии, рабочему классу России приходится осуществлять свою программу организации общества на коммунистических началах.

Только рассматривая с точки зрения осуществления исторической задачи, выпавшей на долю рабочего класса России, можно понять, объяснить и оценить сложные отношения, результаты и настоящее положение, а также предвидеть дальнейший ход событий.

Все силы, все средства, вся работа во всех областях направлены на обслуживание этой основной исторической задачи, выполняемой пролетариатом.

В эти два исторических года советской власти в области экономической *фактически, на деле* удалось свергнуть капиталистический строй, освободить рабочий класс города и кре-

стыянство деревни от экономического гнета капиталистов и помещиков. В эти два года советской власти удалось *организовать* народное хозяйство в интересах обслуживания социальной революции и той героической борьбы, какую ведет против наступающих врагов рабочий класс России, защищая свои завоевания, защищая будущее развитие общества. В эти два года в условиях жестокой борьбы и Гражданской войны советской власти удалось создать новые органы экономического управления, поддержать производство и даже сделать дальнейшие шаги по пути развития новых отраслей промышленности, привлечь широкие массы рабочих к строительству экономической жизни.

Если проследить во времени развитие нашей экономической политики, то мы ясно увидим разницу между *первым годом* советской власти и *вторым годом*.

Первый год является временем разрушения старых капиталистических отношений. Экспроприация экспроприаторов, отобрание у капиталистов и помещиков средств производства, разрушение капиталистических организаций — вот что наполняло содержанием деятельность первого года.

26 октября 1917 г. опубликован декрет об отобрании земли у помещиков, 28 июня 1918 г. опубликован декрет о национализации всей крупной промышленности. В первый год были национализированы все банки и торговый флот. В этом же году ликвидируются акционерные общества, различного рода капиталистические организации. Конечно, одновременно с этим создаются рабочие органы управления советской власти, проводятся меры к организации народного хозяйства на новых началах, но центр тяжести все же лежит в области ликвидации капиталистического строя, а не в этой работе.

Первый год — это год бури и натиска социалистических масс на капиталистический строй, уничтожение оков капитализма, разрушение того, с помощью чего господствовал капитализм.

Второй год — это время, когда центр тяжести всей деятельности был перенесен на творческую, положительную работу по созданию и организации новых форм народного хозяйства, на усовершенствование и улучшение аппарата, на управление, поднятие производства и т. п. Второй съезд советов на-

родного хозяйства в конце декабря 1918 г. и съезд коммунистической партии в марте 1919 г.¹¹ — первый в своих резолюциях, второй в принятой программе партии — в экономической области главное внимание обращают на эти вопросы.

В резолюции съезда СНХ говорится: «Основным вопросом всей экономической жизни является вопрос объединения народного хозяйства, как сельского, так и городского, и развитие производительных сил как в области добывающей, так и обрабатывающей промышленности и в сельском хозяйстве». «Большая централизация управления промышленностью, национализация всех видов промышленности требует решения задач нового пролетарского управления гигантскими предприятиями и союзами предприятий, а равно массового учета и распределения продуктов в общегосударственном масштабе. Эта задача так трудна, что при голоде, при невысоком уровне культуры и Гражданской войне решение ее возможно лишь длительное».

Съезд партии еще более решительно определил экономическую линию, говоря, что «как главное и основное, определяющее всю хозяйственную политику советской власти, — поставить всемерное повышение производительных сил страны».

Вот чего мы требовали от наших экономических органов, от профессиональных союзов, от рабочих на фабриках, заводах, рудниках, в городе и деревне. Таковы были наши задачи во второй год советской власти. Ими определялась наша повседневная работа и деятельность.

Наша экономическая политика создавалась в условиях непрерывной борьбы, когда вся страна была объявлена одним военным лагерем и когда задачам борьбы было подчинено все. При проведении ее в жизнь приходилось неимоверным напряжением сил преодолевать не только внешние, но и внутренние сопротивления. Не только наступление контрреволюционеров мешало ее осуществлению, но и саботаж, тайный и явный, высшего технического персонала, косность и отсталость являлись врагами, с которыми приходилось вести трудную борьбу. Следует отметить, что эта политика являлась действительным выражением воли рабочих. Никакие соглашательские, никакие буржуазные и мелкобуржуазные лозунги не находили ни малейшей поддержки в среде пролетариата.

Экономическая политика советской власти явилась последовательным выражением борьбы и стремлений пролетариата. Этот факт мы констатируем с полной уверенностью, оглядываясь на прожитые нами два года.

Наша *экономическая политика* в течение этих двух лет имела несколько основных, руководящих положений.

Суммируя различного рода постановления, резолюции, изданные декреты, мы можем выделить *четыре основные положения*, в рамках которых развивалась наша экономическая деятельность. Эти положения следующие.

Во-первых—создание новых органов управления экономической жизнью вместо разрушенных капиталистических органов, организация их на основе непосредственного участия рабочих масс в управлении.

Во-вторых—уничтожение частной собственности на средства производства, отобрание земли у помещиков, национализация банков, фабрик, заводов, рудников, торгового флота—у капиталистов.

В-третьих—организация единого народного хозяйства: организация советских хозяйств в деревне, государственных трестов в промышленности, объединение разрозненных предприятий под управлением общих советских органов.

В-четвертых—переход продуктов производства в руки государства и организация государственного распределения продуктов.

Таковы были основные положения, которые претворялись в жизнь в зависимости от целого ряда условий внешней и внутренней жизни, в зависимости от соотношения сил, технических возможностей, изменений в боевой обстановке.

Два года напряженных усилий проведения экономической политики дали определенные результаты, к рассмотрению которых мы и обратимся.

Остановимся на рассмотрении организации экономического управления в том виде, как она существует в настоящее время.

Советские органы, управляющие экономической жизнью, имеют своей основой *рабочие профессиональные союзы*. Аппарат управления снизу доверху построен на этой основе.

Во главе всего управления стоит Высший совет народного хозяйства, в губерниях — местные *советы народного хозяйства*.

Всей работой Высшего совета народного хозяйства руководит *президиум в составе 11 человек*. Высший совет народного хозяйства разделяется соответственно отраслям промышленности — металлургической, химической, текстильной, электрической и т. д. — на 50 производственных отделов, во главе которых стоят коллегии, от 3 до 7 человек каждая.

Председатель и заместитель председателя ВСНХ утверждаются Всероссийским центральным исполнительным комитетом, члены президиума — Советом народных комиссаров. Но кандидаты раньше утверждения обычно проходят через Всероссийский совет профессиональных союзов.

Все коллегии отделов Высшего совета народного хозяйства утверждаются президиумом, но обязательно по соглашению с соответствующим профессиональным союзом. Во все коллегии и в президиум наряду со специалистами (инженерами и техниками) входят рабочие.

Местные советы народного хозяйства являются исполнительными органами Высшего совета народного хозяйства и построены на тех же принципах, что и Высший совет народного хозяйства, но, конечно, более сокращены и сужены в своем объеме.

На отдельных предприятиях и в государственных трестах организованы заводууправления и правления, каждое в составе 5–7 человек, составленные частью из рабочих, частью из специалистов, но утверждаются они соответствующим отделом ВСНХ или местным СНХ, обязательно по согласованию с соответствующим профессиональным союзом.

В составе коллегий, в составе заводууправлений имеется много специалистов; последние статистические обследования показали, что число специалистов доходит до 60%, рабочих — до 40%.

Без специалистов мы, конечно, обойтись не можем. Но мы далеко еще не изжили проклятое наследие капитализма, создавшего из специалиста, из инженера, техника, управляющего не общественного работника, а слугу своему карману. Этот прислужник капитала сразу отделаться от старых привычек не

может. Он остается и долго еще будет оставаться тайным починителем капитализма, подачками которого он жил. Отсюда его вражда к новому строю. Отсюда его если не явный, то тайный саботаж. Но рабочий класс выдвинул и дал нам уже немало выдающихся администраторов и организаторов. С течением времени этот процесс выделения организаторов из среды рабочих будет быстро увеличиваться. Вместе с этим в работу вступают новые молодые специалисты, оканчивающие высшие учебные заведения, не бывшие под развращающим влиянием капитализма, которые внесут новую струю в организацию и управление экономической жизнью.

Так же или с небольшими изменениями построены и другие экономические комиссариаты — *народный комиссариат земледелия, народный комиссариат продовольствия и народный комиссариат труда*, причем последний почти совершенно слит с профессиональными союзами (и в своей работе, и по составу руководителей).

Таким образом, мы имеем уже устойчивый аппарат управления. Конечно, он имеет свои серьезные недостатки, которые трудно изжить, особенно при том условии, когда лучшие силы отвлечены на фронт.

Аппарат этот громоздок, в нем много бюрократизма, в нем много междудементальной борьбы. Это будем изживать.

В конечном счете, мы глубоко уверены, нам удастся произвести дальнейшее объединение этого аппарата в единое целое, что даст большую экономию сил и быстроту действий.

Мы таким образом заменили аппарат капиталистического управления экономическим аппаратом, который пустил глубокие корни во все уголки нашей экономической жизни. Несмотря на тяжелые условия, как внешние, так и внутренние, этот аппарат справляется, как это мы увидим, с поставленными задачами. К рассмотрению этого мы и перейдем.

II

В итоге двухлетней работы произошел почти полный переход средств производства из рук капиталистов и помещиков в руки общества в лице советских органов.

Национализация фабрик, заводов, рудников и т. п. была проведена, начиная с главнейших отраслей промышленности и крупнейших предприятий. В Западной Европе зачастую распространяли совершенно ложные сведения, что национализация была проведена без всякого плана. Это ни на чем не основанный вздор. Национализация, особенно с половины 1918 г., происходила вполне планомерно, захватывая наиболее важные отрасли и предприятия, необходимые для организации народного хозяйства.

Национализация имела не только громадное экономическое, но и политическое значение. Национализируя, мы лишали наших классовых врагов тех средств и орудий, с помощью которых они господствовали, угнетали и эксплуатировали рабочие массы. Национализацией мы вырвали материальную почву из-под их ног.

Мелкая же, кустарная и кооперативная, промышленность нами не только не национализировалась, но сохранялась специальными декретами и постановлениями^{III}.

Нижеследующая таблица дает представление о размерах произведенной национализации в течение двух лет.

Национализировано за два года (1918–1919)	
Предприятий	4 тыс.
Судов торгового флота	16 тыс.
Земли помещичьей и частновладельческой	60 млн десятин
Все банки во всех городах	

Данные эти в отношении предприятий несколько преуменьшены. Четыре тысячи предприятий находятся в ведении Высшего совета народного хозяйства, но на местах было немало национализировано предприятий, которые находятся в ведении местных органов и не учтены центральной статистикой. Можно с уверенностью сказать, что 90% промышленности является национализированной.

От капитализма мы получили наследство разоренное — не-объединенные предприятия. Нашей задачей, как уже было ука-зано, являлось построить организацию народного хозяйства на социалистических началах. Необходимо было в области про-мышленности, в области сельского хозяйства организовать и создать объединения отдельных предприятий, организовать снабжение их топливом и сырьем, поставить на новых началах их финансирование.

Это представляло колоссальную задачу. Решение ее еще да-леко не закончено. В течение этих двух лет заложены, правда, прочные основы, но работы предстоит еще крайне много.

Подводя итог тому, что нового было организовано в течение двух лет в экономической области, мы получаем следующее:

Организовано

1. В области промышленности

Государственных трестов	90
-------------------------	----

Заводоуправлений	4000
------------------	------

Государственные заготовительные аппараты по заготовке леса, льна, шерсти, пеньки и т. д.

2. В области сельского хозяйства

Советских хозяйств	2399
--------------------	------

Сельскохозяйственных коммун и артелей	5961
---------------------------------------	------

Таким образом, и промышленность, и сельское хозяйство за два года не только вдвинуты в рамки управления новых орга-нов пролетарской диктатуры, но и реорганизованы внутри, в производственном отношении.

Произошла концентрация производства. Такие тресты, как трест электротехнической промышленности, обнимающий все без исключения предприятия, до октябрьского переворота вед-

шие между собой жестокую конкуренцию и борьбу, или трест государственных машиностроительных заводов («Гомза»), объединяющий 16 крупнейших предприятий, представляют из себя выдающееся в экономическом отношении явление. Точно так же национализированные предприятия текстильной промышленности, которых насчитывается свыше 500, разбиты на отдельные объединения (всего 40 объединений), охватывающие по несколько предприятий и управляемые «главным управлением».

В смысле финансирования, снабжения, учета, получения продуктов трестирование промышленности дает огромные преимущества. Расчеты между национализированными предприятиями и их объединениями происходят уже только путем бухгалтерских перечислений, в «безденежной» форме. Распределение топлива и сырья при этой системе также более равномерно и правильно. Если принять во внимание то исключительно трудное положение, в котором находилась советская Россия в течение последних двух лет в смысле топлива, располагая всего только 10% необходимого угля и имея нефти 93 млн пудов вместо ежегодных 400 млн, то лишь благодаря централизации в распределении и экономии удавалось избежать страшного топливного кризиса. Снабжение же сырьем было поставлено удовлетворительно.

В сельском хозяйстве организация советских хозяйств, находящихся в управлении советских органов, дала возможность не только сохранить сельскохозяйственную культуру, крупные производства, но и впервые дала возможность индустриальному пролетариату принять участие в сельском хозяйстве, впервые создала крепкие узы между промышленностью и сельским хозяйством, между городом и деревней. Помещичья земля поступила в своем громадном большинстве в раздел, и можно было опасаться, что крупное производство в сельском хозяйстве погибнет. Кроме того, имелась опасность и сильного укрепления мелкобуржуазных стремлений. Однако жизнь показала обратное. В деревне начала пробиваться все сильнее и сильнее струя социалистического строительства. В настоящее время около 3 миллионов десятин земли находятся уже в руках советских хозяйств и сельскохозяйственных коммун. Это —

крупный шаг вперед. Дальнейшее правильное развитие даст нам возможность организовать сельское хозяйство на новых началах, поднять его на большую техническую высоту и через советские хозяйства и сельскохозяйственные коммуны внести социалистическую культуру в деревню и организовать на социалистических началах сельское хозяйство.

Обращаясь к экономическому положению и к результатам экономической деятельности, мы прежде всего должны указать, что экономическое положение в результате экономической деятельности зависело от условий изменений Гражданской войны.

До половины 1918 г. мы ликвидировали империалистическую войну. Мы произвели демобилизацию нашей промышленности и поставили своей целью обслуживание главным образом мирных нужд и потребностей населения и рабочего класса. Капиталисты и помещики были сломаны и не представляли сколько-нибудь серьезной силы.

Но вмешательство мировой буржуазии, оказывавшей в течение всего времени деятельную подготовку контрреволюции в России, стремившейся нанести советской власти удар для ее ниспровержения, вдохнуло жизнь в изгнанных капиталистов и помещиков и повело к обострению Гражданской войны.

В результате борьбы, отбиваясь от врагов, у нас все время менялась экономическая база.

Донецкий бассейн, Урал, Кавказ — главные источники топлива и сырья, угля, нефти, чугуна, железа и стали — переходили из рук в руки. На некоторое время они становились советскими, но новые наступления белогвардейцев отрывали их, разрушали налаженное производство, лишали собранных запасов. В результате основной базой стал Центральный район советской России.

Потеря Донецкого бассейна равнялась для нас потере 80% всего нашего угля, занятие англичанами Баку лишило нас нефти, занятие юга и Урала — металла. Из этого можно ясно себе представить, в каких тяжелых условиях развивалась экономическая жизнь.

Но кроме территориальных условий, на наше экономическое положение оказало влияние то обстоятельство, что нам при-

шлось опять *мобилизовать* нашу промышленность, перевести ее на обслуживание войны.

Таковы условия, в которых развивалась наша экономическая деятельность и осуществлялась наша программа. Однако, подводя итоги, мы констатируем, что несмотря на тяжелые условия мы экономически окрепли, получая с течением времени лучшие результаты.

Посмотрим на данные, характеризующие основные отрасли нашей экономической деятельности, там, где она протекала непрерывно в течение двух лет:

Заготовка топлива и сырья		
	1918 г.	1919 г.
А. Заготовка топлива		
Уголь (Подмосковный и Боровический районы)	около 30 млн пудов	около 30 млн пудов
Дрова (заготовленные и запасы)	4 млн куб. сажений ^{IV}	5 млн куб. сажений
Торф	58 млн пудов	60 млн пудов
Нефть	93 млн пудов	— (Баку занято англичанами ^V)
Б. Заготовка сырья и запасы сырья на складах ВСНХ		
Лен	—	5,5 млн пудов
Хлопок	2794 тыс. пудов	6,5 млн пудов (считая заготовленный в Туркестане)
Шерсть	—	2 млн пудов
Пенька	—	2 млн пудов
Кожа	5461 тыс. штук	2365 тыс. штук за 6 месяцев
Металл (запасы)	30 млн пудов	40 млн пудов

Приведенные данные показывают лишь то топливо и сырье, которое заготовлено и утилизируется Высшим советом народного хозяйства.

Мы можем видеть, что положение с топливом ухудшилось лишь по сравнению с потерей нефти. В 1918 г. мы успели вывезти из Баку нефть, в 1919 г. мы совершенно ее не получили. Благодаря этому мы вынуждены были железные дороги и предприятия перевести на дрова, а последнее обстоятельство сказывается на домовом отоплении. До войны дров заготавливалось столько же, сколько заготовили и мы: от 4–5 млн кубических саженей, но тогда был уголь, нефть, которые отапливали промышленность, и дрова шли главным образом на домовое отопление, теперь же главным топливом являются дрова. Положение с торфом улучшилось, и в 1919 г. торфа добыли больше (в 1918 г. — 58 млн пудов, 1919 г. — 60 млн пудов). Заготовка сырья для нашей текстильной промышленности прошла удачно, сырьем мы ее полностью обеспечили. Льна и мехов собрано столько, что можно было бы вывезти за границу.

Положение с металлом было трудное: мы жили все время на старые запасы. С переходом Урала в наши руки, после того как мы нанесли Колчаку поражение, положение улучшилось, и мы получаем металл с Урала.

В общем, *заготовительные аппараты советской власти* наладились и стали вполне прочны. Они не только устранили старого посредника — купца, но и начинают конкурировать с кооперативным аппаратом.

Мы уже указывали на те тяжелые условия, в каких происходило производство: занятие нашими врагами районов, доставлявших для нас топливо, занятие ими наиболее хлебных местностей, отвлечение десятков и сотен рабочих на войну — все это приводило к задержке в развитии производства и производительных сил в различных отраслях нашей экономической деятельности.

Часть предприятий закрылась совершенно, часть работает в сокращенном виде. Тем не менее представления о сокращении нашей промышленности, распространяемые буржуазными газетами Западной Европы, преувеличены и ложны.

Последние обследования показывают, что в советской России в промышленности (исключая железные дороги, торговлю и т. д.) работает в настоящий момент, по неполным статистическим данным, *свыше миллиона рабочих*. В некоторых отраслях промышленности (в угольных в Подмосковном районе, электротехнической и др.) работают *полностью* все предприятия, в других, например, в текстильной — число закрывшихся предприятий достигает 50%, но нельзя указать ни одной отрасли промышленности, про которую можно было бы сказать, что она замерла и приостановилась. Таких фактов нет. В общем, число наемных работников (рабочих и служащих) — самое меньшее 3 млн человек. В некоторых же областях намечается даже развитие. В течение этих двух лет нашими экономическими органами *начата постройка 15 новых* крупных предприятий, некоторые из них *закончены* и уже работают. Закончен постройкой и работает большой *паровозоремонтный завод* в Подольске, Московской губернии, *патронный завод* в Симбирске, заканчиваются *две большие электрические станции* — одна в Кашире, а другая на Шатурском болоте (будет работать на торфе). И та, и другая начнут работать уже через несколько месяцев. Начат постройкой *завод сельскохозяйственных машин и орудий* в Саратове. Но самое крупное начинание — это разработка больших сланцевых залежей в Самарской и Казанской губерниях, начатая в 1919 г. Работает уже несколько рудников. Это крупнейший факт в нашей промышленной деятельности. Кроме того, в Казанской губернии открыты залежи нефти и через несколько месяцев будет приступлено к бурению. Найденное и разрабатываемое нами топливо в Поволжье открывает перед нами необычайно широкие перспективы. Мы не будем останавливаться на других нововведениях второстепенного характера, которые нами вводятся. Из этих примеров мы видим, что творческий процесс развития производства не только не замер, но развивается и идет дальше.

Главная сторона нашей экономической деятельности — это работа на защиту революции, на Красную армию, снабжение ее всем необходимым. Об этой стороне производства мы не будем говорить — о ней говорит та борьба, которую мы ведем.

Но даже при этом условии работа на *мирные* потребности все же значительна.

Мы приведем данные только по главнейшим отраслям промышленности, обслуживающим как военные, так и мирные потребности:

Производство и запасы 1919 г.

Ткани

Средняя месячная выработка 14 млн аршин

Запасы тканей около 1 млрд аршин

Сахар (производство в сезон 1918–1919 гг.)

В Советской России 4 млн пудов

В Советской Украине 10 млн пудов

Спички

В 1918 г. произведено 1 032 000 коробок

В 1919 г. произведено за 6 месяцев 412 809 000 коробок

Мыло

Производство 20–25 тыс. пудов в месяц

Соли

Добыто до 10 млн пудов

При распределении этих предметов устанавливается определенная очередь. Главное внимание обращено на снабжение Красной армии, затем — рабочих и в третью очередь снабжается остальное население.

Поддержать оборону страны и производительные силы ее — это означает снабдить всем необходимым Красную армию и рабочий класс.

Промышленность наша направлена на разрешение этих задач.

В первый год после переворота мы вообще всю промышленность повернули на обслуживание мирных потребностей населения.

Мы произвели демобилизацию промышленности, но события повернулись так, что нам пришлось менять нашу «мирную» экономическую программу на *военную*. И мы ее изменили. Но, меняя ее на военную, мы прекрасно сознаем, что только при *общем* крепком экономическом положении мы можем выполнить наши боевые, военные задачи. Поэтому мы обращаем внимание на всестороннее поднятие производительных сил и на поддержание нашего экономического тыла.

Остановимся теперь на продовольствии. Наиболее сильно в эти два года давал себя чувствовать продовольственный вопрос. Наиболее хлебные районы, как Донская область, юг России, Заволжье, Сибирь, или были во власти противника, или переходили из рук в руки.

После октябрьского переворота мы взяли власть, не имея почти совершенно запасов хлеба. Урожай 1918 г. вышел выше среднего (в советской России по 25 губерниям он равнялся 1236 млн пудов). Продовольственный аппарат, который к этому времени организовался, сумел заготовить 106 млн пудов.

Это дало возможность поставить к концу 1918 и 1919 гг. снабжение населения хлебом лучше и планомернее, чем в первую половину 1918 г.

Урожай 1919 г. вышел также выше среднего, причем в наши руки перешло все Заволжье и часть Сибири.

Заготовка хлеба обещает быть значительно лучше, чем в прошлом году. Затруднения встречаются в отношении транспорта, работающего главным образом на войну. Но благодаря упрочившемуся аппарату снабжения, вполне возможно рассчитывать, правда, на небольшое, но все же улучшение.

На кардинальное улучшение продовольственного положения можно надеяться только после того, когда Красная армия, разбив Деникина, займет хлебородные пространства Донской области.

Мы привели только данные по главнейшим отраслям промышленности, взяв *среднюю месячную выработку*. Мы дали описание лишь общего экономического положения советской России и подвели итоги двухгодичной деятельности в экономической области. Но само собой разумеется, мы в статье не могли охватить всего, что сделано рабочими массами в том ги-

гантском строительстве новой жизни, какое совершается на наших глазах.

Можно только сказать, что пролетариат России твердо взял в свои руки не только политическое, но и экономическое управление и сумел объединить и подчинить этому управлению все народное хозяйство, создать единую систему и организацию из бывших разрозненными экономическими процессами народного хозяйства.

В развивающейся мировой социалистической революции мировой капитализм делает отчаянные усилия задушить советскую Россию. Одним из средств он избрал *блокаду*. Но и здесь ему предстоит жестокое разочарование. Мы видим уже, что в эти необычайно тяжелые два года экономическая жизнь советской России, хотя крайне медленно, но все же подвигается вперед. Экономический кризис, который был бы неизбежен, существующие капиталистические отношения, не может произойти при системе организованного экономического управления народным хозяйством.

Наша экономическая политика в третьем году советской власти по-прежнему будет заключаться в поднятии производства, в увеличении самодисциплины рабочих масс, в дальнейшем улучшении аппарата экономического управления. Пролетариат советской России ясно сознает и твердо стоит на передовом посту мировой социальной революции.

^I Печатается по: Милютин В.П. Два года экономической диктатуры пролетариата в России // Два года диктатуры пролетариата. 1917–1919. М.: ВСНХ, 1919. С. 3–12. Комментарии к данной статье подготовлены И.А. Кузнецовым.

^{II} На VIII съезде партии она была переименована из РСДРП во Всесоюзную коммунистическую партию (большевиков).

^{III} Национализация мелкой и средней промышленности была объявлена позже, постановлением ВСНХ 29 ноября 1920 г.

^{IV} 1 кубическая сажень ≈ 9,7 кубометра.

^V Британские войска находились в Баку с конца 1918 до августа 1919 г.

П. Б. Струве

Итоги и существо коммунистического хозяйства^I

Речь, произнесенная на общем съезде представителей русской промышленности и торговли в Париже 17 мая 1921 г.¹¹

К какому экономическому состоянию пришла Россия в результате коммунистической революции? На это язык объективных цифр и фактов отвечает с потрясающей ясностью: содержанием коммунистической революции была неслыханная в мировой истории грандиозная экономическая реакция.

Прежде всего, основной признак — состояние и движение населения. Много спорили и можно долго спорить о том, является ли рост населения необходимым признаком экономического прогресса. Но не об этих довольно-таки бесплодных ученых спорах идет речь в нашем случае. Вымирание населения, определяемое прежде всего ужасающим ростом смертности, — таков тот основной факт советской экономики и демографии, в смысле и значении которого не может быть — увы! — никакого сомнения. Это явление косвенно устанавливается для сельского населения: оно непосредственно и в ужасающих размерах может быть констатировано для городов с Петроградом во главе. Население вымирает от недостатка пищи в местностях городских и городского типа, т. е. совсем не производящих или недостаточно производящих продовольствие; в сельских местностях оно вымирает от невероятно ухудшившихся санитарных условий. Итак, признак состояния населения обличает реакционный или регрессивный характер совершившегося социально-политического и хозяйственного переворота. Для оценки хозяйства, народного или частного, лучшим мери-

лом вообще служит то, дает ли это хозяйство возможность существовать и выживать его участникам, т. е. населению, с ним связанному.

Начался процесс с деморализации труда: производители стали не работать при помощи капитала или капиталов, а проеда-ть капиталы, и города из производственных центров превра-тились в скопления чистых потребителей. Как таковые, города стали не нужны деревне; обозначился и с ужасающей быстро-той прогрессировал разрыв нормальной экономической связи между городом и деревней. Последняя замыкалась в кругу сво-их собственных экономических процессов, другими словами, возвращалась к натуральному хозяйству. Город, в лице комму-нистического государства, властной и прямо вооруженной ру-кой вторгнулся в это натуральное хозяйство деревни. Деревня, лишенная нормального притока товаров и в то же время эко-номически более сильная, чем город, жадно выменивала и ску-пала городские движимости разного рода. Население городов и вообще поселений городского типа разбегалось, оседало, по возможности, на землю, промышленность падала, пролета-риат реально сокращался в численности. Этот процесс мож-но проследить на всех отраслях промышленности, кроме двух видов производства, получивших невероятное развитие: пи-сания бумаг, исходящих и входящих, и печатания бумаги, ко-торой присвоено хождение в качестве денег. Поток бумаг и бу-маги двигал и двигает колесо советского управления неуклонно разрушающимся народным хозяйством России. В сфере произ-водства исходящих и входящих увеличивалась выработка, рос-ла численность рабочих рук, формировались абсолютно весьма значительные, относительно прямо громадные кадры ново-го бюрократического пролетариата, тесно связанного с самым существом коммунистического строя. Тут происходила цен-трализация производственного процесса, если можно о нем говорить в данном случае. Во всех других областях происхо-дят в общем и целом обратные процессы: падение числа за-нятых рабочих рук, бегство из производства представителей квалифицированного труда, переход производства в формы бо-лее примитивные, измельчание предприятий, их — да будет по-зволено выразиться несколько варварским словом — «окустаре-

ние». Наиболее мелкие предприятия своим мелким размером спасаются от национализации, убивающей самый нерв предприятия, личную инициативу и личный интерес владельца.

Но помимо этого, сморщился самый масштаб всей хозяйственной жизни, она настолько обмелела, что в ней уже не могут держаться крупные предприятия. Внешняя картина на первый взгляд производит пестрое впечатление: рядом с «окустарением» промышленности, как бы прячущейся от социалистического режима с поверхности экономики в ее поры и норы, наблюдается и обратное явление — «укрупнение» предприятий. Внешним образом это укрупнение напоминает концентрацию или централизацию производства в свободном, некартелированном или картелированном, капиталистическом хозяйстве. Но стоит только осмыслить эти два процесса, чтобы видеть их глубочайшее различие. Укрупнение предприятий в капиталистическом хозяйстве происходило под давлением роста производительных сил и производства в условиях неограниченной свободы конкуренции — это было результатом того процесса, который Маркс охарактеризовал как анархию производства — неперенный спутник и необходимое явление буйного роста производительных сил капитализма. Коммунистическое укрупнение производства, наоборот, есть вынужденное приспособление к всестороннему оскудению народного хозяйства, к недостатку сырья, топлива, рабочей силы, продовольствия и т. д., и т. д.

Необходимо вообще отметить, что советский коммунизм в некоторых отношениях есть прямой наследник того, что принято называть военным хозяйством, военным социализмом или военным регулированием. При этом мы можем отметить следующее любопытное соотношение. Субъективно-психологически новейший расцвет социалистических (коммунистических) настроений и идей во всем мире связан, конечно, с фактом регулирования хозяйства во время войны в интересах ее экономического обеспечения. Но объективно-экономически, не в формальном, а существенном отношении военный социализм не имеет ничего общего ни с тем социализмом, который предполагался марксистской теорией имеющим неизбежно родиться из капиталистического процесса, ни с тем синдикат-

ским или картельным регулированием промышленности, которое на самом деле из него рождалось. Военный социализм регулировал большую или меньшую относительную скудость, вызванную специальной временной причиной, экономическим напряжением, требуемым войной, призван был бороться с недопроизводством. Программно-исторический, научный социализм марксизма, наоборот, мыслился регулирующим не скудость, а обилие, призывался побороть именно перепроизводство надлежащим, рациональным приспособлением богатых производительных сил капитализма к действительным потребностям общества. Такую же задачу — регулировать обильное производство, бороться с перепроизводством — имели всегда возникавшие в капиталистическом хозяйстве картели, синдикаты, тресты. Экономическая бессмысленность и историческая нелепость русского коммунистического (социалистического) опыта состоит, между прочим, в том, что для него, как хозяйственной системы, отсутствует самая основная экономическая предпосылка, из которой вообще выросла вся марксистская организационно-экономическая идея социализма как могильщика и наследника капитализма: производственное обилие, созданное самим же капитализмом.

Регресс промышленной и вообще хозяйственной жизни при коммунистическом режиме сказывается решительно во всем. Одним из ярких признаков его является, например, вытеснение минерального топлива древесным. С всемирно-исторической точки зрения это есть возвращение к первой трети или половине XVIII века: для металлургии России это явление означает возврат к 70-м гг. XIX века. В области добычи каменного угля Россия отброшена приблизительно тоже к этой эпохе. В области текстильной промышленности падение производства отодвигает нас в еще более отдаленную эпоху. Таким образом, в области всей промышленной деятельности мы видим ужасающее количественное сокращение и техническую деградацию производства на фоне крайней деморализации труда и падения индивидуальной производительности работника. Следует при этом решительно отклонить одно довольно распространенное недоразумение, сводящееся к невежественному или тенденциозному мнению, будто этот регрессивный ме-

таморфоз промышленности обусловлен и подготовлен войной. Как бы ни оценивать общее влияние войны на хозяйственную жизнь страны, — в России, как и в других государствах, война, создав искусственную скудость, в то же время усилила коллективное производственное напряжение страны. Война, конечно, взвалила огромное бремя на народное хозяйство, но пока существовала твердая государственная власть, прочный правовой порядок и буржуазный уклад хозяйства, не было явлений общего и абсолютного народно-хозяйственного оскудения: в России это стимулирующее влияние войны, пожалуй, обнаружилось даже ярче, чем в других странах. Рост реальной заработной платы во время войны скорее обгонял рост цен, чем отставал от них. Уровень жизни трудящихся масс поэтому повышался. Это верно в отношении промышленного пролетариата; еще увереннее можно это сказать о крестьянстве. Война означала в России, как и всюду, огромное, «не производительное» с хозяйственной точки зрения истребление капиталов и использование живой рабочей силы, но она повысила производственную энергию в стране и улучшила экономическое положение низших классов населения. В прямо обратном смысле подействовала революция вообще и в частности, и в особенности октябрьская революция, принеся с собой насильственное осуществление коммунизма. Временно и весьма эфемерно революция на счет проедания капиталов принесла некоторое мнимое улучшение положения рабочих, деморализовав в то же время труд и тем в самой основе подорвав производство.

Производственный регресс не ограничился промышленностью — он захватил и сельское хозяйство. В области сельского хозяйства разрушительно действовало не только уничтожение культурных частновладельческих хозяйств (которое вовсе не было ни возмещено, ни даже сколько-нибудь чувствительно ослаблено созданием так называемых советских хозяйств), не только не поддающееся учету стихийное крестьянское «поравнение», но и тот уже отмеченный выше разрыв нормальной экономической связи деревни с городом, который сплошь и рядом побуждал сельскохозяйственного производителя замкнуться в удовлетворении собственных потребностей и в силу этого и реально сокращать свое производство,

и избегать вынесения его продуктов на рынок. Сокращалось таким образом сельскохозяйственное производство, и, помимо этого, сокращалось еще и сельскохозяйственное предложение как таковое.

Хозяйственная пустота, перед которой оказалась коммунистическая власть, обнаруживается с потрясающей ясностью в области финансового хозяйства. При коммунистическом хозяйстве нельзя ни теоретически, ни практически отделить государственного (финансового) хозяйства от хозяйства народного. У того и другого и один субъект в экономическом и правовом смысле и один непосредственный субстрат. При цветущем коммунистическом народном хозяйстве (с некоторым усилением мысли мы можем назвать в уме и такой фантастический образ) легко представить себе цветущие коммунистические финансы. Но в экономической пустоте не может быть никаких финансов. И именно это мы видим в советской России. Как ни стараются пошедшие на службу коммунистической власти старые чиновники блестящего некогда финансового ведомства Императорской России, нормы которого начертаны юридическим гением Сперанского, практика которого фиксирована Канкриным, Рейтерном, Бунге, Вышнеградским и Витте, под словесные рубрики советского государственного хозяйства никакого финансового содержания и они не могут подвести. Когда-то Маркс, не слишком хорошо знавший русскую экономику и ее историю, острил, что в России есть только одна хорошо работающая фабрика — это государственная фабрика бумажных денег («экспедиция заготовления государственных бумаг»). Он, очевидно, не предвидел, что в России марксистам-коммунистам суждено будет, во славу коммунизма, довести до неслыханного уровня производство бумажных денег и на этом производстве обосновать все государственное хозяйство коммунистической России. Впрочем, не только на нем одном. Государственное хозяйство советской России покоится не только на производстве бумажных денег, но и на потреблении, и на отчуждении накопленного буржуазным строем золотого запаса. Производя денежную бумагу, коммунистическое государство проедает золотой фонд, доставшийся ему в наследство от прежней России. Таким образом, в области финансового хозяйства коммунистиче-

ская власть чисто паразитарно-хищнически существует на счет прошлого. Очерченная перед вами натурально-хозяйственная реакция, созданная в России коммунистическим режимом, не имеет себе ничего подобного в мировой истории ни по размерам — ибо все исторические прецеденты такого рода прямо несравнимы по масштабу с русским опытом XX века, ни по остроте процесса. Эта острота процесса обуславливается, во-первых, тем, что он не стихийно вытек из тех или иных экономических, социальных и политических действий и перемен, а прямо продиктован и навязан народу сверху властной и вооруженной рукой коммунистического государства и, во-вторых, тем, что он осуществлен в очень короткий для жизни народа промежуток времени. В связи с этой особенностью экономической реакции, в которую ввергнута Россия, стоит еще другая ее черта, на которую уже был сделан намек при оценке коммунистического финансового хозяйства. Если брать процесс, совершившийся в России, исторически, то следует признать, что коммунистическое хозяйство, сменившее хозяйство капиталистическое — довоенное и военное, явилось по отношению к ним чистейшим паразитом-хищником. Коммунизм эти три года жил на счет капиталистического и в частности военно-капиталистического хозяйства, на счет накопленных им запасов. Теперь он съел эти запасы — отсюда крайнее обострение экономического положения советской России. <...>

Возникает дальнейшая альтернатива следующего содержания: либо социализм или коммунизм не есть вовсе высшая по сравнению с капитализмом экономическая формация, либо то, что осуществилось в России, не есть вовсе социализм или коммунизм. Последнее решение явно не соответствует истинному духу и характеру советского законодательства. Поскольку существует вообще теоретическое понятие социализма или коммунизма, советское законодательство последовательно проводит это понятие. Другими словами: экономическая политика советской власти всецело подчинена социалистической идее и программе. Теоретическое понятие социализма сводится к отмене частной собственности на орудия и средства производства и к перенесению ее на все общество в лице государства или тех или иных общественных союзов.

Отмена частной собственности и обобществление хозяйственного процесса осуществляются ради установления возможно большего равенства в пользовании благами между членами общества и ради возможно большего повышения индивидуальной доли каждого члена общества. Эта распределительная цель социализма образует его уравнительную или эгалитарную идею. В сущности, только распределительная цель и эгалитарная идея социализма интересуют и вдохновляют массы.

С социалистической точки зрения обоснование производительности или успешности производительного процесса на дифференциальной оплате труда есть радикальное отступление от уравнительной или эгалитарной основы социалистического советского хозяйства. И то, что социалистическая мысль и социалистическая власть обращаются к этому выходу, не есть обстоятельство, чисто исторически определяемое культурным уровнем русского народа, а есть существом дела обусловленная сдача центральной принципиальной позиции социализма, социализма не как правовой или экономической техники, а как социально-политической идеологии, — отказ от его эгалитарной идеи.

Отказ этот обусловлен тем, что то буржуазное начало, которое можно охарактеризовать как начало расценки людей по их личной годности, есть необходимый двигатель всякой экономической деятельности, которого нельзя устранить, не подрывая в корне всей хозяйственной жизни.

Именно этим русский опыт и обнаружил воочию, что организационно-техническая идея социализма для своего экономически успешного осуществления требует величайшего напряжения буржуазных антиэгалитарных мотивов. Иначе говоря, русский опыт показал, что обобществление хозяйства, призываемое ради насаждения равенства, если только это обобществление вообще достижимо, может быть осуществлено лишь при принципиальном признании и практическом проведении начала хозяйственного неравенства: либо социализм означает хозяйственный упадок или регресс, либо он должен быть «буржуазен». Это значит, что социализм как обобществление хозяйства, как мыслимый метод наиболее рациональ-

ного устроения хозяйственной жизни, и социализм, как уравнилельный идеал — не совместимы один с другим. Кто гонится за уравнилельностью, тот теряет или губит хозяйственность, кто стремится к хозяйственности, тем самым должен отказаться от уравнилельности. Многие это и ранее более или менее смутно ощущали или, по общим теоретическим соображениям, предполагали. Русский опыт с полной ясностью, ценою ужасных страданий обнаружив это соотношение, раскрыл живую трагедию социализма.

В то же время, говоря о провозглашенной коммунистической властью свободе торговли, следует опять-таки подчеркнуть, что торговли в буржуазном смысле (ни в смысле политической экономии, ни в смысле торгового права, ни в смысле обычного словоупотребления), т. е. торговли как «промысла», как особой социальной функции, советская власть никогда не допускала и теперь отнюдь не признала. Она только милостиво разрешила изголодавшемуся потребителю покупать у непосредственного производителя. Социализм большевиков фактически пришел к крайнему упрощению и распылению обмена, к тому, что французы называют «trac»^{III}, и вот он вынужден это примитивное состояние обмена легализовать, но торговлю как особую экономическую и социальную функцию он продолжает отрицать.

В этой связи, может быть, нельзя совершенно обойти системы концессий иностранным предпринимателям, к введению которой советская власть стремится, для того чтобы не задохнуться в созданной ею же самой экономической пустоте. Эта лазейка, этот *expedient*^{IV}, к которому прибегает советский режим, еще более внешнего и искусственного свойства, чем объявление свободы торговли, попытка в лице многих профессиональных союзов призвать к жизни «производственную» или «рабочую демократию». Обездолив, истребив и изгнав свою национальную буржуазию, коммунистическая власть призывает из-за границы буржуазных варягов. В этом двойное свидетельство крайней слабости советской власти: она не может по политическим и полицейским соображениям, диктуемым инстинктом самосохранения, допустить на здоровых началах к хозяйственной работе национальную буржуазию, но она сво-

им экономическим банкротством вынуждена искать помощи у буржуазии иностранной. В этой системе концессии обнаруживается и крайняя слабость, и глубокий цинизм советской власти. Это политика двойной измены: цинической измены национальному началу и национальному достоинству и столь же цинической измены социалистическому идеалу. Системой концессий коммунистическая власть низводит Россию и в национальном, и в социальном отношении на уровень экзотических колоний. Социалистическая идеология и литература полны обличения капиталистической колониальной политики, действительно имевшей много темных сторон, но коммунистическая власть оставила далеко за флагом в этом отношении все капиталистические режимы, она отдает на откуп, она раздает капиталистические концессии и фабрики в собственной стране! Экономическое значение этого наиболее цинического expedient советской власти обречено быть совершенно ничтожным, по целому ряду соображений, изложенных в специальном докладе. Все значения и вся значительность советской концессионной системы лежит в области политической: обанкротившаяся в экономическом отношении власть этой системой пытается экономически и, главное, политически подкупить в свою пользу мировой капитализм.

^I Печатается по: Струве П.Б. Итоги и существо коммунистического хозяйства. Речь, произнесенная на общем съезде представителей русской промышленности и торговли в Париже 17 мая 1921 г. Берлин: Слово, 1921.

^{II} В работе съезда приняли участие 147 делегатов от 37 торгово-промышленных организаций и 200 человек, не входивших в предпринимательские объединения. См.: Общий съезд представителей русской промышленности и торговли. [Материалы]. Paris, 1921.

^{III} Трос (*фр.*) — бартер, натуральный обмен.

^{IV} Expédient (*фр.*) — способ, уловка.

Н. В. Валентинов

Новая экономическая политика и кризис партии после смерти Ленина¹

<...>

В 1921 и в 1922 гг. советское правительство производило массовые высылки за границу нежелательной для него части интеллигенции. Правительство Ленина этим отличалось от правительства Сталина, предпочитавшего неугодных ему лиц расстреливать или морить в концентрационных лагерях. Отличие от «эпохи Сталина» было в том, что тогда можно было легко перебраться за границу. Это делалось через Кавказ, а больше всего через границы Финляндии, Эстонии, Латвии, Польши, через которые и эмигрировало довольно значительное число интеллигентов. И вот именно в это время, когда происходил усиленный уход части интеллигенции за границу, в форме как насильственной, так и добровольной высылки, *другая часть* этой интеллигенции с *большим подъемом* принималась за работу в разных областях советского аппарата. Это происходило не из-под палки, а добровольно, и указываемая мною интеллигенция ни в коей мере не принадлежала к разряду лиц, «примазавшихся» к коммунистической партии, о которых с такой ненавистью говорил Ленин в статье «О чистке партии», помещенной в сентябре 1921 г. в «Правде». Например, в том слое социал-демократов-меньшевиков, о котором я буду говорить, ни один человек в коммунистическую партию не вступил, тем не менее взгляды этих меньшевиков и их психология разошлись в значительном числе пунктов со взглядами и психологией тех оказавшихся за рубежом, в эмиграции, меньшевиков, которые с 1921 г. начали издавать «Социалистический Вестник». Произошло некое политико-психологическое *расщепление* интелли-

генции, отчасти нашедшее себе место и среди социалистов-революционеров, и даже кадетов.

Какие же мотивы, какого рода идеи, взгляды, выводя из состояния охватывавшего ее анабиоза, толкнули интеллигенцию принять самое активнейшее участие в советском строительстве? Еще раз скажу — в обширной литературе всего мира, посвященной этому периоду советской истории, в сущности нет анализа этого факта. Поведение значительной общественной группы так и не нашло себе освещения в написанной истории 1917–1928 гг. Делая опыт устранения этого пробела, я буду ссылаться на один документ, сведения о котором никогда не появлялись в печати, хотя он мне представляется очень важным, потому что в нем ясно отражены идеологические мотивы, психология, ошибки, иллюзии и оптимистическая вера именно той части интеллигенции, которая, как я сказал, бросилась принимать *самое активное участие* в советском строительстве. Происхождение его таково. В Москве с декабря 1922 г. существовал кружок интеллигентов из восьми человек, к которым иногда присоединялся девятый. Семь из них по своему основному воззрению были меньшевиками, двое остальных к ним близко примыкали. Кроме меня, *никто* из этого кружка за границу не попал. Один из членов этого кружка, по дошедшим за границу сведениям, был расстрелян в 1937 или 1938 г.; два других были куда-то сосланы, о них нет и не поступало никаких известий; четвертый подвергся многолетнему тюремному заключению, жив ли он сейчас — неизвестно; двое умерли естественной смертью; двое, возможно, еще живы и до сих пор. Вполне понятная боязнь им повредить обязывает меня не называть вообще имен членов этого кружка¹¹.

Эти лица, будучи во многих отношениях типичными представителями русской интеллигенции, занимали в довоенное время видное общественное положение, и с ними во время НЭПа весьма считалось советское правительство. Некоторые из них занимали важное место в советском хозяйстве. Начав свои собрания в самом конце 1922 г., они особенно часто их вели в 1923, 1924, 1925 гг. С 1926 г. эти собрания стали реже и почти прекратились в 1927 г. Так как первые собрания имели целью поделиться информацией, наблюдениями над тем, что проис-

ходит в стране, сообщить свои впечатления от встреч с лицами из правительствующей среды, один из участников кружка в шуточной форме назвал кружок «*Лигой наблюдателей*» или, как, тоже в шуточной форме, его определил другой участник, «*Лигой объективных наблюдателей*». Такое название наших собраний, могущее при телефонных разговорах или при назначении дня собрания привлечь к себе совсем нежелательное внимание ГПУ, было потом отброшено. Его никогда больше не употребляли, но в моем изложении я его все-таки удержу, что позволит избегать ненужных повторений и делать, уже без дополнительных объяснений, о каком кружке идет речь, ссылки на взгляды и на поведение членов этого кружка.

В 1923 г. один из его участников сделал небольшой доклад о том, как жизнь разгромила провозглашенные Лениным в 1917–1918 гг. идеи, привела к НЭПу (Новой экономической политике), и этот отход от утопизма к реалистической политике дал право оптимистически смотреть на ближайшее хозяйственное развитие России. Этот доклад в «*Лиге наблюдателей*» в январе и феврале 1923 г. подвергся в течение нескольких собраний *всестороннему рассмотрению*, был развит, получил ряд важных дополнений и, в конце концов, стал выражением взглядов всего кружка.

Главнейшее внимание было отведено возможно более точному определению именно *основных специфических идей* Октябрьской революции, причем в учет брались не только идеи, бросавшиеся Лениным в 1918–1920 гг., но и другие, формулированные до Октябрьской революции и служившие в качестве важных теоретических импульсов к этой революции. Составленный таким образом доклад, памятка, меморандум под заглавием «*Судьба основных идей Октябрьской революции*» был переписан на пишущей машинке и занял около 38 страниц. Так как каждый из членов кружка вкладывал в памятку свои дополнения — то, что ему казалось нужным отметить, записать (а какой-либо общей редакции, обрабатывающей записи, не было), доклад в целом не был хорошо смонтированным произведением: одни части его были подробно развиты, другие гораздо менее. Этого доклада у меня нет, но я постараюсь дать о нем, насколько это возможно, точное и полное пред-

ставление, что мне кажется важным, так как записанные в нем мысли и выводы были *характерны не только для восьми членов «Лиги наблюдателей», но и для большого слоя русской интеллигенции.*

<...>

Итак, вот каковы «Основные идеи Октябрьской революции», которые, по убеждению «Лиги наблюдателей», *жизнь разбила и отказалась принять.*

ПЕРВАЯ ИДЕЯ. Призывая к Октябрьской революции и считая, что она на всех парах «должна понестись к социализму», Ленин писал:

«Империалистическая война есть канун социалистической революции. Социализм смотрит на нас через все окна современного капитализма».

Чем же он мотивировал готовность современного общества перейти к социализму? Ленин утверждал, что всемирный капитализм дошел (к 1917 г.) до ступени империализма, того состояния хозяйства, когда монополистические союзы капиталистов — синдикаты, картели, тресты — получили решающее значение, а банковский капитал громадной концентрации слился с промышленным. «Империалистическая война из-за господства над миром, из-за рынков для банковского капитала, из-за удушения малых и слабых народностей неизбежна при таком положении дела». Именно так началась империалистическая война 1914 г. Происходящая «смена свободной конкуренции монополистическим капитализмом, подготовка банками и союзами капиталистов аппарата для общественного регулирования процесса производства и распределения продуктов, гнет синдикатов над рабочим классом, рост дороговизны, ужасы, бедствия, разорение, порождаемые войною, делают из ныне достигнутой ступени развития эру пролетарской, социалистической революции».

Что нужно для построения социализма? Диктатура пролетариата, захват капиталистических монополий рабочим классом, ибо «социализм есть не что иное, как государственно-капиталистическая монополия, обращенная на пользу всего народа и постольку переставшая быть капиталистической монополией»^{III}.

«Монополистический капитализм есть полнейшая материальная подготовка социализма, преддверие его, та ступенька исторической лестницы, между которой и ступенькой, называемой социализмом, никаких промежуточных ступеней нет».

Накануне Октябрьской революции эти мысли Ленин развивал в ряде статей, в том числе в статье о «Грозящей катастрофе и как с нею бороться». Обоснование их он дал в книге «Об империализме, как о новейшем этапе капитализма», написанной в 1916 г. и напечатанной после Октябрьской революции. По ряду мотивов участники «Лиги наблюдателей» решили *не входить в анализ и оценку книги Ленина*, не ставить вопроса: верно ли он изобразил предвоенное положение капитализма за границей. Они сосредоточили свое внимание на другом вопросе: применима ли теория Ленина к России, если даже допустить, что она верна для ряда главнейших стран Западной Европы и Америки? Можно ли считать, что Россия к 1917 г., подобно другим странам зрелого капитализма, вошла в стадию монополистического капитализма и на этом основании готова к социалистической революции. Отвечая на это утвердительно, Ленин в доказательство ссылался на существовавшие в России «Продуголь» (синдикат по продаже угля), «Продамета» (синдикат по продаже металла) и на сахарный синдикат, по его словам, свидетельствующие воочию о «перерастании монополистического капитализма в государственно-монополистический капитализм»^{IV}. Кроме этих *трех* синдикатов, Ленин не привел *никаких других аргументов*, что хозяйственная база России состоит из предприятий монополистического капитализма и по этому самому и в ней социализм смотрит или может смотреть из всех окон. В числе членов нашего кружка было лицо, специально изучавшее и превосходно знавшее положение промышленных синдикатов России, их значение и вес в общем хозяйстве страны. И это лицо показало полную необоснованность аргументов Ленина. Лучшим доказательством, что его ссылка на три указанных синдиката была придуманной, притянутой за уши, искусственной аналогией, служит тот факт, что упоминания об этих синдикатах совершенно нет у Ленина после Октябрьской революции. В хаосе разгромленной хозяйственной жизни эти синдикаты бесследно исчезают и базой для на-

чавших с 1921 г. строиться трестов и синдикатов ни в малейшей степени не являются. Более того, опровергая самого себя, Ленин обрушивался на тех, кто не понимает, что «никакой материальной базы для социализма в России нет». «Мы слабы и глупы, мы боимся посмотреть прямо в лицо низкой истине». «Посмотрите на карту РСФСР — на необъятных пространствах, на которых уместились бы десятки громадных культурных государств, царит дикость и полудикость и самая настоящая дикость. Мыслимо ли осуществление непосредственного перехода от этого преобладающего в России состояния к социализму... Неужели не ясно, что в материальном, экономическом и производственном смысле мы еще в преддверии социализма не находимся»^V.

Подводя итог всем заявлениям Ленина на эту тему, «Лига наблюдателей» пришла к выводу, что его ссылка на три синдиката, не имея за собой никакой объективной опоры, была субъективно ему нужна как самогипноз, как некоторое теоретическое (фактически — ложное и лживое) укрепление его жажды толкнуть страну «делать социалистическую революцию».

ВТОРАЯ ИДЕЯ. Ленин утверждал, что в эпоху империализма и монополистического капитализма происходит сращение банковского капитала с промышленным:

«Банки... представляют из себя центры современной хозяйственной жизни, главные нервные узлы всей капиталистической системы народного хозяйства. <...> Банки — это крупные центры современного капиталистического хозяйства. Крупные банки есть тот государственный аппарат, который нам нужен для осуществления социализма... Единый крупнейший из крупнейших Государственный банк с отделениями в каждой волости, при каждой фабрике — это уже девять десятых социалистического аппарата. Это — общегосударственное счетоводство, и общегосударственный учет производства и распределения продуктов, это, так сказать, нечто вроде скелета социалистического общества»^{VI}.

Все эти мысли были введены в программу, написанную Лениным и принятую партией на съезде в 1919 г.

Планы Ленина относительно Государственного банка, отделения которого якобы должны быть «при каждой фабрике»

и таким образом составить «девять десятых социалистического аппарата», «Лига наблюдателей» считала фантастическими, невежественными, детски наивными. Лансируя^{VII} эту идею, Ленин преследовал ту же цель, что и в пропаганде о якобы охватившем Россию монополистическом капитализме. Здесь был все тот же призыв не бояться «нестись на всех парах к социализму», так как в России для этого есть предпосылки, существует такое важное учреждение, как Государственный банк, и, захватив его (как о том и учил Маркс), можно через него сложить «скелет социалистического общества». По указу Ленина были национализированы все частные банки, городские и губернские кредитные общества, Московский кооперативный банк, сберегательные кассы. Все их функции были сосредоточены в едином Народном банке. Идея Ленина о крупнейшем из крупнейших Государственном банке полностью осуществилась, но никаких «неслыханных богатств», с помощью которых можно строить здание социализма, она не дала. Денежные средства, «денежные знаки», как говорили тогда, дает только печатный станок, в сумасшедшем масштабе ведущаяся эмиссия, и эти денежные знаки распределяются в хозяйстве вроде хлеба по карточкам по ассигновкам Народного комиссариата финансов. Никаких банковских операций, никакого кредитования и финансирования измышленный Лениным банк не осуществлял. Он был *просто не нужен*, и декретом Совнаркома от 19 января 1920 г. сей банк упраздняется. Когда наступает НЭП, в 1921 г. снова учреждается Государственный банк, потом Промышленный банк, Сельскохозяйственный банк, Кооперативный банк, Электрокредит, Коммерческий банк и т. д. Но образование и функционирование этих банков совершалось по всем правилам самой обыденной капиталистической ортодоксии и не имело ничего общего с фантастической теорией об Едином банке-Левиафане, изобретенном в революционном хмелю. Эту надуманную идейку жизнь раздавила. Выступая 19 октября 1921 г. на московской губернской партийной конференции, Ленин обмолвился следующей фразой: «О Государственном банке у нас в конце 1917 г. было написано весьма достаточно вещей, оказавшихся в достаточной степени только исписанной бумагой».

Ленин не указал, что именно он-то и был творцом этой зря исписанной бумаги.

Третья идея. В статье «Удержат ли большевики государственную власть?», появившейся за две недели до Октябрьской революции, Ленин, без всякого колебания решая положительно этот вопрос, пояснял: «У нас есть „чудесное средство“ сразу, одним ударом удесятерить наш государственный аппарат, средство, которым ни одно капиталистическое государство никогда не располагало и располагать не может. Это чудесное дело — привлечение трудящихся, привлечение бедноты к повседневной работе управления государством»^{VIII}.

«Мы требуем, чтобы обучение делу *государственного управления велось сознательными рабочими* и солдатами и чтобы... к обучению этому делу начали немедленно привлекать *всех трудящихся*, всю бедноту... Мы сможем сразу привлечь в государственный аппарат миллионов десять, если не двадцать человек, аппарат невиданный ни в одном капиталистическом обществе»^{IX}. Указывая на черты государственного аппарата в социалистическом обществе, которое он хотел видеть установившимся не только в России, а повсюду в мире, Ленин в книге «Государство и революция» писал:

«Капиталистическая культура создала крупное производство, фабрики, железные дороги, почту, телефон и пр. и на этой базе громадное большинство функций старой государственной власти так упростилось, может быть сведено к таким простейшим операциям регистрации, записи, проверки, что эти функции станут вполне доступными всем грамотным людям»^X.

К выполнению государственных функций может быть привлечено «поголовно все население», и «эти функции вполне можно будет выполнять за обычную „заработную плату рабочего“, что можно (и должно) отнять у этих функций всякую тень чего-либо привилегированного, „начальственного“»^{XI}. У нас, восклицал позднее Ленин, не будет полиции, не будет особой военной касты, у нас нет иного аппарата, кроме сознательного объединения рабочих. Видя в почте образец социалистического хозяйства, Ленин писал:

«Все народное хозяйство, организованное как почта, с тем чтобы техники, надсмотрщики, бухгалтеры... получали жало-

вание не выше „заработной платы рабочего“, под контролем и руководством вооруженного пролетариата — вот наша ближайшая цель»^{XII}.

«Все общество будет одной конторой и одной фабрикой с равенством труда и равенством платы»^{XIII}. *«При социализме все будут управлять по очереди и быстро привыкнут к тому, чтобы никто не управлял»*^{XIV}.

Бессмысленность этой идеи, держа которую в голове Ленин начинал Октябрьскую революцию, ему стала, конечно, ясна в первый же год его правления. Члены «Лиги наблюдателей», составляя свой меморандум, не сочли даже нужным доказывать, что нельзя управлять государством и хозяйством *«все по очереди»*. Вместо этого был поставлен другой вопрос: чем объяснить появление ленинской идеи — демагогией или наивным невежеством человека, постоянно находившегося в подполье и потому совершенно незнакомого с жизнью? Часть нашего кружка была склонна видеть в теории Ленина только *демагогию*, но тот член кружка, которого я назову «Кассандрой»^{XV}, язвительно заметил, что дело тут не в сознательной демагогии, а в полной непродуманности взглядов, идей, постулатов, составляющих основу не только ленинского, а *всего социалистического мировоззрения*. Члены «Лиги наблюдателей» считали себя социалистами, и замечание «Кассандры» им было неприятно. Они видели в нем отшатывание от социализма, реакцию на искажающий социализм большевистский эксперимент. Но замечание «Кассандры» было правильно. Члены «Лиги наблюдателей», подобно социалистам всех других стран, ясного представления о том, чем может быть реально в жизни социализм, конечно, не имели. В 1923 г. никто из них не представлял себе, что еще до «наступления социализма» в жизнь может быть проведено, например, социальное законодательство такого рода, которое ныне существует в Англии и во Франции.

ЧЕТВЕРТАЯ ИДЕЯ. «Мы все берем на учет, все национализируем», — с чувством удовлетворения и гордости восклицал Ленин в 1918 г. Тогда действительно шла сплошная национализация всего, что попадало под руку. Национализировались не только крупные предприятия «монополистического капитализма», а и самые мелкие. Два члена «Лиги наблюдателей», большие

знатоки статистики, на одном из наших собраний дали цифры бессмысленно национализированных крошечных предприятий, с двумя или одним рабочим, и ярко нарисовали картину их гибели и также и всего ремесла. Лишь в 1921 г. Ленин признал, что «мы наэкспроприровали много больше того, чем сумели учесть, контролировать, управлять».

«Мы очень много погрешили, слишком далеко зашли по пути национализации торговли и промышленности, по пути закрытия местного оборота. <...> В этом отношении нами было сделано много просто ошибочного, и было бы величайшим преступлением здесь не видеть и не понимать того, что мы меры не соблюдали, не знали, как ее соблюдать. <...> Факт несомненный, и его не скрывать в агитации и пропаганде, что мы зашли дальше, чем это теоретически и политически было необходимо»^{xvi}.

Нужно, замечал Ленин, дать некоторую свободу кустарной промышленности, ремеслу, отдать в аренду и возвратить владельцам небольшие предприятия. «Все должно быть пущено в ход для того, чтобы оживить оборот промышленности и земледелия во что бы то ни стало». Это будет лучше, чем «„думать“ о чистоте коммунизма»^{xvii}. Допущением, что наряду с национализированной крупной промышленностью может существовать *частный сектор* из предприятий мелкой промышленности, вносилась *важная поправка* в традиционную, постоянно всеми повторяемую формулу, гласящую, что социализм требует «социализации *всех* средств и орудий производства». Констатируя огромное оживление хозяйственной жизни, принесенное быстро создавшимися новыми и восстановленными старыми мелкими промышленными предприятиями, — а в первую очередь появились хлебопекарни, — «Лига наблюдателей» (речь идет о начале 1923 г.) полагала, что их значение в экономике должно быть теперь твердо усвоено и поэтому не будет иметь места *вторичная попытка* уничтожения таких предприятий, тем более что они ничем не угрожают положению национализированной промышленности. В этой области, как и в других, убеждение нашего кружка было в дальнейшем опрокинуто. В эпоху царства Сталина все частные промышленные предприятия были уничтожены, а кустари и ремесленники насильно кооперированы, вернее сказать, *огосударствлены*.

Пятая идея. Октябрьская революция, национализируя всю землю, передала значительную часть помещичьей и частновладельческой земли в руки крестьян для ведения на них хозяйства так, как они того хотят. Но Ленин немедленно заявил, что «дележка земли хороша лишь для начала. Этого недостаточно. Выход только в общественной обработке земли. Коммуны, артельная обработка, товарищества крестьян — вот где спасение от невыгод мелкого хозяйства». «Общественная обработка земли дело в деревне самое трудное, но в то же время и самое важное, без которого освобождение трудящихся быть не может».

Чтобы организовать в сельском хозяйстве коллективные хозяйства (*колхозы*), декрет 11 июня 1918 г. образует в деревне комитеты бедноты (*комбеды*)^{xviii}. На них возложена миссия обуздать спекуляцию кулаков и вызвать к активной политической жизни те слои деревни, которые способны проводить задачи пролетарской социалистической революции. Ленин требовал, чтобы комбеды «покрыли всю страну». Их деятельности он придавал огромное значение. С образованием комитетов бедноты «мы от социализма нестроенного переходим к истинному социализму»^{xix}. Благодаря комитетам бедноты «мы перешли ту грань, которая отделяет буржуазную революцию от социалистической. Один переход всех фабрик в руки пролетарского государства не в состоянии был бы закрепить и создать основы социалистического общества, если бы в деревне мы не создали себе не общекрестьянской, а действительно пролетарской опоры... Нами теперь сделан величайший шаг к социалистической революции в деревне. Деревенская беднота, сплачиваясь со своими вождями, с городскими рабочими, дает только теперь окончательный и прочный фундамент для действительно социалистического строя. Только теперь образуются те хозяйства, которые планомерно стремятся к общественной обработке земли в крупном размере. Вот величайший переворот, который привел нас к социализму в деревне. С образованием комитетов деревенской бедноты только теперь социализм перестал быть фразой и становится живым делом». «Наша революция подошла вплотную конкретно, практически, — и в этом ее неистребимая заслуга, — к задачам осуществления социализ-

ма». «Идемте в последний и решительный бой. Бой против кулаков мы называем последним решительным боем»^{xx}.

Если комитеты бедноты привели к созданию социализма в деревне и он перестал быть фразой, тогда почему декретом 23 ноября 1918 г., т. е. через *пять* месяцев после их образования, эти строящие социализм чудесные комитеты бедноты Лениным упраздняются? Просто потому, — и мы, жившие тогда в СССР, это прекрасно знали, — комитеты бедноты строили не социализм, а, получив поддержку власти, занимались самым беззастенчивым, разбойничьим грабежом своих соседей по селу. Лично мне деятельность комитетов бедноты была *особенно хорошо известна*, так как, например, в Тамбовской губернии во главе комитетов бедноты стоял двоюродный брат моей жены, бывший помещик, превратившийся после Октябрьской революции в яростного и безумного коммуниста.

Узнав и поняв, чем в действительности были комитеты бедноты, Ленин с 1919 г. в духе свойственных ему резких импрессионистских поворотов выбрасывает свои прежние заявления и отказывается от мысли, что нужно проводить в деревне строительство колхозов:

«Вопрос о колхозах не стоит как очередной. Надо опереться на единоличного крестьянина. Он таков и в ближайшее время иным не будет, мечтать о переходе к социализму не приходится. *Крестьяне социалистами не являются*. Строить наши социалистические планы так, как если бы они были социалистами, значит строить на песке, значит не научиться проводить наши начинания в соответствии с той нищей, убогой действительностью, в которой мы находимся. Опыт коллективных хозяйств только показывает, как не надо хозяйничать. Крестьяне — мелкие хозяева, и никакие коллективы, колхозы, коммуны раньше чем через долгий и долгий ряд лет переделать этого не могут. Мелкое производство никакими декретами перевести в крупное нельзя. Нужно *постепенно* основывать социалистическое общество. Дело переработки мелкого земледельца, всей его психологии и навыков, есть дело, требующее поколений. Такое дело может исчисляться не менее чем десятилетиями. Мелкобуржуазной стихии, мелких хозяйчиков гораздо больше, чем

нас. Они сильнее, чем социалистическое хозяйственное производство. Пока мы живем в мелко-крестьянской стране, для капитализма в России есть более прочная экономическая база, чем для коммунизма».

На основании этих деклараций Ленина «Лига наблюдателей» пришла к выводу, что эксперимент с комитетами бедноты *больше уже не повторится* и хозяйственное развитие деревни не пойдет по руслу искусственной, насильственной коллективизации, в которую ее ввергали в течение 1918 г.

Приходится и в этом случае констатировать полную ошибочность прогноза «Лиги наблюдателей». Уже через пять лет (в 1928 г.) ее участники могли наблюдать явные признаки, что деревню возвращают во времена военного коммунизма, а в 1930 г. варварски и полностью коллективизируют, сгоняя в террористически и насильственно создаваемые колхозы.

Шестая идея. Новая программа, написанная Лениным и принятая VIII съездом партии в марте 1919 г., требовала:

«Неуклонно продолжать замену торговли *планомерным, организованным* в общегосударственном масштабе *распределением продуктов*. Целью является организация всего населения в единую сеть потребительных коммун, способных... распределять все необходимые продукты, строго централизуя весь распределительный аппарат»^{xxi}.

«Наша предыдущая экономическая политика, — пояснял Ленин в 1921 г., — предполагала, что произойдет *непосредственный переход от старой русской экономики к государственному производству и распределению на коммунистических началах*. Этот переход должен быть сделан «*велениями пролетарского государства*». «При оценке возможного развития мы исходили, я даже не помню исключений, из предположений, не всегда, может быть, открыто выраженных, но всегда молчаливо подразумеваемых, о непосредственном переходе к социалистическому строительству»^{xxii}. Значит, уничтожение свободной торговли, закрытие базаров, распределение продуктов по карточкам в строго централизованном порядке должно объясняться не только тем, что во время Гражданской войны, при падении производства и отсутствии товаров, карточная система была лучшим способом обеспечить население от го-

лода. К подобным мерам ведь прибегали все страны Европы во время войны. В противоположность им, Ленин и его партия видели в этой системе не временную меру, вызванную тяжелыми обстоятельствами, а нечто гораздо большее: то, что должно существовать и позднее при избытке товаров и продуктов и быть характерной и основной частью социалистического и коммунистического строя. По глубокому убеждению Ленина, внушенному главным образом Марксом, такой строй не может быть построен на товарном производстве и торговле, ибо это база капитализма. Государство должно *не торговать, а распределять* продукты и товары, Ленин не хотел допустить торговли. «Свободная торговля — это поворот назад к господству и всевластию капиталистов. Мы не хотим и не пойдем назад». При свободной торговле «капиталисты могут вернуться в Россию и стать более сильными, чем мы». Но к весне 1921 г. недовольство существующей и ничего не дающей системой распределения достигло крайней степени. Открытия базаров, свободы торговли требовали повсеместно бунтующие крестьяне, и тот же лозунг был на устах восставших матросов Кронштадта. Чувствуя, что атмосфера опасно накаляется, Ленин выбросил из багажа Октябрьской революции еще одну из ее основных идей и пошел на «свободу оборота». Мотивируя необходимость НЭПа, Ленин на X съезде партии говорил:

«Пытаться запретить совершенно всякое развитие частного, негосударственного обмена, т. е. торговли, т. е. капитализма, — было бы *глупостью* и *самоубийством* той партии, которая испробовала бы такую политику. Глупостью — ибо эта политика экономически невозможна; самоубийством, — ибо партии, пробуящие подобную политику, терпят неминуемый крах. Не того надо бояться, что мелкая буржуазия и мелкий капитал вырастут. Надо бояться того, что слишком долго продолжается состояние крайнего голода, нужды, недостатка продуктов. Конечно, свобода торговли означает рост капитализма. Из этого никак вывернуться нельзя, и кто вздумает вывертываться и отмахиваться, тот только тешит себя словами. Можно ли до известной степени восстановить свободу торговли, свободу капитализма для мелких земледельцев, не подрывая этим

корней политической власти пролетариата?—Можно, ибо вопрос в мере»¹. XXIII.

Боязнь недовольства крестьян, их восстаний против пролетарской диктатуры» толкает Ленина произнести на XI съезде партии в марте 1922 г. следующие слова:

«Гвоздь вопроса в том, чтобы мы поняли, что тот капитализм, который мы можем и должны допустить... необходим для широкого крестьянства и частного капитала, который должен торговать так, чтобы удовлетворить нужды крестьянства. Необходимо поставить дело так, чтобы обычный ход капиталистического хозяйства и капиталистического оборота был возможен, ибо *это нужно народу, без этого жить нельзя*»^{XXIV}.

Весь абзац нашего меморандума, посвященный «шестой идее», был переполнен многочисленными цитатами из речей Ленина о свободе торговли. При анализе и критике их в «Лиге наблюдателей» возник большой спор: можно ли и правильно ли, как это делал Ленин, в замене торговлей системы распределения товаров и продуктов видеть возвращение к капитализму? Этому вопросу придется касаться дальше в связи с моим письмом к Ленину.

Седьмая идея. Социализм всегда и во всех его видах (марксистском и всяком ином) считал отсутствие *денежной* системы основным признаком социалистического строя. Раз при социализме уничтожались товарное производство, товарное обращение, торговля и заменялись «планомерным распределением» продуктов и товаров, деньги становились ненужными. Они, как учили теоретики социализма, могли быть заменены простым свидетельством о числе проработанных часов, дающим право на получение соответствующего количества продуктов. В согласии с этим, составленная Лениным и, как уже сказано, принятая в марте 1919 г. программа партии указывала, что «опираясь на национализацию банков, российская коммунистическая партия стремится к проведению мер, расширяющих область безденежного расчета и подготовляющих уничтожение денег: обязательное держание денег в народном банке; введение бюд-

¹ Цитировано по памяти.

жетных книжек, замена денег чеками, краткосрочными билетами на право получения продуктов и т. п.»^{xxv}.

Придя к власти, большевизм не уничтожил денег, но, дав им презрительное название «денежные знаки», фабриковал их в таком количестве, что они потеряли всякую покупательную силу. Центры и главки, управлявшие промышленностью, вели свои операции без участия денежных знаков. Был установлен бесплатный безденежный отпуск населению продовольственных продуктов, предметов широкого потребления, отменена плата за почтово-телеграфные услуги, за жилье, топливо, коммунальные услуги. В освобожденной, как писали советские газеты, от «власти денег» стране с омертвелым и разоренным хозяйством население погибало от холода и голода (в 1921 г., по официальным данным, 3 млн душ умерло от голода) и требовало от правительства изменения его политики. Вместо «разверстки», отнимавшей у крестьян *весь их хлеб*, сырье, фураж, был введен более легкий продовольственный налог, оставлявший в распоряжении деревни некоторое количество продуктов. В начале НЭПа правительство не позволяло крестьянам продавать за деньги их излишки продовольствия, а только обменивать их на товары и только в пределах местного рынка. Продолжая неуклонно проводить политику уничтожения денег, оно допускало лишь *безденежный товарообмен*, продуктообмен, но отнюдь не торговлю, не куплю и продажу. В октябре 1921 г. Ленину пришлось сознаться: «...сейчас уже нельзя говорить о товарообмене потому, что он как поприще борьбы выбит у нас из рук. Это факт несомненный, как бы он ни был для нас неприятен. Товарообмен, как система, оказался несоответствующим действительности, которая нам преподнесла вместо *товарообмена денежное обращение*, куплю-продажу за деньги. <...> Экономическое строительство привело нас к тому, что нужно... прибегать к такой неприятной штуке, как торговля»^{xxvi}.

Допустив торговлю, денежное обращение, перевод национализированных предприятий на коммерческий расчет, Ленин, естественно, должен был сделать следующий шаг и стараться заменить абсолютно негодные денежные знаки солидной монетой. 13 ноября 1922 г. на IV конгрессе Коминтерна, указывая, что количество рублей в обращении превышает квадриллион,

он говорил, что самый важный теперь — «вопрос о стабилизации рубля. Над этим вопросом мы работаем, работают лучшие наши силы и этой задаче мы придаем решающее значение. Удастся нам на продолжительный срок, а впоследствии *навсегда* стабилизировать рубль — значит, мы выиграли. Тогда все... эти триллионы и квадриллионы ничто. Тогда мы сможем наше хозяйство поставить на твердую почву и на твердой почве дальше развивать»^{xxvii}.

Дирижировать установлением стабильной монеты был приглашен буржуа, бывший член конституционно-демократической партии Н. Н. Кутлер, и, следуя его советам, была по всем правилам «буржуазной» финансовой науки создана «крепкая» монета-червонец, покрытая на 25% золотом и иностранной устойчивой валютой, а на остальные 75% краткосрочными векселями, краткосрочными обязательствами и легко реализуемыми товарами.

Когда составлялся наш меморандум, червонец был окружен, еще тонул в «квадриллионах денежных знаков», но Н. Н. Кутлер, с которым в общении находились некоторые члены нашего кружка, нас уверил (и он оказался прав), что через полгода червонец, как твердая и солидная монета, будет играть решающую роль в денежном обращении страны. Мы без всякого колебания могли заключить, что *пресловутые идеи об уничтожении товарного обращения, торговли, уничтожении денег, которыми Ленин (в согласии с основными постулатами социализма) питал Октябрьскую революцию, потерпели полнейшее фиаско.*

Восьмая идея. Когда в январе 1918 г. собрался первый при большевизме всероссийский съезд профессиональных союзов, он, как и нужно было ожидать, провозгласил в своей декларации то, что ему внушал Ленин. А Ленин в это время еще не отошел от основной мысли своей книги «Государство и революция»: все население поголовно и по очереди должно управлять государством и хозяйством. В соответствии с указаниями Ленина, первый съезд профсоюзов объявил, что при диктатуре пролетариата профсоюзы превращаются из органов борьбы продавцов рабочей силы в аппарат правящего рабочего класса. Они должны взять на себя «организацию производства». Задачей для профсоюзов является «самое энергичное участие во

всех центрах, регулирующих производство, организация рабочего контроля, регистрация и распределение рабочей силы, организация обмена между городом и деревней, борьба с саботажем, проведение всеобщей трудовой повинности»^{xxviii}. В программе партии, принятой в 1919 г., Ленин еще более ясно определяет задачи профсоюзов:

«Организационный аппарат обобщественной промышленности должен опираться в *первую голову* на профессиональные союзы. Они должны... превращаться в крупные производственные объединения, охватывающие большинство, а постепенно и *всех поголовно* трудящихся данной отрасли производства. <...> Будучи уже, согласно законам Советской республики и установившейся практике, участниками всех местных и центральных органов управления промышленностью, профессиональные союзы должны придти к *фактическому сосредоточению в своих руках всего управления всем народным хозяйством как единым хозяйственным целым*... Профессиональные союзы должны в самых широких размерах вовлекать массы трудящихся в непосредственную работу по ведению хозяйства»^{xxix}.

Можно быть уверенным, что, когда писалась эта декларация—со всеми принятыми в партийном обращении громко звучащими революционными словами—Ленин абсолютно не отдавал себе отчета, к чему практически она может привести. Лишь позднее у него возник вопрос: если управление промышленностью целиком сосредоточивается в руках профсоюзов, что остается тогда делать органам государства и партии? И другое: управление индустрией дело сложное, требует специальных знаний, навыков, особых способностей. Может ли индустрия управляться выборными людьми, постоянно сменяемыми по воле массы, входящей в профсоюзы? В 1920 г. Ленин уже отходит от идей, с которыми делал Октябрьскую революцию: он теперь уже не утверждает, что править государством и хозяйством может всякий грамотный человек. В дискуссии и полемике о роли профсоюзов, разгоревшейся в 1920–1921 гг., он говорит:

«Разве знает каждый рабочий, как управлять государством? Практически люди знают, что это сказки... Мы даже неграмотность не ликвидировали. <...> Можете ли вы сейчас, говоря по

совести, сказать, что профсоюзы способны выставить пригодных управляющих? Всякого сколько-нибудь способного администратора из рабочих мы ищем и рады взять. Мы изнемогаем от недостатка сил, малейшую помощь сколько-нибудь дельного человека, а из рабочих втрое, мы берем обеими руками. Но у нас таковых нет»^{xxx}.

Более чем критическое отношение к управлению промышленностью широкими массовыми организациями и начавшееся знакомство с тем, как в действительности управляются и ведутся хозяйственные предприятия, приводит Ленина к убеждению, что нужно отказаться от выбора администраторов профсоюзами и коллегиального управления хозяйственными предприятиями. Принцип выбора управляющих индустрией должен быть заменен «принципом подбора на основе практического стажа, технической компетентности, твердости, организаторской способности и деловитости». «Весь синдикалистский вздор нужно бросить в корзину для ненужной бумаги»^{xxxi}. В январе 1922 г., уже полностью расставаясь с идеями, защищавшимися в 1919 г., Ленин составил постановление, определяющее роль союзов в условиях новой экономической политики.

«Самым коренным интересом пролетариата после завоевания им госвласти является увеличение количества продуктов, повышение в громадных размерах производительных сил общества. <...> Быстрейший и возможно более прочный успех в восстановлении крупной промышленности... требует безусловно, в современной российской обстановке, *сосредоточения всей полноты власти в руках заводоуправлений*. Эти управления, составленные по общему правилу на началах *единоличия*, должны самостоятельно вести установлением размеров зарплаты... пайков... всяческого иного снабжения на основе и в пределах заключенных с профсоюзами коллективных договоров. *Всякое непосредственное вмешательство профсоюзов в управление предприятиями должно быть признано вредным и недопустимым*»^{xxxii}.

Произошел явный поворот на 180 градусов! От коллегиального управления предприятий людьми, выбранными профсоюзами, — к единоличной власти на предприятиях. От переда-

чи всего хозяйства в руки профсоюзов — к признанию такого акта недопустимым и вредным. Профсоюзы могли вмешиваться в производство только на первых порах революции, когда нужно было действовать тараном, выгонять силою прежнюю администрацию, пробовать как-то ее заменить. Тогда для разжигания энергии рабочих можно и нужно было говорить о передаче в их руки всего управления индустрией. Но как только «мавр» сделал предназначенную ему черную работу, роль его окончена. Параллельно этому процессу шла и метаморфоза понятия диктатуры пролетариата. Сначала под нею понимается акция, действие революционных миллионов, напор бедноты, творческая воля массы пролетариев, поголовно организующихся в союзы. Изгоняя буржуазию и помещиков, они управляют государством, и это для них якобы выполнимая задача, так как (по Ленину) государственные функции столь упростились, что могут выполняться всеми грамотными людьми. Однако наступает момент, когда даже самый тупой человек понимает бессмысленность мысли об управлении государством и индустрией миллионами еле грамотных людей, даже если они «поголовно» организованы в союзы. И тогда Ленин объявляет: «При переходе к социализму неизбежна диктатура пролетариата, но она через поголовную организацию рабочих не осуществляется. Партия вбирает в себя авангард пролетариата, и этот авангард осуществляет диктатуру пролетариата».

Нужно было два с половиной года экспериментов Советской власти, чтоб уточнить понятие диктатуры пролетариата. «Мы,— говорил Ленин в 1921 г. на X съезде партии,— после двух с половиной лет Советской власти перед всем миром выступили и сказали в Коммунистическом Интернационале, что *диктатура пролетариата невозможна иначе, как через коммунистическую партию*. И нас тогда бешено ругали анархисты и синдикалисты, которые говорили: „Вот как они думают“. <...> Но мы это сказали перед всем Коммунистическим Интернационалом»^{xxxiii}.

Отрицая за профсоюзами право вмешиваться в производство и право мыслить себя органами, выражающими диктатуру пролетариата, какую роль намечал им Ленин при НЭПе? Написанная Лениным и принятая XI съездом партии в марте-

апреле 1922 г. резолюция на это отвечает: профсоюзы *отнюдь* не органы государства и государственного принуждения, это «организации воспитательные». Нужно отказаться от *принудительного* зачисления в союзы «поголовно всех лиц наемного труда», нужно «со всей решительностью осуществить добровольное членство», «никоим образом» не требовать от членов профсоюзов определенных политических взглядов». «В этом смысле, как и в вопросе об отношении к религии, профсоюзы должны быть *беспартийны*». «От членов профсоюзов следует требовать лишь понимание товарищеской дисциплины и необходимости единения рабочих сил для отстаивания интересов трудящихся и помощи (по отношению к власти трудящихся, т. е. Сов. власти)». (Приводимая в скобках фраза до невозможности корява.—Н. В.) «Пролетарское государство должно поощрять профессиональное объединение рабочих в отношении как правовом, так и материальном. Но никаких прав не должно быть у профсоюзов без обязанностей»^{xxxiv}.

Нашему кружку стало известно, что Стеклов, редактор «Известий» ЦИК, встретясь с Лениным, указал, что в его формулировке роли и положения советских профсоюзов есть черты, сближающие их с реформистскими европейскими профсоюзами (добровольность, аполитичность и т. д.)

«Страшного в том не вижу,—ответил Ленин.—Пустить немного европейского духа в нашу Азию не так уже плохо».

Находя, что постановлением XI съезда советские профсоюзы как будто действительно ставятся в положение, напоминающее европейские профсоюзы, некоторые члены «Лиги наблюдателей» полагали, что в *недрах советского государства в лице этих профсоюзов может появиться сила*, способная умерять насилие диктатуры партии и прививать советскому строю черты европейских демократических государств. Недостатком оптимизма наш кружок не страдал.

Девятая идея. Мысль о мировой революции, опрокидывающей повсюду капитализм, была родственна Ленину более, чем кому-либо из других вождей и представителей международного социализма. Он был убежден, что войну 1914–1918 гг. нужно и должно окончить мировой пролетарской революцией. Поэтому он резко и навсегда разошелся с социалистами Европы,

клея их за то, что вместо восстания против войны и превращения ее в Гражданскую войну они стали «социал-патриотами» и защищали свое отечество. Его жажда пролетарской революции в нескольких передовых странах разжигалась уверенностью, что *только* при этом условии может оказаться победоносной и Октябрьская революция. Без этого она погибнет. Существование Советской республики, говорил он в 1919 г., рядом с империалистическими государствами продолжительное время *немыслимо*. В конце концов, либо одно, либо другое победит. «Пока остались капитализм и социализм, мы мирно жить не можем: либо по Советской республике будут петь панихиду, либо по мировому капитализму». Ленин верил, что Октябрьская революция, прелюдия к мировой революции, лишь часть ее. С особенной силой он это подчеркивал в речах 1918–1919 гг.:

«От побед Октябрьской революции до побед международной социалистической революции не может быть грани. Взрывы в других странах должны начаться».

«Русская революция — только пример, только первый шаг... всем странам неизбежно предстоит проделать то, что проделала Россия».

«На долю страны отсталой выпала честь идти во главе великого мирового движения».

«Никогда мы не были так близки к мировой революции, никогда не было так очевидно, что русский пролетариат установил свое могущество, и ясно, что за нами пойдут миллионы и десятки миллионов мирового пролетариата».

«У нас есть всемирная основа».

«Интересы мирового социализма выше интересов национальных, выше интересов Государства».

«Если ты социалист, так ты должен все свои патриотические чувства принести в жертву во имя международной революции, которая придет, которой еще нет, но в которую ты *должен верить*, если ты интернационалист».

В октябре 1918 г. он писал Свердлову:

«Международная революция приблизилась за неделю на такое расстояние, что с нею надо считаться как с событием дней ближайших. Все умрем, чтобы помочь немецким рабочим. Вде-

сятеро больше усилия на добычу хлеба для нас и немецких рабочих. Армия в три миллиона должна быть у нас к весне для помощи международной рабочей революции».

Революции действительно произошли в Германии, Баварии, Италии, Венгрии, и все кончилось совсем не так, как думал и хотел Ленин. Мало-помалу теряя веру в близость мировой революции, он в 1921 г. заявляет, что «мы были бы просто сумасшедшими, если бы сделали предположение», что к нам из Европы в короткий срок «помощь придет в виде прочной пролетарской революции». Ленин стал с раздражением относиться к тем, кто «возводит революцию в нечто почти божественное», не понимая, что от революционных методов и ставки на революцию нужно в соответствующий момент переходить к осторожной реформистской политике. «Революционеры погибнут, если потеряют трезвость и вздумают, будто «великая, победоносная мировая революция» обязательно — все и всякие задачи, при всяких обстоятельствах, во всех областях действия — может и должна решить по-революционному. Кто «вздумает» такую вещь, тот погиб, ибо вздумал глупость в коренном вопросе»¹.

В последний период жизни Ленина его отношение к мировой революции с наибольшей ясностью и определенностью выражено в речи на IX Всероссийском съезде Советов (декабрь 1921 г.):

«Первой заповедью нашей политики... это... помнить, что мы окружены людьми, классами, правительствами, которые открыто выражают величайшую ненависть к нам. Надо помнить, что от всякого нашествия мы *всегда на волоске*. Мы все сделаем, что только в наших силах, чтобы это бедствие предупредить. Мы испытали такую тяжесть империалистической войны, какую едва ли испытал на себе какой-нибудь другой народ. Мы испытали после этого тяжесть гражданской войны... Мы знаем, мы слишком хорошо знаем, какие неслыханные бедствия для рабочих и крестьян несет с собой война. Поэтому мы должны самым осторожным и осмотрительным образом относиться к этому вопросу. Мы идем на самые большие уступки и жерт-

¹ Цитировано по памяти.

вы, идем, лишь бы сохранить мир, который был нами куплен такой дорогой ценою»^{xxxv}.

К этому он добавлял: «наши усилия теперь направлены на то, чтобы добиться перехода от отношений войны с капиталистическими странами к отношениям *мирным и торговым*».

Переходу к торговле с внешним капиталистическим миром Ленин придавал такое значение, что, когда, например, был заключен мир с карликовой страной Эстонией, Ленин, не отдавая себе отчета в комичности того, что пишет, разразился следующими победными восклицаниями:

«Мир с Эстонией заключен! Мы пробили окно в Европу! Это *неслыханная* победа над всемирным империализмом (Sic!). Капиталисты нам мешали заключить мир с Эстонией. Мы их победили. Это первый мир, за которым последуют другие, открывающие нам возможность товарообмена с Европой и Америкой»^{xxxvi}.

Ленин никогда не замыкал свой горизонт пределами России. Ее задачи всегда мыслились им в связи с международным положением и мировым революционным движением. Редкая речь его не касалась внешней политики. Собирая и анализируя ленинские заявления в этой области, наш кружок констатировал, что в течение пяти лет произошло огромное изменение взглядов Ленина, находящееся, конечно, в зависимости от сознания слабости России. От разжигания мировой революции, от ставки на нее, от призывов не бояться Гражданской войны, от желания нести международной революции помощь Красной Армии — Ленин от всего этого ушел, став защитником сохранения мира хотя бы ценою самых больших уступок. Так *мы думали*, и отсюда наш кружок делал крайне оптимистический вывод, что в течение очень многих лет Советское правительство будет без всяких авантур вести миролюбивую, разумную, осторожную внешнюю политику. Уверенность подкреплялась еще и тем, что мы все (за исключением Кассандры) полагали что Европа, пережившая тяжкую войну, даже при скованности некоторых ее стран договорами «версальского» типа, пойдет дорогой мирного развития. В ней не следовало ждать где-либо больших революций, способных вызвать изменение в осторожной, без авантур, внешней политике России.

Насколько мог точно, но с очень большими сокращениями (не менее чем на 15–18 страниц) я изложил меморандум кружка меньшевиков, его специфический дух, его иллюзии и надежды. Восстановить этот документ было нелегкой задачей, нужно было заставить себя быть в «том времени», *отделиться от знания того*, что потом произошло и убило существовавшие в 1923 г. надежды. Попробуем теперь резюмировать выводы, которые «Лига наблюдателей» делала из своего обзора «судьбы идей Октябрьской революции». Ленин был мозгом революции, он думал за нее, она жила только его идеями и мыслями, и поскольку он отходил от своих прежних идей, нужно было полагать, надеяться, что, следуя за ним, от них уйдет и вся революция. Идеи Октября, как фата-моргана, вели страну по ложной дороге, в ложную сторону. В их основе, по мнению «Лиги наблюдателей», лежала не жизнь действительная, а искаженная политическими иллюзиями, надуманными отвлеченными экономическими представлениями. Если с горизонта страны удалялись эти влекущие ее ложные идеи, тогда появлялась совершенно обоснованная надежда, что страна пойдет уже по другой и на этот раз уже правильной, разумной дороге. Вот почему все члены «Лиги наблюдателей» были настроены *крайне оптимистично*, за исключением того участника кружка, которого я назвал Кассандрой, абсолютно не верившего, что власть идет и может идти в русле какой-либо разумной эволюции.

Говоря, что наш кружок откидывал «идеи Октября», настойчиво подчеркну, что отметался особый сорт идей, очерченный выше, тот специфический комплекс, в который входила идея о диктатуре пролетариата, мысли о скачке в идеальное бесклассовое социалистическое общество, об управлении государством «всем поголовно и по очереди» и прочие тому подобные, на наш взгляд, вредные или нелепые постулаты. Но если бы кто-нибудь сказал, что совсем не это было кардинальнейшей идеей Октябрьской революции, а максимально возможное преобразование, улучшение жизни, быта рабочих и крестьян, то такую цель, такую идею «Лига наблюдателей», конечно, *не отвергала*. Вопрос о благосостоянии всего населения, а не только одного пролетариата был всегда в центре нашего мировоззрения. Этот социалистический постулат настолько внедрился,

въялся в наше мировоззрение, что его никогда не приходилось подвергать сомнению или о нем спорить. Нам не нужно было делать на этот счет громогласных деклараций. Это само собой разумелось. Не в этом был вопрос, а как этого достигнуть? А на это мы единогласно отвечали: только *не* с помощью специфических идей Октября. Добавлю: происшедший, на наш взгляд, разгром этих идей Октября совсем не вызвал ни падения, ни разложения Советской власти. С окончанием Гражданской войны, исчезновением иностранной интервенции, переходом к НЭПу эта власть стала много сильнее, чем когда-либо до этого. *Никакой другой власти не было и не предвиделось*. В падение ее «Лига наблюдателей» не верила. Считая своим «патриотическим» долгом содействовать скорейшему восстановлению хозяйства и нормальной жизни, считая аксиомой, что только при этом условии может создаться благосостояние населения, «Лига наблюдателей» заключала, что для этого у интеллигенции, не желающей быть вне жизни, нет другого пути, как только честно и добросовестно работать вместе с Советской властью. А это представлялось тогда тем более возможным, что власть, уйдя от идей 1917–1920 гг., принуждалась, по нашему убеждению, *стать иной*. Это значило, что отныне интеллигенция могла бы работать по совести, а не из-за страха, и не под палкой, как было до этого. Конечно, существующая Советская власть совсем не была таковой, о которой мечтала всегда *демократическая интеллигенция*, но только она одна существовала, и с этим фактом нужно было считаться.

Проповедуемый нашим кружком наклон в сторону Советской власти, разумеется, резко расходился с политическими установками и взглядами эмиграции, ставившей ставку на падение Советской власти и на всякие подтачивающие ее кризисы. Меншевики из «Лиги наблюдателей» смотрели на положение дел и на свои задачи совсем не так, как меньшевики «Социалистического Вестника», издававшегося в Берлине. Веруя в возможную здоровую эволюцию Советской власти и стремясь в этом ей всемерно содействовать, «Лига наблюдателей» надеялась, что «контакт власти» с демократической и социалистической интеллигенцией, работающей в советском хозяйстве, будет в некоей степени благоприятно влиять на психику

членов коммунистической власти, способствовать их демократизации, отходу от постоянного грубого провозглашения «диктатуры, партии». Как выразился один член нашего кружка, *«мы заразим их, большевиков, нашей культурностью»*.

Ленин, как известно, ненавидел меньшевиков. Этой ненавистью дышат все его сочинения. Меньшевиков он считал нужным держать в тюрьме, а при случае и не стесняться расстреливать (таких случаев, впрочем, кажется, не было). «Мы,— писал Ленин,— никогда не ожидали, что вы, меньшевики, станете коммунистами, в вашей дряблости мы никогда не сомневались, но что вы нам нужны, этого мы не отрицаем, потому что вы *культурный элемент*». Отбрасывая и преследуя меньшевиков, именно как политических деятелей, Ленин совсем иначе на них смотрел, когда, работая в советском аппарате и хозяйстве, они выступали в качестве специалистов, полезных и нужных, знающих работников. Тогда отношение к ним Ленина немедленно менялось, и они подлежали тому особому благожелательному уходу, которое к специалистам вообще проявлял Ленин три последних года своей жизни.

«Если,— писал Ленин,— все наши руководящие учреждения, т. е. компартия и Соввласть, и профсоюзы не достигнут того, чтобы мы *как зеницу ока* берегли всякого спеца, работающего добросовестно, с знанием своего дела и с любовью к нему, хотя бы совершенно *чуждого коммунизму идейно*, то ни о каких серьезных успехах в деле социалистического строительства не может быть и речи. Мы еще не скоро сможем осуществить, но во что бы то ни стало должны осуществить то, чтобы спецам, как особой социальной прослойке, которая останется особой прослойкой впредь до достижения самой высокой ступени развития коммунистического общества, жилось лучше при социализме, чем при капитализме в отношении и материальном, и правовом, и в деле товарищеского сотрудничества с рабочими и крестьянами, и в отношении идейном, т. е. в отношении удовлетворения своей работой и сознания ее общественной пользы при независимости от корыстных интересов класса капиталистов»^{xxxvii}.

Резолюция с призывом «беречь спецов», написанная Лениным и принятая по его настоянию в апреле 1922 г. XI партий-

ным съездом, появившись, когда наш кружок еще не начинал собираться, произвела на будущих участников «Лиги наблюдателей» большое впечатление и несомненно (я это подчеркиваю) усиливала психологию, которая, по ряду других идейных мотивов, уже склонялась к контакту, к тесной работе с Советской властью. Здесь будет кстати рассказать, что повлияло на Ленина при составлении его декларации. Об этом я слышал от М. К. Владимирова, заместителя председателя ВСНХ.

Ленин однажды в крайне грубой форме заявил и где-то написал, что есть простейшее средство иметь специалистов на стороне коммунистической власти и заставить их хорошо работать: «Для этого нужно *только* им хорошо платить. Больше ничего не требуется. *Купить* за деньги можно любого специалиста, их всегда покупали капиталисты, и к этой купле их они цинично привыкли».

По этому поводу один из специалистов, Дукельский, профессор Воронежского сельскохозяйственного института, прислал Ленину полное возмущения письмо:

«Если вы хотите, — писал он, — использовать специалистов, то не покупайте их, а научитесь уважать их как людей, а не как нужный вам до поры до времени живой и мертвый инвентарь. Неужели вы не понимаете, что ни один честный специалист не может, если в нем сохранилась хоть капля уважения к самому себе, пойти работать ради того животного благополучия, которое вы собираетесь ему обеспечить. Из среды людей, которых вы огульно окрестили буржуями, контрреволюционерами, саботажниками, потому что они подход к будущему строю мыслят себе иначе, чем вы и ваши ученики, вы не купите ни одного человека той ценой, о которой вы мечтаете. Специалисты, которые ради сохранения шкуры пойдут к вам, пользы стране не принесут. Специалист не машина, его нельзя просто завести и пустить в ход. Без вдохновения, без внутреннего огня, без потребности творчества ни один специалист не даст ничего, как бы дорого его ни оплачивали»^{xxxviii}.

Письмо Дукельского (я привожу лишь часть его) с большим критическим примечанием Ленин поместил в «Правде» (№ 67, от 28 марта 1919 г.). Доказательство, что это письмо произвело на него большое впечатление, — тот факт, что он вызвал в Мо-

скву Дукельского, и в Кремле, но не в своем кабинете председателя Совнаркома, а у себя на квартире, имел с ним двухчасовой разговор. Прощаясь с Дукельским, Ленин заявил:

«В очень резкой форме вы указали на большую политическую и психологическую ошибку, нетактичность, которую я сделал. За это вас благодарю. Могу вам обещать, что такую ошибку больше не повторю, к столь большому и важному вопросу, как вопрос о специалистах буду подходить так, что все добросовестно работающие с нами, коммунистами, Дукельские не будут иметь повода жаловаться и нами возмущаться»^{xxxix}.

Я сказал, что составленный нашим кружком меморандум «Судьба основных идей Октябрьской революции» был переписан на пишущей машинке и занял 38 страниц. Переписывал его тот участник кружка, которого я называл Кассандрой. У него он и хранился. Получил ли он какое-нибудь распространение, вышел ли он из пределов нашего кружка, на то никакого ответа дать не могу. Меня это не интересовало, ведь доклад составлялся не для распространения (что было бы и опасно), а главным образом чтобы записать, ясно зафиксировать мысли и выводы, к которым мы пришли после оживленных собраний, для всех нас интересных обменов мнений и обсуждений. Были ли еще другие кружки, подобные нашему? Кажется, были — один эсеровский, другой кадетский. Важно то, что, без всяких коллективных обсуждений, без образования каких-либо кружков, значительная часть интеллигенции в 1921 и 1922 гг. пришла если не к столь продуманной, как в «Лиге наблюдателей», концепции, то к тем же *настройкам*, к тем же *практическим выводам*. В советском аппарате и советском хозяйстве работали десятки тысяч всяких специалистов всех категорий квалифицированной интеллигенции. Часть их, наиболее буржуазная, приняла НЭП главным образом, а иногда единственно потому, что с ней кончалась тяжкая полоса холода и голода при ничего не дававшей карточной системе. Но другая часть, о численности которой я, конечно, не могу дать никаких данных, смотрела на вещи много шире. В НЭПе она видела не одну только «отмену» ненавистной карточной системы, а отмену системы идей, сковывающих и убивающих жизнь.

ПРИЛОЖЕНИЕ: УЧАСТНИКИ «ЛИГИ НАБЛЮДАТЕЛЕЙ»^{XL}

1. В. Г. Громан. Экономист-статистик. Активнейший член президиума Госплана.
2. Проф. Л. Б. Кафенгауз. Начальник статистического отдела ВСНХ СССР. При Временном правительстве — товарищ министра торговли и промышленности.
3. Н. В. Валентинов-Вольский (он же Юрьевский). Фактический редактор органа ВСНХ «Торгово-промышленная газета».
4. П. Н. Малянтович. Выдающийся московский адвокат. Министр юстиции Временного правительства.
5. Э. Л. Смирнов (Гуревич). В моей рукописи назван «Юристом». Старый литератор, знаток европейской политики. Влиятельный сотрудник Института Маркса — Энгельса.
6. В. А. Левитский. Очень известный в Москве врач-общественник, специалист по гигиене труда. Председатель московского губернского исполнительного комитета до Октябрьской революции.
7. Вл. Ник. Малянтович — брат П. Н. Известный московский адвокат. Постоянный защитник политических в царское время, защитник подсудимых в советское время, в частности — обвиненных в шахтинском процессе.
8. Мария Викторовна Малянтович — его жена. Давняя участница революционного и общественного движения. Это ее я называю «Кассандрой».
9. Проф. Букшпан. Экономист. Не всегда присутствовал на собраниях кружка.

За исключением Букшпана и д-ра Левитского, все остальные лица прежде принадлежали к меньшевистской партии или таковыми себя считали. В. Г. Громан был главным обвиняемым в меньшевистском процессе 1931 г. Приговорен к 10 годам тюрьмы^{XLI}. Мне — его старому другу — абсолютно непонятно, как мог он дойти до унижительного и лживого покаяния на этом процессе. Все-таки он на суде ни слова не произнес о «Лиге наблюдателей». Проф. Кафенгауз был сослан куда-то в Среднюю Азию. Неизвестно, жив ли он^{XLII}. П. Н. Малянтович — по слухам — расстрелян в эпоху кровавых чисток 1937–1938 гг.^{XLIII}. Смирнов (Гуревич) умер,

и будто бы умер и Левитский^{XLIV}. Остальные лица, может быть, еще живы^{XLV}. Из страха им повредить, пока ни в коем случае нельзя оглашать состав «Лиги наблюдателей».

23 июля 1956 г.

Н. В.

- I Опубликовано: *Валентинов Н.* Новая экономическая политика и кризис партии после смерти Ленина: Годы работы в ВСНХ во время НЭПа. Стэнфорд, [1971]. Печатается по: *Валентинов Н.* Новая экономическая политика и кризис партии после смерти Ленина: Годы работы в ВСНХ во время НЭП. Воспоминания. М.: Современник, 1991. С. 30–60. В этом издании указывается, что цитаты из В.И. Ленина были даны по 5-му изданию собрания сочинений. На самом деле они были даны по 3-му изданию. В данной книге цитаты Ленина действительно приведены по 5-му изданию. Однако в некоторых случаях Валентинов приводит высказывания Ленина по памяти, поэтому точных ссылок на опубликованное собрание сочинений Ленина нет. Примечания первого редактора относятся к изданию 1971 г.
- II Опасение Валентинова огласить имена членов «Лиги наблюдателей» относится к 1956 г., когда он писал свои воспоминания. Когда прошло 14 лет, вдова Валентинова решила (в феврале 1970 г.), что опасность миновала, что «наверное, никого из них нет в живых». По этой причине было решено огласить имена членов этого кружка в виде приложения к концу книги. — *Прим. первого ред.* [Это приложение приведено в нашем издании. — *Прим. науч. ред.*]
- III Ленин В.И. Империализм как высшая стадия развития капитализма // Полн. собр. соч.: В 55 т. 5-е изд. Т. 34. М.: Политиздат, 1969. С. 192.
- IV Там же. С. 191.
- V Цитировано по памяти. — *Прим. первого ред.*
- VI Там же. С. 161–162, 307.
- VII Лансировать — распространять (*устар.*).
- VIII Там же. С. 313.
- IX Там же. С. 315–316.
- X Ленин В.И. Государство и революция // Полн. собр. соч.: В 55 т. 5-е изд. Т. 33. М.: Политиздат, 1969. С. 44.
- XI Там же.
- XII Там же. С. 50.
- XIII Там же. С. 101.
- XIV Там же. С. 116.
- XV См. приложение к этой главе, пункт 8.
- XVI X съезд РКП (б) 8–16 марта 1921 г. // Ленин В.И. Полн. собр. соч.: В 55 т. Т. 43. 5-е изд. М.: Политиздат, 1969. С. 63–64.
- XVII Там же. С. 233.
- XVIII Собрание узаконений и распоряжений правительства. 1918. № 43. С. 522–524.

- xix Объединенное заседание ВЦИК, Московского Совета, фабрично-заводских комитетов и профессиональных союзов 22 октября 1918 г.// Ленин В.И. Полн. собр. соч.: В 55 т. 5-е изд. М.: Политиздат, 1969. Т. 37. С. 124.
- xx Цитировано по памяти.—*Прим. первого ред.*
- xxi Восьмой съезд РКП (б). Март 1919 года. Протоколы. М.: Госполитиздат, 1959. С. 407.
- xxii VII московская губпартконференция 29–31 октября 1921 г.// Ленин В.И. Полн. собр. соч.: В 55 т. 5-е изд. Т. 44. М.: Политиздат, 1970. С. 197.
- xxiii Это достаточно близкое изложение речи Ленина на X съезде партии. См., в частности: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 43. С. 61–62.
- xxiv XI съезд РКП(б) 27 марта—2 апреля 1922 г.// Ленин В.И. Полн. собр. соч.: В 55 т. 5-е изд. Т. 45. М.: Политиздат, 1970. С. 85–86.
- xxv Восьмой съезд РКП (б). Март 1919 года. Протоколы. М.: Госполитиздат, 1959. С. 408.
- xxvi VII московская губпартконференция 29–31 октября 1921 г.// Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 214, 217.
- xxvii IV конгресс Коммунистического Интернационала 5 ноября—5 декабря 1922 гг.// Ленин В.И. Полн. собр. соч.: В 55 т. 5-е изд. Т. 45. М.: Политиздат, 1970. С. 283.
- xxviii Первый всероссийский съезд профессиональных союзов. Москва, 1918. С. 120. Курсив автора.
- xxix Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 38. С. 97, 435.
- xxx II Всероссийский съезд горнорабочих 25 января—2 февраля 1921 г.// Ленин В.И. Полн. собр. соч.: В 55 т. 5-е изд. Т. 42. М.: Политиздат, 1970. С. 253, 257. Последние три предложения, очевидно, цитированы по памяти.—*Прим. первого ред.*
- xxxi Там же. С. 254.
- xxxii Ленин В.И. Проект тезисов о роли и задачах профсоюзов в условиях новой экономической политики// Полн. собр. соч.: В 55 т. 5-е изд. Т. 44. М.: Политиздат, 1970. С. 345–346.
- xxxiii X съезд РКП (б) 8–16 марта 1921 г.// Ленин В.И. Полн. собр. соч.: В 55 т. 5-е изд. Т. 43. М.: Политиздат, 1970. С. 42.
- xxxiv Ленин В.И. Проект тезисов о роли и задачах профсоюзов в условиях новой экономической политики// Полн. собр. соч.: В 55 т. 5-е изд. Т. 44. М.: Политиздат, 1970. С. 345.
- xxxv IX Всероссийский съезд Советов 23–28 декабря 1921 г.// Ленин В.И. Полн. собр. соч.: В 55 т. 5-е изд. Т. 44. М.: Политиздат, 1970. С. 295–296.
- xxxvi См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч.: В 55 т. 5-е изд. Т. 44. М.: Политиздат, 1970. С. 109, 123. [Слов «неслыханная победа» в тексте нет.—*Прим. науч. ред.*]
- xxxvii Ленин В.И. Проект тезисов о роли и задачах профсоюзов в условиях новой экономической политики// Полн. собр. соч.: В 55 т. 5-е изд. Т. 44. М.: Политиздат, 1970. С. 351. Первое предложение этой цитаты отсутствует в той части резолюции XI съезда ВКП(б), которую цитирует автор. Однако идея, выраженная в этом предложении, безусловно ленинская идея.—*Прим. первого ред.*
- xxxviii Это не дословная цитата из письма Дукельского. Однако автор правильно передал смысл и дух этого письма, так что даже не в дослов-

ной передаче оно не лишено исторического интереса.— *Прим. первого ред.*

XXXIX Источник этой цитаты автором не указан.— *Прим. первого ред.*

XL Список приведен по изданию: *Валентинов Н.* (Н. Вольский). Новая экономическая политика и кризис партии после смерти Ленина. Stanford: Hoover Institution Press, 1971. С. 255–256.

XLI В. Г. Громан умер в 1940 г. в Суздальском изоляторе.

XLII Л. Б. Кафенгауз умер в 1940 г. в Москве.

XLIII П. Н. Малянтович расстрелян в 1940 г.

XLIV В. А. Левицкий умер в 1936 г. в Крыму.

XLV Я. М. Букшпан расстрелян в 1939 г.

П. А. Сорокин

Россия после НЭПа (к пятилетнему юбилею октябрьской революции)¹

§ 1

В пятилетний период, прошедший с начала революции, можно отметить три основные стадии. Первым этапом является стадия анархии — стихийного разрушения всех основ старого общества. В этом периоде доминировал «дух разрушающий над духом созидающим». Падали основы государственной организации, рушились правовые устои, институт собственности, центробежные силы разрывали единство государства и целостность общества (классовые, национальные и групповые сепаратизмы), историческая сцена занята была стихийными движениями бунтующего своеволия масс. Попытки организации нового порядка не имели успеха. Они тонули в общей анархии. Кристаллизация нового общества еще не выявилась.

На смену этой стадии пришла стадия деспотического коммунизма или коммунистического деспотизма. Диктатура коммунистов, поддерживая анархию, с одной стороны, с другой пытается ввести бунтующую стихию в определенное русло, придать ей определенные формы и создать на развалинах старого общества новый коммунистический строй.

На общество надевается смирительная рубашка, его берут в «железо», «огнем и мечом» пытаются ограничить своеволие всех и каждого и заставляют стихию течь, в определенных берегах. Так как г[оспода] диктаторы пытались не только укротить своеволие, но пытались насадить порядок, абсолютно противоречащий всем основным импульсам и инстинктам человека, так как в этом деле они обнаружили величайшее невежество, величайшую слепоту вместе с упорным фанатизмом и глубокой извращенностью, то «смирительная рубашка», на-

детая ими на Россию и русский народ, не столько успокоила возбуждение безумия, сколько задушила самый организм большого общества и привела его к полному развалу. Миллионы убитых, десятки миллионов искалеченных, развал всего народного хозяйства, разрушение духовной жизни, огромная криминализация России, голод, болезни и смерть, смерть и смерть — таковы были плоды «коммунизма». Конкретные результаты этой политики насаждения коммунизма известны. Они довольно и точно описаны в ряде работ. Повторять здесь сказанное в этих работах нет надобности. Интересующегося читателя отсылаю к этим трудам. В данной же статье я кратко коснусь лишь тех изменений, которые произошли в России со времени прекращения Гражданской войны и введения НЭПа (новой экономической политики), т. е. примерно за 1921 и 1922 гг. НЭП один из столбов, указывающих переход революции в третью стадию. Он означает ликвидацию коммунизма и переход к воссозданию России на «новых», т. е. старых капиталистических началах. НЭП знаменует полное банкротство коммунизма и превращение коммунистической власти в простую неограниченную тиранию авантюристов истории. НЭП, наконец, служит симптомом, говорящим, что русский народ переварил не только стадию анархии, но и стадию коммунизма.

История, поистине, сыграла злую шутку с коммунистами. Она заставила их собственными руками вводить снова капитализм, так усердно разрушавшийся ими. И они увидели, наконец, что коммунизм привел к полному развалу всей хозяйственной жизни, и им стало понятно, что коммунистическая система не в состоянии возродить хозяйство, и что без капитализма нет спасения. Казалось бы, отсюда можно сделать только один вывод, гласящий: раз коммунисты принуждены вводить капитализм для возрождения хозяйства, разрушенного коммунизмом, то, очевидно, капиталистическая система есть система созидательная, обогащающая, коммунистическая — разрушительная, разоряющая, что первая выше, совершеннее, чем вторая. Но... фанатикам законы логики не писаны. Введя «НЭП», г[оспода] коммунисты продолжали упираться и стали бормотать о «передышке». «НЭП» — «капитализм» — это передышка, она нужна для воссоздания хозяйства. «Когда оно будет вос-

становлено — мы снова перейдем к коммунизму», так говорили они. Поистине, архистранная логика и политика? На обычном языке она гласит: «для восстановления хозяйства нужен капитализм, и мы его вводим. Когда хозяйство возродится — мы введением коммунизма снова разрушим его. По достижении полного развала для восстановления снова введем капитализм, как передышку. По восстановлении снова заменим его коммунизмом, т. е. разрушением; потом опять будет капитализм, за ним — опять коммунизм» и т. д. — такова сказка про белого бычка, логически вытекающая из аргументации г[оспод] коммунистов. Почему такой ход истории благодетелен и почему коммунизм, как разрушительная система, выше капитализма и должен быть непременно введен, как только хозяйство наладится, — простому смертному не понять. Но «коммунистические антропоиды» с их логикой примитивного человека это «понимают», проповедают и, вводя под напором необходимости одной рукой «НЭП», другой обуздывают его и сводят «на нет». В результате такого «упирательства» на месте погибшего коммунизма оказался введенным не настоящий капитализм, а хозяйственно-социальный строй, представляющий смесь всех отрицательных сторон капитализма (спекуляция, хищничество, шакализм, контрасты голода и роскоши и т. п.), без его положительных организационно-производственных функций, и всех отрицательных сторон деспотического коммунизма (тирания, опека, бесправность, подавление стимулов к инициативе, труду и т. д.), без его положительных (уничтожение неравенства эксплуатации и т. д.). Этому «монстру» было дано громкое название «государственного капитализма» — якобы высшей формы капиталистического режима. Между тем система «государственного капитализма» является самой древней и наихудшей формой капитализма, а не наилучшей и наиновейшей. Но наши «антропоиды» «учились понемногу, чему-нибудь да как-нибудь», а потому какое им дело до фактов?

Мы могли бы спокойно предоставить им полную свободу проявлять свое коммунистическое невежество, если бы... за него не приходилось платить миллионам людей своей жизнью. Этот факт меняет дело и заставляет всех и каждого напрягать усилия к скорейшей ликвидации установившегося после ком-

мунизма строя, который воплощает в себе все недостатки капитализма без его достоинств и все минусы царизма без его плюсов.

Этот строй, существующий со времени «НЭПа», несколько лучше коммунистического строя. Но он остается по-прежнему бесконечно худшим, чем строй частнокапиталистический.

Мудрено ли поэтому, что, дав некоторый простор индивидуальному почину и интересу, придушенный коммунизмом, он вызвал некоторое оживление в торговле и мелком производстве, сыграл роль свежего воздуха, вдыхаемого задыхающимся человеком. Но так как порция этого воздуха оказывается совершенно ничтожной, так как рядом с ним больную Россию по-прежнему угощают солидными дозами коммунистического яда, то о серьезном оздоровлении при таких условиях не может быть и речи, впредь до введения подлинного капитализма со всеми его социально-правовыми и политическими предпосылками.

Сказанное подтверждает нижеследующий краткий обзор основных изменений в жизни России и русского народа за период «НЭПа».

§ 2. СОСТОЯНИЕ И ЕСТЕСТВЕННОЕ ДВИЖЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ

Картина «физиологического движения» населения с окончанием Гражданской войны должна была бы резко измениться, приближаясь к нормам обычного времени; иными словами, должна была бы пасть смертность, резко повыситься брачность (всегда повышающаяся в годы, следующие за войной, когда она обычно падает) и подняться рождаемость. Но движение коэффициентов смертности, и особенно брачности и рождаемости, с 1917 г. у нас приняло несколько необычный характер. Брачность необычайно возросла, а рождаемость пала. Мудрено ли, что при таких условиях приближение к норме за 1921–1922 гг. должно у нас означать, помимо падения смертности, падение брачности и рост рождаемости. Такие тенденции и обнаружались в тех частях РСФСР, где жизнь чуть-чуть приблизилась к норме — хотя бы за счет всей России, как, например, в столи-

цах. Здесь за эти годы мы, действительно, видим такую тенденцию; например, в Петрограде¹ уже в 1920 г. смертность понизилась с 72,6 на 1000 населения (в 1919 г.) до 50,6; в 1921 г. падение продолжалось, дойдя уже в первую половину 1921 г. до 27,8. Этот прогресс продолжается и в 1921–1922 гг., не достигнув, однако, норм довоенного времени (23,2 на 1000 нас[еления]). Точно так же обнаружилось и некоторое понижение брачности, поднявшейся с 1917 до 1920 г. до небывалого коэффициента (27,7 на 1000 нас[еления] в 1920 г. вместо 6–7 на то же население). С первой половины 1921 г. наметилась тенденция к падению. За этот период коэффициент был равен 26,7. Падение шло и во вторую половину 1921 г. и 1922 г. Однако брачность по-прежнему далека от норм довоенного времени. Стала подниматься и рождаемость, необычайно павшая за годы революции (1917–1919), несмотря на необычайный подъем брачности (13,8 на 1000 нас[еления] в 1919 г., вместо 26,4 в 1913 г.). В 1920 г. рождаемость оправилась, достигнув коэффициента в 21,8, а в первой половине 1921 г. она равнялась уже 36, т. е. превзошла не только нормы обычного времени, но и приблизилась к коэффициенту начала 1860-х гг. Такой исключительный подъем рождаемости — обычное явление по окончании войн. Обнаружилось оно и у нас. Но подъем этот бывает всегда временный. То же видим и у нас. С 1922 г. этот коэффициент стал быстро падать, приближаясь к норме довоенного времени.

Сходный характер имело движение населения и в других местах России, где жизнь несколько стала приближаться к норме. Но, увы, таких областей было немного. Петроград и Москва за эти годы кормились за счет всей России и были в исключительно благоприятных (по сравнению с другими городами и селами) условиях. В остальных местах было хуже. Гораздо хуже, чем в 1919–1920 гг.

В 1921–1922 г. и в 1922–1923 г. огромные области России были и будут постигнуты катастрофическим голодом. Это обстоятельство, вместе с более худшим по сравнению со столицами

¹ См.: «Материалы по статистике Петрограда», вып. V 1922 г., ст. С. А. Новосельского. Для Москвы см.: «Красную Москву» 1921 г. [Красная Москва. 1917–1920. М.: Изд. Московского Совета Р., К. и Кр. Д., 1920]. С. 64–66 и др.

положением ряда областей, не объявленных официально «голодными», дает здесь совершенно иную картину; а именно: необычайный рост смертности, побивший все рекорды (она достигала в ряде мест до 400 на 1000), необычайное падение и брачности, и рождаемости, короче — огромное вымирание.

Приведу типичные данные. Беру для примера Николаевский уезд той же губернии¹¹. Абсолютное число браков и рождений за последние годы здесь было следующим:

Год	Число браков	Число смертей	Число рождений	Избыток рождений + Избыток смертей —
1914	1987	8565	14 546	+5981
1915	1380	7780	10 542	+2762
1916	1386	8435	10 263	+1828
1917	2830	7250	9072	+1822
1918	5274	10 201	11 600 ¹	+1399
1919	4071	13 368	8670	-4698
1920	3049	8190	6213	-1977 ²

В 1921–1922 гг. картина такова:

Города	Родилось	Умерло	Избыток рождений + Избыток смертей —
Херсон и Алешки	2254	4241	-1987
Полтава	1949	3595	-1646
Лубны	492	1684	-1192
Гадяч	262	235	+27

¹ Бюллетень Центр. Стат. Упр. Украины. 1922. № 9. С. 29.

² Бюллетень Центр. Стат. Упр. Украины. 1922. № 9. С. 29.

Зеньков	396	478	-82
Кобеляки	362	281	+81
Константиноград	257	301	-44
Лохвица	332	237	+95
Миргород	453	604	-151
Ромны	510	613	-103
Севастополь (март-июнь 1922 г.)	233	1297	-1064
В городах Запорожской губернии во вторую половину 1921 г.	2533	2567	-34
В Екатеринбурге за декабрь 1921 г.	208	615	-407
В Туапсе за 1-ю половину 1921 г.	131	1172	-1041
Во всех городах губерний: Запорожской, Екатеринославской, Кременчугской, Полтавской и Подольской за 1-ю четверть 1922 г.	5703	14 475	-8772 ³

Из этих данных видно, что в 1921 г. еще в губерниях, не постигнутых катастрофическим голодом, движение населения, в противоположность Москве и Петрограду, не только не улучшалось, а ухудшалось. Данные же за четверть 1922 г. губерний, кроме Екатеринославской и Херсонской, не признанных голодающими, говорят об интенсивнейшем вымирании населения.

Что же касается голодающих губерний в 1922 г., то положение дел в них рисуется следующими данными (официальными).

Население Татарской республики с 1920 г. в 1922 г. уменьшилось на 470 000, т. е. на $\frac{1}{5}$; в ряде уездов Башкирии к апрелю 1922 г. население (по сравнению с 1920 г.) убыло на $\frac{1}{3}$, в Уральской области вымерло 25%, в Керченском — около 33%, в Пугачевском у. Самарской губ. — 50%. Население Херсона уменьши-

¹ Ibid., № 9, 31, № 7, 29, № 11, 50 «Красн. Черном. Флот.» 12.IV.

лось на 60%. В Царицынской губернии в 1-й половине 1922 г. на 1000 нас[еления] родилось 27, умирало 94 (убыль в 67 на 1000), в Екатеринославской губ. за апрель—май 1922 г. родилось 7345, умерло—14 000, в Николаевске, Сам. губ. за август родилось 38, умерло 112 и т. д.¹

«В Пугачевском уезде,—пишет корреспондент Известий ВЦИК^{III},—рождаемости почти нет—голодные матери не донашивают или рожают мертвыми, браков совершенно не заключается, жизнь остановилась». Другой корреспондент Известий ВЦИК Рихтер пишет: «В Заволжье многие большие села (10–12 тыс. жителей) превратились в маленькие хутора, многие совсем не существуют; в списках статист. бюро против них стоит черточка, а внизу примечание: „Не существуют в силу разорения их на почве голода“».

Эти данные говорят, что движение населения Петрограда и Москвы не типично. В большинстве областей России за 1921–1922 г. вымирание не ослабело, а усилилось.

Вот почему в общем и целом для всей России едва ли 1921 и 1922 гг. внесли что-нибудь новое в явления вымирания населения РСФСР и советских республик, с 1914 до 1920 г. уменьшившегося на 19–20 млн. Как и в 1918–1920 гг., рождаемость за 1921–1922 г. по всей России не покрывала смертности. Население России продолжает убывать. Немало этому содействует и санитарное состояние страны, за эти два года еще более ухудшившееся. По заявлению Наркомздрава Семашко от 28 октября 1922 г., за 1921–1922 гг. число больничных учреждений сократилось по сравнению с 1920 г. до 92%, число фельдшерских пунктов—до 86%, медицинская помощь на дому—до 62%, т. е. фактически мы имеем почти полную ликвидацию лечебного дела. С качественной стороны в оставшихся «оазисах» еще хуже. В лучших клиниках Петрограда температура зимой минус два, самое лучшее—три-четыре градуса, часто нет кипятку, нет термометров, грязь, нет чистого постельного белья и т. д. Что же говорить об обычных больницах! Большинство их—просто не существует.

В этом отношении «все обстоит по-прежнему, даже хуже». В связи с естественным движением населения заслуживает

¹ Известия ВЦИК. 5–XI, № 214.

упоминания рост разводов. Со времени декрета 20 дек. 1917 г.^{1V} кривая разводов стала резко подниматься. В 1920 г. число их достигло в Петрограде 92,2 на 10 000 существующих браков, или 1 развод на каждые 16 заключаемых браков — цифра для Петрограда исключительно высокая. При чем из каждых 100 разведенных браков 51,1% имели продолжительность менее 1 года, 17,8% от 1 до 2 лет, 8,2% от 3 до 4, лишь 32,9% продолжительность выше 4 лет. Из 51,1% расторгнутых браков 11% имели продолжительность менее 1 месяца, 22% — менее двух, 26% менее шести, и лишь 43% свыше шести месяцев¹.

В провинции дело обстоит, пожалуй, еще хуже. За 1921 г. в Полтаве 1 развод приходился на 4,9 заключения браков, в г. Николаеве — на 3,9, за первую четверть 1922 г. в городах губерний: Запорожской, Екатеринославской, Кременчугской, Подольской 1 развод приходился на 3,8 заключаемых браков².

Отсюда видно, что представляют собой «советские браки», и насколько революция разрушила семью и брак. Есть основания полагать, что этот процесс (как и при французской революции) в ближайшие годы не остановится, а будет продолжаться.

Если в количественном отношении в движении населения мало нового, то в качественном отношении дело несколько изменилось. Иным стал контингент людей, уносимых в царство смерти. За годы войны и революции гибли преимущественно наиболее здоровые биологически, наиболее квалифицированные умственно и нравственно, наиболее сильные и выдающиеся по своим качествам элементы населения. Военный и революционный отбор всегда таков. Он убивает «лучших» и оставляет жить и плодиться «худших». Окончание войны, и особенно Гражданской войны, значительно изменило дело в положительную сторону. Отбор, производимый голодом, в первую очередь убивает наиболее слабых биологически: детей, стариков, больных и т. д. и плюс наименее энергичных, изворотливых, трудоспособных и т. п. В этом смысле он — с точки зрения будущих судеб народа — не столь ужасен, как отбор войны и революции. Это проявилось и у нас за 1921–1922 гг.

¹ Материалы по статистике Петрограда. В. V. С. 27.

² Бюллетень Центр. Стат. Упр. Украины. № 7, с. 29. № 11, с. 50.

Но увы! В условиях «НЭПа» и советского режима даже и эта «положительная» сторона голодного отбора (приговоренные к смерти часто расстрел считают «лучшим», чем пытки и медленное удушение и в этом смысле говорят о «положительных сторонах» расстрела; в таком же смысле приходится и мне говорить о «достоинствах голодного отбора!») не могла выявиться сколько-нибудь достаточно. Расстрелы «лучших» шли (чего стоит один расстрел 10 000 кронштадтцев, 65 профессоров и интеллигентов по Таганцевскому делу и т. д. и т. д.) и идут, лица, морально честные, и при «НЭПе» обречены на голод; власть массовым образом гноит лучших лиц в тюрьмах, обрекает на смерть в ссылках, высылает за границу — и тем ослабляет указанный «положительный» характер голодного отбора. Некоторое изменение в этом отношении все же имеет место. Его необходимо отметить. В общем и целом — значительных изменений в положительную сторону в движении и состоянии населения за 1921–1922 гг. нет.

§ 3. ИЗМЕНЕНИЯ В СТРУКТУРЕ ОБЩЕСТВА

Здесь за прошлые два года произошли существенные изменения. Они двоякого рода. Часть изменений нова по сравнению с дореволюционной структурой русского общества; часть — нова только по сравнению с революционными годами и представляет реставрацию «царского периода».

Главнейшие изменения таковы:

А) В области классового строения русского общества.

Крупные землевладельцы не возродились еще, но наметилась возможность их появления в виде иностранных земельных концессионеров и в виде «арендаторов» «советских хозяйств». Зародыш имеется, но он еще не приобрел сколько-нибудь значительных размеров. Появилась и довольно сильно развилась новая буржуазия («нэпманы») — зоологическая, спекулятивная, шакалиная, непроизводительная, но «полнокровная», душой и телом преданная собственности. Она вышла главным образом из рядов коммунистов и их клиентов.

Пролетариат продолжает исчезать и деклассироваться. За эти годы мы имели «диктатуру пролетариата» без пролетариата. Исчезновение его продолжается по сей день.

Крестьянство относительно не уменьшалось, а даже несколько росло. Интеллигенция — частью продолжала вымирать, частью, в виде «спецов», вошла в состав нового чиновничества и новой бюрократии. Родилась и оформилась «последняя», дифференцировалась от населения, отделила себя рядом привилегий, провела глубокую бездну между собой и «управляемыми», приобрела все черты старой бюрократии, без ее деловитости и сознания долга.

В) Процесс имущественной нивелировки со времени «НЭПа» приостановился и заменился процессом имущественной дифференциации, как во всем населении, так и в крестьянстве. Общая бедность осталась, но одни еще сильнее обеднели, другие стали относительно богатеть. Имущественная пирамида восстановилась. Контраст бедности и богатства стал громадный. Вся «уравнительная работа» революции оказалась бесплодной.

С) То же приходится сказать и о других формах неравенства, в частности правового. За два года создались и оформились вновь «привилегированные» (власть, коммунисты, спецы, «сочувствующие», новая бюрократия, новая — иностранная и отечественная — буржуазия) и «обделенные». Контраст между ними стал большим, чем раньше. Уравнительные потуги революции кончились безрезультатно.

Д) Изменился по своему социальному составу и характер обитателей «верхних и нижних» слоев общественной пирамиды.

До «НЭПа» бывшие привилегированные («старая аристократия», буржуазия и высокое чиновничество) сбрасывались «с верхов» на «низы», а верхние, командующие позиции занимались главным образом выходцами из низших слоев: пролетариата, крестьянства и «разночинцев». Со времени «НЭПа» начался обратный процесс: «бывшие люди» снова стали карабкаться на «верхи», бывшие рабочие, забравшиеся туда, усиленно стали снова сползать вниз. В 1922 г. «верхи» армии (кроме нескольких декоративных мест) были заполнены старым генералитетом и командным составом; то же относится к «наркоматам», к правлению трестов и т. д. И здесь стали главенствовать «реставрационные» тенденции: люди снова стали размещаться по старым местам под новыми названиями. Исключения из этого правила есть, но не велики.

Е) Процесс заполнения командующих позиций и привилегированных слоев общества этнографически не русскими элементами, в частности евреями, начавшийся со времени октябрьской революции, продолжался и шел «crescendo»^V. В 1922 г. огромное количество ответственных мест, как в правительственных учреждениях, так и в промышленности и торговле, частной и государственной, было занято евреями. Равным образом шел «crescendo» и процесс их перемещения из местечек в города, особенно в столицы, население которых сильно изменилось, в частности семитизировалось. Революция, иными словами, изменила расово-этнографический состав «командующих классов».

Ф) Продолжались территориальные перемещения населения. Со времени «НЭПа» процесс бегства из голодных столиц в провинцию заменился противоположным: бегством из провинции в столицы, в силу чего в 1921–1922 гг. население столиц стало увеличиваться. Еще большие миграции вызвал голод: огромные массы народа бросились из голодных областей в менее голодные. Первые опустели. Население (Поволжья, Юго-Востока, Юга России и других голодных районов) сильно поредело. Значительная часть его погибла (от 8 до 12%).

Таковы главнейшие изменения в структуре населения за эти годы. В общем и целом они означают восстановление разрушенной революцией социальной пирамиды, возврат к старому, безрезультатность громких обещаний революции. Рядом с такой реставрацией наметились и новые явления, но они мало общего имеют с революционными заданиями и целями. Ни одно из положительных обещаний революции (равенство, уничтожение эксплуатации и т. д.) не было исполнено.

§ 4. ИЗМЕНЕНИЯ В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ОБЛАСТИ

«Правда ли, что в Петрограде и Москве имеются великолепные магазины и все можно достать?»—Правда. «И рестораны?»—Умопомрачительные. «И на улицах шикарно одетая публика?»—Есть и такие. «И международные вагоны со старым комфортом?»—Ну, чуточку хуже, но ничего. «И великолепные отели вроде Европейской гостиницы?»—Да, имеются.—«Зна-

чит все по-старому? Значит налаживается хозяйство? Не правда ли?» — Таковы вопросы, которые мне ставились, мои ответы на них и тот вывод, который из ответов делал легкомысленный вопрошатель. Еще чаще приходилось читать такие выводы и заверения в статьях иностранцев, побывавших теперь в России и изучавших ее из окон отеля, купе международного вагона и со слов любезного правительственного «гида». Не читали ли мы недавно горячие заверения г. Эррио^{VI} в том, что в России хозяйство налаживается, власть оказалась хорошим организатором, обожаема народом и т. д.? Нет надобности говорить, что такие утверждения делаются или по глупости и наивности, или по подлости. Первое не извинительно, второе возмутительно и преступно. Хотя с введением НЭПа кое-где хозяйственная деятельность немного и оживилась, но говорить о каком-либо серьезном ее улучшении, больше того — просто об улучшении, — не приходится. Не приходится, основываясь на тех же официальных данных. Резкое изменение внешней картины Москвы и Петрограда — простая видимость, скрывающая подлинное положение дела. Единственно, что можно утверждать — и то только относительно областей, не постигнутых голодом, — это замедление темпа разрушения и развала в ряде отраслей народного хозяйства, главным образом сельского, и кое-какие симптомы улучшения в немногих областях. За 1922 г. нет еще общих данных. Но и то, что есть, определенно подтверждает это положение.

*Сельское хозяйство*¹. Посевная площадь, сократившаяся к 1920 г. до 55–60% довоенной нормы, в 1921 г. сократилась еще на 18% по сравнению с 1920 г., в 1922 г. в силу голода и неурожая она уменьшилась еще на 12–16%. В итоге посевная площадь 1922 г. не превышает 40–45% довоенной нормы. Голод 1922–1923 гг. не дает оптимистических надежд на ее расширение и в текущем году.

Урожайность продолжала падать. Вместо сбора с десятины ржи 53,9 пуда (в 1909–1913 гг.), 62,3 пуда пшеницы, 50,7 пуда яровой пшеницы — соответственные цифры за 1920 г. были:

¹ См.: Экономист. 1922. № 2 и № 5. Кондратьев Н. Д. Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. М.: Новая деревня, 1922.

33,7 пуда ржи, 32,7 пуда озимой пшеницы, 28,5 яровой. В 1921 г. в силу засухи и политики власти общая урожайность была еще меньше. В 1922 г. она несколько повысилась, но ничтожно. Мудрено ли поэтому, что вместо 7009 331 600 пудов валового сбора всех зерновых хлебов и картофеля (в переводе на зерно) в 1909–1913 гг. (на территории современных советских республик) и 4 498 507 000 пудов чистого сбора — в 1920 г. было собрано только 2,1 млрд пудов. В 1921 г. еще меньше, в 1922 г. — около 1,8 млрд пудов. Россия, вывозившая раньше за границу около 650 млн пудов, теперь не имеет хлеба для своего прокормления, голодает, умирает и дошла до людоедства.

Сходное видим и в области животноводства. К 1921 г. крупный рогатый скот сократился на 50% по сравнению с довоенной нормой, молодняк — на 60%, число свиней — на 60%, овец — на 70%, лошадей — на 77% (с 35,6 млн до 8 млн)¹.

Славно поработала Октябрьская революция и здесь. Племенные рассадники уничтожены, производители — съедены. В 1921–1922 гг. крестьяне принялись усиленно разводить молодняк. Это дало некоторое увеличение его, но незначительное, и только в областях, не постигнутых голодом. В последних же весь живой инвентарь — почти 80%, до 90% его, погиб или съеден. Сбор льна в 1921 г. пал с 2 млн пудов в 1920 г. до 1,5 млн пудов (вместо 31,9 млн пудов в 1913 г.)².

Сбор хлопка дает ту же картину. Вместо 12 млн пудов — в 1916 г. — в 1919 г. было собрано 4,5 млн пудов, в 1920 г. — 3,2, в 1921 г. около 1 млн (по другим данным, только 700 тыс.). В 1922 г. официально предполагалось собрать 3 млн пудов, т. е. норма 1920 г., но вряд ли и она собрана³.

¹ Эти цифры я беру из «Экономиста», изд. в России, № 2 и 4 до 5. Как здесь, так и в других отраслях официальная статистика дает разные данные, несовпадающие друг с другом. Приходится выбирать из них более вероятные.

² См.: ВСНХ. К IX партийному съезду. Только для коммунистов. Промышленность и торговля. 1922. С. 73. См. также: Народ. Хозяйство России за 1921 г. Берлин: Экономическая жизнь, 1921. С. 252. Цифр для 1922 г. еще нет, но едва ли можно говорить о каком-либо увеличении сбора и здесь.

³ Промышленность и торговля; в «Народном хозяйстве» для 1920 г. (с. 252) дается цифра сбора 1,5 млн пудов.

Свекло-сахарная промышленность — в еще худшем положении. Принимая площадь посева и производства сахара в 1914 — 1915 гг. за 100, мы получаем:

	1914–1915	1918–1919	1919–1920	1920–1921
Посевная площадь	100	59	55,6	25,9
Производство сахара	100	19,3	4,6	5,3

В 1921–1922 гг. о «сладкой жизни» не приходилось думать.

Производство сельскохозяйственных машин, равнявшееся в 1914 г. 44,8 млн рублей, в 1920 г. равнялось 2,8 млн рублей, в 1921 г. — 3,1. Если здесь нет существенного улучшения, то нет, слава Богу, и дальнейшего ухудшения.

Сбор шерсти 6 млн пудов довоенного времени пал до 600–700 тыс. в 1921 г. (до 3 млн пудов по другим источникам), сбор пеньки — с 20 млн пудов до 3 млн пудов, в 1922 г. не произошло значительных изменений.

В области кожевенной промышленности в 1916 г. было выработано 12 500 крупных кож, в 1919 г. — 2612, в 1920 г. — 2021, в 1921 г. за первую половину 1688¹.

Из этих цифр картина ясна — и комментарии не требуется.

Промышленность. Продукция всей промышленности, равнявшаяся в мирное время 4,5 млрд золотых рублей, в 1921 г. не превосходила 450 млн золотых рублей, т. е. составляла 10%.

Добыча угля с 1,8 млрд пудов в 1920 г. съехала до 450 млн пудов, в 1921 г. была близка к той же величине, в первую половину 1922 г. чуть поднялась (321 млн пудов за одно полугодие, а за второе снова пала). «Налаживается хозяйство». Причем само потребление угля на копиях, раньше не превышавшее 7–8%, теперь дошло до 48%, из остальной части значительная доля расхищалась на пути — в итоге — чистый остаток был еще меньше.

¹ См.: Промышленность и торговля. С. 79.

Добыча нефти с 525 млн пудов в 1920 г. спустилась до 230 млн пудов, в 1921 г. равна была 242 млн пудов, в 1922 г. предполагалось повысить ее до 300 млн пудов, но едва ли это осуществилось.

Выплавка чугуна с 249,4 млн пудов в 1914 г. в 1921 г. пала до 7,5 млн пудов, т. е. до 3%; первое полугодие 1922 г. дало повышение до 5,4 млн пудов, но второе опять понизило.

Добыча железной руды с 560 млн пудов сошла в 1921 г. до 13 млн пудов, в первое полугодие 1922 г. добыто около 11 млн пудов, за второе добыча опять пала.

Добыча меди составляла 6% довоенной нормы.

В области хлопчатобумажной промышленности в 1921 г. работало только 12% веретен (довоенного времени), и то не полные часы. В 1922 г. здесь наметилось некоторое улучшение. По официальным данным, в первое полугодие 1921 г. было произведено 589 тыс. пудов пряжи и 119 млн аршин тканей, в первое полугодие 1922 г. соответственные цифры будут: 1695 тыс. пудов пряжи и 232 млн аршин. Но эти цифры явно преувеличены.

Льняная промышленность сократилась на 75% и вернулась к норме 50–60-х гг. XIX века.

Химическая промышленность с 10% довоенной нормы в 1920 г. поднялась до 15–17% в 1922 г. Поднялось производство галош с 10 000 штук в 1920 г. до 500 000 штук в 1921 г. и до 4 000 000 в 1922 г.

Но в этих цифрах есть тенденция преуменьшать производство 1920 г. и преувеличивать «прогресс» 1922 г. Другие официальные источники картину «прогресса» рисуют гораздо более скромно.

Добыча золота вместо 3774 пудов довоенного времени в 1920 г. дала 109 пудов, в 1921 г. около 84 пудов.

Добыча платины со старой нормы в 299 пудов в 1920 г., пала до 13 пудов 25 фунтов (по другим данным, до 21 пуда), в 1921 г. до 12 пудов 35 фунтов!

Транспорт тоже «налаживается». Из 19 000 паровозов довоенного времени в 1921 г. было 7000. Причем значительная часть из них была «безработными» за неимением грузов и топлива. Единому Богу да «верному служащему» Симменс-Шуккер-

та Красину ведомо, зачем нужно было заказывать их за границей, при наличии своих безработных паровозов.

Число вагонов с 437 000 сократилось до 195 000, причем только 20 000 из них были вполне исправными.

Процент больных паровозов и вагонов растет. Грузооборот пал до 15% старой нормы. Дороги почти не чинились, шпалы и рельсы не менялись. Словом, «налаживается».

Государственные финансы налаживаются умопомрачительно. До 1 января 1922 г. было выпущено бумажных денег на 7 трлн рублей. К 1 мая 1922 г. их выпущено на 124 трлн рублей. К 1 ноября 1922 г. их выпущено 1302 трлн. С 1 октября по 31 декабря 1922 г. предполагалось еще выпустить 1888 трлн. Итого за год эмиссия грозит достигнуть до 3 квадриллионов рублей! Несмотря на «налогоманию», сменившую период «универсальной бесплатности» («бесплатности старой царской каторги», как ее охарактеризовал один рабочий на конференции), в 1921 г. было покрыто лишь 1,5% эмиссий, за первые 4 месяца 1922 г. поступило всех доходов на сумму в 10,5 трлн рублей, выпущено же денег на 117 трлн. За эти последние 4 месяца, к 1 октября поступило около 100 трлн, выпущено 1000 с лишним трлн. Словом, государственный бюджет «стабилизирован». «Стабилизировался» и рубль. В начале сентября 1922 г. 10-рублевый золотой стоил около 25 млн советских рублей, 26 октября того же года он стоил уже... 125 млн.

Несмотря, однако, на эти «астрономические» цифры эмиссий, в переводе на золото они очень скромные и колебались от 33 до 90 млн золотых рублей. Таково все национальное денежное богатство России! Оно говорит яснее всего, до какой степени население обеднело. Денежная душевая норма теперь составляет 7–2% довоенной денежной душевой нормы.

Дополним картину характеристикой торговли. Под влиянием НЭПа внутренняя торговля несколько оживилась. В столицах действительно появилась масса всевозможных весьма приличных магазинов. Но это только в столицах, и пышность магазинов показная. На деле же «оживление» очень скромное.

За ноябрь—декабрь (1921 г.) и январь 1922 г. было совершенно торговых операций всеми государственными торговыми учреждениями России и Украины на сумму... в 55 203 890 золотых

рублей! Вот вам «пышный расцвет» торговли всего государства. Причем большинство из этих операций совершено было одним «Главком» с другим, т. е. люди занимались перекалыванием товара из одного государственного кармана в другой.

Внешняя торговля, в довоенное время дававшая ввоз из за- границы на 1 139 600 000 золотых рублей, вывоз на 1 501 400 000 золотых рублей, в 1921 г. дала ввоз на 248 500 000; в первой половине 1922 г. — на 279 200 000 рублей; вывоз в 1921 г. — на 20 200 000, в первой половине 1922 г. на 24 800 000 золотых ру- блей. Цифры ясны. Не говоря уже об их величине, отметим, что там баланс был активный на сумму около 400 млн рублей. Здесь он пассивен в 221 млн золотых рублей за 1921 г. и в 275 млн за второе полугодие 1922 г.

Некоторое оживление торговли есть, но ясно, что она носит преимущественно спекулятивный характер и при данном ре- жиме, при обеднении населения, при разгроме производства, — не может принять сколько-нибудь серьезные размеры. По су- ществу, кроме столиц, она представляет тот же нищенский примитивный «товарообмен», каким она была с 1918 до 1920 г.

Таково хозяйственное положение.

Прибавим к этому, что крупная промышленность, остаю- щаяся национализированной, не только не улучшилась, а про- должала (как это признал и Рыков) разваливаться и приносить все больший и больший дефицит.

Несколько лучше обстоит дело с кустарной и денационали- зированной мелкой промышленностью. Но, конечно, в данных условиях и она не может развиваться. Вмешательство власти, придирки, непомерные налоги, отсутствие гарантий душат ее. Это видно хотя бы из статистики всех арендованных предпри- ятий. Предназначено было к сдаче 12 507 пром[ышленных] за- ведений. Сдано в 1922 г. — 9748. Недурные как будто цифры. Но, оказывается, 60% из них — мельницы, остальные 40% составля- ют мелкие (от 4 до 30 раб[отников]) — кирпичные, мыловарен- ные, кожевенные и химические предприятия. Причем взяты они в большинстве «на ходу», 20,7% взято бывшими хозяева- ми. Мотивами аренды служили и служат те же хищниче- ски-спекулятивные мотивы: использовать остатки ценностей и оборудования, «снять жир» и... только. Ни о каком налажи-

вании производства, связанном неизбежно с затратой капитала, речи быть не может. Идет то же использование последних остатков. С половины 1922 г. многие из арендаторов, «снявшие жир» или задавленные непомерными налогами, начали бить отбой... О возрождении же крупной промышленности, о капитализме производительном пока говорить не приходится. При данных условиях он невозможен.

Из всего сказанного сама собой вытекает картина экономического положения масс. Население стало нищим. За последние два года его положение быть может и не ухудшилось (кроме голодных областей, где оно «улучшилось до смерти»), но и не улучшилось.

Замена «подразверстки» «продналогом» не облегчила положения крестьянства, ибо во многих местах продналог оказался тяжелее разверстки; вдобавок продолжали существовать десятки натуральных повинностей (дровяная, сплавная, гужевая, топливная, дорожная и т. д.) плюс — десятки новых денежных налогов, сыплющихся изобильно на голову крестьянина («подворная», «поголовная», на скотину вплоть до кошек и т. д., и т. д.).

Все это не дает крестьянину вздохнуть. Он задавлен, он вынужден голодать даже не в голодных губерниях. Про последние же и говорить нечего. Поистине, с мужика дерут не семь, а семьдесят семь шкур во славу и на пользу... третьего интернационала, пышных дипломатических миссий, тысяч «сменовеховцев», десятков тысяч агентов, на подкупы, на печать, на содержание самой власти и всего советского аппарата.

Материальное положение остатков рабочего класса видно из величины его заработка. До войны средний месячный заработок рабочего равнялся 21 рубль 25 копеек; в 1920 г. заработок московского рабочего (более высокий, чем провинциальных) составляет 2 рубля 70 копеек, в 1921 г. — 4 рубля 40 копеек; в 1922 г. за первую четверть был равен 3 рубля 58 копеек; за вторую четверть 5 рублей 63 копейки; за третью 7 рублей 53 копейки. Вот цифры. Да не подумает читатель, как уверяют коммунисты, что за 1922 г. мы видим непрерывное улучшение положения рабочих. Во-первых, это цифры

московские, в Донбассе, например, картина была обратной; во-вторых, рядом с ростом платы росли и налоги, исчезла «и бесплатность». Достаточно учесть одни эти обстоятельства, чтобы «улучшение» стало весьма проблематичным. Прибавьте к сказанному растущий «кризис» на почве «перепроизводства товаров» в России (выходит, и мы «не лыком шиты»: в виду колоссального обеднения населения оно, действительно, не в состоянии покупать то ничтожное количество товаров, которое производится), поведшее к закрытию предприятий, к появлению и росту (вместе с сокращением штатов) огромной армии безработных (в одном Петрограде по официальному исчислению было к 1 октября 65 000 безработных, фактически — больше, по всей же России число безработных никак не меньше 1 000 000). Учтите абсолютно безвыходное положение последних, неизбежный рост их числа в дальнейшем — и тогда материальное положение масс будет ясным. Если же учесть голодные области, то придется сказать, что в общем и целом в 1921–1922 гг. общее положение их не только не улучшилось, а скорее ухудшилось.

К пятой своей годовщине Октябрьская революция воздвигла себе бессмертный, нерукотворный памятник в виде огромной горы трупов, исчисляемых миллионами, погибших и погубленных ею «*ad maiorem gloriam*»^{VII} революции.

Но, увы, эти жертвы еще не последние!

Таковы экономические изменения за последние годы.

§ 5. ДЕГЕНЕРАЦИЯ КОММУНИЗМА, ДЕГЕНЕРАЦИЯ ВЛАСТИ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ГРУППИРОВКИ

Истекшие два года являются годами вырождения и ликвидации коммунизма. Эта дегенерация выражается не только в полном дискредитировании коммунизма как идеологии, но и в объективных фактах социальной жизни. Основным из них служит самое явление «НЭПа». Его введение и признание означало и означает полное банкротство коммунизма.

«НЭП» был следствием антикоммунистического движения крестьянских масс, вынудивших власть капитулировать и сдать свои коммунистические позиции.

С 1920 г. ряд стихийных объективных процессов в жизни крестьянства свидетельствует о том же антикоммунистическом переломе, нашедшем свое признание и в ряде юридических актов власти. Основным из этих процессов был процесс стихийного движения крестьян на отруба и хутора. Этот процесс, начавшийся с 1906 г. и за десятилетие 1906–1916 г. приведший к образованию 1 596 625 участковых хозяйств с площадью в 15 896 095 десятин (10,5% всех крестьянских хозяйств) был прерван революцией¹. В 1917–1918 гг. начался процесс разрушения хуторов, процесс «коммунизации» и «общинизации» деревни. Закон 19 февр. 1918 г., объявивший отмену частной собственности на землю, уничтожение нетрудовых форм землевладения, наемного труда и аренды, стремившийся уравнять крестьянство и коммунизировать деревню путем введения «комитетов бедноты», совхозов, коммун, артелей, был юридическим симптомом этой тенденции. Власть всячески старалась провести эти меры. И это ей в первые годы как будто удавалось. Во многих местах от хуторов перешли к общине. Проявилась и нивелировка крестьянства, что видно из следующих цифр.

	Процент безпосевных	Процент хозяйств с посевн. площадью в 4 дес.	Процент от 4 до 8 дес.	Процент более 8 дес.
В 1916 г.	11,4	59,1	26,6	7,9
В 1919 г.	6,5	74,0	16,4	3,1

Появились и росли сельскохозяйственные коммуны, советские хозяйства и артели.

Сельскохозяйственных коммун было в 1918 г. — 950, в 1919 г. — 2099, в 1920 г. — 1732, в 1921 г. — 1528.

Советских хозяйств в 1918 г. — 3101, в 1919 г. — 3500, в 1920 г. — 4400, в 1921 г. — 4300.

¹ См. сборники «О земле», сб. I и II. Изд. Нар. Ком. Зем., 1922 г.

Артелей было в 1918 г. — 422, в 1919 г. — 1935, в 1920 г. — 3865, в 1921 г. — 10 015¹.

С 1919 г. начался обратный процесс в форме стихийного движения на хутора и отруба, охватившего губернии: Вятскую, Вологодскую, Северо-Двинскую, Новгородскую, Череповецкую, Петроградскую, Псковскую, Тверскую, Смоленскую, Витебскую, Гомельскую, Брянскую, Орловскую, Калужскую, Московскую, Тульскую, Рязанскую, Владимирскую, Ярославскую, Костромскую, Полтавскую, Харьковскую и отчасти Херсонскую, Донскую, Саратовскую, Самарскую, Ставропольскую и др.²

Движение это было столь могучим, что власть принуждена была капитулировать и легализовать его. Такой легализацией и являются законы 30 апреля и 27 мая 1920 г. Сохраняя коммунистическую фразеологию, они объявили, что в целях поднятия производительности сельского хозяйства «пользование земель должно быть устойчивым и бессрочным. Необходимо предоставить населению свободу выбора форм землепользования с тем, чтобы были ограничены переделы и обеспечено развитие производительных сил сельского хозяйства. Необходимо разрешить внутринадельную аренду и наемный труд». Как видно отсюда, эти декреты аннулировали закон 19 февраля 1918 г. и санкционировали фактически индивидуальную собственность на землю («устойчивое и бессрочное пользование») и хутора («свобода форм землепользования»), и наемный труд, и аренду. Дальнейшее — и фактические процессы, и декреты, особенно закон 22 мая 1922 г. — представляет развитие этих тенденций, в настоящее время приведших в огромной части России к превращению бывшего общинника — в хуторянина-собственника, а коммунистическое законодательство трансформировавших в повторение земельных законов Столыпина, от которых оно отличается лишь вводной вывеской («сохраняется государственная собственность на землю»), — пустой и не играющей никакой роли.

¹ О земле. Вып. I. С. 25 и сл.

² См. там же — подробности.

Короче, коммунистическая революция привела в деревне к созданию класса мелких собственников — крестьян и к разливу «мелкобуржуазной стихии».

Таковы «шутки истории».

Этот же процесс виден и на движении числа коммун и советских хозяйств. Из приведенных цифр видно, что с 1920 г. число коммун уменьшается. С 1921 г. ту же тенденцию обнаруживают и советские хозяйства. Растут артели, причем огромное большинство их создано на бывших частновладельческих землях; но артели решительно ничего общего с коммунизмом и коллективным землепользованием не имеют. Чаще всего это те же хутора, группы лиц, поселившихся на бывших частных землях, ведущих совершенно индивидуальные хозяйства и для власти выкинувших вывеску «артели». То же применимо и к коммунам, а тем более к советским хозяйствам, с тем различием от артелей, что в первых было простое «снятие жира», а не серьезное ведение хозяйства (например, в советских хозяйствах использовались только 13,2% всей годной земли, остальная лежала втуне). Теперь «жир снят», государство больше не дает субсидий, а потому сельхозкоммуны исчезают, совхозы превращались и превращаются в простые «арендуемые» отдельными лицами имения. Ни о какой «коммунизации» деревни больше говорить не приходится.

Наконец, процесс нивелировки крестьянства с введением «НЭПа» вновь заменился процессом дифференциации: «деревенская беднота» потеряла всякое значение, сильные элементы деревни вновь взяли власть в свои руки, захватили «волисполкомы»^{VIII}, — стали расти и относительно богатеть.

Не говоря уже о явлениях крестьянских восстаний, эти объективные факты говорят ясно о полной декоммунизации деревни, о потере коммунизмом всякой почвы среди крестьянства. Нужно ли говорить, что рядом с этим исчезли и коммунисты в деревне. Их теперь там нет; если есть — то лишь единицы, все более и более тающие и чувствующие себя очень скверно среди враждебной стихии. То же произошло и в городе, среди пролетариата: 4-летний опыт насаждения коммунизма, приведший к истреблению пролетариата, закрытию фабрик, к голоду, к болезням, нужде, вымиранию, к диктатуре над пролетариатом,

к потере всяких прав и свободы, к усмирениям, к расстрелам рабочих, к их арестам и ссылкам, научил и пролетариат. Все его иллюзии рассеялись. Он понял воочию, что такое представляет «рабоче-крестьянская власть». Ни прав, ни власти, ни сытости.

Поэтому с 1920 г., особенно же с 1921 г., разрыв власти с рабочими стал полный и бесповоротный. Рабочее движение 1921 г. служит конкретным симптомом этого разрыва. Фактическое же уничтожение фабрично-заводских комитетов, учета и контроля рабочих, введение на фабриках режима опеки, худшего, чем у частного капиталиста, плюс полное банкротство коммунизма, разгром России, заигрывание власти с капиталистами, введение аренды промышленных предприятий, устранение рабочих из трестов, наконец, ликвидация «универсальной бесплатности»: бесплатных обедов, квартир, школ, трамваев, одежды и др. выдач и замена их «налогоманией» — все это служит объективным свидетельством ликвидации коммунизма в городах и в области промышленности, с одной стороны, с другой — все это оборвало те последние нити, которые еще поддерживали иллюзию, что данная власть есть рабочая власть, что она «своя» и что царство светлого и радостного труда наступает. Результатом этого разрыва был массовый уход рабочих из партии коммунистов. Совершенно неизвестно, почему последняя называется и теперь рабочей партией. С таким же правом ее можно было бы считать партией зулусов, не имеющих в ней. Не-пролетарский состав коммунистической партии в настоящее время и ее банкротство в глазах русских рабочих видно хотя бы из следующих цифр, опубликованных Всер. Центр. Прав. Профсоюзов^{IX} (т. е. теми же коммунистами). В октябре 1922 г. в союзе металлистов, насчитывающем 576 000 членов, коммунистов было только 3617, т. е. меньше одного процента (0,6%), в союзе текстильщиков, имеющем 280 000 членов, коммунистов было лишь 1,5%, в союзе деревообделочников (245 000 членов) коммунистов 2%, в союзе рабочих городских предприятий (163 000 членов), коммунистов 2–2,2%; в остальных союзах один коммунист приходится на 500–600 человек. И число их все более и более падает. Если таков процент коммунистов среди рабочих, объединенных в профсоюзы, то легко понять отсю-

да: 1) насколько рабочие сочувствуют властвующей партии, 2) как велик процент коммунистов среди всего населения.

Словом, партия потеряла всякий кредит среди пролетариата; по составу и политике перестала быть рабочей, а тем более крестьянской партией, какой она в значительной мере была в 1918–1919 гг.; она переродилась в простую клику (по составу и политике) новых бюрократов и правящих — больших и малых сатрапов. Итогом этого служит то, что коммунизм и власть потеряли всякую опору и в рабочем классе. Таким образом, все коммунистические начала исчезли из социальной жизни. (Кроме разве разваливающейся государственной промышленности, продолжающей морить рабочего голодом). Коммунизм был... умер, оставив после себя развалины, трупы, смрад и смерть. Его стадия пройдена. Начинается новая.

Естественно, что тот же процесс дегенерации испытала сама власть и партия коммунистов. Их положение теперь поистине трагическое. Раньше у них был определенный живой дух, пусть односторонний, пусть фанатический, пусть ошибочный, но он был. Были великие цели, была вера, были крылья иллюзии, поднимавшие от земли к идеалам, дававшие оправдание войне, убийствам, разгрому, преступлениям. Теперь все позиции коммунизма сданы. Никто из серьезных коммунистов уже не верит, что они создают новое общество. Слепые из слепцов увидели, что ничего кроме ужаса и разгрома из их попыток не получилось... Нет больше иллюзии. Нет фанатизма. Нет веры. Нет «живого духа». Нет «оправданий». Пришло горькое похмелье. Осталось только голое «цепляние за власть» во имя голого самосохранения, во имя «животишек» и «крупных окладов». Отсюда — внутренний развал и вырождение, как власти, так и партии.

Оно привело, во-первых, к уходу почти половины членов из партии. Число их с 600 000 за полтора года упало до 420 000. Во-вторых, в ряде случаев, к самоубийствам. В-третьих, к потере всякого живого духа в партии и во власти, к росту цинизма, интриг, грызни, взяточничества, пьянства, разврата, к разнообразному «собираанию капиталца» и т. д., т. е. к полной моральной и социальной деградации. Пусть аппарат власти налажен, пусть партия организационно сильна, пусть формальная

связь ее членов (объединяемых главным образом привилегиями и общей ненавистью к ним населения) существует, тем не менее партия коммунистов сейчас является «живым трупом», который пока действует, но может распасться от малейшей причины.

Поистине, история временами умеет мстить беспощадно. Судьба, постигшая коммунизм, власть и партию коммунистов, самая тяжелая из всех мыслимых. Если бы они года два тому назад были раздавлены — ореол героизма, спасения человечества, славы и мученичества навсегда остался бы за ними в истории. А теперь? Начать так пышно и кончить... полным банкротством, сжиганием того, чему поклонялись, заживо «сгнуть на корню», разложиться позорно, бесславно, сдать все позиции, биологически цепляться за одну власть, за одни «животишки», потерять весь свой ореол и идеалы, во имя этого цеплянья громоздить одну тысячу трупов на другую, стать низким интриганом, мерзавцем, жуликом, простым Хлестаковым от революции и коммунизма, потерять всю любовь трудовых классов и быть ненавидимым со всех сторон и, главное, не дать ничего, кроме смерти и развала всей России, и лгать, лгать без конца, чередуя глание с убийствами — что может быть позорнее и бесславнее этого!

И этот позор — будьте уверены — останется в истории. История умеет временами шутить чрезвычайно остроумно. За пять лет «коммунистический двор» прогнил сильнее, чем «императорские дворы» за сотни лет своего существования. «Тайны» первого двора в тысячи раз скандальнее и позорнее вторых.

Короче — коммунизма больше нет в России. Коммунистическая партия и власть потеряли всякую опору в народе. 97–98% населения ненавидят их. Только часть нэпманов из бывших коммунистов, часть «спецов» и новой бюрократии, наконец, наемные рептилии и 300 000 «отрядов особого назначения» — только эти группы связаны с ними. Но... до первой неудачи. Случись она — и «крысы побегут с корабля». Полный маразм царит и во внутренней жизни партии.

Значит ли это, что власть быстро падет? Это может быть, но не обязательно. Вероятнее, что она еще несколько лет существует, но при условии дальнейшей эволюции в сторону

капитализма и правового строя. Иначе—она будет сброшена насильственно. Если эта эволюция будет—в конце ее власть ожидает тоже падение, но более мягкое. Таковы основные изменения в этой области.

Что касается других политических партий—то все они потеряли сколько-нибудь серьезное значение. Место старых партийных делений занято сейчас новым делением всего населения на партию коммунистов с прихлебателями и антикоммунистов, т. е. всего остального населения. Это деление отодвинуло на второй план все бывшие различия. Антикоммунисты созданы стихийно. Они не организованы. Современные условия—террор и сыск—делают сколько-нибудь широкую организацию трудной. Как только минимум надлежащих условий будет—а он все-таки будет—организация эта будет выполнена.

Основную роль здесь займет партия, выражающая интересы крестьянства.

§ 6. Духовная жизнь

Статья разрослась. Приходится быть максимально кратким. Народное просвещение—за эти два года решительно деградировало. Вместо «ликвидации безграмотности» получилась «ликвидация грамотности». Разрушена и низшая, и средняя, и высшая школа. Это признала и сама власть. По заявлению Луначарского на 4-й сессии ВЦК, за последние три года число лиц, получивших высшее образование, сократилось на 60%, среднее—на 50%, низшее—на 70%. Фактически дело обстоит еще хуже и с количественной, и особенно с качественной точки зрения. Теперь и власть начинает лить «крокодиловы слезы», но продолжает делать все, чтоб это разрушение довести до конца.

Если молодое поколение растет не вполне безграмотным, то только благодаря самодеятельности населения, глубоко осознавшего необходимость знаний и просвещения.

Моральное состояние населения продолжает быть чрезвычайно печальным. Морально-правовая деградация за 1921–1922 гг. продолжалась. Но в течение последнего года наметилась

и здоровая реакция. Есть основания думать, что возрождение морально-правовое будет «crescendo» продолжаться.

За эти годы вполне отчетливо выявился ряд психических изменений, только намечавшихся раньше.

Во-первых, несмотря на рост безграмотности, общее самосознание народа поднялось весьма сильно. В трагической школе жизненного опыта он «экспериментально» научился и понял многое. Существует огромная тяга к знанию технического и общему. Круг духовных интересов резко расширился. Понимание множества явлений также возросло. На «опыте» народ изучил: капитализм и коммунизм, формы государственного устройства, «хартию вольностей», финансы, промышленность, международные отношения и т. д., и т. д. Все это изучено «на своей шкуре». И понято многое. Одними «хорошими словами» теперь не проведешь мужика. Он смотрит в «корень вещей». Осознана связь своей судьбы с судьбой целого. Психология «мы пензенские» теперь почти невозможна. Волей, неволей приходится народу самому теперь думать и «государеву думу», размышлять о делах государства, общества и т. д. Наряду с этими новыми чертами изменились массовая психология и идеология и по существу.

Основные черты этой деформации следующие:

1. Отрицательное отношение к коммунизму, социализму и ко всему, что с ними связано.
2. Положительное отношение к частной собственности, к собственнику, капиталисту и «буржую».
3. Серьезный подъем религиозности, привязанности к церкви, в частности к православной. Произошло оздоровление духовенства и приходов. Преследование и расстрелы верующих и пастырей еще сильнее укрепили эти явления. Так называемая живая церковь и религиозное возрождение — эти «красные попы» и рептилии власти, как и все другие сменовеховские рептилии, вызывают одно презрение.
4. Резкий рост национального чувства и обратно — полное дискредитирование всякого интернационализма. Национальное чувство бьет сейчас из всех пор русской жизни. Эту огромную, глубоко органическую любовь к своей родине, народу, государству, к быту, к своим ценностям — вы чув-

ствуєте в каждом разговоре, в публичном заседании, в театре, на концерте, в аудитории, в войске, в прибаутке, в миломлетном замечании — всюду: это — стихия, захватившая даже часть коммунистов. Она дает себя знать в ненависти к интернационализму, в недружелюбном отношении к хищникам — иностранцам, в горькой обиде против бывших союзников, покинувших Россию и помогающих ее разгрому, и наконец, в огромном антисемитизме, разлившемся по всей России сверху донизу, охватившем все слои без исключения, вплоть до русских коммунистов.

5. Глубокое сознание в необходимости надеяться только на себя и рост веры в то, что возрождение России и русского народа наступит. Таковы вкратце «завоевания Октябрьской революции» за пять лет ее существования. О, если бы не было ни этой революции, ни ее завоеваний!

^I Печатается по: *Сорокин П. А.* Россия после НЭПа (к пятилетнему юбилею Октябрьской революции) // *Крестьянская Россия. Сборник статей по вопросам общественно-политическим и экономическим.* Прага. 1923. Вып. II–III. С. 140–159.

^{II} Имеется в виду Николаевская губерния. До 1920 г. — Херсонская губерния, в 1922 г. вошла в состав Одесской губернии.

^{III} Известия ВЦИК — газета «Известия Всероссийского центрального исполнительного комитета».

^{IV} По-видимому, имеется в виду принятый ВЦИК и Совнаркомом «Декрет о расторжении брака» от 16 (29) декабря 1917 г. В соответствии с декретом брак мог быть расторгнут по просьбе обоих или одного из супругов, без обоснования причин.

^V С усилением, по нарастающей (*итал.*).

^{VI} Эрриб Эдуард-Мари (1872–1957) — французский государственный и политический деятель.

^{VII} *Ad maiorem gloriam* (*лат.*) — к вящей славе. Ирония автора в том, что обычно это выражение имеет вид «*ad maiorem Dei gloriam*» — к вящей славе Господа. В данном случае Господь заменен революцией.

^{VIII} Волостные советы крестьянских депутатов.

^{IX} По-видимому, имеется в виду ВЦСПС — Всероссийский центральный совет профессиональных союзов.

Б. Д. Бруцкус

Судьбы русского народного хозяйства^I

В докладе, прочитанном в соединенном заседании союза прис[яжной] адвокатуры и союза суд[ебных] деятелей, проф[ессор] Б. Д. Бруцкус дал анализ развития русского народного хозяйства в войне и революции.

Докладчик различает две стадии хозяйственного развития России: 1) от начала войны до 1921 г. и 2) после провозглашения НЭПа.

В 1914–1921 гг. идет сначала медленное, а затем стремительное разложение русского хозяйства. С конца 1921 г. начинается процесс восстановления, вызванный переломом в психологии масс, принудивших Ленина объявить НЭП. Русское хозяйство нельзя отождествлять с большевизмом. Его развитие после 1921 г. — результат стихийных процессов, над которыми большевики не являются хозяевами. НЭП был задуман в самой скромной форме, но жизнь мощно использовала всякую возможность развития.

Заметнее всего происшедший подъем в сельском хозяйстве. Посевная площадь, количество инвентаря, специальные культуры почти достигли уровня мирного времени. Крестьянство окончательно изжило психологию «черного передела», оно стремится к мирной работе и закреплению индивидуальной собственности. Громадную работу совершает также частная торговля — защитница крестьянина от кабалы госторгов и кооперации.

Напротив того, национализированная промышленность, хотя и подняла продукцию с 17 до 70% довоенной, все же остается нежизнеспособной. Она не только не дает прибыли и не

производит амортизаций, но требует непрерывных казенных субсидий. Задолженность промышленности банкам равна 760 млн рублей, дотации и расход на электрификацию составили в последнем году 165 млн рублей. И это несмотря на то, что монополия внешней торговли обеспечивает промышленности громадный рынок. Внешторг также разоряет страну: крестьянин получает всего 42% экспортной цены хлеба (прежде частные скупщики давали ему 75%).

Таким образом, *возрождают русское народное хозяйство антибольшевистские элементы* — крестьянство, частные торговцы. А сохранившиеся до сих пор социалистические организации — гос[ударственная] промышленность, внешторг — живут соками частного хозяйства.

Идея НЭПа — создание ограниченной группы социалистических органов, которые бы эксплуатировали частно-хозяйственные элементы, — осуществилась. Эти социалистические органы живут паразитами на теле русского народного хозяйства. Но такое положение могло бы быть длительным только в случае, если бы эти паразитические элементы сумели удержаться от экспансии. Между тем, в 1924–1925 гг. произошел бурный рост промышленности. Число сосущих здоровые соки слишком возросло. Это и привело к нынешнему кризису¹¹. Выход из него, также как и выход из кризиса 1921 г., возможен только при дальнейшей ликвидации основных принципов советского строя.

¹ Печатается по: Бруцкус Б.Д. Судьбы русского народного хозяйства // Руль. 1926. 27 мая. С. 4.

¹¹ Хлебозаготовки 1924/25 г. принесли государству лишь $\frac{2}{3}$ планировавшегося объема, возник «заготовительный кризис». — Прим. И. А. Кузнецова.

Б. Д. Бруцкус

Экономическое планирование в советской России¹

Главная цель настоящего очерка — проследить экономическое развитие России при пятилетке. <...> Мы не предполагаем дать конкретное описание экономических мероприятий в России. Мы рассмотрим их с теоретической точки зрения. <...>

1. Истоки коммунистической «плановой экономики»

А. Попытка государственного капитализма

Пятилетний план был конечным результатом коммунистического планирования экономики. Он возник не внезапно, а был скорее результатом 11-летнего развития, краткий очерк которого мы и хотим здесь дать.

Ленин, вождь русской революции, был ортодоксальным марксистом и мало думал до захвата власти, как развивать экономическую систему после победы социальной революции. Он хотел уверить своих последователей, что тут никаких особых трудностей не предвидится¹.

¹ В известном труде «Государство и революция», написанном во время бегства из Петрограда после июльских беспорядков и накануне Октябрьской революции, Ленин высказывает убеждение, что в начале социалистического режима контроль производства и распределения и регистрация труда и товаров должны быть отданы в руки вооруженного пролетариата. «Учет, контроль, — говорит он, — упрощен капитализмом до чрезвычайности, до необыкновенно простых, всякому грамотному человеку доступных операций наблюдения и записи, знания четырех действий арифметики и выдачи соответственных расписок» (Ленин В. И. Полн. собр. соч.:

Но после октябрьской революции он тотчас понял, что задача построения коммунизма не так легка, и искал путей по возможности ее упростить. Его целью было сохранить существовавшую капиталистическую организацию с ее ценным управленческим аппаратом, поместив ее под контроль частью советского государства, а частью самих рабочих (синдикалистские тенденции). В это время его лозунг был: «При советском государстве государственный капитализм — три четверти социализма»^{II}. Он не поддерживал усилий своих товарищей национализировать все как можно скорее. Но, согласно идеям, развитым Рудольфом Гильфердингом в его известной книге «Финансовый капитал»^{III}, Ленин национализировал банки уже 14 декабря 1917 г.; он надеялся, что таким путем советское государство получит контроль надо всей системой капиталистической экономики, не разрушая ее внутренней организации.

Эта попытка государственного капитализма полностью провалилась. Она была окончательно оставлена спустя всего девять месяцев летом 1918 г., и советское государство ввело совершенно новую экономическую политику. Официально было объяснено, что невозможно оставить в руках капиталистов крупные предприятия, когда началась Гражданская война и приходится сражаться на фронте с духовными друзьями этих самых капиталистов.

Это объяснение имеет резон, но оно неполное. Была другая, более глубокая причина провала попытки. Коммунистическая партия победила, возбуждая и разжигая все анархистские страсти масс. Ленинский общеизвестный лозунг был: «Грабь награбленное». Собственность и даже жизнь ее владельца не были защищены. Когда Ленин, образуясь, хотел навести порядок, он столкнулся с чрезвычайно трудной задачей. Правительство потеряло силу, господствовал лозунг «Власть на местах!» Октябрьская революция была не менее, чем социальная революция: буржуазное общество было поражено в сердце, оно было мертво. Ленин как последователь исторического материализма был обманут тем, что каркас экономической систе-

В 55 т. 5-е изд. М.: Политиздат, 1969. Т. 33. С. 101 [см. также с. 38 настоящего издания. — *Прим. науч. ред.*]).

мы еще стоял и колеса экономической машины по инерции еще вращались, хотя гораздо медленнее. Он не понимал, что само существо буржуазного общества основано на определенных принципах, и если они отвергаются массовым движением либо новым правительством — буржуазное общество перестает существовать. Он думал, что может национализировать банки. На самом деле он лишь захватил их здания, сейфы, счета и книги. Банки как банки, самый цвет буржуазного порядка, перестали существовать через два месяца после коммунистической революции. Государственный капитализм не мог быть завершен потому, что буржуазное общество было разрушено. Оставалось строить новый экономический порядок на развалинах старого.

Б. «Военный коммунизм»

Период, начавшийся летом 1918 г. и кончившийся всего лишь тремя годами позднее в марте 1921 г., обычно описывают как период «военного коммунизма». Коммунисты последовательно применяли только это описание. Они хотели объяснить, будто эта система была навязана им войной, и они за нее ответственности не несут. Несомненно, экономическое администрирование было в то время подчинено военным запросам. Во время войны требования войны удовлетворяются в первую очередь. Война истощает экономическую систему, и ситуация может сложиться так тяжело, что для удовлетворения минимальных нужд населения придется распределять блага согласно коммунистическим принципам. Во всех странах, участвовавших в мировой войне, проявились определенные коммунистические тенденции. В советской России, где за внешней войной последовала Гражданская, которая свирепствовала более двух лет и принесла больше опустошений, чем самый острый конфликт с иноземцами, коммунистические тенденции проявились сильнее.

Но такая интерпретация экономического развития в этот период не говорит всей правды. Меры, принятые в это время, не были задуманы как временные. Действительно, многие экономические ситуации, возникшие тогда, пережили период и яв-

ляются даже сегодня основой советской экономической системы. Целью экономической политики советского правительства было не только приспособить экономическую жизнь к нуждам войны, но воздвигнуть на базе этой военной экономики систему «натурального» социализма. Дважды в этот период война утихала: зимой 1920 г. после победы над Колчаком и Деникиным и второй раз после окончательной победы над контрреволюцией в ноябре 1920 г., но в эти сравнительно мирные периоды экономическая система совершенно не менялась. Напротив, коммунизм позволил себе, можно сказать, свои самые большие оргии в месяцы, предшествовавшие объявлению НЭПа. Внезапный отход от методов военного коммунизма не был волюнтаристским: он был абсолютно неизбежен из-за политического положения, угрожавшего существованию советской власти.

Концентрация власти в политбюро во время Гражданской войны создала политическую основу для попытки ввести «натуральный» социализм. Синдикалистские тенденции, проявившиеся сразу после октябрьского переворота в виде «рабочего контроля», впавшего скоро в состояние хаоса, были полностью оставлены. Цели экономической администрации были ясно высказаны в резолюции, принятой конференцией Экономического совета в январе 1920 г. по предложению Ленина: «Централизация национального экономического управления — главное средство победившего пролетариата для развития производительных сил страны и обеспечения ведущей роли индустрии в экономической жизни»^{IV}. Управление экономической системой сперва было в руках Высшего совета народного хозяйства (ВСНХ). Эта организация, однако, потом ограничилась управлением промышленностью, и высшее управление экономической системой было возложено на Совет труда и обороны (СТО) в 1920 г. «СТО определяет общий экономический план РСФСР, представляет его Всероссийскому центральному комитету для утверждения, направляет в соответствии с планом работу народных комиссариатов, контролирует выполнение плана и делает необходимые исключения из него»^V. Советское правительство стремилось взять под свой контроль всю без исключения продукцию. Здесь оно встретило неодолимые трудности в сельском хозяйстве. В результате аграрной революции сельское хо-

зяйство было полностью раздроблено на мелкие крестьянские участки, и по экономическим и политическим причинам его было очень трудно взять под свой контроль советского правительства. Оно довольствовалось главным образом изъятием излишков сельскохозяйственных продуктов. Правда, VIII съезд Советов в декабре 1920 г. решил создать посевные комитеты (посевкомы), которые должны были свободно распоряжаться запасами и семенами крестьян и предписывать им планы посевов. Однако из-за близкого изменения экономической политики для серьезной попытки выполнить этот проект не было времени.

Рыночные операции были полностью приостановлены, и не было «горизонтального» перемещения товаров; все товары должны были сдаваться в распоряжение центральных властей и распределяться ими. Такое движение товаров должно было иметь место без денег. В то время Ленин думал, что деньги — «свидетельство права эксплуататора получать социальные блага для спекуляции, выгоды и ограбления рабочих»^{VI}. Выпуск денег не был ограничен, так как никто не заботился об их обесценивании. Отношения между государственными предприятиями должны были регулироваться без денег. Заработная плата состояла главным образом из разного рода пайков. Налоги не взимались, и городские службы оказывали свои услуги бесплатно.

Тем не менее советское правительство чувствовало необходимость ввести общую меру для товаров. В конце 1920 г. государственным предприятиям было предписано вести расчеты в единицах трудовых затрат. Однако этого официального решения никто всерьез не принял.

Система натурального социализма логично развивалась советским правительством, но она не функционировала бы, не будучи дополнена очень ограниченным рыночным обменом. Национализированное производство и распределение были почти парализованы. Это было катастрофой прежде всего для буквально опустевших городов и деревни. Когда советское правительство пыталось завершить развитие этой системы, а затем сразу по окончании войны, оно встретило отчаянное сопротивление всех слоев общества. В то время такое сопро-

тивление было еще возможно, так как советская власть еще не была столь стабильной, а массы не были еще так дезорганизованы, деморализованы и обезоружены, как позднее. Возникла ситуация, угрожавшая советской власти, и Ленин решил вопреки своим ближайшим друзьям как можно скорее изменить курс.

Коммунисты предпочитают не обсуждать причин этого провала. Наблюдатели обычно его объясняют незрелостью российской якобы недостаточно сконцентрированной экономики. Это объяснение неприемлемо, ибо противоречит фактам. Если бы успех попытки ввести натуральный социализм зависел только от высокоцентрализованного производства, то русская промышленность была прекрасным материалом для такой попытки, ибо она, хотя и не вся, но в значительной части была сконцентрирована на очень крупных предприятиях. Создание социалистической администрации для предприятий такого типа должно быть сравнительно простой задачей. Их управление принял на себя ВСНХ, в котором были образованы Главки для каждой отрасли промышленности (их было более сорока в конце периода). Можно было думать, что советское правительство преуспее в развитии тяжелой индустрии, поскольку она наиболее созрела для социализации. Однако на деле именно в этой области крах был самым ужасным. В 1920 г. продукция упала до 13% от довоенного уровня¹, ^{VII}. Причиной этого упадка была не только война, но в большой степени порочное распределение средств производства при системе натурального социализма.

При капитализме каждое предприятие получает средства производства прямо с рынка: его возможности в этом отношении соответствуют его производительности. При натуральном социализме условия снабжения средствами производства совершенно иные. Продукт каждого предприятия поступает в распоряжение Главка, не проходя оценки на рынке; дирекции предприятия остается просить необходимые средства производства у целой серии Главков. Главки не в состоянии оценить продукцию предприятия, это действительно трудно расчи-

¹ Пятилетний план народнохозяйственного строительства СССР. М.: Плановое хозяйство, 1929. Т. 1. С. 15.

тать, куда важнее политическое значение управления. Каждый Главк руководится своими собственными соображениями, согласно которым он распределяет средства производства, и у разных Главков эти соображения не совпадают.

Главки должны были точно знать в отношении всей страны, где найти средства производства, какого количества и качества. Но они этого не знали, их приказы часто бывали совершенно ошибочными. С другой стороны, у директора предприятия средства производства могли быть рядом, но он оставался пассивным наблюдателем, так как мог применять только те, которые выделены ему Главком.

Почти никогда не случалось, чтобы товары, выделенные предприятию разными Главками, соответствовали друг другу по количеству и качеству. Так как средства производства комплементарны^{VIII}, вся промышленность была таким путем постепенно парализована, хотя в стране были еще большие запасы нереализованных товаров. Время от времени объявлялось, что некоторые предприятия — обычно снабжаемые военными материалами — имеют преимущество, так что остальные страдали еще больше. Эта катастрофическая ситуация была так очевидно связана с деятельностью Главков, что само название их стало ненавистным. Позже, когда возникли аналогичные институты, никто не отважился называть их таким образом^{1, IX}.

¹ Подробности распределения товаров производителя при военном коммунизме см.: *Крицман Л. Н. Героический период великой русской революции (Опыт анализа т. н. «военного коммунизма»)*. 2-е изд. М.: Госиздат, 1926. С. 120–125. Большой поклонник военного коммунизма, как видно из названия книги, Крицман усматривает аналогию между капиталистической и коммунистической системами в их развитии путем ряда кризисов. «Связанная с анархическими чертами пролетарского натурального социализма, — пишет он (С. 125), — трудность поддержания снабжения — проблема столь же острая, как проблема рынка в капиталистической торговле. В последней периоды стагнации и кризисов чередуются с периодами процветания: в первой кризис следует за кризисом и время от времени местные затруднения вызывают большие трудности в общем положении». Но автор совсем не заметил разницы двух систем. Капиталистическая экономика пользуется периодами процветания, чтобы обеспечить жизнеспособность системы: натуральный социализм переходит от одной депрессии к другой и потому нежизнеспособен.

Мы видим, что экономическая система страдала пороками, совсем не связанными с войной; это имманентные пороки натурального социализма, продемонстрированные в первой части книги. Поэтому никакого улучшения положения в промышленности невозможно заметить за четыре месяца после конца войны. Система принесла бедность и запустение в города: сельское хозяйство было разрушено Гражданской войной, аграрной революцией и конфискациями излишков. Так пришел страшный голод 1921–1922 гг., сделавший неотложным введение НЭПа¹.

В. Новая экономическая политика (НЭП)

Сущностью НЭПа было восстановление рынка, т. е. горизонтальных связей между отдельными предприятиями, запрещенных ранее во имя одного всеохватывающего социалистического предприятия. В то же время была разрешена кооперация частных. Период военного коммунизма доказал от противного преимущество рыночной экономики; период НЭПа дал прямое тому доказательство. Несмотря на голод и еще примитивную организацию рынка, признаки оживления можно видеть сразу, как только НЭП был объявлен. Население областей, где потери урожая были не так велики, с обновленными надеждами принялось за работу. Промышленность, приведенная в состояние застоя, начала сначала медленно, но с окончанием голода в конце 1922 г. все быстрее восстанавливаться. Все это произвело впечатление на коммунистов. Советское правительство добивалось восстановления некоторых институтов капиталистического общества. Наблюдателей этот факт привел

¹ Подробности развития сельского хозяйства при военном коммунизме см. в моем: «Развитие сельского хозяйства и аграрная революция в России». Восточноевропейский институт в Бреславле. Исследования, раздел Хозяйство, т. 2, Берлин. 1925, ч. 2, с. 137–178. [По-видимому, имеется в виду монография Бруцкуса, вышедшая на немецком языке в серии трудов Института Восточной Европы в Бреслау: *Brutzkus B. Agrarentwicklung und Agrarrevolution in Russland/Osteuropa Institut in Breslau. Hft. 2. Berlin, 1925.* — Прим. И. А. Кузнецова].

к ошибочной мысли, будто построение социалистической экономики остановлено. На самом деле это было далеко не так.

Уже в марте 1922 г., через год после введения НЭПа, Ленин объявил, что отступление социализма нужно остановить и сохранить за собой командные высоты в экономической жизни, т. е. в централизованном секторе. В руках правительства еще оставались тяжелая промышленность, транспорт, реконструированная кредитная система и внешняя торговля. Оно создало торговые организации для снабжения сельскохозяйственными продуктами. Восстановленные кооперативы под управлением государства образовали специфическую форму государственного предприятия.

Все эти организации усвоили некоторые капиталистические формы, но этому не нужно приписывать решающего значения. Национализированные предприятия выполняли задачи, поставленные перед ними коммунистическим государством, и их работа диктовалась политикой, а не стремлением получить максимум прибыли. Их независимость была весьма ограниченной, и внутри они были скорее бюрократическими, чем капиталистическими. Ленин считал государственные предприятия социалистическими и противопоставлял социалистический сектор общества частному¹.

¹ Иностранные наблюдатели обычно называют государственные предприятия «государственно-капиталистическими» и соответственно всю советскую экономику в годы пятилетки государственным капитализмом. Мы считаем эти ярлыки обманчивыми, так как получение прибыли ни в коей мере не движущая сила советской системы. Причина, почему они не хотят применять термин «социалистические» к русским государственным предприятиям, та, что они не имеют горького опыта натурального социализма в своих странах и предпочитают думать о социализме как «естественной» экономической системе. И так как со времени введения НЭПа русская система действует на денежной основе, они не решаются назвать ее социалистической. Но есть другая интересная психологическая причина, почему иностранные наблюдатели, даже допускающие, что в России строят социализм, никогда не признают, что он уже построен. Средний европеец, хороший буржуазный политик у себя дома, еще думает о социализме как о воплощении всего хорошего в социальной системе. А так как очевидно, что русские граждане живут отнюдь не на постели из роз, это может значить только, что социализм еще не завершен и, действительно, в советской России есть еще остатки порочного капитализма.

Оба сектора имели формально свободные связи («смычка», по Ленину) на рынке. Всю систему НЭПа Ленин рассматривал как серьезный длительный этап. Он считал, что будущее советской экономической жизни зависит от того, кто кого сможет себе подчинить: социалистический сектор частный или наоборот.

Хотя положение малых предприятий никоим образом не было благоприятным в конкуренции с крупными и привилегированными государственными предприятиями, они показали большую живучесть. За сельскохозяйственные и промышленные товары частник всегда был готов платить много более высокую цену, чем государственные торговые организации; более того, мелкая промышленность успешно конкурировала с крупной на рынке материалов. Слабость частного сектора была не экономическая, а политическая, и это позднее решило его судьбу.

Благодаря быстрому изменению курса в области экономики, Ленин смог не делать уступок в области политической. Возникшее во время Гражданской войны всемогущество партийных вождей, для которого советская система была просто маской, осталось невредимым. В этом всемогуществе, согласно Ленину, была реализована «диктатура пролетариата» — институт, который он обычно определял как «власть, не знающую пределов, не ограниченную никакими законами, абсолютно никакими правилами и опирающуюся только на насилие»¹. При такой природе государственной власти способность конкурировать в экономике не могла иметь решающего значения для будущего частного предпринимательства. Даже когда в конце 1922 г. был опубликован Гражданский кодекс (очень растяжимый), частный бизнес оставался беззащитным против всемогущей коммунистической власти. Угроза НЭПу была отсюда, и его крах пришел скорее, чем ожидал Ленин.

¹ «Научное понятие диктатуры означает не что иное, как ничем не ограниченную, никакими законами, никакими абсолютно правилами не стесненную, непосредственно на насилие опирающуюся власть» [См.: Ленин В. И. Победа кадетов и задачи рабочей партии // Ленин В. И. Полн. собр. соч.: В 55 т. 5-е изд. Т. 12. М.: Политиздат, 1969. С. 320. — Прим. И. А. Кузнецова].

В конце 1923 г., через два с половиной года после объявления НЭПа, стало ясно, что частный бизнес не защищен законом. В партии возникла оппозиция, во главе которой стоял Троцкий — ведущий ум в партии после болезни Ленина. Троцкий признавал экономический прогресс, достигнутый при НЭПе. Но он считал, что это грозит будущему социализму. Он указывал, что влияние крестьянства растет и что возникает класс зажиточных крестьян, угрожающий советской власти. Поэтому нужно усилить давление на крестьян. Эта точка зрения противоречила идее союза рабочих и крестьян, на которой согласно обещаниям Ленина должно было быть основано ближайшее будущее советской страны. Оппозиция была подавлена, и Троцкого принудили к молчанию. Но его агитация повлияла на политику партии. В начале 1924 г. большая часть частного капитала, накопленного за три года после объявления НЭПа, была изъята. Частную торговлю отстранили от распределения товаров крупной индустрии. Ее место заняли кооперативные общества — громоздкие, но зато под контролем советского правительства. Были приняты меры и против зажиточных крестьян.

Тем не менее прокрестьянские настроения не были преодолены окончательно. В мае 1925 г. на Всесоюзном съезде Советов либеральная политика по отношению к крестьянству праздновала самую большую свою победу¹. Думали, что крестьяне сдают государству урожай по самым низким ценам и даже пытались примириться с зажиточными крестьянами. Теоретик коммунизма Бухарин воскликнул: «Обогащайтесь!»^x Как иронизировала оппозиция позднее, в то время верили в мирное вращение кулаков (зажиточных крестьян) в социализм.

«Командные высоты» экономической жизни должны были сформировать фундамент социалистической структуры. Так

¹ Постановление III съезда Советов СССР «По докладу о мероприятиях по поднятию и укреплению крестьянского хозяйства» предусматривало отказ от «каких-либо административных мер против... буржуазной (кулацкой) верхушки деревни», снижение сельхозналога, принцип свободного выбора форм землепользования, «не ставя административных преград выделению на хутора и отруба» и т. д. [См.: Съезды Советов Всероссийские и Союза ССР в постановлениях и резолюциях. М.: Власть советов, 1935. С. 333–341. — Прим. И. А. Кузнецова].

как государственные предприятия не были капиталистическими, ими нельзя было управлять без плана. Как монополистические организации, они стремились требовать очень высокие цены на свою продукцию. Но так как руководство не было заинтересовано в рентабельности своих предприятий, у них не было особых причин добиваться понижения цен. К чему может привести такая позиция, показал серьезный кризис перепроизводства, происшедший в тяжелой промышленности в начале 1924 г., когда ее продукция составляла примерно треть от довоенной. Одной из причин этого кризиса были большие убытки крестьян от инфляции осенью 1923 г. Окончательно стабилизировав денежное обращение в феврале 1925 г., советское правительство устранило эту причину. Но оставалась другая: ненормально высокие цены промтоваров. Так, в октябре 1923 г. индекс по оптовой торговле для промтоваров был 2,757 (в 1913 г. 1,000), а для сельскохозяйственных продуктов он был лишь 0,888. Отношение двух индексов было от 2 до 10. При таком положении крестьяне стремились иметь дело не с крупной промышленностью, а с мелкими частными фирмами, а если те не могли поставлять нужных товаров, их хозяйство оставалось автаркическим. Нельзя было ожидать, что неуклюжая национализированная индустрия сколько-нибудь значительно снизит цены. Советское правительство должно было вмешаться. И оно преуспело, снизив цены на промтовары на 31,2% с 1 апреля 1924 г. до 1 июля 1925 г.^{1, XI} Правительство надеялось, что с быстрым ростом выпуска продукции цены ее упадут, и эта надежда в значительной мере оправдалась. Похожие случаи ясно доказали, что монополистическим государственным предприятиям необходимо руководство сверху. Правительство должно наблюдать за ними, диктовать продажные цены и заставлять их снижать издержки производства.

В то время как буржуазные правительства ограничивались планированием бюджета, советское правительство было приучено утверждать массу планов для наиболее важных отраслей хозяйства, т. е. для тяжелой промышленности, транспорта,

¹ Попов Г. Движение цен//Внутренняя торговля Союза ССР за 10 лет. М.: Издательство Наркомторга, 1928. С. 79.

внешней торговли, закупок сельскохозяйственных продуктов и т. д. Госплан, учрежденный при СТО в феврале 1921 г. накануне введения НЭПа, занимался подготовкой этих планов. Так необходимо возникла идея общего генерального плана, без которого отдельные планы могли прийти в противоречие друг с другом.

НЭП никак не решал проблемы генерального экономического плана. Напротив, он создал условия, при которых задача более чем когда-либо могла быть возложена на агентов партии. В период военного коммунизма много говорили о генеральном плане, но не было серьезной попытки его выработать. Причиной было то, что подготовка хорошо обдуманного плана требует прежде всего подходящего баланса в денежных терминах. Идея генерального плана в безденежной экономической системе внутренне противоречива: невозможно получить ясную оценку такой системы и потому невозможно сделать для нее план. В первые три года после введения НЭПа генерального плана не могло быть просто потому, что не было стабильных денег. Проблема генерального экономического плана стала реальной лишь после февраля 1924 г., когда денежное обращение привели в порядок. Летом 1925 г. Госплан опубликовал в первый раз набросок генерального экономического плана: название было «Контрольные цифры Госплана СССР на 1925/26 г.» (в то время хозяйственный год считался с 1 октября по 30 сентября). Это событие имело решающее значение дальнейшего развития для советской экономики.

Госплан, в котором главную роль играли беспартийные специалисты, ставил перед собой скромную цель. Контрольные цифры не заменяли планов отдельных отраслей, но те должны были считаться с ними, подготовляя свои планы, чтобы избежать противоречий с основной линией развития. В принципе целью контрольных цифр было предсказать развитие частной торговли — особенно в крестьянском сельском хозяйстве, — прогресс которого Госплан не хотел прерывать. Из этих предсказаний администрация национализированных предприятий получала указания, которым должна была не повиноваться слепо, а приспосабливаться к условиям рынка. Поддерживать на рынке равновесие предложения и спроса и оберегать свободные

рыночные связи социалистического сектора с частным — это Госплан считал главной задачей экономической администрации.

Партия ставила целью быстрое восстановление и расширение индустрии и давила на Госплан. Средства должно было дать крестьянство. Крестьяне должны были обильно и дешево снабжать промышленных рабочих едой, а фабрики сырьем. Кроме того, они должны были сдавать излишки продуктов, особенно зерна, для экспорта, так как для восстановления промышленности был необходим большой импорт машин и сырья. Основываясь на опыте 1923/24 г.¹¹, когда денежное обращение еще не было стабилизировано, плановая комиссия сильно переоценивала возможность добыть зерно по дешевке. В 1923/24 г. советское правительство смогло купить у крестьян по ценам в 2–3 раза ниже довоенных столько зерна, что с большой выгодой экспортировало 2,7 млн тонн, полностью удовлетворив скромные еще запросы внутреннего рынка. Правда, в 1924/25 г. правительство не смогло повторить, как надеялось, дешевых закупок и большого экспорта зерна. Это сочли случайностью и приписали плохому урожаю 1924 г. В 1925 г. ожидался большой урожай, и Госплан ожидал, что на рынке повторится ситуация 1923/24 г. Государственные торговые организации были готовы купить у крестьян зерно по ценам ниже довоенных.

Вследствие большого прогресса свободной торговли эти надежды не оправдались. Торговые организации были вынуждены покупать зерно по ценам выше довоенных (индекс 118,9; 1913 г. = 100)¹. Вместо 13 млн тонн, как было запланировано, смогли закупить лишь 9,6 млн и экспортировать смогли вместо 5–6 млн тонн лишь 2,1 млн — меньше, чем в 1923/24 г. Хотя мощные государственные организации давили на зерновой рынок, их монопольный контроль был недостаточен, чтобы диктовать цены крестьянам. Даже при таких ценах они получали примерно на 40% меньше, чем до войны в переводе на промтовары².

¹ Экономический бюллетень Конъюнктурного института. 1927. № 11–12. С. 54.

² Попов Г. Движение цен. С. 108–110.

Частичный провал на зерновом рынке создал советскому правительству серьезные трудности. Левая оппозиция в партии снова усилилась. Вся ленинская старая гвардия интеллектуалов пришла к соглашению с Троцким. Оппозиция была сокрушена генеральным секретарем партии Сталиным, все больше бравшим партию под свой единоличный контроль; позднее, в декабре 1927 г., лидер оппозиции был исключен из партии на XV партсъезде. Но постепенно Сталин сделал программу оппозиции своей собственной.

Частичный провал плана 1925/26 г. не поколебал веры партии в плановую экономику, даже не привел к выводу, что планы нужно составлять осторожнее и нельзя выставлять таких жестких требований к крестьянству. Контрольные цифры появились через год после лета 1925 г. Они были выработаны более тщательно, так что 1927/28 и 1928/29 гг. (первый год пятилетки) дают самое важное свидетельство о характере советской экономики. Обязывающее значение контрольных цифр для администрации подчеркивалось все больше, и утверждение планов отдельных отраслей было окончательно оставлено. После восстановления старой промышленности целью плановой экономики было объявлено создание новой тяжелой индустрии. Тем не менее авторы контрольных цифр пытались поддерживать формально свободную связь между частным и социалистическим сектором; они еще верили, что самая важная задача экономического планирования — оберегать на рынке равновесие спроса и предложения.

Усилия плановой комиссии были тщетны: требования к крестьянам были много выше, чем можно было удовлетворить, и советское правительство со своей стороны не было заинтересовано оберегать бизнес на свободном рынке. Оно поняло, что пока есть частная торговля, «плановые» цены навязать невозможно, и решило ее устранить. Прежде всего административными мерами устранили частный капитал из межрайонной торговли зерном. Правительство стремилось вытеснить частного торговца из всех областей торговли деспотичными налогами и конфискациями. Затем под тем или иным предлогом было закрыто большинство мелких предприятий, конкурировавших с крупной промышленностью из-за сырья. Эти меры достигли

цели, поскольку правительство смогло навязать предопределенные цены. Индекс цен на зерно, закупаемое государственными организациями, упал с 118,9 в 1925/26 г. до 105,8 в 1926/27 г. Но в то же время рынок потерял привлекательность [для] крестьянина. Хотя восстановление зерновых площадей продолжалось в возрастающем темпе и в 1926 г. и хотя урожай 1926 г. был высоким, доля зерна, доставленного на рынок в 1924/25, 1925/26 и 1926/27 гг., колебалась между 14 и 15%, тогда как до войны она достигала 22,8%¹, так что никакого прогресса не видно. Крестьяне запасали зерно или скармливали скоту; частная торговля еще играла важную роль на рынке животных продуктов, и государственные организации вынуждены были платить за них высокие цены (индекс 163,1). В 1926/27 г. было вывезено лишь 2,25 млн тонн зерна — снова меньше, чем в 1923/24 г.

Большие вложения в промышленность — до миллиарда рублей — и рост денежного обращения на 25% (с 1343,3 млн рублей на 1 октября 1925 г. до 1670,8 млн рублей на 1 октября 1927 г.; до войны на большей территории обращалось лишь 1,7 млрд рублей) привели советское государство к инфляции — пока мягкой. Вместе с регулированием цен и относительно высокой зарплатой рабочих (в 1926/27 г. довоенные ставки были превзойдены) инфляция привела к недостатку промтоваров в сельских местностях и возрастающему нежеланию крестьян продавать продукты. Советское правительство, со своей стороны, пыталось изъять эти продукты силой.

В обзоре экономического развития за 1926/27 г. Институт конъюнктуры предупредил об этой опасности. «Попытка преодолеть нелепости рынка и товарно-денежного обращения внеэкономическими методами, — пишет Институт, — приведет в своем логическом развитии к экономическим методам военного коммунизма со всеми характерными последствиями»^{xiii}.

Институт указал также на возрождение вызванного военным коммунизмом движения «мешочников» на юг в поисках «белой муки»; незаконную торговлю товарами, чьи цены фиксированы; продажу дефицитных товаров в магазинах специальными

¹ Экономический бюллетень Конъюнктурного института. 1927. № 11–12. С. 52.

порциями по карточкам членов кооператива или удостоверениям «ответственных работников» (привилегированных коммунистов), а не обычным порядком всем покупателям; частичную оплату некоторых скупаемых видов сырья товарами и т. д. «Это, — продолжает Институт, — может привести к падению производительности деревни и резкому уменьшению ходкой части сельскохозяйственных продуктов».

В то время память о страшных годах военного коммунизма была еще свежа, и предупреждения Института вызвали в партии бурю возмущения. Из-за этого обзора Институт был закрыт, но его предвидения скоро оправдались.

События пошли, как было описано. В 1927 г. ожесточившиеся преследования крестьян привели зерновое земледелие почти к застою, а урожай после двух благоприятных лет был посредственный. Благодаря уничтожению частной торговли в стране появились «торговые пустыни». Крестьяне не хотели продавать зерно по низким ценам, чтобы копить бумажные деньги, которым никто не доверял. Между тем правительство, разрушив частную торговлю зерном, взяло на себя всю ответственность за прокорм населения. Так, в январе 1928 г. оно было принуждено к далеко идущему решению: закрыть рынки и вернуться к насильственному изъятию зерна и некоторых видов сырья. Последний столп системы НЭПа был обрушен.

Значение происшедшего еще не было ясно советскому правительству. Оно рассматривало это как изолированный эпизод и попыталось оживить свободную скупку зерна. Но так как во всем остальном принципы экономической политики не изменились, получить большое количество сельскохозяйственных продуктов от крестьян по фиксированным ценам было невозможно. Между свободными и фиксированными ценами открылась непреодоливаемая пропасть. Система НЭПа была мертва. Советское государство не могло повернуть назад: перед ним стояла задача выполнить план пятилетки.

Так еще прежде, чем пятилетка вошла в силу, первые попытки планирования привели к частичному разрушению частных форм экономической жизни и оживлению насильственного изъятия сельскохозяйственных продуктов. Планируемая экономика явно превращалась в принудительную.

- ^I Опубликовано: *Brutzkus B. Economic Planning in Soviet Russia*. London: George Routledge & Sons, Ltd, 1935. Печатается по: Бруцкус Б.Д. Экономическое планирование в советской России. Пер. с англ. В. К. Кагана // Бруцкус Б.Д. Советская Россия и социализм. Статьи. СПб.: Журнал «Звезда», 1995. С. 112–124. Комментарии к данной статье подготовлены И.А. Кузнецовым.
- ^{II} Точная цитата: «...Государственный капитализм при демократии Керенского был бы шагом к социализму, а при Советской власти был бы $\frac{3}{4}$ социализма,— потому что, кто является организатором государственно-капиталистических предприятий, того можно сделать своим помощником...» (*Ленин В.И. Доклад об очередных задачах Советской власти на заседании ВЦИК 29 апреля 1918 г.* // Ленин В.И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 36. М.: Политиздат, 1969. С. 257).
- ^{III} Рудольф Гильфердинг (1877–1941)—австрийский и германский социал-демократ, экономист-марксист, дважды занимал пост министра финансов Германии эпохи Веймарской республики, погиб в тюрьме гестапо в Париже. Его работа «Финансовый капитал» (1910) заложила основы теории В.И. Ленина об империализме как высшей стадии капитализма.
- ^{IV} «Конференция Экономического совета»—неточность перевода. Б.Д. Бруцкус цитирует резолюцию III съезда совнархозов: «Централизация управления народным хозяйством есть основное средство в руках победившего пролетариата для скорейшего развития производительных сил страны и обеспечения руководящего значения промышленности в экономической жизни». Цит. у Бруцкуса по: *Амфиитеатров Г., Гинцбург Л.* Управление хозяйством и хозяйственное право за 10 лет пролетарской диктатуры // 15 лет советского строительства. 1917–1932. Сборник статей. М.: Госиздат, 1932. С. 324.
- ^V Цитата из постановления VIII Всероссийского съезда Советов (декабрь 1920 г.) «О Совете труда и обороны». В оригинале: «Совет труда и обороны... устанавливает единый хозяйственный план РСФСР, представляет его на утверждение ВЦИК, направляет работы экономических народных комиссариатов сообразно этому плану, наблюдает за его осуществлением и устанавливает в случае необходимости изъятия из этого плана» (Съезды Советов Всероссийские и Союза ССР в постановлениях и резолюциях. М., 1935. С. 160).
- ^{VI} Точная цитата, март 1919 г.: «...Денежные знаки, эти свидетельства на право получения эксплуататорами общественного богатства, в целях спекуляции, наживы и ограбления трудящихся» (*Ленин В.И.* Проект программы РКП (большевиков) // Ленин В.И. Полн. собр. соч.: В 55 т. Т. 38. М.: Политиздат, 1969. С. 122).
- ^{VII} Б.Д. Бруцкус дает ссылку на издание: Пятилетний план народнохозяйственного строительства СССР. М.: Плановое хозяйство, 1929. Т. 1. С. 15. На этой странице имеется таблица «Валовая продукция народного хозяйства СССР, в млрд рублей по довоенным ценам» по годам с 1913 до 1927/28 гг. Графы «тяжелая индустрия» в ней нет, есть «фабрично-заводская промышленность», процентные соотношения по этой графе не подсчитаны. Ука-

зана продукция 1913 г.— 6,39 млрд руб., продукция 1920 г.— 0,82 млрд руб., т. е. 12,8% от 1913 г., что, очевидно, и имел в виду автор.

VIII То есть необходимо дополняют друг друга.

IX См. также: *Амфитеатров Г., Гинцбург Л.* Управление хозяйством и хозяйственное право за 10 лет пролетарской диктатуры // 15 лет советского строительства. 1917–1932. Сборник статей. М.: Госиздат, 1932. С. 337–338.

X В докладе на собрании актива Московской организации ВКП(б) 17 апреля 1925 г. Бухарин сказал: «...всему крестьянству, всем его слоям нужно сказать: обогащайтесь, накапливайте, развивайте свое хозяйство. Только идиоты могут говорить, что у нас всегда должна быть беднота; мы теперь должны вести такую политику, в результате которой беднота исчезла бы» (*Бухарин Н.И.* Избранные произведения. М.: Политиздат, 1988. С. 136).

XI Снижение на 31,2% зафиксировано здесь по оптовому индексу ЦСУ, по другим индексам оно было меньше: на 26,9% по бюджетному, на 19,8% по розничному индексу Конъюнктурного института, на 28,2% по индексу отпускных цен государственной промышленности (там же).

XII В СССР с 1921 по 1930 гг. хозяйственный год длился с 1 октября по 30 сентября и статистические данные приводились обычно для хозяйственного, а не для календарного года.

XIII Точная цитата: «Попытка преодолеть рыночную неувязку товарно-денежного хозяйства внеэкономическими методами, в своем логическом развитии, должна привести к методу хозяйствования периода военного коммунизма со всеми его характерными чертами» (*Вайнштейн А.Л.* Итоги и основные экономические процессы народного хозяйства СССР в 1926/27 хоз. году // Экономический бюллетень Конъюнктурного института. 1927. № 11–12. С. 15).

Часть III
ПОСЛЕ РЕВОЛЮЦИИ
1917 ГОДА:
ОТРАСЛЕВЫЕ ПРОБЛЕМЫ

А. В. Чаянов

Что такое аграрный вопрос?¹

1. ВВЕДЕНИЕ

Революция поставила перед русской общественной мыслью величайшие задачи строительства новой демократической России.

Долгие годы упорной творческой работы должна затратить русская демократия для своего политического, гражданского и народно-хозяйственного устроения.

Если в области политической и гражданской перед нами стоят ясные и сравнительно простые задачи, разрешение которых всецело поддается нашей воле, нашим человеческим законам, то гораздо более трудная задача лежит перед нами в области экономического строительства.

Народно-хозяйственная жизнь развивается сообразно своим законам, стихийным, почти не зависящим от воли человека.

Поэтому, приступая к реформе нашего хозяйственного строя, мы ни на минуту не должны забывать, что далеко не все в народно-хозяйственной жизни подчиняется нашей воле.

Мы должны знать основные законы экономического развития и, познав их, построить в соответствии с ними наши человеческие государственные законы, стремясь будущее хозяйственное развитие России приблизить к нашим социальным идеалам.

Идя другим путем, мы неизбежно обрекаем себя на тяжелое разочарование! Это особенно нужно помнить, приступая к решению аграрного вопроса, — этого важнейшего вопроса нашей экономической жизни.

В нашей стране три четверти населения прилагает свой труд к земле. Сельское хозяйство является основой всего народного

хозяйства нашей родины. Давая нашему сельскому хозяйству демократическое и прочное устройство, мы тем самым строим прочный фундамент всему народному хозяйству и всей нашей государственности.

Поэтому к аграрному строительству необходимо приступать с отчетливым сознанием величайшей ответственности, на нас лежащей, с вдумчивой осторожностью и в то же время с твердой решимостью.

Присматриваясь к руководящим кругам нашего общественного мнения, мы с чувством глубочайшего удовлетворения видим, что именно это сознание разделяется всеми.

Обсуждение аграрного вопроса почти не имеет теперь характера нетерпимых партийных споров, почти всегда это серьезное обсуждение, проникнутое уважением к различным мнениям, общая совместная работа, стремящаяся к одной цели и не предпрещающая результатов.

Самый факт образования межпартийной «Лиги аграрных реформ»¹¹, объединившей в своих рядах и народников, и марксистов, и сторонников системы единого налога, свидетельствует об этом.

Теперь нет никакого сомнения, что все наши старые аграрные программы должны быть нами пересмотрены, и самый аграрный вопрос должен быть поставлен заново.

Старые программы создавались нами 10–12 лет тому назад в совершенно другой обстановке, чем та, которая окружает нас сейчас.

Крестьянское хозяйство 1917 г. не то, каким было крестьянское хозяйство 1905 г. Изменилось само крестьянское хозяйство: иначе обрабатываются поля, иначе содержится скот, крестьяне больше продают, больше покупают. Крестьянская кооперация покрыла собою нашу деревню и переродила ее; стал развитее и культурнее наш крестьянин. Столыпинское землеустройство до крайности запутало земельные отношения, крестьянство купило в частную собственность многие миллионы десятин земли.

Изменилась в корне и политическая обстановка.

Но самое важное то, что решение аграрного вопроса есть теперь дело завтрашнего дня.

Теперь уже не время провозглашения одних общих идей, не время голых принципов.

Необходимы детальные законопроекты, организационные планы земельного переустройства, инструкции межевых работ, финансовые расчеты проведения реформы...

Аграрный вопрос перешел теперь из мира отвлеченных идей и противопоставления принципов в область конкретной организационно-хозяйственной работы.

Мы не можем, конечно, отказаться от наших руководящих идей; наши социальные идеалы по-прежнему останутся для нас путеводными огнями, но мы в то же время должны помнить, что задача сегодняшнего дня заключается не только в исповедании тех или иных идей, но и в нахождении форм конкретного воплощения этих идей в действительной жизни.

Это воплощение не должно быть поверхностным, оно не должно быть чуждым телом, насильственно втиснутым в толщу народного хозяйства,— оно должно органически войти в народно-хозяйственную жизнь, слиться с нею.

Мы не можем преградить путь потоку развивающейся хозяйственной жизни, но мы должны всеми зависящими от нас мерами направить его течение в русло, соответствующее нашим социальным идеалам.

Разрешая аграрную проблему, мы должны вникнуть в природу земледельческого хозяйства, и все наши мероприятия, направленные к указанной цели, должны сообразовать с основными законами развития земледелия.

На пространстве нашей необъятной родины формы и направления развития сельского хозяйства далеко не одинаковы.

А соответственно разному хозяйственному укладу различно складываются и земельные отношения.

В то время как в азиатской России мы встречаемся еще с пастбищным хозяйством, а на юго-востоке хозяйничают, не зная навозного удобрения, и забрасывают землю на отдых в многолетнюю залежь—в центральной России быстро развивается молочное скотоводство и посевы кормовых трав.

В этих условиях аграрный вопрос не может получить одного для всей России решения, и каждый раз он должен иметь свое особое аграрное устройство.

Так раскрывается перед нами во всей ее сложности новая постановка аграрного устройства.

Много месяцев упорной работы будет затрачено нами, прежде чем мы увидим ясно и конкретно пути его разрешения. Столкнутся различные мнения, будут противопоставляться различные пути аграрной реформы. Но уже теперь нам ясны основные положения, в русле которых потекут аграрные споры.

Все согласны с тем, что трудовое крестьянское хозяйство должно лечь в основу аграрного строительства России, и это хозяйство должно пользоваться землей нашей родины.

Передача эта должна совершаться на основе государственного плана земельного устройства, разработанного при учете бытовых и экономических особенностей отдельных районов нашего отечества и планомерно и организованно осуществляемого без нарушения производственного напряжения народного хозяйства.

Всеми нами точно так же отчетливо осознается, что земельное устройство есть только часть решения аграрной проблемы. Передав землю крестьянскому хозяйству, надо устроить это крестьянское хозяйство, надо внести в него культуру, дать ему агрономические знания, организовать в мощные кооперативы, упрочить его положение на рынке и снабдить его доступным кредитом.

Вот путь, по которому пойдет наша аграрная реформа.

2. ПОСТАНОВКА АГРАРНОГО ВОПРОСА

При совершающемся ныне пересмотре аграрных программ, как и вообще при решении всякого вопроса, успех работы в большой своей части зависит от того, насколько правильно будет поставлен самый вопрос.

Если постановка вопроса будет сделана правильно и удачно, то этим наполовину разрешится сам вопрос; если же мы допустим неправильности в самой постановке его, то все наши усилия окажутся бесплодными, и работа фатально будет обречена на неуспех.

Поэтому прежде чем приступить к решению аграрного вопроса, мы должны тщательно разобрать его постановку.

Мы должны отчетливо установить наше понимание, в чем же именно заключается вопрос в аграрном вопросе и каким условиям должен удовлетворять ответ на этот вопрос.

Без этого установления наши работы над выработкой аграрных программ неизбежно останутся случайными и будут лишены планомерности.

К аграрному вопросу можно подходить с различных отправных пунктов. Многие из нас склонны рассматривать решение аграрной проблемы в виде воплощения в жизнь основных социальных идей своего мирозерцания.

«Свет, воздух и земля,— говорят одни,— по самой природе своей являются свободными стихиями и не могут быть захвачены кем-либо в частную собственность. Они принадлежат в равной мере всем и каждому».

С этой точки зрения решение аграрного вопроса заключается в освобождении земли от оков частной собственности. Аграрная реформа должна преследовать именно эту цель, и поскольку она будет достигнута, аграрный вопрос будет разрешен.

Другие подходят к аграрному вопросу, исповедуя принцип государственного обобществления всех процессов народно-хозяйственного производства. Сельское хозяйство рассматривается ими как отрасль государственного производства, доставляющая продукты земледелия и скотоводства.

Решение аграрного вопроса с этой точки зрения будет заключаться в организации сельского хозяйства как отрасли государственного хозяйства, построенной по одинаковым с другими отраслями промышленности социальным началам.

Мы, социальные строители сегодняшнего дня, не отрицаем, конечно, великого значения этих социальных идей, но мы в то же время не можем принять их как исходный пункт при решении аграрного вопроса. И вот почему.

В каждом социальном явлении всегда существуют два начала—стихия и разум.

Стихийное развитие—это развитие, не зависящее от чьей-либо направляющей, руководящей воли, совершающееся по своим законам, которые люди могут познать, но бессильны отменить или заменить другими. Другим началом являются явления общественного сознания.

Организованный общественный разум, в лице государства и других форм своего выражения, имеет немалую мощность влияния на социальное и экономическое развитие. Однако при столкновении со стихийными законами социального развития он далеко не является полновластным.

Особенно ограничено его влияние в области народно-хозяйственной жизни, ибо здесь поток стихийного развития особенно мощен и слишком незначительно поддается рационализации. Вот почему, приступая к строительству новых основ аграрного строя нашей родины, мы не можем рисовать себе план этого строительства, исходя исключительно из разума, из наших отвлеченных идей.

Идеи эти не зависят от времени и места, и аграрные системы, дедуктивно выведенные из них, одинаково применимы как к сельскому хозяйству Ассирии времен Ашшурбанапала, так равно к эпохе Аристотеля или Робеспьера; как к натуральному строю России времен радищевского «Путешествия из Москвы в Петербург»^{III}, так и к современной русской деревне, покрытой кооперативами, переустроенной на денежно-товарный строй ведения хозяйства.

Вот с этим-то положением мы, строители реальной жизни, никак не можем согласиться и считаем, что в разных фазах сельскохозяйственной эволюции перед нами стоят различные вопросы аграрной политики, по-разному разрешаемые.

В киргизских кочевьях Средней Азии перед нами стоят одни проблемы аграрного устройства, на трехпольных тамбовских полях — совершенно другие; аграрный строй эстляндской^{IV} деревни намечает собой иной путь аграрного развития, чем виноградарники южного берега Крыма или кишлаки, ведущие поливную культуру риса и хлопчатника в долине Зеравшана.

Наконец, сама частная собственность на землю, не отвечающая нашим идеалам, тем не менее не представляется нам в виде социального недоразумения, случайно возникшего на почве захвата. Для нас она социальный факт, порожденный условиями времени и места и имеющий социальные корни, не только в виде захвата власть имущих.

Поэтому единственным путем решения аграрного вопроса кажется путь подробного и тщательного анализа суще-

ствующей организации сельскохозяйственного производства и выросших из нее аграрных и рабочих отношений; изучение происхождения исследуемых систем хозяйства и аграрных отношений, а также возможных путей и тенденций их дальнейшего развития.

Однако на этом анализе работа наша не может быть закончена. Мы должны не только изучить и описать действительность и тенденции, в ней таящиеся, но установить также и свое к ней отношение. Мы должны дать социальную оценку наблюдаемым фактам.

Поэтому следующим этапом работы должно явиться установление теоретических критериев, с точки зрения которых мы могли бы оценивать как анализируемую организацию производства и аграрные отношения, ей свойственные, так и возможные пути их дальнейшего развития.

Далее подлежит вскрыть при помощи найденных критериев недостатки существующего аграрного и производственного строя; разработать такие формы аграрного строя, которые бы не противоречили стихийному развитию народно-хозяйственной жизни и в то же время были лишены существующих недостатков; наконец, разработать ряд необходимых государственных и общественных мероприятий, могущих воплотить в жизнь намеченные планы.

Только этот путь обещает нам реальный успех, только идя им, мы гарантируем себя от тяжелых разочарований.

Скопленный нами опыт статистических, экономических и исторических исследований дает нам сильное оружие на этом пути, и для всей нашей работы наиболее ответственным моментом является установление социальных критериев, определяющих собою направление нашей работы.

Одним из таких критериев обычно называют развитие производительных сил. С этой точки зрения всякие изменения хозяйственного строя, увеличивающие производительную мощь народно-хозяйственного механизма и умножающие общий национальный доход страны, будут считаться явлением прогрессивным.

Для нас, трудовой демократии, понятие развития производительных сил по отношению к сельскому хозяйству может

быть выражено как улучшение условий и способов приложения народного труда к земле, увеличивающее производительность этого труда.

При этом понимании увеличение народного богатства исчисляется не на единицу капитала или земельной площади, а на живого человека.

Все реформы, всякое воздействие организованного общественного разума на нашу хозяйственную жизнь должны оцениваться нами с этой точки зрения.

Однако мы не можем пользоваться только этим критерием. Для нас, демократов, недостаточно организовать народное производство, необходимо подумать и о распределении.

Для нас не безразлично, в чьи руки попадут народные богатства, произведенные народным трудом на наших полях.

Поэтому, помимо критерия производственного, мы должны выработать критерий, дающий возможность построить оценку с точки зрения распределения народного дохода. Таковым критерием является демократизация распределения национального дохода, говоря иначе, — наиболее равномерное распределение его между всеми, трудящимися над его созданием.

Применяя этот принцип к устройству нашей жизни, мы не можем ограничиться только сельскохозяйственной жизнью, но должны иметь в виду в то же время народное хозяйство в целом.

В современном обществе хозяйственная жизнь давно провела сложное социальное распределение труда.

Труд крестьянина, агронома, рабочего, коммерсанта, инженера, служащего, банкира и моряка разделил наше общество на особые производственные группы и классы.

Наш национальный доход не является продуктом труда какой-либо одной из этих групп, но является созданием их совместной работы.

В куске материи, покупаемой нами у сельского торговца, вы найдете труд земледельца и труд фабричного рабочего, труд железнодорожника, труд инженера-техника и труд изобретателя паровой машины. И трудно разделить в конечном продукте, какая часть его ценности кем создана. И так во всех продуктах.

Поэтому, приступая к организации распределения нашего общенационального дохода между всеми работниками, его

создавшими, мы не можем ограничиться какой-нибудь одной отраслью народного хозяйства, но должны ставить перед собою общую проблему перераспределения национального дохода.

Говоря о перераспределении национального дохода, мы меньше всего думаем о чем-нибудь, напоминающем черный передел наличного количества материальных благ.

Подобное мероприятие может позволить себе в юношеском наивном порыве молодая революционная демократия, но всякому экономисту ясно, что действия такого рода не решают вопроса.

Мы говорим поэтому о новых производственных отношениях, в результате которых национальный доход будет распределяться более демократично, чем он распределяется теперь.

Итак:

- 1) наибольшая производительность народного труда, прилагаемого к земле;
- 2) демократизация распределения национального дохода.

Вот два основных критерия, с точки зрения которых мы будем оценивать существующие системы аграрных отношений, их историческое прошлое и пути их возможного будущего.

С точки зрения этих двух критериев мы можем оценивать и мыслимые системы производственных отношений, в том числе систему государственного социализма и анархического коммунизма, которые могут считаться идеальным организационным выражением второго из них.

Применяя эти критерии к оценке наших аграрных проектов и государственных мероприятий, мы ни на минуту не должны забывать, что их два и что каждое явление мы должны оценивать как с производственной точки зрения, так равно и с точки зрения организации распределения.

Между этими оценками могут быть столкновения и даже противоположения; то, что увеличивает производительность, не всегда может уместиться в форме демократической организации распределения, и обратно: не всякая демократизация увеличивает производственную мощьность.

Однако мы не можем дать общего решения этих столкновений, и в каждом конкретном случае должны пытаться творчески привести к гармоничному сочетанию оба организационных принципа.

3. «ЗЕМЛЯ — ТРУДОВОМУ НАРОДУ!»

Основным требованием всех демократических аграрных программ является лозунг: «Земля — трудовому народу!».

Согласно этому требованию, все земли, находящиеся в пользовании крупного помещичьего хозяйства, должны быть переданы в руки трудового крестьянского хозяйства.

Прежде чем согласиться с этим положением, мы должны оценить его с точки зрения двух критериев, установленных нами в предыдущей главе.

Мы должны прежде всего уяснить себе, является ли трудовое крестьянское хозяйство, в котором все работы совершаются силами самого хозяина и его семьи, столь же мощной и совершенной хозяйственной организацией, как и крупное капиталистическое хозяйство, в котором работы совершаются наемными рабочими, и хозяин оставляет за собой только организацию и общее руководство предприятием.

В свое время этому вопросу было посвящено много ученых работ и ожесточенных споров о борьбе крупного и мелкого хозяйства в земледелии.

Сторонники крупной формы производства указывали, что в земледелии мелкое хозяйство так же обречено на гибель, как и в обрабатывающей промышленности, где капиталистическая фабрика давно убила ремесленника и кустаря.

Защитники мелкого земледелия возражали, указывая на ряд коренных отличий сельского хозяйства, в силу которых борьба крупного и мелкого производства не может иметь тех же результатов, как в промышленности.

Если мы припомним эти старые споры, все доводы противников, то, несомненно, должны будем признать, что при прочих равных условиях хозяйство крупное почти всегда имеет преимущество перед хозяйством мелким. Это — основной экономический закон и было бы нелепостью его отрицать.

Но, признавая этот закон, мы должны в него вдуматься несколько глубже и, наблюдая даже обрабатывающую промышленность, будем вынуждены отметить, что в разных ее отраслях крупное производство далеко не в одинаковой мере побеждает

мелкое. В одних оно совершенно убило мелких ремесленников и кустарей; так, например, ручное прядение окончательно разгромлено механическим веретеном.

Костромская пряжа-крестьянка, по исследованию Барыкова, продавая свою пряжу по ценам фабричной, вырабатывала за 14-часовой рабочий день около 8 копеек. В этих условиях никакая конкуренция невозможна.

Но уже в ткачестве мы видим несколько иное положение вещей. До сих пор еще ручное ткачество удерживалось в Московской и Владимирской губерниях. Хотя условия его существования тяжелы, но все-таки оно выдерживает конкуренцию фабрики.

Правда, ручные ткачи захвачены во власть торгового капитала, но производство все же остается мелким.

В области слесарной, валенной, игрушечной и им подобным мелкое производство до сих пор остается преобладающим.

Таким образом, даже в самой промышленности преимущества крупного производства перед мелким не везде одинаковы: в одних отраслях они подавляющие, в других ничтожны.

Поэтому, когда мы говорим о преимуществах крупной формы производства над мелкой, для нас недостаточно признать самый факт преимущества. Необходимо задать себе и количественный вопрос, насколько значительно количественное выражение преимуществ крупного хозяйства над мелким.

А поскольку этот вопрос задается относительно сельского хозяйства, мы должны ответить на него, что в земледелии количественное выражение преимущества крупного хозяйства над мелким незначительно.

Основная причина этому заключается в том, что в промышленности крупные формы производства убивают мелкие главным образом там, где была возможность концентрировать производство в пространстве, где можно было десятки тысяч лошадиных сил свести к одному паровому двигателю, где можно было тысячи рабочих поместить под одной крышей многоэтажного фабричного корпуса.

Этим создавалась огромная экономия и значительно понижалась себестоимость изготавливаемого продукта.

Там, где не было возможности произвести такую пространственную концентрацию, там не было и победного шествия крупного производства.

В земледелии подобная концентрация немыслима.

Что представляет из себя сельское хозяйство. В своей основе—это использование человеком солнечной энергии, падающей на поверхность земли.

Человек не может солнечные лучи, падающие на сто десятин, собрать на одну, он может только улавливать их зеленым хлорофиллом своих посевов на всем пространстве их падения. В самой своей сущности сельское хозяйство неотъемлемо связано с пространством, и чем крупнее сельскохозяйственное предприятие, тем большую площадь оно должно занимать. Никакой концентрации в пространстве здесь нельзя произвести.

Приведу небольшой пример. Фабрикант, имеющий двигатель в 100 лошадиных сил и желающий в 10 раз увеличить свое производство, может установить двигатель в 1000 лошадиных сил и тем значительно удешевить себестоимость работы.

Сельский хозяин, обрабатывая свою запашку одной лошадью, желает увеличить свои посевы в десять раз. Он не может, конечно, завести себе лошадь в десять раз более крупную по своим размерам, но принужден заводить 10 лошадей, таких же по качеству, как и первая лошадь.

Некоторое удешевление работы будет достигнуто при переходе с лошадиной тяги на тракторную (автомобильную). Но хозяин, уже имеющий один трактор, при десятикратном увеличении посева не может увеличить мощность трактора, но должен заводить десять таких же машин, работающих одновременно на разных пространствах, благодаря чему себестоимость работы уменьшится незначительно.

То же самое можно сказать относительно другого инвентаря,—семян, удобрения, скота и прочего.

Сельский хозяин, увеличивая свое производство, в большинстве случаев должен умножить число предметов, а не увеличивать их размеры. Благодаря этому количественное выражение выгоды укрупнения не может быть особенно значительным.

Помимо этого, приходится отметить, что сама природа земледельческого производства ставит естественный предел укрупнению сельскохозяйственного предприятия.

Раз сельское хозяйство неизбежно разбросано в пространстве, то сельский хозяин должен по этому пространству передвигать огромное количество предметов. Должны передвигаться люди и животные, должны перевозиться машины, удобрения и полученные продукты.

Чем больше хозяйство, тем больше его обрабатываемая площадь, тем, следовательно, большее количество продуктов и на большее расстояние будет перевозиться, и все более и более будет возрастать стоимость внутрихозяйственных перевозок как в расчете на все хозяйство в целом, так равно и на единицу получаемого продукта.

Чем интенсивнее будет хозяйство, чем глубже и тщательнее будет обрабатываться пашня, чем больше будет удобрения и уход за культурами, тем чаще и чаще будут происходить выезды на поля из усадьбы и тем дороже лягут эти переезды на себестоимость продукта.

При экстенсивной зерновой системе хозяйства в нашей Оренбургской или Саратовской губернии хозяин может ограничиться двумя выездами: на посев и на уборку.

Но как только он начал производить осеннюю вспашку под яровые, вывозить на поля навоз,—число выездов возросло во много раз, что мы можем наблюдать в наших центральных земледельческих губерниях.

Дальнейшая интенсификация — переход к пропашной обработке, замена злаковых растений свеклой, турнепсом, картофелем,— настолько увеличивает массу передвижения, что каждая лишняя сажень отдаления поля от усадьбы становится чувствительной.

Вся выгода, получаемая от укрупнения производства, поглощается удорожанием внутрихозяйственного транспорта, и чем интенсивнее хозяйство, тем скорее наступает это поглощение.

Наши оренбургские и саратовские хозяйства часто ведутся из одной усадьбы на площади в две-три тысячи десятин. В Полтавской губернии такое укрупнение уже было бы невозможным.

В губернии Киевской и культурных странах Западной Европы издержки внутрихозяйственного транспорта еще более суживают размеры хозяйства, доводя их оптимальные размеры до 200–300 десятин.

Нередки случаи, когда при интенсификации хозяйства крупные владельцы были принуждены дробить свои поместья на ряд отдельных хозяйств-хуторов. Являясь крупными землевладельцами, они были мелкими или средними земледельцами.

Таким образом, сама природа сельскохозяйственного предприятия ставит пределы его укрупнению, благодаря чему количественное выражение преимуществ крупного хозяйства над мелким в земледелии никогда не может быть особенно большим.

Однако для нас этого признания еще недостаточно. Рассмотрим, где главным образом проявляются преимущества крупного земледельческого хозяйства над мелким. Крупный хозяин главным образом выигрывает в области сношений с внешним миром; выступая на рынке как крупный покупатель и крупный продавец, он пользуется всеми преимуществами оптового рынка и дешевым банковым кредитом, в то время как крестьянин находится во власти скупщиков и ростовщиков.

Далее можно отметить значительные преимущества в области пользования сложными машинами, как то: сепаратором, зерноочистилкой; племенными производителями: быками и жеребцами и, что нам представляется наиважнейшим, — в области использования агрономической науки в лице приглашенных агрономов и специалистов.

Однако во всех этих областях кооперативная практика ясно указывает нам на возможность сделать все эти преимущества крупного хозяйства достоянием мелких крестьянских хозяйств. Для этого достаточно те отрасли крестьянского хозяйства, в которых крупная форма хозяйства имеет несомненные преимущества над мелкой, выделить из отдельных крестьянских хозяйств, не разрушая их индивидуальности, и организовать их на стороне в кооператив, подняв на степень крупного производства.

Во всех кооперативных объединениях мелкие крестьянские хозяйства достигают такой крупноты и мощности, с ко-

торыми не могут сравниться никакие крупные частные хозяйства.

Русские кооперативные центры—Московский народный банк, Московский союз потребительских обществ, Центральное товарищество льноводов, Союз сибирских маслодельных артелей,—объединяющие сотни кооперативов и миллионы крестьянских хозяйств, насчитывают свои обороты десятками миллионов рублей.

Таким образом, благодаря особенностям сельского хозяйства и возможности для крестьянского хозяйства кооперировать отдельные отрасли, мелкое трудовое крестьянское хозяйство как хозяйственная организация технически мало уступает крупному капиталистическому земледельческому предприятию.

Однако для того чтобы предпочесть трудовое крестьянское хозяйство хозяйству помещичьему и капиталистическому, нам не только необходимо установить отсутствие преимуществ у крупного хозяйства, но также и их наличие у хозяйства крестьянского.

Имеются ли они налицо?

Отвечая на этот вопрос, мы должны более глубоко вникнуть в природу крестьянского хозяйства.

До сих пор мы говорили о крупном и мелком хозяйстве, но в настоящее время для большей части экономистов это противопоставление уже изжито и представляется неправильным в самой своей постановке.

Говоря о мелком и крупном хозяйстве, мы противопоставляли количество против количества же. На самом же деле мы имеем перед собою качественное противопоставление.

Мы должны противопоставлять не мелкое и крупное хозяйство, а хозяйство трудовое, которое ведется самим хозяином и рабочими силами его семьи, с одной стороны, а с другой стороны,—хозяйство капиталистическое, которое ведется наемным трудом.

Таковы два принципиально различных типа хозяйственной организации.

Почти всегда полунатуральное трудовое крестьянское хозяйство настолько тесно связано в своей организации с потреби-

тельским бюджетом хозяйствующей семьи, что его задачи могут быть выражены следующим образом.

Задачей крестьянского трудового хозяйства является предоставление средств существования хозяйствующей семье путем наиболее полного и возможного использования имеющихся в ее распоряжении средств производства и рабочей силы самой семьи.

Подобная формулировка никак не может подойти к хозяйству капиталистическому, ибо в нем отпадает последнее условие, и все определение в конце концов сокращается в следующую фразу:

Задачей нетрудового хозяйства является наиболее полное использование вложенного в предприятие капитала, короче говоря, получение максимальной прибыли на этот капитал. Это последнее определение, в свою очередь, не может быть приложено к трудовому хозяйству, ибо для последнего возможны случаи, когда выгоднее пользоваться меньшей прибылью на капитал (определяя прибыль бухгалтерски при оценке своего труда по нормам заработной платы), раз при этом явится возможность несравненно полнее использовать рабочую силу семьи и в итоге добиться большего прироста средств существования.

Говоря иначе, задачей капиталистического хозяйства является чистая прибыль хозяйства, в то время как задачей трудового — валовая прибыль. А так как высокая валовая прибыль не всегда совпадает с высокой чистой прибылью, то не нужно особенно много доказывать, чтобы понять, что с точки зрения наибольшей производительности интересы трудового хозяйства являются в гораздо большей степени совпадающими с интересами всего народного хозяйства в целом. В этом огромное социальное преимущество трудового хозяйства. Постараюсь пояснить сказанное небольшим примером.

Имеем культуру льна и культуру овса. Первая культура, являясь культурой трудоемкой, требует на десятину сто рабочих дней и дает высокий валовой доход, культура же овса требует всего двадцать рабочих дней, дает малый валовой доход, но зато более высокий чистый^v, как это видно из приложенной таблицы:

	Валовой доход	Стоимость труда	Другие издержки	Чистый доход
Овес	40 руб.	20 руб.	5 руб.	15 руб.
Лен	115 руб.	100 руб.	10 руб.	5 руб.

Нет никакого сомнения, что крестьянское хозяйство, стесненное в своей земельной площади, всегда предпочтет лен овсу, капиталистическое же всегда поступит обратно и будет сеять овес.

Культура же льна, увеличивающая национальный доход и массу труда, прилагаемую к земле, является наиболее желательной также и с точки зрения народного хозяйства вообще.

Таковы основания, заставляющие нас предпочесть трудовое крестьянское хозяйство капиталистическому помещичьему с точки зрения производственной. Едва ли нужно доказывать, что с точки зрения демократизации национального дохода мы также должны предпочесть хозяйство крестьянское.

4. КАК БЫТЬ С ЛЕСАМИ И СПЕЦИАЛЬНЫМИ ВИДАМИ ХОЗЯЙСТВ

Когда мы в предыдущей главе доказывали, что в земледелии наиболее совершенной хозяйственной организацией народного труда является трудовое крестьянское хозяйство, обобщившее некоторые свои хозяйственные отрасли в кооператив, то мы говорили о наиболее распространенных формах сельского хозяйства — о полеводстве и скотоводстве обычного типа.

Невольно напрашивается вопрос о том, могут ли наши выводы распространяться на все виды сельского хозяйства или же некоторые из них должны составить исключение из общего правила.

Этот вопрос относится главным образом к лесам и к специальным видам сельского хозяйства, как то: племенному животноводству, выводу новых сортов (селекции растений), садо-

водству и проч. Некоторые технические особенности ведения хозяйств этого типа заставляют выделить их особо.

Правильно устроенное сельское хозяйство, разделяющее леса на многие десятки участков, постепенно вырубаемых в 60–80-летнем возрасте и вновь искусственно засаживаемых, требует огромных площадей, плана хозяйства, разработанного на десятки лет вперед, и единой воли, осуществляющей этот план руками многочисленных работников, сторожей, лесничих, пильщиков, объездчиков, конторских служащих, приказчиков, ученых лесоводов, фитопатологов и энтомологов.

Размеры этого хозяйства и присущая ему сложность разделения труда между многочисленными категориями работников делают его непосильным для трудового хозяйства.

Поэтому при обращении лесов в общенародное достояние они не могут быть распылены между отдельными трудовыми хозяйствами или даже общинами, но должны быть переданы частью в распоряжение целых органов самоуправления, а для лесов, имеющих общегосударственное значение, в распоряжение самого государства.

Совершенно другие причины заставляют нас обратить внимание на племенное животноводство, селекцию и прочие виды хозяйств, требующих не столько большого капитала или многочисленных рабочих рук, сколько глубоких знаний и тонкого искусства.

Таких хозяйств очень немного, а их организация складывается из двух элементов: творческого ума, усвоившего весь запас знаний, скопленных человечеством в этой области, исследующего и направляющего хозяйство часто интуитивными путями, и многочисленных рабочих рук, выполняющих задания, данные агрономическим разумом.

Громадное государственное значение этих хозяйств не может быть отвергнуто никем, а число руководителей, могущих их вести, ничтожно.

Использование их знаний и их искусства заставляет государство вооружать их творческую волю не только их собственными руками, но и потребным количеством других рук, мощ-

ным рабочим аппаратом, который позволит использовать ее до конца.

Мы не решаем сейчас спорного вопроса о том, в государственной или кооперативной форме должны быть организованы хозяйства этой категории и как будет поступлено^{VI} во время реформы с теми из них, которые сейчас находятся в частной собственности. Ясно только, что хозяйства эти не смогут быть построены на трудовых началах.

Прочитав эти строки, меня могут упрекнуть в непоследовательности, могут сказать, что если я так дорожу культурными хозяйствами, то почему же я вообще не ратую за сохранение частновладельческих хозяйств, которые в настоящее время в среднем стоят значительно выше по своей культурности, чем хозяйства крестьянские.

Передача их в руки трудового хозяйства, в настоящем его виде малокультурного, несомненно, должна значительно снизить производительность используемых им земель.

На это мы заметим, что частновладельческие посевы составляют всего 11 процентов общей посевной площади Европейской России; даже сокращение их урожаев вдвое дает понижение общего национального урожая всего на 6 процентов.

Несомненно, что подъем агрономической техники, грядущий после земельного переворота, быстро покроет этот дефицит.

Гораздо опаснее то, что урожай этих 11 процентов посевной площади почти целиком продавался частными владельцами, в то время как урожай крестьянского хозяйства в большей своей части потреблялся хозяйствующей семьей. Благодаря этому из общего количества хлебов, поступающих на рынок, частновладельческие хлеба составляют более 40 процентов. Передача частновладельческих земель крестьянину, несомненно, ослабит товарный характер их эксплуатации, и предложение зерновых хлебов на русском рынке немедленно должно сократиться, что отразится значительно на повышении цен, на сокращении нашего экспорта.

Однако развитие потребностей нашего крестьянского быта заставит крестьянство увеличить денежность своего хозяйства и тем постепенно развить предложение хлебов.

5. ЗЕМЕЛЬНЫЙ ВОПРОС ИЛИ ВОПРОС АГРАРНЫЙ?

Через несколько дней после образования Временного правительства у входа ведомства земледелия в Петрограде был вывешен большой красный плакат «Земля и Воля. Министерство земледелия».

Старое народническое знамя, десятилетия бывшее знаменем революционных демонстраций, становится знаменем государственного строительства.

Какое же содержание будет иметь государственная работа, ведущаяся под этим знаменем?

Что такое «Воля»?

Что такое «Земля»?

Воля для нас, строителей новой России, является не только освобождением от произвола старой власти, от полицейского участка, но также свободным строительством демократического государства и демократического земства, дружной работой всех живых и культурных сил нашей родины в деле народного просвещения, народного здоровья и устройства духовной и хозяйственной жизни нашего народа.

Точно так же, когда мы говорим о земле, мы думаем не только о десятинах пашни, луга и леса. Земля сама по себе мало интересует нас.

Говоря о земле, мы говорим о труде человека, прилагаемом к земле.

Труд земледельца, эта хозяйственная основа жизни нашего государства, должен быть защищен и устроен демократической Россией.

Мы должны облегчить этот труд, умножить его мощь, улучшить все условия его приложения к земле и удвоить, утроить его производительность.

Первым условием труда земледельца является, конечно, земля, поэтому первым шагом нашего аграрного устройства должна явиться земельная реформа.

Все земли нашей Родины должны быть предоставлены свободному труду. Мы не скрываем от себя, конечно, что земельная реформа сама по себе не может дать много нашей деревне.

За полстолетия, протекших со времени освобождения крестьян, крестьянское хозяйство приобрело путем покупки у частных владельцев около 27 млн десятин земли, по преимуществу пахотной.

Полная национализация некрестьянских частновладельческих земель будет означать, что арендная плата за 20 млн десятин земли, постоянно арендуемых у владельцев, будет понижена и будет выплачиваться не владельцам, а государству, а около 10 млн десятин владельческой запашки, часть доходов с которой в виде заработной платы крестьяне получали и ранее, расширит собою площадь крестьянского хозяйства.

Если наше трудовое крестьянское хозяйство поглотит все капиталистические запашки и все его средства производства, то его расширение будет незначительным, так как до Революции наше сельское хозяйство было по преимуществу крестьянским.

Сельскохозяйственная перепись 1916 г. указывает нам, что в 44 губерниях Европейской России из каждых 100 десятин посева 89 десятин было крестьянских и только 11 помещичьих, из каждых 100 лошадей, работавших в сельском хозяйстве, 93 было крестьянских и только 7 помещичьих.

Несмотря на это, мы все-таки считаем земельную реформу первым и важнейшим шагом нашей аграрной реформы, ибо если количественное значение владельческих земель, передаваемых крестьянам, ничтожно, то их значение моральное — огромно.

В глазах крестьянина с частновладельческими землями связано так много воспоминаний крепостного права, что моральное значение каждой барской десятины во много раз превосходит ее хозяйственное значение.

Поэтому вопрос о земле есть вопрос неотложный, и производство земельной реформы есть наша первая государственная обязанность.

Однако, начиная земельную реформу, мы должны отчетливо помнить, что она является только предисловием к нашим трудным и многолетним работам по устройению сельского хозяйства.

Земельная реформа является только частью аграрной реформы и частью, быть может, наиболее легкой.

Прежде всего мы должны не только передать землю трудовому крестьянству, но, передав ее в организованной форме, и в равной мере организовать земли самого крестьянства.

Чересполосные выделы 1861 г., бесконечная дробимость земли при общинных переделах, бессистемные выделы хуторов и отрубов, столыпинское укрепление земли — все это создало в нашей деревне невероятный земельный хаос.

Правильное размежевание, округление границ, уничтожение чересполосицы и мелкополосицы в общинах, говоря иначе — общая организация земельной площади даст нашему крестьянству не меньше, если не больше, чем передача в его руки владельческих земель. А в соединении с этим последним она создаст величайшую эпоху нашей аграрной истории.

Это земельное устройство, конечно, будет полным только тогда, когда оно соединится с широкими мелиоративными работами по осушению и орошению неудобных земель и с переселением населения из малоземельных районов в многоземельные.

Этим будет закончена организация одного из условий приложения народного труда к земле — самой земельной площади. Однако для земледельческого труда нужна не только одна земля, необходимы и другие средства производства: постройки, машины, орудия, семена.

До войны снабжение ими сельских хозяев находилось в руках частного торгового капитала, и только земство, кооперация и отчасти Переселенческое управление пытались организовать распределение на общественных началах.

Поэтому все дело снабжения сельского хозяйства орудиями производства руководилось не интересами этого последнего, а интересами наибольшей прибыли частного капитала. За время войны благодаря исключительным обстоятельствам все дело снабжения страны машинами и сноповязальным шпагатом сосредоточилось в руках объединения: трех земских товариществ, Народного (кооперативного) банка и государства, в лице Департамента земледелия.

Необходимо, чтобы это завоевание было закреплено, и дело снабжения земледельческого труда орудиями производства было прочно взято в руки демократического государства и общественных учреждений.

Из земли и средств производства человеческий труд должен организовать хозяйство.

И в этом деле, в деле организации самого производства, мы должны прийти на помощь нашему крестьянству. Несмотря на огромный сдвиг последнего десятилетия, наше крестьянское хозяйство является технически отсталым, еще многие поля скованы дедовским трехпольем, рыхлятся сохой, и в массе крестьянское скотоводство преследует как главную цель изготовление навоза.

А между тем все будущее нашей родины, вся прочность нашей демократической государственности зависит от энергичного и быстрого подъема нашего земледелия, от того, насколько удастся нам «вырастить два колоса там, где теперь растет один».

Наше Учредительное собрание может национализировать земли России, может передать в руки государства снабжение страны средствами производства, но ни оно, ни любая власть вообще не в силах путем приказа заставить калмыка вести травопольное хозяйство, а тульского крестьянина — вести интенсивное молочное хозяйство, используя обрат для выпойки свиней-беркширов.

Правда, в свое время императрица Екатерина, Фридрих Великий и другие деятели просвещенного абсолютизма именно этим способом вводили культуру картофеля с помощью пушек и экзекуций. Мы, однако, считаем себя вправе полагать, что такая задача не под силу общественному разуму, хотя бы и полагающему всей мощью государственной организации.

Перед нами миллионы хозяйствующих людей, имеющих свои навыки, свои представления о сельском хозяйстве, — людей, которым приказывать ничего нельзя и которые все принимают по своей воле и сообразно своему пониманию.

Нужно тем или иным способом обратить внимание хозяев на возможность изменений в их привычных методах работы, путем воздействия, устного и письменного, путем примера и наглядного доказательства убедить население в преимуществах нового земледелия, доказать его большую выгодность и, кроме того, пробудить это население к активности, дать ему эмоциональный толчок.

Описанная работа уже более десятка лет совершается земскими агрономами в глубине нашей деревни.

В задачи ее входит:

- 1) Ввести в народное хозяйство страны усовершенствованные методы техники земледелия и скотоводства.
- 2) Изменить организационный план хозяйств в сторону большего соответствия текущим условиям экономической действительности страны.
- 3) Организовать местное население в союзы и группы, которые, с одной стороны, путем кооперативного обобщения отдельных сторон производства, дали бы мелкому хозяйству все преимущество крупного, а с другой — взяли бы на себя закрепление и дальнейшее углубление новых хозяйственных начал.

Теперь, когда застывшие аграрные формы становятся гибкими и готовыми коваться в новый аграрный уклад, когда народная психология вышла из состояния векового окостенения, — перед общественной агрономией встает исключительно ответственная задача внести агрономический разум в стихийный процесс созидания нового аграрного уклада и нового земледелия.

Не меньшую ответственность несет наше молодое кооперативное движение — эта организованная хозяйственная самостоятельность нашего крестьянства.

Задачей государства является оказать всемерную поддержку и той, и другой созидательной работе.

Снабдив народный труд, прилагаемый к земле, средствами производства, организовав крестьянское хозяйство в новых началах и укрепив его мощь кооперативным объединением, мы должны облегчить связь крестьянского хозяйства с мировым рынком.

Мы должны приблизить хозяина к рынку, проводя новые железные дороги; мы должны облегчить пользование средствами транспорта, пересмотрев в интересах сельского хозяйства наши тарифы; мы должны защитить продукты нашего земледелия на зарубежных рынках новыми таможенными договорами и торговыми соглашениями.

Мы должны также тяжелое после войны податное бремя строить, сообразуясь с мощностью земледельческих хозяйств.

Я могу еще продолжать этот перечень задач нашего аграрного строительства, но уже из сказанного видно, насколько далеко за пределы только земельной реформы выходит работа, лежащая перед нами.

Аграрный вопрос, стоящий перед нами, значительно шире вопроса земельного, хотя последний, благодаря присущей ему социальной остроте, может на долгое время вытеснить из общественного внимания все остальные вопросы, связанные с приложением народного труда.

6. ФОРМЫ ОБОБЩЕСТВЛЕНИЯ ЗЕМЛИ

Из всех разделов аграрной реформы наибольшее общественное внимание привлечет, несомненно, вопрос земельный. Мы ставим его на первое место в силу присущей ему социальной остроты и большого морального значения его.

Однако из того, что он выдвигается на первый план, вовсе не значит, что мы должны сначала провести земельную реформу, а затем приступать к разработке других разделов аграрной программы.

По нашему глубокому убеждению, все стороны аграрной реформы должны разрабатываться и проводиться одновременно.

Реформа землепользования немыслима без перестройки хозяйственных организаций, поэтому земельная реформа даст ничтожные результаты, если она не будет сопровождаться перемещением, мелиорацией, агрономическими реформами самого производства и кредитованием реформирующихся хозяйств.

Взять земли у частных собственников, особенно крупных, представляется делом сравнительно легким. Гораздо труднее организовать эту землю, распределить ее между трудовыми хозяйствами и организовать на ней культурное трудовое хозяйство, не уступающее по своей производительности старому частновладельческому хозяйству.

Если вдуматься поглубже и представить себе конкретно только организацию распределения земель, отторгнутых у частного владельца, то перед нами развернется огромная и чрезвычайно сложная задача, требующая для своего решения напряжения всех организованных сил нашего государства.

Наиболее простым способом экспроприации частного владения был бы захват и растаскивание «на шарап»^{VII} частно-владельческих имений соседними крестьянами.

Но этот способ земельной реформы не только бы не решил аграрного вопроса, но еще более запутал и усложнил его. Пользу от захвата извлекли бы только те, по соседству с которыми были владельческие имения; огромная масса осталась бы с тем, что имела. Захват был бы произведен главным образом сильными крестьянскими хозяйствами, которые в настоящий момент имеют наибольшую экономическую мощь и могут справиться с захваченными землями. Именно эти хозяйства, а не малоземельные до революции арендовали главную массу владельцев земель и, теперь, несомненно, прежде всего постараются закрепить за собой земли, уже находящиеся в их пользовании.

Такой результат вряд ли будет соответствовать социальному значению проектируемой нами реформы.

Нам представляется совершенно ясным, что организованный общественный разум должен использовать всю силу государственного и общественного авторитета, чтобы направить течение аграрной реформы в русло государственного разрешения поставленных перед нами социальных и народно-хозяйственных задач.

Народное хозяйство России уже давно выросло из натуральных форм. Наш народно-хозяйственный организм представляет собой единое целое, и аграрная нужда есть нужда именно этого народно-хозяйственного целого, а не отдельных деревень или крестьян.

Отдельные хозяйства и отдельные районы являются различными частями одного и того же народно-хозяйственного механизма, выполняющими различную работу, но связанными единством общего движения.

Поэтому наша земельная реформа, передача земли трудовому крестьянству, должна совершаться не путем неорганизованных захватов, а на основе государственного плана земельного устройства, разработанного с учетом бытовых и экономических особенностей отдельных районов нашего отечества и планомерно и организованно осуществляемого

без нарушения производственного напряжения нашего народного хозяйства.

Последнее обстоятельство, очевидное для всех нас, тягостно переживающих жестокий продовольственный кризис, еще раз подчеркивает необходимость провести аграрную реформу в формах организованных и государственных.

Мы не можем допустить ни одной незасеянной десятины, ни одного разгромленного, уничтоженного стада.

Какие же основные идеи выдвинуло русское общественное мнение в области государственного разрешения аграрного вопроса?

Наиболее отличающейся от основы существующего аграрного строя является идея социализации земли.

Земля, согласно этой идее, является общенародным достоянием. Подчеркиваем, что именно достоянием, а не собственностью. Она в равной мере принадлежит всем, подобно свету и воздуху.

Трудовое крестьянское хозяйство является только пользователем этой свободной стихии.

Для организации этого пользования трудовое крестьянство объединяется в особые органы земельного самоуправления, земельные общины, в руки которых государство передает земли и которые могут распределять ее сообразно своему экономическому и бытовому укладу, в форме ли общинного землевладения или же землепользования подворного, или же, наконец, могут ввести на всей земле крупное товарное хозяйство.

Так как земля свободна, на нее не может быть собственности, она не представляет собой ценности, то и пользование ею для всякого земледельца безвозмездно. Государственными и местными налогами облагается хозяйство, а не земля.

Впрочем, разница в плодородии почвы и в положении хозяйств должна учитываться при обложении, которое должно быть построено так, чтобы поставить всех трудящихся в одинаковые условия производительности труда.

Для хозяйств временно маломощных земельная община должна организовать общественную вспашку и уборку.

На постройке, инвентарь и скот частная собственность сохраняется, равно как и на продукты сельского хозяйства.

Совершенно иные творческие основания лежат в идее национализации земли.

Земельная рента и ценность земли не изгоняются из действующих социальных категорий, сообразно чему земля может и должна быть собственностью. Но она должна принадлежать единому собственнику — государству.

Государство, сделавшись собственником, получает:

- 1) право на всю земельную ренту, являющуюся главным ресурсом государственных финансов, и
- 2) право распоряжения в общегосударственных интересах всеми землями страны.

Опираясь на последнее право, государство передает часть земель трудовому хозяйству на условиях, аналогичных арендным, наблюдая, чтобы пользовательная площадь каждой семьи не превышала трудовой нормы.

При этом государство не вмешивается во внутренний строй хозяйства и допускает возможность применения наемного труда.

Леса и хозяйства специального назначения могут быть оставляемы в государственном и общественном пользовании и эксплуатироваться на капиталистических основах, если это будет соответствовать народно-хозяйственным интересам.

Верховное распоряжение землями находится в руках государственной власти; на местах землю распоряжаются местные земельные органы, построенные на принципе самоуправления.

Одна из форм национализации, при которой все местные земли находятся в автономном распоряжении органов земского самоуправления, права которых ограничены только общегосударственным законом о земле, называется муниципализацией земель.

При муниципализации земельная рента поступает в распоряжение местных органов самоуправления.

Таковы основные идеи земельного устройства, пользующиеся наибольшим распространением в наших социалистических кругах.

К ним весьма близко примыкают последователи Генри Джорджа^{viii}.

Признавая право всего народа на землю и право каждого человека на произведения своего труда, они стремятся утвердить эти права отображением незаработанного дохода земли (ренты) в пользу всего народа.

Установление единого налога на землю в размере земельной ренты является достаточным для решения аграрного вопроса, так как земля, лишенная ренты, потеряет свою стоимость и, следовательно, свою притягательную силу для капитала.

Капиталистическое землевладение потеряет свой смысл, и помимо трудовых хозяйств останутся только такие капиталистические хозяйства, интенсивность и рациональность ведения которых позволит им существовать и при налоге, равном ренте.

Хозяйства этой категории представляют собой большую ценность и с народно-хозяйственной точки зрения.

Таким образом, система единого налога отличается от социализации и национализации земель тем, что передавая, подобно им, всю земельную ренту в руки государственных органов, она не предлагает организованному общественному разуму самому распорядиться землями, полагая, что и без государственного вмешательства режим трудового хозяйства сам собою установится на землях, лишенных ренты.

Особенно интересна здесь последняя идея — подойти к решению аграрной проблемы не путем активной государственной реорганизации существующей системы землевладения, а путем создания таких условий земельного режима, при которых стихийный процесс народно-хозяйственной эволюции сам собою привел бы к поставленным идеалам.

Идея эта получила наибольшее развитие в формулирующей-ся теперь у некоторых экономистов системе государственного регулирования землевладения.

При проектируемом ими режиме частная собственность на землю не уничтожается, но зато совершенно уничтожается свобода продажи и купли земли.

Земля перестает быть свободным товаром. Она может быть продана только государству и может быть получена или приобретена только у государства.

Все земли, поступившие в распоряжение государства, образуют земельный фонд, которым государство распоряжается в народно-хозяйственных интересах, отдавая его или в пользование, или во владение землевладельцев.

При этих передачах государство попутно организует и мелиорирует поступающие в его распоряжение земли.

Для ускорения перехода частновладельческих хозяйств в руки трудовых хозяйств устанавливается система земельного налога, при которой трудовые хозяйства облагаются пониженно, мелкие и средние частновладельческие — повышено, вплоть до отчуждения всей земельной ренты, а хозяйства крупные — даже выше земельной ренты.

Помимо такого налогового давления государство оставляет за собою право принудительного отчуждения любых земель, если это представляется необходимым для земельного устройства того или иного района.

Сравнивая между собою изложенные системы земельного устройства, мы прежде всего должны отметить, что главные отличия между ними лежат скорее в плоскости мотивировок и обоснования, чем в плоскости конкретных условий землепользования.

Во всех системах земледелец выплачивает государству или органам местного самоуправления часть своего дохода, равного или близкого земельной ренте. Разница в названии этих уплат и в их обосновании с хозяйственной точки зрения значения не имеет.

Далее, все системы стремятся привести хозяйство к трудовому типу различными мерами воздействия государства.

Располагая их по напряженности воздействия организованного общественного разума на хозяйственный быт, мы можем поставить их в такой последовательности: социализация, национализация, государственное регулирование землевладения и, наконец, система единого налога.

Система социализации просто запрещает применение в земледелии наемного труда, и в тех случаях, когда некоторые виды хозяйств не могут управиться трудовыми усилиями семьи, система возлагает на общество организацию работ на трудовых товарищеских началах.

Система национализации утверждает трудовое начало принудительным ограничением площади пользования землею трудовую нормою, допуская, впрочем, организовывать специальные виды сельскохозяйственного производства и при наличии наемного труда.

Система государственного регулирования землевладения ставит капиталистическое хозяйство в исключительно тяжелые налоговые условия и принудительно направляет все земельные перепродажи в русло трудового хозяйства.

Система единого налога считает достаточным уничтожить ренту, считая ее единственным источником земельной собственности и капиталистического земледелия.

Стремясь, по существу, к одной и той же цели, все эти системы употребляют для ее достижения орудия разной мощности.

В то время как проведение и поддержание системы социализации потребует исключительного активного напряжения всех организующих сил общественного разума и чрезвычайную по своему объему массу работы, — проведение системы единого налога требует от государства минимума усилий, предоставляя всю работу по созданию и упрочению трудового хозяйства стихийному процессу народно-хозяйственной эволюции, поставленной в условия отсутствия ренты.

Основой всякого организаторского искусства является умение соразмерить проектируемые средства с поставленной целью, а самые средства достижения — с возможностью их осуществления.

Удачным разрешением проблемы будет то, которое использует только необходимые и в то же время достаточные средства.

Поэтому, избирая тот или иной путь утверждения трудовой системы хозяйства, мы должны точно уяснить себе: является ли намеченная масса мероприятий действительно необходимой для искомого эффекта или же последний может быть достигнут меньшим напряжением сил и с меньшей расточительностью средств.

С другой стороны, обратно: при оценке, например, системы единого налога мы должны установить, насколько избранные средства являются достаточными для введения и поддержания трудового хозяйства.

А по отношению к целому ряду мероприятий, например, к запрещению наемного труда, мы должны установить, насколько эта мера является, вообще говоря, выполнимой.

Только взвесив изложенные системы с этой организационно-технической точкой зрения, мы можем принять их как руководящий принцип реальной работы.

При этом необходимо помнить, что в своем настоящем виде все они — не более как идеальные схемы. И перед нами огромная работа — воплотить их в жизнь, конкретизировать в условиях русской деревни.

Поэтому я обращаюсь с просьбой ко всем желающим сознательно избрать и проводить в жизнь ту или иную систему землепользования, мысленно представить себе хорошо знакомую волость, какую-нибудь Щиповатовскую волость Волчанского уезда Харьковской губернии, или Муриковскую волость Волоколамского уезда Московской губернии, и конкретно представить себе, что будет означать проведение в жизнь той или иной системы землепользования в кругу знакомых деревень и хозяйств.

Изложенные нами схемы можно усвоить до конца только переведя их в мир понятий, в мир живых представлений.

И можно уверенно сказать, что они по-разному воплотятся в жизнь жителем-самарцем и жителем Могилевской губернии, вологжанами и казаками с Дона.

Наше обширное отечество вмещает в себя страны, столь различные в своем бытовом и хозяйственном укладе, что, мысленно перебирая их, мы можем проследить хозяйственную историю всего человечества.

Сибирская тайга напоминает нам период охотничьего быта, степи Средней Азии ознакомят с кочевым хозяйством, Акмолинская область и Оренбургские степи сохранили примеры залежного хозяйства; мы знаем полосу Самарской и Саратовской губерний, где еще только слагается трехпольное хозяйство, знаем все фазы разложения общинного трехполя, мы видим расцвет подмосковного травопольного хозяйства и можем наблюдать районы интенсивных культур нашего запада и молочного скотоводства вологодского и подстоличного района.

В соответствии с различиями в организации производства, различно слагаются и производственные отношения людей и идеалы. В северных сибирских пространствах земля такая же свободная стихия, как свет и воздух, и нет почвы для создания какого-нибудь права на нее.

В некоторых районах Сибири до сих пор встречается захватное право на землю: земледелец, поднявший новину, остается ее собственником, пока продолжает обработку. Здесь право на землю есть «право труда», потраченного на ее обработку.

При некотором уплотнении населения захватное право приводит к взаимным столкновениям, порождает необходимость в некотором общественном регулировании аграрных отношений. Зреет земельная община, и в ее регулирующей деятельности вырабатывается, по образному выражению К. Р. Кочаровского, «право на труд» — право получения земли для приложения труда.

Рабочая сила становится разверсточной единицей земельных переделов.

В некоторых уголках Астраханской губернии и юго-востока мы видим только теперь зарождение этого режима и этой земельной идеологии; для районов, где еще жива поземельная община, «право на труд» до сих пор является основной идеей уравнительных переделов.

В районах земельной тесноты, где наличная земельная площадь слишком мала, чтобы дать возможность при существующей системе полеводства всему труду найти приложение, где земли едва хватает на прокорм населения, — стихийно вырастает идея «права на жизнь», и разверсточной единицей переделов становится не число рабочих рук, а число ртов, требующих пищи. Потребительские переделы были найдены земскими статистиками в ряде малоземельных районов.

Наконец, по мере развития торгового земледелия, по мере того как земля становится ценностью и капиталом, уравнительная община начинает умирать, и идеология частной собственности на землю начинает завоевывать умы землевладельцев. Кое-где мы встречаемся только с зарождением этого процесса, но весь запад и юго-запад России уже давно перестроился на подворное владение.

Несомненно, что все это разнообразие не является порождением случайности, но имеет глубокие экономические и бытовые корни. Потому совершенно ясно, что мы, строя планы земельной реформы, должны согласовывать ее конкретное содержание с особенностями местного хозяйственного уклада.

Общинник-самарец, пожелавший перенести целиком свою аграрную идеологию, наверное, будет встречен кольями в губернии Могилевской. Не лучшая участь постигнет фанатика-могилевца в Балашовском уезде. И как бы мы, деятели демократической России, глубоко не веровали в наши аграрные идеалы, мы не можем пойти по пути «просвещенного абсолютизма» и принудительно ввести единый земельный режим во всех областях России, не считаясь с ее бытовым и хозяйственным укладом.

Поэтому наши аграрные идеи мы можем рассматривать как предварительные руководящие схемы, и задачей местных земельных комитетов и местных отделов Лиги аграрных реформ является их претворение в конкретные планы нового земельного строя.

7. ЗЕМЕЛЬНАЯ РЕФОРМА

Идеи социализации, национализации и муниципализации земли, устанавливающие основы идеального земельного режима, мало освещают нам самую земельную реформу.

Они рисуют нам тот земельный строй, который будет существовать после реформы, но сами по себе ничего не говорят о том, каким образом будет проведена сама реформа, какими путями от современного земельного режима мы перейдем к режиму идеальному.

А между тем именно в этом вопросе между нами, представителями демократической России, возможны наибольшие расхождения и даже непримиримые противостояния.

Поэтому на этом вопросе должно быть сосредоточено особое внимание. Правда, уже во многих партийных программах мы находим некоторые указания на пути аграрной реформы. Но можно уверенно сказать, что эти разделы программ являются наименее разработанными и наименее прочными частями их.

И только некоторые вопросы аграрной реформы получили теперь достаточную ясность.

Прежде всего, для большинства из нас ясно, что, подобно тому как будущий земельный строй должен слагаться из интересов государства в целом, точно так же и пути к этому новому строю должны пролагаться исходя из государственных интересов.

Никаких уездных и волостных способов решения аграрного вопроса допущено быть не может.

Мы обязаны учесть бытовые и хозяйственные особенности отдельных районов, мы не можем навязывать местной жизни рецептов в тех сторонах аграрного устройства, которые касаются их и только их, но все в своем аграрном строительстве ни на минуту не должны забывать интересов всего нашего народного хозяйства в целом.

Одного примера будет достаточно, чтобы понять всю важность сказанного.

Представьте себе наши юго-восточные губернии. Крестьянское и казачье хозяйства имеют там и сейчас достаточно большие наделы, позволяющие им вести экстенсивное зерновое хозяйство чуть ли не залежного типа. Рядом с этими хозяйствами существуют значительные площади частновладельческих и казенных земель.

Возможно, что, с точки зрения самарских и оренбургских крестьян, наилучшим решением вопроса будет раздел этих имений между крестьянскими хозяйствами и увеличение их площади на десять или пятнадцать десятин каждое.

Однако с государственной точки зрения, подобное решение вопроса недопустимо. Увеличение и без того больших наделов на многие годы укрепило бы самые экстенсивные формы хозяйства и не могло бы увеличить производительности нашего народного хозяйства.

С государственной точки зрения, гораздо большую ценность представляет использование этих отчуждаемых земель для заселения их переселенцами из малоземельных губерний.

В губерниях Киевской, Подольской, части Полтавской перенаселенность настолько велика, что, несмотря на исключительно интенсивные системы хозяйства, труд народный и вполонину не может быть использован.

Поток переселения из этих губерний на юго-восток разрядит их население и, несомненно, интенсифицирует наше юго-восточное хозяйство, давая значительный прирост нашему национальному доходу.

Но столь же несомненно, что переселенцы эти встретят к себе среди местного населения весьма враждебное отношение и серьезное противодействие.

Здесь интересы целого сталкиваются с интересами частей и весь секрет аграрной реформы — суметь согласовать эти интересы. А это согласование бесконечно трудно. Волостные точки зрения на государственные вопросы являются самыми главными подводными камнями аграрной реформы.

В одной из глав я указывал, что во всяком социальном явлении есть стихия и есть разум. Эти два элемента проявляют себя не только в будущем аграрном строе, но, к сожалению, и в самом проведении и обсуждении аграрной реформы.

Стихия, не считающаяся с доводами разума, не признающая законов логики, сыграет большую роль в нашем будущем аграрном строительстве. Но тем не менее разум не должен слагать своего оружия и должен напрячь всю свою мощь, чтобы равнодействующую исторического прогресса направить поближе к государственному, планомерному ходу реформы.

Что говорит нам разум? Как рисует он нам желательное течение аграрного переустройства?

Прежде всего, он указывает нам, что организованная уравнительная передача в руки трудящихся государственных и частновладельческих земель потребует бесконечного количества труднейших статистических межевых и организационных работ.

Одна эта масса работы, даже при условии отсутствия социальных затруднений и социального противодействия реформе, потребует долгих лет для своего окончательного завершения.

Поэтому, какой бы мы режим ни приняли за идеал, мы можем подойти к нему только после довольно значительного переходного периода.

Только системы единого налога и государственного регулирования землевладения могут быть установлены почти неза-

медлительно, потому что они устанавливают новые условия народно-хозяйственной жизни, а не конструируют самый земельный строй.

Этот их характер особенно подчеркивается тем, что, например, система государственного регулирования землевладения в том виде, как мы ее изложили в предыдущей главе, может быть как самостоятельным земельным режимом, так равно и переходной ступенью и к социализации, и к национализации, и к муниципализации — в зависимости от политики регулирования.

Система государственного регулирования землевладения является настолько мощным орудием организованного общественного разума, что при сильном нажиме государственной руки может заставить стихийный процесс сельскохозяйственной эволюции автоматически в одно-два десятилетия прийти к национализации или муниципализации.

По нашему глубокому убеждению, три его средства — прогрессивное земельное обложение, уничтожение свободной покупки и продажи земель и право экспроприации любых земель — являются необходимыми и достаточными для того, чтобы государство получило в свои руки всю полноту управления земельной реформой. Однако мы допускаем, что политические условия и вполне понятное нетерпение широких демократических масс заставят государственную власть для ускорения реформы в большой мере прибегнуть к насильственным путям ее проведения.

Однако мы должны при этом особенно ясно отдавать себе отчет в том, что немедленное издание Учредительным собранием декрета о том, что с такого-то числа вся земля считается государственной собственностью, еще не составляет собою земельной реформы.

Государство должно не только объявить, что все земли составляют его собственность, но должно организованно взять их в свои руки.

Из одного того, что издан декрет, земли фактически еще не сделаются общественным достоянием.

Издание закона о национализации земель без разработки системы мероприятий переходного периода породит только опасную государственную фикцию.

Поэтому во всех случаях мы будем иметь дело с продолжительным переходным периодом.

В этот период мы должны быть исключительно осторожны в двух отношениях.

Во-первых, в отношении тех сравнительно немногочисленных частновладельческих имений, которые являются очагами культуры.

Хозяйства, выводящие племенной скот, селекционные хозяйства, дающие стране семенной материал, садовые хозяйства, конские заводы, молочные фермы и прочие подобные им виды хозяйств являются культурными богатствами нашей страны и нашим общим достоянием.

По нашему глубочайшему убеждению, почти все эти виды хозяйства могут вестись трудовым хозяйством на кооперативных началах.

Но пока соответствующие кооперативы еще не созрели, пока у нас еще нет организационных сил взять все это в руки крестьянства, — мы должны особенно бережно смотреть за тем, чтобы тонкая нить нашей культурной агрономической традиции не порвалась.

Вишневые сады не должны быть вырублены, конские заводы и племенные стада не могут быть распроданы и уничтожены, поля селекционных хозяйств, выводящих новые сорта растений, не должны быть засеяны засоренным овсом.

Все эти культурные ценности — наше общекультурное достояние, и мы во имя нашего будущего не должны допускать его расхищения и уничтожения.

Вторым вопросом, требующим особенно осторожного подхода к себе, является вопрос о землях, находящихся в частной собственности самих крестьян.

За последнее десятилетие наше крестьянство купило у лиц других сословий около 27 млн десятин земли.

Земля эта распылена в толще крестьянских хозяйств, часто куплена на деньги, добытые тяжелым трудом. Нередки случаи, когда она превышает собою трудовую норму. Часто трудовую норму превышает надельное землевладение целых общин и даже районов (казачьи земли), и нам представляется государственно опасным быть педантичными в проведении реформ

и немедленно приступить к отчуждению всех крестьянских земель свыше определенной трудовой нормы. Эту меру можно провести только тогда, когда социалистическое мирозерцание глубоко проникнет во все умы нашей деревни и сделает их твердым убеждением.

Иначе неизбежны жестокие раздоры внутри самой крестьянской и казачьей массы, и родится почва для контрреволюционного удара.

Поэтому, хотя логически эта мера является правильным выводом из идеи обобществления земли, политически она будет чревата грозными опасностями в случае ее преждевременного осуществления.

Такой же почти характер имеет вопрос о возмездном или безвозмездном отчуждении частновладельческих земель.

Если стоять на той точке зрения, что земельная собственность является случайным социальным недоразумением, то вопрос этот легко может быть разрешен в сторону безвозмездного отчуждения частновладельческих земель.

Однако для нас, считающих, что земельная собственность, не соответствующая нашим социальным идеалам, есть тем не менее плод исторического развития народно-хозяйственной жизни, имеющей достаточные социальные корни, этот вопрос так легко не разрешается.

Для нас существующие земельные собственники сами лично никак не могут считаться захватчиками и узурпаторами: они сами и их собственность являются следствием существующего экономического строя, сложившегося исторически и ныне в силу исторической необходимости близкого к своему уничтожению.

Земельная реформа есть реформа нашего хозяйственного строя, а не раздел богатств между различными группами населения.

Рассматривая аграрную реформу как сложную организационно-хозяйственную задачу, мы интересуемся только одним вопросом: каким образом можем мы наиболее легко, т. е. с меньшими затруднениями и с наименьшими затратами, провести обобществление земель и передачу их трудовому хозяйству.

С этой точки зрения, мы просто должны противопоставить, с одной стороны, несколько миллиардов постепенно погашаемого государственного долга, который образуется в результате уплаты государством вознаграждения за отчуждаемые земли, а с другой стороны, — тяжелый финансовый кризис, который получится в результате отказа в уплате по ипотечным долгам, и обострение социального антагонизма, дающего почву для контрреволюционных течений.

Для нас это противопоставление решается в пользу возмездного отчуждения.

Наши частновладельческие земли в большей своей части заложены и перезаложены в государственных и частных поземельных банках.

Поэтому ценность частновладельческих земель в значительной своей части принадлежит не владельцам земель, а вкладчикам поземельных банков, держателям закладных листов. Поэтому безвозмездная конфискация частновладельческих земель, направленная против землевладельцев, в сущности, бьет мимо цели и в значительной своей части падает на нашу финансовую систему и на держателей закладных листов, рассеянных в самых разнообразных слоях общества.

На первое января 1916 г. сумма, выданная поземельными банками под залог земель и недвижимости в городах и уездах, достигает пяти с половиной миллиардов рублей. Оставляя в стороне ссуды, выданные под городские имущества и закладные листы Крестьянского банка, мы будем иметь около двух с половиной миллиардов рублей, выданных землевладельцам под залог около 50 млн десятин земли.

Эти деньги даны вкладчиками поземельных банков и держателями закладных листов, рассеянных в различных слоях общества. Достаточно сказать, что вклады наших сберегательных касс на сумму более 800 млн рублей помещены в бумаги поземельных банков.

Из этих немногих цифр ясно, какую финансовую опасность и какое недовольство вызовет отказ в уплате по поземельным долгам.

Идея же безвозмездной конфискации с уплатой ипотечных долгов не выдерживает критики с точки зрения элементарной

справедливости, ибо эта система будет представлять собою уплату долгов промотавшегося дворянства и всю тяжестью ляжет на те культурные хозяйства, которые сумели удержаться без задолженности и имели большое положительное значение в нашем народном хозяйстве.

Кроме этого, приходится принять во внимание и политический результат этой меры, ибо она коснется также огромной массы мелких собственников — крестьян, купивших за истекшее со времени реформы 1861 г. время около 27 млн десятин в частную собственность. Мы считаем вообще весьма трудным провести в ближайшие сроки обобществление этих земель, отчуждение же их без вознаграждения встретит исключительно сильное сопротивление и чревато политическими опасностями.

Принимая идею возмездного отчуждения, мы невольно спрашиваем себя, кто же в конце концов будет выплачивать землевладельцам за отчужденные у них земли? Финансовая картина земельной реформы нам представляется в следующем виде.

К нашему государственному долгу, который к моменту окончания войны значительно превысит 50 млрд рублей, прибавится еще 5 или 6 млрд за уплату возмещения при отчуждении частновладельческих земель.

Владелец отчуждаемой земли получает от государства долговые государственные обязательства на сумму, равную не рыночной, а действительной стоимости земли.

Государство ежегодно выплачивает проценты по этим обязательствам и постепенно их погашает, растягивая срок погашения на 50—100 лет.

Платежи уплачиваются из общей государственной сметы, а так как последняя в своей доходной части будет строиться демократически, т. е. опираясь на подоходный и рентный налоги, то главная тяжесть земельной реформы падет на имущие классы.

Крестьянство будет, конечно, тоже участвовать в уплате рентного и подоходного налога и этим внесет свою долю в финансирование земельной реформы.

При этом, однако, необходимо помнить, что, согласно основной идее подоходного налога, семьи, имеющие доход ниже

установленного в законе предела, необходимого для существования, налогом вовсе не облагаются.

А так как значительная масса крестьян малоземельных и малосильных имеет доходы более низкие, чем указанная сумма, то к уплате подоходного налога, а следовательно, и уплате вознаграждения за отчуждаемые земли, будут привлечены только зажиточные слои деревни.

Финансовый план земельной реформы может быть разработан по-разному.

Но основной принцип земельной реформы, утверждающей, что земельная нужда есть нужда не отдельных лиц или классов, а нужда всего государства в целом, и в вопросе финансирования реформы должен быть выдвинут на первый план.

Земельная реформа должна совершаться по плану и за счет государственного целого.

8. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В предыдущих главах мы коснулись почти всех основных вопросов аграрной проблемы.

Мы не стремились дать им законченное разрешение, а пытались скорее осветить самую постановку вопросов и наметить некоторые направления их возможного разрешения. Нам кажется, что в настоящий момент, когда пишутся эти строки, иной задачи мы не могли бы на себя брать. Перед нами лежат многие месяцы напряженной работы многих сотен местных земельных комитетов, Комитета общегосударственного и Лиги аграрных реформ.

Работу эту мы ни в коем случае не можем считать предрешенной, ибо иначе теряли бы всякий смысл существование и работа местных земельных комитетов, которые, по нашему глубочайшему убеждению, одни в состоянии перевести аграрную реформу из мира отвлеченных идей и понятий в мир живых представлений действительности и сделать ее фактом.

Эта кропотливая и трудная работа постепенно приведет нас к решению всех поставленных выше вопросов, решению, взвешенному на местном опыте и в тоже время проникнутому идеей общественного строительства.

Создание местных и центрального органов земельной реформы, работоспособного аппарата, связанного глубокими корнями с местной жизнью, отчетливо ощущающего биение ее пульса и в тоже время использующего всю силу русской экономической науки и творческой государственной мысли, — вот главный залог успеха предпринимаемой реформы.

Однако работа этих органов может быть плодотворна только тогда, когда вокруг них будет гореть живое общественное мнение широких кругов русского общества.

Аграрная реформа — давно назревшая нужда всего нашего государства, тем самым она является прямым делом каждого из нас, делом каждого гражданина.

Основной закон этики гражданства говорит нам, что участие в делах государственных есть обязанность каждого, и самым тяжким упреком гражданской совести является сознание, что мы не сделали в строительстве нашего государства того, что могли бы сделать.

Вот почему мы считаем себя вправе призвать всех граждан к участию в разработке аграрного вопроса и напомнить, что каждый из нас несет ответственность за его успешное разрешение.

^I Печатается по: *Чаянов А.В.* Что такое аграрный вопрос? М.: Университетская библиотека, [1917].

^{II} Лига аграрных реформ — межпартийная организация, образованная в апреле 1917 г. Вольным экономическим обществом, Московским обществом сельского хозяйства, Всероссийским земским союзом, Харьковским обществом сельского хозяйства и другими местными обществами, а также отдельными экономистами-аграрниками.

^{III} Имеется в виду «Путешествие из Петербурга в Москву».

^{IV} Эстляндия — историческое название северной части Эстонии.

^V Чаянов оценивает стоимость одного рабочего дня в один рубль.

^{VI} Так в тексте.

^{VII} На шарап (просторечие) — растаскивание чего-либо, брошенного в толпу.

^{VIII} Генри Джордж (1839–1897) — американский экономист, публицист и политик. В России его взгляды были известны по книге: *Джордж Г.* Прогресс и бедность. Исследование причин упадка промышленности и увеличения бедности, растущей вместе с увеличением богатства. Средства помощи / Пер. с англ. А.Г. Сахаровой под ред. А.К. Шеллера (Михайлова). СПб.: М.М. Ледерле, [1896].

Н. Д. Кондратьев

Продовольственный вопрос¹

Продовольственный вопрос принадлежит к числу самых грозных. Запасы продовольствия в армии и крупных потребляющих центрах исчисляются днями и быстро тают. Наступающая распутица грозит углубить тяжесть положения и сделать его трагичным. Ужасы голода и голодных бунтов веют над освобожденной страной. Нужно совершенно открыто признать, что продовольственная разруха создает опасность всему делу демократии. Продовольственный вопрос поэтому должен быть решен, и решен в самом спешном порядке. <...>

Каковы же основные положения продовольственной программы, которую мы должны принять? Их можно свести к следующим пунктам:

1. В обычное время регулятором народно-хозяйственной жизни, поддерживающим ее планомерное течение, являлась свободная игра экономических сил, или конкуренция. Но конкуренция может действовать только тогда, когда транспорт в состоянии свободно передвигать товары и рабочие руки с одного рынка на другой, когда производство может свободно расширяться или ограничиваться в соответствии с запросами рынка. Это безусловно необходимые условия конкуренции, и теперь их нет. Война расстроила транспорт, война сократила в огромных размерах запас рабочих сил и сделала производство продуктов негибким и недостаточным. Рынок из связанного и живого разбился на оторванные осколки и начал замирать. Началось расстройство народного хозяйства. Подсеченная в самом корне конкуренция не в состоянии была создать нормальное течение хозяйственной жизни. И совершенно ясно,

что на место ее должна быть поставлена иная регулирующая сила, и такой силой могут стать единственно государство и общество с их органами.

2. Но расстройство народного хозяйства пошло уже так далеко, что регулирующая деятельность государства в настоящее время должна простираться не только на распределение, но и на обмен и производство продуктов.

3. В сфере производства государство должно стремиться всеми силами поддержать и даже расширить его размеры. С этой целью ему необходимо озаботиться снабжением сельского хозяйства живым и мертвым инвентарем, рабочими руками и семенами.

4. Кроме того, государство должно предоставить земледельцам, общественным и кооперативным организациям право засеивать пустующие земли, кому бы эти земли ни принадлежали. Однако государство впредь до решения аграрного вопроса не должно нарушать принцип частной собственности в его корне — иначе оно достигнет не расширения производства, а его падения; крупные частновладельцы, под страхом отобрания их земель, несомненно, сократят запашку. Государство должно это учесть и предотвратить.

5. Так как продовольственные потребности снабжаемого государством населения теперь почти совпадают с количеством выбрасываемых на рынок продовольственных запасов, а покупка их связана с огромными трудностями и задержками, то в сфере обмена государство должно решительно встать на путь монополии и объявить продовольственные запасы, за покрытием потребностей производящих хозяйств, национальной собственностью. Эти запасы должны быть приняты государством по справедливым, определенным (твердым) ценам.

6. Но так как сельское хозяйство, дающее продовольственные продукты, есть только одна отрасль хозяйства, то регулировка одной этой отрасли ставит сельское хозяйство в невыносимо тяжелое положение, подрывает его силы и углубляет групповую рознь и деморализацию населения. Поэтому государство должно немедленно озаботиться и дать сельскому населению предметы, ввозимые в деревню. С этой целью государству необходимо установить и постепенно расширить свое

регулирующее влияние также и в области обрабатывающей промышленности. Развитие этой регулировки должно совершеншаться по направлению к государственным монополиям.

7. В сфере распределения задач государства являются уравнительность и планомерность распределения. С этой целью потребление населения должно быть нормировано. Передвижение продуктов по территории государства должно совершаться по заранее разработанному плану перевозок, а распределение — по карточной системе, согласно нормам.

8. Для выполнения вышеизложенной общей программы должен быть создан могучий и гибкий аппарат, или система органов, центральных и местных. Чтобы быть могучими и гибкими, эти органы должны быть демократичными и включать людей, обладающих соответственным техническим опытом. В деле продовольствия поэтому необходимо самое широкое участие всех демократических кругов населения, кооперативов и близких к демократии¹¹ работников земского и городского самоуправления.

9. Кроме того, из предыдущего ясно, что продовольственное дело теснейшим образом связано с самыми различными отраслями народного хозяйства: земледелием, промышленностью, торговлей, транспортом и финансами. Организация продовольственного дела поэтому немыслима без согласования всех соответствующих отраслей народного хозяйства, без организации всего народного хозяйства. Государство должно ясно выдвинуть эту задачу и пойти к ее разрешению.

Современное правительство в деле продовольствия, в общем, идет по пути, намеченному выше. Оно признало необходимость регулировки народно-хозяйственной жизни со стороны государства, оно приняло идею хлебной монополии и приступило к ее разработке, оно решило использовать некоторые пустующие земли и уже призвало население к организации продовольственных органов на демократических началах. Поскольку правительство идет этим путем, мы обязаны поддерживать его. Его обязан поддерживать весь народ.

На страну, на каждого гражданина ложится в настоящее время тяжелый долг, который необходимо выполнить. Как бы ни был хорош и верен продовольственный план, проведение его

в жизнь требует времени, особенно когда в наследие нам достались такой хаос, такая разруха народного хозяйства благодаря преступной игре старой власти с народными нуждами и богатствами. Между тем время не ждет. Каждая минута бесконечно дорога. Надвигаются распутица и весенние боевые дни. Будет ли снабжена армия? Будет ли спокойна за свое существование страна? На карту поставлены и прочность свободы, и торжество демократии.

Русский народ, обнаруживший высокое гражданское сознание в дни революции и глубокую гражданскую тревогу за судьбы родины до революции, должен остаться гражданином до конца. Освобожденная им страна обращает к нему свой призывный голос. Родина ждет от него подвига. Меньше всего теперь допустимо думать о ценах и выгодах: для этого будет другое время. Теперь нужно работать, нужно засеивать каждый клочок земли и везти свободный хлеб для страны и армии.

В память павших борцов за свободу напряжем же все наши силы и выведем страну из бездны!

^I Печатается по: *Кондратьев Н.* Продовольственный вопрос // Дело народа. 1917. № 4 (18 марта). С. 1. Комментарии подготовлены И. А. Кузнецовым.

^{II} В данном контексте под «демократией» имеются в виду сторонники демократической революции и демократических преобразований, противники монархии.

Н. Д. Кондратьев

Основы перспективного плана развития сельского и лесного хозяйства^I

II. Эволюция сельского хозяйства СССР

Эволюция сельского хозяйства в XX веке до войны^{II} характеризуется следующими основными тенденциями:

Первая тенденция — тенденция общего развития натуральной продукции сельского хозяйства. Натуральная продукция сельского хозяйства по пятидесяти губерниям быв[шей] империи^{III} возросла с 1900 по 1913 г. на 33,8%. Необходимо отметить, что рост продукции сельского хозяйства отставал от роста натуральной продукции в области промышленности. Рост ее в области промышленности за тот же период измеряется в 62,7%. Иначе говоря, в процессе общего развития Россия в то же время переживала и процесс индустриализации, все более обнаруживая тенденцию перехода из аграрной страны в страну двустороннего аграрно-индустриального типа. Действительно, за тот же период процент городского населения поднялся с 13 до 20.

Указанное увеличение продукции сельского хозяйства связано, с одной стороны, с ростом сельскохозяйственного населения, примерно на 19,1%, с другой — с ростом производительности труда, в силу увеличения разделения труда и улучшения техники^{IV}. В общем, национальный доход на душу сельскохозяйственного населения к 1913 г. по сравнению с 1900 г. по ценам 1900 г. возрос примерно на 17%.

Вторая тенденция — тенденция увеличения ценности сельскохозяйственной продукции, каковое было обусловлено повышающейся конъюнктурой сельскохозяйственных товаров. За период с 1900 до 1913 г. прирост цен сельскохозяйственных товаров выражается в среднем в 40,9%. Рост цен сельско-

хозяйственных товаров шел впереди роста цен промышленных изделий, которые возросли за то же время всего на 12,5%. В связи с этим нужно отметить, что хотя, как отмечалось, натурально доход от промышленности и вырос значительно, чем от сельского хозяйства, по ценности доход от сельского хозяйства за тот же период вырос даже несколько больше, на 88,5%, в то время как доход от промышленности вырос на 83,0%.

Третья тенденция — тенденция дифференциации роста сельского хозяйства по отраслям. Эта дифференциация с 1900 по 1913 г. по пятидесяти губерниям России достаточно наглядно характеризуется следующей таблицей:

	Рост производства	Рост цен	Рост дохода
С 1900 по 1913 г. в %			
Зерновые хлеба	39	33	85
Торг[овые] технич[еские] растения	44	32	90
Скотоводство	27	64	108

Отсюда видно, что наиболее быстро росла продукция торгово-технических растений^v, затем зерновых хлебов и, наконец, продуктов скотоводства. Наоборот, конъюнктура цен наиболее значительно поднималась в отношении продуктов скотоводства, далее, зерновых хлебов и, наконец, торгово-технических растений. В силу перекрещивающегося влияния того и другого фактора наиболее значительно возрастал доход от скотоводства, далее, от торгово-технических растений и, наконец, от зерновых хлебов. Отсюда можно заключить, что Россия подходила к пределу своего односторонне-зернового направления развития сельского хозяйства и в ней создавалась рыночная конъюнктура, благоприятная для более энергичного роста животноводственного направления и торгово-технических культур.

Четвертая тенденция — дифференциация сельского хозяйства по районам и рост разделения труда между ними. При этом более интенсивные отрасли сельского хозяйства концентрируются в районах северо-запада, запада, юго-запада, в Туркестане, на южном берегу Крыма, на Черноморском побережье, в Закавказье^{VI}. Они концентрируются также и около больших городских центров. Наоборот, экстенсивные отрасли и культуры сельского хозяйства все более отодвигаются на восток, юго-восток, Северный Кавказ, в Сибирь и в Среднюю Азию. Этот рост дифференциации по районам связан, с одной стороны, с развитием путей сообщения, с другой — с развитием рыночных отношений. В свою очередь, он служил основанием для дальнейшего роста рынка.

Пятая тенденция — тенденция роста товарности нашего сельского хозяйства. С 1900–1905 до 1911–1913 гг. рыночность зерновых хлебов, измеряемая отношением железнодорожных перевозок и чистой продукции, возросла с 27,9 до 37,4%, масличных семян с 49,4 до 63,8%, картофеля с 1,9 до 2,8%, пеньки с 3,8 до 37,4%. Увеличение натуральной продукции и рост рыночности естественно должны были обусловить и возрастание общего размера оборота сельскохозяйственных товаров на рынке. Этот оборот, по данным железнодорожных и водных перевозок, составлял около 2297 млн рублей в 1900–1905 гг. и 3220 млн рублей, т. е. на 40% больше, в 1911–1913 гг. Если учесть и местный рыночный оборот, то общая сумма его перед войной выразится цифрой около 4,5 млрд рублей.

Шестая тенденция — тенденция роста экспорта наших сельскохозяйственных товаров. С 700 млн рублей в 1900–1905 гг. экспорт сельскохозяйственных товаров увеличился до 1126 млн рублей в 1911–1913 гг., т. е. возрос на 61%. При этом необходимо отметить, что в связи с интенсивным ростом внутреннего рынка зерновых и специальных культур их экспорт возрастает медленнее, чем общий рыночный оборот. Наоборот, экспорт продуктов животноводства возрастает значительно быстрее общего рыночного оборота.

Сказанное иллюстрируется следующей таблицей:

	Зерновые хлеба	Продук[ты] инт[ентсивно]- техн[ческих] культур	Продук[ты] животнов[одства]
Возрастание с 1901–1905 по 1911–1913 гг. в %			
Общий оборот	37	89	33
Экспорт	33	82	141

В связи с этим структура нашего сельскохозяйственного экспорта изменяется. Роль зерновых хлебов и специальных культур в нем понижается, а продуктов животноводства, наоборот, значительно растет, что видно из следующей таблицы:

	1886–1890 гг.	1909–1913 гг.
В % ко всему экспорту сельскохозяйственных товаров		
Зерновые хлеба	65,4	59,1
Лен и пенька	14,4	9,2
Молочные продукты	0,7	5,8

Седьмая тенденция — тенденция роста удельного веса крестьянского хозяйства в сельском хозяйстве страны и в рыночном обороте ее. Говоря о тенденциях развития сельского хозяйства, необходимо помнить, что до революции оно было не только крестьянским, но и частновладельческим. Предыдущие тенденции относятся к сельскому хозяйству страны в целом. Однако наряду с ними следует установить, что в общем процессе развития сельского хозяйства происходил одновременный процесс перераспределения удельного веса крестьянского и частновладельческого хозяйства: удельный вес первого возрастал, второго — падал. В период, когда политическая и экономическая власть находились в руках дворянства и буржуазии,

когда страна еще не освободилась от пережитков феодализма, условия жизни и развития крестьянского хозяйства были далеко не благоприятны. Однако крестьянское хозяйство в целом обнаруживало исключительную стойкость в экономической борьбе при этих условиях.

Прежде всего, оно расширяет размеры своего землевладения за счет частичных прирезок из фонда казенных земель и особенно за счет покупки главным образом дворянских земель. Далее, оно расширяет размеры своего фактического землепользования далеко за пределы землевладения благодаря вненадельной аренде земель казенных, купеческих и особенно дворянских. В итоге, в то время как за исключением купеческого землевладения и землепользования все прочие категории его, и особенно дворянского, сокращаются, крестьянское землевладение и землепользование растут. Этот процесс роста характеризуется приблизительно следующей таблицей:

Категории земель, находящихся во владении или пользовании крестьян	1877 г. (по 46 губерниям Европейской России, млн дес.)	1911 г. (по 47 губерниям Европейской России, млн дес.)
Надельные	113,4	138,7
Купчие	5,7	27,0
Арендованные	10,8	35,6
Итого	129,9	201,3 ^{VII}

Если теперь обратиться от процесса роста крестьянского землевладения и землепользования к земледелию и животноводству, то легко понять, почему накануне революции роль крестьянского хозяйства была здесь исключительно большой. По 47 губерниям Европейской России для 1916 г. наблюдается следующая картина:

	Процентная доля	
	Крестьян	Владельцев
Посевов	89,1	10,9
Раб[очих] лошадей	93,9	6,1
Крупн[ого] рог[атого] скота	94,2	5,8
Свиней	94,9	5,1
Овец	94,3	5,7

В связи с этим и доля национального дохода от сельского хозяйства, падающая на крестьянские хозяйства, стоит весьма высоко. Если по 50 губерниям Европейской России национальный доход от сельского хозяйства перед войной составлял 5630 млн рублей, то из них на крестьянское хозяйство падало 5015 млн рублей, или 89%, а на владельческие — 615 млн рублей, или 11%.

Но, завоевав себе столь подавляющее место в сельском хозяйстве страны, крестьянское хозяйство, как хозяйство мелкое, остается относительно менее товарным, чем владельческое хозяйство. Так, средние нормы товарности основных хлебов перед войной по России рисуются следующими цифрами:

Категории хозяйств	Рыночное отчуждение, в % к валовому сбору		
	Пшеница	Рожь	Овес и ячмень
Крестьянское	51,3	21,5	28,8
Владельческое	81,1	42,0	65,8

Отсюда, степень преобладания роли крестьянского хозяйства в общем хлеботорговом обороте страны представляется несколько меньшей, чем степень преобладания крестьянских по-

сегов и сбора. Однако и здесь огромное преобладание роли крестьянского хозяйства остается. Общий хлеботороварный оборот России (по главным хлебам) перед войной составлял около 2180 млн пудов. Из них на долю крестьянского хлеба приходилось 926 млн пудов, или 78,4%.

Будучи менее товарным и тем не менее играя преобладающую роль в товарном обороте, крестьянское хозяйство одновременно является более интенсивным и вполне способным к агротехническому прогрессу. Доля пашни, т. е. наиболее интенсивного угодья, у крестьян вдвое выше, чем у владельческого хозяйства. Наоборот, незанятая часть пашни, т. е. пашня под паром и залежью, у владельческого хозяйства примерно в полтора раза выше, чем у крестьян. Далее, незанятая часть пашни у крестьян находится преимущественно под паром, а у владельцев под залежью. Все это свидетельствует о том, что земля используется крестьянским хозяйством более интенсивно, чем владельческим. О том же говорят и следующие цифры о пропорции трудоинтенсивных культур^{VIII}.

По переписи 1916 г. для Европейской России (без Ставропольской губернии):

	На 100 десятин посева приходится	
	Крестьянское хозяйство	Владельческое хозяйство
Льна	2,0	0,5
Конопли	0,7	0,1
Кукурузы	1,8	1,2
Подсолнуха	1,0	0,5
Огор[одных] и бахч[евых] растен[ий]	0,7	0,2
Картофеля	3,4	2,4
Сахарн[ой] свеклы	0,1	5,0

Таким образом, из всех трудоинтенсивных культур более высокий процент во владельческом хозяйстве имеет лишь сахарная свекла. Крестьянское хозяйство оказывается неизменно интенсивнее владельческого. Аналогичный вывод можно было бы сделать из анализа состояния скотоводства.

Восьмая тенденция — тенденция усиления процесса накопления капиталов в крестьянском хозяйстве. Из предыдущего ясно, что, несмотря на малоблагоприятные социально-экономические и правовые условия, крестьянское хозяйство развивалось и, развиваясь, оттесняло с исторической сцены хозяйство помещичье. И если выше можно было констатировать подъем сельскохозяйственной продукции, увеличение товарного оборота сельскохозяйственных продуктов и рост экспорта их, то очевидно, что все эти тенденции могли существовать прежде всего в связи с развитием крестьянского хозяйства, численно преобладающего и устойчивого. Но ясно, что этот процесс развития крестьянского хозяйства, в свою очередь, предполагал одновременный процесс накопления капиталов в деревне: только при этих условиях деревня могла двигаться по пути интенсификации хозяйства, улучшения техники и повышения продукции. Такой процесс накопления в действительности имел место. Косвенным показателем этого процесса накопления могут служить следующие данные о движении вкладов сельского населения в ссудо-сберегательные кассы:

Годы (на 1 января)	Число книжек в тысячах	Сумма вкладов в млн рублей
1908	1599	328
1909	1738	353
1910	1856	370
1911	2027	401
1912	2202	440
1913	2387	480
1914	2547	505

Отсюда видно постепенное возрастание как числа вкладчиков, так и вложенных сумм, хотя самые суммы в отношении сельского населения сравнительно и невелики.

Девятая тенденция — тенденция дифференциации деревни. До сих пор говорилось о тенденциях развития сельского и крестьянского хозяйства как чего-то целого. Но в действительности крестьянское хозяйство было далеко не однородно. Оно было дифференцировано, и дифференциация его в связи с ростом специализации районов и развитием рыночных отношений шаг за шагом углублялась. Дифференциация эта характеризуется расслоением крестьянства на чисто пролетарские, полупролетарские и на более или менее зажиточные группы. По данным военно-конских переписей, процесс дифференциации по 44 губерниям Европейской России рисуется в следующем виде:

		Безлошадных	С 1 лошадию ¹	С 2–3 лошади ^{ми}	С 4 и более
% хозяйств	1899–1901	34,6	40,3	22,7	2,4
	1912	36,5	40,4	21,2	1,9
У них % всех лошадей	1899–1901	—	39,4	48,2	12,4
	1912	—	42,6	47,9	9,5

Приведенная таблица прежде всего говорит о том, что в общем в стране занимают исключительно преобладающее место полупролетарские — безлошадные и беднейшие — однолошадные слои деревни. На долю этих слоев приходится более двух третей всей массы хозяйств. Примерно пятая часть дворов приходится на группу хозяйств средней зажиточности и всего около двух процентов на высшую группу хозяйств. Однако фактический экономический удельный вес групп несколько иной. На долю беднейшего крестьянства приходится около 42% лоша-

дей, на долю средних групп около 48%, а на долю высших около 9–10%. К тем же выводам приводит и анализ группировки по другим экономическим признакам. На основании всех этих данных деревня рисуется в состоянии крайнего распыления, в состоянии подавляющего преобладания пауперизованных и полупауперизованных^х слоев крестьянства.

Приведенная таблица, далее, говорит о том, что процесс увеличения размеров полупролетарских и беднейших слоев крестьянства продолжается; процент безлошадных и однолошадных дворов растет. Правда, как будто одновременно падает и удельный вес высших слоев, т. е. как будто совершается общая передвижка групп вниз. Однако такой общий вывод едва ли соответствует действительности. Если оставить средние российские цифры и взять более детальные порайонные данные, если, далее, провести группировку хозяйств по ряду признаков, достаточно хорошо выражающих экономическую мощь хозяйств, то легко увидеть, что в различных районах в различной степени и форме наблюдается и процесс усиления верхних слоев деревни, наблюдается углубление дифференциации. <...>

Здесь прежде всего необходимо отметить, что хозяйства, стоящие на верху иерархической лестницы социальных группировок деревни, дают наибольшее количество купчей и арендованной земли на хозяйство. Так, по Симбирской губернии хозяйства с посевом до 4 десятин имеют 9,7% купчей земли, с посевом от 4 до 10 десятин—35,3%, с посевом свыше 10 десятин—50%. То же можно наблюдать и в отношении аренды. <...>

Высшие группы имеют, далее, наивысший процент хозяйств с наемным (сроковым) трудом и наименьший с промыслами. <...>

Наряду с этим, по мере перехода к более сильным группам хозяйств, можно наблюдать и более заметные признаки агротехнического прогресса. <...>

Наконец, характер и размеры различных групп деревни обнаруживают различную связь с рынком и доходность хозяйства. <...> Более сильные группы имеют абсолютно больший валовой доход и расход на хозяйство. Равным образом они имеют и больший чистый доход на хозяйство. Группа беспосевных хозяйств имеет, наоборот, отрицательный баланс дохода-расхода.

Высшие группы, далее, имеют абсолютно больший [валовой] доход и расход на десятину удобной земли. Чистый доход на десятину во всех группах, имеющих посев, держится, наоборот, довольно устойчиво. Лишь в беспосевной группе имеет место отрицательный баланс.

Наконец, денежный расход и доход на хозяйство в абсолютных величинах падает при переходе от группы беспосевных хозяйств к группе малопосевных и затем круто поднимается при переходе к следующим более крупным группам. Наоборот, процент денежности дохода и расхода правильно понижается при переходе от группы беспосевных к последующим группам.

Таким образом, можно утверждать, что чем крупнее группа^{XI}, тем большую сумму новых материальных ценностей дает она на хозяйство и тем большую абсолютную массу ценности выбрасывает она на рынок. Наоборот, размер отчуждаемых и приобретаемых ценностей в отношении к доходу и расходу дает высший процент в мелких группах^{XII}.

Из сказанного не трудно видеть, что действительно экономически более сильные группы обладают и большими возможностями накопления, а следовательно и агротехнического прогресса. <...> Выше отмечался общий рост хозяйства и крестьянского в особенности. Теперь необходимо присоединить, что в составе крестьянских хозяйств наибольший темп развития падает на экономически высшие группы.

III. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА ЭВОЛЮЦИИ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА ДО ВОЙНЫ

Таковы важнейшие, далеко, конечно, не исчерпывающие тенденции развития сельского и крестьянского хозяйства в прошлом.

Переходя к экономическому анализу этой эволюции сельского хозяйства, необходимо прежде всего условиться о том критерии, с точки зрения которого следует производить этот анализ. Таким критерием является критерий *развития производительных сил*. Подходя с ним к описанной эволюции сельского и крестьянского хозяйства в прошлом, необходимо установить, что развитие производительных сил его в рассмо-

тренный период несомненно наблюдалось. За это говорят все приведенные выше данные. Нужно признать, далее, что в этот период повышательных конъюнктур развитие сельского и особенно крестьянского хозяйства шло весьма интенсивно. Многие из описанных выше тенденций поэтому в основе имеют положительный характер. Однако только в основе, и притом не все. Действительно, нужно признать прежде всего, что если описанный период повышательной волны и дает довольно энергичный рост производительных сил, то общий темп развития производительных сил нашего сельского и крестьянского хозяйства в прошлом был медленным. Поэтому и уровень, достигнутый нашим сельским хозяйством, был относительно низким.

Так, национальный доход от нашего сельского хозяйства на душу населения перед войной выражается приблизительно в 52 рубля. В то же время в Соед[иненных] Штатах он составлял не менее 262 рублей на душу. Приведенные цифры с достаточной ясностью говорят нам о низком уровне развития нашего сельского хозяйства. Основные причины общей медленности развития нашего сельского хозяйства и низкого уровня, достигнутого им, сводятся к следующему.

Прежде всего, как все народное хозяйство России, так в частности и сельское хозяйство экономически страдало от недостаточного обеспечения его капиталом. Этот факт лежит в основе слабой индустриализации России. Беря для иллюстрации сравнительное обеспечение России и Соединенных Штатов, например, железнодорожным транспортом, получаем следующую картину:

	Густота ж/д сети на 100 км ² территории	Километров ж/д на 10 000 населения
Европейская Россия	1,06	4,1
Азиатская Россия	0,07	5,1
Соедин[енные] Штаты С[еверной] Амер[ики]	4,30	43,8

Отсюда ясно, насколько был относительно незначителен размер капиталов, вложенных у нас в железнодорожное дело. Между тем это слабое обеспечение транспортом было, конечно, огромным препятствием для развития рынка вообще и сельского хозяйства в частности, было препятствием для связи с мировым рынком богатейших юго-восточных районов страны и тормозило темп подъема сельского хозяйства. То же самое можно наблюдать и в отношении различных отраслей промышленности. Слабое развитие промышленности, несмотря на тенденции ускорения ее роста за последнее время до международной войны, делало нашу страну страной одностороннего аграрного развития, страной аграрно-перенаселенной, страной колоссального скопления маломощных полупролетарских крестьянских хозяйств, что отмечалось выше.

Но и самое сельское хозяйство, в свою очередь, было чрезвычайно слабо снабжено капиталами. В то время, как в среднем на американскую ферму приходится капитала в постройках, живом и мертвом инвентаре около 3900 рублей, капитал среднего крестьянского хозяйства в Европейской России едва ли достигал 900 рублей.

При этих условиях малой снабженности капиталом сельское и, в частности, крестьянское хозяйство, если и шло по пути интенсификации, то интенсификация эта носила преимущественно характер *трудоинтенсификации*. Растущее сельское население стремилось получить большой валовой доход с единицы земли и получало его путем все более и более значительных затрат труда, вводя трудоинтенсивные культуры и отрасли. Но так как эти затраты не находились в достаточной гармонии с одновременными затратами капитала, то производительность труда и доходность сельского хозяйства стоит низко. Чистый доход на единицу земли получается незначительный, уровень жизни сельского населения повышается медленно.

Низкая капиталоемкость нашего сельского хозяйства является одной из основных экономических причин медленного темпа развития его производительных сил. В то же время нужно указать, что использование имевшегося незначительного капитала в сельском хозяйстве было далеко не рационально.

Крайняя распыленность масс крестьянского хозяйства, которая констатирована выше, подавляющее преобладание мелких пауперизованных крестьянских хозяйств ставили непреодолимые препятствия для полного использования живого и мертвого инвентаря. Известно, в какой мере слабо использовался живой и мертвый инвентарь в крестьянском хозяйстве. В мелких посевных группах с посевом до 4 десятин норма нагрузки на рабочую лошадь выражается всего в 2,7 десятинах. В группах с посевом от 4 до 10 десятин эти нормы повышаются уже до 4,1 десятины, а в группах с посевом свыше 10 десятин нагрузка повышается до 6,7 десятин. Таким образом, нагрузка и степень использования лошадей в низшей группе стоит в 2,5 раза ниже, нежели в высшей группе. Между тем хозяйства с посевом до 4 десятин составляют около половины всех крестьянских хозяйств страны. Следовательно, экономически низшие и в то же время количественно преобладающие массы деревни встречают серьезные препятствия на пути развития производительных сил сельского хозяйства. Индивидуалистический характер основной массы крестьянских хозяйств, их распыленность, отсутствие кооперативных форм объединения и использования капитала приводят, таким образом, к растрате огромного количества потенциальных производительных сил страны и ослабляет темп их развития.

Третье условие медленного темпа развития производительных сил сельского хозяйства и в то же время отрицательную черту его прошлой эволюции следует видеть в отсутствии достаточного равновесия в развитии различных отраслей самого сельского хозяйства.

В подавляющем большинстве районов наблюдается прежде всего отсутствие необходимого равновесия между земледелием вообще и животноводством. Страна с огромным процентом неудобной и лесной площади, с относительно высоким процентом пашни, страдала в большинстве районов от недостатка лугов и пастбищ, что особенно остро чувствовалось крестьянским хозяйством.

Вместе с тем полевое хозяйство в большинстве случаев имеет резко выраженное зерновое направление с процентом зерновых до 90 и даже выше. При этих условиях без соответству-

ющей реорганизации хозяйства животноводство не имело достаточных оснований для развития. И выше отмечалось, что, при несомненном развитии продукции полеводства, животноводство, несмотря на благоприятные рыночные конъюнктуры, натурально развивается значительно медленнее.

Но и в тех районах, где, как в северо-западных районах, диктатура зернового направления хозяйства уже ослаблена и хозяйство вступило на путь введения трудоинтенсивных технических культур, диспропорция в развитии земледелия и животноводства сохраняет также свое полное значение. Здесь наблюдается стремительное, сверхнормальное развитие трудоинтенсивных, истощающих почву технических культур, без достаточной компенсации их подъемом травосеяния и, следовательно, без развития животноводства. Все это вело различные районы различными путями и в различной степени, но к тому же результату: к истощению почвы, понижению урожайности и падению ценности сельскохозяйственной продукции. Не трудно видеть, что эти условия, с одной стороны, задерживали процесс накопления капиталов в деревне, с другой стороны, они сами имели место в силу бедности деревни капиталами.

Однако предыдущие условия развития нашего сельского хозяйства были бы немыслимы вне определенной социально-правовой обстановки. Социально-правовые условия существования и развития крестьянского хозяйства России ставили непреодолимые препятствия для этого развития. На первом месте здесь нужно поставить пережитки феодально-дворянско-помещичьего земельного режима. Этот режим исторически поставил крестьянство в тяжелую обстановку малоземелья и вынуждал его, как уже отмечалось, при помощи широкой аренды и покупки земли бороться за расширение землепользования; в то же время путем высоких арендных плат и высокой цены на землю оттягивал значительные средства из крестьянского хозяйства. В том же направлении действовала и экономическая политика царского правительства. Внешняя торговая политика правительства была проникнута духом промышленного протекционизма и приводила к высоким ценам на фабрикаты^{xiii}. Тяжелый налоговый режим экспроприировал крупные суммы из крестьянского хозяйства.

Приблизительное представление о размерах важнейших видов экспроприации крестьянских средств перед революцией дают следующие цифры^{1, XIV}:

	На душу крестьянского населения, в рублях	В % к условно чистому доходу на хозяйство
Налоговые [отчуждения]		
Прямые	1,80	2,41
Прочие	4,56	8,81
Всего налогов	6,36	11,22
Неналоговые отчуждения		
Страховые платежи	0,27	0,48
Аренда и плата за землю	3,74	6,37
Всего неналоговых отчуждений	4,01	6,85
Всего изъятий	10,37	18,07

При условно чистом доходе в среднем около 450 рублей все изъятия из крестьянского хозяйства составят, таким образом, около 81 рубля в год. Сумма достаточно значительная. Вот почему все указанные социально-правовые условия должны были тормозить и тормозили процесс накопления капиталов в деревне, а следовательно, и развитие крестьянского хозяйства. Между тем экономически и количественно оно преобладало и служило важнейшей основой хозяйства страны.

¹ По расчетам А. Л. Вайнштейна из его работы «Обложение крестьянского населения в довоенное и революционное время», выходящей в ближайшее время из печати.

В то же время неравноправие, слабое развитие экономической организованности и кооперации крестьянства, а также обший низкий культурный уровень крестьянских масс тормозили их самостоятельность и прогрессивные начинания в организации хозяйства. <...>

IV. Эволюция сельского хозяйства во время войны и революции до новой экономической политики

Хотя в довоенный период развитие сельского хозяйства и страдало от многочисленных отрицательных условий, тем не менее в течение этого периода рост производительных сил сельского хозяйства несомненно имел место. Период войны и революции временно приостановил этот рост. Во время войны отвлекается огромное количество производительного труда из сельского хозяйства. Размер этого отвлечения в половине 1917 г.^{XV} достигает до 36,7% общего количества мужского населения рабочего возраста в стране. В то же время падает снабжение сельского хозяйства инвентарем, сокращается рыночный оборот. Все это явилось предпосылками для деградации сельского хозяйства. Правда, в течение войны деградация эта не выявилась во всех своих размерах. Общая посевная площадь к 1917 г. упала всего на 6,7%. Количество скота, по-видимому, до 1917 г. даже не подверглось сколько-нибудь заметному сокращению. Но тем не менее предпосылки для деградации сельского хозяйства в силу истощения страны были налицо.

Эти предпосылки были усилены до последних пределов в эпоху Гражданской войны и военного коммунизма. Продолжающееся отвлечение труда от производительной работы, разрушение транспорта, продовольственная разруха, разрыв связи между различными районами и падение разделения труда между ними, разрушение городов и уничтожение внешних рыночных отношений наряду с военным истощением страны должны были обусловить резкое падение производительных сил сельского хозяйства. В том же направлении действовал еще один могучий фактор — аграрная революция. Значение ее необходимо рассматривать с двух точек зрения.

С точки зрения более длительного периода и с точки зрения данного короткого периода. С первой точки зрения нет никакого сомнения, что аграрная революция, приведшая к уничтожению феодально-дворянского земельного режима, должна иметь огромное положительное значение для развития производительных сил сельского хозяйства. Но в период самого своего хода она должна была сопровождаться падением сельского хозяйства.

Революция вызвала массовые переделы земель. Она открыла свободный доступ к земле. Эти условия, а также бегство городского населения в деревню породили там огромное количество маломощных хозяйств. Иллюстрацией сильнейшей перегруппировки крестьянских хозяйств с тенденцией их к понижению может служить следующая таблица (по 26 губерниям Европейской России):

Посевные группы	% к общему числу хозяйств	
	1917 г.	1919 г.
Беспосевные	11,4	6,5
С посевом до 4 десятин	59,1	77,0
С посевом от 4 до 7 десятин	21,6	16,4
С посевом от 7 до 13 десятин	4,5	2,2
С посевом выше 13 десятин	3,4	0,9

В результате стечения всех этих условий и наблюдается падение производительных сил сельского хозяйства.

Национальный валовой доход от сельского хозяйства России в современных границах по довоенным ценам упал с 6117 млн рублей в 1912 г. до 4634 млн рублей в 1920 г., т. е. на 25%. Но в различных отраслях эта деградация оказалась неравномерной. Наиболее упали интенсивные, ценные, рыночные отрасли и культуры. Наоборот, отрасли и культуры менее ценные,

менее рыночные, имеющие преимущественно натурально-потребительский характер, оказались значительно устойчивее. Если взять полеводство, то уровень посевных площадей в 1920 г. в % к 1913 г. по СССР выразится для важнейших культур так:

Рожь озимая	71,7	Полба	56,9	Конопля	40,5
Пшеница яровая	64,1	Кукуруза	104,0	Подсолнух	91,1
Овес	69,3	Чечевица	45,6	Сахарная свекла	5,6
Ячмень	62,1	Горох	35,2	Табак	3,9
Гречиха	101,7	Картофель	51,6	Травы	40,1
Просо	117,1	Лен	47,1		

Отсюда ясно, что наиболее упали трудоинтенсивные культуры, как сахарная свекла, табак, лен, конопля, картофель, горох, чечевица, далее рыночные зерновые, как ячмень и пшеница. Некоторые из продовольственных культур, наоборот, даже выросли, например, гречиха, просо и кукуруза.

Что касается скотоводства, то уровень его к 1920 г. по СССР характеризуется такими цифрами в % к 1916 г.:

Рабочие лошади	78,2		Молодняк	51,5
Молодняк и жеребята	64,1		Телята	59,9
Итого лошадей	75,0	Итого крупного рогатого скота		74,2
Волы	79,9		Овцы	54,8
Быки от 2 лет	37,7		Козы	33,7
Коровы	93,5		Свиньи	72,1

Таким образом, по видам скота наиболее пострадали быки, молодняк крупного рогатого скота, козоводство, свиноводство и конский молодняк.

Наряду с этой деградацией земледелия и скотоводства идет процесс нивелировки районов. Так, если в Новороссии^{xvi} пшеница составляла в 1913 г. 48,5% всех посевов этого района, то в 1920 г. она составляет здесь уже только 40,3%, в Нижневолжском районе^{xvii} ее процент за то же время упал с 60,8% до 53,0%. Лен, составлявший в Приозерном крае^{xviii} в 1913 г. 8,0%, в 1920 г. составлял уже только 3,7%. В Северном районе^{xix} он упал с 4,1% до 2,6%.

Вместе с этими процессами, в особенности под влиянием политики периода военного коммунизма, падает товарность крестьянского хозяйства. Если до войны процент товарного отчуждения к валовой продукции составлял, по бюджетным данным, в среднем по потребляющей полосе 26,2%, а по северной части производящей — 22,4%^{xx}, то в 1920–1921 гг. он упал соответственно до 6,6% и 18,8%.

Таким образом, описанный период принес глубокие потрясения производительных сил сельского хозяйства. Он вызвал в нем тенденции, в большинстве случаев обратные тем, которые наблюдались, как положительные тенденции, в довоенный период.

ⁱ Печатается по: Основы перспективного плана развития сельского и лесного хозяйства // НКЗ РСФСР. Труды Земплана. Вып. 5. М.: Новая деревня, 1924. Главы II–IV. С. 8–20. Комментарии подготовлены И. А. Кузнецовым.

ⁱⁱ Первой мировой войны.

ⁱⁱⁱ Территория 50 губерний охватывала европейскую часть Российской империи, включая Прибалтику и Область Войска Донского, но без Польши, Финляндии и Кавказа.

^{iv} Техниккой в сельскохозяйственной литературе XIX — начала XX века называли то, что сейчас называют технологией.

^v К «торгово-техническим растениям» обычно относили лен, коноплю, подсолнечник, хлопок, мак и другие волокнистые и масличные культуры, иногда также табак.

^{vi} Здесь автор выходит за рамки 50 губерний Европейской России. Туркестаном в географии до середины 1920-х гг. называли всю Среднюю (Центральную) Азию. Административно до 1917 г. существовал Туркестанский

край (генерал-губернаторство), включавший Закаспийскую, Самаркандскую, Ферганскую, Сырдарьинскую, Семиреченскую области; в 1918–1924 гг. Туркестанская Советская республика (Туркеспублика) в составе РСФСР, разделенная затем на ряд советских республик. Под интенсификацией сельского хозяйства в Туркестане, по-видимому, имелось в виду расширение посевов хлопчатника.

^{VII} В оригинале — 201,7.

^{VIII} Трудоинтенсивными называли культуры, требовавшие больших затрат ручного, живого труда на единицу площади, по сравнению с зерновыми культурами, причем этот труд не мог заменяться машинами. В современной экономике сельского хозяйства понятия «трудоинтенсивный» и «капиталоинтенсивный» не используются.

^{IX} В оригинале ошибочно стоит «с 1–2 лошадей».

^X Паупер (*лат.*) — бедняк, нищий.

^{XI} То есть группа, объединяющая крупные по размеру хозяйства.

^{XII} То есть в группах, объединяющих мелкие по размеру хозяйства.

^{XIII} Фабрикаты — продукты промышленности, промышленные товары.

^{XIV} В действительности работа, упомянутая в сноске 1, вышла под иным заглавием: *Вайнштейн А. Л.* Обложение и платежи крестьянства в довоенное и революционное время / Предисл. Н. Д. Кондратьева. М.: Экономист, 1924.

^{XV} В половине года (*устар.*) — в середине года.

^{XVI} В официальных публикациях урожайной статистики Центрального статистического комитета до революции к Новороссийскому району относились Бессарабская, Екатеринославская, Таврическая, Херсонская губернии и Область Войска Донского.

^{XVII} Нижневолжский район — Самарская, Астраханская, Оренбургская губернии.

^{XVIII} Приозерные губернии — Санкт-Петербургская, Псковская, Новгородская, Олонецкая.

^{XIX} Северный район — Архангельская, Вологодская губернии.

^{XX} Потребляющая полоса — губернии, потреблявшие хлеба больше, чем производилось на их территории; производящая полоса — губернии, производившие товарный хлеб. Разделение России на производящую и потребляющую зоны намечалось еще в XVIII веке, постепенно углубляясь, оно создавало внутренний аграрный рынок. К «северной части производящей полосы» в начале XX века относились центральные черноземные губернии. Подробные количественные данные о соотношении внутреннего производства различных сельскохозяйственных продуктов к их ввозу и вывозу по 50 губерниям Европейской России в начале XX века можно найти в: *Челинцев А. Н.* Русское сельское хозяйство перед революцией. М.: Новый агроном, 1928.

А.Д. Билимович

Аграрный вопрос на Юге России в 1918–1920 годах¹

В начале мая 1918 г. на Украине появился гетман, выдвинутый союзом хлеборобов и опиравшийся на землевладельцев и промышленников.

Во вступительной грамоте гетман П. Скоропадский признал права собственности на землю и обещал восстановить прежних владельцев в их правах, т. е. отнять ее у захватчиков. Земельные отношения были в это время в хаотическом состоянии после ряда перемен землевладения, захватов, переделов и пр. Аграрный вопрос стоял в числе первых у нового правительства и вокруг него шла борьба разных интересов и мнений. С одной стороны, надо было укрепить власть и порядок, и это придавало большое значение политической стороне вопроса, с другой стороны, власть опиралась на владельцев, которые всеми силами боролись за свои права. Образованная аграрная комиссия состояла из значительного числа представителей министерства земледелия, специалистов — сторонников реформы; члены совещания от союза хлеборобов защищали права собственности и очень туго шли на уступки. Особую позицию занимали представители свеклосахарных имений: чувствуя привилегированность своего положения, делая уступки для других категорий владений, они были непримиримы в отношении своих владений. Представители промышленности прямо не участвовали в аграрной комиссии; они держались мнения, что землей надо пожертвовать для общего блага; землевладельцы же указывали на капиталистов, которые-де пусть первые покажут пример.

Земельную политику этого периода можно разделить на две категории: вопросы основные, т. е. самой земельной реформы,

и вопросы землеустройства и землепользования, тоже весьма существенные в политическом отношении, но менее характерные для истории собственно аграрного вопроса.

Из второго рода вопросов упомянем о ликвидации захватов, для чего были спешно созданы особые ликвидационные комиссии, облеченные правами определения размеров убытков при разграблении имений, а по существу третейско-судебного характера. Введены они были в действие законом 15 июля 1918 г. Уже сама цель комиссий была для крестьянских масс неприемлема и показательна в смысле отношения к ним правительства. Поскольку пришлось слышать, такие комиссии в некоторых местах действовали достаточно мягко и содействовали примирению с владельцами; но были и другие случаи, где с крестьян брали больше, чем следовало, переводя, например, убытки на новый курс рубля и пр.; какие последствия это должно было создавать — ясно само собою.

Затем были восстановлены земельные комиссии взамен землеустроительных и провозглашено почти принудительное уничтожение общины и переход на отруб и хутора. Учрежденный земельный банк должен был выдавать 75% оценки и насколько возможно облегчать ликвидацию частного землевладения и переход земли в руки крестьян в частном порядке. По закону 14 июня 1918 г. (один из первых) каждый землевладелец мог продать всю свою землю, но покупать в одни руки можно было лишь не более 25 дес. Лишь с разрешения министра можно было покупать большее количество десятин для культурных или промышленных хозяйств, требующих большей площади. Хозяйства от 200 дес. и меньше признаны были не подлежащими принудительному раздроблению. При продаже земель земельным банком точно так же должна была соблюдаться норма максимума в 25 дес. В целях облегчения перехода земель при продаже их земельным банком прекращалось законом 14 августа действие арендных договоров на продаваемых землях. 18 октября утвержден был закон о передаче государственному земельному банку всех полевых и луговых казенных земель, а лесному ведомству всех лесных площадей, принадлежащих или приобретаемых земельным банком. Наконец, удельные земли было решено объединить с прочими ка-

женными, однако этот закон не получил утверждения гетмана. В это же время в аграрной комиссии при министерстве земледелия происходило обсуждение оснований земельного закона, представленных министерством земледелия. Главные основания его были таковы.

Для обеспечения перехода значительной площади помещичьей земли в руки крестьян дается срок для добровольной продажи; для земель арендных и особо необходимых крестьянам — годичный, для прочих 2 года. Земли, не проданные за это время, подлежат принудительному отчуждению за вознаграждение. Владения в 200 дес. и меньше отчуждению и продаже не подлежат, а для сахарных заводов оставляется до 3000 дес. Далее следовал целый ряд изъятий для земель и хозяйств, ценных в культурном и научно-опытном отношении. Эти основания законопроекта не были приняты в комиссии. Оппозиция вела настойчивую обструкцию, затягивая обсуждения каждого пункта. Сторонники реформы были в меньшинстве, а представители кооперации и демократических хлеборобов саботировали министерство и аграрную комиссию по соображениям национальным ввиду неприязни к гетманскому правительству.

Так продолжалось до частичной смены кабинета, происшедшей 19 октября под давлением немецкого командования. На смену министру В. Колокольцову явился украинец В. Н. Леонтович, от которого гетман потребовал спешно представить основания аграрной реформы и торжественной грамотой объявил о созыве 25 октября особого аграрного совещания под личным своим председательством.

Новый проект оснований был выработан чуть ли не в течение недели, но вслед за тем произошла новая перемена в политике гетманского правительства; министром земледелия был назначен С. Н. Гербель. Началось обсуждение в аграрном совещании оснований аграрной реформы, выработанных при В. Н. Леонтовиче. Ввиду интереса приводим их полностью.

Проект оснований аграрной реформы, выработанной министерством земледелия в Киеве 1918 г. 12 ноября.

«В целях увеличения площади крестьянского землевладения и создания возможно большего числа самостоятельных мел-

ких хозяйств и в целях землеустройства, должны быть приняты следующие меры и должны быть отчуждены государством для продажи крестьянам:

Участки земли, необходимые для улучшения тяжелой хозяйственной зависимости крестьян от соседних владений, как то: прогоны, водопои, присельные выгоны и т. п.

Земли, сдаваемые постоянно в аренду крестьянам за деньги или исполу, а также земли, обрабатываемые преимущественно крестьянским инвентарем.

Хозяйства, хотя и ведущиеся собственным инвентарем, но по производительности и способам ведения хозяйства не отличающиеся значительно от окружающих крестьянских хозяйств.

Во владениях, подлежащих отчуждению согласно 1, 2 и 3 ст., владельцам оставляются участки в размере прежнего земского ценза, а владения по площади, не достигающие размером земского ценза, отчуждению вообще не подлежат. Владельцу предоставляется оставлять за собою участок с усадьбой, садом и пр.

Хозяйства высокой интенсивности, имеющие промышленный характер, а также школьные, опытные, показательные, семенные, племенные рассадники, а равно сады, виноградники, леса и лесные насаждения отчуждаются сверх пятикратного размера земского ценза.

Земли, принадлежащие сахарным заводам, могут быть отчуждаемы по особому рассмотрению в каждом случае высшего земельного органа при министерстве земледелия.

Земли, указанные в ст. 1, подлежат отчуждению после 6 месяцев со дня предупреждения владельца земельной комиссией, если не будут за этот срок добровольно проданы; отчуждение владений, указанных в ст. 2, 3, а также 5, подлежат отчуждению спустя 1 год после предъявления требований земельных комиссий, если за этот период не будут проданы по добровольному соглашению.

Право покупки земли ограничивается 25 десятинами на одно хозяйство».

Сохраняя основные начала положений проекта В. Колокольцова, эти основания отличаются лучшей разработанностью, и в н[их] устранены крайности; так, например, срок ликвидации понижен до 6 месяцев и до 1 года, вместо 1 и 2 лет и пр. Са-

харные владения затронуты очень осторожно и неопределенно, но все же признано необходимым и их подвергать сокращению.

Но и эти основания не успели получить одобрения. Тучи сгущались над Киевом, приближалась война, а соответственно с этим и изменилась аргументация землевладельцев; стали говорить: «нельзя же производить аграрную реформу под гром пушек, да и ни к чему это». Гетман настаивал на ускорении работ аграрного совещания. На последнем заседании аграрного совещания во дворце гетмана в декабре месяце оппозиция была сломлена и принцип принудительного отчуждения был принят. 24 декабря в Киев входил Петлюра. Гетманский период закончил свое существование. 8 месяцев оказалось мало, что-бы дать хотя бы основания аграрной реформы.

В Одессе, куда переселилось много известных деятелей, в том числе из Киева, шла интенсивная общественная работа. Усиленную деятельность проявил Комитет государственно-го объединения, заключавший в своем составе многих членов Г[осударственной] думы и Государственного совета, земских деятелей и пр. Земский Комитет госуд[арственного] объединения взял на себя инициативу по подготовке оснований аграрной реформы. Была составлена особая записка, согласно которой предусматривалось принудительное отчуждение, примерно на Киевских основаниях. Многочисленные члены союза хлеборобов, преимущественно помещики с центральным комитетом во главе, сначала возражали против предложенных оснований реформы, но затем согласились с ними, признав принудительное отчуждение. Это было в феврале 1919 г. Вскоре вопрос был поднят в Екатеринодаре, где находилась ставка ген. Деникина и шло формирование правительства Добровольческой армии. В частном порядке обсуждался аграрный вопрос в местном отделении Госуд[арственного] объединения, где А. В. Кривошеин выразил сожаление по поводу одобрения сочленами по Госуд[арственному] объединению в Одессе необходимости принудительного отчуждения. Затем началась подготовка аграрного законопроекта, законченная в Ростове. Выработанный проект было признано необходимым пересмотреть, для чего была образована аграрная комиссия из членов Особого совещания (министров) и нескольких экспертов, профессоров и агрономов.

Вместо министра В. Колокольцова в сентябре был назначен проф. А. Билимович, представивший свой проект земельных положений.

Общие принципы остались те же, что в Киевском проекте. Облегчены добровольные сделки, оставлены за владельцами неотчуждаемые минимумы по нормам в двух вариантах: твердые нормы по 4 разрядам, на которые были разбиты губернии и группы уездов, в зависимости от плотности населения и обеспеченности земель.

Так, к 1-му разряду отнесены губернии: Астраханская, Самарская (кроме Бугульминского и Ставропольского уездов), части Уфимской, Ставропольской (кроме Ставропольского уезда) и др.

Ко 2-му: часть Витебской, Воронежской (кроме Валуйского, Воронежского, Бирючского, Задонского, Землянского, Коротоянского и Нижнедевицкого уездов), Мариупольский и Славяно-сербский уезды Екатеринославской губ. и др.

К 3-му: Киевская (кроме Звенигородского и Чигиринского), большая часть Московской, часть Тамбовской, Харьковской, Херсонской, Саратовской и др.

К 4-му: часть Казанской, Подольской, Полтавская, часть Симбирской, Орловская, Курская и др.

К 5-му: Черниговская, часть Ярославской, часть Нижегородской, Тульской, часть Костромской, часть Вятской и др.

Размеры не подлежащих отчуждению владельческих земель. 1-й вариант (способ прогрессивных отрезков):

Категория	Из первых 100 дес.	Из следую- щих 101–300 дес.	Из следую- щих 301– 600 дес.	Из следую- щих 601–1000 дес.	Из площади свыше 1000 дес.	Высший пре- дел неот- чуждаемых участков
1	Не отчуждается ничего	80% (160 дес.)	60% (180 дес.)	40% (160 дес.)	Отчуждается все	600 дес.
2		75% (150 дес.)	50% (150 дес.)	25% (100 дес.)		500 дес.
3		60% (120 дес.)	40% (120 дес.)	15% (60 дес.)		400 дес.
4		50% (100 дес.)	20% (60 дес.)	10% (40 дес.)		300 дес.
5		25% (50 дес.)	10% (30 дес.)	5% (20 дес.)		200 дес.

Второй вариант (твердые нормы максимумов неотчуждаемых участков):

- 1 категория — оставляется до 400 десятин,
- 2 — до 300 десятин,
- 3 — до 250 десятин,
- 4 — до 200 десятин,
- 5 — до 150 десятин.

Устанавливается два порядка перехода земель в руки крестьян: добровольный, путем продажи непосредственно или из государственного фонда и принудительно в следующем порядке: со дня опубликования акта о свержении советской власти год назначается на подготовительные работы земельных органов, а затем в каждой губернии ежегодно составляется и объявляется во всеобщее сведение перечень подлежащих принудительному отчуждению частных земель. В течение 5 лет все земли, подлежащие отчуждению, должны быть ликвидированы или перейти в государственный земельный фонд. Оценка производится земельными органами на основании правил, утверждаемых министрами земледелия и финансов.

При продаже земли предпочтение дается лицам, обществам и товариществам, получившим наделы из данного имения, а также бывшим их арендаторам и покупателям, владеющим землей, состоящей в чересполосном владении с продаваемыми участками либо прилегающей к этим участкам.

Затем предусматривались преимущества и первоочередность чинам армии, сражавшимся против советского правительства и пр.

Следует отметить, что при отчуждении земель, сдававшихся последние пять лет в аренду, владельцам оставляется лишь пятая часть вышеуказанных норм. Ограничения максимума покупки (в киевском проекте 25 дес.), мы здесь уже не встречаем. Из льгот владельцам, суживающих значение реформы, надо указать на обширный список земель, не подлежащих отчуждению, где среди перечня принадлежащих разным категориям владений (крестьянские, казачьи и проч.) не подлежат отчуждению сверх норм по вышеуказанным категориям: усадьбы со всеми надворными постройками и парки, сады, питомники, огороды, хмельники, виноградники, пруды с промышленным

рыбным хозяйством, земли, улучшенные дренажем, и проч. особые угодья, а также леса, входящие в состав утвержденных лесных планов, с внутренними пашнями, сенокосными полянами и лесными пастбищами и, наконец, болота и прочие неудобные земли, за исключениями, которые будут признаны необходимыми.

Проект этот представляет интерес лишь для оценки истории аграрной реформы, ибо утверждения он не получил.

Интересно, наконец, сопоставить с изложенными выше фазисами аграрного вопроса или, вернее, борьбы за землю решение аграрного вопроса при Врангеле.

8 апреля 1920 г. он возвестил приказом о разработке мероприятий по земельному вопросу на основах «полного использования всей годной к обработке земельной площади и передачи владения землей возможно большему числу лиц, могущих вкладывать в нее труд, причем посредником между крупным землевладением и новыми собственниками должно быть Государство».

25 мая вышел приказ «с Правилами о передаче распоряжением Правительства казенных, государственного земельного банка и частновладельческих земель сельскохозяйственного пользования в собственность обрабатывающих землю хозяев». Согласно этим правилам земельные угодья остаются во владении обрабатывающих их или пользующихся ими хозяев и, независимо от того, на каком праве основано это пользование, оно подлежит охране правительства; иначе говоря, дальнейшие захваты или отобрание у захватчиков воспрещается.

Исключаются из этого и не подлежат охране: захваты, произведенные из земель надельных, купленных через крестьянский банк, выделенные на отруба и хутора, церковные наделы и всякого рода земли общественно-полезные, культурные и т. п., промышленных предприятий и, наконец, частновладельческие, подлежащие сохранению в пределах, которые будут установлены уездными земельными советами и утверждены правительством. Охрана земель и возврат в необходимых случаях захваченных возлагается на волостные земельные советы.

Подлежат передаче трудящимся, кроме перечисленных исключений и земель государственных: частновладельческие,

в первую очередь не обрабатываемые собственниками или оставленные ими без использования, сдаваемые обычно в аренду. Земли передаются мелкими участками в собственность.

Условия передачи: земли обкладываются в пользу государства сборами хлебом или деньгами; государство в свою очередь рассчитывается с бывшими собственниками на условиях, определяемых особыми правилами.

Продаваемые земли подлежат обложению хлебом или деньгами до полной их оплаты каждой десятины без различия пахотной, сенокосной, выпасной, преобладающего в данной местности хлеба (пшеницы или ржи) в количестве пятикратного, среднего за последние 10 лет урожая. Урожай определяется на основании земской статистики и других данных уездными земельными советами и утверждается правительством.

Обложение хлебом вносится в течение 25 лет по одной пятой среднего урожая ежегодно. В случаях временного пользования земель — до ее распределения; арендаторы вносят также по одной пятой урожая ежегодно.

Леса частновладельческие принимаются под наблюдение лесных казенных управлений, а волостным советам предоставляется делать представление о потребностях населения в топливе и строительных материалах и о расширении сельскохозяйственной площади за счет лесной. Постановления волостных комитетов утверждаются уездными, которые определяют и нормы вознаграждения лесовладельцев за получаемые от них материалы и площади для эксплуатации.

Реформа приводится в исполнение немедленно по открытии земельных советов, причем волостные немедленно по открытии производят по каждому казенному и частному владению обследование для учета: количества угодий, в чьем пользовании они находятся, обеспеченности земель населения и составляют проект распределения земли, с оставлением части ее за собственником или для других надобностей. Свои предположения волостной совет представляет уездному для утверждения и укрепления участков за новыми владельцами. Постановления уездного совета являются бесспорными актами владения землей, до замены их новыми по уплате государству полной стоимости земли в размере пятикратного урожая хлеба.

Земельным советам преподаются указания о порядке очередности при распределении земли; преимущество дается хозяевам, имеющим уже на участках оседлость и хозяйственное обзаведение, а среди них воинам. Земли каждой волости должны служить в первую очередь для обеспечения ее постоянных жителей.

При постановлении определенного размера землевладения должно сообразоваться с возможностью вести этой земле прочное хозяйство, но в общей сложности, считая прежнюю собственность, не должно превышать норм для покупки с содействием бывшего крестьянского банка.

Земельные советы образуются следующим образом: волостные избираются на особых волостных земельных сходах, из лиц в возрасте не менее 25 лет и в составе: всех старост волости, выборных от сельских обществ, земельных товариществ по одному от десятка из числа ведущих хозяйство, далее: от землевладельцев, не входящих в состав сельских и других обществ, без различия сословий и величины владения — по одному от владения, старших представителей причтов, представителей казны, земельного банка и общественных и учебных организаций, владеющих землями в волости.

Такой волостной земельный сход избирает членов волостного земельного совета на один год в числе не менее 5 и не более 10 и заместителей на случай выбытия из числа членов. В первом заседании совета, которое открывается волостным старшиной, избирается председатель и устанавливается распорядок дальнейшей деятельности. В помощь волостным советам могут быть командированы лица из числа чинов землеустроительного ведомства, как землемеры и проч.

Уездный совет состоит под председательством уездного посредника по земельным делам, председателя уездной управы, мирового судьи, представителя ведомства финансов и по одному представителю от каждого волостного совета. В каждой сессии уездного совета должно участвовать не менее 4 представителей волостных, которые разбиваются для этого на очереди по сессиям.

Постановления уездных советов могут быть отменяемы губернской властью лишь в случаях нарушения общих законных

прав частных лиц. Кроме того, имеется губернский посредник по земельным делам и его помощник при управлении земледелия и землеустройства, обязанность которых объединять деятельность уездных и волостных советов.

¹ Печатается по: *Билимович А.Д.* Аграрный вопрос на Юге России в 1918–20 г.//Крестьянская Россия. Прага. 1922. Вып. I. С. 93–99. Данная статья сопровождалась следующим примечанием: «Помещением настоящей статьи г. Б. редакция сб. „Крестьянская Россия“ открывает особый отдел, в котором будет публиковаться разного рода фактический материал по аграрному вопросу и аграрному законодательству в России и др. странах».

Б. Д. Бруцкус

Об эволюции земельной политики советской власти¹

Правящая в России коммунистическая партия стремилась первоначально добросовестно и безотлагательно воплотить в действительность свою программу, довольно точно воспроизводящую основные положения знаменитого Коммунистического манифеста Маркса. В тех сферах жизни, где эта программа соответствовала настроениям возбужденных революцией масс, советская власть не только сумела написать соответствующие декреты, но и воплотить их в жизнь. Другое дело — каковы были результаты этого творчества. Когда программа коммунистической партии не находила опоры в стихийных устремлениях масс, подходящие декреты писать еще удавалось, но уже не удавалось воплотить их в жизнь. Наконец, там, где речь шла о жгучих интересах крестьянства, коммунистическая партия редко бывала хозяином положения. Декреты приходилось писать под диктовку возбужденных масс, и содержание их оказывалось в полном противоречии с коммунистической программой. Русская революция есть русская революция, и большевики далеко не были ее хозяевами.

Уже первый Декрет о земле, который был опубликован большевиками немедленно после октябрьского переворота и которым объявлялась конфискация помещичьей земли для передела ее между крестьянами, показывал, что большевики пока не настаивают на решении аграрного вопроса в духе своей коммунистической программы. Они мирились с народнической программой решения земельного вопроса, ибо она была санкционирована бесчисленными крестьянскими наказами и, следовательно, наилучшим образом выражала настроения рево-

люционного крестьянства. Большевики не без основания могли короткое время спустя бросить фразу руководителям Учредительного собрания из соц[иалистов]-рев[олюционеров], обещавшим облагодетельствовать крестьянство своим земельным законом: «Нашим же добром, и нам же челом!»¹¹ Правда, приоритет формулировки крестьянских чаяний, быть может, был за соц[иалистами]-революционерами, но большевики раньше взялись претворить идею в закон. Действительно, одобренный в январе 1918 г. Съездом Советов и опубликованный 6 (19) февраля основной Закон о социализации земли являлся довольно точным воспроизведением программы социалистов-революционеров; подписи левого крыла этой партии, впрочем, и значились под этим важнейшим документом русской революции¹¹¹.

Согласно Закону о социализации земли, «всякая собственность на землю, недра, воды, леса и живые силы природы в пределах Российской Федеративной Советской Республики отменяется навсегда». Задачей органов государственной власти является прежде всего «справедливое распределение земель сельскохозяйственного значения среди трудового земледельческого населения... на уравнительных началах». Таким образом, по Закону о социализации земли, органы государства не могут ставить себе никаких народно-хозяйственных целей; их назначение состоит только в осуществлении субъективного права граждан на землю.

Этот закон, написанный под диктовку революционного крестьянства, не остался мертвой буквой — его основные положения были восприняты жизнью. Он санкционировал разливавшееся по стране аграрное движение. На северном черноземе, где аграрный вопрос стоял особенно остро, были брошены в «общий котел» почти все земли, — не только помещичьи, но и крестьянские купчие, а местами даже и хутора. Здесь аграрная революция приняла характер «черного передела» в полном смысле этого слова¹⁴. В нечерноземной полосе и на окраинах, в особенности на Украине, крестьяне-собственники энергичнее отстаивали свои права, и кое-что из своей собственности им отстоять все же удалось. Но помещичьи имения не были поделены только там, где крестьянство решительно не смогло их

использовать, и тогда они попадали в государственный земельный фонд, обычно после основательной разборки^V. Основная идея народнической интеллигенции — приоритет продовольственного хозяйства перед рыночным — с достаточной полнотой воплотилась в действительность. Правда, народнический идеал всероссийской общины не осуществился. Равнение земли совершалось только в пределах волостей, и даже уездные земельные нормы имели значение очень редко, а губернские нормы и совсем не назначались. Но ведь народническая идея всероссийской общины имела совершенно утопический характер, а потому ни в каких условиях осуществлена быть не могла. Для всероссийского поравнения пришлось бы снять с места этак с 20 млн крестьян, а последние совсем не были расположены тревожить себя для соблюдения чистоты народнической доктрины. Кроме того, относительно многоземельное крестьянство окраин никогда не допустило бы в свою среду миллионы новых пришельцев. Впрочем, можно было утешать себя тем, что «поравнение» совершено пока начерно, а набело оно будет выполнено погодя. Действительно, в большинстве случаев черный передел сразу не завершался, — землю верстали по нескольку раз^{VI}.

Экономические результаты «черного передела» были для крестьянства, взятого в целом, отрицательными. «Черный передел» явился одним из важнейших факторов распада русского народного хозяйства, и та, в общем, довольно скромная прирезка земли, за которой погналось крестьянство и которая была наименьшей в районах наиболее обостренного малоземелья, не могла ему возместить тех существенных выгод, которые им уже извлекались из приобщения к народному хозяйству^{VII}, а тем более тех, которые он мог рассчитывать в будущем извлечь.

Несмотря на эти отрицательные экономические последствия «черного передела» земли, это новое перераспределение земли следует все же считать в его основе окончательным, и русское народное хозяйство придется восстановить на этой основе. Чрезвычайно важным здесь является тот факт, что «черный передел», который совершался при очень слабом регулирующем воздействии государственной власти, прошел, вообще,

вопреки ожиданию правых кругов, спокойно. В своих общинных традициях русское крестьянство само нашло регулирующие силы для этого передела, и постольку история некоторую часть народнических чаяний оправдала.

Решающее значение имеет это перераспределение земли для политической истории России. Оно обозначает уничтожение экономической базы прежней дворянской России. Три с половиной столетия дворянство правило Россией, и в 1918 г. власть выпала из его рук. Этот факт бесповоротный, и с этого года начинается история новой России.

Анархические идеалы народников, готовых превратить великое государство в федерацию волостей, конечно, не могли быть по душе марксистам. Как же они, не изменяя своим убеждениям, могли дозволить на заре своей деятельности, когда они были наиболее последовательны, совершиться этому «черному переделу»? Конечно, их непосредственной целью в этот момент было завоевание симпатий революционного крестьянства; им важно было связать его круговой порукой с революционным пролетариатом. Но все же они и по существу умели оправдывать «черный передел». Ведь, согласно их гимну, программа действия коммунистов такова: «мы старый мир разроем до основания, а потом мы новый мир построим»^{viii}. Для выполнения первой задачи — для разрушения народного хозяйства, построенного на принципах частной собственности и частной инициативы, — осуществление народнической аграрной программы было прекрасным средством. В народнической аграрной реформе большевики усматривали лишь орудие разрушения народного хозяйства, и действительность, в общем, подтвердила их взгляд, а не взгляды народников, согласно которым «черный передел» есть акт творческий.

Однако большевики никогда не любили откладывать осуществления своих программных требований. Как только к этому представилась возможность, они с большим усердием принялись за исполнение своей задачи. А возможность уже представлялась. Многомиллионная крестьянская армия была распущена. Крестьянство дележом земли и прочего помещичьего добра было в известной мере удовлетворено; поглощенное дележом земли, оно успокоилось, и вожжи можно было уже

затянуть. Прошел год с издания основного Закона о социализации земли. В революционное время изданные раз законы редко отменяют, но когда надо, их игнорируют. И вот 14 февраля 1919 г., как бы в развитие Закона о социализации земли, издается «Положение о социалистическом землеустройстве», которое во многом порывает с народническими тенденциями указанного закона и выдвигает новые принципы. Согласно 1-й статье этого Положения, «вся земля в пределах Российской Советской Федеративной Социалистической Республики считается единым государственным фондом». Далее в 4-й статье мы читаем: «В основу землеустройства должно быть положено стремление создать единое производительное хозяйство, снабжающее Советскую Республику наибольшим количеством хозяйственных благ при наименьшей затрате народного труда». Мы видим, что вместо принципа социализации земли с ее уравнительным пользованием выдвигается право государства использовать землю для достижения определенных народно-хозяйственных задач, т. е. выдвигается принцип национализации земли. В самом глубоком противоречии с народничеством стоит следующее программное утверждение: «На все виды единого землепользования следует смотреть как на преходящие и отживающие». За какими же видами землепользования советская власть признает будущее обеспеченным? На первый план она выдвигает производительные товарищества: полные — коммуны, и неполные — артели. Те имения, которые остались не поделенными крестьянами, предполагается использовать как государственные или советские хозяйства — совхозы. Часть последних должна быть приписана к фабрикам, ибо пролетариат, как самый передовой класс общества, сумеет, конечно, проявить свои организаторские таланты и в сельском хозяйстве и проложит новые пути в этом рутинном производстве. Для того чтобы обеспечить армию и города сеном, создается в северных губерниях государственный луговой фонд.

Так как после «черного передела» в руках государства осталось мало земли в совхозах, то главные надежды возлагались на коммуны; эту форму производства возносили не одни большевики, в нее верили и народники. Правительство не жалело средств для поддержания коммун: они получали и де-

нежные пособия, и весь небольшой комплект орудий, который еще имелся в России. В отношении землепользования «Положение о социалистическом землеустройстве» ставило коммуны в льготное, и даже в более выгодное положение, чем при старом режиме ставились хозяева, выделяющиеся из общины на хутора и отруба. Им земельные органы должны были предоставлять лучшую землю. Соответствующие выделы получили изрядное развитие и вызвали раздражение среди крестьянского населения, еще недавно удовлетворенного разделом земли. «Мы стоим за советскую власть, но против коммунизма», — были в то время обычные слова крестьян.

Результаты «Столыпинского» и социалистического землеустройства, однако, оказались совершенно различными. Первое, несмотря на некоторую полицейскую грубость его приемов, шло в направлении здорового развития народного хозяйства. В связи с успехами мелкого хозяйства накануне войны, потребность в освобождении хозяйственной инициативы личности в России назрела, и поэтому политика Столыпина вызвала сильное движение в крестьянстве, которое увлекало как раз хозяйственно-творческие элементы в его среде. Наоборот, коммуны были созданиями совершенно искусственными, в коммуны направлялись самые бесхозяйственные элементы крестьянства или бежавшие из города пролетарии, с единственной целью пожить за счет государства. Хутора, в общем, являли образцы хозяйственности, коммуны, в общем, являли образцы бесхозяйственности.

Замечательно, что развившееся накануне войны устремление к самостоятельному хозяйству на хуторах и отрубях не заглохло и в эти годы внешнего торжества социалистических принципов. Очень часто группы крестьян под предлогом устройства коммуны выделяли свою землю из общины к одному месту, чтобы затем разбить ее на хутора и вести на них обособленные хозяйства. Во многих нечерноземных губерниях, например, в Смоленской, Витебской, Ярославской, устройство такого рода «коммун» приняло массовый характер.

На горьком опыте правительство очень скоро убедилось, что его социалистическое творчество в сфере сельского хозяйства совершенно бесплодно. Засевшие в коммунах бесхозяйственные элементы деревни норовили возможно больше получить льгот

и субсидий от социалистического государства, но никаких продуктов от них получить нельзя было. Разоренные до того крестьянской разборкой, лишенные прежнего управления, советские хозяйства, приписные^{1х} и неприписные, пребывали в жалком состоянии и едва прокармливали собственных рабочих. Среди общего разрушения народного хозяйства, вызванного неумеренным социалистическим экспериментированием, кое-как еще держалось на ногах крестьянское хозяйство, и на этой-то «преходящей и отживающей» форме хозяйства приходилось все-таки опереть здание социалистической государственности.

С разрушением народного хозяйства жизнь государства приняла самые примитивные формы. Пришлось социалистическому государству XX века, долженствующему быть светочем для всех культурных народов Запада, вернуться к системе сбора податей, практиковавшейся на Руси в X веке, когда ею правили варяжские дружины — пришлось пойти в «полюдье». Вооруженные отряды коммунистов двигались по стране и выколачивали из крестьян продукты в натуре^х. Но варяжские князья, к счастью, Маркса не читали, и они требовали от крестьян столько, чтобы последние могли скоро обрасти. Коммунисты же, последовательно проводя социалистическую доктрину, стояли на том, что все запасы должны сосредотачиваться в руках пролетарского государства, и крестьяне вправе оставлять себе лишь то, что им безусловно необходимо для их существования. Поэтому и результаты хозяйничанья коммунистов были гораздо печальнее результатов хозяйничанья варяжских дружин.

Убедившись все же в том, что ни от коммун, ни от совхозов в ближайшем будущем хлеба не дожидаться, и что единственным источником его будет все же крестьянское хозяйство, советская власть не могла не обеспокоиться ввиду наступавшего его упадка, выражавшегося в сокращении его посевных площадей и полном исчезновении всех рыночных культур. Это было преобладающее настроение VIII съезда Советов, собравшегося в декабре 1920 г. Тогда впервые решено было предпринять энергичные меры для развития крестьянского хозяйства, на котором два года тому назад так решительно был поставлен крест. Но в то же время было решено во что бы то ни стало включить его, как звено, в цепь социалистического хозяйства

«убеждением или принуждением». Крестьяне— это не более как батраки, сидящие на государственной земле. Государство оказывает им всемерное содействие, но свое хозяйство они не вправе вести по своему усмотрению; они обязаны вести его по усмотрению государственной власти. Крестьянин сеет то, что прикажет ему сеять «посевком», и обрабатывает землю так, как прикажет ее обрабатывать «посевком»^{х1}.

В ближайшем будущем советская власть рассчитывала чрезвычайно усилить свое влияние на крестьянство тем, что она надеялась сосредоточить в своих руках тракторы и распоряжение электрической энергией. Социалистическая власть, таким образом, выбьет из рук крестьян их примитивные орудия обработки земли и введет ее механическую обработку.

Декабрьское постановление VIII съезда Советов «О мерах укрепления и развития крестьянского сельского хозяйства», объявившее «государственной повинностью обсеменение площади земли, устанавливаемой государственным планом посева», было последним словом социалистического творчества советской власти в области сельского хозяйства. К осуществлению постановления съезда Советов приступлено было немедленно с громадной энергией. Но все же превратить русского крестьянина в батрака, сидящего на казенной земле, не пришлось. С того момента, как началось хождение коммунистов в «полюдь», крестьянские восстания в России не прекращались. Осенью 1920 г. советская власть, победив контрреволюцию, почувствовала свою силу, и сбор продовольственной разверстки в этот, уже неурожайный, год во вновь завоеванных районах юга и востока России был безжалостный. Крестьянство предчувствовало надвигание грозного неурожая 1921 г. и судорожно держалось за свои последние запасы. Оно сделало отчаянные усилия освободиться из-под тисков сдавившей его власти. Волны крестьянских восстаний прокатились по Западной Сибири, Поволжью, по северному чернозему и докатились до самых стен Белокаменной. Волнения отозвались в среде изголодавшихся рабочих Петрограда. Наконец, всеобщее недовольство прорвалось пламенем Кронштадтского восстания.

Советская власть оказалась достаточно устойчивой. Она залила страну потоками крови и подавила все восстания. продо-

вольственная разверстка была собрана до конца. Революционный пролетариат и Красная армия были обеспечены хлебом. Вместе с тем сделана была основательная подготовка к тому, чтобы южное крестьянство без всяких запасов встретило надвигающийся неурожай.

Коммунисты могли торжествовать победу. Но она не обольстила их вождя. Он понял, что против крестьянства в России править невозможно, что такая власть так или иначе должна скоро погибнуть вследствие саботажа, сопротивления крестьянских масс. И он решился. «Paris vaut une messe», — сказал Генрих Наваррский, «et Russie aussi», — сказал Ленин^{хII}. Надо сохранить диктатуру пролетариата, хотя бы временно отложив осуществление социализма; последний, при условии сохранения диктатуры, понемножку приложится.

Начался НЭП. Его первые шаги были робки: продовольственная разверстка была заменена продовольственным налогом, и крестьянам было разрешено после его сдачи продавать свои избытки на местных рынках. Но «коготок увяз...» Каждый шаг в направлении развития менового хозяйства с логической необходимостью вызывал последующие шаги.

Поворот в экономической политике запоздал. Война, внешняя и Гражданская, и в особенности социальный переворот и опыты коммунизма навлекли на страну такое бедствие, подобного которому не переживало ни одно культурное государство современности^{хIII}. <...>

Для того чтобы остановить разрушение, а тем более восстановить полностью центральные механизмы народного хозяйства, его денежную систему, кредитную организацию, транспорт, крупную промышленность, нужен решительный и окончательный разрыв с принципами социализма и бесповоротное утверждение гражданского правопорядка; только тогда возможно станет и активное участие иностранного капитала в деле экономического восстановления России, без которого эта задача неразрешима. Тем не менее в глубинах народной жизни, в ее ячейках действие той крупницы хозяйственной свободы, которая заключалась в НЭПе, разительно. Это было действие живой воды на сказочное мертвое царство Кощея. <...>

- ^I Печатается по: Бруцкус Б.Д. Об эволюции земельной политики советской власти // Экономический вестник. Берлин. 1923. Кн. 1. С. 27–33. Комментарии к данной статье подготовлены И.А. Кузнецовым.
- ^{II} Парафраз поговорки «Вашим добром, да вас же челом» — так говорили, угощая гостя его же приношением.
- ^{III} Декрет «О земле» был принят на II съезде Советов в момент взятия большевиками власти 26 октября 1917 г., «Основной закон о социализации земли» пришел на смену декрету, развивая его принципиальные положения. В основе обоих законодательных актов лежали программные установки не большевиков, а партии социалистов-революционеров.
- ^{IV} Черный передел — одно из названий общего передела земли, практиковавшегося в крестьянской общине, на основе принципа справедливости; «черный» — т. е. общий, коренной, в отличие от частного, частичного. «Черным переделом» называлась одна из ранних организаций революционных народников, действовавшая в 1879–1881 гг., выступавшая за ликвидацию частной собственности на землю и переход к коллективному землевладению.
- ^V Разборка — здесь: разграбление крестьянами помещичьей усадьбы во время революции.
- ^{VI} Переделы, начавшиеся в 1918 г., во многих местах действительно повторялись затем чуть ли не ежегодно, пока Земельный кодекс РСФСР 1922 г. не ограничил права общины в этой сфере.
- ^{VII} «Приобщение к народному хозяйству» — имеется в виду включение крестьянского хозяйства в рыночные отношения: посредством рынка крестьянское натуральное хозяйство включается в систему народного хозяйства.
- ^{VIII} «Весь мир насилья мы разроем до основания, а затем — мы наш, мы новый мир построим...» — строка из русского перевода «Интернационала», гимна коммунистической партии, который с 1918 по 1943 г. был гимном Советской России и СССР; в более позднем варианте вместо «разроем» пели «разрушим».
- ^{IX} Имеются в виду совхозы, создававшиеся как подсобные хозяйства при государственных промышленных предприятиях.
- ^X Имеется в виду продразверстка.
- ^{XI} Посевком — посевной комитет; органы власти, создававшиеся на местах в 1920 г. для руководства «посевной кампанией» 1921 г. По этому замыслу, для контроля над крестьянским хозяйством и, в частности, во избежание сокращения крестьянами своих посевных площадей у крестьян после уборки урожая и сбора продразверстки должны были отбираться и семена (семенная разверстка), а затем выдаваться им в период сева. После голода 1921–1922 гг. посевкомы были ликвидированы, а новая экономическая политика предполагала хозяйственную свободу крестьян.
- ^{XII} Paris vaut une messe (*фр.*) — Париж стоит мессы; et Russie aussi — и Россия тоже.
- ^{XIII} Речь идет о голоде 1921–1922 гг., унесшем до 1,5 млн жизней.

Л. Н. Крицман

Аграрная революция (ее движение и его первые этапы)¹

Основное содержание великой русской революции, — уничтожение капиталистической эксплуатации пролетариата, — осложняется уничтожением феодально-крепостнической эксплуатации численно преобладающей (мелкобуржуазной) массы населения России — ее крестьянства. Пролетарская революция переплетается с аграрной революцией, являющейся основным экономическим содержанием великих буржуазных революций, делавшим их не только сменой господствующих классов, но и подлинно великими, подлинно народными революциями, вопреки тому, что во главе их шла буржуазия, использующая для своих целей могучее движение народных масс. И именно потому, что во главе революции на этот раз шел пролетариат, великая русская революция явилась одновременно и наиболее законченной буржуазной революцией, начисто смывшей все остатки феодализма, и осуществившей крайние мечты буржуазных реформаторов — национализацию земли¹¹.

Механизм антифеодальной аграрной революции характеризуется фазами, аналогичными фазам антикапиталистической пролетарской революции. Особенностью крестьянской революции, вытекающей из порождающей ее основанной на мелком хозяйстве крестьянской экономики, является невозможность для крестьянства, вследствие его распыленности, проделать вторую по необходимости концентрированную фазу революции, т. е. политическую революцию, самостоятельно. Все известные истории самостоятельные выступления крестьянства всегда оставались бунтом, не переходя в революцию. Во всех известных истории аграрных революциях господство в обще-

стве переходило не к крестьянству (которое никогда не могло преодолеть своей раздробленности, коренящейся в экономике и технике мелкого крестьянского хозяйства), а к другому революционному классу: в буржуазных революциях — к капиталу, в великой русской революции — к пролетариату. Иными словами, для того чтобы могла осуществиться аграрная революция, необходимо, чтобы революция была не только аграрной революцией, чтобы наряду с антифеодальным крестьянством выступал и другой революционный класс, гегемон революции, за которым следует крестьянство и который, в свою очередь, опирается на крестьянство. Политическую революцию крестьянство совершает совместно и под руководством другого класса, от характера которого и зависит основное содержание революции.

Совершенно специфическую роль в подготовке к аграрной революции, и притом как раз политической фазы этой революции, играет современная война, т. е. война, которая ведется не небольшой постоянной армией, а вооруженными народными массами.

Влияние современной войны на подготовку пролетарской революции состоит в основном из двух моментов.

Она влияет, во-первых, как громадный хозяйственный кризис, переводящий общество из эпохи расширенного воспроизводства (подъема производительных сил общества) в эпоху суженного воспроизводства (упадка производительных сил общества); специфическое влияние войны состоит при этом в том, что она на первых порах несет с собой громадное усиление капиталистической идеологии в пролетариате (рабочий патриотизм, социал-патриотизм), вследствие его вызываемый хозяйственным кризисом перелом в идеологии пролетариата задерживается, наступает значительно позже, чем при мирном хозяйственном кризисе такого же размера, и революция происходит поэтому на более низком уровне производительных сил общества.

Она уничтожает, во-вторых, монополию господствующего класса на оружие, делая оружие достоянием широких масс пролетариата и облегчая этим, а еще более отвлечением значительной части сил господствующего класса на борьбу раз-

ных стран друг с другом, следующую политическую фазу революции.

Несравненно более глубоким является влияние современной войны на подготовку аграрной революции.

На основную массу крестьянства современная война влияет не только как громадный хозяйственный кризис, и не только тем, что дает в ее руки оружие — современная война в спешном порядке подвергает основную массу крестьянства обработке, аналогичной той, какой подвергает пролетариев капитализм: организуя крестьянство, она создает основную базу для революционных выступлений крестьянских масс (разумеется, лишь там, где налицо революционная ситуация), создает базу для проявления общественной активности обособленных их способом производства мелких производителей.

Как раз история русского революционного движения с необычайной яркостью подчеркивает то значение для проявления общественной активности мелкобуржуазных элементов, какое имеет их объединение, для мелкой буржуазии возможное, разумеется, лишь вне производства.

Мы имеем в виду студенчество, для которого базой его объединения была высшая школа. Пока налицо была революционная ситуация для его класса, студенчество проявляло такую общественную активность, слово студент стало синонимом революционера.

Окончив высшую школу, став из частицы студенческой массы одиночкой-работником, такой революционный студент становился, как правило, обывателем, т. е. утрачивал свою общественную активность.

Это много раз затрагивавшееся в русской литературе явление обыкновенно приписывалось влиянию возраста. Но в действительности дело было в ином, так как, с одной стороны, и пожилые студенты отнюдь не были менее активны, чем остальные студенты, а с другой стороны, социально-близкая к студенчеству молодежь из числа служащих и мелкой буржуазии не проявляла никакой особой общественной активности.

Все дело было здесь в преодолении распыленности, и эту роль по отношению к крестьянству выполнила современная война.

Современная война преодолевает распыление крестьянства, которое коренится в его способе производства и потому не может быть преодолено иначе, как вне производства.

Поскольку налицо революционная ситуация, современная война становится упрощенным, но зато ускоренным процессом организации кадров аграрной революции.

Разумеется, превращение крестьянской по составу армии в кадры аграрной революции связано с разрушением армии как таковой, с разложением ее; армия становится не непосредственно революционной организацией, а лишь базой для нее, как это было по отношению к высшей школе для студенчества.

Менее глубокий характер процесса организации крестьянства современной войной (по сравнению с процессом организации пролетариата капитализмом) не позволяет крестьянству (основной массе его) создать прочную революционную организацию самостоятельно, но весьма существенно облегчает, больше того, создает почву для революционно-организующей работы другого класса — гегемона революции, в нашей революции — для пролетариата.

Третья фаза аграрной революции состоит в уничтожении феодального землевладения и связанных с ним феодальных отношений зависимости, в уничтожении антагонистического характера феодальной экономики, в уничтожении феодальной эксплуатации, в синтезе индивидуального работника-крестьянина с до того частично отделенным от него основным условием его производства — землей. Отсутствие технической интеллигенции, аналогичной капиталистической, делает эту фазу сравнительно легкой. Результат ее — превращение феодального крестьянина в мелкобуржуазного, в свободного мелкого товаропроизводителя, в члена простого товарного общества.

Четвертая фаза — это революционное землеустройство, уничтожающее те общие экономические отношения в сельском хозяйстве, которые порождались антагонистической экономикой феодального общества, в них материализованной, и открывающее дорогу развитию производительных сил (мелкого) сельского хозяйства (и тем самым и его диалектическому превращению в капиталистическое сельское хозяйство).

Пятая фаза—это уничтожение технических особенностей (крестьянского) сельского хозяйства, породившихся дореволюционным распределением земли (дальноземельем, чересполосицей и пр.); в совокупности этих особенностей и состояла специфическая отсталость русского дореволюционного сельского (крестьянского) хозяйства.

Само собой разумеется, обрисованный выше механизм крестьянской революции есть механизм чистой крестьянской революции, какой она была бы в чистом феодальном обществе при том условии, что внешняя сила, помогшая крестьянству осуществить политическую революцию, в дальнейшем не влияла бы на ход революции.

Но великая русская революция отнюдь не является ни чистой пролетарской (антикапиталистической), ни чистой крестьянской (антифеодальной) революцией, напротив того, она представляет собой исключительно сложное общественное явление.

Этот сложный характер русской революции обуславливается в первую голову задержкой буржуазной революции в России вплоть до момента наступления пролетарской революции, следовательно, исторически совпадением антикапиталистической и антифеодальной революции.

Но дело не только в этом двойном характере русской революции, но в и особенностях сочетания антикапиталистической революции (которая была бы чисто социалистической революцией, если бы не сочеталась с революцией антифеодальной) с революцией антифеодальной (которая была бы чисто буржуазной революцией, если бы не сочеталась с революцией пролетарской).

Первая ее особенность заключается в том, что совпадение антикапиталистической и антифеодальной революции было бы в данном случае не только совпадением во времени, но и совпадением в пространстве. Поскольку наиболее развитые капиталистические страны по большей части владеют значительными колониями¹, поскольку пролетарская революция

¹ Но не все. Так, Германия после мировой войны является высокоразвитым капиталистическим государством, лишенным колоний. Германская революция будет поэтому пролетарской революцией в наиболее чистом виде.

в каждой такой стране неизбежно будет сопровождаться крестьянской (а в некоторых случаях и буржуазно-капиталистической) революцией в колониях, освобождением колониальных народов от колониальной зависимости.

Но там, совпадая во времени, пролетарская и крестьянская революции будут разобщены в пространстве. Это будут одно-временные, но территориально лишь параллельные, а не совпадающие революции: одна — пролетарская — в метрополии, и другая — крестьянская — в колониях.

Напротив, в русской революции революция пролетарская и революция крестьянская совпадают и во времени и в пространстве: вместо двух параллельных территориально разобщенных революций, пролетарской в метрополии и крестьянской в колониях, здесь происходит одна сложная революция в одной и той же стране.

В эпоху финансового капитализма, следовательно в эпоху (неорганизованного) мирового хозяйства, пролетарские революции в отдельных странах являются лишь этапами мировой пролетарской революции, которая неизбежно будет носить двойной характер, характер сложной революции, в которой переплетаются революция пролетариата и революция (колониального) крестьянства.

Всемирно-историческое значение великой русской революции заключается поэтому не только в том, что она — первая пролетарская революция и, следовательно, первый этап мировой пролетарской революции, но и в том, что она является прообразом всей мировой революции, ибо она в национальном масштабе разворачивает (ставит и разрешает) основную проблему всей мировой революции в целом — сочетание революции пролетарской и революции крестьянской.

Специфическое осложнение русской революции заключается, однако, не в том, что она эту проблему поставила (и разрешает), а в том, что эта проблема стала перед ней в необычайно гипертрофированном (преувеличенном) виде.

Эта специфическая особенность русской революции является результатом того обстоятельства, что русское крестьянское хозяйство было аграрным дополнением не только рус-

ского, но и мирового¹ (западноевропейского) капитала. Это, с одной стороны, дало русскому пролетариату возможность выступить в качестве освободителя всей нации (в первую голову составлявшего $\frac{3}{4}$ населения крестьянства) от угрожавшей ей колониальной эксплуатации, а с другой стороны, оно в исключительном масштабе перегрузило пролетарскую антикапиталистическую революцию революцией антифеодальной, заставило русский пролетариат разрешать вопрос об отношении пролетариата к крестьянству не только за себя, но и за западноевропейский пролетариат.

Сочетание обеих революций, пролетарской и крестьянской, в русской революции сложно поэтому не только в силу особого качественного, но в силу особого количественного характера этого сочетания.

Наличие двух революционных сил сделало неизбежным сложный характер русской революции.

Те особенные задачи, которые пришлось и приходится разрешать русскому пролетариату, обуславливаются не только двойным характером русской революции, но и особенностями сочетания революции антикапиталистической с революцией антифеодальной.

Победа революции не могла быть ни достигнута, ни закреплена без союза обеих революционных сил. Внешним политическим выражением его был коалиционный характер первого советского правительства, в состав которого, кроме коммунистов, входили и левые эсеры. В результате революции пролетариат овладел промышленностью и транспортом, крестьянство — сельским хозяйством (в осуществление одного из основных лозунгов революции: «Земля — крестьянам, фабрики — рабочим»).

Но хозяйство переходящего к социализму пролетариата и переходящего к простому товарному производству крестьянства при всем различии этих способов производства необходимо остается связанным наиболее прочной из общественных

¹ Около 60% выходявшего за пределы русской деревни хлеба (ее основного продукта) и от 40 до 50% всех выходявших за пределы русской деревни продуктов ее сельского хозяйства шло за границу.

связей — вещной связью, так как ни социалистический способ производства не может существовать без хлеба, хлопка, кожи и пр., ни просто товарное общество без транспорта, тканей, гвоздей, сельскохозяйственных машин и орудий и т. п. Экономический союз двух основных сил русской революции является поэтому необходимостью для обоих.

Но столь же необходим для обоих и военно-политический союз: крестьянство, составляя большинство населения, составляет неизбежно и основную массу революционной армии; но нигде и никогда оно не выступало организующей силой и не может выступить в качестве таковой вследствие аморфного строения простого товарного производства; связкой всего военного и административного аппарата революции является пролетариат, организационные особенности которого преодолевают крестьянское распыление.

Из наличия двух революционных сил, собственные цели которых не совпадают, вытекает необходимость обоюдных уступок, на основе которых и становится возможным союз их. Уступки эти делались обеими сторонами не раз в ходе революции, и притом уступки очень значительные. Со стороны пролетариата это означало прежде всего значительные уступки в основном для крестьянства аграрном вопросе, значительность которых определялась охарактеризованным выше соотношением между антикапиталистической и антифеодальной революцией. Именно потому, что гегемоном революции был пролетариат, именно поэтому первая значительная уступка была сделана пролетариатом. С ней связано (и благодаря ей стало возможно) уже самое рождение русской пролетарской революции — Октябрьский переворот.

В дни Октябрьского переворота русский пролетариат выступил не с пролетарской, а с крестьянской аграрной программой — в сельском хозяйстве произошла не пролетарская, а крестьянская экспроприация экспроприаторов, раздел не только земли феодалов, но и капиталистического некрестьянского сельского хозяйства (хотя и не в собственность, а в пользование крестьянской мелкой буржуазии).

Эта именно уступка пролетариата и осуществила смычку обеих революций, пролетарской и крестьянской. Она дала

первой недостававшую ей поддержку громадного большинства населения и громадного большинства армии, второй — недостававшую ей спайку и руководство. Революцию неорганизованных масс крестьянства и революцию организованного пролетарского меньшинства населения она спаяла в победоносную революцию организованных масс.

Юридическое свое выражение эта уступка получила в законе о социализации земли. Социализация земли была, как известно, аграрной программой (и аграрным лицемерием) основной партии правительственной коалиции Февральской революции, партии социалистов-революционеров, бывшей и до Октябрьского переворота и после него самым заклятым врагом пролетарской революции. В социализации земли нашли свое выражение как исторически прогрессивная антифеодалная тенденция крестьянской (аграрной) революции, так и исторически реакционная тенденция ее, направленная не только против капитала, но и против крупного хозяйства вообще. Эта последняя тенденция, необычайно характерная для мелкого докапиталистического собственника, являющегося самостоятельным товаропроизводителем, не эксплуатирующим наемного труда, нашла свое выражение в принципе уравнительного землепользования на основе семейного хозяйства без применения труда не-членов семьи.

Однако падение производительных сил крестьянского хозяйства, развернувшееся во время войны, не позволило крестьянам осилить, овладеть хозяйственно всеми землями, на которых до революции велось крупное сельское хозяйство.

Прошло более года¹, прежде чем на этих не освоенных крестьянством землях началось восстановление крупного, но уже не капиталистического, а пролетарского сельского хозяйства — советских хозяйств, но в масштабе во много меньшем против прежнего. В то время как даже в 1916 г. частновладельческий посев составлял в Европейской России 10½% всего посева (до войны, несомненно, больше, быть может, процентов 15), в 1919 г. во внутренней России лишь 3%, на Украине

¹ Организация советских хозяйств в государственном масштабе началась в феврале 1919 г.

4% всей удобной земли¹ находилось в руках советских и коллективных хозяйств (а по отношению к посеву значительно меньше): иными словами, возможные размеры крупного сельского хозяйства сократились по крайней мере втрое. Жалкое состояние этого крупного сельского хозяйства в 1919 г. (через 1½ года после разгрома осенью 1917 г.) характеризовалось наличием всего лишь 10% необходимого конского состава и почти полным отсутствием исправного мертвого инвентаря². Аграрная революция уничтожила, таким образом, крупное сельское хозяйство, хотя в силу особенных условий, в которых она произошла, сохранила возможность его частичного восстановления³.

Не менее характерно для закона о социализации земли, что он нигде ни единым словом не упоминает о сельскохозяйственной промышленности, следовательно, юридически отрицает ее. А между тем в России имелась налицо крупнокапиталистическая сахарная промышленность с 600 тыс. дес. сахарных плантаций и производством сахара около 100 млн пудов, ценностью свыше 200 млн рублей, т. е. ½₂₅ или ½₃₀ ценности всего сельскохозяйственного производства (Европейской России) и ⅛–¼ его рыночной продукции, промышленность, занимавшая сотни тысяч сельскохозяйственных сезонных рабочих; и это не говоря уже о других отраслях сельскохозяйственной промышленности. Сельскохозяйственная промышленность повисла в воздухе, и только в 1918 г., через полгода после издания закона о социализации земли, за сахарной промышленностью было закреплено право на существование. Связь остальных отраслей сельскохозяйственной промышленности с крупным сельским хозяйством была разорвана.

Закон о социализации земли, осуществивший все требования крестьянства в аграрном вопросе, послужил вместе с вы-

¹ Осинский Н. Восстановление крестьянского хозяйства в России и наши задачи. М., 1922. С. 5.

² Богданов Н. Организация советских хозяйств // Народное хозяйство. 1919. № 6. С. 15–19.

³ Только с 1928 г. — через десять [лет] после Октябрьской революции — пролетарское государственное сельское хозяйство начинает перерастать те рамки, которые были для него созданы аграрным переворотом.

ходом из империалистской войны основой политического союза пролетариата и крестьянства, обеспечившего поддержку последнего в завоевании пролетариатом и в закреплении за ним политической власти. Но, создавая первую и необходимую предпосылку пролетарской революции — переход власти в руки пролетариата, он означал в то же время существенное ограничение пролетарской революции; в сельском хозяйстве крупные предприятия не обобществлялись, а уничтожались и раздроблялись — вместо пролетарской экспроприации капитала происходила мелкобуржуазная (крестьянская) экспроприация его. Этим не только усиливалась вещная односторонность, хозяйственная неполнота пролетарской революции, но весьма чувствительно сокращалась социальная база пролетарской революции.

Исчезли миллионы сельскохозяйственных рабочих, превратившихся в значительной части в мелких собственников¹. Наконец, сокращалась и сельскохозяйственная база промышленности в городах вообще, ибо наиболее общественная, в условиях рынка наиболее товарная часть сельского хозяйства — капиталистическое крупное сельское хозяйство — превращалась в носящее более потребительский характер мелкое крестьянское хозяйство: эта потеря в товарности должна была сама по себе составить по крайней мере около 1/4 всей выбра-

¹ В 1919 г. постоянных рабочих в советских хозяйствах было лишь около 54 тыс. человек (См.: *Богданов Н.* Методы и перспективы национализации сельского хозяйства // НКФ. Институт экономических исследований. Труды сельскохозяйственной секции. Вып. 1 / под ред. Н. Н. Деревенко, В. И. Рудковского. Пг., 1921. С. 33–64); С. Струмилин дает для Европейской России такие цифры сельскохозяйственных рабочих (в тысячах): в 1917 г. — 2100; в 1919 г. — 34 (*Струмилин С. Г.* Состав пролетариата советской России в 1917–1919 гг. // Два года диктатуры пролетариата. М.: ВСНХ, [б.д.] С. 14). Следовательно, сокращение в шестьдесят два раза. По данным той же статьи С. Струмилина, сельскохозяйственные рабочие составляли по отношению ко всем рабочим: в 1917 г. — 30,8%; в 1919 г. — 1,3%, т. е. крупный отряд пролетариата, говоря практически, исчез. (В этих расчетах не учтены — за отсутствием соответствующих данных — сельскохозяйственные рабочие в крестьянских хозяйствах в 1919 г.; их число, по всей видимости, также сильно сократилось, но учет их, несомненно, повысил бы общее число сельскохозяйственных рабочих в 1919 г.).

сываемой на рынок продукции сельского хозяйства (по ценности)¹.

Согласие на удушение рынка, на запрещение торговли было основной уступкой крестьянства пролетариату, так сказать, эквивалентом произведенной крестьянством мелкобуржуазной экспроприации капиталистического сельского хозяйства.

Развитие протекающей под гегемонией пролетариата аграрной революции в этом пункте резко уклоняется от пути аграрных революций, протекавших под гегемонией капитала.

И в том, и в другом случае аграрная революция уничтожает феодальную эксплуатацию и превращает феодального крестьянина в крестьянина мелкобуржуазного. Но в то время как превращение феодального крестьянина, подневольного товаропроизводителя, в товаропроизводителя свободного, выход крестьянина на рынок лежит целиком и полностью в интересах капитала в любой момент буржуазной революции, ибо рынок — это та почва, из которой капитал, подобно Антею, черпает новые и новые силы, выход крестьянина на рынок как раз поэтому сталкивается с интересами пролетариата, ибо рынок является убежищем для контрреволюционного партнера пролетариата — для капитала, и, чтобы задушить его, пролетариат должен оторвать капитал от его почвы.

Прогрессирующее мелкое производство возможно только в условиях товарного хозяйства, требует торговли, рынка, товарно-денежных отношений и неизбежно реагирует (отвечает) на их запрещение (в особенности не до конца специализированное мелкое хозяйство — крестьянское) понижением товарности своего производства, переходом к хозяйству потребительского (самообслуживающегося) типа. Натуральная организация 15 млн мелких хозяйств неосуществима вследствие их распыления.

Но сверхчеловеческая интенсивность Гражданской войны повелительно требовала от пролетариата наглухо законопатить доступ к капиталу живительного для него воздуха рынка — про-

¹ Если принять товарность крестьянского хозяйства в 25%, а частновладельческого — в 70%. См. для хлебов: *Попов П. И.* Производство хлеба в РСФСР и федерирующихся с нею республиках. М.: Госиздат, 1921. С. 20.

летарская власть пришла поэтому к полному запрещению торговли, к обязательности сдачи всех излишков сверх определенной потребительской нормы.

А эта необходимость для пролетарской революции, именно в силу сложного характера революции, стала необходимостью и для крестьянской революции. Ибо сложный характер революции и сложный характер контрреволюции—это одно и то же, две стороны одного и того же общественного процесса.

Неспособность капиталистической буржуазии выступить в качестве гегемона крестьянской революции означала выступление (впервые в истории человечества) в этой роли пролетариата; а революционный союз пролетариата и крестьянства означал контрреволюционный союз капиталистов и помещиков.

Но сложный характер контрреволюции, в свою очередь, приводил к тому, что классовая борьба пролетариата против капитала становилась необходимым элементом (составной частью) антифеодальной революции, а подавление контрреволюционного сопротивления капитала—необходимым условием победы антифеодальной революции.

Подавление же контрреволюционного сопротивления капитала в условиях Гражданской войны, т. е. невырешенности самого строя общества, невозможно без подавления рынка. Ибо, как было уже отмечено выше, рынок—это питательная среда капитала, источник его силы, а значит и его контрреволюционной силы, притом для капитала, лишенного собственности на средства производства,—последний источник его силы; лишить его рынка означает лишить его атмосферы, без которой он существовать не может.

Таким образом, победа крестьянской революции становится невозможной без подавления рынка.

И потому, пока длилась Гражданская война—война за искоренение не только капитализма, но и феодализма, война не только за фабрики для рабочих, но и за землю для крестьян, крестьянство в общем и целом на эту уступку шло, хотя Деникин и Колчак в периоды их успехов иллюстрируют не только выступления мирового капитала, но и колебания крестьянства, которых запрещение торговли отбрасывало в лагерь контрреволюции. Каждое такое колебание приводило в движение ше-

стую часть мира (а косвенно и больше), ибо оно получало свое выражение в продвижении белых армий то от Черного моря, то из глубины Сибири к центру России, иной раз почти до самой Москвы. Именно эти колебания подчеркивают значительность уступки крестьянства пролетариату. Ибо согласие крестьянства на подавление рынка было не чем иным, как хотя и временным, но отказом от завершения антифеодальной крестьянской революции, которая в том ведь и состоит, что она крестьянина, опутанного крепостническими отношениями, превращает в крестьянина свободного, т. е. свободно распоряжающегося всем, что он произвел. Однако, как только контрреволюция обнаруживала свою помещичью природу, крестьянство, почувствовав, что в опасности земля, а значит и освобождение от помещичьей эксплуатации, поставленное перед выбором — уступить помещикам землю или отказаться от свободы торговли, — выбирало последнее. Оно соглашалось на ненавистное требование запрещения торговли, на сдачу излишков, раз (и пока) это было необходимо, чтобы закрепить за собой землю.

Союз пролетариата и крестьянства в эпоху Гражданской войны покоился на передаче (практически всей) земли в руки крестьянства и на организации пролетариатом военной защиты завоеваний аграрной революции, с одной стороны, и на передаче политической власти пролетариату, на предоставлении ему крестьянством средств на ведение Гражданской войны и на уничтожении рынка — с другой.

Разумеется, запрещение торговли и изъ[ятие] излишков далеко не одинаково ударило по различным классовым группам крестьянства. Сравнительно мало затрагивая неимущие (пролетаризованные и пауперизованные) и середняцкие слои деревни, ибо эти слои (в особенности бедняки) от уничтожения торговли выигрывали, получая в порядке распределения хлеб и продукты промышленности, которых купить они не смогли бы, — оно для крупного капиталистического крестьянства означало его фактическую экспроприацию. Оно означало, следовательно, распространение антикапиталистической до того городской революции на крестьянскую деревню, классовое расчленение крестьянства и гражданскую войну между различными классовыми группами крестьянства: капиталистическими (ку-

лацкими), с одной стороны, и пролетарскими и пауперизованными (беднотой) — с другой, между которыми колебались мелкие трудовые собственники (середняки).

Это расслоение крестьянства происходило по двум линиям: с одной стороны, промышленный пролетариат создал (в Великобритании летом 1918 г., на Украине и на окраинах значительно позже) организации деревенской бедноты (так называемые комбеды и комнезаможи¹¹¹), ставшие в каждой деревне центрами антикапиталистической (антикулацкой) революции, вокруг которых объединялись прежде всего бедняки, а за ними и середняки¹: с другой стороны, крестьянство потребляющей полосы, жившее до революции в условиях феодальной эксплуатации и в то же время больше всего связанное с пролетариатом, ибо потребляющая полоса была основным районом обрабатывающей промышленности, черпавшей своих рабочих именно из этого полупауперизованного феодализмом крестьянства², это крестьянство в лице Красной армии и военно-продовольственных отрядов, набравшихся из рабочих и из крестьян потребляющей полосы, было противопоставлено крупному капиталистическому крестьянству производящих районов. Потребляющая полоса, район промышленности и феодального сельского хозяйства, стала территорией революции с (относительно) непоколебимо революционным крестьянством; напротив того, окраинные производящие районы, со сравнительным развитием капиталистического сельского хозяйства, стали территорией контрреволюции, прежде всего вследствие колебаний крестьянства в сторону контрреволюции, обусловленных значительным удельным весом крупного кулацкого капиталистического крестьянства и влиянием последнего на середняков (трудовых собственни-

¹ Комнезаможи существуют (на Украине) и до сих пор (в настоящее время, конечно, в другом виде, чем во время Гражданской войны). Комбеды были распущены декретом от 2 марта 1918 г., но выборы в крестьянские советы были произведены комбедами, наблюдавшими за устранением кулаков от выборов.

² Здесь следствие капиталистической отсталости России, связь рабочего с деревней, стало фактором победы революции.

ков)¹; на некоторых окраинах (западные и Украина) дополнительным благоприятным для контрреволюции условием был национальный момент, и повсюду — географическая возможность поддержки мирового капитала.

Классовая борьба в деревне прежде всего была борьбой за хлеб: и крестьянская беднота и крестьянство потребляющих губерний и до революции и в особенности во время ее не столько продавали хлеб, сколько покупали его. Часть изымавшегося при помощи комитетов бедноты и продотрядов хлеба шла на снабжение деревенской бедноты и крестьянства потребляющих губерний.

Но эта борьба была и борьбой за землю. Крупнокапиталистическое (некрестьянское) сельское хозяйство было, как мы видели, уничтожено уже в момент антифеодальной аграрной революции: в соответствии с невысоким уровнем развития крестьянского, в том числе и крупнокрестьянского хозяйства, антикапиталистическая революция в деревне произошла не как пролетарская (сельскохозяйственный пролетариат исчез в основной своей массе уже до того), а как мелкобуржуазная крестьянская экспроприация экспроприаторов-кулаков.

Это означало, несомненно, необычайное усиление социального размаха антикапиталистической революции: из революции 20 миллионов городского и индустриального населения она становилась революцией 130 миллионов, из городской и промышленной революции — революцией подлинно общенародной. Если до того город был ареной антикапиталистической революции, а деревня — ареной революции антифеодальной, то теперь эта грань между городом и деревней была стерта. Но в то же время это означало переход антикапиталистической революции за пределы территории, подготовленной

¹ То обстоятельство, что районы капиталистической промышленности стали территорией революции, а районы капиталистического сельского хозяйства — территорией контрреволюции, особенно резко очерчивает те границы, в которых антикапиталистическая революция была непосредственно подготовлена предшествующим капиталистическим развитием. Взятое само по себе капиталистическое сельское хозяйство, бывшее по преимуществу мелкокапиталистическим, еще не исчерпало себя, еще не превратилось в препятствие для развития производительных сил, — отсюда его способность к сопротивлению.

для нее предшествующим капиталистическим развитием: она уничтожала здесь не капиталистическую оболочку, стеснявшую развитие производительных сил крупного хозяйства, как это было в крупной промышленности, она уничтожала само крупное хозяйство (и крупное лишь относительно), а значит и связанный с ним сравнительно высокий уровень производительных сил. Антикапиталистическая революция в деревне выходила за пределы экономически целесообразного, была, следовательно, экономически реакционной, а значит и утопичной, поскольку она стремилась к изменению экономики. Результатом ее было раздробление крупных крестьянских хозяйств и укрупнение мелких, всеобщая нивелировка крестьянского хозяйства, превращение всех крестьян в мелких буржуа, шаг вперед для феодального крестьянина и шаг назад для крестьянина-капиталиста, возвращение его к исходной точке. Из общего числа крестьянских хозяйств приходилось в процентах к общему числу их¹:

	1917 г. (22 губернии)	1920 г. (22 губернии)	1920 г. (48 губерний)
На хозяйства беспосевные	10,6	4,7	7,5
С посевом до 2 дес.	30,4	47,9	39,2
От 2 до 4 дес.	30,1	31,6	28,8
От 4 до 10 дес.	25,2	15,3	20,3
Свыше 10 дес.	3,7	0,5	4,0

¹ Хрящева А. И. Группы и классы в крестьянстве. М., 1921. С. 53. Сравнение относится к 22 (одним и тем же) преимущественно производящим губерниям, произведено по данным выборочных подсчетов и дает представление о характере изменений в соотношениях между группами, но не о характере самих соотношений, как показывают стоящие в третьем столбце цифры, полученные на основании массовых данных о 48 губерниях (см. там же, с. 54). В основном эти процессы развернулись в промежуток времени между 1917 и 1919 гг., как это видно из сравнения приведенных выше данных с данными за 1917 и 1919 гг. в других работах того же автора (Хрящева А. И. Крестьянство в войне и революции. М., 1921. С. 34; Хрящева А. И. Экономическое расслоение крестьянства в 1917 и 1919 гг. С. 13). <...>

Итак, процент беспосевных сократился более чем вдвое, процент многопосевных сократился почти вдвое (а для высшей группы в семь раз), процент мелко- и среднепосевщиков вырос (с $\frac{3}{5}$ до $\frac{4}{5}$ общего числа).

Сравнение по лошадности дает аналогичные результаты¹:

% хозяйств	В 1917 г.		В 1920 г.	
Без рабочего скота	29,0		27,6	
С 1 лошадыю	49,2	} 66,1	63,6	} 71,5
С 2	17,0		7,9	
С 3	3,4	} 4,8	0,7	} 0,9
С 4 и более	1,4		0,2	

То есть некоторое сокращение безлошадных, сокращение в пять раз числа многолошадных и рост числа малолошадных.

Но свою революционную политическую задачу антикапиталистическая революция в деревне выполнила. Экспроприация кулаков уничтожила последнюю социальную опору контрреволюции, именно она наряду с защитой земли от помещиков создала моральный подъем крестьянской по своему составу Красной армии и обеспечила согласие крестьянства на запрещение торговли и изъятие излишков, падавшее прежде всего на голову кулаков. В то же время уничтожение капиталистического крупнокрестьянского хозяйства означало, подобно уничтожению крупного капиталистического некрестьянского сельского хозяйства, дальнейшее сокращение сельскохозяйственной базы промышленности и города вообще вследствие превращения крупного хозяйства, производившего для других, в мелкое хозяйство более потребительского типа. Экономический эффект его был, по всей вероятности, немногим меньше эффекта

¹ Хрящева А. И. Группы и классы в крестьянстве. С. 54.

уничтожения капиталистического некрестьянского хозяйства, происшедшего за год до этого.

- ^I Печатается по: *Крицман Л. Н.* Пролетарская революция и деревня. М.—Л.: Гос. издательство, 1929. С. 79–106. Комментарии к данному тексту подготовлены И. А. Кузнецовым.
- ^{II} Идею национализации земли в XIX веке выражали авторы социалистической немарксистской направленности (К. Родбертус и др.), которых ортодоксальные марксисты относили к разряду «буржуазных».
- ^{III} Комнезаможи—правильнее «комнезамы» (комитеты незаможных)—то же, что и комитеты бедноты; существовали на территории Украинской ССР с 09.05.1920 по 08.03.1933.

Л. Н. Литошенко

Социализация земли в России¹

Часть II. ЧЕТЫРЕ ГОДА СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ОПЫТА

Глава 1. Русская революция и сельское хозяйство

Всякая революция есть восстание низших в экономическом отношении слоев населения против высших. Народные массы не довольствуются политическими успехами революции, они ждут от нее непосредственных материальных выгод. В этом смысле всякая революция имеет больший или меньший «социальный» привкус, и в этом смысле русская революция по праву называется «социальной», ибо движущими силами ее были (узко)материальные интересы отдельных классов, а руководящей идеей — перераспределение богатств и изменение имущественных отношений.

Русская революция была произведена солдатами, желавшими мира, и углублена социалистически настроенными городскими рабочими. Совершенно очевидно, однако, что никакая революция в России не могла бы иметь успеха, если бы она не была закреплена активной поддержкой или пассивным сочувствием крестьянского населения. Возникает естественный вопрос, какой интерес могло иметь крестьянство в революции, если сельское хозяйство перед революцией находилось в состоянии несомненного подъема, а кризис аграрного перенаселения распутывался сам собой?

Ответ сводится к тому, что процесс оздоровления сельскохозяйственного производства не мог протекать вполне безболезненно. В основе его <...> лежало расслоение крестьянского хозяйства и увеличение имущественного неравенства.

Но усиление одних хозяйственных единиц означало ослабление других. Чем большему числу хозяйств удавалось достигнуть нормального соотношения между рабочими силами

и обрабатываемой площадью, тем теснее жилось остальным. Избыточное население могло разместиться в промышленности лишь постепенно, емкость колониционного фонда была ограничена, и тот и другой исход сопряжены были с неизбежной ломкой обычного уклада жизни, с изживанием спокойных, пассивных, поколениями освященных традиций земельной общины. Процесс экономического развития всегда имеет своих победителей и побежденных. Благотворный в целом по своим конечным результатам, он неизбежно сопровождается накоплением недовольства в одних слоях, наряду с ростом благополучия и успехов в других.

Революционное движение 1905–1907 гг. можно считать первым проявлением болезни роста, первой вспышкой накопившегося горючего материала. <...> Аграрные волнения не разрешили, однако, аграрного вопроса. Добровольная ликвидация латифундиального землевладения усилилась¹¹, но она не могла утолить земельной жажды всего крестьянства. В низах и средних слоях по-прежнему продолжался тяжелый процесс медленного разрежения населения и оттока избыточных сил.

Столыпинское законодательство ускорило процесс экономической дифференциации деревни.

В смысле содействия общему экономическому подъему оно было бесспорным благом. Но и здесь, как у медали, имелась обратная сторона. С точки зрения социального мира разрушение общины и обезземеление значительной части ее членов не могло уравновесить и успокоить крестьянскую среду.

Политическая ставка на «крепкого мужика» была опасной игрой. Столыпин рассчитывал создать устойчивый класс довольных своей судьбой мелких собственников, на деле накопление горючего материала могло пойти быстрее укрепления чувства собственности и привязанности к правовому порядку.

Мировая война подлила масла в огонь. Выгодами военной конъюнктуры воспользовались <...> по преимуществу сильные хозяйства. Неприспособленные к экономической борьбе единицы и здесь оказались за флагом. С другой стороны, трехлетнее пребывание на фронте, необычная обстановка войны и знакомство с чужими, более культурными, краями — все это вместе взятое порождало у мобилизованных крестьянских

масс новые настроения, будило неясные желания и культивировало сознание недовольства собственной судьбой.

Здесь не место входить в обсуждение причин революции, но несомненно, что одним из важнейших объективных условий ее осуществления было состояние внутреннего напряжения деревни и крестьянских масс. По существу, это была только затяжная болезнь роста, которая изживалась и могла быть изжита мирным путем. Ускоренная, однако, сильнодействующим лекарством Столыпина и неожиданно обострившаяся под влиянием войны, она создала благоприятную почву для революционного движения.

В насильственном изменении имущественных отношений заинтересована была главным образом та часть сельского населения, которая оказалась в предшествующей истории развития сельского хозяйства слабейшей стороной и которая не имела более надежд на подъем своего благосостояния мирным путем. К этой сравнительно небольшой группе хозяйственно слабых элементов присоединился скоро основной массив «среднего крестьянства». «Взбесившийся мелкий собственник»^{III} не мог успокоиться до тех пор, пока рядом с ним существовало помещичье хозяйство или даже просто более зажиточное крестьянское. Мельчайшее, мелкое и даже среднее крестьянство составляло благодарную аудиторию для проповеди равенства, пока эта проповедь была направлена против богатого соседа. Русская аграрная революция 1917 г. приняла те самые формы, какие имеют обыкновенно все земельные революции, формы примитивного раздела земли и движимого имущества согласно более или менее выдержанному принципу равенства.

<...> Победа слабых в принципе равенства шла *вразрез* с наметившейся ранее линией сельскохозяйственного развития. Разбуженные с революцией инстинкты и удовлетворяемые ею потребности вообще редко совпадают с подлинными интересами экономического развития страны. Революция есть взрыв и неожиданный толчок, а не нормальный этап в жизни страны. Революция всегда больше ломает, чем создает, в конечном счете от нее могут проиграть и те классы, которые ее вызвали.

Если бы даже руководство русской революцией от начала до конца принадлежало крестьянским массам, то и в этом слу-

чае выигрыш крестьянства в целом был бы сомнителен. Общий ход аграрного развития вел в сторону экономического расслоения деревни и победы сравнительно крупных и сильных единиц. Конечный интерес низших и средних слоев крестьянства лежал в том же направлении. Благосостояние масс не могло быть поднято без разрежения населения, оттока избыточных сил в города и улучшения приемов и систем земледелия. Восставшие народные массы не понимали истинных причин своего бедственного положения и не могли примириться с медленными способами изживания кризиса. Они требовали своей доли в «завоеваниях революции» и ожидали немедленного улучшения своей участи. Непосредственная выгода от раздела земель и капиталов казалась наиболее коротким путем к материальному благополучию. Стихия дележа была неминуемым и первым этапом аграрной революции, и уже одно это массовое поравнение должно было отбросить назад прогресс крестьянского хозяйства.

На деле положение оказалось еще сложнее. Горючий материал, накопленный в деревне, был использован другими общественными классами. Революционное лидерство с самого начала попало в руки города. Получив свои «завоевания» и разделив землю, крестьяне готовы были успокоиться. Во всяком случае, они и не думали поднимать руку на право собственности и индивидуалистические формы хозяйствования. Социалистические идеалы городских рабочих шли гораздо дальше. Здесь программа не ограничивалась разрушением и дележом. На развалинах капитализма предполагалось воздвигнуть здание единого, планового социалистического хозяйства. Оно не могло быть построено без включения в него основной отрасли русского народного хозяйства и без участия в нем главной массы занятого хозяйственной деятельностью населения. Так возникла необходимость подчинения крестьянства пролетариату и вовлечения мелкого земледельческого хозяйства в орбиту социалистического строительства. <...> Из субъекта грандиозного социального опыта крестьянское хозяйство быстро сделалось его объектом.

И по формальному содержанию, и по объективным последствиям эта вторая стадия аграрной революции оказалась

несравненно сложнее первой. С одной стороны, здесь требовалось создание нового земельного права, отвечающего принципам социалистического хозяйства. С другой стороны, было неясно, насколько эти принципы осуществимы по отношению к миллионам мелких собственников, и каков будет их экономический эффект. Насколько ясно было, что стихийное поравнение, происшедшее в первый период революции, шло наперекор нормальному развитию сельского хозяйства, настолько трудно было наперед сказать, как подействует на производительность сельского хозяйства новая система экономических отношений. Ведь социализм всегда являлся горячим поборником крупного производства. С этой точки зрения от него можно было ожидать радикальных мер по устранению кризиса аграрного перенаселения. В то же время социализм защищал систему равенства и, следовательно, должен был терпеть поравнение имущества и уравнительный механизм общины, искусственно задерживавший на земле избыточное население. Стремление к политическому господству также заставляло считаться с непосредственными интересами мелких производителей, хотя способ их действий совершенно не отвечал идеальному плану социалистического хозяйства. <...>

Часть III. Результаты и перспективы

Глава 1. Разрушение сельского хозяйства

Выше была описана сложная система опытов, проделанных над русским сельским хозяйством в течение первых четырех лет господства Советской власти^{IV}. Теперь перед нами вопрос, в каком виде оно вышло из этой тяжелой эпохи испытаний.

Ответ следует прежде всего искать в беспристрастных цифрах, характеризующих состояние сельского хозяйства за рассматриваемый период.

Как и подобает социалистическому государству, РСФСР располагает огромным количеством статистического материала. Никогда и ни в одном цивилизованном государстве за такой

короткий срок не было произведено столько переписей, анкет и исследований, как в неграмотной Советской России. Статистика представляет один из немногих видов «производства», обнаруживших признаки роста при социалистическом хозяйстве. <...>

В интересующей нас области мы располагаем данными четырех^V последовательных переписей, относящихся к 1916, 1917, 1919, 1920 и 1921 гг. Первая из них проведена еще царским правительством, вторая начата при Временном правительстве, три последние целиком относятся к советскому строю. Не все переписи равноценны. На полноте и достоверности их сведений отражались влияния Гражданской войны и экономической политики. Тем не менее эти сведения, собранные и разработанные под руководством опытных земских статистиков, дают, в общем, вполне пригодный материал для суждения об изменениях, происходивших в крестьянском хозяйстве.

Из двух основных отраслей сельского хозяйства — земледелия и скотоводства — состояние первого характеризуется движением посевных площадей и урожая, состояние второго — изменением численности скота и его продуктивности. <...>

Таблица показывает, как изменилась численность скота за время с 1916 по 1921 г. включительно. Данные сгруппированы по 7 крупным районам. Первый из них составляют 22 губернии и области так называемой потребляющей полосы, куда относится вся северная промышленная и лесная половина Европейской России. В состав «производящего» района входят 25 губерний и областей средней полосы России, обладавших в нормальное время избытками хлеба. Сибирь и Киргизия^{VI} составляют вместе азиатскую часть РСФСР. Украина занимает 12 губерний южной полосы. Под именем «Юго-Востока» разумеются Донская область и Предкавказье^{VII}. Вследствие экономических и политических особенностей в отдельную единицу выделен Крым^{VIII}. <...>

В общем, по всей России убыль скота за годы революции составила около половины всего количества овец и приблизительно четверть для крупного и остального мелкого скота.

Количество скота в 1916–1921 гг. (по данным ЦСУ)

Районы	Лошади		Крупный ро- гатый скот		Овцы		Козы		Свиньи		
	1916	1921	1916	1921	1916	1921	1916	1921	1916	1921	
Потребля- ющий	тыс. голов	4205,9	3988,3	8482,6	8006,1	10576,2	8997,2	50,3	70,0	3258,6	2365,7
	%	100	94,8	100	94,4	100	85,1	100	139,0	100	72,6
Произво- дящий	тыс. голов	10600,0	7345,6	16190,6	10176,7	3469,1	14852,7	1156,5	322,0	5594,9	2352,3
	%	100	69,7	100	62,9	100	42,8	100	27,8	100	42,0
Юго-Вос- ток	тыс. голов	2334,9	1408,8	4749,7	2784,9	8024,9	2887,3	414,0	268,0	1844,2	1219,0
	%	100	60,3	100	58,6	100	36,0	100	64,7	100	66,1
Крым	тыс. голов	193,6	141,5	205,1	213,3	743,8	477,4	19,4	6,0	83,8	84,2
	%	100	73,1	100	84,0	100	64,2	100	30,9	100	100,5
Киргизия	тыс. голов	3348,6	2092,2	4807,3	3878,7	11321,6	4296,4	1283,1	616,7	425,0	344,0
	%	100	62,8	100	80,7	100	37,9	100	48,1	100	80,9
Сибирь	тыс. голов	4786,2	4573,6	6952,8	5529,6	7271,6	6202,7	53,7	1059,2	2715,8	1673,7
	%	100	95,6	100	79,5	100	85,3	100	1972,4	100	61,6
Украина	тыс. голов	5487,5	3987,9	7807,2	7005,2	6357,2	6976,0	48,2	40,0	4623,6	5444,1
	%	100	72,7	100	89,7	100	109,7	100	83,0	100	117,7
Всего по РСФСР и Украине	тыс. голов	30956,7	23537,9	49195,2	37594,5	78991,4	44689,7	3025,2	2381,9	18545,9	13483,0
	%	100	76,0	100	76,4	100	56,6	100	78,7	100	72,7

Коэффициент сокращения скотоводства может показаться скромным по сравнению с разными отраслями промышленности, где сохранившаяся часть производств составляет не более 0,1–0,2 прежнего объема. Следует, однако, помнить, что в русском сельском хозяйстве большинство хозяйственных единиц принадлежит к разряду однолошадных и однокоровных крестьянских хозяйств. Сокращение скотоводства на четверть означает исчезновение тонкого слоя зажиточного крестьянства, имевшего <...> наиболее ценное значение в общей экономике страны. Скотоводство приобретает характер подсобной отрасли сельского хозяйства и обслуживающей почти исключительно потребности хозяйствующей семьи. Значение его как источника рабочей силы и в особенности как производителя нового капитала сводится к минимуму и местами почти к нулю.

Не лучше обстоит дело и со скотоводством как источником питания. Производство мяса сократилось в стране гораздо больше, чем на одну четверть. Количественное сокращение скота сопровождалось качественным его ухудшением. По данным отдела статистики потребления Центрального статистического управления, убойный вес скота резко понизился в 1921 г. по сравнению с нормальным временем. В России нет больше специально подготовляемого к убою мясного скота. На мясо идет обыкновенный рабочий и продуктивный, истощенный бескормицей скот. Средний вес туши крупного скота колеблется в разных районах от 5,4 до 8,0 пуда, вес свиной туши равен 2,4 пуда, вес телячьей заключен между 1,2–1,8 пуда и овечьей — между 0,7–1,2 пуда. По сравнению с нормами мирного времени убойный вес понизился на 50%. В соединении с описанным выше количественным упадком скотоводства максимальная мясная продукция, не затрагивающая скотского капитала, составляла в 1921 г. по всей России всего около 72,5 млн пудов мяса всякого рода. По сравнению с продукцией мирного времени, исчисленной тем же методом, получается сокращение мясного фонда ровно в два раза.

Мы не располагаем данными относительно изменений молочности скота, но несомненно, под влиянием острой бескормицы сократилось в стране и производство молока. Исчез также почти без следа племенная скот и те рассадники улуч-

шенных пород, коими являлись крупные помещичьи хозяйства.

В целом нет сомнения, что русское скотоводство переживает глубокий кризис. Во всех своих частях оно отброшено на много лет назад, и те 25% убыли, которые зарегистрированы в 1921 г., далеко не измеряют всех потерь, понесенных во время революции.

Обратимся теперь к основной отрасли сельскохозяйственного производства, к полеводству. Разрушения, происшедшие здесь за рассматриваемый период, оказываются еще более грозными, чем в скотоводстве. <...>

Сильнее всего упало производство кормовых хлебов^{IX}. В производящей полосе они занимали в 1921 г. 41,8%, на Юго-Востоке — всего 38% и в среднем по всей России — 58,8% своей прежней посевной площади.

Резко сократилась также посевная площадь, занятая картофелем. В потребляющей полосе, на долю которой приходилось раньше свыше 40% всей посевной площади картофеля, в 1921 г. было посеяно всего 541 тыс. десятин, или на 43% меньше, чем в 1916 г. В Приволжском районе, в Киргизии и в Крыму сокращение посевной площади под картофелем достигало еще более значительной величины. В среднем по России оно составило 40,1%.

Несколько меньше сократились посевы продовольственных хлебов: ржи и пшеницы. В среднем по России выпала треть посевной площади этих культур. Ниже средней нормы упало производство хлеба в производящей полосе, юго-восточных губерниях, Киргизии и Крыму. Более сохранились посевы продовольственных культур в потребляющей полосе и на Украине.

Исключение из общей динамики составляет движение посевной площади, занятой разного рода крупами: просом, гречихой и кукурузой. Здесь небольшое сокращение дают только потребляющая полоса, Юго-Восток и Киргизия, в остальных районах и в целом по России производство круп возросло. Причины этого будут выяснены ниже.

Если теперь площади под всеми культурами соединить и добавить к ним <...> площади под техническими растениями (лен, конопля), подсолнухом, кормовыми травами, свеклой и други-

ми второстепенными культурами, то получим картину общего движения посевной площади. <...>

По большинству районов из года в год обнаруживается один и тот же процесс неуклонного сокращения обрабатываемой площади. Наиболее пострадавшими оказываются производящая полоса и Юго-Восток, где посевы за четыре года революции сократились на 42–43%. В производящей полосе последующие переписи обнаруживают, кроме того, нарастающий темп сокращения площадей. От 1916 г. к 1917 г. было потеряно только 0,6%, в течение следующих двух лет посевы сократились на 14,3%, затем за один 1920 г. площадь упала на 14,8% и, наконец, площадь 1921 г. по сравнению с предыдущим дала понижение на 14,2%. Несколько иной ход сокращения посевов наблюдается в потребляющей полосе. Здесь посевы сократились в общей сложности на 36,4%, причем низшая точка оказалась приблизительно достигнутой уже на исходе второго года пролетарской диктатуры; затем абсолютные размеры посевов сокращаются все медленнее и в 1921 г. по сравнению с 1920 г. остаются почти неизменными.

Крым близко подходит к потребляющей полосе по относительным размерам сокращения его посевных площадей. Киргизия по урону также приблизилась к потребляющей полосе, причем самое сильное падение приходится на период между 1920 и 1921 гг. Сибирь пострадала меньше Центральной России. Обращает на себя внимание тот факт, что не только в 1917 г., но и в 1920 г. здесь сеялось больше, чем в 1916 г., и только 1921 год принес сокращение посевной площади на 31,5% по сравнению с предыдущим и на 27,5% по сравнению с 1916 г.

Меньше всего оказались затронутыми посевы Украины. Отсутствие данных не позволяет проследить изменения посевной площади за промежуточные годы, но к 1921 г. здесь выпало 18,5% посевов 1916 г.

В общей сложности за 5 лет, не считая отошедших к новым государствам территорий, Россия потеряла несколько более трети прежней посевной площади, или в абсолютных цифрах 28 млн из 82,5 млн десятин всех культур, вместе взятых.

По абсолютным размерам сокращения посевной площади в России почти равняется сумме всех посевов Франции и Гер-

мании, вместе взятых, накануне войны. По относительному значению оно превышает убыль посевной площади в самый критический момент в любой из великих европейских держав, участвовавших в мировой войне. Русская посевная площадь 1921 г. на 10 млн десятин меньше, чем засевалось 30 лет тому назад в Европейской России.

Как и по отношению к скотоводству, одно количественное сокращение посевной площади не дает полного представления о степени упадка русского земледелия. Годы революции отмечены еще и значительным ухудшением урожайности. <...>

По климатическим условиям годы 1918 и 1919 принадлежали к числу благоприятных. Частичная засуха 1920 г. компенсировалась хорошими урожаями в других районах. В среднем, однако, сбор с единицы площади по всем хлебам обнаруживает определенную тенденцию к падению. Если верить урожайной статистике, всегда наиболее спорной и требующей оговорок, то средний сбор по России упал для ржи на 17,4%, пшеницы — на 32,7%, для овса — на 20%, для ячменя — на 28,7%, для проса — на 27,9% и для гречихи — на 16%.

Комбинируя сокращение площади с падением урожайности и суммируя важнейшие культуры, получаем следующую итоговую таблицу зерновой продукции Советской России (см. таблицу).

Районы	Абс[олютные] показатели, млн пудов		1921 г. к 1916 г., %
	1916 г.	1921 г.	
Потребляющий	435,3	316,4	72,7
Производящий	1322,3	382,5	29,0
Юго-Восток	229,4	81,2	35,4
Украина	1089,4	551,6	50,6
Крым	34,8	5,3	15,2
Киргизия	90,2	42,3	46,9
Сибирь	245,9	191,3	77,8
Всего	3447,3	1570,6	45,6

За 5 лет производство хлебов сократилось в два с лишним раза. Чтобы оценить по достоинству эту цифру, необходимо сопоставить ее с размером производства, потребления и вывоза в прежнее время. В 1912 г. Россия вывезла 430 млн пудов, и 3352 млн пудов осталось для внутреннего потребления. В 1921 г. все производство РСФСР не могло покрыть половины прежних запросов потребления, а вместо вывоза, впервые за все время своего участия в мировой торговле, Россия *ввезла* 77 млн пудов зерновых продуктов^х. Раньше в России производилось 22,3 пуда зерна на душу населения, теперь всего 11,9 пуда, или на 46,6% меньше.

Перед нами картина несомненной катастрофы. Сельское хозяйство огромной страны из года в год разрушается и приходит в полный упадок. Если судить по одной только убыли посевной площади, не принимая во внимание всех остальных моментов распада, то земледелие России отброшено по крайней мере на пятьдесят лет назад.

Глава 2. Причины разрушения сельского хозяйства

1. МЕХАНИЧЕСКОЕ влияние войны или результаты экономической политики. Где же причины разразившейся катастрофы? Долгое время официальная версия гласила, что в разрушении сельского хозяйства повинен старый строй и его «империалистическая» война. <...> Подобного рода заявления имели успех среди невежественных городских масс, наделавших беды и стремившихся свалить вину на других. <...> С другой стороны, разрушение крестьянского хозяйства за время социалистического опыта делалось настолько явным, что ссылаться по-прежнему на «империалистическую» войну становилось все труднее. Тогда в качестве очередного объяснения сельскохозяйственного кризиса было выдвинуто влияние контрреволюции и Гражданской войны.

Натянутость этого объяснения бросается в глаза. Конечно, Гражданская война, как и всякая война, губительно отражается на посевах прифронтовой полосы. <...>

Сокращение посевной площади в районах, затронутых войной, характеризуется более высоким процентом, чем в губер-

ниях незатронутых. Но военные действия выступают здесь только дополнительным фактором разрушения. Теоретический интерес заключается в объяснении причин сокращения посевной площади даже в глубоком тылу, даже в тех губерниях потребляющей полосы, которые вовсе не переживали Гражданской войны и тем не менее стали сеять на 22% меньше прежнего. Непосредственное влияние военных действий здесь не может иметь места. Более того, можно показать, что и косвенные последствия состояния Гражданской войны в этом случае ни при чем.

На карте военных действий в 1919–1920 гг. можно считать тылом Сибирь по отношению к белому фронту, а потребляющую полосу — по отношению к красному. В обоих случаях отраженное влияние войны должно быть одинаковым. Однако в то время как посевная площадь потребляющей полосы сократилась на 34% по сравнению с 1917 г. и на 28% по сравнению с 1916 г., соответствующие показатели хозяйственного упадка для Сибири составляют всего 14 и 2%. Резкий перелом в движении посевной площади Сибири наступил только в 1921 г., т. е. *после окончания* Гражданской войны. За первый год господства Советской власти площадь посева упала на 30%. Очевидно, условия существования крестьянского хозяйства в тылу Белой и Красной армии складывались по-разному и на сокращение посевной площади влияет не одна Гражданская война.

То же самое можно сказать об Украине. Она являлась территорией наиболее ожесточенной гражданской войны, но сокращение посевной площади оказалось здесь в конце концов наименьшим. Это объясняется тем, что господство советской политики на Украине прерывалось довольно длинными промежутками «буржуазного» строя и колебалось постоянными крестьянскими восстаниями. До самого последнего времени Советская власть не могла овладеть украинской деревней, последняя не исполняла продовольственных разверсток и жила своей собственной, обособленной жизнью.

Но если ни наследие «империалистической» войны, ни влияние Гражданской войны не объясняют разрушение крестьянского хозяйства, то остается искать последние причины этого явления в особенностях *внутренней* экономической политики

Советской власти. В настоящее время никто из большевиков не пытается доказать, что весь социалистический опыт пошел на пользу крестьянства. Перемена общего курса политики вызвана по преимуществу сознанием вреда, нанесенного «старой» политикой сельскохозяйственному производству. <...>

Глава 6. Единственный путь

Чтобы лечить болезнь, нужно знать ее этимологию и располагать правильно поставленным диагнозом.

Русское сельское хозяйство переживает в настоящее время тяжелое состояние натурально-потребительской реакции. Внешняя картина болезни, как мы знаем, характеризуется крайней нивелировкой и абсолютно низким уровнем доходов, распадом меновых связей и понижением уровня жизни сельского населения. Главным отрицательным последствием упадочного состояния сельского хозяйства является резкое сокращение тех излишков сырья и продуктов питания, которые сельское население производит сверх собственного потребления. Величиной этого «чистого продукта» промеряется покупательная и платежная сила сельского хозяйства.

В экономике такой земледельческой страны, как Россия, свободные излишки сельскохозяйственного производства всегда играли огромную роль. В настоящее время значение их еще более увеличилось. Россия может быть уподоблена теперь «изолированному государству», начинающему свою экономическую историю сызнова^{х1}. Внешняя торговля почти не существует. Доступ иностранным капиталам прегражден целым рядом экономических и политических препятствий. Накопленные внутри страны частные состояния отобраны и растрочены. Национализированная промышленность убыточна, государственное хозяйство дефицитно. При таких условиях мелкий земледелец является почти единственной категорией производителей, создающих или по крайней мере могущих создать некоторый избыточный продукт сверх собственного потребления.

Раньше чистый национальный доход слагался из суммы частнохозяйственных доходов в сельском хозяйстве, промышленности и торговле, в его образовании принимали участие

и накопленные ранее капиталы, и внешняя торговля, и кредит. Государство черпало свои доходы из разных источников, отдельные категории производителей обменивались своими услугами, создавая взаимные рынки и фонды накопления. Теперь свободные излишки сельского хозяйства являются общим и почти единственным фондом и для уплаты прямых и косвенных налогов, и для накопления и восстановления разрушенных капиталов, и для создания внутреннего спроса на продукты и услуги промышленности.

Сейчас для России более чем когда-либо справедливо физиократическое положение, что все ее богатство, объем промышленности и торговли целиком зависят от размеров «чистого продукта», создаваемого в сельском хозяйстве. Его ничтожным уровнем объясняется кризис перепроизводства, испытываемый национализированной промышленностью, производящей не более 12% довоенной нормы, той же причине должно быть приписано и расстроенное, не поддающееся никакому лечению состояние русских финансов. И обратно, единственный выход из экономического тупика и единственная цель рациональной политики может заключаться только в восстановлении покупательной и платежной силы сельского населения, в увеличении «чистого продукта» сельскохозяйственного производства.

Но как могут быть увеличены свободные излишки сельского хозяйства? Ответ на этот основной вопрос можно получить только путем анализа процесса образования «чистого продукта» в нормальное время.

В его создании принимали участие две категории сельскохозяйственных производителей: крупное капиталистическое хозяйство и мелкое крестьянское. В настоящее время крестьянский тип хозяйства является единственной формой организации сельскохозяйственного производства. <...>

Существует мнение, будто сельскохозяйственный кризис может быть изжит путем увеличения *товарности* крестьянского хозяйства. Корень зла усматривается, таким образом, не столько в измельчании хозяйств, сколько в их натурализации. Стоит только восстановить прежнее разделение труда внутри сельскохозяйственного производства и в его внешних связях, чтобы производительность хозяйства поднялась на прежнюю

высоту. Распределение земли и доходов само по себе имеет второстепенное значение. Лишь бы было осуществлено территориальное разделение труда, лишь бы лен, конопля и хлопок вернулись на старое место. К рынку может вернуться его прежняя емкость даже на основе равномерного распределения земли и прав на пользование ею.

Эти точки зрения отстаивают не только частные лица. Близко к ней подходит в настоящее время^{х¹¹} и официальная постановка вопроса, несмотря на то что у власти остались те самые люди, которые еще совсем недавно весь смысл экономической регуляции усматривали в уничтожении самостоятельных товаропроизводителей и в переходе к единому, безобменному хозяйству. <...>

Простое восстановление товарности и возвращение к денежному хозяйству от натурального еще не означает непременно увеличения свободных излишков сельскохозяйственного производства. Доля отчуждаемого на рынок продукта не измеряет чистой производительности хозяйства. Можно представить себе нарастание рыночных отношений при сохранении прежнего уровня доходов и прежних размеров «чистого продукта» земледелия. Интенсивность обмена в стране может быть увеличена простой специализацией сельскохозяйственного производства. Для этого нужно только, чтобы в Туркестане снова стали сеять хлопок, чтобы в льняных районах на прежнее место вернулся лен, а в пшеничных районах — пшеница. <...>

Но если наряду со специализацией производств доходы всех индивидуальных производителей останутся приблизительно равными и если прирост валовой производительности, получающийся в отдельных районах вследствие перехода к возделыванию наиболее отвечающих природным условиям культур, будет погашаться соответственно быстрым притоком или приростом населения, то никакого увеличения народного благосостояния от таких процессов не произойдет. Усиление обмена будет касаться по преимуществу продуктов самого сельского хозяйства. Молочные районы будут обмениваться с пшеничными, мясные — с льняными, картофельные — с ржаными. Никакого добавочного спроса на продукты крупной промышленности сельское хозяйство не предъявит. Государственные финансы

будут иметь все тот же непрочный базис. Общая покупательная и платежная сила сельского хозяйства останется без перемены. <...>

Если бы платежная и покупательная сила крестьянского хозяйства измерялась суммой валовых отчуждений, то проблема сельскохозяйственного подъема могла бы быть разрешена даже при условии исключительного господства мельчайших хозяйств. На деле, однако, чтобы получить чистый продукт земледелия, необходимо из суммы валовых продаж сельскохозяйственных продуктов вычесть обратную покупку их, производимую обыкновенно теми же крестьянскими хозяйствами. <...> Задача подъема крестьянского хозяйства не исчерпывается, следовательно, восстановлением его товарности. Центр вопроса заключается в способах увеличения покупательной и платежной силы сельского населения в целом и в том, совместимы ли эти способы с существующей нивелировкой и измельчением крестьянского хозяйства. <...>

Участие крестьянского хозяйства в образовании чистого продукта земледелия может измеряться весьма разнообразными величинами. <...> Чем богаче хозяйство, тем большее количество своих продуктов оно отчуждает на сторону. С увеличением мощности хозяйства его чистый продукт возрастает не только абсолютно, но и относительно. В Тамбовской губернии по расчету на одного едока сумма чистых продаж в высшей группе хозяйств в 3130 раз больше, чем в низшей. Даже по расчету на 1 десятину посева сильнейшая группа сельских хозяйств отчуждает в 943 раза больше, чем группа слабых.

Все это есть результат уже известного нам факта низкой производительности мелкого, страдающего от недостатка земли и капиталов крестьянского хозяйства. <...>

Таким образом, сравнительно крупные крестьянские хозяйства оказываются главными участниками в процессе создания чистого продукта земледелия. Отсюда следует, что емкость внутреннего сельскохозяйственного рынка и платежная способность крестьянского хозяйства находятся в тесной связи с пропорцией распределения обрабатываемой площади между хозяйствами разной мощности и величины. Одна и та же полезная площадь, заселенная исключительно мелкими хозяй-

ствами, даст иной продукт, чем в том случае, если среди общей массы парцеллярных хозяйств будут попадаться оазисы сравнительно крупных единиц. <...>

Описанные выше процессы образования чистого продукта земледелия с полной отчетливостью указывают единственно надежный и наиболее прямой путь к народно-хозяйственному возрождению России. Он заключается в возникновении экономических неравенств в деревне, в возрождении социально-экономической дифференциации, в воссоздании мощной группы сравнительно крупных, обеспеченных капиталом и одаренных творческим духом хозяйственных единиц. Пока господствует существующее распределение хозяйств, близкое к равенству их у предела измельчания, ни о каком экономическом прогрессе не может быть и речи. Не поможет и увеличение обрабатываемой площади, если параллельно будет расти население, если будет сохраняться и поддерживаться «социальный баланс» и прежние тенденции к равенству. При равномерном распределении средств производства, земли и капитала, средний размер хозяйства в большинстве районов России оказывается таким ничтожным, что чистого продукта за исключением собственного потребления у него почти не имеется. Только при нарастании неравенств начинает увеличиваться платежеспособность сельского населения и емкость внутреннего рынка. Только увеличение чистого продукта земледелия подводит прочный фундамент под крупную промышленность и государственные финансы. Только неравенство доходов создает новые потребности, развивает спрос и увеличивает стимулы к накоплению.

Возникновение крупных земледельческих хозяйств будет первым признаком начавшегося экономического подъема, а создание благоприятных условий для укрупнения хозяйствующих единиц должно считаться основной задачей рациональной экономической политики. <...>

Нужно прежде всего оговориться, что воссоздание крупного хозяйства мыслится нам не в форме восстановления помещичьего хозяйства в его прежнем виде. Как ни полезно с народно-хозяйственной точки зрения существование в некотором объеме крупного капиталистического сельскохозяйственного

производства, никакие искусственные меры в этом направлении не могут быть осуществлены. Возвращение земли в натуре прежним собственникам политически невозможно в стране классического малоземелья и аграрной перенаселенности. Оно и не привело бы, кроме того, к восстановлению крупного хозяйства, поскольку инвентарь, скот и прочие капиталы крупного сельскохозяйственного производства безвозвратно уничтожены. Рассчитывать на выполнение роли крупного производства советскими хозяйствами невозможно, поскольку этот вид государственного предпринимательства обнаружил свою несостоятельность раньше всех остальных. Если крупному капиталистическому хозяйству суждено когда-либо возродиться, то оно вырастет вновь на новых местах и в новой форме из зародышей крестьянского хозяйства или на основе иностранного капитала. Все это, однако, музыка довольно отдаленного будущего. <...>

Но что означает воссоздание неравенства и социально-экономической дифференциации в пределах крестьянского земледелия? Очевидно, не что иное, как «ставку на крепкого мужика».

После многолетнего блуждания по окольным путям, злобой дня становится лозунг столыпинской земельной реформы. Ставка на сильное хозяйство опять сделалась неизбежной, правда в иной исторической обстановке и по иным причинам. В свое время столыпинское законодательство в значительной мере было подсказано политическими мотивами, теперь «крепкий мужик» должен быть выдвинут на авансцену по соображениям прежде всего экономическим. В руках этого мужика находится ключ от чистого продукта земледелия, а вместе с тем и от всего народного благосостояния. Численность этих здоровых и сильных хозяйственных единиц в настоящее время ничтожна. Тем выше должны расцениваться те жалкие остатки относительно состоятельных хозяйств, которые чудом уцелели среди всеобщего разрушения. Каждая из таких потенциально мощных единиц есть ценнейшее капитальное благо и заслуживает самого бережного и внимательного к нему отношения со стороны государства.

Но не будет ли это внимание покупаться ценой игнорирования принципов справедливости, не потребует ли ставка на

сильных принесения в жертву интересов слабейших? Осуществима ли вообще политика, ведущая в этом направлении?

Все опасения этого рода совершенно не основательны. Хозяйственная жизнь целиком построена на соревновании и конкурентной борьбе. Крестьянское хозяйство не представляет в этом отношении какого-либо исключения. И здесь ведется упорная борьба за обладание ограниченными количествами земли и производительных средств. И здесь победа остается на стороне более предприимчивых, приспособленных, сильных хозяйственных единиц. Эта победа не ощущается как какое-либо социальное зло или несправедливость. Не искусственно поддерживаемый «социальный баланс», но вечное ощущение борьбы и неравенства есть то, что может быть названо естественным состоянием хозяйственной жизни.

Экономическая политика, допускающая существование экономических неравенств, гораздо жизненнее и осуществимее, чем политика, стремящаяся во что бы то ни стало утвердить и сохранить «социальный баланс». Если неравенство есть нормальное состояние экономики, то «ставка на сильного мужика» вовсе не означает применения силы государственного аппарата в пользу мощных хозяйств и в ущерб слабым. Только идея равенства неразрывно связана с принуждением, государственным вмешательством и авторитарным распределением доходов и их источников. Для восстановления экономической дифференциации требуется только свобода и принципиальное невмешательство государственной власти. Все остальное будет сделано конкурентной борьбой и выживанием приспособленных. Главное преимущество ставки на сильных в том и заключается, что она не требует ни сложного законодательства, ни дорогостоящих хозяйственных манипуляций. Все что нужно — это свобода вместо регулирования. Роль государства должна ограничиться законодательством по преимуществу негативного характера, направленным к уничтожению пережитков эпохи регулирования, задерживающих и тормозящих свободное хозяйственное развитие страны. <...> Во всяком случае, должна существовать презумпция в пользу частного интереса и свободы хозяйственной инициативы.

С этой точки зрения современная сельскохозяйственная политика России должна быть изменена в двух основных пунктах: во-первых, должны быть уменьшены налоги на сельское хозяйство и, во-вторых, должна быть восстановлена свобода земельного оборота. <...> Понижение налогов на крестьянское хозяйство, допущение частной собственности на землю и презумпция в пользу государственного невмешательства — вот, таким образом, основные линии положительной программы экономического возрождения.

-
- ^I Написано в 1922 г. Печатается по первой публикации: *Литошенко Л. Н.* Социализация земли в России. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2001. С. 167–172, 355–371, 505–519. Комментарии к данному тексту подготовлены И. А. Кузнецовым.
- ^{II} Имеется в виду продажа крупными помещиками своих земель, усилившаяся после революции 1905–1907 гг.
- ^{III} «Взбесившийся мелкий собственник» — формулировка В. И. Ленина.
- ^{IV} Соответствующие главы см. в полном издании книги.
- ^V Описка автора — пяти.
- ^{VI} До 19 апреля 1925 г. Киргизией (Киргизской АССР) назывался Казахстан. Киргизия (как затем и Казахстан до декабря 1936 г.) имела статус автономной республики в составе РСФСР, поэтому Л. Н. Литошенко говорит о ней как о части России.
- ^{VII} Предкавказье — Ставрополье и Краснодарский край.
- ^{VIII} Очевидно, имеется в виду, что Крым стал советским в конце 1920 г., и советская статистика его учитывала лишь с 1921 г.
- ^{IX} К кормовым хлебам Л. Н. Литошенко относил овес и ячмень.
- ^X Имеется в виду впервые возникший нетто-импорт, поскольку некоторое количество зерна Российская империя ввозила ежегодно наряду с огромным вывозом.
- ^{XI} «Изолированное государство» — абстрактная экономическая модель, предложенная И. фон Тюненом в первой половине XIX века для анализа закономерностей размещения отраслей и систем сельского хозяйства в зависимости от расстояния до рынка сбыта без учета всех прочих факторов. В данном контексте — метафора, обозначающая хозяйство страны без связи с мировым рынком и с разрушенными рыночными институтами.
- ^{XII} 1922 г.

В. М. Чернов

Социализация кредита¹

При всей неясности, смутности и неопределенности общего «операционного плана» превращения капиталистического общества в социалистическое у большевиков, некоторые намеки на такой план все же у них можно было найти. Большевики, конечно, понимали, что одним росчерком пера социализма не введешь, что не все буржуазные позиции одинаково легко занять и не все они одинаково важны. Предстояло выбрать, так сказать, некоторые «командующие высоты» и, укрепившись на них, продолжать свое «внедрение» в сложную систему буржуазных «окопов».

Из этих «командующих высот» две выдвигались ими на первый план. Национализация банков казалась Ленину занятием наиболее важной и господствующей над всеми другими «командующей высоты». Введение рабочего контроля было занятием другой.

Еще в «Манифесте коммунистической партии» Маркса и Энгельса в числе мер, посредством которых совершается приступ к превращению капиталистического строя в социалистический, значится «централизация кредита в руках государства при помощи безусловно монопольного национального банка, основанного на данный государством капитал». Это в ряду предполагаемых им мер первая, носящая серьезный конструктивный характер; все предыдущие меры (конфискация имущества мятежников, высокий прогрессивный налог, изъятие в руки государства земельной ренты и отмена права наследования) по преимуществу негативны.

Авторы «манифеста» оговаривались, что каждая из этого рода мер «может показаться экономически недостаточной и необоснованной, однако способна самостоятельно разрастаться по мере развития движения и является неизбежной в качестве средства для совершения переворота во всей системе производства». Позднее (1872) они заявили, что проектированным ими «революционным мерам, изложенным в конце второго отдела, вовсе не следует придавать особого значения»; состоящая из них «упомянутая практическая программа местами устарела». Вряд ли похоже, однако, чтобы эта оговорка могла быть специально применена к пункту о национализации банковского дела. Хотя эта идея весьма почтенна по возрасту (это — сенсимонистская идея, особенно выдвинутая на первый план Базаром¹¹), но Маркс не раз возвращался к ней значительно позднее. Так, в посмертном¹¹¹ III томе «Капитала» он проводит такую аналогию. Подобно тому как кредитная система сыграла огромную роль в деле превращения разрозненных капиталистических частных предприятий в обширнейшие акционерные компании, — она, уже в руках общественного коллектива, сыграет такую же колоссальную роль в деле «постепенного расширения кооперативных предприятий в более или менее национальном масштабе».

Эти отрывочные строки, написанные в шестидесятых годах прошлого века, дают понять, что в деле перехода от капиталистического общества в социалистическое Маркс, по крайней мере тогда, отнюдь не считал исчерпывающим методом увеличение числа национализированных предприятий, а по меньшей мере одинаковую роль отводил частнопроводному кооперативному движению. Именно вслед за положением о могучей роли кредита в деле расширения кооперативной системы до общенациональных размеров непосредственно стоят знаменитые, столько раз подвергавшиеся всевозможным толкованиям и перетолкованиям строки: «Капиталистические акционерные предприятия, как и кооперативные фабрики, следует рассматривать как переходные формы от капиталистического способа производства к ассоциированному (общественному), только в одних противоречие устранено отрицательно, в других — положительно».

Итак, общественный, или «ассоциированный», способ производства, по Марксу, является из слияния двух русл в одно. С одной стороны, развитие акционерного дела создает — как мы бы сказали теперь, после грандиозной эпопеи синдикатов, трестов и «финансокрации», — нечто в роде «социал-капитализма»; здесь этот социал-капитализм превращается в социализм при посредстве экспроприации. С другой стороны, обобществление собственности и труда происходит снизу, путем «кооператизации». Этот процесс ускоряется социалистической системой кредита. Итак, социалистическая система кредита, предполагающая его огосударствление и монополизацию, играет в позитивной или собственно-конструктивной системе Маркса не менее важную роль, чем «негативное» средство — экспроприации, секвестра или конфискации.

И в других своих писаниях, например, везде, где он высмеивает «банкирские» планы Прудона и его предшественников, Маркс дает понять, что критика его не относится к самой идее сделать реформу кредита могучим орудием превращения капиталистического общества в социалистическое. Для Прудона в создании дарового кредита заключался «весь социализм, вне же него — лишь химера и утопия». Кроме того, даровой кредит создавался вне государства, на частноправовой почве. Многое в «банкирских» прожектах Прудона было незрелым, что не помешало другим элементам его воззрений на кредит оказаться почти пророческими провидениями¹. Прудон может с большим правом претендовать на имя «отца кооперативного кредита». Маркс представлял собою противоположную, сенсимонистскую тенденцию — кредита, сосредоточенного в руках государства и потому имеющего под собой гораздо более прочную базу — обеспечения в последнем счете «всем достоянием государства»; в основу всего ставится, как сказано в «Манифесте», «безусловно монопольный национальный банк, основанный на данный государством капитал». Мы ныне стоим далеко от старых споров; одно в марксизме и прудонизме для нас устарело, другое способно дополнять друг друга. В частности,

¹ Ср.: William Oualid, «Proudhon banquier» в книге «Proudhon et notre temps». Bibliothèque de Philosophie moderne, Paris, 1920.

вряд ли кто из серьезных теоретиков социализма станет теперь отрицать принцип сотрудничества государственного и кооперативного кредита в деле социальной реформы. Ленин, однако, целиком отстаивал сенсимонистскую традицию в марксизме во всей ее односторонности и исключительности.

«Без крупных банков социализм был бы неосуществим», — писал Ленин, подчеркивая курсивом всю значительность этого положения. «Крупные банки есть тот „государственный аппарат“, который нам нужен для осуществления социализма и который мы берем готовым у капитализма, причем нашей задачей является здесь лишь отсечь то, что капиталистически уродует этот превосходный аппарат, сделать его еще крупнее, еще демократичнее, еще всеобъемлющее. Количество перейдет в качество. Единый крупнейший из крупнейших государственный банк с отделениями в каждой волости, при каждой фабрике — это уже девять десятых социалистического аппарата. Это — общегосударственное счетоводство, общегосударственный учет производства и распределения продуктов, это, так сказать, нечто вроде скелета социалистического общества. Этот государственный аппарат (который является не вполне государственным при капитализме, но который будет вполне государственным у нас, при социализме) мы можем „взять“ и „привести в движение“ одним ударом, одним указом»^{1, IV}.

В общем, картина получается грандиозная. Единый национальный банк, с отделениями при каждой волости, при каждой фабрике... Да еще взявший на себя заведование всем «общегосударственным счетоводством, общегосударственным учетом производства и распределения продуктов»... Конечно, звучит или совершенно детской наивностью, или рассчитанной на чужое невежество демагогией уверение, будто все это может быть создано «одним ударом, одним указом». Хотя бы уже один вопрос о том, где взять подготовленный персонал для столь дифференцированной, всеохватывающей, всеведущей и всемогущей банковской системы, должен был бы хоть немного охладить разгоряченное воображение автора. Но верно то, что так понятая реформа кредита, действительно, при наличии реальных

¹ Собр. соч., т. XIV, с. 231.

условий для ее осуществления была бы недалеко от приготовления если не «девяяти десятых», то все же доброй половины социалистического аппарата. Свойственный уму Ленина однобокий, упрощающий монизм, конечно, сейчас же превращает эту организацию кредита в «нечто вроде скелета социалистического общества». Беда в том, что в другие моменты, с такими же шорами на глазах, с таким же «моноидеизмом», он превращал в «скелет будущего социалистического общества» то «советскую систему», то Всероссийский совет органов рабочего контроля, то всероссийскую систему «совнархозов», то по-синдикалистски сеть профессиональных союзов, а под конец жизни неожиданно странно приблизился даже к системе самодовлеющего кооператизма, при которой диктатура пролетариата играет роль лишь защитной антибуржуазной ширмы. Таким образом, я позволю себе сказать, что у социалистического общества оказывается «слишком много скелетов», как старик Калхас, жаловавшийся, что в приношениях церкви «слишком много цветов». Это какое-то многоскелетное, даже «панскелетическое» состояние социалистической системы совершенно не оставляет никакого места социализму во плоти и крови.

Построение Ленина, несомненно (он этого и не скрывает), наваяно взглядами Гильфердинга, развитыми в его классическом «Финансовом капитале». Нарисованная им яркая картина «финансокрации» и «банкокрации» как высшей заключительной фазы капитализма, показывая внутреннюю сущность того, что делает его империализмом во вне, могла только подкрепить в социализме тенденцию поставить во главу угла социального переустройства национализацию банков. Именно национализация банков была той «навязчивой идеей», которая подверглась немедленному, как только перед социализмом ребром ставился вопрос: «С чего начать?».

Даже и теперь, после опыта социалистических и коммунистических правительств России, Венгрии и Германии можно встретиться с чрезвычайно преувеличенной оценкой роли национализации банков в деле превращения капиталистического общества в социалистическое. Даже в одном из лучших современных эскизов «конструктивного социализма», в малень-

кой, но содержательной книжке Отто Бауэра «Der Weg zum Sozialismus»^V мы встречаемся со следующей серией идей:

«Так как в капиталистическом обществе нет налицо никого, кто бы заботился о сохранении пропорциональности между отдельными отраслями промышленности, о равномерном, соответствующем расчленению потребностей, развитии отдельных ветвей производства, то это обстоятельство является одной из важнейших причин постоянно возвращающихся хозяйственных кризисов. Эту заботу и возьмет на себя будущий центральный национальный банк. Ведь в его распоряжении будут свободные капиталы всего общества. Он и будет решать, между какими отраслями производства в какой мере должны быть размещены эти капиталы. Управляемый доверенными людьми общественного коллектива, он будет всегда направлять те капиталы, которыми он располагает, именно туда, куда необходимо народу; следовательно, применять их к строительству тех отраслей индустрии, в продуктах которых ощущается недостаток, и отстранять от тех, которые не служат никаким насущным народным потребностям. Таким образом, именно обобществление банков будет решающим шагом в деле преодоления капиталистической анархии.

«Центральный национальный банк скорее всего разовьется в высший направляющий орган всего народного хозяйства: в тот орган, который будет регулировать распределение капитала и труда между отдельными отраслями производства»¹.

Здесь правомерно возникает, однако, одно серьезное сомнение. Что в социалистическом обществе будет какое-то центральное учреждение, в область ведения которого отойдет задача установления «планового хозяйства», — нет спора. Но из какого органа современности разовьется это учреждение — это другой вопрос. Так, например, центральное общегосударственное хозяйственно-статистическое бюро может законно конкурировать в этом деле с центральным банком, ибо учет всех факторов производства им производится гораздо полнее и всестороннее, чем то делает банк. Но вопросом является прежде всего то, действительно ли «высший направляющий орган все-

¹ Bauer O. Der Weg zum Sozialismus. Wien, 1921. S. 30.

го народного хозяйства» разовьется непременно из какого-нибудь существующего учреждения буржуазного строя, как своего эмбриона? Почему это должно быть так? Почему ему не возникнуть *заново*, в качестве высшей «надстройки» над всеми этими учреждениями? Не будет ли более нормальным и здоровым, чтобы при таком демократически организованном — не чиновничьем, а с широким представительством трудовой общности — Высшем экономическом совете в качестве его вспомогательных и подчиненных органов были и национальный центральный банк, и общегосударственное центральное хозяйственно-статистическое бюро?

В нынешнем обществе финансы господствуют над производством. Но в нынешнем обществе человечество вообще является не господином, а рабом своих экономических отношений; отсюда постоянное превращение в буржуазном обществе средств в самоцели, отсюда их самодовлеющая и господствующая позиция в хозяйстве. Конечно, как «не человек для субботы, а суббота для человека», так же должно быть «не производство для банков, а банки для производства». В жизни все наизусть. Стремление производственного капитала сделать банки своим служебным орудием оказывалось доселе покушением с негодными средствами. Собирая сбережения всей страны, концентрируя, словно в фокусе, рассеянные лучи национального богатства, распоряжаясь, таким образом, чужой, концентрированной, всенародной силой, банократия по своему произволу может и пригревать, и сжигать все, что существует в сфере ее действия. Банки есть место зарождения и роста самодовлеющей финансовой олигархии.

Совершенно ясно поэтому, что демократизация кредитной системы есть мера, выдвигающаяся на первый план. Эта мера нужна не только ради социализма, т. е. она диктуется не только интересами кредитования национализированных предприятий. Нет, в ней заинтересована даже значительная часть производственной буржуазии. Законодательство, которое решится изъять фактическую монополию управления банками из рук крупнейших акционеров и в обязательном порядке введет в собрание этих акционеров представителей организованной промышленности, торговли, организованного труда, орга-

низованного потребления и организованной общественности вообще, удовлетворит одновременно двум требованиям: бережного отношения к той могучей, той чудодейственной силе, которая развилась в лице банковских учреждений, фактически удешевляющих находящийся в действии национальный капитал и упраздняющих вредную летаргию всяких народных «сбережений», с одной стороны, и уничтожения вредных сторон самодовлеющей, готовой попираť интересы производства «олигархии денег» — с другой.

Подобно тому как для Маркса введение «ассоциационного способа производства» («социализация производства», как ска-зали бы мы теперь) шло одновременно по двум, в конце концов, сливающимся руслам: трудовой кооперации и буржуазного акционирования, так и социализация кредита пойдет также по двум руслам: создание кооперативного кредита с одной стороны, демократизации банковского дела с другой.

В конечном итоге, разумеется, слияние и синтез обоих движений даст полное обобществление кредита, создание его единой и монопольной общегосударственной системы. Но оно именно отвечает не на вопрос: «с чего начать?», а на вопрос: «чем закончить?»

На то же указывает и внутренняя связь между централизацией кредита и введением планового хозяйства; ибо плановое хозяйство также является не преддверием социализма, а увенчанием здания социалистического общества; смотреть на дело иначе — значит перевернуть жизнь с ног на голову.

Здесь-то и заключалось первое, наиболее глубокое и принципиальное расхождение между большевиками и социалистами-революционерами. Последние ответили на большевистский декрет о национализации кредита категорическим заявлением, что это означает строить дом с крыши вместо фундамента.

Банковая система — это именно вершина капиталистической системы, ее крыша, если не увенчивающий эту крышу заостренный, возносящийся к поднебесному простору шпиль. Воздушные замки единой монопольной централизованной кредитной системы, одновременно всесторонне учетной и всесторонне распорядительной по отношению ко всему производству, с разветвлениями, доходящими до каждой волости и до

каждой фабрики, на бумаге могли выглядеть как угодно хорошо; но при попытке построить их на деле возможен только грандиозный обвал, с риском раздавить, погрести под собою всякий кредит вообще, в том числе и кооперативный кредит, судьбы которого социалисты-революционеры принимали особенно близко к сердцу. Опыт жизни показал, что опасения их были более чем обоснованы.

Ныне этот спор надо признать за «старый спор, уж взвешенный судьбою»^{VI}. Лучшие теоретики современного марксизма, присмотревшись к указаниям опыта, подвергли в этом пункте свои взгляды радикальной ревизии.

Первый шаг в этом направлении сделан был Отто Бауэром — шаг, на первых порах еще нерешительный, оправдываемый не принципиально, а лишь временными и преходящими условиями послевоенной ситуации.

«В последние десятилетия перед войной банки подчинили своему господству всю крупную индустрию; финансовый капитал царил над промышленниками, как их владыка. Кто тогда стремился к социализации индустрии, мог по праву верить, что ее лучше всего начать с социализации банков...»

«Война существенно изменила хозяйственные функции банков. В течение войны банки сделались до такой степени орудиями государственных займов, что сравнительно с этой все остальные их функции отодвинулись на задний план. Если взять дело в его основе, то придется сказать, что в течение войны они превратились в не что иное, как реквизиционные учреждения военного командования, облеченные миссией — извлечь для военных целей из населения последний свободный грош. Поэтому значительнейшая часть актива банков состоит из их претензий к государству и из подписки на государственные займы. Поэтому ныне обобществление банков никоим образом не может иметь того же действия, какое оно имело бы в нормальное, мирное время. А так как ныне для восстановления своего народного хозяйства мы нуждаемся в иностранном кредите, то едва ли ныне социализацию банков можно было бы произвести столь же легко, а тем более — столь же целесообразно и действенно, как

в мирное время. Таким образом, социализация нашей индустриальной продукции должна начаться не с социализации банков. Мы должны сначала предоставить банкам время и возможность ликвидировать свои связанные с войною операции, восстановить и развить свои нормальные, мирные функции, и только уже после этого думать о социализации банковского дела. Социализация банков должна быть не началом великой социализаторской операции, а ее завершением и увенчанием»¹.

Закключение совершенно правильно, но мотивировано оно недостаточно, ибо указывает лишь на привходящие и усугубляющие мотивы вместо основных и коренных; и потому оно производит впечатление идущего дальше своих логических предпосылок. Решительнее и принципиальнее взглянул на дело К. Каутский в своей книге «Пролетарская революция и ее программа». Очень метко охарактеризовал он происхождение старого взгляда: «овладение крупными банками» есть первый шаг пролетарского режима для занятия этой «ключевой позиции», ныне составляющей силу финансового капитала, а вместе — для приобретения «решающего влияния на хозяйственную жизнь даже в тех ее областях, которые еще не созрели для социализации». С отличающей его искренностью Каутский признается: «вместе со многими из своих друзей и я думал, что так оно и будет... Однако опыт и более глубокое исследование вопроса, напротив, говорят о том, что огосударствление капиталистических банков не есть верный путь к обладанию кредитом». Для этого нынешняя организация банков слишком тесно связана с нынешней организацией всего хозяйства; изменения в ней предполагают параллельное изменение очень многих сторон всего экономического уклада. «Таким образом, полное огосударствление банковского дела, которое, казалось, должно было быть исходным пунктом социализации, можно рассматривать как ее заключительный момент».

Социалисты-революционеры могут лишь с большим внутренним удовлетворением зарегистрировать эти компетентные подтверждения *a posteriori*^{VII} — давно сделанного ими прогноза. Жизнь решила в их пользу.

¹ Bauer O. Der Weg zum Sozialismus. Wien, 1921. S. 28–29.

Наряду с вопросом — «что», стоит не менее важный вопрос — «как». Вопрос этот также был затронут Лениным и разрешен следующим образом.

«Но, может быть, это „накладывание рук“ государства на банки представляет из себя какую-нибудь очень трудную и запутанную операцию? Филистеров стараются обыкновенно запугать именно такой картиной... На самом же деле национализация банков, решительно ни одной копейки ни у одного собственника не отнимая, абсолютно никаких ни технических, ни культурных трудностей не представляет».

«Смешение национализации банков с конфискацией частных имуществ — есть обман публики буржуазной прессой... Собственность на капиталы, которыми орудуют банки, удостоверяется разными свидетельствами: акциями, облигациями, расписками и т. п. Ни единое из этих свидетельств не пропадает и не меняется при национализации банков, т. е. слиянии всех банков в один государственный банк. Кто владел 15 рублями по сберегательной книжке, тот остается владельцем 15 рублей и после национализации банков, а кто имел 15 миллионов, у того и после национализации банков остается 15 миллионов в виде акций, облигаций, векселей, товарных свидетельств и т. п.»¹, VIII.

Таким образом, Ленин категорически отгораживал социализацию банков, как передачу в руки общества из рук финансовой олигархии власти над аппаратом, регулирующим концентрацию национальных сбережений и предоставление их для производительных целей отдельным предпринимателям или группам их, — от всего постороннего, и особенно от взгляда на банки как на залежи конкретной имущественной «добычи». Казалось, он понимал, что одно с другим несовместимо. Функционирование банковского аппарата всецело зиждется на доверии к нему; притекание средств в банки прямо пропорционально гарантированности вкладов; или мы налагаем руки на вклады и тогда подрубаем тот сук, на котором хотим усесться; или мы дорожим аппаратом, всю мощь которого надеемся обратить на новое дело и на новые цели; тогда всеми силами не-

¹ Собр. соч., т. XIV, с. 183.

обходимо избегать малейшего неосторожного жеста, способного парализовать функционирование аппарата и подорвать к нему доверие.

Что же произошло на деле?

Утром 14 декабря 1917 г. все частные банки были неожиданно захвачены красноармейскими отрядами. Этому не предшествовало ровно ничего: никакого декрета, никакого обсуждения вопроса в заседавшем тогда высшем органе советской республики — Всероссийском исполнительном комитете Советов^{IX}. Он был поставлен перед *fait accompli*^X; ему оставалось лишь в вечернем заседании, без сколько-нибудь серьезного обсуждения, поставить свой штамп на объявлении банковского дела государственной монополией, и одновременно — на декрете о «ревизии сейфов». То прорвалась точка зрения «добычи».

Хотя в это время социалисты-революционеры и социал-демократы — меньшевики уже бойкотировали центральный «советский парламент», тем не менее даже и в его составе, среди союзных большевикам «социал-демократов — интернационалистов» и «левых эсеров-интернационалистов» поднялась некоторая тревога. От лица растерявшихся левых эсеров Трутовский заявил, что его партия в принципе будет голосовать за национализацию банков, но полагает, что «при практическом проведении декрета в жизнь нужно быть сугубо осторожным. Необходимо избрать комиссию и лишь после детальной разработки в ней предполагаемых мероприятий приступить к их осуществлению». Ленин иронически ответил, что декрет, внесенный во Всеросс[ийский] исп[олнительный] комитет, «ничего кроме принципов и не содержит», и что, стало быть, левым эсерам спорить не о чем. В самом деле, декрет о национализации банков был, подобно большинству декретов того времени, простой, бессодержательной декларацией. Формы проведения в жизнь ее принципов определялись вступительной красновардейской практикой и последующим бюрократическим усмотрением...

Смелее выступил от лица социал-демократов — интернационалистов Б. Авилов. Он протестовал — хотя и тщетно — против узурпации прав «советского парламента», против грубо-

го экспериментирования, против гильотинирования прений. Это был «глас вопиющего в пустыне». «Банковское дело — справедливо говорил он, — наиболее трудное и запутанное из всех современных вопросов. Нужно сначала выработать план, наметить пути, пригласить знающих, опытных, компетентных людей, и затем уже приступить к национализации банков. Таким примитивным подхождением к вопросу, желанием все решить одним ударом топора вы только подорвете хрупкий организм кредита, понизите курс рубля, и, утверждаю, — ничего, кроме величайшего развала, не получится».

Ленин отвечал ему просто. Хрупкость, сложность аппарата, запутанность вопроса — все это, конечно, азбука, но когда к ней апеллируют «для тормоза всех социалистических начинаний», она превращается в систему запугивания, в демагогию. «Мы часто подходим к хрупким вещам, однако мы с ними справлялись, справляемся и справимся». В объяснение поспешности с занятием банков вооруженной силой он рассказал, что ему предшествовали переговоры с банковскими дельцами, во время которых сообщала была выработана система мер по отчетности и государственному контролю за деятельностью банков. Все как будто было хорошо, но вот кто-то из банковских служащих прибежал к Ленину с сенсационным сообщением: «они вас обманывают, спешите пресечь их преступную деятельность, направленную прямо во вред вам». «И мы поспешили», — наивно, с эпическим спокойствием повествовал Ленин. Но еще наивнее было его объяснение, что же будет дальше. «Мы знаем, что это — сложная мера; никто из нас, даже имеющих экономическое образование, за проведение ее не возьмется. Мы позове специалистов, занимающихся этим делом, но только тогда, когда ключи будут у нас в руках»¹. А откуда что дело кредита может оставаться под ключом, с приставленным к нему красногвардейским караулом...

Ленин упорно продолжал считать, что все это в порядке вещей, что полный паралич и дезорганизация кредитной системы — прекрасный исходный пункт для дальнейшего реформирования ее. Разрушение должно предшествовать созиданию,

¹ Собр. соч., т. XV, с. 49.

и длиной промежутка между ними смущаться нечего. Строить вольнее — на пустырях. Это «великое подразумеваемое» деструктивного социализма владело его умом безраздельно. Тот человек, гордящегося своим делом, докладывал он обо всем этом и позже, в январе 1918 г., третьему Всероссийскому съезду Советов:

«Банки — это крупные центры современного капиталистического хозяйства. Тут собираются *неслыханные богатства* и распределяются по всей громадной стране, здесь — нерв всей капиталистической жизни. Это — тонкие и сложные органы, они выросли веками, и на них направлены были первые удары советской власти, которая встретила сначала отчаянное сопротивление в Государственном банке. Но это сопротивление не остановило советской власти. Нам удалось основное в организации Государственного банка, это основное в руках рабочих и крестьян, и от этих основных мер, которые еще долго придется разрабатывать дальше, мы перешли к тому, чтобы наложить руки на частные банки. Мы поступили не так, как это порекомендовали бы, вероятно, сделать соглашатели: сначала подождать Учредительного собрания, потом выработать законопроект и внести его в Учред[ительное] собрание, и этим оповестить господ буржуа о нашем намерении, чтобы они могли найти лазейку, как от этой неприятной вещи избавиться. Мы поступили иначе: не боясь вызвать нареканий «образованных» людей или, вернее, необразованных сторонников буржуазии, торгующих остатками своего знания, мы сказали: у нас есть вооруженные рабочие и крестьяне. Они должны сегодня утром занять все частные банки... И после того, как они это сделают, когда уже власть будет в наших руках, лишь после этого мы обсудим, какие нам принять меры. И утром банки были заняты, а вечером ЦИК вынес постановление: «банки объявляются национальной собственностью», — произошло огосударствление, обобществление банкового дела, передача его в руки советской власти»¹, XII.

Мы подчеркнули выше фразу, что в банках «собираются неслыханные богатства». Это примитивное представление о бан-

¹ Там же, с. 83–84.

ках как о чем-то вроде подвалов «скупого рыцаря», быть может, и является разгадкой странной боязни, как бы банкиры не догадались о намерениях советской власти и не успели скрыть от нее то, что она думает захватить. Но в том-то и дело: чему же именно надеялся Ленин не дать укрыться в лазейку, что хотел он «врасплох захватить» в банках? «Неслыханные богатства»? Горы золота? Или самый аппарат национальной организации кредита? Последний — не иголка, которую можно «спрятать», утаить, зашить в подкладку платья и на себе контрабандой перетасить куда-нибудь за границу через какую-то «лазейку». Все, что Ленин говорил в защиту своего метода — кавалерийского метода «налетов» на кредитные учреждения, — просто нелепо. И ясно, что он был слишком умен для того, чтобы самому принимать эти слова в серьез. «Не в шитье была тут сила». Метили, конечно, не только на «аппарат», нечто невесомое, но и на вполне реальные банковские капиталы. Ревизия сейфов, произведенная тем же грубым методом, впервые выдала истинные намерения «реформатора», побудившие его хозяйничать в банках наподобие слона в посудной лавке. Дальнейшие меры по аннулированию государственных займов, по ограничению пользования вкладами и по частичной их конфискации еще более подтвердили это. Когда Ленин до прихода к власти подготовлял общественное мнение к социализации банков, представляя ее в качестве чрезвычайно невинной, чисто организационной, а не «конфискаторской» меры, он пользовался «языком как средством сокрытия мыслей». Придя к власти, он бросил словесную маскировку и предстал в своем натуральном виде — не конструктора, не организатора-созидателя, а прежде всего — демагога.

Так распорядиться банками, как это сделал Ленин, значило, конечно, уподобиться тому анекдотическому цыгану, который на вопрос о том, что он сделал бы, если бы его выбрали царем, ответил: «Украл бы сто целковых и самого лучшего коня, и ускакал бы с ними на нем». Пожертвовать банковским аппаратом, в развитии которого он сам хотел видеть «девять десятых социализма», ради того, чтобы обшарить сейфы и «постричь» вкладчиков, было настоящим самоубийством. Но никакими «аппаратами» Ленин не дорожил. Он с упорством

маньяка верил в возможность их созидания «одним ударом, одним указом». И с равнодушием кабинетного подпольщика воображал, что жизнь можно безнаказанно остановить, чтобы чище, свободнее от всякого «старья» была арена, на которой он «заново» начнет строить. Вся система национального кредита была разгромлена. Затем было национализировано... пустое место.

Разгром кредита не мог не быть и разгромом промышленности. Фактически утратив банки, как финансирующий источник, в самый критический момент своего существования, в момент демобилизации промышленности, перевода ее на новые рельсы, при необходимости дополнительных вкладов капитала на это дело и при общей заварухе — разладе транспорта, недостатке сырья и топлива — тщедушная русская индустрия, жившая на казенных заказах, рухнула. Фабрики перестали дымить, капиталисты, обвиняемые в тайном локауте, ударились в бег, безработица «освободила» пролетариат. «Советская власть» принялась жить на оставшиеся от старого запасы, а из безработных — вербовать отряды продовольственные, карательные, заградительные и т. п. Распадом промышленности и хозяйственной анархией было заплачено за жалкую «добычу».

Но чем убийственнее была цена, которую русский пролетариат заплатил за эксперименты над банками, тем громче и демагогичнее кричала большевистская пресса о колоссальных богатствах, доставшихся в руки рабочему классу от «наложения рук» на эти средоточия богатства буржуазного мира. Тщетно социалисты-революционеры и социал-демократы (последние — возмущенные лишь методом большевистской социализации банков, но не видевшие всей ошибочности идеи избрать именно ее исходным пунктом всей хозяйственной реорганизации) пытались выяснить, что банки — не «кладовые» богатств, а лишь проходные дворы, с бумажными следами двойного потока денежного обращения (прием вкладов и обращение их в ссуды предприятиям; возврат ссуд и выплаты вкладчикам). Банкир вульгарному сознанию улицы меньше всего рисовался, как организатор и регулятор этого двойного потока, но более всего — как владелец золотых гор...

Его богатствам—счета нет.
О, как красив, и вместе страшен
Взрощенный им превыше башен,
Глядящий в небо—столп монет!

И «улица» аплодировала жесту Ленина, пославшего красноармейцев—вернуть эти золотые горы пролетариату. «И золотой пожар горел, как красный смех, в сердцах людей...» Разочарование должно было прийти позже. В разгаре разбуженных демагогией чаяний, подкладкой которых была все та же извечная *auri sacra fames*^{xiii}, толпе казались предательским заступничеством за живые «золотые мешки» все попытки объяснить, что личные богатства банкира—не *источник*, а побочное *следствие* мощи его банковского аппарата; что банк работает средствами колоссально, неизмеримо превышающими его личные ресурсы; что банковая *наличность*—сущие пустяки в сравнении с неуловимым красногвардейской хваткой *оборотом*, в котором—вся, несоразмерно огромная с кассовой наличностью *суть* кредита; словом, что истое чудо здесь—не размеры ресурсов банкира, а сложнейший и тончайший механизм кредитной системы, которая извлекает из всех концов страны, властно втягивает в себя,

Крутит своим водоворотом
Гроши, добытые кровавым потом,
Дневные барыши купца,
И сбережения скупца,
И рядом с ними, лепту вдовью,
Ему врученную со страхом и любовью...

Аппарат был дезорганизован, перестали втягиваться отовсюду и впали в хозяйственную летаргию крупные и мелкие сбережения страны, разом уменьшился действующий национальный капитал: «распалась цепь великая, распавшись, раскачалась, а раскачавшись, ударила—одним концом по барину, другим—по мужику!» А теоретик большевизма, возведя все случившееся в перл создания или по крайней мере в неотвратимый закон истории, принялся доказывать, что все это в порядке вещей,

что так и должно быть, ибо в переходный период «старое общество в его производственной формулировке... распадется до самых низов, вплоть до самых последних глубин», и социализм придется строить «из распавшихся элементов», «на груде обломков».

Однако известная мера разочарования от эксперимента с банками у теоретиков большевизма все же не могла не остаться. Только они никак не могли перед своей интеллектуальной совестью признаться в том, что должны в жалком исходе его винить самих себя. Подобно Бухарину, они вину взваливали на «живучесть старых представлений» довоенного социализма, которые достались в наследство от него даже большевикам.

«Типичным в этом отношении может служить рассуждение Р. Гильфердинга («Финансовый капитал») о том, что захват шести главных банков («головки») пролетариатом передает в распоряжение последнего всю промышленность, потому что при финансово-капиталистических производственных отношениях банки являются организационными узлами производственно-технической системы, «всего аппарата». Эмпирически ныне доказано, что ничего подобного не происходит, ибо реально захват банков лишь подрывает командную власть капитала. Почему? Вопрос разрешается просто. Потому, что банки «управляли» промышленностью на основе специфических, кредитно-денежных отношений. Тип связи здесь был тип кредитной связи, который как раз и рушится при захвате банков пролетариатом»^{XIV}.

«Связи кредитно-денежного и финансово-капиталистического типа рвутся при завоевании власти пролетариатом целиком, бесповоротно и навсегда. При захвате банков кредитные отношения лопаются, и ни о каком „восстановлении кредита“ не может быть и речи, ибо нарушена вся основная система привычных отношений, исчезло всякое доверие, а государство пролетариата представляется в буржуазном сознании, как коллективный бандит»^{1, XV}.

¹ Бухарин Н. Экономика переходного периода. М., 1920. С. 47, 79.

Лучшего подтверждения наших положений нельзя и желать. Вся запоздалая мудрость Бухарина заключается, однако, в том, что он описывает все проделанные большевиками благоглупости, как исторически неизбежные и даже разумные «этапы» имманентного развития «экономики переходного периода».

Это «имманентное развитие» было прервано «героическим» усилием самих большевиков, остановившихся у самого края пропасти, чтобы начать поспешно и беспорядочно, в «новой экономической политике», восстанавливать пущенное на слом и ломать возведенное на месте разрушенного, идя с конца до начала, в обратном порядке. Кончив социализацию кредита упразднением кооперативного кредита, национализацией кооперативного Народного банка и конфискацией кооперативных капиталов и товаров, большевики начали новую эру с их денационализации и кончили ее — открытием смешанных и даже просто частных банков.

Причем оказалось, что если создаваемое веками можно разрушить в недели или даже в несколько дней, то снова воссоздать разрушенное так же быстро, как его разрушали, нет никакой возможности. На горьком опыте большевики постигли значение *фактора времени*. Нельзя, однако, отсюда заключить, будто они вообще продумали и прочувствовали все уроки своего опыта. Это было бы жесточайшей ошибкой. Большевики решили лишь, что приходится отсрочить до более благоприятного времени тот самый опыт, который не удался из-за плохо сложившейся ситуации. Самоликвидация, на которую они пошли, в их глазах была лишь «передышкой». Il faut reculer, pour mieux sauter^{xvi}. Но когда «момент» для нового «прыжка» наступит, придется повторить то же самое, что не удалось в первый раз, только на сей раз без всяких иллюзий. Можно разное думать о том, как разрешил бы этот вопрос Ленин. Но Ленина уже нет, а его «ученики» калибром гораздо ниже своего учителя. По крайней мере, их признанный теоретик Бухарин представляет собой яркое доказательство того, что они в этом вопросе «ничего не забыли и ничему не научились» и способны лишь при первой благоприятной ситуации начать сызнова ту же сказку про белого бычка.

- I Опубликовано: Чернов В.М. Конструктивный социализм. Прага: Воля России, 1925. Печатается по: Чернов В. Конструктивный социализм. М.: РОССПЭН, 1997. Глава 9. Социализация кредита. С. 156–169.
- II Сент-Аман Базар (1791–1832) — французский социалист и экономист, последователь А. Сен-Симона.
- III Имеется в виду, что III том «Капитала» был опубликован после смерти К. Маркса.
- IV См.: Ленин В.И. Удержат ли большевики государственную власть? // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 34. М.: Политиздат, 1969. С. 307–308.
- V Путь к социализму (нем.).
- VI Цитата из стихотворения А. С. Пушкина «Клеветникам России».
- VII A posteriori (лат.) — из опыта.
- VIII См.: Ленин В.И. Удержат ли большевики государственную власть? // Ленин В.И. Полн. собр. соч.: В 55 т. Т. 34. С. 162–163.
- IX Имеется в виду Всероссийский центральный исполнительный комитет (ВЦИК)», избирался Всероссийским съездом Советов, высший после съезда Советов законодательный, распорядительный и контролирующий орган государственной власти.
- X Fait accompli (фр.) — свершившийся факт.
- XI Ленин В.И. Речь о национализации банков на заседании ВЦИК 14 (27) декабря 1917 г. // Ленин В.И. Полн. собр. соч.: В 55 т. Т. 35. М.: Политиздат, 1969, С. 172–173.
- XII Ленин В.И. Доклад о деятельности Совета Народных Комиссаров 11 (24) января 1918 г. // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 273–274.
- XIII Auri sacra fames (лат.) — проклятая жажда золота.
- XIV Бухарин Н.И. Экономика переходного периода // Бухарин Н.И. Избранные произведения. М.: Экономика, 1990. С. 117.
- XV Там же. С. 142.
- XVI Il faut reculer, pour mieux sauter (фр.) — Нужно отступить, чтобы лучше прыгнуть.

И. М. Кулишер

Наши финансы в 1918–1920 годах¹

I

1917 год, в особ[енности] конец его, знаменует уже значительные перемены в области нашего финансового хозяйства.

Чрезвычайные расходы, вызванные войной, равнялись в 1916 г. 14573 млн [рублей], но в 1917 г. они достигали уже 25560 млн, т. е. возросли почти на 11 млрд, или на 80%. Это возрастание обуславливалось не только усилением непосредственных расходов на войну (на содержание армии и флота, на закупку боевых припасов и оружия), но и тем обстоятельством, что сильно увеличились ассигнования на пайки солдатским семьям, которые, вместо прежнего минимального обеспечения семейств, в 1917 г. были усилены свыше возможных пределов. Далее — ассигнование по ведомству путей сообщения; последние заключались в расходах не только на постройку железнодорожных путей и на усиление подвижного состава, но и на жалование служащим.

1917 год вообще ознаменовался предъявлением требований об увеличении вознаграждения со стороны железнодорожных и почтово-телеграфных служащих, угрожавших забастовкой, равно как и служащих других ведомств. В то же время вздорожание материалов и рабочих рук вызвало повышение цен на казенные подряды и поставки. Все это вместе взятое не могло не привести к повышению расходов как обыкновенных, так и в особенности чрезвычайных.

Между тем при чрезвычайных расходах в размере 25560 млн поступления от кредитных операций составили всего 17126 млн, т. е. не достигали расходов, вызванных войной, почти на 8½ млрд. В этом отношении 1917 год резко отличается от всех

предыдущих лет войны, когда обнаруживалось соответствие между расходами на военные надобности и поступлениями от займов. В 1916 г., как мы видели, последние были на 1 млрд ниже первых, но зато обыкновенные доходы почти на такую же сумму превышали обыкновенные расходы, так что получалось почти полное равновесие в бюджете.

Напротив, в 1917 г. этого уже не могло быть, ибо, с одной стороны, разница между чрезвычайными расходами и поступлениями по кредитным операциям была гораздо больше (8½ млрд, превышение же обыкновенных доходов над обыкновенными расходами получилось весьма незначительное (всего ½ млрд). Должен был получиться крупный дефицит в полном смысле этого слова (в смысле недостаточности поступлений по сравнению с расходами) в сумме свыше 8 млрд, тогда как в 1916 г. он еще не превышал 316 млн.

В самом деле, картина поступлений и расходов, поскольку ее вообще возможно выяснить на основании весьма неполных отчетных данных, получается следующая:

Доходы (в млн руб.)	
Обыкновенные	4678
Чрезвычайные	320
Остатки от заключенных смет прежних лет	30
Кредитные операции, в том числе:	17126
внутренние займы	3729
внешние займы	2553
краткосрочных обязательств в России	10844
Итого:	22154

Расходы (в млн руб.)	
Обыкновенные	4170
Чрезвычайные, кроме военных	276
Чрезвычайные, вызванные войной	25 560
Проценты по учету краткосрочных обязательств	600
Итого:	30 606
Превышение расходов над доходами	8452

Очевидно, что приведенные 8452 млн рублей могли быть покрыты лишь посредством выпуска кредитных билетов. Однако на самом деле выпуски последних были значительно выше приведенной цифры. Ибо от реализации краткосрочных обязательств, ушедших в народное обращение, поступила лишь небольшая сумма, тогда как вся остальная была предоставлена государственному казначейству Государственным банком по обязательствам, оставленным банком за собой, причем сделано это было путем выпуска кредитных билетов на соответствующую сумму.

Если Государственный банк поступил подобным образом уже в предыдущие годы, то в 1917 г. ему пришлось прибегнуть к этому средству еще в гораздо большей мере.

При этом характерно, что в 1917 г. обнаружилось резкое падение ценности кредитных билетов — усиленный выпуск их, с одной стороны, революционные события, с другой стороны, резко отразились на курсе наших кредитных билетов на иностранных биржах.

Курс этот за два года и восемь месяцев войны, начиная с июня 1914 г. и вплоть до конца февраля 1917 г. (до февральской революции) успел понизиться в Лондоне на 32%, в Париже на 25%. Непосредственно после февральской революции он обнаруживает, напротив, известное повышение: вместо 1710 рублей за 100 ф. ст. (в половине февраля) на лондонской

бирже давали снова 1690 и даже 1650 рублей, повышение курса рубля замечается в это время и в Париже. Но последующие события изменяют отношение к нам иностранных бирж — их ожидания¹¹, очевидно, не оправдываются, и курс рубля начинает снова и чрезвычайно быстро падать. В течение 7 месяцев 1917 г. (до конца сентября) обнаруживается большее понижение его, чем за предыдущие 2 года 8 месяцев войны, именно на 43–45% (вместо 25–32%).

Уже в течение 1917 г., в особенности же к концу его, стало замечаться значительное расстройство всего финансового аппарата страны. С уничтожением прежних органов полиции, на обязанности которых лежало взыскание налогов, различные виды последних перестали поступать, ибо вновь созданные учреждения не были приспособлены к этой роли и не желали брать на себя эту весьма тяжелую и неблагодарную функцию. Население воспользовалось этим и перестало платить налоги. Этим объясняется тот факт, что наряду с общим ростом поступлений замечается сокращение доходов по таким налогам, как обложение недвижимостей.

Далее, во многих случаях местные органы перестали отправлять поступившие к ним суммы по назначению, а пользовались ими для покрытия своих расходов, не испрашивая на это особых кредитов. В особ[енности] это нередко имело место на железных дорогах, где расстройство во всей области управления достигло в 1917 г. крайних пределов.

С середины ноября 1917 г. прекратилось ведение текущего счета департамента государственного казначейства, в котором сосредоточивались результаты всех кассовых оборотов государства за счет казны, вследствие чего приходы и расходы государственного казначейства не были более известны. Расходы превысили приход сумм на несколько миллиардов рублей, которые были покрыты путем выпуска кредитных билетов без какого-либо, хотя бы формального обеспечения долга казны Государственному банку за вновь выпущенные для надобностей казны кредитные денежные знаки.

При таких условиях составление росписи государственных доходов и расходов на 1918 г. было сопряжено с особенно большими затруднениями. Основной материал для разра-

ботки сметы в виде сведений, сообщаемых с мест, отличался крайней скудностью — это обуславливалось отсутствием на местах прежних опытных работников и трудностью заменить их новыми, пригодными для дела государственной отчетности, а равно расстройством железнодорожных и почтово-телеграфных сообщений и перерывами в сообщении между отдельными частями страны. Наконец, к этому присоединялось коренное преобразование многих учреждений и упразднение других, взамен которых формировались новые.

По всем этим причинам пришлось прежде всего отказаться от составления годовых бюджетов и заменить их полугодовыми. Даже составление полугодовых смет для вновь образованных или реформируемых учреждений было сопряжено с огромными затруднениями, на год же вперед они совершенно не в состоянии были предвидеть свои расходы, как и не в силах были определить ожидаемые поступления.

При этом работы по составлению смет на первое полугодие 1917 г. ввиду всех указанных обстоятельств производились с крайней медленностью и были закончены лишь во второй половине июля. А вследствие этого и смета на июль-декабрь 1918 г. сильно запоздала и могла быть закончена лишь в октябре 1918 г. Исчисление доходов и расходов оказывалось к тому же весьма гадательным и неопределенным.

Исчисленные по обоим росписям на 1918 г. государственные доходы представляются в следующем виде (в миллионах рублей):

	На январь- июнь 1918 г.	На июль-де- кабрь 1918 г.	Итого за 1918 г.
I. Государственные налоги			
Прямые налоги	368	10 367	10 735
Косвенные налоги	410	393	803
Пошлины	176	120	296
Итого:	954	10 880	11 834

II. Доходы с казенных имуществ
и предприятий

Железные дороги	639	430	1069
Речной и морской флот	256	302	558
Прочие государств[енные] имуще- ства	50	307	357
Казенная сахарная операция	583	584	1167
Прочие правит[ельственные] регалии	306	167	473
Итого:	1834	1790	3624
III. Поступления и возврат расходов казны	51	34	85
IV. Доходы разного рода	14	12	26
Всего:	2853	12 716	15 569

Сопоставляя эти цифры с данными росписи за предшествующий 1917 г., получаем в 1918 г. значительное сокращение (по смете) как косвенных налогов (в 1917 г. 1099 млн, в 1918 г. 803 млн), так и пошлин (в 1917 г. 442 млн, в 1918 г. 296 млн) и только в отношении казенных имуществ и капиталов (в 1917 г. 1446 млн, в 1918 г. 1995 млн) и правительственных регалий — по крайней мере по сметам (а не по действительным поступлениям) доходы (в 1917 г. 280 млн, в 1918 г. 1640 млн) за 1918 г. оказываются выше, чем в предшествующем году. Что касается прямых налогов, то и тут в росписях 1918 г. цифра отступлений указана бо́льшая, и притом во много раз бо́льшая, чем в смете 1917 г. (566 млн в 1917 г. и 10735 млн в 1918 г.), но это является лишь последствием включения в смету на вторую половину 1918 г. поступлений от единовременного чрезвычайного налога в 10 млрд рублей; за вычетом его остается всего 735 млн рублей.

Если мы перейдем от этих сметных предположений к действительным поступлениям, то получим уже совершенно иные цифры (в миллионах рублей):

	На январь- июнь 1918 г.	На июль-де- кабрь 1918 г.	Итого за 1918 г.
I. Государственные налоги			
Прямые налоги	186	174	360
Косвенные налоги	283	299	582
Пошлины	66	95	161
Итого:	535	568	1103
II. Доходы с казенных имуществ и предприятий			
Железные дороги	475	775	1250
Речной и морской флот	1	71	72
Прочие казенные имущества	15	32	47
Казенная сахарная операция	61	97	158
Прочие правительственные регалии	84	136	220
Итого:	636	1113	1747
III. Поступления и возврат расходов казны	26	83	109
IV. Доходы разного рода	39	94	133
Всего:	1236	1858	3085

Из сопоставления приведенных двух рядов цифр — предположенных доходов и действительно поступивших — можно усмотреть, что превышение действительных поступлений над ожидаемыми, имевшее место не только до войны, но и в 1916, и в 1917 г., сменилось недобором в доходах и притом чрезвычайно крупным. Вместо ожидаемых 15580 млн оказалось всего 3094 млн, т. е. едва $\frac{1}{5}$ часть предположенных доходов действительно поступила в кассы казначейства. Но даже если исключить 10-миллиардный чрезвычайный налог, на взыскание которого в течение 1918 г., в сущности, никакой надежды не могло быть, ибо он был установлен лишь к концу года, почему его вносить в смету второй половины 1918 г. не было никаких оснований, — то и в этом случае все же получится вместо 5580 млн только 3094 млн, так что недобор определится в 2486 млн рублей, или 44,5%.

Причины столь крупного недобора кроются, несомненно, в дефектности применяемых методов при составлении росписи и в непригодности вновь созданных и реформированных органов для выполнения этих столь сложных задач, а не только в общем неустройстве хозяйственной жизни, которое особенно резко дало за себя знать именно в 1918 г. К этому присоединяются дополнительные чисто специфические обстоятельства того времени. Так, от ряда губерний как Европейской России, так и в особенности Сибири не поступило вовсе сведений о поступивших доходах или эти сведения оказались неполными; кроме того, что еще существеннее, зародившееся еще в 1917 г., а в следующем году получившее широкое распространение нарушение правил о единстве кассы в корне подрывало всю бюджетную отчетность.

Различные местные учреждения не сдавали полностью в казну поступившие через них суммы, налоги и сборы разного рода, почтово-телеграфные и железнодорожные доходы. Задержанные поступления они обратили на удовлетворение собственных нужд. Такой образ действия, в особ[енности] практикуемый железнодорожными и почтово-телеграфными кассами, но отчасти и другими учреждениями, приводил к тому, что доходные поступления оказывались, по полученным с мест сведениям, ниже действительности, как сокращен-

ными являлись и исчисленные расходы, ибо соответствующие учреждения освобождали себя от необходимости представления центральным органам своих смет и испрашивания у них необходимых на свои расходы кредитов.

Таким образом, значительная часть сумм проходила мимо бюджета, не попадала вовсе в него. Как велика была эта часть, установить, конечно, невозможно, хотя, быть может, во втором полугодии она была и меньше, чем в первом. По крайней мере, недобор был меньше во втором полугодии, чем в первом. В первом полугодии ожидалось к поступлению 2853 млн рублей, поступило — 1236 млн рублей, недобор составлял 1617 млн рублей, или 56,6%, в смете же второго полугодия предположено было 2727 млн рублей (не считая 10-миллиардного чрезвычайного налога), поступило в действительности 1858 млн рублей, т. е. на 869 млн или на 31,9% меньше, чем предполагалось. Возможно, что меньший недобор второго полугодия является последствием того, что нарушение единства кассы практиковалось в меньшей мере, чем прежде. Но тогда придется признать, что другие причины, в особенности неосведомленность о финансовом положении страны и явные дефекты, приводящие к установлению в смете совершенно гадательных и ничем не обоснованных цифр ожидаемых поступлений, не изменились.

II

Обращаясь к отдельным статьям доходов, мы можем усмотреть прежде всего, что в 1918 г. ожидалось прямых налогов на 10735 млн, в том числе на 10 млрд чрезвычайного поимущественного налога, на самом же деле поступило всего 360 млн рублей, т. е. всего половина ожидаемой суммы (не считая опять-таки чрезвычайного налога). В сфере прямого обложения в 1918 г. произошла коренная ломка.

Еще в 1917 г. в состав этих налогов (см. о них ниже подробно) входили прежде всего объединяемые под одной рубрикой «налоги поземельные, с недвижимых имуществ и подати». Они включали государственный поземельный налог, разные поземельные сборы в губерниях Царства Польского, Сибири и некоторых других местностях, налоги с недвижимых имуществ

в городах, посадах и местечках, подымную подать в Польше, кибиточную подать, военный налог с освобожденных от воинской повинности и некоторые другие мелкие сборы. В 1918 г. большинство из этих налогов были либо вовсе отменены, либо исчезли, вследствие образования самостоятельных окраинных государств, либо перестали фактически уплачиваться и тем самым утратили свое значение.

Исчезли поземельные сборы и подымная подать Царства Польского, прекратилась уплата подымной и оброчной подати, отменен был не только военный налог, но и государственный поземельный налог, — последний вместе с упразднением частной собственности на землю (декр[ет] 10 июля 1918 г.), так что во второй половине 1918 г. взыскание его уже было приостановлено и поступать могла лишь небольшая сумма платежей за прежнее время. Фактически, впрочем, и они почти не вносились, так как уже к концу 1917 г. население перестало уплачивать этот налог и не было органов, которые могли бы производить взыскание его.

Сильно сократилось и поступление налога с городских недвижимостей, главным образом ввиду понижения в 1917 г. доходов, доставляемых домами, а с отменой права собственности на недвижимые имущества в городских поселениях (декр[ет] 20 августа 1918 г.) был отменен и этот налог, так что и тут могли поступать лишь остатки налога (во второй половине 1918 г.), да налог, сохранившийся в тех немногих поселениях с числом жителей менее 10 тыс., где право собственности на недвижимость не было отменено (им предоставляется декретом свобода в этом отношении).

В противоположность этим налогам промысловый налог, как и налог на прирост прибылей торгово-промышленных предприятий, в 1918 г. еще продолжал существовать и взиматься по-прежнему. И лишь одна из частей дополнительного промыслового налога, раскладочный сбор с неотчетных предприятий, была отменена уже в ноябре 1917 г. Однако и поступления этих налогов, столь крупные еще в предшествующем 1917 г., свелись в 1918 г. к минимальной сумме. Причина заключалась в том расстройстве в области промышленности, которое имело место в 1917 г. и привело к бездоходности многих предприятий

и закрытию значительного количества их. Между тем дополнительный налог за 1918 г. уплачивался на основании прибыльности предшествующего года. Последняя являлась исходной точкой и при исчислении прироста прибылей, что же касается основного промыслового налога, вносимого к началу года вместе с выборкой свидетельств на право производства торговли и промыслов, то разруха, господствовавшая в конце 1917 и в начале 1918 г., давала владельцам торгово-промышленных предприятий возможность обходиться без приобретения этих свидетельств. Наконец, в течение 1918 г., когда стали делаться первые шаги в области национализации торгово-промышленных предприятий, частные заведения начали закрываться в большом количестве, и тем самым прекращалась уплата промыслового налога и за прежнее время; взыскивать же эти суммы было весьма легко.

Далее, в силу аннулирования государственных займов, с одной стороны, запрещения (по декр[ету] 14 декабря 1917 г.) сделок по переходу недвижимых имуществ, с другой стороны, а также в связи с национализацией частных банков и прекращением уплаты процентов по вкладам народным банком (заменившим государственный банк и частные банки), должны были прекратиться и боры с денежных капиталов.

Подоходный налог остался в силе, но уплата его совершалась весьма слабо. Рассылка окладных листов сильно запоздала, проверка показаний плательщиков, в силу отмены постановления о выборных присутствиях, рассматривающих эти заявления, почти не производилась, наконец, резкие перемены, совершившиеся в материальном подборе широких групп населения, делали для них нередко уплату налога совершенно непосильной. Несмотря на высокие ставки, введенные в 1917 г., налог не мог дать сколько-нибудь значительных поступлений.

Наконец, к концу 1918 г. был установлен «единовременный чрезвычайный налог с лиц, принадлежащих к имущим группам городского и сельского населения», по раскладочной системе: контингент был определен в 10 млрд рублей и подразделен между губерниями и столицами, в пределах же губерний, далее уездов и, наконец, волостей (и отдельных районов больших городов) должен был разверстываться соответствующими

органами. Налог взимался с имущих групп городского населения, подразумевая под последними всех тех, кто имеет свыше 1500 рублей заработка в месяц, или какой доход, или какое-либо имущество в деньгах.

Декрет о чрезвычайном налоге издан был 30 октября 1918 г., а циркуляром Департамента окладных сборов от 4 ноября 1918 г. указаны те принципы, которых следует придерживаться при раскладке, и установлено, что раскладка должна быть закончена к 1 декабря того же года. Однако ясно, что в течение месячного срока такая сложная работа, как раскладка многомиллиардного налога, которая должна была проходить через несколько органов и которая требовала выяснения имущественного положения каждого плательщика, не могла быть закончена. В результате никаких поступлений чрезвычайного налога в течение 1918 г. не могло быть.

В противоположность прямому обложению, которое в лице различных налогов успело в течение 1918 г. исчезнуть, косвенное и в 1918 г. сохранилось в полной мере. Мало того, ставки его были значительно повышены. Несмотря на то, что все эти повышения имели место уже в мае 1918 г., так что во втором полугодии должны были поступать суммы в увеличенном размере, и несмотря на то, что в течение 1918 г. должны были иметь место и поступления за бандероли, выбранные в кредит еще в 1917 г. (например, на табак), т. е. тогда, когда производство и потребление было еще весьма значительно (потребление табака даже особенно высоко), все же даже по росписи исчислено было значительно меньше доходов от косвенных налогов, чем в предшествующем году (833 млн вместо 1099 млн, действительные же поступления оказались еще гораздо ниже — только 582 млн рублей. Причина заключалась как в сокращении потребления многих облагаемых акцизами предметов, так и в трудности взыскания соответственных налогов.

Впрочем, сокращение по статье косвенных налогов обуславливалось и тем обстоятельством, что с 1 ноября 1917 г. введена была казенная сахарная монополия, так что сахарный доход входил в поступление от косвенных налогов лишь постольку, поскольку уплачивался акциз за предшествующий 1917 г., следовательно, в значительно пониженном размере.

Пошлины были исчислены в сметах за 1918 г. в размере всего 296 млн рублей вместо 442 млн по росписи 1917 г., поступило же их еще менее — только на 161 млн.

Удивляться этому не приходится, ибо с прекращением сделок с недвижимостями должны были прекратиться и поступления от продажи актовой бумаги, а сокращение торгового оборота должно было вызвать весьма значительные уменьшения дохода от вексельной бумаги. Далее, запрещение тех же сделок на недвижимости как в городах, так и вне их привело к тому, что взимаемые при переходе их крепостные пошлины должны были совершенно исчезнуть. Наконец, из отмены права наследования вытекало и упразднение налога с наследств или так называемых пошлин с имуществ, переходящих безмездными способами (декр[ет] 27 апреля 1918 г.), так что за вторую половину 1918 г. этот налог, входящий в наших (росписях в рубрику пошлин), должен был прекратиться; поступали лишь суммы от наследств, полученных в 1917 г. и в первые четыре месяца 1918 г.

Сокращение поступлений должно было обнаружиться и в пошлине с застрахованных от огня имуществ, вследствие национализации недвижимых имуществ, как и в отношении также относимого к числу пошлин сбора с пассажиров и грузов, провозимых по железным дорогам и временного налога с пассажиров, багажа и грузов, а также с перевозимого хлопка. Временный налог с грузов, начиная с апреля 1917 г., взимался в пониженном размере. Напротив, налог с пассажиров, по введенному с 1 мая 1918 г. тарифу, был повышен в 6 раз, а с пассажиров — в 2 раза. Но сокращение железнодорожного движения и прочие явления в области расстройства транспорта должны были отрицательно отозваться на поступлениях и этого сбора. К тому же результату приводил и плохой урожай хлопка в 1917 г., а равно сокращение посевной площади в 1918 г.

Указанными явлениями в области железнодорожного транспорта объясняется и то обстоятельство, что казенные железные дороги дали в 1918 г. всего 1250 млн дохода, несмотря на то что железнодорожные тарифы с мая 1918 г. были сильно повышены. Не было ни вагонов, ни грузов, так что дороги бездействовали, жалование же служащих было значительно повышено.

Железнодорожные мастерские обнаруживали крайне слабую производительность труда, вследствие чего они не в состоянии были удовлетворить в 1918 г. даже половины предъявлявшихся к ним требований на ремонт подвижного состава. Из заявленных к большому ремонту по 15 железным дорогам 1152 пассажирских вагонов отремонтировано было за год всего лишь 223 вагона, или всего 19% заявленного числа. А из числа заявленных к ремонту 63485 товарных вагонов отремонтировано только 21849 вагонов, или 34%. Паровозов же выпущено было из капитального ремонта в 1915 г. 797, в 1916 г. — 1177, в 1917 г. — 640, а в 1918 г. — 394, причем процент успешности выполнения программы в 1918 г. равнялся всего 26%.

Вследствие этого из общего числа паровозов в 8758 оставалось здоровых всего 4577, т. е. 52%, а из общего числа вагонов в 240108 — только 200273, или 83%.

Это состояние железнодорожного транспорта ярко отразилось на доходном и расходном бюджете. По обеим росписям на 1918 г. вместе взятым поступления от железных дорог составляют 1068 млн рублей, расходы же по комиссариату путей сообщения, который с 1918 г. ведал исключительно железными дорогами, равнялись 7489 млн, т. е., в отличие от прежних лет, когда железные дороги давали обыкновенно избыток поступлений над расходами, теперь получилось превышение расходов над поступлениями почти на 6½ млрд рублей: расходы, по росписи, составляли в 7 раз больше, чем доходы.

Действительные поступления оказываются, правда, выше действительно произведенных расходов: первые равняются 1250 млн, вторые — 1504 млн, но эти цифры совершенно не дают правильного представления об имевших место расходах, вследствие указанного выше образа действий железнодорожных управлений, которые весьма нередко обращали на расходы суммы железнодорожной выручки, огромную же часть ассигнованных им кредитов оставляли без употребления.

По ведомству почт и телеграфов расходы составляли по смете 1918 г. 913 млн, а поступления же всего 324 млн, так что и здесь превышение расходов над доходами равнялось крупной цифре почти в 600 млн и расходы были почти в три раза выше доходов. Поступления по росписи были несколько выше,

чем в предшествующем году (324 млн вместо 200 млн, но при этом не следует упускать из виду, что с 28 февраля 1918 г. были повышены почтовые и телеграфные тарифы и таксы приблизительно на 300–400%, с марта того же года плата за международные телеграммы и за международные почтовые отправления была увеличена в три раза; равным образом с июня была в три раза увеличена и абонементная плата за телефоны; только с 15 сентября 1918 г. была понижена почтовая такса на внутреннюю корреспонденцию.

Вследствие повышения почтово-телеграфных такс и тарифов, как и по причине сокращения товарообмена внутри страны и уменьшения промышленных предприятий, почта и телеграф в значительной мере бездействовали, тогда как число служащих не сокращалось, оплата же их труда значительно повысилась.

Среди доходов от государственных имуществ и предприятий сильно обманула ожидания казенная сахарная операция.

Еще в конце 1917 г. была введена (на основании постановления Временного правительства 14 сентября 1917 г.) сахарная монополия. Она заключалась в том, что за казной признавалось исключительное право на продажу сахара внутри государства, как и на ввоз и вывоз его, а равно исключительное право на продажу всех продуктов свеклосахарного и крахмально-сахарного производства.

Введение с 1 ноября 1917 г. казенной сахарной монополии совпало, однако, с началом тяжелого кризиса в сахарной промышленности. В начале 1918 г. запасов сахара в стране было около 15–20 млн пудов, между тем как до октября 1918 г., т. е. до того времени, когда могли поступать в потребление новые выпуски сахара, потребность в нем составляла не менее 50 млн пудов. Но и осенью 1918 г. недостаток сахара не только не сократился, а еще более усилился вследствие отрезанности Советской Республики от южных районов производства свекловицы и сахара, а равно по причине слабой производительности сахарных заводов великорусского района, вызванной неурожаем свекловицы и недостатком топлива. Поэтому ожидавшееся в 1918 г. поступление дохода от казенной сахарной операции в 1918 г. далеко не могло оправдаться.

Вместо исчисленных по росписи на 1918 г. 1167 млн в действительности поступило всего 158 млн рублей, т. е. всего $\frac{1}{7}$ – $\frac{1}{8}$ часть предполагаемой суммы.

Едва ли не еще более резкая картина получается при противопоставлении ожидаемых и действительно поступивших доходов от национализированного речного и морского флота. Предположено было по росписи 558 млн рублей, на самом же деле было получено только 72 млн, т. е. всего восьмая часть ожидаемой суммы.

Напротив, на расходы по смете отдела внутренних водных путей речного национализированного транспорта назначено было 1000 млн рублей, а по смете отдела морского транспорта и торговых портов — 178 млн, итого по водному транспорту — 1178 млн, так что с переходом водного транспорта из частных рук к государству он стал давать крупный убыток в размере 620 млн рублей (по росписи).

III

Расходный бюджет вообще в 1918 г. выразился в следующих цифрах (по росписи), в млн рублей:

	На январь- июнь 1918 г.	На июль- декабрь 1918 г.	Итого [за 1918 г.]
1. Расходы законодательных, административных, судебных и контрольных учреждений	1786	2674	4460
2. Расходы по народному просвещению	498	2477	2975
3. Расходы по организации и охране труда, по социальному обеспечению и здравоохранению	634	768	1402
4. Расходы по Высшему совету народного хозяйства	3088	4575	7663

5. Расходы по ведомству земле- делия	185	472	657
6. Расходы по ведомству продо- вольствия	1372	3153	4525
7. Расходы ведомства путей сооб- щения	3839	3650	7489
8. Расходы ведомства почт и телеграфов	361	552	913
9. Расходы по обороне Республики	5590	10105	15695
10. Ликвидация государственных долгов	150	577	727
11. Фонды на сверхсметные рас- ходы	100	100	200
Всего:	17603	29103	46703

Расходы в 1918 г. оказались, таким образом, по росписи в полтора раза больше, по сравнению с предшествующим годом.

Наиболее важную группу расходного бюджета составляют расходы по Высшему совету народного хозяйства и по ведомству продовольствия. В бюджетах на 1918 г. доходов от национализированных предприятий вовсе не исчисляется, но не потому, что этих доходов не ожидалось, а лишь по той причине, [что] эти все выручавшиеся предприятиями доходы обращались не в общие ресурсы казны, а на содержание и действие тех же предприятий, минуя государственное казначейство. Предприятия в отдельности или группы предприятий имели свои текущие счета в учреждениях Народного банка и вносили на эти счета свою выручку и по наличности этих же счетов удовлетворяли свои расходы. При такой системе финансирования национализированные предприятия требовали казенных ассигнований лишь постольку, поскольку собственные доходы предприятий оказывались недостаточными на их содержание

и действие. Расходы по Совету народного хозяйства и являются в значительной мере выражением дефицита этих предприятий.

Равным образом и ведомству продовольствия предоставлялись на расходы определенные суммы, которые зачислялись на его текущий счет, выручавшиеся же им деньги за поставленные армии, учреждениям и населению продукты не сдавались в доход казны, а поступали обратно на те же текущие счета.

Таким образом, по обоим этим ведомствам происходило нарушение единства бюджета, только баланс в виде превышения расходов над доходами включался в расходный бюджет.

Характерно при этом, что в 1918 г. не только поступления оказались, как мы видим, в действительности гораздо ниже ожидаемых, но и ассигнованные по росписи кредиты далеко не вполне были использованы ведомствами. Вместо 46,7 млрд, установленных по расходной смете, был в действительности израсходован всего лишь 31 млрд, т. е. только две трети ассигнованной суммы, причем по всем ведомствам обнаруживаются такие закрытые, вследствие неиспользования, кредиты.

Особенно велики они по комиссариату путей сообщения, где это, как указано выше, объясняется тем, что поступления не передавались государственному казначейству, а непосредственно тратились на нужды железных дорог. Но и в области расходов законодательных, административных, судебных и контрольных учреждений, как и по ведомству народного просвещения, израсходовано было менее половины ассигнованных кредитов, хотя по этим двум ведомствам указанное обстоятельство использования доходов, за отсутствием последних, уже не могло иметь места.

Конечно, и в этих случаях иногда налоговые ресурсы обращались на соответствующие нужды, в том числе и поступления от местных налогов, но, по-видимому, главную роль здесь играли другие моменты: исчисления кредитов совершенно гадательного свойства, ничем не обоснованные, вели к преувеличению размеров необходимых кредитов, во многих же случаях ведомства просто не справились с поставленными им задачами.

Дефицит по росписи 1918 г. получился в размере 31126 млн (15580 млн доходов и 46706 млн расходов), по действительному

выполнению бюджета в размере 27868 млн (3094 млн доходов и 30962 млн расходов); при выполнении сметы дефицит абсолютно получался меньше, чем по росписи, хотя при исчислении росписи расходы были втрое более поступлений, при выполнении ее же в десять раз больше.

В объяснительной записке к государственной росписи доходов и расходов на первую половину 1919 г. указывается на то обстоятельство, что при простом сопоставлении цифр доходов и расходов оказывается, что наибольшего возрастания дефицитность достигла в 1918 г. Однако при этом упускают из виду, что если рассматривать это явление по существу, то придется признать, что дефицитом является вообще недостаток поступления в казну доходов для покрытия всех ее издержек в данном бюджетном периоде, и если этот недостаток покрывается займами, то тем самым устраняется лишь дефицит кассовый, но по существу бюджет все же остается дефицитным.

Различие заключается лишь в способах покрытия дефицитов. Это осуществлялось прежде путем выпуска долгосрочных обязательств; но к этому присоединялся и выпуск краткосрочных обязательств государственного казначейства, которые учитывались Государственным банком, выпускавшим под их обеспечение кредитные билеты для подкрепления средств казны. Правда, Государственный банк оперировал с краткосрочными обязательствами как с процентными бумагами, выпуская их в обращение среди населения. Но, во-первых, эти операции не касались казны, так как она получала деньги только от банка, и во-вторых, реализация краткосрочных обязательств на свободном рынке была сравнительно невелика, так что главная масса обязательств представляла собой только формальное обеспечение казной выпуска кредитных билетов.

Теперь выпуск краткосрочных обязательств, составлявший лишь довольно сложную и дорого стоившую формальность, заменен простыми записями задолженности казны Народному банку в форме книгового 5-процентного долга (по декр[ету] 5 ноября 1918 г.) Обеспечение такого порядка кредитования, говорится в той же объяснительной записке, лежит в неисчерпаемой возможности разработки колоссальных богатств, заложенных в природе страны. «Эти богатства при условии надле-

жащим образом налаженной разработки их и рационального использования способны подвести широкий и незыблемый фундамент под все произведенные выпуски денежных знаков,— фундамент более твердый и прочный, чем даже тот золотой фетиш, который считался до сего времени единственным регулирующим началом эмиссионного права и денежного обращения».

Задолженность казны Народному банку определилась к 1 января 1919 г. в 50 408 млн рублей. «При такой огромной задолженности казны Народному банку все ее доходы, тотчас же по зачислении их в кассы, должны списываться с текущего счета государственного казначейства на счет банка в порядке обычных ежедневных расчетов между банком и названным текущим счетом. Таким образом, названный долг уничтожится сам собой постепенно по мере улучшения народной казны и по мере излечения его денежных знаков, выпущенных в народное обращение».

Таким образом, способ покрытия действительных дефицитов, выражающихся в превышении расходов над поступлениями, изменен в том смысле, что процентные бумаги заменены выпуском кредитных билетов, кредитные операции уступили место эмиссионной деятельности. Разница получилась весьма существенная, в том смысле, что государство избавлено от необходимости уплаты процентов по заключенным им займам; но она состоит и в том, что страна наводняется огромным количеством бумажных денег, которые вносят расстройство во все как государственное, так и народное хозяйство.

Нельзя отрицать, конечно, того, что уже в предшествующие годы, в особенности в 1917 г., значительная часть краткосрочных обязательств государственного казначейства представляла собой лишь формальное обеспечение выпуска бумажных денег и в действительности реализована не была, но это относится все же лишь к части краткосрочных обязательств, независимо от которых заключались и долгосрочные займы. Теперь и те, и другие заменены были выпуском кредитных билетов, причем в упрощенной форме записи задолженности казны Народному банку, это не могло не облегчить в сильной мере расширение эмиссионной деятельности последнего.

Обеспечение же этого кредита богатствами страны, как показали и последующие годы, никакого реального значения иметь не могло, так как разработка этих богатств производилась в крайне слабой степени и об автоматическом уничтожении этого долга в дальнейшем и речи быть не могло. Напротив, выпуски бумажных денег вырастали и далее в огромной степени, будучи лишены какого бы то ни было обеспечения.

IV

И в 1919 г. мы находим две росписи, разбивающие его на два бюджетных полугодия. Причины этого и теперь состояли в неизвестности результатов росписей прежних лет, в невозможности иметь сколько-нибудь достоверные сведения с мест, в трудности предусмотреть поступления и расходы на целый год вперед — в связи с переустройством всей хозяйственной жизни и коренной реформой всех государственных учреждений.

Эта реформа, в частности, не могла не коснуться и учреждений финансового ведомства. В течение 1919 г. произошло слияние департамента окладных сборов и главного управления неокладных сборов в центральное налоговое управление. Железнодорожный департамент сначала вошел в качестве отдела в состав Народного банка, а позднее был передан Комиссариату путей сообщения: департамент таможенных сборов перешел в качестве таможенного управления в ведение Комиссариата торговли и промышленности (позже внешней торговли).

Еще существеннее было слияние двух главнейших центральных учреждений — бывшего департамента государственного казначейства центрального управления Народного банка (4 апреля 1919 г.), с последним были слиты и сберегательные кассы. На местах еще в 1918 г. (декр[еты] 10 сентября и 31 октября 1918 г.) отделения Народного банка были подчинены финансовым отделам губернских исполнительных комитетов, позже (декр[ет] 18 октября 1919 г.) отделения банка стали одним из подразделов финансовых отделов; 29 января 1920 г. реформа бюджетно-кассового аппарата завершается изданием «Положения о центральном бюджетно-расчетном управлении», где упразднено уже самое название «Народный банк». Причем

бывшее центральное управление этого банка становится частью нового учреждения, обслуживающего все правительственные учреждения и народно-хозяйственные операции в сметном, бюджетном и кассовом отношении.

В области местных учреждений функции прежних казенных палат акцизных управлений, являвшихся независимыми от местной административной власти финансовыми органами (упразднены в октябре 1918 г.), перешли к финансовым делам губернских исполнительных комитетов. Им подчинены финансовые отделы уездных исполнительных комитетов, в ведении которых находится и прежняя податная инспекция, которая перестала быть органом нейтральной финансовой власти на местах. Таким образом, по примеру Пруссии и Австрии, финансовые учреждения потеряли свою прежнюю самостоятельность и, войдя в состав общеадминистративных, аппарат местной власти, которому они подчинены как в смысле выбора и назначения ответственных технических работников, так и в отношении чисто операционном.

Если принцип полугодовых бюджетов сохранен и в 1919 г., то с другой стороны замечается стремление проводить при составлении бюджета новые принципы и избавиться от тех недостатков, которыми отличились росписи предыдущего года.

Так, прежде всего, упразднено деление доходов и расходов на обыкновенные и чрезвычайные. Указывается на то, что такое деление является чем-то весьма условным, что многие государства его вовсе не признают и что самое понятие чрезвычайных доходов и расходов является чем-то весьма колеблющимся и неопределенным. С уничтожением прежней системы кредита, которая применялась для покрытия чрезвычайных расходов, это деление бюджета на две части потеряло всякий смысл. Действительно, последнее обстоятельство является решающим. К тому же в предшествующие годы нередко получалась большая неясность вследствие отнесения различных расходов то к категории чрезвычайных, то к группе обыкновенных. В частности, со времени войны многие расходы на содержание военных учреждений, существовавших в мирное время, относились к чрезвычайным расходам, и вследствие этого получалось сокращение обыкновенных расходов, что затемняло истинное

положение дела. Различные расходы по многим ведомствам, как, напр[имер], по ведомству путей сообщения, относились в 1915–1916 гг. к чрезвычайным, хотя с тем же основанием их можно было внести в категорию обыкновенных.

Гораздо более существенным являлся, однако, другой принцип, проводимый в бюджетах 1919 г., в отличие от смет предшествовавшего года, — принцип единства бюджета и единства кассы. Приходилось вести борьбу с различными ведомствами, которые обнаруживали стремление к установлению новых видов специальных средств, нарушающих принцип единства бюджета и создающих наряду с общим бюджетом еще дополнительные, специальные сметы. Далее, новые сметные правила, установленные в связи с росписями на 1919 г., проводят принцип, согласно которому все сборы и доходы по всем без исключения ведомствам, учреждениям и предприятиям должны немедленно сдаваться в казну и ни в каком случае не допускаются задержка на руках или на текущих счетах учреждений и предприятий. Для устранения самой возможности зачисления сумм на особые самостоятельные текущие счета ведомств такого рода текущие счета вообще упразднены и допускаются лишь счета, которые составляются из сумм, отпускаемых ведомствам по действующим сметам, и закрываются одновременно с прекращением срока действия кредитов, из сумм которых текущие счета образовались.

В целях установления единства бюджета был принят и новый порядок составления смет по ведомствам продовольствия и Высшего совета народного хозяйства. Выяснилось, что несмотря на крупную сумму в 12 млрд, отпущенную Комиссариату продовольствия, ни отчетов в израсходовании этих огромных средств, ни каких-либо данных о вырученных за продукты суммах, зачислявшихся на текущие счета продовольственного ведомства, не поступало. Очевидно, для устранения злоупотреблений необходимо было установить новый порядок финансирования Комиссариата продовольствия с целью создания условий, в достаточной степени гарантирующих как правильную периодическую отчетность в израсходованных суммах, так и возможность правильного учета сумм, выручаемых ведомством по его коммерческим операциям.

Для осуществления этой задачи было признано необходимым подчинение ведомства продовольствия общему порядку финансирования путем проведения по общегосударственному бюджету всех его доходов и расходов в полных суммах. А не одной только разницы между общим итогом расходов и полученными от продажи продуктов суммами, зачисленными на текущие счета учреждений Комиссариата продовольствия, как это делалось при составлении росписей на предшествующий год. Подчинение общему бюджетному порядку выразилось не только в ассигновании продовольственному ведомству необходимых кредитов, но и в самом исполнении сметы, ввиду чего дальнейшее пользование обособленными текущими счетами, не подчиненными общим сметам и кассовым правилам, теперь прекращалось.

Устранена была обособленность от общего бюджетного хозяйства и доходов, и расходов национализированных промышленных предприятий. Если в предшествующем году все вырученные этими предприятиями суммы обращались на их же расходы, то в сметах 1919 г., напротив, доходы по смете Высшего совета народного хозяйства внесены в общую роспись государственных доходов, и в роспись включены и расходы по национализированным предприятиям.

При этом, однако, пришлось все же отступить от последовательного проведения указанного принципа, устанавливая и теперь в дополнение к ассигнованным на отдельные предприятия суммам еще дополнительный нераспределенный по предприятиям общий фонд.

Соединяя вместе оба бюджета за 1919 г., получаем следующие цифры доходов и расходов — в млн рублей:

	На январь- июнь 1919 г.	На июль- декабрь 1919 г.	Всего [за 1919 г.]
<hr/> Доходы: <hr/>			
<hr/> I. Государственные налоги <hr/>			
Прямые налоги	1732	851	2583

Косвенные налоги	2592	1780	4352
Пошлины	98	132	230
Итого:	4402	2764	7165
II. Доходы государственных имуществ и предприятий			
Поступления по операциям снабжения населения продовольствием и предметами первой необходимости	6500	11605	18105
Национализированные промышленные предприятия	5812	8864	14676
Железные дороги	894	1300	2194
Национализированный речной и морской флот	302	523	825
Советские сельские хозяйства	1	695	696
Прочие государственные имущества	1280	1885	3165
Казенная сахарная операция	494	20	514
Прочие правительственные регалии	317	94	411
Итого:	15600	24986	40586
III. Поступления и возврат расходов казны	70	336	406
IV. Доходы разного рода	278	520	798
Итого:	20350	28605	48955

Расходы:			
Расходы законодательных, административных, судебных и контрольных учреждений	3781	10 899	14 680
Расходы по народному просвещению	3888	13 324	17 212
Расходы по организации и охране труда, по социальному обеспечению и здравоохранению	3128	22 027	25 155
Расходы по Высшему совету народного хозяйства	10 977	44 113	55 090
Расходы по ведомству земледелия	533	2467	3000
Расходы по ведомству продовольствия	8153	25 169	33 322
Расходы по ведомству путей сообщения	5093	11 221	16 294
Расходы по ведомству почт и телеграфов	573	1717	2290
Расходы по обороне страны	12 671	28 171	40 842
Прочие расходы	1926	5565	7491
Всего:	50 703	164 673	215 376

Как можно усмотреть из приведенных цифр, дефицит на 1919 г. еще гораздо больше, чем в предшествующем году: вместо 31 млрд он составляет уже 165 млрд, или в 5½ больше. За одну только первую половину 1919 г. [он] равняется той же сумме, какая получилась за весь предшествующий год (30 млрд и 31 млрд). Причина заключалась частью в дальней-

шем и усиленном понижении ценности денег, которое привело к значительному увеличению всех оценок и, следовательно, давало повышенные цифры и которое, будучи в сильной степени последствием усиленных выпусков кредитных билетов, вытекало из дефицита предшествующего года и дефицитности бюджета текущего года. Но рядом с этим сильное превышение расходов над доходами вызывалось также дальнейшим расширением деятельности многих ведомств как в культурной, так и в чисто хозяйственной области, причем хозяйственная деятельность сопровождалась повсюду сильным недостатком доходов по сравнению с расходами, ибо как промышленные, так и транспортные предприятия, переходившие в руки государства, совершенно не в состоянии были даже в малой степени покрывать своими доходами все увеличивающиеся издержки.

Что касается расходов на культурные потребности, то рост их особенно резко обнаруживается в сметах таких ведомств, как народное просвещение (вместо 2975 млн в 1918 г. 17 212 млн в 1919 г., или в 5 раз больше), как социальное обеспечение и здравоохранение (с 3128 млн до 25 155 млн, или в 8 раз выше); расходы законодательных, административных и т. п. учреждений поднялись с 4460 млн до 14 680 млн, или повысились в 3 раза.

Ко второй группе расходов относятся расходы по Высшему совету народного хозяйства, которые поднялись с 7663 млн до 55 090 млн, или в 7–8 раз, по ведомству продовольствия, увеличившиеся с 4525 до 33 322 млн, т. е. в восемь раз, по ведомству путей сообщения (с 7489 млн до 16 294 млн, или в два раза больше), по ведомству почт и телеграфов (с 913 млн до 2290 млн, т. е. более чем вдвое).

Между тем поступления по тем же ведомствам были несравненно ниже. Железные дороги дали всего 2194 млн, так что дефицит получился в 14 100 млн, расходы превысили поступления почти в восемь раз. По ведомству продовольствия дефицит составил 15 217 млн (доходы 18 105 млн, расходы 33 322 млн, по национализированным промышленным предприятиям 40 414 млн (доходы 14 676 млн, расходы 55 090 млн). Крупные убытки получились и по сахарной операции, по национализи-

рованному морскому и речному флоту, по лесному ведомству, по комиссариату почт и телеграфов.

Указывают на значительное различие в бюджетах за 1918 и 1919 гг.: поступления от налогов и пошлин упали с 76% до 14,6% и соответственно возросли доходы от государственных имуществ и предприятий; 67% поступлений дали в 1919 г. поступления по операциям продовольствия и по национализированным предприятиям.

В действительности разница получается не столь крупная, ибо при сопоставлении бюджетов за 1918 и 1919 гг. необходимо исключить чрезвычайный имущественный налог на 1918 г., который, как мы видели, установлен был в самом конце 1918 г. и в течение этого года почти ничего не дал (вместо ожидаемых 10 млрд — всего около 200 млн). Если выбросить эти 10 млрд, то весь бюджет 1918 г. сократится с 15 580 до 5580 млн и поступления от налогов и пошлин составят вместо 11 834 млн только 1834 млн, т. е. окажутся равными третьей части поступлений, а не трем четвертям, как получается при включении 10-миллиардного налога.

Но, конечно, и при таком исчислении обнаруживается перемещение центра тяжести с налогов и пошлин в область государственных предприятий: на долю первых вместо 33% в 1918 г. приходится всего 14,6% в 1919 г. Это обозначает усиление бюджетного дефицита, ибо поступления по государственным предприятиям выражают лишь валовой, а не чистый доход. Последний же, ввиду превышения расходов над доходами, отсутствовал вовсе. Так что те поступления, которые представляют собой действительно чистый доход, т. е. поступления от налогов и пошлин, перестают играть прежнюю роль в бюджете.

В этом выразился тот взгляд, согласно которому с изменением всего хозяйственного строя налоги должны постепенно исчезнуть: при отсутствии частной хозяйственной деятельности, частного имущества, доставляющего доход, при превращении всех в служащих государства естественно исчезают те источники, которые были раньше объектом налогов.

V

В отличие от двух предшествующих эпох, третий период деятельности советского правительства обнаруживает крупные изменения в построении и организации обложения. Это вытекало из коренной логики хозяйственной жизни, происшедшей в этот период. Исчезновение различных видов дохода и имущества не могло не повлечь за собой прекращения и отмены и соответствующих видов обложения, новая структура правительственных органов и новые взгляды в экономической и финансовой области должны были вызвать появление новых способов обложения и значительное изменение уже ранее существовавших. Наконец, те попытки реформ, которые намечались уже раньше, но встречали препятствия и сомнения, теперь, когда об осторожности и постепенности в финансовых преобразованиях не могло быть речи, осуществлялись немедленно и решительно. Наиболее резкая ломка должна была произойти в области налогов на потребление, где с переходом всего производства и сбыта в руки государства прежняя система акцизов по необходимости теряла всякий смысл.

Стремление к полному преобразованию податной системы обнаружилось уже с самого начала, с начала 1918 г. — руководящие принципы уже тогда выяснялись. Более подробно они были рассмотрены и формулированы на съезде заведующих финансовыми отделами весной 1919 г., на котором частью были подтверждены уже ранее применявшиеся положения, частью выработан план дальнейшей перестройки финансов. На этом съезде выяснилось и принципиальное отношение правительственных органов к налогам вообще и прямым налогам и косвенным в частности.

Прежде всего, указывалось на то, что налоги не представляются основным фондом, из которого при современном хозяйственном строе России черпаются средства государства, но до тех пор, пока существуют самостоятельные частные хозяйства и мелкая производительность, необходимы налоги для привлечения населения к расходам государства. Налоговая система должна служить средством принудительного отчуждения части произведенных самостоятельными производителя-

ми ценностей в пользу государства, в форме же начислений на стоимость монополизированных или произведенных государственными предприятиями продуктов или же в форме прямой уплаты гражданами известной суммы денег или продуктов в натуре. При этом налоговую систему считали необходимым строить с расчетом на весьма продолжительное время, так как в экономической жизни страны частнохозяйственная организация еще долго будет занимать весьма значительное место. Мало того, в настоящее время, когда силы страны напряжены до крайних пределов и когда поэтому государство сильно нуждается в средствах, необходимо усиленное и быстрое повышение налогов. Перед таким повышением не следует останавливаться даже в том случае, если бы усиленное обложение повело к значительному сокращению индивидуального потребления, в том числе потребления и рабочих, и крестьян. Правда, существует и иной источник получения средств — выпуск бумажных денег, однако это означает такой же налог на лиц, получающих заработанную плату, т. е. на рабочий класс.

На это последнее обстоятельство — на наводнение страны бумажными деньгами и вред такого образа действия для хозяйственной жизни — специально указывалось в некоторых докладах, причем в качестве радикальной меры к изъятию из обращения денежных знаков выдвигалась система безденежных расчетов. Но так как на проведение последней в скором времени невозможно рассчитывать, то необходимо обратить серьезное внимание на налоги как на средство извлечения из рук населения бумажных денег. Хотя в социалистическом государстве, в сущности, для налогов нет места, но нельзя не считаться с тем, что деньги печатаются и их необходимо извлекать из рук населения во избежание финансового краха — и налоги являются таким средством извлечения бумажных денег.

Но если налоги необходимы, то возникал вопрос, как должна быть построена налоговая система. На это был дан ответ в том смысле, что системы налогов, в сущности, вообще не нужно, а надо установить единый налог подоходно-поимущественный. Но в то же время находили, что такое построение обложения возможно лишь в идее, на практике же вследствие низкой культурности населения, слабой организованности податных

учреждений и неудовлетворительного состояния статистики от единого подоходно-поимущественного налога приходится отказаться, как впрочем, признана невозможность проведения этого принципа и в Западной Европе.

Однако основой обложения должны быть два налога: подоходный и поимущественный. Достаток, приобретаемый путем личной деятельности, должен облагаться подоходным налогом, а обеспеченность плательщиков тем или иным имуществом должна быть настигаема в поимущественном обложении.

Вообще, на съезде обнаружилось отрицательное отношение к существующей множественности налогов и стремление упразднить многие налоги в целях упрощения податной системы. Но в то же время указывалось на разнообразие существующих у населения видов доходов, которые единым налогом охватить невозможно, и на то обстоятельство, что и в иностранных государствах всюду наряду с подоходным обложением существуют и другие виды налогов, причем это мотивируется невозможностью в подоходном обложении настичь все виды доходов.

Однако, наряду с такой точкой зрения, исходящей из единого прямого налога, обнаружилась и другая, отдававшая вообще предпочтение косвенному обложению перед прямым, ибо косвенные налоги легко взимать, и они быстро могут дать значительные поступления. А в то же время ввиду сосредоточения торговых и промышленных предприятий в руках государства неравномерность, свойственная им при иных условиях, в значительной степени исчезает. Но в результате после обсуждения этого вопроса принято было решение, что так как косвенные налоги даже при новом хозяйственном строе главной своей тяжестью ложатся на бедное население и поэтому менее справедливы, чем налоги на различные виды доходов, то они могут служить лишь дополнением к прямому обложению. Если отказаться совсем от косвенных налогов в настоящий момент острой нужды в средствах невозможно, то все же необходимо, чтобы косвенное обложение как можно более ослаблялось и корректировалось более справедливыми налогами, а именно: налогами прямыми — на доход и имущество.

Эти принципы проводились в значительной мере и раньше, уже в 1918 г.; они проводятся в финансовой политике и в дальнейшем.

Прежде всего ряд налогов был вовсе упразднен: поземельный налог, налог (пошлины) с наследств, — хотя первый и заменен иной формой обложения, натуральным налогом; исчез и налог с денежных капиталов и с сумм, обеспеченных закладами. Что касается налога с городских недвижимостей, то формально он сохранился, хотя значение его свелось к минимуму. На съезде финансовых отделов указывалось на желательность упразднения государственного налога на недвижимости в городах, который и ранее давал весьма скромные поступления, — в настоящее же время, после отчуждения подавляющего большинства недвижимостей, не может дать сколько-нибудь осязательных финансовых результатов. На том же съезде в некоторых докладах признавалось необходимым отменить также дополнительный промысловый налог, иначе говоря, промысловый налог вообще, ибо основной налог был уже ранее упразднен, как и гербовые сборы. Промысловый налог, исчисляемый по действительной прибыли или по нормальной прибыльности, приближается по своему характеру к подоходному обложению и поэтому должен слиться с последним. Поступление же гербового сбора, являвшееся результатом обложения сделок, в настоящее время ввиду незначительности последних, едва ли мо[жет] иметь какое-либо значение, поскольку же они носят пошлинный характер, они не оправдывают сложной организации взимания, а уплата их за услуги, оказываемые государственной властью, нежелательна, так как затрудняет обращение населения к государству. Однако промысловый налог и гербовый сбор пока сохранены, хотя ввиду изменившегося хозяйственного строя и они дают весьма незначительные поступления.

В отношении государственного поземельного налога постановлено (18 сентября 1918 г.), что так как этот налог «взимался с земель, принадлежавших их владельцам преимущественно на праве собственности, а право собственности отменено декретом об их социализации, то и следует признать, что взимание этого налога в прежнем его виде должно быть прекращено».

Возникал лишь вопрос относительно того, как быть с обложением надельных земель, ибо налог отменен на землях, принадлежавших их владельцам на праве собственности вместе с упразднением последней, надельные же земли продолжают находиться, как и ранее, в пользовании у их владельцев. Ввиду этого, циркуляр Департамента окладных сборов от 1 ноября 1918 г. разъясняет, что отмена поземельного налога «осуществлена в отношении всяких земель, с которых этот налог взимался», в том числе и надельных. Ибо «надельные земли в Великороссийских губерниях хотя и принадлежали отдельным членам сельских обществ по преимуществу на праве пользования, однако сельским обществам были предоставлены на праве собственности в порядке выкупа, причем общества разверстывали свою землю на общинном праве», так что «и в отношении надельных земель форма владения, вследствие социализации, существенно изменилась».

Взамен поземельного налога был введен декретом от 30 октября 1918 г. натуральный налог, в виде отчисления чисто сельскохозяйственных продуктов. При введении его исходили из того положения, что при правильной и здоровой системе денежного обращения и при государственной монополии на хлеб и другие важнейшие продукты сельского хозяйства обложение сельских хозяев в натуре теряет свое значение и, будучи связано с весьма сложной техникой исчисления и взимания, нецелесообразно. Однако, ввиду сильного колебания курса рубля и происходящего от этого ущерба для поступлений государства от налогов в денежной форме, признано было целесообразным введение обложения сельского хозяйства в натуральной форме, с тем чтобы натуральный налог был согласован с государственной монополией на хлеб.

Налог этот исчисляется с излишка сельскохозяйственных продуктов, «по сравнению с потребностями самого хозяина и определяется по размерам площади посева и по количеству голов скота». Освобождаются от него хозяева, имеющие только такой посев и такое число голов скота, какие дают запасы продуктов, необходимые для собственного потребления. Размер площади посевов и количество голов скота, освобождающие от налога, определяются в зависимости от числа членов его семьи.

Налог берется из излишка сверх освобождающей от обложения нормы. Ставки налога указаны в особых таблицах: в одной налог в пудах ржи сообразно размерам площади посева, причем налог имеет различный размер в зависимости от числа душ и установлен в неодинаковых ставках, смотря по районам (различаются центрально-земледельческий, приволжский, центрально-промышленный, великорусский, приозерный, приуральский, северный). В другой таблице указан налог также по этим районам в зависимости от имеющихся у хозяев голов скота (коров, лошадей, овец, свиней) в переводе на рожь. Третья таблица определяет, опять-таки по районам, какое количество иных сельскохозяйственных продуктов (других хлебов, мяса, лиц, шерсти, льна, картофеля, коровьего масла и иных жиров) уплачивается взамен ржи вместо 40 фунтов ржи.

Дальнейшими декретами установлены льготы по уплате натурального налога.

Так, например, декретом от 25 апреля 1919 г. «О льготах по взысканию натурального налога» средние крестьяне освобождаются вообще от уплаты натурального налога за 1918 г.

Приведенные льготы обуславливались тем обстоятельством, что с мест поступали ходатайства об освобождении от натурального налога целых губерний и отдельных уездов, об отсрочке проведения его в жизнь и о приостановлении производства в этих губерниях и уездах срочных подготовительных работ, как дорогостоящих, а между тем и обещающих значительные финансовые результаты. Ходатайства эти мотивировались различно. Указывалось на то, что губерния или уезд являются не производящими, а потребляющими, ежегодно нуждающимися в привозном хлебе; что население переживает острый продовольственный кризис; что излишков сельскохозяйственных продуктов, которые можно было бы без ущерба питанию местного населения взять в качестве налога, не имеется; что весь урожай предыдущего года взят на учет и все оказавшиеся излишки хлеба либо сданы уже продовольственным органам по твердым ценам, либо распроданы хозяевами; что при осуществленном уже уравнительном распределении между населением земельных угодий и скота не осталось вовсе таких сельских хозяев, которые по размерам посевных площадей

и количеству скота, имеющимся у них, могли бы быть отнесены к категории плательщиков налога.

Однако Комиссариат финансов, придавая большое значение натуральному налогу, всегда выставял требование безотлагательного производства всех подготовительных к нему работ вне какой-либо зависимости от ожидаемых результатов натурального обложения. Он признавал данные по натуральному обложению, полученные при введении налога, настолько важными при проектировании росписи на будущий год, что уже это одно служит достаточным основанием для оправдания затраты материальных средств и рабочих сил, вызываемой выполнением подготовительных работ по налогу. Но в то же время финансовое ведомство приведенными льготами, значительно сокращавшими финансовые результаты налога, старалось облегчить бремя его в первом году взимания.

На всероссийском съезде заведующих финансовыми отделами в мае 1919 г. указывалось на то, что в большинстве случаев производились лишь подготовительные работы по натуральному налогу (составление списков сельских хозяев, учет плательщиков и исчисление окладов). И что для осуществления налога необходимо подробное обследование экономической жизни населения и образование оценочно-статистических органов для производства оценки всех объектов обложения в губернии. Неправильные оценки и отсюда неравномерность обложения вызывают недовольство и жалобы и тормозят успешное поступление налогов, которые, как показывает практика, часто не поступают не только вследствие тяжести обложения, но и по причине допускаемых неправильностей.

На упомянутом съезде было обращено внимание на то, что скот необходимо исключить из объектов натурального налога, ибо обложение его успело уже привести к сокращению скотоводства. Ввиду этого декретом 15 октября 1919 г. было постановлено «освободить в 1919 г. сельских хозяев от обложения натуральным налогом по числу голов скота, облагая в 1919 г. исключительно по размерам площади посева». Тем же декретом для малоимущих групп крестьянства была установлена новая льгота — оклад натурального налога понижен в 1919 г. на 50%. Инструкция к этому декрету (от 21 октября 1919 г.) прибавляет,

что, предоставляя в новом окладном году крестьянству облегчение налогового бремени, правительство «категорически требует, чтобы весь натуральный налог, причитающийся в пользу государства с урожая 1919 г., равно как и налог со скота и урожая минувшего года, оставшийся еще по каким-либо причинам до настоящего времени не уплаченным, был полностью внесен». Финансовые органы должны немедленно приступить «к самому деятельному проведению в жизнь натурального налога с урожая текущего 1919 г. с таким расчетом, чтобы предстоящие работы по исчислению и взиманию новых окладов налога обязательно были закончены к 1 февраля 1920 г.». К этому прибавлялось, что «это обязательное требование не может уже встретить тех практических препятствий к его выполнению, какие благодаря новизне дела могли иметь место в первом окладном году, так как организация по исчислению и взиманию налога ныне должна быть уже повсеместно налажена».

Что касается, далее, обложения городских недвижимостей, то ст[атьей] 19 декрета от 19 октября 1918 г. об отмене права частной собственности на недвижимости в городах было установлено, что «городской и земский оценочный сборы, государственный налог на недвижимости и прочие существующие налоги на недвижимости в отношении владений и частей их, подлежащих действию настоящего декрета, отменяются». Однако это касалось лишь национализированных имуществ. Ввиду этого циркуляром Департамента окладных сборов от 21 января 1919 г. разъяснено, что государственный налог с недвижимых имуществ в городах, посадах и местечках подлежит взиманию в тех поселениях с числом жителей менее десяти тысяч, где не было особого постановления местной власти относительно национализации недвижимостей. Ввиду того, однако, что и в более крупных поселениях с числом жителей свыше десяти тысяч введение в действие декрета о национализации имуществ было обусловлено изданием особых декретов местных властей, а с другой стороны, по постановлению последних, и ранее были национализированы некоторые имущества, и в этих местностях «надлежит принять за правило подчинить государственному налогу с недвижимых имуществ все те владения их или части их, которые фактически находятся

в пользовании их прежних владельцев, продолжающих извлекать по-прежнему те или иные доходы из этого пользования». Для таких недвижимостей налог временно на 1919 г. установлен в размере 10% «без производства каких-либо отчислений в распоряжение местных учреждений на местные нужды» (прежде производились такие отчисления в пользу города).

В области промыслового обложения уже постановлением Временного правительства, 13 октября 1917 г., хотя и распубликованным лишь 10 ноября 1918 г., было произведено существенное изменение в виде отмены промыслового раскладочного сбора. Последний уже в предшествующие годы, в период войны, изменил свой прежний характер, превращаясь из раскладочного в окладной. Ввиду крупных изменений, происходивших в это время в области промышленности и торговли, правительство вынуждено было, предварительно определения общей суммы контингента и разверстания ее по отдельным губерниям, посылать запросы на места для выяснения платежеспособности отдельных губерний, а губернские органы в свою очередь обращались к участковым присутствиям. Раз, таким образом, контингент налога, устанавливаемый по империи, являлся результатом предварительного определения сбора по отдельным предприятиям и суммирования этих данных по различным местностям, то наиболее правильным представлялось отказаться от этого вторичного окладного обора и взамен его повысить попросту процентный сбор с прибылей.

Это и было произведено декретом 28 декабря 1918 г. Последний, однако, повысив ставки процентного сбора, в то же время произвел еще одну давно назревшую — как мы видели — реформу, [а именно] отменил основной налог или патент, о неравномерности которого уже давно говорили. Взамен всех прежних видов (основного и дополнительного) промыслового налога получился (для неотчетных предприятий) единый процентный сбор с вырученной предприятием прибыли. Процентный сбор с прибыли был повышен уже на 1918 г. до 9½% вместе с отменой раскладочного сбора, а по означенному декрету он, одновременно с отменой основного промыслового налога и взамен последнего, доведен до 12%. При этом в случаях, когда оклад процентного сбора оказался бы по тому или дру-

гому предприятию или промыслу менее 0,1% с оборота, а также, когда по предприятию не получено прибыли или оно дало убыток, берется 0,1% с оборота. Вместе с тем надо было иметь в виду, что низшие разряды предприятий прежде не подлежали процентному сбору, облагались одним лишь основным налогом; с отменой последнего необходимо было и их привлечь к процентному сбору с прибыли, что и устанавливается тем же декретом.

Наконец, патент, будучи обязательно выбираем до начала каждого года, представлял собой одновременно и регистрацию предприятий. С отменой его необходимо было создать регистрацию в новой форме. Декрет, в целях регистрации предприятий, обязывает владельцев их ежегодно, до 1 января, а по вновь открываемым — до начала операций, подавать местным податным инспекторам заявления о роде и месте нахождения предприятия с уплатой 5-рублевого регистрационного сбора. И получать от податных инспекторов удостоверения о регистрации, которые всегда должны находиться на видном месте в помещении предприятия — прежде на видном месте находились выбранные свидетельства. В дополнение к этому постановлением от 11 марта 1919 г. «о порядке производства дел по нарушениям правил о регистрации торгово-промышленных предприятий» требуется, чтобы о каждом нарушении требований о регистрации должен составляться особый акт, на основании которого налагается штраф.

На съезде финансовых отделов в мае 1919 г. указывалось на то, что отмена основного промыслового налога создала значительную экономию в расходах по взиманию промыслового налога. Так как, освободив государство от весьма крупных затрат на изготовление многочисленных бланков промысловых свидетельств разных родов и видов, она, [эта отмена], также создала уменьшение в затратах труда, которые прежде были необходимы по снабжению владельцев предприятий промысловыми свидетельствами, для проверки правильности их выборки и т. д. По существу же этой реформой все обложение сведено не только к окладной системе, но и к наиболее правильной форме взимания налога на основании прибыльности предприятия.

Вместе с тем указывалось на необходимость, — ввиду столь существенных и многочисленных изменений в области промыслового обложения, — пересмотра положения о государственном промысловом налоге в полном его объеме и в кодификации касающихся его постановлений. Выдвигался и вопрос о внесении новых начал в систему промыслового обложения. В смысле, в особенности, приближения промыслового обложения к подоходному, [причем] как с процессуальной стороны (т. е. в отношении учреждений, ведающих тем и другим налогом), так и по существу (т. е. в отношении установления облагаемого объекта), в особенности в смысле определения понятия облагаемой прибыли.

Раздавались и отдельные голоса в пользу полной отмены промыслового налога, но большинство признавало необходимым считаться с существованием некоторых видов частных предприятий, которые должны подлежать налогу.

В области тесно связанного с промысловым налогом налога на прирост прибылей торгово-промышленных предприятий перемены производства лишь незначительные. В общем, упомянутый выше закон 12 июня 1917 г. (изменивший первоначальное положение 13 мая 1916 г.) сохранил свою силу. Вследствие этого и в настоящее время неотчетные предприятия облагаются в размере 30–60% с разницы в прибылях. Причем размер обложения обуславливается абсолютной суммой прироста (от 1 тыс. до свыше 100 тыс. рублей). Подотчетные же предприятия также подлежат прогрессивному налогу на прирост, но только величина взимаемых с прироста процентов (от 40 до 80) определяется тем обстоятельством, какой процент с основного капитала предприятия составляет вырученная прибыль (от 6 до 20% и более) — именно вся прибыль, а не только один прирост.

Декретом от 17 июня 1918 г. вновь внесены лишь постановления, согласно которым сумма налога на разницу в прибылях вместе с суммами государственных и местных налогов (для неотчетных предприятий без подоходного) не должна превышать 95% их прибыли. А обложение прироста лиц высшей администрации акционерных предприятий не должно быть более 50% этого вознаграждения, в противном случае налог соответствующим образом сокращается.

VI

Хотя общая структура подоходного налога сохранилась в прежнем виде, но все же были произведены частичные изменения весьма существенные, означающие значительное его ухудшение. Так, прежде всего не только значительно изменены ставки налога, но декретом 27 марта 1919 г. о раскладке подоходного налога на 1919 г. перестроена сама система окладов. Вместо однообразного тарифа, который был установлен прежде для всех местностей, произведена дифференциация. Все местности были разбиты на четыре группы, причем в первую вошли Петроград, Москва, их пригородные районы и все городские поселения ряда губерний (Петроградской, Архангельской, Новгородской, Олонецкой и Северо-Двинской). Тогда как городские поселения других губерний попали во второй класс, а городские поселения губерний Самарской, Симбирской, Саратовской, Воронежской оказались в третьем классе (губернские города во II-м), все сельские поселения (и некоторые городские) относятся к IV классу. Доходы в каждом классе разделены всего на 5 ступеней, причем обложение для каждой части дохода самостоятельное. Так, в первом классе доходы до 6 тыс. изъяты от налога. Доходы от 6 до 12 тыс. облагаются в размере 1% с первых 6 тыс. и 3% с части, составляющей 6–12 тыс., что составит 2% с дохода в 12 тыс. Поэтому доходы от 12 до 48 тыс. обложены в размере 2% с первых 12 тыс., с последующих же 36 тыс. берется 6%. Получается в общем 5%, которые взимаются при доходе в 96 тыс. с первых 48 тыс., с остальных 48 тыс. уплачивается уже неимоверная ставка в 45%. Т. е. конфискуется почти половина всего дохода свыше 48 тыс. Наконец, весь доход свыше 96 тыс. конфискуется полностью. Получаются для отдельных частей дохода сначала умеренные ставки в 1% (до 6 тыс.), 3% (6–12 тыс.), 6% (12–48 тыс.), затем следует огромный скачок на 45% (48–96 тыс.) и отнятие всего дохода свыше 96 тыс., т. е. дело доходит до совершенно неизвестной до сих пор в подоходном обложении полной конфискации имущества. Ясно было, что никто не только 96, но и 48 тыс. дохода показывать не станет. Для следующих разрядов эти ставки применяются уже при меньшем доходе. Прожиточный минимум состав-

ляет во 2-м классе 5 тыс., в 3-м [классе]—4 тыс., в 4-м [классе]—3 тыс. Конфискуется полностью во 2-м классе доход свыше 80 тыс. и в 3-м [классе] свыше 64 тыс., в 4-м [классе]—свыше 48 тыс. В циркуляре Департамента окладных сборов от 3 апреля 1919 г. пояснено, что «для разных местностей, в зависимости от экономических условий, установлены различные тарифы минимумов и различная высота обложения. В новой шкале из одного и того же процента облагаются в различных классах и различные по суммам доходы, чем достигается различное по высоте обложение одних и тех же сумм дохода, в соответствии с различием экономических условий отдельных местностей».

В связи с изменением в построении тарифной школы—заменной твердых ставок по классовой системе процентным обложением—оказалось необходимым подвергнуть изменению и ст[атьи] 45 и 46, устанавливающие скидки для обремененных многочисленной семьей плательщиков, а равно в особо несчастных случаях, постигших их или кого-либо из членов семьи. В то время как прежде скидки допускались при доходе до 4 тыс., для обремененных семьей и при доходе до 6 тыс., когда речь идет о несчастных случаях, теперь они однообразно распространены на 2-й и 3-й разряд (первый—изъят от налога), т. е. на доходы до 48–24 тыс. (I–IV класс местности). Прежде они выражались в понижении на известное число ступеней тарифа, теперь, ввиду процентной формы обложения, превращены в скидку в виде известного процента со следуемого оклада. Самое же построение обеих статей осталось прежнее.

Другое изменение в подоходном обложении заключается в том, что, согласно декрету 23 сентября 1918 г., при исчислении дохода принимается в расчет совокупность доходов плательщика от всех источников, независимо от наличности их на 1 января окладного года. Положение 6 апреля 1916 г. также исходило из принципа обложения по доходу предшествующего года, исходной точкой являлось все же обложение за текущий окладный год, а не за прошлый год, пользуясь лишь данными прошлого года, за невозможностью установить доход настоящего года. Но из этого вытекало, что те доходы, которые отсутствовали к 1 января окладного года, т. е. не имелись

более в окладном году, обложению не подлежали. А это вызвало в свою очередь потери для казны, невозможность обложения тех доходов, которые в течение части, нередко большей части прошлого года, получались плательщиком. Декрет 23 сентября 1918 г. устранил это неудобство, нарушив, однако же, основной принцип обложения доходов текущего, а не прошлого года.

В том же декрете 23 сентября 1918 г. имеются и другие нововведения. Так, установлена отсутствовавшая ранее публичность окладных списков. Вопрос о выставлении для обозрения списков плательщиков возбуждался еще при обсуждении проекта положения 1916 г., и такую публичность списков находили весьма целесообразной, но в результате все же соответствующее постановление не прошло в закон. Декрет восполняет этот пробел, вводя обязательность выставления списков плательщиков в течение двухнедельного срока с обозначением в них доходов по отдельным источникам, общей суммы вычетов, произведенных из дохода, и оклада налога, хотя при изменившихся обстоятельствах это постановление теперь имело уже мало значения.

Тем же декретом изменена ст[атья] 100 положения 6 апреля 1916 г., предоставлявшая податным органам право требовать как у правительственных и общественных учреждений, так и [у] транспортных, страховых, кредитных предприятий имеющиеся у них сведения о доходах и имущественном положении плательщиков. Неудобство этой статьи заключалось в том, что способ сообщения этих данных предоставлялся на выбор самых предприятий. Декрет изменяет это в том смысле, что никакого представления данных учреждениями и предприятиями он не знает, ограничиваясь предоставлением податным органам права обозревать всякого рода находящиеся у них книги, акты и документы.

Постановлением Народного комиссара финансов от 3 апреля 1919 г. (на основании предоставленного ему декретом 21 января 1919 г. права освобождать различные группы плательщиков от подачи заявлений о доходе) освобождены от этой обязанности лица из среды сельского населения, доход коих не превышает 6 тыс. рублей. Уже при введении положения о по-

доходном налоге 1916 г. выяснялось, что налог охватывает обширные группы населения, которые не в состоянии составить правильное заявление о своем доходе, проектировалось пойти в этом отношении по стопам Пруссии, которая привлекает к обложению всех имеющих свыше 900 мар[ок] дохода, но требует подачи декларации лишь при доходе в 3 тыс. мар[ок]. В 1919 г., со значительным повышением прожиточного минимума (до 3–6 тыс. рублей), необходимость в таком освобождении низших разрядов плательщиков стала менее ощутительной, но все же она и теперь чувствовалась, ибо в сельских местностях облагались лица уже с доходом в 3 тыс. рублей, что при современной дороговизне составляло весьма небольшую сумму. Упомянутое постановление устраняло неудобства, связанные с подачей заявлений для широких кругов мало подготовленного к тому населения, в особенности сельских местностей. Но оно создало тем самым особую привилегию для сельского населения, в отличие от городского, на которое оно распространяется.

Самый порядок обложения сельского населения изменен. Установлен особый способ, отличный от обложения городских жителей декретом 21 января 1919 г. «Об изменении положения о подоходном налоге в отношении сельского населения» и инструкцией к нему 21 февраля 1919 г. «О составе и порядке деятельности комиссий, образуемых при сельских и волостных исполкомах для подготовительных работ по составлению списков плательщиков подоходного налога из среды лиц сельского населения».

Это постановление находится в тесной связи с отменой подачи заявлений о доходе для сельского населения о доходе не свыше 6 тыс. рублей, т. е. для огромного большинства плательщиков. Ввиду отсутствия заявлений, необходимо было установить иной порядок выяснения размеров дохода этих лиц. С этой целью образуются в каждом селении сельские по подоходному налогу комиссии в составе председателя из числа сельского исполкома и двух членов, избираемых сельскими советами крестьянских депутатов, которые составляют списки домохозяев, членов их семейств, имеющих самостоятельный заработок, лиц, имеющих доход от службы (учителя, приказчи-

ки), ремесла и т. д. Относительно каждого из этих лиц показываются сведения, на основании которых можно судить о размерах их доходов, как то: о количестве собранных хлебов и других сельскохозяйственных продуктов, о количестве голов рогатого скота, о количестве полученных продуктов скотоводства, об иных занятиях и заработанных суммах, пайках и пенсиях и т. д. Списки эти представляются сельскими комиссиями в волостные комиссии, состоящие из председателя из числа членов волостного исполкома по его назначению и двух выбираемых волостными советами лиц. Они проверяют и исправляют полученные списки и вычисляют приблизительный доход каждого лица за прошлый год и передают списки учреждениям (участковым), ведающим подоходный налог.

Наконец, крупное изменение вносит декрет от 17 июня 1918 г. об изменении состава присутствий по подоходному налогу. В то время как по закону 1916 г. члены участковых присутствий избирались населением, теперь выборное начало заменено назначением их городскими, уездными и районными совдепами. Равным образом, вместо представителей от органов городского и земского самоуправления в губернских по подоходному налогу присутствиях, четыре члена последних назначаются совдепами губернских городов, в которых находятся эти присутствия.

На съезде заведующих финансовыми отделами эти меры в общем и целом были признаны целесообразными, хотя и указывалось на то, что сообщение в выставляемых списках подробных данных о плательщиках (напр[имер], суммы доходов по каждому источнику) сопряжено с затруднениями, ибо вызывает много дополнительной работы, что новая школа обложения, быть может, и справедливая, весьма трудна при применении на практике, что форма заявлений хотя и упрощена, но все еще недоступна для масс населения. Выражено было, далее, пожелание установления более частых сроков взимания налога, ибо это должно повысить поступления. Даже добросовестному плательщику трудно установить свой доход за целый год, что ведет к преуменьшению цифры дохода, и при частых сроках взысканий, а тем самым при более мелких платежах плательщику налога легче внести следуемому с него сумму. Наконец,

указывалось на желательность взимания налога путем вычетов из выдаваемого жалованья, хотя это предложение встречало затруднение в постановлениях о труде, допускающих лишь точно перечисленные вычеты из заработной платы.

VII

Декретом 30 октября 1918 г. был введен на 1918 г. единовременный чрезвычайный поимущественный налог в раскладочной форме, причем контингент, подлежащий разверстке, был определен в 10 млрд рублей. Налог взимался с лиц, принадлежащих к имущим группам городского и сельского населения, подразумевая под последним всех тех, кто имеет свыше 1500 рублей заработка в месяц, или иной доход, или какое-либо имущество в деньгах, но не в припасах или иных предметах. Контингент налога распределен в самом декрете по губерниям, дальше его разверстывают губернские и уездные органы, а городские, сельские и волостные «составляют списки лиц, которые подлежат обложению единовременным чрезвычайным налогом, и производят раскладку причитающихся на селение (поселок) или город сумм налога между плательщиками сообразно общему имущественному положению и доходам каждого типа».

Циркуляром Департамента окладных сборов от 4 ноября 1918 г. сроком раскладки налога установлено 1 декабря этого года, к которому раскладка должна быть закончена. Причем сельские комиссии, городские, где нет районов, и районные составляют поименные списки плательщиков с указанием возможно точных данных о составе и ценности имущества, о наличных денежных средствах и о доходах каждого плательщика.

Таким образом, циркуляр 4 ноября, хотя и с сильным опозданием, в особенности имея в виду срок окончания раскладки 1 декабря, восполняет некоторые пробелы декрета 30 октября, точнее определяя порядок деятельности различных органов, как и те признаки, которыми следует руководствоваться при определении налога для каждого плательщика. Характерной является, однако, имеющаяся и здесь прибавка, что вся тяжесть налога должна лечь «на сельских кулаков и городских богачей—

особенно на спекулянтов хлебом и другими предметами первой необходимости».

На самом деле, как мы уже доказывали выше, раскладка налога не была закончена к 1 декабря 1918 г., а тянулась в течение значительной части следующего года, и налог стал взыскиваться лишь весной и летом 1919 г. При раскладке и взыскании обнаружилось много злоупотреблений.

Так, в циркулярной телеграмме от 4 января 1919 г. говорится, что «разорение хозяйств среднего достатка городского и сельского населения при взыскании налога не допускается и что продаже за недоимки крестьян не подлежат: необходимые в хозяйстве семена, орудия, одна корова, одна лошадь, необходимое продовольствие — хлеб, овощи, топливо, обычная одежда, домашняя утварь».

В циркулярной телеграмме от 9 января 1919 г. читаем, что «принудительные меры (опись, продажа имущества, принудительные работы, аресты, предание суду) должны применяться к первой группе плательщиков — богатым, к середнякам лишь в случае заведомого сокрытия денег и лишнего имущества с целью неплатежа».

В циркуляре 15 января 1919 г. «О проведении в жизнь декрета о чрезвычайном налоге» вновь указывается на практикуемые неправильности и злоупотребления. Указывается и на недопустимость практикуемой нередко «продажи необходимых в хозяйстве скота, орудий, инвентаря, семян для посева, носильного платья и всякого другого необходимого имущества».

В декрете от 9 апреля 1919 г. «О льготах крестьянам-середнякам в отношении взыскания единовременного чрезвычайного налога» находим указание на то, что значительная часть средних крестьян внесла добровольно причитающийся с них налог. Посему невнесение остальными — меньшинством — дает основание заключить, что они ошибочно отнесены к средним крестьянам, а не к вовсе освобождаемой бедноте. Поэтому представляется «справедливым прекратить дальнейшее взыскание налога с граждан, которые обложены низшими ставками и до сих пор не могли внести его». Налог, не превышающий (по отдельным губерниям) 1–3 тыс. рублей и не уплаченный до сих пор, дальнейшему взысканию не подлежит, и все принятые по

отношению к этим разрядам плательщиков меры принудительного взыскания прекращаются. «Если не внесенный еще плательщиками налог исчислен в размере большем, чем указанные суммы, но не более чем в три раза, то сумма его подлежит уменьшению в два раза; не взысканные оклады, превышающие не взыскиваемый минимум более чем в три, но не более чем в пять раз, уменьшаются на одну четверть».

Наряду с этими льготами в пользу плательщиков налога в размере до 15 тыс. рублей в том же декрете постановлено, что «плательщик, в течение двух недель по объявлении настоящего декрета на местах не уплативший разверстанного на него оклада чрезвычайного налога, предается народному суду за неподчинение Советской власти».

Наконец, упразднение налога с наследств по декрету 27 апреля 1918 г. вытекало из отмены наследования, но в том же декрете прибавлено, что нуждающиеся нетрудоспособные родственники по прямой нисходящей и восходящей линии, полнородные и неполнородные братья и сестры и супруг умершего получают содержание из оставшихся после него имущества; кроме того, «если имущество умершего не превышает десяти тысяч рублей, в частности состоит из усадьбы, домашней обстановки и средств производства трудового хозяйства в городе или деревне, то оно поступает в непосредственное управление и распоряжение имеющихся налицо супруга и (упомянутых) родственников».

В связи с этими дополнениями и возник вопрос о том, не подлежат ли налогу с наследств супруг или родственники, к которым переходит наследство, не превышающее десяти тысяч, или которые получают содержание из оставшегося после умершего имущества. Вопрос этот был разрешен «Разъяснением от 31 декабря 1918 г. об освобождении от пошлин и сборов выдач, установленных декретом об отмене наследования». В нем указывается на то, что эти выдачи из наследства, по мысли законодателя, имеют лишь временный характер, так как должны продолжаться «лишь до обеспечения граждан социальной помощью». А следовательно, «являются не чем иным, как одним из видов социальной помощи, тем более что право на получение такого содержания предоставлено не всем вообще род-

ственникам перечисленных... категорий, а лишь тем из них, которые, будучи необеспеченными, являются в то же время и нетрудоспособными. Равным образом, к видам социального обеспечения должна быть отнесена также и передача оставшегося после умершего лица имущества» ценностью ниже десяти тысяч. Что вытекает как из общей мысли декрета, преследующего, между прочим, цель обеспечения нуждающихся родственников умершего, так и из того, что «в распоряжение супруга и родственников передается имущество малоценное, могущее приносить доход никак не больше прожиточного минимума и к тому же состоящее из объектов трудового хозяйства». Ввиду этого «право на получение содержания и на пользование и распоряжение имуществом не может быть признано правом наследования», а следовательно, правила о взимании с него налога не могут иметь применения в этих случаях.

Как мы указывали выше, на Всероссийском съезде заведующих финансовыми отделами выдвигалось предложение замены множественности существующих налогов единым подоходно-поимущественным налогом. В силу этого и предпринята была такая коренная реформа обложения. Главные основания ее содержатся в постановлении 25 июля 1919 г. Согласно этому постановлению, «чисто трудовые доходы могут быть привлечены к обложению только в том случае, если превышают необходимый для трудящихся минимум, и во всяком случае в меньших относительно ставках, чем доходы от обложения имуществом. Наиболее сильному обложению должны быть подвергнуты те, кто весь доход черпает из владения имуществом или является владельцем имущества, превышающего известный минимум, хотя бы оно дохода и вовсе не приносило (драгоценности, запасы наличных денег, ценная обстановка)». При этом предполагено довести размеры прямого обложения до такого предела, чтобы оно стало существенным источником питания государственного бюджета и не только возмещало потери от одновременной отмены других прямых налогов, но и обеспечивало возможный прирост поступлений от прямого обложения. Налог предполагается взимать не только деньгами, но и натурой, причём приблизить сроки взимания налога ко времени получения доходов плательщиками.

По поводу последнего в циркуляре от 6 февраля 1920 г. «О подготовке к взиманию единого подоходно-поимущественного налога в 1920 г.» указывается на то, что «исчисление налога предположено производить не по данным за предшествовавший окладной год, как то имело место при действии отменяемого положения о государственном подоходном налоге, а по данным, характеризующим платежеспособность субъектов обложения в текущем же окладном году, насколько они выясняются на основании сведений о доходах их, полученных в первом полугодии окладного года, и о ценности за это время принадлежащего им бездоходного имущества, подлежащего обложению». Однако из этого предположения ничего не вышло.

VIII

В области косвенных налогов первоначально сохранилась прежняя система обложения; только размер акцизов в течение 1918 г. был значительно повышен. Так, ставки акциза на спирт с мая 1918 г. увеличены в 6 раз (с 20 копеек до 1 рубля 20 копеек за градус), со спирта, отпускаемого лаковым заводам, — в $12\frac{1}{2}$ раз (с 8 копеек до 1 рубля за градус), с дрожжей — в $2-2\frac{1}{2}$ раза (с 40 до 80 копеек за фунт дрожжей внутреннего производства и с 48 копеек до 1 рубля 20 копеек с привозных), с виноградных вин — в среднем в 5 раз (с ведра таких виноградных, плодовых и ягодных вин — с 4 рублей 80 копеек до 32 рублей, с ведра игристых и изюмных вин — с 14 рублей 40 копеек до 48 рублей), с табака — на 100% (по сравнению со ставками, существовавшими с августа по декабрь 1917 г.), с папиросных гильз и разрезанной папиросной бумаги — в 5 раз (с 4 до 20 копеек с сотни гильз и с 1 до 5 копеек с пачки папиросной бумаги), с байховых чаев — на 470%, со спичек — в 5 раз (на безопасные спички внутреннего производства с 1 до 5 копеек, и заграничные с $1\frac{1}{2}$ до 7 копеек, и на прочие спички внутреннего производства с 2 до 10 копеек, и заграничные с 3 до 14 копеек).

Декретом 21 ноября 1918 г. произведена крупная перемена в смысле замены акцизов начислениями в связи с переходом самого производства и сбыта продуктов в руки государства. Продовольственные органы при отпуске продуктов и това-

ров для распределения их среди населения к цене, по которой предметы сдаются продовольственному ведомству, набавляют начисления в пользу государства и передают в казну суммы начислений, причитающихся с каждого товара.

При этом круг объектов, на которые производятся начисления, был значительно расширен по сравнению с теми, с которых взимались акцизы. Так, кроме предметов, прежде оплачиваемых акцизами, начисления устанавливались также к цене таких предметов, как ткани, нитки, обувь, мыло, бумага, соль, сахарин, свечи, галоши, железо всякого рода, гвозди, сельскохозяйственные машины и т. п.

В 1919 г. мы имеем поступления от начислений, но в начале 1920 г. они снова исчезли, прежние же акцизы, которые они заменили, восстановлены не были. Начисления составили за 1919 г. 3127 млн рублей, но фактически уплачено их было всего 193 млн, т. е. всего 6% причитавшейся суммы. Таким образом, значение их фискальное оказывалось минимальным. К тому же они оказывались весьма неравномерно установленными, так что предел обложения наиболее необходимых продуктов достигал 63% от твердой цены, тогда как для менее необходимых — всего 40%, а для предметов роскоши — лишь 32%. Соль была обложена в 25%, напротив, табачные изделия — в 15%. Далее, сахар — в 16%, простое мыло — в 20 и 25%, а дорогая обувь — в 20%, чай и кофе — в 40%, спирт же для выделки парфюмерии — в 32%.

Но это были, конечно, лишь случайные, вполне устранимые недостатки. Гораздо существеннее было то обстоятельство, что начисления по мысли своей не являлись, конечно, иной формой акцизов, а представляли собой доход, аналогичный тому, который прежде получался от казенных монополий; [эти начисления] должны были составлять дополнительную прибавку в пользу казны к себестоимости вырабатываемого ею продукта. Но этого характера они не могли иметь по той простой причине, что сама себестоимость вовсе не покрывалась и продукты сбывались населению значительно дешевле того, во что производство их обходилось государству. При низкой производительности труда и сравнительно высокой оплате последнего казенные предприятия не могли покрывать своих расходов, вследствие чего и получался огромный указанный выше дефи-

чит. А при таких условиях, очевидно, начисление теряло всякий смысл и всякое основание.

Бюджет 1920 г. выразился в следующих цифрах.

	Абсолютно (в млн руб.)	В %
Доходы:		
Налоги	471	0,2
Снабжение предметами первой необходимости и продовольствия	51104	32,3
Национализированные промышленные предприятия	52631	33,3
Железные дороги и водный транспорт	21722	13,7
Советские сельские хозяйства	8175	5,2
Остальные предприятия и имущества казны	17203	11,0
Итого:	158108	[100]
Расходы:		
Администр[ативные] учрежд[ения]	78832	7,3
Просвещение	114366	10,9
Охрана труда, социальное обеспечение и здравоохранение	155427	14,9
Национализ[ированная] промышл[енность]	238711	22,7
Продовольствие и снабжение предметами широкого потребления	175154	11,8
Земледелие	63011	6,1
Транспорт, почта и телеграф	82932	7,9
Оборона	132847	12,7
Итого:	1048875	[100]

Дефицит здесь доходит уже до прямо колоссальных размеров. Вся суть именно не в абсолютных цифрах доходов и расходов, которые, вследствие крайнего падения ценности рубля, и в предыдущих бюджетах уже ничего не говорили, [а] только маскировали наше обеднение. Здесь, если перевести на золото, получится дальнейшее уменьшение их, они соответствуют условиям жизни в стране бедной, не могущей позволить себе сколько-нибудь значительных расходов на просвещение, социальное обеспечение и т. д. Все поглощается казенными предприятиями — продовольствием и национализированной промышленностью. В 1920 г. они дают еще более крупные убытки, чем в предшествующем году. Это чисто расходные статьи. А где же доходные? Их нет. Налоги фактически упразднены — они составляют все вместе, и прямые и косвенные, всего 0,2% поступлений — сумму, о которой и говорить не стоит. Налоги с отдельных видов имущества (с недвижимостей, промышленных предприятий, капиталов) уже раньше исчезли, теперь прекратился и подоходный налог, а ничем заменен [он] не был. Начисления, заменившие акцизы, также исчезли, и осталось пустое место.

Доходов не было, работал один печатный станок. Принцип устранения налогов, ввиду несовместимости их с новым хозяйственным строем, был осуществлен.

Но этот конечный пункт должен был явиться и поворотным пунктом.

^I Печатается по: Кулишер И. М. Наши финансы в 1918–1920 гг. // Экономист (Вестник XI Отдела Русского технического общества). 1922. № 4–5. С. 76–112. Вследствие плохого качества печати и многочисленных опечаток текст публикуется с исправлениями П. Н. Ключина.

^{II} Альтернативные варианты: надежды, настроения. В оригинале невнятное «падения». — Прим. П. Н. Ключина.

Приложение

Приятельское письмо Ленину от Аркадия Аверченко¹

Здравствуй, голубчик! Ну, как поживаешь? Всё ли у тебя в полном здравьи? Кстати, ты, захопотавшись около государственных дел, вероятно, забыл меня?.. А я тебя помню.

Я тот самый твой коллега по журналистике Аверченко, который, если ты помнишь, топтался внизу, около дома Кшесинской, в то время как ты стоял на балконе и кричал во все горло:

— Надо додушить буржуазию! Грабь награбленное!

Я тот самый Аверченко, на которого, помнишь, жаловался Луначарский, что я, дескать, в своем «Сатириконе» издеваюсь и смеюсь над вами. Ты тогда же приказал Урицкому закрыть навсегда мой журнал, а меня доставить на Гороховую.

Прости, голубчик, что я за два дня до этой предполагаемой доставки на Гороховую уехал из Петербурга, даже не простившись с тобой. Захлопотался.

Ты тогда же отдал приказ задержать меня на ст. Зерново, но я совсем забыл тебе сказать перед отъездом, что поеду через Унечу. Не ожидал ты этого?

Кстати, спасибо тебе. На Унече твои коммунисты приняли меня замечательно. Правда, комендант Унечи — знаменитая курсистка товарищ Хайкина сначала хотела меня расстрелять.

— За что? — спросил я.

— За то, что вы в своих фельетонах так ругали большевиков.

Я ударил себя в грудь и вскричал обиженно:

— А вы читали мои самые последние фельетоны?

— Нет, не читала.

— Вот то-то и оно! Так нечего и говорить!

А что «нечего и говорить», я, признаться, и сам не знаю, потому что в последних фельетонах — ты прости, голубчик, за рез-

кость — просто писал, что большевики — жулики, убийцы и ма-
ровихеры...¹¹

Очевидно, тов. Хайкина не поняла меня, а я ее не разубеж-
дал. Ну вот, братец ты мой — так я и жил. Выезжая из Унечи,
я потребовал себе конвой, потому что надо было переезжать
нейтральную зону, но это была самая странная нейтральная
зона, которую мне только приходилось видеть в жизни. По-
тому что по одну сторону нейтральной зоны грабили только
большевики, по другую только немцы, а в нейтральной зоне
грабили и большевики, и немцы, и украинцы, и все вообще,
кому не лень. Бог ее знает, почему она называлась нейтраль-
ной, эта зона.

Большое тебе спасибо, голубчик Володя, за конвой — если эту
твою Хайкину еще не убили, награди ее орденом Красного Зна-
мени за мой счет...

Много, много, дружище Вольдемар, за эти два года воды
утекло... Я на тебя не сержусь, но ты гонял меня по всей России,
как соленого зайца: из Киева в Харьков, из Харькова — в Ростов,
потом Екатеринодар, Новороссийск, Севастополь, Мелитополь,
опять... Севастополь. Это письмо я пишу тебе из Константино-
поля, куда прибыл по своим личным делам.

Впрочем, что же это я о себе, да о себе... Поговорим и о тебе...
Ты за это время сделался большим человеком... Эка, куда хва-
тил: неограниченный властитель всея России... Даже отсюда
вижу твои плутоватые глазенки, даже отсюда слышу твоё воз-
ражение:

— Не я властитель, а ЦИК.

Ну, это, Володя, даже не по-приятельски. Брось ломаться —
я ведь знаю, что тебе стоит только цикнуть и весь твой ЦИК по-
лезет под стол и сделает все, что ты хочешь.

А ловко ты, шельмец, устроился — уверяю тебя, что даже при
царе Государственная дума была в тысячу раз самостоятельнее
и независимее. Согнул ты «рабоче-крестьянскую», можно ска-
зать, в бараний рог.

Как настроение? Ты знаешь, я часто думаю о тебе и должен
сказать, что за последнее время совершенно перестал пони-
мать тебя.

На кой черт тебе вся эта музыка? В то время, когда ты кричал до хрипоты с балкона — тебе отчасти и кушать хотелось, отчасти и мир, по молодости лет, собирался перестроить.

А теперь? Наелся ты досыта, а мира все равно не перестроил. Доходят до меня слухи, что живется у вас там в России, перестроенной по твоему плану, — препротивно. Никто у тебя не работает, все голодают, мрут, а ты, Володя, слышал я, так запутался, что у тебя и частная собственность начинает всплывать, и свободная торговля, и концессии. Стоит огород городить, действительно!

Впрочем, дело даже не в том, а я боюсь, что ты просто скучаешь. Я сам, знаешь ли, не прочь повластвовать, но власть хороша, когда кругом довольство, сияющие рожи и этикие хорошенькие бабеночки, вроде мадам Монтеспан при Людовике. А какой ты к черту Людовик, прости за откровенность! Окружил себя всякой дрянью, вроде башкир, китайцев — и нос боишься высунуть из Кремля. Это, брат, не власть. Даже Николай II частенько раньше показывался перед народом и ему кричали «ура», а тебе что кричат?

— Жулики вы, — кричат тебе и Троцкому. — Чтоб вы подошли, коммунисты. Ну, чего хорошего?

Я еще понимаю, если бы рожден был королем — ну тогда ничего не поделаешь: профессия обязывает. Тогда сиди на башне — и сочиняй законы для подданных.

А ведь ты — я знаю тебя по Швейцарии — ты без кафе, без «бока»^{III}, без табачного дыма, плавающего под потолком — жить не мог. Небось, хочется иногда снова посидеть в биргалле^{IV}, поорать о политике, затянуться хорошим кнастером^V — да где уж там! И из Кремля нельзя выйти, да и пивные ты все, неведомо на кой дьявол, позакрывал декретом.

Неуютно ты, брат, живешь, по-собачьему. Русский ты столбовой дворянин^{VI}, а с башкирами все якшаешься, с китайцами. И друга себе нашел — Троцкого — совсем он тебе не пара. Я, конечно, Володя, не хочу сплетничать, но знаю, что он тебя подбивает на всякие глупости, а ты слушаешь.

Если хочешь иметь мой дружеский совет — выгони Троцкого, распусти этот идиотский ЦИК и издай свой последний декрет к русскому народу, что вот, дескать, ты ошибся, за что и при-

носишь извинения, что ты думал насадить социализм и коммунизм, но что это для отсталой России «не по носу табак», так что ты приказываешь народу вернуться к старому, буржуазно-капиталистическому строю жизни, а сам уезжаешь отдыхать на курорт. Просто и мило!

Ей-богу, плюнь ты на это дело, ведь сам видишь, что получилось: дрянь, грязь и безобразие. Не нужно ли денег? Лир пять, десять могу сколотить, вышлю. Хочешь — приезжай ко мне, у меня отдохнешь, подлечишься, а там мы с тобой вместе какую-нибудь другую штуковину придумаем — поумней твоего марксизма.

Ну, прощай, брат, кланяйся там!

Поцелуй Троцкого, если не противно.

Где летом — на даче? Неужели в Кремле?

С коммунистическим приветом,

Аркадий Аверченко

P. S. Если вздумашь черкнуть два слова, пиши: Париж, Елисейский дворец, Мильерану для Аверченко.

^I Опубликовано: Приятельское письмо Ленину от Аркадия Аверченко // Зарницы. 1921. № 15. Константинополь.

^{II} Маровихер (*жарг.*) — вор, мошенник, карманник.

^{III} По-видимому, имеется в виду немецкое крепкое темное пиво бок (*нем.* Bockbier, сокращенно — Bock). Из мемуарной литературы известно, что Ленин пил мало, обычно ограничивался кружкой темного пива.

^{IV} Bierhalle (*нем.*) — пивная.

^V Кнастер (*устар.*) — крепкий курительный табак. Это, конечно, ирония. Ленин во взрослом возрасте не курил.

^{VI} Ленин был потомственным, а не столбовым дворянином.

Часть IV
РЕВОЛЮЦИЯ 1917 ГОДА.
СТО ЛЕТ СПУСТЯ
Материалы конференции

А. А. Белых

Ленин о целесообразности и результатах революции

Отмечая 100-летие Октябрьской революции, надо помнить, что для В. И. Ленина и других ведущих большевиков вопрос о взятии власти, о социалистическом преобразовании России вытекал вовсе не из несправедливости существовавшего строя. Они были убеждены, что действуют, прочно опираясь на идеи К. Маркса и Ф. Энгельса. Именно поэтому Ленин летом 1917 г., скрываясь под Санкт-Петербургом, в Разливе, активно работал над книгой «Государство и революция», чье название имело подзаголовок — «Учение марксизма о государстве и задачи пролетариата в революции». Начнем и мы с марксистской теории.

1. МАРКСИЗМ О СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИКЕ

Согласно теории Маркса, любые экономические отношения, в том числе и капиталистические, не являются вечными. Экономическая история человечества представлялась ему как последовательная смена способов производства — азиатского, античного, феодального, буржуазного, коммунистического. «На известной ступени своего развития материальные производительные силы общества приходят в противоречие с существующими производственными отношениями, или — что является только юридическим выражением последних — с отношениями собственности, внутри которых они до сих пор развивались. Из форм развития производительных сил эти отношения превращаются в их оковы. Тогда наступает эпоха социальной революции»¹. Свойственные капиталистическому способу произ-

¹ Маркс К. К критике политической экономии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: В 50 т. 2-е изд. Т. 12. М.: Госполитиздат, 1958. С. 7.

водства противоречия, экономические кризисы, концентрация производства, обнищание трудящихся и обогащение капиталистов в конце концов приводят к тому, что на смену капитализму приходит другой способ производства — коммунистический. В первом томе «Капитала», в разделе «Историческая тенденция капиталистического накопления», этот процесс описан следующим образом: «Монополия капитала становится оковами того способа производства, который вырос при ней и под ней. Централизация средств производства и обобществление труда достигают того пункта, когда они становятся несовместимыми с их капиталистической оболочкой. Она взрывается. Бьет час капиталистической частной собственности. Экспроприаторов экспроприируют»¹. Заметим, что впоследствии Ленин откровенно заявил, что в агитационных целях вполне можно обходиться без латинских слов и использовать это выражение в русском варианте — «грабь награбленное»².

Нет необходимости подробно описывать экономическую систему, которая, согласно марксистским представлениям, была бы характерна для коммунистического строя. Это — общественная собственность на средства производства, уничтожение товарного производства, исчезновение классов, динамично и эффективно развивающиеся производительные силы. На первой ступени развития (при социализме) произведенный продукт распределялся бы в соответствии с трудовым вкладом работников, а затем, при полном коммунизме, когда «все источники общественного богатства польются полным потоком»³, распределение производилось бы по потребностям.

Важно отметить, что неизбежность перехода к коммунизму обосновывалась не этическими соображениями о необходи-

¹ Маркс К. Капитал. Т. 1 // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. М.: Госполитиздат, 1960. С. 772–773.

² Ленин В. И. Заключительное слово по докладу об очередных задачах Советской власти на заседании ВЦИК 29 апреля 1918 г. // Ленин В. И. Полн. собр. соч.: В 55 т. 5-е изд. М.: Госполитиздат, 1974. Т. 36. С. 269. Далее в ссылке на это издание будет указываться: Ленин В. И. ПСС, номера тома и страницы.

³ Маркс К. Критика Готской программы // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 19. М.: Госполитиздат, 1961. С. 20.

мости покончить с эксплуатацией человека человеком, а чисто экономическими доводами, самой логикой социально-экономического анализа. Маркс писал: «Ни одна общественная формация не погибает раньше, чем разовьются все производительные силы, для которых она дает достаточно простора»¹. Капитализм был обречен, поскольку он становился тормозом на пути развития производительных сил. Приходящий ему на смену новый, более совершенный, общественный строй основывался бы на экономике с более высокой производительностью труда, избавил бы общество от разрушительных кризисов перепроизводства, ликвидировал бы непроизводительное потребление капиталистов и в результате смог бы обеспечить и благосостояние, и свободное развитие каждого индивида.

По поводу конкретной организации социалистической экономики ни Маркс, ни Энгельс практически не высказывались, ограничившись несколькими фразами. В частности, Маркс отмечал, что «в будущем обществе количество времени, которое будут посвящать производству того или иного предмета, будет определяться общественной полезностью этого предмета»². Энгельс уточнил эту мысль: «План будет определяться взвешиванием и сопоставлением полезных эффектов различных предметов потребления друг с другом и с необходимым для их производством количеством труда»³. Но, пожалуй, в этом вопросе этими цитатами их наследие исчерпывается.

Важно отметить уверенность Маркса в том, что процесс формирования социализма будет иметь менее насильственный характер, чем процесс формирования капитализма: «Там дело заключалось в экспроприации народной массы немногими узурпаторами, здесь народной массе предстоит экспроприировать немногих узурпаторов»⁴. Такая трактовка предусматривала возможность как насильственного, так

¹ Маркс К. К критике политической экономии // Соч. 2-е изд. Т. 12. С. 7.

² Маркс К. Нищета философии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 4. М.: Госполитиздат, 1955. С. 97.

³ Энгельс Ф. Анти-Дюринг // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20. М.: Госполитиздат, 1961. С. 321.

⁴ Маркс К. Капитал. Т. 1 // Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 753.

и мирного получения власти пролетариатом. Если всей «народной массе» противостоят лишь «немногие узурпаторы», рабочая партия может просто победить на выборах. Разумеется, здесь имелись в виду страны, в которых капитализм был достаточно развит и пролетариат составлял достаточно большую долю населения, чтобы его партия могла победить на выборах.

Предполагалось также, что механизм экспроприации капиталистов мог быть различным, при этом безвозмездная экспроприация совсем не считалась единственным вариантом. Так, Ф. Энгельс в одной из своих последних работ писал: «Как только наша партия овладеет государственной властью, ей надо будет просто экспроприировать крупных землевладельцев, точно так же как промышленных фабрикантов. Произойдет ли эта экспроприация с выкупом или без него, будет зависеть большей частью не от нас, а от тех обстоятельств, при которых мы придем к власти. <...> Маркс высказывал мне — и как часто! — свое мнение, что для нас было бы всего дешевле, если бы мы могли откупиться от всей этой банды»¹.

2. Экономика после революции: взгляды Ленина до октября 1917 г.

Россия не была передовой капиталистической страной и в течение длительного периода социал-демократы и сам Ленин не ставили непосредственной задачи совершения социалистической революции. Мировая война, развитие государственно-монополистического капитализма создали у Ленина иллюзию того, что в России уже есть предпосылки именно для социалистической революции. При этом ни он, ни его соратники практически не разрабатывали вопрос о том, как будет на самом деле будет организована социалистическая экономика. Ни европейских, ни российских марксистов почти не интересовал вопрос о том, что будет происходить после взятия власти пролетариатом и как после социалистической революции будет организовано управление экономикой. Этот,

¹ Энгельс Ф. Крестьянский вопрос во Франции и Германии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 22. М.: Госполитиздат, 1958. С. 523.

в общем-то, удивительный феномен можно объяснить следующими причинами:

1. Прежде всего, считалось, что детальное обсуждение устройства будущего общества свойственно только социалистам-утопистам. Марксизм, являясь наукой, исходил из того, что общество развивается на основе экономических законов, поэтому неправильно увлекаться предсказаниями. «Мы не занимаемся сочинением утопических систем устройства будущего общества», — писал Энгельс¹. Ему вторил К. Каутский, сравнивавший попытки описать «организацию государства будущего» с «написанием истории предстоящей войны»². Это отношение к проблеме было общепринятым и сохранялось достаточно долго, вплоть до Октябрьской революции, когда вопрос перешел в практическую плоскость.

2. Социалистическая революция даже в начале 1917 г. представлялась делом достаточно далекого будущего, поэтому не было смысла предаваться абстрактным рассуждениям. Ярким примером этого стало выступление Ленина 9 января 1917 г. в Цюрихе в Народном доме, на собрании швейцарской рабочей молодежи. В своей речи он выразил уверенность в том, что победа социализма неизбежна, однако добавил: «Мы, старики, может быть, не доживем до решающих битв этой грядущей революции», лишь «молодежь будет иметь счастье не только бороться, но и победить в грядущей пролетарской революции»³. Отметим, что Ленину в это время было 46 лет, а до начала революции в России оставалось меньше двух месяцев.

3. Большевики, в том числе и Ленин, в принципе не понимали всей сложности задачи создания социалистической экономики. Согласно марксистским представлениям, революция должна была произойти тогда, когда производительные силы достигнут высокой степени обобществления и уже будут «готовы» для социализма. Поэтому дальнейшее развитие пой-

¹ Энгельс Ф. Жилищный вопрос // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 18. М.: Госполитиздат, 1961. С. 221.

² Каутский К. Социалистическое государство будущего. Вторая часть «Эрфуртской программы». Одесса: «Социалистическая библиотека» А. Копельмана, [1917]. С. 38.

³ Ленин В. И. Доклад о революции 1905 года // Ленин В. И. ПСС. Т. 30. С. 328.

дет легко и быстро. Впоследствии Г.Е. Зиновьев сказал об этом так: «Накануне Октябрьской революции многие из нас верили, что превращение России в государство-коммуну пойдет более быстрыми шагами, чем это оказалось на самом деле»¹.

4. Для многих большевиков задача разработки экономических вопросов управления страной даже после революции не казалась актуальной, поскольку российская революция рассматривалась как составная часть мировой революции. Ю. Ларин писал, что и после завоевания власти «ряд товарищей ориентировался на мировую революцию в самом непродолжительном времени. Они считали у нас все весьма временным „до мировой революции“ и по этой причине вначале не особенно вдавались в формы и методы организации хозяйства на краткий, как они думали, переходный период»².

5. В годы Первой мировой войны большое влияние на формирование взглядов Ленина и других большевиков на социалистическую экономику оказало знакомство с организацией хозяйства в Германии. В этой стране были созданы Военно-промышленный комитет, а также другие специальные организации, которые, осуществив планомерную реорганизацию немецкой экономики в условиях военного времени, управляли промышленностью и сельским хозяйством³. Предполагалось, что этот опыт может быть полезен и для построения социализма в России. Конечно, серьезные ученые, даже среди марксистов, понимали спорность такого подхода. В частности, А.А. Богданов провел анализ влияния войны на организацию экономики и культуру общества и пришел к выводу о том, что *«государственный капитализм есть система приспособлений новейшего капитализма*

¹ См.: Восьмой Всероссийский Съезд Советов Рабочих, Крестьянских, Красноармейских и Казачьих депутатов. Стенографический отчет (22–29 декабря 1920 года). М.: Госиздат, 1921. С. 208.

² Ларин Ю. Государственный капитализм военного времени в Германии. М.—Л.: Госиздат, 1928. С. 5.

³ Информация об этом содержалась, в частности, в статьях Ларина о Германии, опубликованных в 1914–1917 гг. в российской легальной печати. См.: Ларин Ю. Государственный капитализм военного времени в Германии. М.—Л.: Госиздат, 1928. Ларин писал также об опыте трудовой повинности в Германии. (См.: Ларин Ю. Трудовая повинность и рабочий контроль. Пг.: Книга, 1918).

к двум специальным условиям эпохи: военно-потребительному коммунизму и процессу разрушения производительных сил»¹. Поскольку Богданов считал, что «социализм есть прежде всего новый тип *сотрудничества* — товарищеская организация производства», он был убежден, что его нельзя строить с использованием форм государственного капитализма. Точно так же очень далеко отстоял от социализма и военный коммунизм, который являлся, по его мнению, «особой формой *общественного потребления* — авторитарно-регулируемой организацией массового паразитизма и истребления»².

Одной из немногих марксистских работ, в которых была сделана попытка описать экономику будущего социализма, стала книга Каутского «На другой день после социальной революции»³, написанная на основе одной из двух лекций, прочитанных им в Голландии в апреле 1902 г. Ленин хорошо знал эту работу — он был редактором ее первого русского издания, вышедшего в Женеве уже в 1903 г. Впоследствии она многократно переиздавалась в России, в том числе в 1917 и 1918 гг. В своей работе Каутский исходил из того, что пролетариат когда-нибудь овладеет «всею политической властью» и будет «применять ее самым рациональным образом»⁴. Поэтому, как считал Каутский, не пытаясь дать детального описания социалистической экономики, все же было необходимо понять, что именно победивший пролетариат «вынужден будет делать, побуждаемый своими классовыми интересами и под давлением экономической необходимости»⁵.

Рациональная экономическая политика пролетариата, по мнению Каутского, включала ликвидацию безработи-

¹ Богданов А. А. Вопросы социализма (1918) // Богданов А. А. Вопросы социализма. Работы разных лет. М.: Изд. политической литературы, 1990. С. 342.

² Там же. С. 343.

³ У современного читателя название этой книги не может не вызвать ассоциаций с названиями известных фильмов о природных катастрофах — «Завтра, или ядерная принцесса» (режиссер А. Панкратов) и «The Day After Tomorrow» — «Послезавтра» (режиссер Р. Эммерих).

⁴ Каутский К. На другой день после социальной революции. Пг.: Изд. Петроградского Совдепа, 1918. С. 10.

⁵ Там же. С. 11.

цы, огосударствление транспорта, сырьевых отраслей, сосредоточение производства на крупных, технически хорошо оснащенных предприятиях, сохранение на длительный период рынка и частной собственности на мелкие предприятия. Он полагал, что в такой ситуации «капиталисты могут остаться управляющими фабрик, но они перестанут быть их господами и эксплуататорами»¹. Отношение Каутского к финансам было более радикальным. Он считал, что банкир «есть нечто совершенно лишнее в экономической жизни» и поэтому «его можно без труда экспроприировать одним росчерком пера»². В области сельского хозяйства предусматривалась возможность сохранения на длительный срок мелкой частной собственности: «крестьянину нечего бояться социалистического режима»³. Каутский прозорливо заметил, что «трудности, ожидающие пролетарский режим, лежат не в области собственности, а в области производства»⁴. Однако он надеялся, что пролетарская дисциплина, привычка к труду, концентрация производства, рост заработной платы позволят добиться резкого повышения производительности труда.

В рассматриваемый период взгляды Ленина, как и других большевиков, на социалистическую экономику вполне укладывались в рамки традиционного марксизма. Возможность пролетарской революции вытекала из достаточной, по его мнению, степени развития капитализма в России. С этим не были согласны меньшевики, считавшие, что в России возможна лишь буржуазно-демократическая революция. Н. Валентинов в своих воспоминаниях приводит ироничное высказывание Г. В. Плеханова: «Наш 25-летний парень Ульянов — материал совсем сырой и топором марксизма отесан очень грубо. Его отесывал даже не плотничный топор, а топор дровосека. Ведь этот 25-летний парень был очень недалек от убеждения, что если некий Колупаев-Разуваев построил в какой-нибудь губернии

¹ Каутский К. На другой день после социальной революции. Пг.: Изд. Петроградского Совдепа, 1918. С. 14.

² Там же. С. 16.

³ Там же. С. 40.

⁴ Там же. С. 20.

хлопчатобумажную фабрику или чугуно-плавильный завод, то дело в шляпе: страна уже охвачена капитализмом и на этой базе существует соответствующая капитализму политическая и культурная надстройка. Мысль Тулина¹ вращалась именно в подобных примитивных рамках, а разве это марксизм?»².

Революция в России рассматривалась Лениным как составная часть всемирного революционного процесса, поэтому огромное преобладание в населении России крестьян не было непреодолимым препятствием: начавшись в России, пролетарская революция распространилась бы на развитые европейские страны. Впрочем, в работах Ленина есть две цитаты, которые впоследствии дали возможность иной интерпретации его взглядов. В статье, написанной в августе 1915 г., утверждалось: «Неравномерность экономического и политического развития есть безусловный закон капитализма. Отсюда следует, что возможна победа социализма первоначально в немногих, или даже в одной, отдельно взятой, капиталистической стране»³. Позднее, в 1916 г., Ленин к этому прибавил: «Развитие капитализма совершается в высшей степени неравномерно в различных странах. Иначе и не может быть при товарном производстве. Отсюда непреложный вывод: социализм не может победить одновременно во всех странах»⁴. Из этого «непреложного вывода» совсем не следовало, что социализм может победить в принципе. Даже если считать, что социализм возможен в одной стране, надо было еще доказать, что этой страной могла стать Россия. Впрочем, по-видимому, в это время под «победой социализма» Ленин понимал победу социалистической революции, а не построение социалистической экономики.

После того как Ленин в апреле 1917 г. вернулся в Россию и партия взяла курс на взятие власти, вопрос об экономиче-

¹ Тулин — один из псевдонимов В. Ульянова. Другими псевдонимами были: В. Ильин, В. Фрей, Ив. Петров, К. Тулин, Карпов, Старик, Н. Ленин.

² *Валентинов Н.* Наследники Ленина. М.: Терра, 1991. С. 189–190.

³ *Ленин В. И.* О лозунге Соединенных Штатов Европы // Ленин В. И. ПСС. Т. 26. С. 354.

⁴ *Ленин В. И.* Военная программа пролетарской революции // Ленин В. И. ПСС. Т. 30. С. 133.

ской политике после революции должен был бы стать актуальным. Однако основной управленческой идеей большевиков оставался давно сформулированный ими тезис о рабочем контроле. В мае Ленин писал: «Большинство капиталистов пролетариат не только не намерен лишать „всего“, а, напротив, намерен приставить к полезному и почетному делу — под контролем самих рабочих»¹. В октябре главной задачей революции также считалось «осуществление во всенародном масштабе точнейшего и добросовестнейшего учета и контроля, рабочего контроля за производством и распределением продуктов»². Ленин понимал, что после революции встанет вопрос об экономическом соревновании с капиталистическими странами, поэтому будет необходимо «либо погибнуть, либо догнать передовые страны и перегнать их также и экономически»³.

В сентябре Ленин написал одну из наиболее известных работ — «Государство и революция». При чтении этой книги создается впечатление, что полемика с оппонентами по поводу теории государства, задачи уничтожения старой государственной машины занимали Ленина существенно больше, чем проблемы управления экономикой после взятия власти. Будущая экономическая система казалась ему предельно простой: «Все народное хозяйство, организованное как почта, с тем чтобы все должностные лица получали жалованье не выше „заработной платы рабочего“, под контролем и руководством вооруженного пролетариата — вот наша ближайшая цель»⁴.

Почему-то Ленин искренне полагал, что учет и контроль за производством уже «упрощен капитализмом до чрезвычайности, до необыкновенно простых, всякому грамотному человеку доступных операций наблюдения и записи»⁵. Поскольку эти операции просты, они «посильны громадному большинству

¹ Ленин В.И. Неминуемая катастрофа и безмерные обещания // Ленин В.И. ПСС. Т. 32. С. 110.

² Ленин В.И. Удержат ли большевики государственную власть // Ленин В.И. ПСС. Т. 34. С. 306–307.

³ Ленин В.И. Грозящая катастрофа и как с ней бороться // Ленин В.И. ПСС. Т. 34. С. 198.

⁴ Ленин В.И. Государство и революция // Ленин В.И. ПСС. Т. 33. С. 50.

⁵ Там же. С. 101.

населения»¹, и перейти к контролю производства со стороны вооруженных рабочих «вполне возможно немедленно, с сегодня на завтра»². В итоге «все общество будет одной конторой и одной фабрикой с равенством труда и равенством платы»³. Бюрократизма не будет, поскольку «при социализме все будут управлять по очереди и быстро привыкнут к тому, чтобы никто не управлял»⁴.

Правда, Ленин все же признавал, что для управления необходимы не только рабочие, но и специалисты. Тем не менее решение и этой проблемы казалось ему достаточно легким: «Не надо смешивать вопрос о контроле и учете с вопросом о научно образованном персонале инженеров, агрономов и пр.: эти господа работают сегодня, подчиняясь капиталистам, будут работать еще лучше завтра, подчиняясь вооруженным рабочим»⁵. Это, конечно, странное отступление от традиционного марксизма — всегда считалось, что подневольный труд менее производителен.

Для рассуждений Ленина характерно странное смешение желаемого и реального. Так, он сам писал, что предпосылкой для рабочего контроля является «поголовная грамотность», которой в России, конечно, еще не было. Далее, удобным аппаратом контроля, по его мнению, были банки. Он был убежден, что «без крупных банков социализм был бы неосуществим». Поэтому «единый крупнейший из крупнейших государственный банк, с отделениями в каждой волости, при каждой фабрике — это уже девять десятых социалистического аппарата. Это — общегосударственный учет производства и распределения продуктов»⁶. Ленин не понимал, что любой банк может нормально работать только в условиях рынка и что суть банковского дела состоит вовсе не в учете и контроле над произ-

¹ Там же. С. 78.

² Там же. С. 100.

³ Там же. С. 101.

⁴ Там же. С. 116.

⁵ Там же. С. 101.

⁶ Ленин В.И. Удержат ли большевики государственную власть // Ленин В.И. ПСС. Т. 34. С. 307.

водством. Конечно, даже объединение всех российских банков в единый государственный банк не позволило бы иметь отделения банка при каждой фабрике.

Ленин считал, что после взятия власти можно будет использовать хлебную монополию, уже введенную в России воюющим капиталистическим государством¹, а также трудовую повинность. Инструмент хлебных карточек должен был использоваться для контроля над распределением хлеба и участием населения в трудовом процессе.

Действительно, продразверстка была введена в России еще 2 декабря 1916 г., а 25 марта (7 апреля) 1917 г. Временное правительство ввело «хлебную монополию». Однако хлебная монополия так и не стала эффективным средством регулирования производства и потребления хлеба ни в 1917 г., ни позднее.

Война привела к ускорению процесса сращивания государственных структур и монополий не только в Германии, но и в России. В сентябре 1917 г. Ленин с полной уверенностью утверждал, что «государственно-монополистический капитализм есть полнейшая материальная подготовка социализма, есть преддверие его, есть та ступенька исторической лестницы, между которой (ступенькой) и ступенькой, называемой социализмом, никаких промежуточных ступеней нет»². Оставалось лишь совершить революцию, а уже готовый для социализма производственный аппарат обеспечил бы, под контролем вооруженных рабочих, дальнейшее развитие производительных сил.

Имея такие поверхностные, несистемные и противоречивые теоретические представления об управлении экономикой после пролетарской революции, большевики захватили власть. Сформировавшаяся в течение нескольких месяцев после революции экономическая система получила название «военный коммунизм».

¹ Ленин В.И. Удержат ли большевики государственную власть // Ленин В.И. ПСС. Т. 34. С. 311.

² Ленин В.И. Грозящая катастрофа и как с ней бороться // Ленин В.И. ПСС. Т. 34. С. 193.

3. ВОЕННЫЙ КОММУНИЗМ

Политика военного коммунизма, которую большевики проводили с середины 1918 г. до начала 1921 г., привела, как признавал сам Ленин, к «весьма тяжелому экономическому поражению на экономическом фронте»¹. Это поражение заключалось в резком падении производительных сил. «Разверстка в деревне, этот непосредственный коммунистический подход к задачам строительства в городе, мешала подъему производительных сил и оказалась основной причиной глубокого экономического и политического кризиса, на который мы наткнулись весной 1921 г.», — говорил Ленин в октябре 1921 г.²

В советский период нашей страны политика военного коммунизма традиционно считалась вынужденной мерой, вызванной гражданской войной и интервенцией. Эти аргументы выдвигались, в частности, Л.Д. Троцким. Он был согласен с тем, что массовая национализация промышленности, экспроприация средней и мелкой буржуазии были экономически неправильными, поскольку привели к понижению производительных сил³. Тем не менее он был уверен, что политически это было необходимо, поскольку буржуазия была «агентом иностранного капитализма», «организованной агентурой классового врага»⁴. Еще одним аргументом в пользу неизбежности военного коммунизма было то, что до лета 1918 г. политика советской власти по отношению к буржуазии была относительно мягкой, и лишь разворачивающаяся гражданская война привела к более жестким мерам. Так, Л.Н. Крицман писал, что в этот период «промышленный и торговый капитал не экспроприировался, а только ставился под рабочий контроль», и что «с октября 1917 г. по 1 июня 1918 г. было национализировано лишь 487 предприятий», причем «в 70% случаев национализация

¹ Ленин В.И. Новая экономическая политика и задачи политпросветов // Ленин В.И. ПСС. Т. 44. С. 158.

² Там же. С. 159.

³ Троцкий Л.Д. Новая экономическая политика. М.: Госиздат, 1921. С. 7.

⁴ Там же. С. 10.

производилась вследствие неисполнения декрета о рабочем контроле или вследствие того, что предприятия самовольно закрывались владельцами»¹.

Прежде всего отметим, что дата 1 июня Крицманом была выбрана не случайно: уже 28 июня 1918 г. Ленин подписал декрет «О национализации предприятий ряда отраслей промышленности, предприятий в области железнодорожного транспорта, по местному благоустройству и паровых мельниц», под действие которого попадало большинство еще не национализированных крупных и средних предприятий. Но это, разумеется, не самое важное.

Действительно, политика военного коммунизма существенно зависела от хода Гражданской войны. Но, во-первых, ожесточенность и продолжительность самой Гражданской войны были в определенной степени результатом попыток большевиков добиться быстрого осуществления принципов своей политической программы. «Откупаться» от буржуазии, по мысли Маркса, большевики не собирались. Их политика национализации предприятий и земли не могла не встретить сопротивления, которое со временем привело к войне. Такой проницательный человек, как Н. Суханов, написал об этом уже через четыре дня после Октябрьской революции, когда было сформировано коалиционное правительство большевиков и левых эсеров: *«Случилось то, что было неизбежно. С первого дня образования последней „коалиции“ она получила достойное имя — правительство Гражданской войны»*².

Во-вторых, при оценке военного коммунизма следует различать политические декларации и реальную политику. Поскольку социализм рассматривался марксистами как безденежное хозяйство, важнейшей частью политики большевиков был запрет свободной торговли. Задача перехода от торговли к планомерному распределению продуктов была сформулирована в программе РКП(б), принятой в 1919 г. на VIII съезде пар-

¹ Крицман Л. Н. Героический период Великой русской революции (опыт анализа т. н. «Военного коммунизма»). М.: Госиздат, 1925. С. 41.

² Суханов Н. Большевики у власти // Новая жизнь. 1917. 11 ноября (29 октября). С. 1.

тии¹. Более того, в программе говорилось, что «РКП стремится к проведению ряда мер, расширяющих область безденежного расчета и подготовляющих уничтожение денег»². Впоследствии Троцкий писал, что хотя «военный коммунизм был, по существу своему, системой регламентации потребления в осажденной крепости», он «преследовал более широкие цели», поскольку советское правительство «от „военного коммунизма“ рассчитывало постепенно, но без нарушения системы, прийти к подлинному коммунизму»³. Но экономическую реальность нельзя победить декретами. Как справедливо отмечал Крицман, «народное хозяйство России эпохи Гражданской войны характеризуется все прогрессирующим расслоением ее экономики на экономику легальную (пролетарски-натуральную) и экономику нелегальную (товарную и товарно-капиталистическую)»⁴. В то же время в 1918–1919 гг. из 136,6 млн пудов доставленного потребителям хлеба, 40% было доставлено государственными органами и 60% — нелегальной торговлей⁵. Без запрещенной большевиками торговли население советской России просто не смогло бы выжить.

Противоречивость политики большевиков ярко иллюстрирует следующий эпизод. Ленин отправил 6 января 1919 г. телеграмму Чрезвычайной комиссии города Курска, в которой потребовал «немедленно арестовать Когана, члена курского центрозакупа, за то, что он не помог 120 голодающим рабочим Москвы и отпустил их с пустыми руками. Опубликовать в газетах, дабы все знали, что за неумение помочь голодающим рабочим репрессия будет суровая — вплоть до расстрела»⁶. За Когана вступились коммунистическая фракция Централь-

¹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 7-е изд. Ч. I. 1898–1925. М.: Госполитиздат, 1953. С. 425.

² Там же. С. 427.

³ Троцкий Л.Д. Преданная революция. М.: НИИ культуры, 1991. С. 21–22.

⁴ Крицман Л.Н. Героический период Великой русской революции (опыт анализа т. н. «Военного коммунизма»). М.: Госиздат, 1925. С. 131.

⁵ Там же. С. 133–134.

⁶ Ленин В.И. Телеграмма Курской чрезвычайной комиссии // Ленин В.И. ПСС. С. Т. 50. С. 238. Центрозакупы — местные конторы Центрального закупочного бюро при Народном комиссариате продовольствия РСФСР.

ного закупочного бюро при Наркомпроде РСФСР и председатель Курского губисполкома, который объяснил Ленину, что Коган «охранял твердые цены, установленные декретом, не имел возможности изменить без разрешения центра»¹. Понятно, что по этим ценам закупить продовольствие было невозможно. Ленин 16 января распорядился освободить Когана, но продолжить следствие. На запрос губисполкома о причине ареста он объяснил, что «Коган был арестован мною за нераспорядительность, за ненаправление рабочих в более подходящие уезды»². Объяснение Ленина по меньшей мере странно — как будто в других уездах действовали другие декреты советской власти. Оказывается, расстрелять могли как за мешочничество, так и за противодействие мешочничеству.

Финансовая политика коммунистов была столь же противоречива, как и политика запрета свободной торговли. Национализация банков и их слияние с Государственным банком были произведены задолго до начала Гражданской войны — декретом ВЦИКа от 27 (14) декабря 1917 г. В декрете утверждалось, что «интересы мелких вкладчиков будут целиком обеспечены»³. В тот же день ВЦИК издал постановление «О ревизии стальных ящиков (сейфов) в банках»⁴. Все деньги, хранящиеся в сейфах, должны были зачисляться на текущие счета клиентов в Государственном банке. Золото и драгоценности, хранящиеся в сейфах, подлежали конфискации. Если владельцы сейфов после вызова в банк для проведения ревизии не являлись в трехдневный срок, принадлежащие им ящики вскрывались, и в этом случае все хранящееся в них имущество подлежало конфискации. Однако зачисление денег на счета клиентов во все не означало, что владельцы могли получить свои средства. Выдача денег была сначала приостановлена, а затем ограни-

¹ См.: Из истории Всероссийской Чрезвычайной комиссии (1917–1921). М.: Госполитиздат, 1958. С. 243. Губисполком — губернский исполнительный комитет.

² Ленин В.И. Телеграмма Курскому губисполкому // Ленин В.И. ПСС. Т. 50. С. 246. О дальнейшей судьбе Когана нам неизвестно.

³ Собрание узаконений и распоряжений правительства РСФСР. 1917. № 10. Ст. 150.

⁴ Там же. Ст. 151.

чена величиной прожиточного минимума. В связи с постоянно увеличивающейся эмиссией денег практически все сбережения, накопленные всеми клиентами банков до революции, в том числе и мелкими вкладчиками, либо были конфискованы, либо быстро обесценились. При этом «эмиссия превращалась в снабжение пролетарским государством своих хозяйственных и прочих органов и своих работников покупательными средствами для закупок на нелегальном запрещенном этим же государством рынке»¹.

По мере нарастания инфляции роль денег в экономике снижалась. Итог политики военного коммунизма в области финансов был подведен декретом Совнаркома «Об упразднении Народного банка» от 19 января 1920 г.² В соответствии с этим декретом, Народный банк упразднялся, а все его активы и пассивы передавались Центральному бюджетно-расчетному управлению Народного комиссариата финансов. При фактически натуральной организации хозяйства советское государство было вынуждено прибегать к внеэкономическим методам управления населением. По-своему логично, что всеобщая трудовая повинность была введена декретом Совнаркома через 10 дней после упразднения Народного банка, 29 января 1920 г. Была создана система комитетов по всеобщей трудовой повинности, которые организовывали трудовые мобилизации. Они также могли предавать народному суду и суду революционного трибунала виновных как «в уклонении от учета и явки по трудовой повинности», так и в «небрежной организации работ и нехозяйственном использовании мобилизованной силы»³. Парадоксально, что свое законченное выражение политика военного коммунизма (упразднение Народного банка, всеобщая трудовая повинность) приобрела тогда, когда военная угроза для советской власти в основном миновала.

¹ Крицман Л. Н. Героический период Великой русской революции (опыт анализа т. н. «Военного коммунизма»). М.: Госиздат, 1925. С. 138.

² Собрание узаконений и распоряжений правительства РСФСР. 1920. № 4–5. Ст. 25. К этому времени Государственный банк получил новое название — Народный банк РСФСР.

³ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам: В 5 т. Т. 1. 1917–1928. М.: Политиздат, 1967. С. 160–161.

В 1920 г. Россию посетил К. Баллод, который еще в 1898 г. написал книгу «Государство будущего»¹. В этой работе он доказывал возможность эффективной организации общественного производства. Ознакомившись с российским опытом, он существенно переработал свою книгу и написал к ней дополнение. Его оценка увиденного была весьма резкой: «Россия вступила в социализм без того, чтобы кто-нибудь выставил какую-либо программу или план производства, без того, чтобы ее социалистические повелители потрудились серьезно продумать все возникающие из занятого ими положения задачи. Вследствие этого, вместо наилучшего социализма, проводится наихудший, т. е. наиболее глупый. Вместо организации производства происходит грабеж и расточение ценностей, собранных буржуазным обществом. Наиболее важными средствами русских большевистских повелителей является не труд, образующий ценности, а убийства и насилия»². Основную проблему России Баллод видел в том, что ее производительные силы были недостаточно развиты, а без широкого применения машин во всех отраслях экономики коммунистическое хозяйство могло существовать лишь при условии рабского подчинения работников. Между тем «социализм согласно основной своей задаче должен осуществить не равенство нищеты, а равенство высокого уровня жизни»³.

Политика военного коммунизма вызывала возражения и у руководителей страны. Троцкий был одним из первых коммунистов, кто осознал, что продолжение этой политики приведет страну к хозяйственной катастрофе. Руководя хозяйственной работой на Урале в течение зимы 1919–1920 гг., он понял, что методы военного коммунизма необходимо изменить. В феврале 1920 г., возвращаясь в Москву, Троцкий направил в ЦК письмо «Основные вопросы продовольственной

¹ Книга была издана в России в 1906 г.

² Баллод К. Государство будущего. М.: Всероссийский центральный союз потребительских обществ, 1920. С. 5. Интересно отметить, что в 1920 г. такое резкое высказывание о большевиках вообще было опубликовано, пусть и негосударственным издательством.

³ Там же. С. 162, 164.

и земельной политики»¹. Позднее в своей работе «Новый курс» и в автобиографии «Моя жизнь» он доказывал, что именно ему принадлежит первый вариант новой экономической политики.

Действительно, в своем коротком письме Троцкий убедительно продемонстрировал, что политика «уравнилительной реквизиции» ведет к тому, что «продовольственные ресурсы грозят иссякнуть», а хозяйственная жизнь страны может быть окончательно подорвана. Для улучшения ситуации он предложил ряд мер: 1) заменить изъятие излишков прогрессивным натуральным налогом; 2) установить соответствие между сданным крестьянином хлебом и выдаваемыми ему продуктами промышленности; 3) дополнить принудительную разверстку по ссыпке принудительной разверсткой по запашке и вообще обработке; 4) активно создавать советские хозяйства. При этом первые два пункта следовало применять в богатых земледельческих районах (Сибирь, Дон, Украина), а пункты 3 и 4, по его мнению, больше подходили для центральных губерний. Однако эти меры были весьма противоречивы — продрозверстка не устранилась; предлагалось лишь стимулировать производство продовольствия. В то же время «разверстка по запашке», рекомендуемая для небогатых хлебом центральных губерний, представляла бы высшую форму административного принуждения. Широкое развитие советских хозяйств при существовавшем в тот период уровне техники и общем разорении народного хозяйства было, конечно, утопией. Однако даже эти весьма умеренные предложения не получили поддержки ЦК.

То, что проводимая экономическая политика не была эффективной, понимал не только Троцкий. В сентябре 1920 г. Зиновьев, выступая на IX Всероссийской партийной конференции, отметил, что «централизация часто превращается в главкократию». Он привел ряд поразительных примеров того, к чему приводит административное регулирование экономики из центра: «в 50 верстах от Баку крестьяне и рабочие не получают керосину», в Мурманске при «громадном улове рыбы»

¹ Троцкий Л. Д. Основные вопросы продовольственной и земельной политики // Троцкий Л. Д. Сочинения. Т. XVII. Ч. 2. С. 640–641. См. также: <http://magister.msk.ru/library/trotsky/trotl839.htm>.

рабочие «не могут получить ни фунта свежей рыбы и вынуждены питаться в лучшем случае рыбой протухшей». Причина проста — выдавать рыбу можно только после проведения Главрыбой в Москве всех операций по учету улова, а за это время рыба успевает испортиться¹. Впрочем, никаких содержательных решений по исправлению ситуации конференция не приняла. В резолюциях конференции отмечалась лишь необходимость бороться с бюрократизмом главков, который служит «источником недовольства против партии», на которую народные массы «переносят ответственность за главки и центры»².

Политика военного коммунизма по отношению к крестьянству достигла своего апогея в решениях VIII Всероссийского съезда Советов, проходившего с 22 по 30 декабря 1920 г. Обычно об этом съезде историки писали в связи с принятием плана ГОЭЛРО, а 22 декабря, день начала съезда, отмечается сейчас в стране как день энергетика. Ленин называл этот план «единым хозяйственным планом, построенным научно» и противопоставлял его работе Баллода³.

Это был последний съезд Советов, в котором, помимо коммунистов и беспартийных, участвовали другие партии⁴. Меньшевики, эсеры и бундовцы подвергли резкой критике политику

¹ Зиновьев Г. Доклад об оздоровлении партии на Всероссийской конференции РКП. Утреннее заседание 24 сентября // Правда. 1920. 28 сентября. С. 1.

² КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 7-е изд. Ч. I. 1898–1925. М.: Госполитиздат, 1953. С. 512.

³ «Чтобы оценить всю громадность и всю ценность труда, совершенного «Гоэлро», бросим взгляд на Германию. Там аналогичную работу проделал один ученый Баллод. Он составил научный план социалистической перестройки всего народного хозяйства Германии. В капиталистической Германии план повис в воздухе, остался литературщиной, работой одиночки». См.: Ленин В.И. Об едином хозяйственном плане // Ленин В.И. ПСС. Т. 42. С. 342–343.

⁴ На съезде с совещательным голосом могли участвовать все партии, объявившие мобилизацию для войны с Деникиным и Колчаком. Партийный состав съезда был следующим: коммунистов — 2284, сочувствующих коммунистам — 67, беспартийных — 98, меньшевиков — 8, бундовцев — 8, левых эсеров — 2, анархистов — 2, остальные — члены других партий. См.: Восьмой Всероссийский Съезд Советов Рабочих, Крестьянских, Красноармейских и Казачьих депутатов. Стенографический отчет (22–29 декабря 1920 года). М.: Госиздат, 1921. С. 293.

продразверстки. В частности, меньшевик Ф. Дан в своем выступлении сказал, что «продовольственная политика, основанная на насилии, обанкротилась». Хотя она «выкачала из крестьян большое количество хлеба», это привело к «повсеместному сокращению посевной площади, достигнутому почти одной четверти прежних посевов, сокращению скотоводства, глубокому упадку сельского хозяйства»¹. В декларации социалистов-революционеров утверждалось, что «только введение налоговой, вместо реквизиционной системы выкачивания хлеба создаст благоприятные условия для развития земледелия, а через то и развития промышленности»². Меньшевики и бундовцы предложили резолюцию «О мерах к поднятию сельского хозяйства», в которой предлагалось, «чтобы все излишки, остающиеся за выполнением государственных повинностей, строго определенных, крестьянство имело возможность сбывать на основе добровольного товарообмена или устанавливаемых по соглашению с ними цен»³.

Один из выступавших, Швецов, сказал, что «мощь революции всей своей тяжестью обрушилась на мозолистую шею крестьянина» и призвал стоящих у власти «поберечь мозолистую шею крестьянина, она у него трещит»⁴. Другой выступающий, Лобанцев, заявил, что политикой продразверстки власти «хотели помочь бедным, а на самом деле их убивали»⁵.

Настроение коммунистов, которые составляли подавляющее большинство, было совершенно иным. Признавалось, что, «не смотря на все усилия» власти и «все ее заботы» о трудящемся крестьянстве⁶, в сельском хозяйстве сокращались посевные площади, снижалась урожайность, приходило в упадок животноводство. Поэтому для решения этих проблем государство

¹ Восьмой Всероссийский Съезд Советов Рабочих, Крестьянских, Красноармейских и Казачьих депутатов. Стенографический отчет (22–29 декабря 1920 года). М.: Госиздат, 1921. С. 42.

² Там же. С. 51.

³ Там же. С. 201.

⁴ Там же. С. 137. В стенограмме указано, что после его выступления раздалась аплодисменты.

⁵ Там же. С. 138.

⁶ Там же. С. 267.

должно было «вступить на путь регулирования крестьянского хозяйства»¹. Постоянно говорилось также, что надо помочь сельскому хозяйству, но при этом нельзя допускать свободной торговли даже излишками хлеба. Н. Осинский выразил мнение большинства: «Тот, кто раскрывает дверку к свободной торговле, тот ведет к краху нашей продовольственной политики»². В итоге съезд принял постановление «О мерах укрепления и развития крестьянского сельского хозяйства», в соответствии с которым повсеместно создавались посевные комитеты (посевкомы), которые должны были обеспечивать выполнение обязательных планов посевов. По аналогии с продразверсткой, постановление вводило «семенную разверстку», предусматривавшую ссыпку семян в общественные амбары и перераспределение семян³.

Ленин поддержал эту совершенно утопичную идею тотального регулирования деятельности миллионов самостоятельных крестьянских хозяйств. Речи и декларации противившихся этому меньшевиков и эсеров лишь убедили его в том, что они являлись «пособниками международного империализма»⁴. Ленин соглашался, что коммунисты могут совершать ошибки, но при этом говорил: «Пожалуйста, покажите нам эти ошибки, покажите нам другие подходы, но этих других подходов мы здесь не слышали. Ни меньшевики, ни эсеры не говорят: „Вот нужда, вот нищета крестьян и рабочих, а вот путь, как выйти из этой нищеты“»⁵. Это, конечно, была очевидная демагогия — оппозиционеры не просто предлагали другие подходы, в них была отчетливо сформулирована будущая новая экономическая поли-

¹ Восьмой Всероссийский Съезд Советов Рабочих, Крестьянских, Красноармейских и Казачьих депутатов. Стенографический отчет (22–29 декабря 1920 года). М.: Госиздат, 1921. С. 126. Выступление члена Наркомзема И. А. Теодоровича.

² Там же. С. 146–147.

³ Там же. С. 268–270.

⁴ Ленин В. И. Заключительное слово по докладу Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров о внешней и внутренней политике 23 декабря 1920 г. // Ленин В. И. ПСС. Т. 42. С. 172.

⁵ Там же. С. 175.

тика, до провозглашения которой самим Лениным оставалось меньше трех месяцев.

В то же время у Ленина начало проявляться недовольство теми коммунистами, которые так и не стали хорошими хозяйственниками и управленцами. 21 февраля 1921 г. в статье «О едином хозяйственном плане» он уже писал: «Коммунист, не доказавший своего умения объединять и скромно направлять работу специалистов, входя в суть дела, изучая его детально, такой коммунист часто вреден. Таких коммунистов у нас много, и я бы их отдал дюжинами за одного добросовестно изучающего свое дело и знающего буржуазного спеца»¹. Тем не менее в политике военного коммунизма он еще не сомневался.

К критикам военного коммунизма советская власть по-прежнему относилась достаточно жестко. Однако экономически он был неэффективен, а политически опасен, поскольку с прекращением Гражданской войны крестьянство не хотело мириться с продразверсткой. Решить эти проблемы должна была новая экономическая политика, провозглашенная Лениным на X съезде партии.

4. НОВАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА

Крутым поворотом в экономическом и политическом развитии страны стал X съезд партии, проходивший с 8 по 16 марта 1921 г. Выступая 15 марта с докладом о замене разверстки натуральным налогом и критикуя ошибки, допущенные в период военного коммунизма, Ленин откровенно заявил, что «прежняя наша программа была теоретически правильна, но практически несостоятельна»². Фактически он признал, что политика военного коммунизма была вызвана не только внешними факторами, но в большой степени вытекала из теоретических представлений большевиков о коммунистическом обществе. Коммунисты заменили продразверстку продналогом, но это было вызвано не заботой о крестьянах и об эффективности

¹ Ленин В.И. Об едином хозяйственном плане // Ленин В.И. ПСС. Т. 42. С. 346.

² Ленин В.И. Доклад о замене разверстки натуральным налогом // Ленин В.И. ПСС. Т. 43. С. 69.

экономики, а прежде всего опасением потерять власть. За 10 дней до начала съезда, 28 февраля, в Кронштадте началось восстание, которое было подавлено только после окончания съезда. Это восстание является самым известным, но, конечно, оно было не единственным. Позднее, в ноябре 1922 г., в ходе своего предпоследнего публичного выступления Ленин сказал, что в результате проведения новой экономической политики «крестьянские восстания, которые раньше, до 1921 г., представляли общее явление в России, почти совершенно исчезли»¹.

Решения X съезда во многом определили дальнейшее развитие партийной жизни. С одной стороны, на съезде была принята резолюция «Вопросы партийного строительства», в которой подчеркивалась необходимость развития партийной демократии, внутрипартийной критики, а ЦК и партийным контрольным комиссиям была поставлена задача вести борьбу с злоупотреблениями членами партии своим положением. В пятом разделе резолюции, озаглавленном «Общие меры по оздоровлению партии», говорилось, что «съезд целиком подтверждает курс на уравнительность в области материального положения членов партии»². С другой стороны, съезд принял резолюцию «О единстве партии», запрещающую фракции, платформы, группы. В седьмом пункте резолюции, который по решению съезда не подлежал опубликованию, ЦК получил полномочия применять к коммунистам «за возрождение фракционности» все меры партийных взысканий вплоть до исключения из партии. Эта резолюция впоследствии стала важным оружием Сталина в борьбе с оппозицией.

Борьба против фракционности была вызвана боязнью раскола и страхом лишиться власти. Вместе с тем почти все партийцы считали для себя морально приемлемым вести закулисные сепаратные переговоры. Характерный эпизод описан в мемуарах А. И. Микояна, поддерживавшего ленинскую платформу.

¹ Ленин В. И. Пять лет российской революции и перспективы мировой революции. Доклад на IV конгрессе Коминтерна 13 ноября 1922 года // Ленин В. И. ПСС. Т. 45. С. 285.

² КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 7-е изд. Ч. I. 1898–1925. М.: Госполитиздат, 1953. С. 521.

Ленин пригласил его на тайное совещание, на котором предложил наметить кандидатуры для выборов в ЦК. Присутствовавший Сталин возразил: «Это же будет заседание фракции, как это можно допустить?» Ленин язвительно ответил: «Смотрите, старый и рьяный фракционер — и боится организации. Вот странно! Пока мы здесь сидим, троцкисты уже второй раз собираются. Надо подготовиться, а то они могут провести много своих людей в ЦК»¹.

Троцкисты действительно собирались для обсуждения кандидатур в члены ЦК, но, по свидетельству И. Я. Врачева, это было всего один раз. На этом собрании сторонников Троцкого был Ф. Э. Дзержинский, попросивший не выдвигать его в ЦК, поскольку в случае избрания он продолжил бы возглавлять ВЧК. Он заявил, что после революции ВЧК карала классовых врагов, а с окончанием Гражданской войны ей пришлось карать рабочих и крестьян — в Кронштадте, в Тамбовской губернии, а ему не хотелось участвовать в таких репрессиях². Дзержинского все равно избрали в ЦК, и председателем ВЧК он остался, но когда 2 февраля 1924 г. его назначили председателем ВСНХ, он все больше времени и сил отдавал восстановлению экономики.

Принятие X съездом партии новой экономической политики изменило ситуацию в стране. Но изменения были половинчатыми и противоречивыми. Отмена продразверстки поначалу не предусматривала развития рынка, речь шла только о товарообмене города и деревни. В октябре 1921 г. Ленин писал: «Товарообмен предполагал некий непосредственный переход без торговли, шаг к социалистическому продуктообмену. Оказалось: жизнь сорвала товарообмен и поставила на его ме-

¹ Микоян А. И. Так было. Размышления о минувшем. М.: Вагриус, 1999. С. 349–350.

² Врачев И. Я. Письмо в редакцию // Вопросы истории. 1989. № 4. С. 181–182. Выступая на XIII партийной конференции в январе 1924 г., Врачев сказал: «Товарищи, может быть у нас осталось всего несколько часов полной демократии, так разрешите нам этими часами воспользоваться». См.: Тринадцатая конференция Российской Коммунистической партии (большевиков). Бюллетень. М.: Красная новь, Главполитпросвет, 1924. С. 129.

сто куплю-продажу»¹. О политической демократизации не могло быть и речи, а запрет фракций давал руководству партии возможность жесткого управления внутрипартийными процессами.

Принятие НЭПа было во многом вынужденным шагом, многие коммунисты относились к нему с подозрением. Но для Троцкого необходимость отказа от политики военного коммунизма была очевидна — каждый завод «после ликвидации рынка и системы кредита походил на телефонный аппарат с отрезанными проводами», а бюрократическое управление «уничтожало самую возможность проверки производительности и выгодности» предприятий². Однако даже Троцкий во многом воспринимал НЭП как неизбежное зло. Он считал, что «уступки капиталистическим формам хозяйства являются продуктом нашей внутренней отсталости, с одной стороны, и запоздалостью революции рабочего класса в Европе — с другой»³.

В отличие от многих других советских руководителей, особое значение Троцкий придавал общей культуре работников. Без роста культуры, без наведения порядка на производстве восстановление и развитие экономики было бы, по его мнению, просто невозможно. Он писал, что проблемы общей организации производства были похожи на проблемы армии. Солдат и командиров Красной армии «гораздо легче вызвать на бой за дело рабочего класса, чем приучить смазывать сапоги и зашивать шинели»⁴.

Тема культурности постоянно звучала в речах и статьях Ленина, который был уверен, что «экономически и политически НЭП вполне обеспечивает нам возможность постройки фундамента социалистической экономики. Дело „только“ в культурных

¹ Ленин В. И. План доклада о новой экономической политике на VII Московской губпартконференции // Ленин В. И. ПСС. Т. 44. С. 470–471.

² Троцкий Л. Д. Новая экономическая политика Советской России и перспективы мировой революции. М.: Московский рабочий, 1923. С. 21–22.

³ Троцкий Л. Д. Поколение Октября. М.: Молодая гвардия, 1924. С. 199.

⁴ Там же. С. 19.

силах пролетариата и его авангарда»¹. Проблема была не только в том, что пролетариату и его авангарду — коммунистической партии не хватало экономической и политической культуры. Ленина крайне беспокоило то, что после шести военных лет российский пролетариат изменился: «Постоянно считаются за рабочих такие лица, которые ни малейшей серьезной школы, в смысле крупной промышленности, не прошли»². Изменился и состав партии, ставшей правящей. Поэтому, как считал Ленин, пролетарская политика партии определялась уже не ее составом, а лишь авторитетом того «тончайшего слоя, который можно назвать старой партийной гвардией». Ленин опасался, что даже небольшая внутренняя борьба в этом слое настолько ослабит его авторитет, «что решение будет уже зависеть не от него»³.

К началу 1922 г. страна находилась в сложном положении. Прошел почти год с момента принятия новой экономической политики. Многие коммунисты восприняли возрождение капитализма как отступление от принципов коммунизма⁴. На революции в Европе рассчитывать не приходилось. Между тем еще в марте 1922 г. тезис о том, что «для победы социализма нужны совместные усилия рабочих нескольких передовых стран», Ленин считал «азбучной истиной марксизма»⁵.

Восстановление экономики шло медленно. В результате засухи 1921 и последствий продразверстки в Поволжье наступил небывалый голод. Дело доходило до людоедства. Было приня-

¹ Ленин В.И. Письмо В.М. Молотову для пленума ЦК РКП(б) с планом политдоклада на XI съезде партии // Ленин В.И. ПСС. Т. 45. С. 60–61. Отметим, что в этом письме Ленин ходатайствует об освобождении его в связи с болезнью от участия в Пленуме ЦК — «и заседания на пленуме и доклада на съезде я не осилю» (Там же. С. 60).

² Ленин В.И. Об условиях приема новых членов в партию // Ленин В.И. ПСС. Т. 45. С. 18.

³ Там же. С. 20.

⁴ Борьба, которую Ленин был вынужден вести в партии с противниками НЭПа, хорошо описана в мемуарах Валентинова. (См.: Валентинов Н. НЭП и кризис партии после смерти Ленина. М.: Современник, 1991. С. 64–71).

⁵ Ленин В.И. Заметки публициста. О восхождении на высокие горы, о вреде уныния, о пользе торговли, об отношении к меньшевикам и т. п. // Ленин В.И. ПСС. Т. 44. С. 418.

то решение приступить к изъятию церковных ценностей, чтобы получить средства для борьбы с голодом. Крестьяне сопротивлялись, Ленин настаивал на жесткой политике: «Именно теперь и только теперь, когда в голодных местностях едят людей и на дорогах валяются сотни, если не тысячи трупов, мы можем (и поэтому должны) провести изъятие церковных ценностей с самой бешеной и беспощадной энергией и не останавливаясь перед подавлением какого угодно сопротивления»¹. В партии возникли панические настроения. В этой обстановке 27 марта 1922 г. собрался XI съезд партии.

Съезд стал последним, в работе которого принимал участие Ленин, выступивший с политическим отчетом ЦК. Делегаты съезда по-разному восприняли его речь. Так, Ларин позволил себе неуместную иронию, сказав, что она «была очень хороша прежде всего тем, что Ленин имел возможность ее сказать, что он выздоровел». По мнению Ларина, ничего не было сказано о главном, о кризисе в стране, поэтому, если отнять от речи Ленина «ее главное достоинство, то останется немного»². В своем выступлении Ленин отметил, что состав рабочих изменился и «сплошь да рядом идущие на фабрики — это не пролетарии, а всяческий случайный элемент»³. А.Г. Шляпников по этому поводу пошутил: «Владимир Ильич сказал, что пролетариат как класс, в том смысле, каким имел его в виду Маркс, не существует. Разрешите поздравить вас, что вы являетесь авангардом несуществующего класса»⁴. Самую резкую оценку речи Ленина дал И.Н. Стуков: «Ленин говорил такие вещи, о которых нельзя сказать простому смертному на собрании,

¹ Ленин В.И. Письмо В.М. Молотову для членов Политбюро ЦК РКП(б) 19 марта 1922 г.// Ленин В.И. Известные документы. 1891–1922 гг. М.: РОССПЭН, 2000. С. 516.

² Одиннадцатый съезд РКП(б). Март–апрель 1922 год. Стенографический отчет. М.: Госполитиздат, 1961. С. 109.

³ Ленин В.И. Политический отчет Центрального комитета РКП(б) 27 марта 1922 года// Ленин В.И. ПСС. Т. 45. С. 106–107.

⁴ Одиннадцатый съезд РКП(б). Март–апрель 1922 год. Стенографический отчет. М.: Госполитиздат, 1961. С. 103–104.

без того чтобы не быть обвиненным в упадочничестве, панике, в том, что он разлагает партию»¹.

На самом деле выступление Ленина представляет большой интерес для оценки эволюции его взглядов и для понимания реальной ситуации в стране. Сначала он высказался о политике в отношении Генуэзской конференции, затем попытался доказать, что вся партия была едина по поводу необходимости НЭПа. Наиболее важным у Ленина был анализ годовых итогов НЭПа и формулировки трех уроков, которые партия получила за это время.

1. Необходимо срочно доказать крестьянству, что власть может ему помочь. «Либо мы это докажем, либо он нас пошлет ко всем чертям»². Ленин развил этот тезис с использованием банковской терминологии. Власть благодаря предыдущим достижениям получила «отсрочку и кредит от народа», но «это — векселя, сроки на этих векселях не написаны», поэтому «когда они будут предъявлены ко взысканию, этого справкой с текстом векселя не узнаешь»³. Власть еще не доказала, что может хорошо управлять страной. Поэтому, по мнению Ленина, приближался момент, когда «крестьянская страна нам дальнейшего кредита не окажет, когда она спросит наличными». Тогда может быть решена «и судьба НЭПа, и судьба коммунистической власти в России»⁴.

2. Главное в НЭПе — соревнование капитализма и социализма, но за прошедший год существенных успехов достичь не удалось. Ленин признал, что «крестьянство и ряд слоев рабочих» выступали по отношению к правящей коммунистической партии с «самой простой и самой убийственной критикой». Они говорили коммунистам: «Люди-то вы превосходные, но экономическое дело, за которое вы взялись, вы делать не умеете»⁵. Необходимо было обеспечить потребности населе-

¹ Там же. С. 100.

² Ленин В.И. Политический отчет Центрального комитета РКП(б) 27 марта 1922 года // Ленин В.И. ПСС. Т. 45. С. 77.

³ Там же. С. 81.

⁴ Там же. С. 77–78.

⁵ Там же. С. 79.

ния — «дать через торговлю, но дать это не хуже, чем это давал капиталист, иначе такого управления народ вынести не может». По его словам, в этом был «весь гвоздь положения»¹.

3. Нужно было научиться управлять. Ленин видел, что государственная машина действовала не так, как хотелось бы: «Вырывается машина из рук: как будто бы сидит человек, который ею правит, а машина едет не туда, куда ее направляют»².

В чем Ленин видел причину того, что «машина» ехала не туда, куда надо? Основных причин было три. Во-первых, аппарат управления не был коммунистическим: «...Наш аппарат старый, потому что нас запугали служащие, что если так, то мы совсем не придем к вам, и мы сказали: „Пожалуйста“. Все они оказались снова у нас, и мы остались в дураках»³.

Во-вторых, коммунистам не хватало культуры и энергии. В записке Л. Б. Каменеву (20 февраля 1922 г.) Ленин настаивал: «Надо не только проповедовать: „Учись у немцев, паршивая российская коммунистическая обломовщина“, но и *брать* у учителя немцев. Иначе — одни слова»⁴. Было необходимо уметь подчинить себе государственный капитализм, а этого умения у коммунистов пока нет: «Ответственные коммунисты в 99 случаях из 100 не на то приставлены, к чему они сейчас пригодны, не умеют вести свое дело и должны сейчас учиться»⁵.

В-третьих, коммунистов было просто мало по сравнению с огромной крестьянской страной. За построение социализма взялась «маленькая, ничтожная кучка людей, называющая себя партией»⁶. При этом, если бюрократизм был силен в центре, то в провинции дело обстояло еще хуже. Для Ленина было ясно, что «мы живем в море незаконности и что местное вли-

¹ Ленин В. И. Политический отчет Центрального комитета РКП(б) 27 марта 1922 года // Ленин В. И. ПСС. Т. 45. С. 112.

² Там же. С. 86.

³ Ленин В. И. Известные документы. 1891–1922 гг. М.: РОССПЭН, 2000. С. 415.

⁴ Там же. С. 506.

⁵ Ленин В. И. Политический отчет Центрального комитета РКП(б) 27 марта 1922 года // Ленин В. И. ПСС. Т. 45. С. 116.

⁶ Ленин В. И. Известные документы. 1891–1922 гг. М.: РОССПЭН, 2000. С. 572.

яние является одним из величайших, если не величайшим противником установления законности и культурности»¹. Поэтому надежда была только на централизацию: «Едва ли кто решится отрицать, что нашей партии легче найти десяток надежных коммунистов, достаточно образованных юридически и способных противостоять всяким чисто местным влияниям, чем найти таковых же сотни»².

После победы в тяжелейшей Гражданской войне оказалось, что самые трудные задачи еще предстоит решить. Весь 1922 год Ленин, борясь с прогрессирующей болезнью, пытался найти решение проблемы — как обеспечить строительство социализма в России. Свои представления о дальнейшем развитии страны Ленин изложил в цикле статей, которые он диктовал, будучи уже тяжело больным, с 22 декабря 1922 по 2 марта 1923 г. Эти работы производят двойственное впечатление — смеси невиданного ранее реализма и политических иллюзий, если не сказать наивности.

Прежде всего Ленина волнует задача переделки аппарата управления. Давно забыты утверждения времен «Государства и революции» о том, что для управления достаточно простой грамотности. Оказалось, что вместо профессиональных управленцев аппарат во многом состоял из бюрократов. Ленин не согласился бы с утверждением, что рост бюрократизма — в большой степени следствие той политической машины, которая была создана большевиками. Его объяснение было гораздо проще: «Аппарат... заимствован нами от царизма и только чуть-чуть подмазан советским миром. <...> Мы называем своим аппарат, который на самом деле насквозь еще чужд нам и представляет из себя буржуазную и царскую мешанину, переделать которую в пять лет при отсутствии помощи от других стран и при преобладании „занятий“ военных и борьбы с голодом не было никакой возможности»³.

¹ Ленин В. И. О двойном подчинении и законности // Ленин В. И. ПСС. Т. 45. С. 199.

² Там же. С. 200.

³ Ленин В. И. К вопросу о национальностях или об «автономизации» // Ленин В. И. ПСС. Т. 45. С. 357.

Каким же способом можно было бы изменить ситуацию? И здесь ответ был достаточно прост, нужно было только обратиться за помощью к сознательным рабочим: «Я представляю себе дело таким образом, что несколько десятков рабочих, входя в состав ЦК, могут лучше, чем кто бы то ни было другой, заняться проверкой, улучшением и пересозданием нашего аппарата»¹. Профессиональные рабочие должны были бы не только улучшить работу ЦК и аппарата, но и предохранить руководство партии от раскола, который мог возникнуть из-за противостояния Троцкого и Сталина. Эти рабочие, «присутствуя на всех заседаниях ЦК, на всех заседаниях Политбюро, читая все документы ЦК», писал Ленин, смогут «придать устойчивость самому ЦК» и «работать над обновлением и улучшением аппарата»².

То, что член ЦК может иметь доступ ко всем документам ЦК, понятно. Но как, не будучи членами Политбюро, члены ЦК, пусть даже из рабочих, могли бы присутствовать на всех его заседаниях? Несмотря на достаточно трезвую оценку сложившейся в партии и стране ситуации, у Ленина сохранялось немало иллюзий — почему-то он надеялся на возможность коллегияльного руководства партией, обеспеченное увеличением численности ЦК и включением в него рядовых рабочих.

Более того, Ленин полагал, что реорганизованный наркомат Рабоче-крестьянской инспекции (Рабкрин) и Центральная контрольная комиссия (ЦКК) смогут обеспечить контроль над работой центральных органов партии: «Члены ЦКК должны будут под руководством своего президиума работать систематически над просмотром всех бумаг и документов Политбюро. Вместе с тем они должны будут правильно распределять свое время между отдельными работами по проверке делопроизводства в наших учреждениях, начиная от самых мелких и частных и кончая высшими государственными учреждениями. <...> Наряду с ними им придется готовить себя к работам, которые я не постеснялся бы назвать подготовкой к ловле, не скажу — мошенников, но вроде того, и придумыва-

¹ Ленин В.И. Письмо к съезду // Ленин В.И. ПСС. Т. 45. С. 347.

² Там же. С. 348.

нием особых ухищрений для того, чтобы прикрыть свои походы, подходы и т. п.»¹.

Таким образом, коллегиальность и демократия обеспечивается тотальным контролем со стороны нескольких десятков людей, которых, конечно, легче подобрать для центральных органов. Да и этим людям придется действовать скрытно, «придумывая особые ухищрения». Сама идея организовать демократические процедуры внутри коммунистической партии при отсутствии демократии в стране была обречена на провал. Сам Ленин на XI съезде партии охарактеризовал систему правления в СССР следующим образом: «Диктатура пролетариата, террористическая власть»². Реальная демократия в правящей партии может существовать только в условиях существования в стране многопартийной системы, при свободной прессе, независимом суде³. В советской России все это было невозможно, и это понимали многие, в частности глава профсоюзов М. П. Томский, который высказывался достаточно откровенно: «В обстановке диктатуры пролетариата может быть и две и четыре партии, но только при одном условии: одна партия будет у власти, а все остальные в тюрьме»⁴.

Конечно, в условиях борьбы за культуру, за качество аппарата, Ленин существенно изменил отношение к квалифицированным управленцам. В частности, после длительных споров с Троцким, доказывавшим необходимость усиления роли Госплана, Ленин признал правоту оппонента. В статье «О придании законодательных функций Госплану» он писал, что поскольку «государственные дела необыкновенно усложнились»,

¹ Ленин В.И. Лучше меньше, да лучше // Ленин В.И. ПСС. Т. 45. С. 396–397.

² Ленин В.И. Заключительное слово по политическому отчету ЦК РКП (б) 28 марта 1922 года // Ленин В.И. ПСС. Т. 45. С. 127.

³ Незадолго до XI партийного съезда Ленин наивно возмущался тем, что Московский комитет партии давал послабление «преступникам-коммунистам, коих надо вешать». У него вырвалось: «Верх позора и безобразия: партия у власти защищает „своих“ мерзавцев!!» Ленин предлагал «циркулярно оповестить НКЮст (копия губкомпартам), что коммунистов суды обязаны карать строже, чем некоммунистов». (См.: Ленин В.И. Письмо в Политбюро ЦК РКП (б) // Ленин В.И. ПСС. Т. 45. С. 53).

⁴ См.: Первая Ленинградская областная конференция ВКП(б). 15–19 ноября 1927 года. Стенографический отчет. М.: Госиздат, 1927. С. 27–28.

а Госплан «как совокупность сведущих людей, экспертов, представителей науки и техники, обладает, в сущности, наибольшими данными для правильного суждения о делах», его «компетенция» должна быть увеличена¹. Были забыты декларации о «равенстве оплаты» и контроле «вооруженных рабочих». Теперь Ленин считал, что служащие наркомата Рабоче-крестьянской инспекции «должны быть высоко квалифицированы, особенно проверены, особо надежны, с высоким жалованьем»².

И все же главным оставался более общий вопрос — о возможности построения социализма в СССР. Недостаток общей культуры населения как будто не смущал Ленина: «Если для создания социализма требуется определенный уровень культуры (хотя никто не может сказать, каков именно этот определенный „уровень культуры“, ибо он различен в каждом из западноевропейских государств), то почему нам нельзя начать сначала с завоевания революционным путем предпосылок для этого определенного уровня, а потом уже, на основе рабоче-крестьянской власти и советского строя, двинуться догонять другие народы»³.

С одной стороны, далеко в прошлом остались надежды на то, что Россия уже готова к социализму и достаточно было взять власть, чтобы быстро создать государство-коммуну. Пятилетний опыт управления страной показал реальное положение дел — в одном из последних выступлений Ленин говорил: «Производительные силы у нас развиты менее всех, работать мы умеем хуже всех». Правда, он сразу же выразил уверенность в том, что «мы добьемся того, чтобы нагнать другие государства с такой быстротой, о которой они и не мечтали»⁴. На чем был основан этот оптимизм Ленина?

В статье «О кооперации» Ленин сделал высказывание, которое послужило руководству партии обоснованием возможности

¹ Ленин В. И. О придании законодательных функций Госплану // Ленин В. И. ПСС. Т. 45. С. 349.

² Ленин В. И. Как нам реорганизовать Рабкрин // Ленин В. И. ПСС. Т. 45. С. 385.

³ Ленин В. И. О нашей революции // Ленин В. И. ПСС. Т. 45. С. 381.

⁴ Ленин В. И. Речь на IV сессии ВЦИК IX созыва 31 октября 1922 г. // Ленин В. И. ПСС. Т. 45. С. 247.

построения социализма в одной стране: «Власть государства на все крупные средства производства, власть государства в руках пролетариата, союз этого пролетариата со многими миллионами мелких и мельчайших крестьян, обеспечение руководства за этим пролетариатом по отношению к крестьянству и т. д. — разве это не все, что нужно для того, чтобы из кооперации, из одной только кооперации, которую мы прежде третировали, как торгашескую, и которую с известной стороны имеем право третировать теперь при НЭПе так же, разве это не все необходимое для построения полного социалистического общества? Это еще не построение социалистического общества, но это все необходимое и достаточное для этого построения»¹.

Однако это высказывание не стоит переоценивать — оно не было итоговым мнением Ленина по вопросу о построении социализма в России. Он закончил диктовать статью «О кооперации» 6 января, а последней его работой стала статья «Лучше меньше, да лучше», законченная 2 марта 1923 г. В ней Ленин ставил вопрос так: «Удастся ли нам продержаться при нашем мелком и мельчайшем крестьянском производстве, при нашей разоренности до тех пор, пока западноевропейские капиталистические страны завершат свое развитие к социализму?»². Он отметил, что советской России «не хватает цивилизации для того, чтобы перейти непосредственно к социализму, хотя мы и имеем для этого политические предпосылки». Поэтому необходимо сохранить руководство крестьянами со стороны рабочих, установить режим экономии, направлять все свободные средства на развитие крупной промышленности, чтобы «обеспечить наше существование до следующего военного столкновения между контрреволюционным империалистическим Западом и революционным Востоком»³. Следовательно, для него вопрос на самом деле оставался открытым.

Несмотря на глубокое недовольство развитием событий в стране, Ленин сохранял веру в победу коммунизма. Он пи-

¹ Ленин В. И. О кооперации // Ленин В. И. ПСС. Т. 45. С. 370.

² Ленин В. И. Лучше меньше, да лучше // Ленин В. И. ПСС. Т. 45. С. 402.

³ Там же. С. 404.

сал, что надо постоянно соревноваться с капиталистами, сравнивать, что сделано на частных предприятиях и что на тех, которыми руководят директора-коммунисты¹. Тогда со временем удастся добиться того, что большинство трудящихся скажет коммунистам: «Вы достигли результатов лучших, после которых ни один разумный человек никогда не подумает вернуться к старому»². Свое последнее публичное выступление 20 ноября 1922 г. Ленин завершил словами: «Из России НЭПовской будет Россия социалистическая»³.

Психологически такую уверенность Ленина понять можно, научное подтверждение — совсем другое дело. После пяти лет существования власти большевиков перспективы были не очевидны. Правда, самому Ленину решать задачу построения социализма уже не пришлось, она досталась в наследство его соратникам и ученикам⁴.

¹ Ленин В.И. Речь на пленуме Московского Совета 20 ноября 1922 г.// Ленин В.И. ПСС. Т. 45. С. 309.

² Там же. С. 308.

³ Там же. С. 309.

⁴ Подробнее см.: Белых А.А. Л.Д. Троцкий и возможность построения социализма// Дэй Р. Лев Троцкий и политика экономической изоляции. М.: ИД «Дело», 2013. С. 11–75.

Дж. Биггарт

«Мировая война и Мировая революция»: интерпретация Александра Богданова

1. «ОТЛУЧЕННЫЙ ОТ МАРКСИЗМА» НАКАНУНЕ РЕВОЛЮЦИИ

В настоящее время общепризнано, что Александр Александрович Богданов (1873–1928) сыграл большую роль в истории русской общественной мысли¹. К началу Февральской революции 1917 г. Богданов уже достиг своей зрелости как философ, политический экономист, социолог, системный мыслитель. Он был автором трех книг по политической экономии. «Краткий курс экономической науки», впервые опубликованный в 1897 г., в 1906 г. выдержал девятое издание (в период 1907–1918 гг. его не переиздавали)². В 1910 г. совместно с И. И. Скворцовым-Степановым Богданов опубликовал первый том «Курса политической экономии»³, а в 1914 г., к большому раздражению В. И. Ленина, издательство «Прибой» выпустило его «Введение в политическую экономию (в вопросах и ответах)»⁴. До начала Первой мировой войны Богданов издал две работы в области

¹ См.: Богданов А. А. Социализм как организационная наука // Гловели Г. Д. История экономических учений. М.: 2012. С. 317–324; Гловели Г. Д. А. А. Богданов: От политической экономии к тектологии // Вопросы политической экономии. 2017. № 1. С. 9–100.

² Богданов А. А. Краткий курс экономической науки. 9-е изд. М.: Издательство С. Дороватовского и А. Чарушникова, 1906.

³ Богданов А. А. Курс политической экономии. Т. I. СПб.: Издательство товарищества «Знание», 1910.

⁴ Богданов А. А. Введение в политическую экономию [в вопросах и ответах]. СПб.: Прибой, 1914. См.: Письмо В. И. Ленина в редакцию журнала «Просвещение», 14 (27) февраля 1914 г. // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 48. М.: Политиздат, 1970. С. 263–264. Далее это издание цитируется как ПСС, затем указывается номер тома и страницы.

социологии мышления. Это «Философия живого опыта» (1913)¹ и «Наука об общественном сознании» (1914)². Что особенно важно, он опубликовал также первые две части своей новаторской работы «Всеобщая организационная наука: Тектология» (1913 и 1917)³. Будучи изгнанным из ленинской фракции РСДРП в 1909 г., Богданов вышел из группы «Вперед» в декабре 1911 г. и отклонил приглашение повторно вступить в эту группу в марте 1912 г. С тех пор он оставался беспартийным социалистом⁴. В июле 1914 г. он завершил работу, в которой свел счеты со своими политическими и философскими соперниками, — «Десятилетие отлучения от Марксизма». В связи с началом войны, а затем из-за большевистской цензуры эта работа была опубликована только в 1995 г.⁵

В июле 1914 г. Богданов был мобилизован и служил на Восточном фронте в качестве полкового врача. Летом 1915 г. он вернулся в Москву после внезапного нервного расстройства. С этого времени он служил в Московском эвакуационном госпитале. С марта 1917 г. и до Октябрьской революции он занимал пост лектора в культурно-просветительном отделе Московского совета рабочих депутатов. В июле 1918 г. он был избран членом Социалистической академии общественных наук.

В своих публикациях советского периода (в учебниках по экономике и изданиях «Тектологии») для обоснования своих взглядов Богданов часто возвращался к событиям войны и ре-

¹ Богданов А. А. Философия живого опыта. Популярные очерки. Материализм, эмпириокритицизм, диалектический материализм, эмпириомонизм, наука будущего. СПб.: Издательство М. И. Семенова, 1913.

² Богданов А. А. Наука об общественном сознании. Краткий курс идеологической науки в вопросах и ответах. М.: Книгоиздательство писателей в Москве, 1914.

³ Богданов А. А. Всеобщая организационная наука [Тектология]. Часть 1. СПб.: Издательство М. И. Семенова, [б. д.]. Предисловие датировано 15 (28) декабря 1912 г.

⁴ Богданов А. А. В Женевский идейный кружок «Вперед». 7 марта 1912 // Неизвестный Богданов. Кн. 2: А. А. Богданов и группа РСДРП «Вперед». 1908–1914 гг. М.: ИЦ АИРО — XX, 1995. С. 208–209, 211–214.

⁵ Неизвестный Богданов. Кн. 3: А. А. Богданов. Десятилетие отлучения от марксизма. Юбилейный сборник (1904–1914). М.: ИЦ АИРО — XX, 1995. С. 208–209, 211–214.

волюции. В данной статье рассматривается, как Богданов реагировал на эти события, и анализируются работы Богданова 1916–1923 гг.

2. Путь к миру

9 марта 1917 г. статья Богданова, озаглавленная «Война и мир», была анонимно опубликована в газете «Социал-демократ», органе Московского бюро Центрального комитета и Московского комитета РСДРП¹. В этой статье в духе Циммервальдского манифеста (сентябрь 1915 г.) автор призывает Временное правительство начать совместно с союзниками переговоры о мире «без аннексий и контрибуций»². В тексте, представленном для публикации, Богданов добавляет, что тем временем «мы будем вести борьбу за мир легальными средствами, пока эти легальные средства у нас имеются»³. Ничто не должно ослаблять ни фронт, ни тыл. Люди защищали страну, потому что они вынуждены были это делать, но сейчас они не только защищают страну, они защищают завоевания революции⁴.

Эти пропагандистские фразы Богданова в защиту, по сути, «революционного оборончества» были исключены из опубликованного текста статьи. Ни в оригинальной, ни в опубликованной версии статьи Богданов напрямую не упоминает Циммервальд, но сам характер правки позволяет предположить, что редакция «Социал-демократа» в марте склонялась если не к «революционному пораженчеству» Ленина, то по край-

¹ В период между 1 ноября 1914 г. и 31 января 1917 г. газета «Социал-демократ» издавалась в Женеве как центральный орган РСДРП. Первый выпуск газеты под этим названием вышел в Москве 7 марта 1917 г. (по старому стилю).

² Война и мир // Социал-демократ. 1917. № 3 от 9 марта (по старому стилю). Статья опубликована без указания авторства, возможно, в связи с тем, что Богданов был недоволен правками, внесенными в его текст.

³ Цитируется по оригинальному тексту Богданова, опубликованному под названием «Борьба за мир». См.: *Богданов А. А. Борьба за мир* // Богданов А. А. Задачи рабочих в революции. М.: Тип. Я. Г. Сазонова, 1917. С. 9.

⁴ Там же. С. 9–10.

ней мере к позиции Циммервальдской левой¹. Богданов больше не публиковался в «Социал-демократе»², однако месяц спустя в обзоре истории Социалистического Интернационала, опубликованном в газете «Известия Московского совета рабочих депутатов» 18 апреля (1 мая) Богданов занял более радикальную позицию: Циммервальдская и Кинтальская конференции призывали трудящихся всех стран объединиться в братской борьбе за мир без аннексий и контрибуций, но сейчас «рабочие революционной России обратились к пролетариям других стран с призывом немедленно и энергично, *всеми путями, легальными и революционными*, вести борьбу за мир»³.

2 (15) мая Богданов выступил в поддержку манифеста «К народам всего мира» от 14 (27) марта, разработанного Циммервальдским блоком социалистов для Исполнительного комитета Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов⁴. Однако к июлю Богданов уже потерял надежду на то, что Временное правительство будет претворять в жизнь Циммервальдскую платформу, поскольку оно начало новое наступление без какой-либо подготовки настроения в войсках. В результате, с одной стороны, «возникли беспорядки и в тыловых частях, анархично-бестолковая демонстрация в Петербурге», а с другой — крен в правую сторону, включая привлечение кадетов заново в правительство, введение смертной казни на фрон-

¹ «О поражении своего правительства в империалистской войне». Опубликовано в газете «Социал-демократ» (Женева) № 43, 26 июля 1915 г. См.: Ленин В. И. ПСС. Т. 26. С. 286–291.

² Согласно С. Кривцову, «с новой установкой большевизма, связанной с приездом Ленина, он никак согласиться не мог». См.: Кривцов С. Памяти А. А. Богданова // Под знаменем марксизма. 1928. № 4 (апрель). С. 184. Как мы видим, Богданов перестал сотрудничать с газетой «Социал-демократ» еще до приезда Ленина.

³ Максимов Н. (sic) Интернационал // Известия Московского совета рабочих депутатов. 1917. № 38. 18 апреля (1 мая). С. 2. Курсив мой. — Дж. Б.

⁴ Богданов А. А. На пути к Интернационалу // Известия Московского совета рабочих депутатов. № 49. 2 (15) мая 1917; Обращение Петроградского совета «К народам всего мира», опубликовано в «Известиях совета рабочих и солдатских депутатов», № 15, 15 марта 1917 г. О Циммервальдском блоке в Петроградском совете см.: Суханов Н. Н. Записки о революции. М.: Политиздат, 1991. Т. 1. с. 276–285.

те и арест лидеров крайней левой партии по подложным обвинениям¹.

3. КРИТИКА «МАКСИМАЛИСТСКОЙ УТОПИИ»

В течение двух месяцев, предшествовавших Циммервальдской конференции в сентябре 1915 г., Ленин составил проект резолюции для левой группы участников, в которой он утверждал, что «объективные условия социализма созрели, и великие державы в теперешней войне борются за искусственную отсрочку гибели капитализма»². Такой анализ также можно найти в брошюре «Социализм и война (Отношение РСДРП к войне)», написанной Лениным и Зиновьевым, опубликованной в Женеве в августе 1915 г.³, и в окончательной версии резолюции Циммервальдской левой, где декларировалось: «Преодоление империализма возможно лишь посредством устранения создавших его противоречий, посредством социалистической организации передовых капиталистических стран, для чего условия уже созрели»⁴.

¹ Богданов А. А. Рабочий класс и Временное правительство / Богданов А. А. Уроки первых шагов революции. М.: Тип. Я. Г. Сазонова, 1917. С. 8–9. Следует отметить, что Богданов, несмотря на всю неприязнь к Ленину, не верил в легенду о «германском золоте». См.: Богданов А. А. О провокации / Богданов А. А. Уроки первых шагов революции. М.: Тип. Я. Г. Сазонова, 1917. С. 19–23.

² Ленин В. И. ПСС. т. 26. С. 383–385. Текст предполагаемого сочинения Ленина, датированный августом 1915 г., и перевод на немецкий язык, посланный Карлу Радеку, см.: Ленинский сборник. XIV. М.—Л.: Госиздат, 1930. С. 165–169. И в книге: Ленин В. И. Соч. 3-е изд. М.: Соцэкгиз, 1935. Т. XXX. С. 230–232. «Вариант» этого текста был опубликован под названием: Проект резолюции об отношении к войне (Август 1915, Зёренберг) // Ленинский сборник. Т. XXX. М.: Партиздат ЦК ВКП(б), 1937. С. 95–97. В этом издании не приводятся объяснений взаимосвязи этих текстов. Только вариант текста, опубликованный в 1937 г., был включен в 26 том полного собрания сочинений В. И. Ленина, где указывается: «написано ранее 13(26) июля 1915 г.».

³ См.: Ленин В. И. Социализм и война // Ленин В. И. ПСС. т. 26. С. 307–350.

⁴ Текст согласованной резолюции Циммервальдской левой см.: В. И. Ленин. Соч. 3-е изд. М., 1935. Т. XVIII. С. 416–417. Считается, что окончательный текст резолюции был основан на черновике не Ленина, а Радека, который не сохранился. См.: Ленинский сборник. XIV. М., 1930. С. 165, 177 (ссылка 1), с. 196 (ссылка 2). Резолюция была опубликована совместно с официаль-

Резолюция левой группы не была принята для обсуждения на Циммервальдской конференции, однако она была опубликована вместе с официальным манифестом конференции в газете «Социал-демократ» (Женева) в октябре 1915 г. Можно предположить, что Богданов был знаком с этими материалами, поскольку в январе 1917 г. он направил в журнал «Летопись» рукопись, в первой части которой («Опасные мечты») критиковал теорию, согласно которой определенный уровень развития производительных сил является достаточным условием для перехода к социализму¹. В этой работе Богданов, без упоминания фамилии Каменева, высмеивал статью, опубликованную в «Летописи» в 1916 г., где Каменев привел статистические данные в поддержку этой теории².

Эта состоящая из двух частей статья Богданова не была принята к печати редакцией журнала «Летопись», однако обе части, уже под названиями «Завтра ли?» и «Программа культуры» Богданов в дальнейшем включил в брошюру «Вопросы социализма», отправленную в печать вскоре после ноября 1917 г. Статью «Завтра ли?» Богданов начинает со следующего замечания:

«В левом, интернационалистском крыле нашей социал-демократии теперь господствуют взгляды так называемого „максимализма“... Сущность этих взглядов сводится к той мысли, что осуществление социализма является исторически уже вопросом завтрашнего дня, что переживаемый человечеством теперь кризис есть именно кризис перехода от капитализма к социализму <...> пролетариат Европы и Америки выполнит

ным манифестом и резолюциями конференции в газете «Социал-демократ» (Женева), № 45–46 от 11 октября 1915 г., под заголовком «Всемирная война и задачи социал-демократии».

¹ Об истории публикации этой состоящей из двух частей статьи см.: письмо Богданова Базарову от 2, 15, 19 января и 8 февраля 1917 г., а также его письмо издателям газеты «Новая жизнь» от 30 мая 1917 г., опубликованные в: *Богданов (Малиновский) А. А.* Статьи, доклады, письма и воспоминания 1901–1928 гг. Книга 1. М.: ИЦ АИРО — XX, 1995. С. 179–186.

² См.: *Каменев Ю.* Социальное содержание империализма // *Летопись*. 1916. № 9. Богданов, в частности, ссылается на с. 166–167 в своей статье «Завтра ли?». См.: *Богданов А. А.* Завтра ли? // *Вопросы социализма*. М.: Книгоиздательство писателей в Москве, 1918. С. 47–49.

дело социализма сначала у себя; потом поможет рабочим остальных стран, как наша Россия, сделать то же самое; и мировая задача коллективизма будет разрешена»¹.

Для Богданова провозглашение Лениным «социалистической» революции в апреле 1917 г. было утопичным, а введение военного коммунизма после октября «делает его позицию еще несравненно более утопичной»². В 1905 г. «максималист Троцкий» утверждал, что окончательный успех русской социалистической революции на этом пути зависел бы от успехов пролетарской революции в Европе³, однако «нужна сильная вера, чтобы не сомневаться, что европейские рабочие, которые это время в большинстве так покорно шли за капиталистами... завтра захотят и смогут заново перестроить общество в самых основах»⁴.

Любая попытка принудить рабочий класс преждевременно строить социализм будет политической авантюрой: «Предпо-

¹ Богданов А. А. Завтра ли? // Вопросы социализма. М.: Книгоиздательство писателей в Москве, 1918. С. 21.

² Богданов А. А. Государство-коммуна // Вопросы социализма. М.: Книгоиздательство писателей в Москве, 1918. С. 96, ссылка 1.

³ Троцкий Л. Д. Военный коммунизм и государственный капитализм // Вопросы социализма. М.: Книгоиздательство писателей в Москве, 1918. С. 90. Троцкий изложил свою теорию перманентной революции в главе «Итоги и перспективы» (сборник: Наша Революция. СПб.: изд. Н. Глаголева, 1906). В 1917 эта глава была переиздана в Санкт-Петербурге отдельной брошюрой. Она была также издана в Берлине под названием «Перспективы Русской революции» (в издательстве J. Ladyschnikow Verlag). См. также главу «Интернациональная тактика» в брошюре Троцкого «Что же дальше? (Итоги и перспективы)» (Пг.: Прибой, 1917. С. 27–30).

⁴ Богданов А. А. Государство-коммуна // Вопросы социализма. М.: Книгоиздательство писателей в Москве, 1918. С. 96. После того как Луначарский принял должность в правительстве Ленина, Богданов причислил его к «максималистам». См.: Письмо Богданова к Луначарскому, 19 ноября 1917 // Богданов (Малиновский) А. А. Статьи, доклады, письма и воспоминания 1901–1928 гг. Книга 1. М.: ИЦ АИРО — XX, 1995. С. 352; Михаил Александрович Лурье (Юрий Ларин), автор статьи «Утописты минимализма и действительность», назван теоретиком максимализма в: Вопросы социализма (1918). С. 73, 88–89. После критики «Вопросов социализма» Бухариным в «Коммунисте» (МК РСДРП, 1918, № 3) Богданов также включил «теоретика левых коммунистов» в эту категорию. См. статью Богданова «Повязка» (Новая жизнь. 1918. № 8, 9 июня).

ложим, что явился новый Аракчеев, в более широком масштабе, что ему удалось захватить достаточную власть и, посадив во всех предприятиях чиновников, подчинить всю хозяйственную жизнь руководству надлежащего числа департаментов и что в результате, как и естественно ожидать, получилось [бы] быстрое расточение производительных сил, а затем крах всей этой системы»¹.

4. КОНЦЕПЦИЯ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

«Я стоял тогда на старобольшевистской точке зрения и начинающуюся в России революцию рассматривал как демократическую; большинство русских большевиков тоже еще думали так»².

После Февральской революции Богданов приветствовал формирование Временного правительства: в марте 1917 г. он писал, что задача Учредительного собрания состоит в создании «народного строя и народной власти», основанных на всеобщем, равном, прямом и тайном избирательном праве³. Социальные сословия должны быть уничтожены. В стране должны быть обеспечены полные гражданские свободы, равный статус для всех национальностей. Основанная на этих принципах парламентская система позволит создать механизмы, необходимые для урегулирования классовых конфликтов⁴.

Решение социалистических партий участвовать во Временном правительстве Богданов одобрил, поскольку считал, что функции поддержки, контроля и, при необходимости, руководства правительством могли быть лучше исполняемы изну-

¹ Богданов А. А. Завтра ли? // Вопросы социализма. М.: Книгоиздательство писателей в Москве, 1918. С. 40.

² Богданов А. А. Открытое письмо тов. Бухарину, 10 декабря 1921 // Богданов (Малиновский) А. А. Статьи, доклады, письма и воспоминания 1901–1928 гг. Книга 1. М.: ИЦ АИРО — XX, 1995. С. 204.

³ Богданов А. А. Учредительное собрание // Богданов А. А. Задачи рабочих в революции. М.: Тип. Я. Г. Сазонова, 1917. С. 3–5.

⁴ Богданов А. А. Вопросы социализма. М.: Книгоиздательство писателей в Москве, 1918. С. 95.

три¹. После июльского кризиса Богданов оценил возможности Советов («революционной демократии») принять на себя все функции правительства и пришел к выводу, что теперь Советы на это способны. Однако при этом он имел в виду многопартийное социалистическое правительство, подотчетное Советам, которое возьмет на себя ответственность за созыв Учредительного собрания². Раньше, в статье «Государство-коммуна» (июнь 1917 г.), он подверг лозунг «Вся власть Советам!» жесткой критике. Богданов полагал, что аналогия, которую Ленин проводил с Парижской коммуной 1870–1871 гг., основана на ряде заблуждений³. Парижская коммуна была напрямую выбрана большинством населения, в то время как рабочие, солдаты и крестьяне избирались в отдельные Советы, при этом электоральная база этих Советов была различной. Выборы в Советы высшего уровня были непрямыми. С этой точки зрения Советы представляли собой низшую форму демократии по сравнению с Парижской коммуной⁴.

¹ Богданов А. А. Рабочий класс и Временное правительство // Богданов А. А. Уроки первых шагов революции. М.: Тип. Я. Г. Сазонова, 1917. С. 3–5.

² Там же. С. 9.

³ Богданов А. А. Государство-коммуна // Богданов А. А. Вопросы социализма. М.: Книгоиздательство писателей в Москве, 1918. С. 91–99. В этой работе Богданов ссылается на статью Ленина «Письма о тактике» [Написана в апреле 1917 г. и издана отдельной брошюрой. См.: ПСС. Т. 38. С. 131–144.— Прим. науч. ред.]. При публикации работы «Государство-коммуна» (в мае статья была отвергнута издателями «Новой жизни») издатели «Известий» пригласили сторонников Ленина прокомментировать статью. Согласно Богданову, ответа они не получили. См.: Богданов А. А. Вопросы социализма. М.: Книгоиздательство писателей в Москве, 1918. С. 91.

⁴ Богданов ссылается на различия электоральной базы при выборе одного депутата в разных городах (от 50, 100 или 200 человек) и на многоступенчатость выборной системы, когда «...делегаты от городских рабочих Советов образуют губернские, от губернских — областные, от областных — всероссийский; у крестьян же число ступеней еще больше». См. Богданов А. А. Государство-коммуна // Богданов А. А. Вопросы социализма. М.: Книгоиздательство писателей в Москве, 1918. С. 92.

5. БОГДАНОВ КАК «ЭВОЛЮЦИОННЫЙ» СОЦИАЛИСТ

«Дело идет о том, чтобы отобрать средства производства у частных собственников»¹.

В 1917–1918 гг. Богданов предполагал, что после окончания войны определенные элементы системы военного коммунизма, противоречащие общей линии развития капитализма, либо исчезнут, либо будут сведены к минимуму, например, монополизация распределения некоторых продуктов государством, государственно-чиновническое регулирование производства, сбыта и потребления. Другие элементы, например, синдикаты и тресты, могут продолжить существовать². Его анализ основывался на предположении, что такая система «государственного капитализма» будет функционировать в рамках демократического общества, гарантирующего свободу волеизъявления, свободу собраний, работу профсоюзов. Конкретные реформы, предложенные Богдановым за несколько месяцев до Октябрьской революции, можно назвать реформами «эволюционного» социалиста³.

РЕФОРМА УСЛОВИЙ ЖИЗНИ РАБОЧЕГО КЛАССА

При Временном правительстве Богданов не выдвигал каких-либо предложений по структурному реформированию промышленности; в частности, он не выступал сторонником национализации. Его предложения были нацелены прежде всего на улучшение материального положения рабочего класса. Учредительное собрание должно включить социал-демократическую «программу-минимум» в новый фундаментальный закон. Закон должен гарантировать 8-часовой рабочий день (на предприятиях военной промышленности и при производстве товаров первой необходимости это нель-

¹ Богданов А. А. Путь к социализму. М.: Новая Россия, 1917. С. 6.

² Там же. С. 28–29; Богданов А. А. Военный коммунизм и государственный капитализм // Богданов А. А. Вопросы социализма. М.: Книгоиздательство писателей в Москве, 1918. С. 86.

³ Богданов А. А. Путь к социализму. М.: Новая Россия, 1917. С. 19–20.

зя ввести сразу же), а также государственное страхование безработицы¹. Следовало законодательно установить минимум заработной платы. При растущей дороговизне и получении капиталистами крупных прибылей рабочие должны были иметь право требовать повышения зарплаты². Бремя налогообложения должно быть переложено на состоятельные классы³.

РЕФОРМА АГРАРНЫХ ОТНОШЕНИЙ

В 1917 г. отношение Богданова к крестьянству было противоречивым. В своих предложениях по реформе он, кажется, был довольно оптимистичен по вопросу об отношениях с крестьянством после демократической революции. По его мнению, большинство эксплуатируемого крестьянства должно было поддержать рабочих «в борьбе против засилья крупного капитала, пока эта борьба не переходит к окончательному уничтожению собственности на средства производства... Однако и тогда не будет оснований противодействовать перевороту... кто пожелает, останутся при своей земле и в своем хозяйстве: им придется выменивать свой хлеб и другие свои продукты на продукты остальной, социалистической части общества... тогда они начнут идти за другими, сами присоединятся к общему

¹ См.: Резолюция Всероссийской конференции РСДРП 3–9 января 1909 (н. с.) «О Думской социал-демократической фракции» // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 8-е изд. Т. 1. М.: Политиздат, 1970. С. 253.

² После заключения соглашения между Советом рабочих депутатов Петербурга и Петербургским обществом заводчиков и фабрикантов, позволяющего организацию сверхурочных работ на добровольной основе, Богданов предупреждал о возможных злоупотреблениях и подчеркивал, что, по опыту других стран, более короткий рабочий день ведет к повышению производительности. См.: *Богданов А. А. О восьмичасовом рабочем дне* // Богданов А. А. Задачи рабочих в революции. М.: Тип. Я. Г. Сазонова, 1917. С. 12–14. См. также: *Богданов А. А. Откуда революция и каковы теперь задачи рабочих* // Богданов А. А. Задачи рабочих в революции. М.: Тип. Я. Г. Сазонова, 1917. С. 19–20; *Богданов А. А. Уроки первых шагов революции*. М.: Тип. Я. Г. Сазонова, 1917. С. 13.

³ *Богданов А. А. Учредительное собрание* // Богданов А. А. Задачи рабочих в революции. М.: Тип. Я. Г. Сазонова, 1917. С. 5.

социалистическому хозяйству, ввиду его выгоды и преимущества»¹.

Между тем земли помещиков, уделы, монастырские и государственные земли должны быть переданы крестьянству. Леса, сельскохозяйственные предприятия на местах, образцовые хозяйства должны перейти под юрисдикцию новых демократических земств или союзов кооперативов. Формы владения должны определяться Советами крестьянских и рабочих депутатов и окончательно утверждаться Учредительным собранием. В среднесрочной перспективе Богданов предвидел появление широкого слоя мелких земельных собственников. В 1917 г. он нигде не говорит ни о крестьянской общине, ни о коллективном использовании земли². В то же время его предложения (сделанные в марте 1917 г.) были созвучны аграрной программе, принятой РСДРП на «Объединительном» съезде в Стокгольме в 1906 г., и частично с избирательным лозунгом Ленинской конференции в Праге в 1912 г., который призвал к конфискации всей помещичьей земли³.

Предложения Богданова по аграрному вопросу отличались от предложений, выдвинутых в мае 1917 В. И. Лениным, поскольку тот открыто выступал против передачи земли в собственность крестьян: «Собственность на землю должна быть общенародной, а установить ее должна общегосударственная власть»⁴. При этом каждый «берет землю в аренду у государства»⁵. Богданов, будучи «коллективистом», предвидел,

¹ Богданов А. А. Путь к социализму. М.: Новая Россия, 1917. С. 7.

² Богданов А. А. Задачи рабочих в революции. М.: Тип. Я. Г. Сазонова, 1917. С. 20–21; Богданов А. А. Путь к социализму. М.: Новая Россия, 1917. С. 7. В своих работах советского периода Богданов не приводил конкретных предложений по социализации сельского хозяйства.

³ См.: Четвертый (Объединительный) съезд РСДРП: «Аграрная программа» // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 8-е изд. Т. 1. М.: Политиздат, 1970. С. 170–171; О выборах в IV Государственную Думу // Конференция РСДРП 1912 года. М.: РОССПЭН, 2008. С. 504.

⁴ См.: Ленин В. И. I Всероссийский съезд Крестьянских депутатов. Речь по аграрному вопросу 22 мая (4 июня) 1917 г. // Ленин В. И. ПСС. Т. 32. С. 176 (см. также с. 169–170).

⁵ Ленин В. И. Аренда должна была быть выплачена крестьянским советам // Ленин В. И. ПСС. Т. 32. С. 177–178, 181–182.

конечно, создание «общего социалистического хозяйства», а Ленин конкретно уже в мае 1917 г. предложил, чтобы на основе 30000 крупнейших хозяйств были созданы «образцовые хозяйства для *общей* обработки... Без этой *общей* обработки под руководством Советов сельскохозяйственных рабочих не выйдет так, чтобы вся земля была у *трудящихся*... Вот то социалистическое учение, вот то наблюдение над другими народами, которое нас привело к твердому убеждению, что без общей обработки земли сельскохозяйственными рабочими с применением наилучших машин и под руководством научно-образованных агрономов нет выхода из-под ига капитализма»¹.

В некоторых публикациях 1917–1918 гг. Богданов выразил озабоченность по вопросу об отношении к крестьянскому движению. В работе «Государство-коммуна» (июнь 1917 г.) он критиковал политику союза рабочих с беднейшим крестьянством: крестьянин по природе своей собственник; рост цен на продукты потребления является потенциальным источником конфликта; в настоящее время рабочие и крестьяне в каждом Совете противостоят друг другу как великие державы, в этом их основном антагонизме состоит риск возникновения гражданской войны². Угроза, которую представляло собой крестьянство для рабочего социализма, была тем сильнее, что, по «удивительному историческому парадоксу», этот класс нашел свой политический инструментарий не у партии социалистов-революционеров, а у партии большевиков: «Солдатские массы, не привыкшие к самостоятельной политической жизни, неспособные, по уровню развития, руководить собою, искали полити-

¹ См.: Ленин В.И. I Всероссийский съезд Крестьянских депутатов. Речь по аграрному вопросу 22 мая (4 июня) 1917 г. // Ленин В.И. ПСС. Т. 32. С. 186–187. Курсив в оригинале. Предложение большевиков о создании государственных хозяйств было исключено из «Основного закона о социализации земли» (27 января (9 февраля) 1918 г.) по настоянию левого эсера, комиссара по сельскому хозяйству Л. А. Коллегаева, который возражал против «наемного рабства». См.: Bunyan J., Fisher H.H. The Bolshevik Revolution 1917–1918. Documents and Materials. Stanford University Press, 1934. С. 672.

² Богданов А.А. Государство-коммуна // Богданов А.А. Вопросы социализма. М.: Книгоиздательство писателей в Москве, 1918. С. 93–94, 97.

ческого пристанища и, естественно, нашли его в партии мира, в большевизме. Так большевизм стал не рабочей, а рабоче-солдатской партией»¹.

В соответствии с законом организационной науки, если целое состоит из элементов с различным уровнем организации, тогда элемент с самым низким уровнем организации будет определять поведение всего целого: «В рабоче-солдатской партии крыло более отсталое, политически ниже организованное — это солдатское. Поэтому рабочее крыло и должно приспосабливаться к его уровню, точке зрения, методам. В политике рабоче-солдатская партия есть на деле просто солдатская. Так это все время и наблюдается»².

Показателем разрыва с рабочим социализмом стал тот факт, что сам идеал социализма большевики стали называть «пролетарско-крестьянским». Между тем «раньше ученики Маркса и Энгельса никогда не помышляли о таком идеале»³.

6. КРИТИКА БОЛЬШЕВИСТСКИХ МЕТОДОВ УПРАВЛЕНИЯ

В 1918 г. Богданов выступал с критикой утверждения В.А. Базарова о том, что германская система экономического планирования может рассматриваться как переходная форма экономики между капитализмом и социализмом⁴. Методы, используемые «буржуазно-юнкерским государством», заключались в основном в распределении ущерба от войны, во избе-

¹ Богданов А. А. Судьбы рабочей партии в нынешней революции (Часть 1) // Новая жизнь. 1918. № 19. 26 января. Здесь и далее даты номеров газеты «Новая жизнь» даны по старому стилю.

² Там же.

³ Богданов А. А. Судьбы рабочей партии в нынешней революции (Часть 2) // Новая жизнь. 1918. № 20. 27 января.

⁴ Богданов А. А. Военный коммунизм и государственный капитализм // Богданов А. А. Вопросы социализма. М.: Книгоиздательство писателей в Москве, 1918. С. 80–86. Богданов ссылается на статью: Базаров В. А. Русская революция и социализм // Новая жизнь. 1917. № 39. 3(16) июня. По этому вопросу см.: Белых А. А., Мау В. А. Безответственный критик в пределах цензурных возможностей // Базаров В. А. Избранные произведения: В 2 т. М.: ИД «Дело», 2014. Т. 1. С. 35–37.

жение крушения каких-либо отраслей народного хозяйства. Регулировался прежде всего процесс расточения народных сил и народного богатства. Такая форма экономического нормирования не оставляет места инициативе, не имеет творческого содержания¹.

В статье в газете «Новая жизнь» в январе 1918 г. он привел многочисленные иллюстрации «несоциалистического» характера большевистских методов управления экономикой. В то время как развитый рабочий класс предрасположен к тщательно рассчитанным и планомерным действиям, солдаты применяют методы прямых атак и используют силу. В том, что большевики действовали именно таким образом, можно было убедиться на примере разрушительного эффекта решения о национализации банков. Также с точки зрения рабочего класса («организационно-деловой») было бы гораздо более разумно сменить руководителей судебных учреждений, дополнять или заменять законы. Вместо этого правовые учреждения были разрушены, а администрирование правосудия было подорвано².

Даже вопрос рабочего контроля над производством был решен с солдатской точки зрения. Ленинский декрет от ноября 1917 г. передал фабрично-заводским комитетам все управление промышленными предприятиями. Этот декрет практически повторял модель контроля, установленного солдатскими комитетами за ротным и полковым хозяйством, т. е. модель потребительного хозяйства, в рамках которого все сводится к ассигновкам, доставке продуктов из интендантства и их проверке. В противоположность этому «вопросы о расширении или сокращении производства предполагают знание и точный учет условий рынка, часто не только местного, но мирового; вопросы финансирования — знание, учет отношений и связей кредита. Никогда еще рабочим передовых стран не приходило и в голову ставить текущему со-

¹ Богданов А. А. Завтра ли? // Богданов А. А. Вопросы социализма. М.: Книгоиздательство писателей в Москве, 1918. С. 42–44, 46.

² Богданов А. А. Судьбы рабочей партии в нынешней революции (Часть 2) // Новая жизнь. 1918. № 20. 27 января.

ставу рабочих каждого предприятия такие явно непосильные задачи»¹.

Принятие «Декрета о рабочем контроле» привело к бегству капиталистов и инженеров, к дезорганизации и закрытию предприятий. Неожиданным последствием стал подрыв солидарности рабочего класса, поскольку он оказался вовлечен в конкуренцию за рынки, цены и кредиты².

Противоположность военного коммунизма и истинного социализма наиболее рельефно выступила в пренебрежительном отношении большевиков к интеллигенции. Совнарком постановил, что плата чиновникам, в том числе и самим комиссарам-министрам, должна быть не выше «заработной платы обученного рабочего», и в начале определил ее максимум в 500 рублей за месяц. Однако «согласно учению Маркса, стоимость рабочей силы определяется уровнем нормальных потребностей работника, удовлетворение которых дает ему полную трудоспособность. Именно поэтому плата обученного рабочего выше платы чернорабочего. Но очевидно, что по той же самой причине плата еще более обученного интеллигента-организатора, выполняющего гораздо более сложный и интенсивный труд ответственного администратора, профессора, старшего инженера, ученого специалиста, офицера, должна быть еще выше. Иначе нет наибольшей работоспособности, и для дела получается ущерб, во много раз, иногда неизмеримо превосходящий выгоду от сбережения платы. Это — азбука экономической науки³. <...> Разве Ленин и Троцкий не читали Маркса?»⁴

¹ Богданов А. А. Судьбы рабочей партии в нынешней революции (Часть 2) // Новая жизнь. 1918. № 20. 27 января.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Богданов А. А. Письмо Луначарскому, 19 ноября 1917 // Богданов А. А. Вопросы социализма: Работы разных лет. М.: Политиздат. 1990. С. 353.

7. ПРОЛЕТКУЛЬТ И ЭВОЛЮЦИЯ КОЛЛЕКТИВИЗМА В ОБЩЕСТВЕ

«Я утверждаю, что для осуществления социализма пролетариат сам должен стать социалистическим, не только в сознании, но и в подсознании, не только по идеалу, но и по основным отношениям быта, по методам практики и мышления»¹.

Программа культурной революции Богданова была предназначена для просвещения пролетариата. В ближайшем обозримом будущем, рабочие должны были приобрести опыт управления производством и «контроля» за потреблением и сбытом². Профсоюзы, кооперативы производителей и потребителей, политические партии рабочих, а также культурная деятельность рабочих помогли бы постепенно заместить дух потребительского индивидуализма на дух товарищеских отношений, «солидарности» или «коллективизма». В перспективе пролетариат как класс исчезнет³.

Одной из организаций, в которых работал Богданов, был Пролеткульт, созданный для обеспечения развития социалистического сознания. Уже в марте 1912 г., разочаровавшись в методах партийной политической борьбы, он писал, что теперь «намерен употребить все усилия к организации Союза социалистической культуры, который, как я полагаю, не будет партийной фракцией и не будет конкурировать с собственно политическими организациями»⁴. Первая конференция пролетарских культурно-просветительных организаций состоялась в Петрограде 16–19 октября 1917 г., за неделю до

¹ Богданов А. А. Повязка // Новая жизнь. № 8. 9 июня 1918 г. Статья является ответом на рецензию Бухарина о книге Богданова «Вопросы социализма», опубликованную в: Коммунист (МК РСДРП). 1918. № 3. См. также: Богданов А. А. Письмо т. Н. к т. НН., 24 ноября 1920 // Богданов (Малиновский) А. А. Статьи, доклады, письма и воспоминания 1901–1928 гг. Книга 1. М.: ИЦ АИРО — XX, 1995. С. 201.

² Богданов А. А. Путь к социализму. М.: Новая Россия, 1917. С. 20, 28–29.

³ Там же. С. 15.

⁴ Богданов А. А. В Женевский идейный кружок «Вперед». 7 марта 1912 // Неизвестный Богданов. Кн. 2: А. А. Богданов и группа РСДРП «Вперед». 1908–1914 гг. М.: ИЦ АИРО — XX, 1995. С. 211.

Октябрьской революции. В ней участвовало 208 культурно-просветительных организаций¹. При поддержке наркома просвещения А. В. Луначарского 28 ноября 1917 г. Пролетарская культурно-просветительная организация («Пролеткульт») была основана в Москве². Программа культурной революции должна была осуществляться во всемирном масштабе³. 12 августа 1920 г. на совещании делегатов Второго конгресса Коминтерна и руководителей Пролеткульта было избрано Временное международное бюро Пролеткульта⁴. 14 августа 1920 г. газета «Известия» писала, что в российском Пролеткульте насчитывается не менее 400 000 участников, из которых 80 000 активно участвовали в работе; издавалось 16 журналов⁵. Нет сомнения, что успех Пролеткульта был одной из причин, почему Ленин, как и до революции, предал Богданова анафеме⁶.

¹ Единственный отчет о заседании конференции появился в газете «Рабочий путь», 1917, № 38, 17 октября. Он был перепечатан в: Октябрьская революция и фабзавкомы. Материалы по истории Фабрично-заводских комитетов. Ч. 1. Пг. — М., 1927.

² Решение от 28 ноября 1917 г. см.: *Смирнов И. С.* К истории Пролеткульта // Вопросы литературы. 1968. № 1. С. 113.

³ *Богданов А. А.* Мировая война и подготовка к социализму // Богданов А. А. Путь к социализму. М.: Новая Россия, 1917. С. 28. См. также: *Богданов А. А.* На пути к Интернационалу (Впервые опубликовано: Известия Московского Совета рабочих депутатов. № 49, 2 мая 1917; перепечатано: *Богданов А. А.* Уроки первых шагов революции. М.: Тип. Я. Г. Сазонова, 1917. С. 15–19).

⁴ См.: Пролетарская культура. 1920. № 17/19. С. 1–5. Второй конгресс Коминтерна проходил в Петрограде 19–22 июля 1920 и в Москве 23 июля–7 августа 1920 г.

⁵ Известия, 14 августа 1920 г. См. также: *Biggart J. Alexander Bogdanov and the short history of the Kultintern* (август, 2016). URL: <https://bogdanovlibrary.files.wordpress.com/2016/08/2016-08-14-biggart-bogdanov-kultintern.pdf>.

⁶ Ленин сообщил В. Д. Бонч-Бруевичу, что он намерен переиздать «материализм и эмпириокритицизм» (это произошло до 2 сентября 1920 г.). Для новой редакции В. И. Невский написал введение «Диалектический материализм и философия мертвой реакции». См. Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 9. М., 1978. С. 236.

8. РЕФОРМА ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК

Постсоветская экономическая история признала значительный вклад Богданова в развитие теории и практики экономического планирования¹. Однако экономическое планирование Богданов считал лишь наукой взаимоотношения людей в процессе производства и присвоения. «Хозяйственное планирование», в отличие от экономического планирования, рассматривает общество как культурное образование, которое развивается во взаимосвязи с окружающей природной средой². Такой подход требует мультидисциплинарной программы «идейно-культурного развития». В буржуазном обществе существует одно препятствие к пониманию хозяйственного планирования, которое заключается в фрагментации исторических, философских, политических и юридических наук. Эту фрагментацию науки можно будет преодолеть путем освоения на всех уровнях общества всеобщей организационной науки³. До конца 1921 г. Богданов уже сформулировал «Принципы реформы общественных наук с организационной точки зрения»⁴.

¹ См.: *Belykh A. A. A Note on the Origins of Input-Output Analysis and the Contribution of the Early Soviet Economists: Chayanov, Bogdanov and Kritsman // Soviet Studies. 1989. Vol. 41. № 3. P. 426–429; Бельх А. А. Теория равновесия А. А. Богданова и советские экономические дискуссии 20-х годов // Труды комиссии по научному наследию А. А. Богданова. Институт экономики РАН. М.: 1992. С. 126–144; также: Belykh A. A. Bogdanov's Tektology and Economic theory // Alexander Bogdanov and the Origins of Systems Thinking in Russia. Aldershot, 1998. P. 143–156.*

² В «Тектологии» Богданов показал, что «знание—это результат организации природы через труд». См.: *Rispoli G. «Sharing in action: Bogdanov, the living experience and the systemic concept of the environment»*. Доклад представлен на конференции «Culture as Organization in Early Soviet Thought: Bogdanov, Eisenstein and the Proletkult» (Spherical Book I. Aalto University. 2016. См. URL: www.academia.edu/29344113/).

³ *Богданов А. А. Завтра ли? // Богданов А. А. Вопросы социализма. М.: Книгоиздательство писателей в Москве, 1918. С. 28–30. О планах Богданова по преобразованию социальных наук см.: Богданов А. А. План пересмотра наук с организационной точки зрения // Вопросы философии. 2003. № 1. С. 119 (предисловие к публикации: А. П. Огурцов и В. С. Клебанер).*

⁴ См.: *Богданов А. А. Принципы реформы общественных наук с организационной точки зрения // Вопросы философии. 2003. № 1. Работа написана не позднее конца 1921 г.*

9. РОЛЬ ВСЕОБЩЕЙ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ НАУКИ

В 1917–1918 гг. Богданов призывает к отмене частной собственности, но не дает конкретных предложений по институциональной перестройке посткапиталистической экономики. Цель «программы-минимум» в области экономики состояла в том, чтобы создать регулируемую рыночную экономику, которая обеспечит условия равновесия, необходимые для построения социализма. «Программа-максимум» Богданова является не программой политико-экономических реформ, а прежде всего программой перестройки мировоззрения и системы ценностей общества, программой культурной революции.

Инструментом, который будет обеспечивать переход от «программы-минимум» к «программе-максимум», была для Богданова его всеобщая организационная наука, которая открыла законы (закон цепной связи, закон пропорциональности как условие равновесия, закон наименьших), согласно которым происходит взаимодействие в природе, обществе и мышлении. Эти законы должны соблюдаться в экономическом планировании, в научной организации труда и во всех сферах общественной и политической жизни. Всеобщая организационная наука будет изучаться и пониматься всеми. В особенности она станет орудием нового типа рабочего, который появится по мере того, как технология преобразует промышленное общество и пропадут существующие различия между интеллектуально-техническим трудом и физическим трудом, между «директором-инженером» и рабочим, между «организационной» и «исполнительской» функциями трудового процесса¹. В январе

¹ Богданов А. А. Коллективистический строй // Богданов А. А. Вопросы социализма. М.: Книгоиздательство писателей в Москве, 1918. С. 10–11. Г. Д. Гловели обратил внимание на подобное описание посткапиталистического общества в работе Энгельса «Анти-Дюринг»: «Вырастив новое поколение всесторонне развитых производителей, которые понимают научные основы всего промышленного производства и каждый из которых изучил на практике целый ряд отраслей производства от начала до конца, общество создаст новую производительную силу». См.: Гловели Г. Д. А. А. Богданов: От политической экономии к тектологии // Вопросы политической экономии. 2017. № 1. С. 81. [См. также: Энгельс Ф. Анти-Дюринг // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М.: Госполитиздат, 1961. Т. 20. С. 308.—Прим. науч. ред.].

1921 г. на конференции по научной организации труда и производства Богданов изложил свою концепцию роли организационной науки: «Так и ставит свои проблемы всеобщая организационная наука, или *тектология*, т. е. учение о строительстве. Она стремится систематизировать организационный опыт человечества в целом и выясняет общие организационные закономерности, поднимаясь до универсальных законов сочетания каких бы то ни было элементов. Для нее организация вещей, организация людей, организация идей — техника, экономика, идеология — лежат не в обособленных плоскостях, а выступают как структурные комбинации вообще. Это вполне аналогично тому, как для математики счет миров, атомов, единиц, энергии, людей, представлений являются частными случаями счета вообще и подчиняются одним и тем же законам»¹.

10. УТОПИЗМ И ИДЕЯ ПРОГРЕССА

Как известно, Богданов был сознательным утопистом. Богданов, автор двух романов-утопий, и в своих журнальных статьях выразил свои представления о будущем². В 1918 г. он следующим образом характеризует «коллективистический строй»: «Мировое товарищеское сотрудничество людей, не разъединенных частной собственностью, конкуренцией, эксплуатацией, классовой борьбой, властвующих над природой, сознательно и планомерно творящих свои взаимные отношения и свое царство идей, свою организацию жизни и опыта»³.

¹ Богданов А. А. Организационная наука и хозяйственная планомерность // Труды Первой Всероссийской инициативной конференции по научной организации труда и производства 20–27 января 1921 г. Вып. 1. Заседания пленума конференции. М.: Орг. тройка конф. по науч. орг. труда и пр-ва, 1921. С. 9–10. См. также: Богданов А. А. Организационные принципы социальной техники и экономики (лекция 15 сентября 1921) // Вестник Социалистической академии. 1923. № 4.

² См. Богданов А. А. Красная звезда. Роман-утопия. СПб.: Товарищество художников печати, 1908; Богданов А. А. Инженер Мэнни. Фантастический роман. М.: Издательство С. Дороватовского и А. Чарушникова, 1912.

³ Богданов А. А. Идеал и путь // Богданов А. А. Вопросы социализма. М.: Книгоиздательство писателей в Москве, 1918. С. 101.

В этой его картине будущего мы наблюдаем своего рода тысячелетнюю хилиастическую надежду на социальную справедливость, надежду, которая часто возрождается во времена экономического кризиса и социальной поляризации. Безусловно, эйфория подобного видения будущего отражает обстоятельства того времени. Утопизм Богданова проявляется и в его работе «Путь к социализму», в которой он уверяет, что развитие техники гарантирует прогрессивную эволюцию общества. «Благодаря техническому прогрессу, переход к социализму становится устранением не только нищеты, но и вообще бедности; делается возможным общее материальное благосостояние, значительное сокращение физического труда, освобождение времени и энергии для умственного труда, причем он станет делом, доступным всей массе человечества, а не только меньшей его части, как теперь»¹.

Здесь Богданов впадает в технологический детерминизм, но в большинстве своих трудов 1917–1918 гг. он утверждает, что эффективность техники зависит от конкретных условий, от уровня культурно-идеологического развития. При этом Богданов предупреждает, что в истории не происходит непрерывного прогресса. Можно представить себе такие формы адаптации к возникающим кризисам, которые не соответствуют идеалам гуманизма: регрессия, деградация.

11. «ВОЕННЫЙ КОММУНИЗМ» И «ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КАПИТАЛИЗМ»

«Необходимость военного коммунизма в России, конечно, почувствовалась уже с половины 1915 года... Товарищи, в декабре 1917 года я делал публичный доклад, где я говорил, что у нас военный коммунизм. Это было напечатано в январе 1918 года. Но в официальной литературе это было сказано в апреле 1921 года»².

¹ Богданов А. А. Путь к социализму. М.: Новая Россия. 1917. С. 8.

² Богданов А. А. Версальское устроительство. Заседание Социалистической академии общественных наук 14 сентября 1922 г. // Вестник Социалистической академии. 1922. № 1 (ноябрь). С. 148, 149.

В течение 1916 г. Богданов опубликовал четыре статьи в журнале «Летопись», в которых он анализировал истоки Первой мировой войны и динамику развития экономик воюющих сторон¹. Теория «военного коммунизма» Богданова хорошо проанализирована в российской экономической литературе, так что в данной статье мы рассмотрим только то, как он использовал эту теорию в 1917 и 1918 гг.² Согласно Богданову, военный коммунизм, возникший как система управления военным потреблением, привел к возрастающему вмешательству государства в другие сферы экономики (предоставление пособий семьям призванных; карточное регулирование дефицитных продуктов; регулирование цен, сбыта и производства). Нежелание капитала инвестировать в производство нормируемых продуктов заставляет государство вмешиваться. Оно вводит контроль над распределением материалов и рабочей силы и проводит «рационализацию» производства путем принудительного формирования трестов и синдикатов³. Государственная трудовая повинность распространяет принципы военной организации на трудовые классы, приводит к авторитарному закреплению рабочих масс. В процессе развития «военного коммунизма» возникает система «государственного капитализма». Из практики принуждения рождается система правительственной диктатуры⁴.

¹ Богданов А. А. Мировые кризисы, мирные и военные // Летопись. 1916. № 3, 4, 5, 7.

² См.: Гловели Г. Д. А. А. Богданов: Тектологическая концепция мирового хозяйства и национально-государственного капитализма // Геополитическая экономия в России. От дискуссии о самобытности к глобальным моделям. СПб.: Алетейя, 2009. С. 88–100.

³ Богданов А. А. Военный коммунизм и государственный капитализм // Богданов А. А. Вопросы социализма. М.: Книгоиздательство писателей в Москве, 1918. С. 75–79.

⁴ Там же. С. 76–79. Взаимосвязь военного коммунизма и диктатуры подчеркивается во многих комментариях Богданова, касающихся событий 1917 г., и была приведена в первых советских изданиях его учебников по политической экономии. См., например: Богданов А. А. Теория мирового военного кризиса // Богданов А., Степанов И. Курс политической экономии: т. 2. Кн. 4. М.—Пг.: Коммунист, 1919.

В 1918 г. Богданов объяснил, как в мирное время система военного коммунизма преобразовалась в систему государственного капитализма: «Первое преобразование организационной формы общества, выдвинутое мировым военным кризисом, есть государственный капитализм. Его можно определить, по его происхождению, как осадный коммунизм в государственном масштабе, организуемый буржуазией»¹.

В ноябре 1920 г., со ссылкой на экономические реформы в Германии, он включил в эту модель национализацию и использовал термин «государственно-чиновничий капитализм»: «При национализованном государственном капитализме с премиальной системой для распределения прибавочной стоимости среди новой буржуазии (буржуазной, техническо-бюрократической интеллигенции) и по форме подобно же премиальной, а в сущности Тейлоровской системы заработной платы, да еще при некоторой обеспеченности (страхование от безработицы) восстановлением идеологической связи рабочего с капитализмом тем легче; и Шейдемановская „социализация“ (так в Германии называют эти национализации) могла бы иметь успех»².

В 1923 г. он изложил свою концепцию в новом издании своей книги «Начальный курс политической экономии»: «Монополии финансового капитала будут замещены государственными в виде, например, национализации важнейших отраслей промышленности, транспорта, национализации земли... Это был бы, конечно, тоже государственный капитализм, но уже иной, мирный»³.

¹ «Новейшие прообразы коллективистического строя». Глава написана для книги: Богданов А., Степанов И. Курс политической экономии: т. 2. Кн. 4. (М.—Пг.: Коммунист, 1919), но не включена в нее. Предисловие к книге датировано 1 сентября 1918 г. См.: Богданов (Малиновский) А. А. Статьи, доклады, письма и воспоминания 1901–1928 гг. Книга 1. М.: ИЦ АИРО—ХХ, 1995. С. 84.

² Богданов А. А. Письмо т. Н. к. т. Н. Н. 24 ноября 1920 // Богданов (Малиновский) А. А. Статьи, доклады, письма и воспоминания 1901–1928 гг. Книга 1. М.: ИЦ АИРО—ХХ, 1995. С. 201.

³ Богданов А. Начальный курс политической экономии (введение в политическую экономию). 9-е изд. М.—Пг.: Госиздат, 1923. С. 122.

Хотя стремление к созданию государственного капитализма некоторое время наблюдалось на Западе, эта экономическая модель нигде еще не осуществлялась¹. А какая экономическая модель заменила военный коммунизм в России? Еще в конце 1921 г. в письме Бухарину Богданов определяет советскую систему как систему государственно-капиталистическую². Прекрасно понимая, что его концепция была «еретической», в своей лекции в Социалистической академии 14 сентября 1922 г. он сделал такое замечание: «Я помню, еще в 1918 г. Ленин пытался подготовить почву для той мысли, что пока нужен только государственный капитализм»³.

Во избежание критики со стороны официальных марксистов Богданов ни в одной из своих книг не использовал применительно к советской экономике термин «государственный капитализм». В то же время он воздержался от описания советских методов управления экономикой как «социалистических» и использовал, например, такую формулировку: «Новая экономическая политика пошла по пути укрепления хозяйства и развития производства способами, близкими к прежним, капиталистическим»⁴.

12. ОТ ТЕОРИИ «КОММУНИСТИЧЕСКОГО БЛОКА» К ТЕОРИИ «НОВОГО КЛАССА»⁵

В 1912 г. в первой части «Тектологии» Богданов определил три варианта «интегрального» социально-экономического разви-

¹ Там же.

² «[Моя] основная ересь в оценке мировой революции, которая, на мой взгляд, и Европу еще не может повести дальше государственного капитализма, и теперь остается» (Богданов А. А. Открытое письмо тов. Бухарину, 10 декабря 1921 // Богданов (Малиновский) А. А. Статьи, доклады, письма и воспоминания 1901–1928 гг. Книга 1. М.: ИЦ АИРО — XX, 1995. С. 205).

³ Богданов А. А. Версальское устроительство. Заседание Социалистической академии общественных наук 14 сентября 1922 г. // Вестник Социалистической академии. 1922. № 1 (ноябрь). С. 149.

⁴ Богданов А. Начальный курс политической экономии (введение в политическую экономию). 9-е изд. М.—Пг.: Госиздат, 1923. С. 124–125.

⁵ Здесь я суммирую идеи Богданова о правящем классе, сформировавшемся у него к маю 1923 г. См. также: Биггарт Д. Александр Богданов и те-

тия, которые в Европе могли прийти на смену капиталистической системе XIX века: «Представление о необходимости перехода к интегральной организации [общественного процесса] завоевывает шаг за шагом почву в сознании мыслящих элементов, специально же — экономистов-социологов и политиков... одни полагают, что всеобщую социальную организацию сможет осуществить только финансово-промышленный капитал, уже создавший картели и тресты; другие возлагают эту задачу на государство и интеллигенцию — чиновничью, ученую и профессионально-техническую; третьи находят такую силу в развивающейся организации рабочего класса»¹.

Накануне революции 1917 г. во второй части «Тектологии» он так характеризовал утопию интеллигенции: «Научно-техническая интеллигенция, в своей наибольшей пока еще массе, а именно — за исключением высших своих слоев, перешедших к буржуазному делачеству, и низших, уже тяготеющих к рабочему пролетариату, — выдвигает такой идеал: планомерная организация труда и распределения под руководством ученых экономистов, инженеров, врачей, юристов, вообще — самой этой интеллигенции; при этом она создаст привилегированные, разумеется, условия для себя, но также условия жизненно-удовлетворительные для рабочего класса... Для такой системы требуется и государственно-полити-

ория нового класса // Социологические исследования. 1993. № 7. С. 139–150. О дальнейшем развитии теории Богданова см.: Линии культуры XIX и XX века (методологические и исторические тезисы) // Труды комиссии по научному наследию А. А. Богданова. М.: Институт экономики РАН, 1992. С. 188–210; *Богданов (Малиновский) А. А.* Статьи, доклады, письма и воспоминания 1901–1928 гг. Книга 1. М.: ИЦ АИРО — XX, 1995. С. 119–136.

¹ Богданов ссылается на: *Богданов А. А.* Всеобщая организационная наука. Тектология. Часть I. СПб.: Изд. М. И. Семенова, [б. д.]. Предисловие Богданова датировано 15 декабря 1912 г. Богданов цитировал этот отрывок в своей лекции от 20 января 1921 г. «Организационная наука и хозяйственная планомерность». См.: Труды Первой Всероссийской инициативной конференции по научной организации труда и производства 20–27 января 1921 г. Вып. 1 // Заседания пленума конференции. М.: Орг. тройка конф. по науч. орг. труда и пр-ва, 1921. С. 9. См. также: *Богданов А. А.* Тектология. Всеобщая организационная наука. Книга 1. М.: Наука, 1989. С. 106.

ческая форма, чаще всего представляемая в виде централизованной республики»¹.

Однако в январе 1918 г. в первой из двух статей, опубликованных в «Новой жизни» (они были основаны на лекции, прочитанной 29 декабря 1917 г.), Богданов дал понять, что, по его мнению, ни рабочий класс, ни интеллигенция не захватили власть в октябре 1917 г.: «Будущий историк охарактеризует нынешнюю революцию как в деревне — крестьянскую, в городах — рабоче-солдатскую, и притом солдатскую по преимуществу. <... > Сама интеллигенция, „носительница культуры“, показала себя не лучше других... Она ведет борьбу против непризнаваемого ею правительства...»²

В сентябре 1918 г. в тексте главы, которая была написана для книги «Курс политической экономии» (т. 2, кн. 4), но в итоге не вошла в нее, он уточнил, что власть захватил «коммунистический блок», который состоял из «рабочего пролетариата... еще не освободившегося от пережитков мелкобуржуазной идеологии, тяготеющего к социализму дележа... низы армии, по социальному составу частью тоже пролетарские... частью же... крестьянские и мелкобуржуазные... и беднейшая и наиболее быстро разоряемая часть крестьянства и ремесленного мещанства, полупролетариат... ищущий выхода в социализме дележа»³.

Роль интеллигенции в революции 1917 г. он характеризовал следующим образом: «...обширный социальный слой, обозначаемый термином „интеллигенция“ — технически, политически, культурно организаторские элементы, инженеры, врачи, учителя, чиновники и т. п. Этот слой, несмотря на свое осо-

¹ Богданов А. А. Современные идеалы // Всеобщая организационная наука. (Тектология). Ч. II. М.: Книгоиздательство писателей в Москве, 1917. С. 159. Предисловие Богданова датировано 22 сентября 1916 г.

² Богданов А. А. Судьбы рабочей партии в нынешней революции. Часть 1 // Новая жизнь. 1918. № 19. 26 января.

³ «Новейшие прообразы коллективистического строя» — глава, написанная для книги: Богданов А., Степанов И. Курс политической экономии. Т. 2, Кн. 4. М. — Пг.: Коммунист, 1919. Предисловие к данной книге датировано 1 сентября 1918. См.: Богданов (Малиновский) А. А. Статьи, доклады, письма и воспоминания 1901–1928 гг. Книга 1. М.: ИЦ АИРО — XX, 1995. С. 89–91.

бое положение в системе производства и крупную роль в нем, *не играл до сих пор самостоятельной классовой роли — не играет ее пока и в ходе революции*. Он частью сохраняет разрозненный нейтралитет, в большинстве же склонен присоединяться к господствующей силе: в районе власти империалистического блока остается агентом капитала, в районе коммунистического принимает, после ряда колебаний, оболочку „трудовой интеллигенции“. Пока его роль такова, соотношения мировых сил он сам по себе не меняет»¹.

Только к концу 1919 г. в письме экономисту Д. И. Опарину Богданов выдвинул идею переходной роли интеллигенции на пути к коллективистическому строю: «Считаю очень вероятной переходную фазу господства социал-бюрократии, точнее — технической, главным образом инженерской интеллигенции»². Затем в 1920 г. в письме неизвестному адресату он пересмотрел свою характеристику «военной демократии» 1917 г., включая теперь «примкнувшую часть трудовой интеллигенции»³.

К 1923 г. интерпретация Богданова еще раз меняется. В тезисах к докладу 24 мая 1923 г. на заседании Социалистической академии он предвидел даже возможность для интеллигенции, в более широком смысле слова, достигнуть классовой гегемонии⁴. «Эта группа до сих пор была чисто служебной и не выступала как особый класс, хотя в производстве занимала особое

¹ «Новейшие прообразы коллективистического строя». См.: Богданов (Малиновский) А. А. Статьи, доклады, письма и воспоминания 1901–1928 гг. Книга 1. М.: ИЦ АИРО — XX, 1995. С. 92. Курсив мой. — Дж. Б.

² Богданов А. А. Письмо Д. И. Опарину. 14 ноября 1919 года // Труды комиссии по научному наследию А. А. Богданова. М.: Институт экономики РАН, 1992. С. 213.

³ Богданов А. А. Письмо т. Н. к т. НН. 24 ноября 1920 // Богданов (Малиновский) А. А. Статьи, доклады, письма и воспоминания 1901–1928 гг. Книга 1. М.: ИЦ АИРО — XX, 1995. С. 199.

⁴ Богданов А. А. Общественно-научное значение новейших тенденций естествознания. Доклад в Социалистической академии 24 мая 1923. Стенограмма доклада хранится в Архиве Российской Академии наук. Ф. 350. Оп. 2. Д. 4. Л. 13–78. Выдержки из доклада и прений см.: Плютто П. А. А. А. Богданов о несоциалистическом характере Октябрьской революции // Социологические исследования. 1992. № 4. С. 130–136. Полный текст самого доклада см.: Вестник Международного института А. Богданова. 2004. № 2 (18). С. 19–24.

положение. Теперь, когда старый хозяин — буржуазия — привел ее и все буржуазное общество к пропасти (тяжелое положение интеллигенции при неорганизованности), она стремится выйти из-под (этой) прежней властной опеки, стать классом „для себя“, с особой идеологией, и сделаться самостоятельным, а не служебным организатором общественного хозяйства. Форма же, в которой для нее возможно осуществление этой роли „новой буржуазии“ — национально-государственный капитализм, с устранением акционерно-рантье́рской власти над производством — власти „финансового капитала“. Особенно показательна здесь тенденция к автаркии»¹.

Научно-техническую интеллигенцию Богданов считал лишь «социальным авангардом организаторской буржуазной интеллигенции»². Тем не менее его оппоненты немедленно осудили его как теоретика «технократии»³. В прениях по докладу А. Л. Вольтинский (Флексер) констатировал, что анализ Богданова имеет много общего с идеями Герберта Уэллса, а Л. Н. Крицман заявил, что теория Богданова ничем не отличается от теории Яна Вацлава Махайского⁴. Доклад Богданова от 24 мая 1923 г. не печатался при его жизни⁵.

¹ См.: Клебанер В. С. К возвращению Владимира Базарова. Приложение 2. Тезис Х. План выступления А. А. Богданова с докладом на тему «Общественно-научное значение новейших тенденций естествознания» // Вопросы философии. 2004. № 6. С. 127.

² См.: Клебанер В. С. К возвращению Владимира Базарова. Приложение 2. Тезис VIII. План выступления А. А. Богданова с докладом на тему «Общественно-научное значение новейших тенденций естествознания» // Вопросы философии. 2004. № 6. С. 127.

³ Г. Д. Гловели отметил общность анализа Богданова и теорий Г. Гантта и Т. Веблена. См.: Гловели Г. Д. А. А. Богданов: от политической экономии к тектологии // Вопросы политической экономии. 2017. № 1. С. 94.

⁴ О выступлениях в прениях Вольтинского и Крицмана см.: Плютто П. А. А. А. Богданов о несоциалистическом характере Октябрьской революции // Социологические исследования. 1992. № 4. С. 134–135. Ян Вацлав Махайский (Jan Wacław Machajski, псевдоним — А. Вольский) — автор работ «Умственный рабочий» (Женева, 1905), «Банкротство социализма XIX века» (Женева, 1905).

⁵ В письме от 7 ноября 1923 г. к Е. А. Преображенскому, члену президиума Социалистической академии, Богданов жаловался, что к нему относятся как к человеку, «о котором не может быть вопроса при распределе-

В течение 1923 г. преследование Богданова усиливалось. Еще в ноябре 1921 г. Секретариат РКП(б) по инициативе Ленина предпринял расследование деятельности Пролеткульта. 4 января Я. Яковлев, в то время начальник отделения печати Агитпропа при ЦК РКП(б), обвинил Богданова в «Правде» в том, что он ставит под сомнение легитимность Октябрьской «пролетарской революции»: в своей статье в «Новой жизни» в январе 1918 г. Богданов охарактеризовал Октябрьскую революцию как «солдатско-крестьянский бунт», и в лекции, прочитанной в клубе Московского университета в начале декабря 1922 г., он утверждал, что настоящая историческая эпоха является эпохой «нового руководящего класса — буржуазной интеллигенции, технической и чиновничьей». Взгляды Богданова якобы должны были неизбежно дать толчок формированию новых политических «групп или партии»¹. В ответе Яковлеву, написанном 4 января и опубликованном в «Правде» 12 января 1923 г., Богданов отрицал авторство понятия о «солдатско-крестьянском бунте», но признал, что он приписал осуществление революции «рабочему-солдатскому блоку»². В другом письме от 14 января 1923 г., которое не было опубликовано, он воспроизвел тезис «6б» из своей лекции начала декабря 1922 г., которая вызвала возражения Яковлева. Тезис начинается так: «Можно предполагать, что ближайшая эпоха будет характеризоваться неровным, колеблющимся переходом к государственному капитализму (мирного типа), и пролетариату придется, наряду с борьбой за непосредственные свои интересы, вести борьбу за

нии лекций, доклад которого, по содержанию чисто научный, не может печататься в органе Академии из политически-практических соображений, — которого неудобно пригласить на торжественное заседание памяти другого члена той же академии, его учителя, — такого, о котором вообще нежелательно упоминать...» См.: Труды комиссии по научному наследию А. А. Богданова. М.: Институт экономики РАН, 1992. С. 215–217. Отметим, что ряд более «нейтральных» статей Богданова печатался в Вестнике Коммунистической академии в период с 1924 по 1927 г.

¹ Яковлев Я. Меньшевизм в Пролеткультовской одежде // Правда. 1923. 4 января.

² Богданов А. А. В редакцию газеты «Правда», 4 января 1923 г. (опубликовано 12 января 1923 г.) // Богданов (Малиновский) А. А. Статьи, доклады, письма и воспоминания 1901–1928 гг. Книга 1. М.: ИЦ АИРО — XX, 1995. С. 209.

максимум организованности, которого сам по себе новый руководящий класс — буржуазная интеллигенция, техническая и чиновничья, развить не способен, но который для пролетариата становится все более жизненно насущным»¹.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В своих публикациях за период с 1916 по 1923 г. Богданов:

- а) продолжал свои исследования системного мышления и применял свои идеи для анализа происходящих событий;
- б) разработал типологию экономических систем, сформировавшихся в Западной Европе и России после 1914 г.: «военного коммунизма» и «государственного капитализма»;
- в) раскритиковал практику бюрократического планирования и сформулировал концепцию социоэкономического плана («хозяйственное развитие», «хозяйственная планомерность»);
- г) противопоставил ортодоксальному политико-экономическому пониманию социализма собственное видение культурной революции, которая устранила бы различие между физическим и ручным трудом, раздробленность знания и отчуждение между людьми в обществе;
- д) разработал социальный портрет правящих групп, пришедших к власти после Октябрьской революции.

В мае 1917 г. Богданов вспоминал, что рост авторитарных настроений отмечался среди революционеров уже в годы их ссылки в Европе: «О склонности народников к культу героических личностей и вождей нет надобности говорить особо: разве это могло бы быть иначе у идеологов крестьянства с его многовековым авторитарным воспитанием». Однако эти тенденции также стали проявляться и в РСДРП: среди меньшевиков был широко распространен культ Плеханова; «именно с этого времени многие большевики начали сами называть себя ленинцами»².

¹ Там же. С. 210. Курсив Богданова.

² Богданов А. А. Что же мы свергли? // Новая жизнь. 1917. № 25. 17 мая.

Теперь, в условиях военщины он предвидел последствия прихода к власти радикального крыла этой когорты революционеров: «...Каждая организация, когда ей удастся приобрести решающее значение в общественной жизни... неизбежно, независимо от формальных положений и программы стремится провести в обществе свой собственный тип строения, как непосредственно близкий и привычный; всякий коллектив перестраивает, насколько может, всю социальную среду по своему образу и подобию. И если это — авторитарный тип, основанный на господстве — подчинении, хотя бы и духовном, то роковым образом отсюда получается авторитарная тенденция и в социальном строительстве, как бы ни была демократична, коммунистична и т. д. программа»¹.

19 ноября 1917 г., отказываясь от предложенной ему должности в Комиссариате просвещения, Богданов упрекал Анатолия Луначарского за измену своим прежним идеалам: «...Партия рабоче-солдатская есть объективно просто солдатская... Я ничего не имею против того, что эту сдачу социализма солдатчины выполняют грубый шахматист Ленин, самолюбивый актер Троцкий. Мне грустно, что в это дело ввязался ты...»²

¹ Богданов А. А. Что же мы свергли? // Новая жизнь. 1917. № 25. 17 мая.

² Богданов А. А. Письмо Луначарскому 19 ноября 1917 г. // Богданов А. А. Вопросы социализма. Работы разных лет. М.: Издательство политической литературы, 1990. С. 352–355. См. также с. 160, 162 настоящего издания.

А. М. Никулин

Русская революция в утопиях Александра Чаянова и Андрея Платонова

Если вы действительно современник
великой революции, вы должны разъ-
яснить нам смысл этого слова.

*А. Чаянов. Путешествие моего брата
Алексея в страну крестьянской утопии*

Революция была задумана в мечтах
и осуществляема... для исполнения са-
мых никогда не сбывшихся вещей.

А. Платонов. Записные книжки

ВВЕДЕНИЕ. РЕВОЛЮЦИИ И УТОПИИ В СУДЬБАХ ЧАЯНОВА И ПЛАТОНОВА

Значение русской революции в жизни и творчестве Александра Чаянова и Андрея Платонова огромно, это ясно и емко отмечается в некоторых специальных междисциплинарных исследованиях. Так, историк-аграрник В.П. Данилов в своей статье «Русская революция в судьбе А.В. Чаянова» подчеркивал: «А.В. Чаянов принадлежит к поколению, совершившему Великую российскую революцию 1917 г., он был ее активным участником и разделил ее трагическую судьбу. Без понимания этого решающего факта — вершины на его жизненном пути — нельзя понять ни самого Чаянова, ни его творчества...»¹ Политический философ А.В. Магун в статье «Отрицательная революция Ан-

¹ Данилов В.П. Русская революция в судьбе А.В. Чаянова // История крестьянства России в XX веке. Избранные труды: в 2 ч. Ч. 2. М.: РОССПЭН, 2011. С. 152.

дрея Платонова» отмечает: «Андрей Платонов представляет... одним из центральных интеллектуалов периода русской революции, который был не просто прозаиком, но ярким диалектическим мыслителем, всегда уделявшим особое внимание революционной событийности как горизонту своей жизни и творчества»¹.

Вчитываясь далее в эти тексты, мы обнаруживаем, что и Данилов, и Магун, каждый по-своему, определяют уникальное мировоззренческое и деятельностное место Чаянова и Платонова в композиции идей, имен, событий революции.

По мнению В.П. Данилова, основной спектр идейно-личностных отношений к революции определялся в российской общественной мысли между двумя крайними сторонами, отраженными сочинениями авторов сборника «Вехи», с одной стороны, и работами Ленина — с другой; Чаянов, не принимая ни одной из этих систем взглядов, стремился выработать собственное понимание революции, стремясь к синтезу порой очень различных идейных направлений.

Уникальную точку зрения Платонова на революцию в спектре идей от мрачных консерваторов до ироничных либералов анализировал и А.В. Магун, выделяя феномен народного демократизма и романтизма в революции, безусловно родственный Андрею Платонову². Конечно, демократический романтизм революции, как сила творческая и созидательная, стремящаяся объединить вокруг себя все остальные общественные настроения был присущ и Чаянову.

Впрочем, само понимание демократии и романтики может быть чрезвычайно различным, что, безусловно, становится ясным при сопоставлении соответствующих революционных сочинений Чаянова, элитарно романтических, и сочинений Платонова, народно романтических. Что касается непосредственно утопических сочинений этих двух авторов, то им посвящен целый ряд работ, проясняющих многие уникальные и продуктивные особенности социально-фило-

¹ Магун А.В. Отрицательная революция Андрея Платонова // Новое литературное обозрение. 2010. № 106. С. 66.

² Там же. С. 67–68.

софской футурологии Александра Чаянова¹ и Андрея Платонова².

Заметим, что мыслители-утописты, как правило, никогда не пишут лишь одну утопию. Они часто являются именно серийными утопистами, за свою жизнь создающими даже несколько утопий, впрочем, обычно наиболее прославится у них и станет самым известным какой-то один единственный утопический проект. Так, Чаянов написал несколько утопий и Платонов тоже, но все же самые знаменитые из них именно «Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской утопии» и «Чевенгур»³. Возможно произошло это потому, что обе утопии как своеобразные планеты движутся по своим затейливым траекториям вокруг особого центра притяжения — гигантской космической звезды русской революции, в то время как другие утопии Чаянова и Платонова находятся в сфере влияния дру-

¹ Из работ, посвященных утопическому творчеству Александра Чаянова, следует отметить, например: *Михаленко Н.В.* Символика Вавилонской башни в «Путешествии моего брата Алексея в страну крестьянской утопии» А.В. Чаянова // Проблемы исторической поэтики. 2016. Т. 14. С. 428–440; *Никулин А.М.* Чаяновский утопизм: балансируя среди кризисов интенсификации оптимумов // Крестьяноведение. 2017. Т. 2. № 1. С. 6–30; *Симонов В.В., Фигуровская Н.К.* Вопросы Чаянова // Социокультурные утопии XX века. Выпуск 6. М.: ИНИОН, 1988. С. 97–133; *Шушпанов А.Н.* А.В. Чаянов и утопия 1920-х годов: проблема жанра // Потаенная литература. Исследования и материалы. Приложение к выпуску 2. Иваново: Ивановский государственный университет, 2000. С. 74–80.

² Становится уже необъятным количество исследований, посвященных утопиям Андрея Платонова, отметим здесь лишь несколько, на наш взгляд, безусловно, важных книг, связанных прежде всего с романом «Чевенгур»: *Алейников О.Ю.* Андрей Платонов и его роман «Чевенгур». Воронеж: Наука-Юнипресс, 2013; *Гюнтер Х.* По обе стороны утопии: Контексты творчества А. Платонова. М.: Новое литературное обозрение, 2012; «Страна философов» Андрея Платонова: проблемы творчества. Выпуск 6. М.: ИМЛИ РАН, 2005.

³ Специальное сопоставление утопизма Чаянова и Платонова нам удалось найти лишь в одной статье, но посвященной сравнению чаяновской крестьянской утопии не с «Чевенгуром», а с платоновской повестью «Впрок»: *Заваркина М.В.* «Кулацкая утопия» А. Чаянова и «кулацкая хроника» А. Платонова // Пушкинские чтения-2013. Художественные стратегии классической и новой литературы: жанр, автор, текст: материалы XVIII Международной научной конференции. СПб.: Ленинградский гос. ун-т им. А.С. Пушкина, 2013. С. 41–48.

гих, также могущественных, но все же менее импульсивно-кастрофических вселенских явлений-светил.

Обратимся к мировоззренческо-биографическим характеристикам авторов этих двух утопий, предположив, что вообще по своим личностным задаткам утописты тяготеют к двум своеобразным и достаточно противоположным социально-политическим и социально-психологическим типам.

Один тип—это «утопист-канцлер». Как правило, к нему принадлежат высокообразованные интеллектуалы, занимающие достаточно ответственные посты в государстве, к тому же одаренные философской рефлексией и литературным талантом. Родоначальник утопического жанра Томас Мор был именно таким канцлером, изначально изобретшим эту самую страну «Утопию», а вскоре вслед за ним другой канцлер Френсис Бэкон создал свою утопию—«Новый Органон».

На противоположной стороне от «канцлера-утописта» располагается «бродяга-утопист». Это прежде всего поэт-путешественник, человек, одаренный огромным поэтическим, философским, литературным воображением, а также значительным жизненным опытом, много чего испытавший и переживший, позанимавшийся даже и так ненавистной ему чиновно-бюрократической работой. Такими «бродягами-утопистами», например, были Франц Кафка и Джордж Оруэлл. При этом нас не должно смущать, что в отличие от Оруэлла, побывавшего и в Бирме, и в Испании, Кафка почти не выбирался из Праги и ее окрестностей,—главное здесь поэтическо-философский дар путешествий по альтернативам человеческого существования.

«Канцлер-утопист», как правило, создает свою утопию «сверху»—с точки зрения элит воображаемой им утопической страны. «Бродяга-утопист» создает свою утопию «снизу»—с точки зрения обыкновенных обитателей, часто совсем маленьких людей большой утопической страны.

Наши два автора, Чаянов и Платонов, очень хорошо репрезентируют эти два идеально-типических утопически-личностных полюса, между которыми находятся промежуточные типы и других оригинальных литераторов-фантазеров, создающих всяческие интересные утопии.

Чаянов, безусловно, обладал всеми задатками канцлера, и между прочим, в событиях русской революции он успел побывать заместителем министра земледелия Временного правительства за две недели до Октябрьского переворота. Стремительно взошедшая звезда российской аграрной и кооперативной науки, профессор в 27 лет, Чаянов изначально не принял Октябрьскую революцию, но вскоре все же обратился к сотрудничеству с большевиками, всякий раз стремясь найти компромиссные решения во взаимоотношениях коммунистов с крестьянством, кооперацией, интеллигенцией.

В 1920-е гг. Чаянов, кроме заведования кафедрой в Тимирязевской сельскохозяйственной академии, создает и возглавляет крупнейший сельскохозяйственный научно-исследовательский институт международного уровня — НИИСХЭ. Ученый с мировым именем, безусловно достойный быть министром земледелия, одним из руководителей нового революционного государства, он, как «старый буржуазный специалист», все же находился под пристальным критическим партийно-советским контролем. С началом форсированной коллективизации Чаянов и его коллеги были подвергнуты гонениям и репрессиям, обвинены в саботаже, вредительстве, контрреволюционном заговоре. Следователи припомнили обвиняемому Чаянову и его авторство так называемой контрреволюционной утопии¹. В 1937 г. Чаянов был расстрелян.

Платонов, конечно, не был таким выдающимся академическим и хозяйственным деятелем, как Чаянов, тем не менее надо подчеркнуть, что и у поэта-журналиста, техника-изобретателя Платонова в 1922–1926 гг. складывалась весьма успешная и бурная инженерно-хозяйственная карьера. На некоторое время в середине 1920-х гг. он фактически стал главным мелиоратором и энергетиком Воронежской губернии². Под его руководством было построено три электростанции, сотни

¹ Чаянов В. А., Петриков А. В. Чаянов А. В. в следствии ОГПУ по делу Трудовой крестьянской партии (1930–1932 гг.) // Сельский мир. Альманах. Вып. 2. М., 1998.

² Антонова Е. В. Воронежский период жизни и творчества А. П. Платонова: биография, текстология, поэтика. М.: ИМЛИ РАН, 2016.

плотин, организовано более сотни кооперативных мелиоративных товариществ. Впрочем, к 1927 г. Платонов забрасывает это административно-хозяйственное ремесло, чтобы полностью посвятить себя литературе. С началом коллективизации и у Платонова возникают и до конца жизни продолжают серьезные проблемы в связи с его так называемой политической неблагонадежностью¹. Многие его произведения подвергаются злобной критике, самые крупные и выдающиеся платоновские книги, и прежде всего «Чевенгур», партийная цензура не пропускает в печать. Идеологические гонения на Платонова продолжались фактически до самой его смерти.

Подчеркнем теперь разницу и сходства в возрасте авторов этих утопий. Чаянов родился в 1888 г., а Платонов в 1899 г. Для эпохи войн и революций такая разница в возрасте весьма существенна. Фактически Чаянов и Платонов репрезентируют становления разных революционных поколений начала XX века. Чаянову в годы первой русской революции 1905–1907 гг. исполнилось 18 лет. Платонов восемнадцатилетним встретил 1917 г.

Надо также отметить и разницу в их социальном происхождении и положении. Чаянов — выходец из богатой и интеллигентной московской купеческой семьи. Он в детстве получил основательное образование. По окончании Петровского сельскохозяйственного института в течение двух лет Чаянов стажировался в крупнейших европейских научных центрах, совмещая свои заграничные научные занятия с изучением всемирно известных культурных достопримечательностей Франции, Италии, Германии, Бельгии. И после революции, как крупный ученый, профессор Чаянов неоднократно откомандировывался советской властью в длительные заграничные путешествия, включая Англию и США.

Платонов вырос в многодетной рабочей семье Воронежа. Подростком был вынужден перепробовать различные места работы. После революции он закончил Воронежский электротехнический техникум. Одно время Платонов даже учился

¹ Корниенко Н. В. «Меня убьет только прямое попадание по башке». Материалы к творческой биографии Платонова: 1927–1932 // Новый мир. 1993. № 4. С. 89–121.

в Воронежском университете, впрочем, высшего образования он так и не получил. За границей Платонову побывать не удалось.

Чаянов всегда был и оставался умеренным беспартийным социалистом-либералом, лишь в 1917 г. ставшим членом партии народных социалистов. Платонов в годы революции и Гражданской войны ярко проявил себя как радикально левый коммунистический философ-публицист. В начале 1920-х гг. он даже вступал в партию большевиков, впрочем, побыв некоторое время кандидатом в члены партии, Платонов так никогда в нее и не был принят. Ушли из жизни они почти ровесниками. Чаянов был расстрелян в 49 лет. Платонов умер от туберкулеза в 51 год.

Все же оба гения успели достаточно быстро, плодотворно, почти одновременно проявить себя. Чаянов в возрасте 30 лет был уже автор ряда глубоких и оригинальных аграрно-экономических трудов, лидер нового научного направления. Платонов также к 30 годам — автор замечательных литературных сочинений, уже написавший «в стол» великий авангардистский роман XX века. Оба автора именно в возрасте около 30 лет также создают и свои революционные утопии, меж собой по жанрам, сюжетам, изобразительным средствам чрезвычайно различные и многоплановые, но тем не менее объединенные единым стремлением осмыслить значение и перспективы русской революции.

ЖАНРЫ УТОПИЙ И ОБРАЗЫ РЕВОЛЮЦИИ

Изначально жанры обеих утопий объединяют акценты на путешествиях, обнаруживающиеся уже в заголовке чаяновской утопии и подзаголовке платоновской: «*Путешествие моего брата Алексея...*»; «Чевенгур. *Путешествие с открытым сердцем*» (выделено мной. — А. Н.).

Путешествие главного чаяновского героя, партийца-интеллектуала Алексея Кремнева, краткое, начинается провалом его сознания в собственном кабинете, произошедшим за перелистыванием книжки Герцена октябрьским вечером 1921 г. в Москве. Герой приходит в себя в квартире одной гостеприимной интеллигентной московской семьи в сентябре 1984 г., с испу-

га выдав себя за какого-то американца, которого именно все и ожидали в этой семье. Кремнев с семьей проводит еще несколько дней в беседах и путешествиях по Москве и Подмосковию, вникая в ход истории и современности России и мира к концу XX века. В финале повести обман Кремнева раскрывается, и никто не верит, что он на самом деле явился в конце XX века из его начала. В результате заявленная автором первая часть повествования обрывается одиночеством Кремнева посередине Москвы 1984 г., а вторая часть этой утопии так никогда Чаяновым и не была написана.

Путешествие главного платоновского героя Александра Дванова гораздо длительнее, композиционно оно соответствует трем основным частям самого романа. 1. Детство героя в сельской черноземной России, когда Дванов, потеряв крестьянина отца, утонувшего в озере, становится сиротой и странником-побирушкой. 2. Отрочество—юность. Обретая приемного отца—рабочего, Дванов живет и учится в губернском городе накануне революции. Затем вступившего в партию большевиков Дванова во время Гражданской войны направляют с заданием в сельские районы его родной центрально-черноземной губернии исследовать, может быть «социализм уже где-нибудь нечаянно получился, потому что людям некуда деться, как только сложиться вместе от страха бедствий и для усилия нужды»¹. 3. В своих активистских странствиях, переходя от юности к молодости, Дванов во время наступления НЭПа в 1921 г. натывается на уездный город Чевенгур, обитатели которого утверждают, что живут при коммунизме. Дванов остается в этом городе до самой его гибели, а затем уходит из жизни на дно того самого озера, в котором утонул его отец.

По своему объему и структуре чаяновская утопия представляет собой маленькую повесть—около 40 страниц с лихо закрученным и тщательно выверенным детективно-гламурным столичным сюжетом, наполненным увлекательными социально-политическими рефлексиями о возможных альтернативах развития будущей истории XX века. Чаяновская повесть напи-

¹ Платонов А. Чевенгур. Котлован. М.: Время, 2011. С. 82.

сана стремительно, в ситуации бесконечной научно-административной занятости ее автора в 1919 г.

По объему платоновская утопия — достаточно большой, 400-страничный роман, поток фантазмагорических событий, причудливо разворачивающихся среди периферийных мест и противоречивых исторических фактов кануна революции, Гражданской войны и НЭПа. Платоновский роман создавался непросто, включая в себя работу над разнородными кусками текста между 1926 и 1928 гг., прерываемый различными бытовыми и профессиональными мытарствами автора.

Жанр утопии Чаянова — ироническо-патетический политический памфлет, посвященный отстаиванию и развитию идеалов Февральской революции под знаменем кооперативного аграризма¹. В какой-то степени чаяновская утопия посвящена переосмыслению того, как можно было бы снова и действительно дать делу правильный ход с точки зрения той аграрной идеологии, которую выражал сам Чаянов, до конца воплощая идеалы Февральской революции, ведомой союзом буржуазных, народнических и социал-демократических партий. В целом утопия Чаянова — розовая прогрессистская утопия умеренного аграрника-социалиста. Это попытка выдумать союз между либерализмом и социализмом.

Жанр утопии Платонова — сатирическо-элегический эпос, вобравший в себя мотивы самых удивительных, фантастических народных мечтаний и чаяний времен русской революции. Утопия Платонова — утопия Октябрьской революции, ее самых радикальных идеалов. Это красно-зеленая эсхатологическая утопия юродствующего анархиста-коммуниста. Это попытка выдумать союз между анархизмом и коммунизмом.

Для обеих утопий чрезвычайно важен такой типичный прием запуска утопических путешествий, как сон. Главный герой утопии Чаянова, потеряв сознание, просыпается загадочным образом в Москве 1984 г. Но далее в этой утопии все повествование пронизано пронзительной ясностью и четкостью (впро-

¹ Брушиш К. Крестьянская идеология для крестьянской России: аграризм в России начала XX века // Крестьяноведение. Теория. История. Современность. 2012. Выпуск 7. С. 142–158.

чем, такая гиперьясность тоже бывает в сновидениях). Вся эта утопическая московско-подмосковная крестьянская страна по своей интенсивной пространственно-временной рациональной обустроенности подобна регулярному европейскому парку времен Версаля короля Людовика-Солнце и так представляется двум утопическим путешественникам из окна автомобиля: «Город казался сплошным парком... Направо и налево тянулись такие же прекрасные аллеи, белели двухэтажные домики, иногда целые архитектурные группы, и только вместо цветов между стенами тутовых деревьев и яблонь ложились полосы огорода, тучные пастбища и сжатые полосы хлебов... при той плотности населения, которой достигло крестьянство Московской губернии, деревня приняла необычный для сельских поселений вид. Вся страна образует теперь кругом Москвы на сотни верст сплошное сельскохозяйственное поселение, прерываемое квадратами общественных лесов, полосами кооперативных выгонов и огромными климатическими парками...»¹

В утопии Чаянова рационализм, точнее не один рационализм, но различные виды рационализмов, стараясь мирно соперничать, впрочем, порой и открыто враждуя меж собой, последовательно трансформируют, доводят до своего рационального замысла всю окружающую природную и социальную жизнь.

Главный же герой Платонова, впрочем, кажется, и остальные персонажи этого романа, — все пребывают в каком-то перманентно томительно причудливом сновидении, даже в клубке личных и коллективных сновидений, что позволяет некоторым исследователям «Чевенгура» утверждать, что вся его третья, собственно утопическая часть есть сонный бред главного героя, переболевшего тифом и не до конца пришедшего в себя². Впро-

¹ Чаянов А. В. Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской утопии // Чаянов А. В. Венецианское зеркало: Повести. М.: Современник, 1989. С. 174–175.

² Подробный анализ сновидений в «Чевенгуре» см.: Хрящева Н. «Тонок сон»: к поэтике снов в «Чевенгуре» // «Страна философов» Андрея Платонова: проблемы творчества. Выпуск 6. М.: ИМЛИ, 2005. С. 442–449; Червякова Л. Поэтика сна в романе «Чевенгур» // «Страна философов» Андрея Платонова: проблемы творчества. Выпуск 6. М.: ИМЛИ, 2005. С. 450–454.

чем, кажется, до конца в сознание в «Чевенгуре» никак прийти не могут все его участники, ибо, как отмечает Платонов: «Чевенгур просыпался поздно; его жители отдыхали от веков угнетения и не могли отдохнуть. Революция завоевала Чевенгурскому уезду сны и главной профессией сделала душу»¹.

Сам город Чевенгур и его утопические окрестности отнюдь не регулярный европейский парк, но что-то ему глубоко, хаотически, экологически противоположное: «Деревья росли почти по всем улицам Чевенгура и отдавали свои ветки на посохи странникам, бредущим сквозь Чевенгур без ночевки. По чевенгурским дворам процветало множество трав, а трава давала приют, пищу и смысл жизни целым пучинам насекомых в низинах атмосферы, так что Чевенгур был населен людьми лишь частично — гораздо гуще в нем жили маленькие взволнованные существа, но с этим старые чевенгурцы не считались в своем уме... Днем чевенгурцы бродили по степям, рвали растения, выкапывали корнеплоды и досыта питались сырыми продуктами природы, а по вечерам они ложились в траву на улице и молча засыпали»².

Для характеристики пространственно-временных структур революционной утопии Чаянова чрезвычайно важна оппозиция «рациональное» *versus* «не-, иррациональное». Когда рациональное пусть и не окончательно, но все же последовательно и успешно трансформирует, перерабатывает иррациональное в самое себя.

Для характеристик платоновской революционной утопии важна оппозиция «сознательное» и «не-, бессознательное». «Сознательное» периодически пытается бороться с «несознательным», впрочем, все как-то безуспешно, и в конце концов, они вместе, «сознательное» и «несознательное», пребывают во взаимной дружбе-конфликте на границах чевенгурского «бессознательного».

Утопия Чаянова поразительно конкретна. Она пестрит разнообразными датами с точностью до года и даже до дня. Чаянов также упоминает множество имен своих современников,

¹ Платонов А. Чевенгур. Котлован. М.: Время, 2011. С. 215.

² Там же. С. 200.

а также некоторых их воображаемых потомков, живописуя красочные подробности их судеб (все долгих, плодотворных, счастливых). Например, он предсказывает уже весьма известному в начале XX века архитектору Жолтовскому фактически место главного архитектора крестьянской утопической России. Дорогой друг и коллега Чаянова воронежский профессор Минин изображен академическим патриархом, занимающим кафедру в Константинопольском университете, и так далее.

Что касается дат, то удивительно футуристическое чутье Чаянова в предугадывании ключевых дат российской и мировой политической истории XX века (как правило, с положительным для крестьянства и демократии России знаком, а в реальности все было наоборот). Возможно, из многочисленных гуманитарных увлечений Чаянова здесь проявились и его персональные занятия астрологией. Итак, в утопии особо упоминаются: 1929 год как время окончательного перехода власти к крестьянским партиям в России (в реальной советской истории это был год фатального слома крестьянской свободы и самостоятельности), 1934 год — время политической консолидации и укрепления крестьянского правительства (в реальности это год консолидации сталинского режима), 1937 год — неудавшаяся попытка ужасного диктатора Варварина свергнуть крестьянский режим (в реальности удавшееся Сталину избиение советских элит в год великого террора), и так далее.

Тем временем многие исследователи платоновской утопии обращают внимание именно на неточность и размытость чевенгурских пространств и времен¹. События в Чевенгуре, кажется, пульсируют и переплетаются в самой прихотливой и противоречивой последовательности между 1919 и 1921 гг. Чевенгур словно живет с пастернаковским ощущением «какое, милые, у нас тысячелетие на дворе»², буквально выпадая из всемирной и советской истории, достаточно длительное время существуя вполне себе уединенно.

¹ *Алейников О.Ю.* Андрей Платонов и его роман «Чевенгур». Монография. Воронеж: Наука-Юнипресс, 2013.

² *Пастернак Б.Л.* Про эти стихи // Бавин С.П., Семибратова И.В. Судьбы поэтов серебряного века. М.: Книжная палата, 1993. С. 348.

Платоновский Чевенгур, в отличие от чаяновской Москвы, не пестрит лихорадочным перечислением многих десятков настоящих и вымышленных имен российских и зарубежных гениев и талантов, зато в нем чрезвычайно много простых, невзрачных, порой безымянных персонажей: рабочих, домохозяек, крестьян, бандитов, стариков, старух, детей, нищих и, конечно, революционеров — и почти каждый из них, даже эпизодический персонаж, описан Платоновым с невероятным художественно-психологическим мастерством.

Наоборот, хотя утопия у Чаянова называется крестьянской, в ней нет ни одного индивидуально личного описания крестьянина 1984 г. В повести Чаянова толпы крестьян создают лишь некий абстрактный фон, кордебалет и массовку для соло конкретных фигур интеллектуальных элит, рассуждающих о прогрессивном значении кооперированного крестьянства в экономике многоукладной России.

Чтобы продемонстрировать, насколько различны идейные и изобразительные средства двух утопий, обратимся к описаниям утопических памятников революции в повести Чаянова и романе Платонова. Революции любят запечатлевать себя в памятниках.

В чаяновской повести ее главный герой Алексей Кремнев, загадочным образом попавший из 1921 г. в центр утопической Москвы 1984 г., оказавшись рядом с местным жителем, его спутником: «Посмотрел налево, и сердце его учащенно забилось. „Метрополя“¹ не было. На его месте был разбит сквер и возвышалась гигантская колонна, составленная из пушечных жерл, увитых металлической лентой, спиралью, поднимавшейся кверху и украшенной барельефом. Увенчивая колоссальную колонну, стояли три бронзовых гиганта, обращенные друг к другу спиной и дружески взявшиеся за руки. Кремнев едва не

¹ Гостиница «Метрополь» — один из символов роскошного урбанизма начала XX века и революционных событий времен Гражданской войны в России. 25.10(07.11)–02(15).11.1917 гостиница была форпостом сопротивления юнкеров вооруженным силам большевиков. В 1918 г., после переезда в Москву советского правительства, «Метрополь» стал одной из ключевых резиденций большевистской власти, здесь проводились заседания ВЦИК, на которых выступали Ленин и Троцкий.

вскрикнул, узнав знакомые черты лица. Несомненно, на тысяче пушечных жерл, дружески поддерживая друг друга, стояли Ленин, Керенский и Милюков.

Кремнев успел на барельефе различить несколько фигур Рыкова, Коновалова и Прокоповича, образующих живописную группу у наковальни, Середу и Маслова, занятых посевом, и не смог удержаться от недоуменного восклицания, в ответ на которое его спутник процедил сквозь зубы: — Памятник деятелям великой революции.

— Да, послушайте... ведь эти же люди вовсе не образовывали в своей жизни таких мирных групп!

— Ну, для нас в исторической перспективе они сотоварищи по одной революционной работе, и поверьте, что теперешний москвич не очень-то помнит, какая между ними была разница!»¹

Описываемый Чаяновым утопически-революционный монумент по своему дизайну классически старомоден: громадная колонна, декорированная разнообразными барочными элементами, а по своему политическому смыслу либерально компромиссен: премьер-министры и министры сельского хозяйства временного и большевистского правительств слились в динамичном экстазе дружной революционной работы.

У Платонова главный герой его утопии Александр Дванов, попав в 1920 г. в одну из сельских коммун глубинного Черноземья, выступая на собрании коммуны с проектом памятника революции, «...подал изображение председателю и объяснил:

— Лежащая восьмерка означает вечность времени, а стоячая двухконечная стрела — бесконечность пространства.

Председатель показал фигуру всем собранию:

— Тут и вечность, и бесконечность, значит — все, умней не придумаешь: предлагаю принять... Памятник решили соорудить среди усадьбы на старом мельничном камне, ожидавшем революцию долгие годы. Самый же памятник поручили изготовить из железных прутьев железному мастеру»².

¹ Чаянов А. В. Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской утопии // Чаянов А. В. Венецианское зеркало: Повести. М.: Современник, 1989. С. 170–171.

² Платонов А. Чевенгур. Котлован. М.: Время, 2011. С. 137.

В отличие от чаяновской, в платоновской утопии речь идет о памятнике революции не в столичной Москве, но в глухой сельской провинции. Дизайн памятника чевенгурского, в противоположность московскому, не старомодно помпезен, но авангардистки лаконичен. Памятник посвящен не взаимному прославлению союза конкретных персоналий и институтов, а взаимопроникновению абстракций вечности и бесконечности. Этот памятник обсуждается не рафинированными столичными интеллектуалами, но обычными сельскими жителями.

И конечно, в обеих утопиях подчеркивается стремление всякой революции до основания переустроить мир. Революционно-крестьянская чаяновская Москва нанесла сокрушительный удар по российскому урбанизму, разрушив и уничтожив кварталы многоэтажек во всех городах по всей стране. Чевенгур на своих регулярных субботниках для революционной профилактики все переносит и перетаскивает дома и деревья внутри самого себя для упрочения коммунистической жизни.

Также в обеих утопиях подчеркивается, что уничтожить безвозвратно некоторые общественные институты не удается даже самым радикальным революциям. Главный тому пример—семья. В утопии Чаянова отмечается, что несмотря на утопический грозный декрет от 27 октября 1921 г. об уничтожении в недельный срок всякого семейного очага, в утопической Москве 1984 г. возможно снова повсюду обнаружить достаточно замечательных семей в самом традиционном смысле этого слова. В «Чевенгуре» коммунисты, упразднившие семью, частную собственность и государство, в конце концов признают, что семью все-таки надо вернуть в коммунизм, снова пытаются начать жить семейной жизнью.

ГЛАВНЫЕ ГЕРОИ И РЕВОЛЮЦИОННЫЕ СЮЖЕТЫ

Главные герои чаяновской повести (Алексей Кремнев) и чевенгурского романа (Александр Дванов)—революционеры, концентрирующие в самих себе основные идейные противоречия и идеологические искания двух утопий. По своему возрасту и социальному статусу они в определенной степени соответствуют возрасту и социальному статусу самих авторов утопи-

ческих сочинений к началу 1920-х гг. Хотя ни у Чаянова, ни у Платонова не называется точный возраст их главных героев, тем не менее из разнообразных косвенных биографических характеристик мы можем достаточно уверенно предположить, что возраст Кремнева около 35, а Дванова около 25 лет.

Алексей Кремнев — настоящий русский интеллигент-революционер, прекрасно и разносторонне образованный, знающий несколько иностранных языков. С одной стороны, он наделен даром пронизательной рефлексии, отягченной некоторыми болезненно душевными сомнениями, с другой — ему присущ бюрократический активизм коммунистического толка, о чем свидетельствует такая его жутковато забавная характеристика из музейного паноптикума восковых фигур, выставленных на подмосковной ярмарке утопической России 1984 г.: «Алексей Васильевич Кремнев, член коллегии Мирсовнархоза, душитель крестьянского движения России. По определению врачей, по всей вероятности, страдал манией преследования, дегенерация ясно выражена в асимметрии лица и строении черепа»¹.

Впрочем, из всего изложения повести мы догадываемся, что этот образ слишком упрощает личность Кремнева в угоду тенденциозному видению политической истории идеологов крестьянской страны. Тем временем утопическая женщина этой страны, влюбившаяся в Кремнева, а потому, конечно, тоже не объективная в своем видении, но возможно что-то и верное чувствующая в предмете своей страсти, утверждает: «Он человек необыкновенный, хищный и прекрасный, как волк...»²

В противоположность интеллектуалу Алексею Кремневу, богато одаренному окружающей его культурной средой, простец Саша Дванов, сирота, выросший среди вопиющей крестьянской нужды, недоучившийся студент политехникума времен Гражданской войны, любознательный читатель, жадно занимающийся самообразованием, отнюдь не производит впечатления

¹ Чаянов А. В. Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской утопии // Чаянов А. В. Венецианское зеркало: Повести. М.: Современник, 1989. С. 192.

² Там же. С. 203.

сильного и умного «хищника-зверя», наоборот, ему, пожалуй, присущи некоторые черты беззлобного странника-юродивого. Неравнодушная к Дванову женщина отзывается о нем так: «Этот человек думает две мысли сразу и в обоих не находит утешения, поэтому такое лицо не имеет остановки в покое и не запоминается.

— Он не интересный... Зато с ним так легко водиться! Он чувствует свою веру, и другие от него успокаиваются. Если бы таких было много на свете, женщины редко выходили бы замуж...»¹

Алексей Кремнев и окружающие его интеллектуалы Москвы-1984 постоянно заводят разговоры о значении культуры для устойчивого прогресса России и человечества, например, в таком пассаже: «Поверьте, что духовная культура народа, раз достигнув определенного, очень высокого духовного уровня, далее удерживается автоматически и приобретает внутреннюю устойчивость»².

В отличие от этого восторженного гомона «чаяновских культурологов» Александр Дванов среди своих путешествий в поисках коммунизма «...в душе любил неведение больше культуры: невежество — чистое поле, где еще может вырасти растение всякого знания, но культура — уже заросшее поле, где соли почвы взяты растениями и где ничего больше не вырастет. Поэтому Дванов был доволен, что в России революция выполола начисто те редкие места зарослей, где была культура, а народ как был, так и остался чистым полем — не нивой, а порожним плодородным местом. И Дванов не спешил ничего сеять: он полагал, что хорошая почва не выдержит долго и разродится произвольно чем-нибудь небывшим и драгоценным, если только ветер войны не принесет из Западной Европы семена капиталистического бурьяна»³.

В чем, впрочем, схожи между собой герои этих революционных утопий, так это в опрометчивых поступках, которые они

¹ Платонов А. Чевенгур. Котлован. М.: Время, 2011. С. 364–365.

² Чаянов А. В. Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской утопии // Чаянов А. В. Венецианское зеркало: Повести. М.: Современник, 1989. С. 200.

³ Платонов А. Чевенгур. Котлован. М.: Время, 2011. С. 138.

совершают, конечно, из искренних и самых чистосердечных побуждений, словно являясь наглядными примерами к афоризму Энгельса, на который любил ссылаться и Ленин: «Во всякой революции неизбежно делается множество глупостей»¹. Поэтому именно с точки зрения «глупостей революции» имеет смысл кратко проанализировать сюжетную канву революционных событий и поступков в обеих утопиях.

Чаянов в своей утопии относится с изначальной иронией, фактически как к глупости, к идее мирового коммунистического единообразия, намекая в своем повествовании, что даже если коммунисты победят повсюду, как о том они мечтают, по крайней мере четыре причины взорвут их всемирный коммунизм изнутри.

Во-первых, это банальный национализм. В чаяновской утопической истории XX века, например, именно очередные националистические всплески Германии разрушают царство предустановленной гармонии всемирной революции.

Второе, это коррупция. Признавая не только в своей утопии, но и в других сочинениях, что большевики действительно люди идейные, Чаянов тем не менее задавался вопросом, что может в исторической перспективе спасти коммунистический режим, предпочитающий экономическим стимулам внеэкономические, от постепенной экспансии коррупции, и не находил ответа.

Третье, это властные амбиции любых политических лидеров, среди которых коммунисты не составляют исключения. В свое время Жан Жорес упрекал самого Карла Маркса в незнакомстве с рутинной партийного руководства социалистическими партиями, а значит и в недооценке значения персональных склочных амбиций социалистических лидеров. Или, как однажды пошутил современник Чаянова, либеральный историк и писатель Марк Алданов: «Если бы социалисты так ненавидели капитализм, как они ненавидят друг друга, дела капитализма были бы совсем плохи»².

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: В 50 т. 2 изд. Т. 18. М.: Госполитиздат, 1961. С. 516.

² Алданов М.А. Сталин // Портреты. М., 1989. С. 34.

Наконец, четвертое и, возможно, самое главное, — перманентная неэффективность планово-бюрократической коммунистической экономики, лишаящей ее граждан стимулов к производительному труду, обеспечивающих им извечные проблемы с тотальным дефицитом.

Итак, по ироническому мнению Чаянова, не прямо, но косвенно, неоднократно упоминаемые все эти четыре условия — местный национализм, рутинная коррупция, ревнивый вождизм, экономическая неэффективность в конце концов обессилят панглобалистское коммунистическое стремление к мировой экспансии¹. На смену ему, в результате нового бурного и стремительного периода международных войн и конфликтов, Чаянов предрекает приход мира, как бы мы сейчас сказали, многополярного, состоящего к концу XX века, по Чаянову, из пяти достаточно автаркичных социально-экономических систем: англо-французской, германской, американской, русской и японо-китайской. Каждая из систем, занимая значительные территории, обустроена на основах собственных национально-культурных и политико-экономических предпочтений, как то: японо-китайского феодализма, американского капитализма, германского социалистического планового хозяйства, англо-французского капитализма.

А что в России? Для России характерна многоукладная экономика, где кооперативный уклад является ведущим, модернизирующим взаимодействие и продуктивное сотрудничество меж собой государства, капитализма, крестьянских семейных экономик.

¹ Между прочим, надо признать, что после 1984 г. начавшаяся советская перестройка социализма потерпела крушение в значительной степени по сформулированным Чаяновым четырем причинам: рост национализма, экспансия коррупции, конфликт между прогорбачевскими и проельцинскими элитами на фоне трудового абсентизма, товарный дефицит из-за общей неэффективности социалистической экономики. Причину пятую — фатальное падение цен на нефть в стране, ориентированной на экспорт углеводородов, — Чаянов, правда, не предвидел. Апелляция к идеалам чаяновской кооперации в период перестройки как к интегратору единства политических и экономических интересов советского общества оказалась необходимой, но, увы, недостаточной.

Каким образом российской кооперации удастся так слаженно и четко выполнять свои регулятивно-консолидирующие функции? Это происходит прежде всего благодаря разрешению фундаментальной задачи гармонизации процессов разделения труда между городом и деревней. Напомним, что во многом из-за фатальной дезинтеграции и распада народно-хозяйственных связей между городом и деревней произошел крах старого режима и становление режима нового, революционного, также судорожно метавшегося в разрешении проклятых проблем смычки города и села.

Чаянов же в рамках своей утопии с позиций разделяемого им аграризма описывает радикальное разукрупнение и даже разрушение городов и прежде всего столицы — Москвы через развитие идей сельско-городского континуума, связанного с гармоничным сельско-городским расселением жителей России. В итоге среди сплошь комфортабельных селений крестьян города представляют собой только культурно-информационные узлы социальных связей для высокоомобильного населения, использующего разнообразные виды транспорта, движущегося среди инфраструктуры мощных и комфортабельных коммуникаций.

Москва в чаяновской утопии — уже не традиционная столица, город-империалист, для которой покорно-кормящим пьедесталом служит вся остальная страна, но лишь культурно-управленческий центр, первый среди равных ей других больших и малых сельско-городских культурно-коммуникационных центров.

Какая же власть оказалась способной, разрушив города России и поддержав российское село, создать эту сплошную утопию продуктивного сельско-городского симбиоза? По Чаянову, здесь решающая положительная роль принадлежит могучим олигархам интеллекта, увлеченным и высококвалифицированным людям искусства управления социальными процессами, в целом высокообразованным личностям, сторонникам плюралистического мировоззрения развития человеческого общества. Они понимают, что главное в реформах — это не столько экономика, сколько культура, и прежде всего высокая, настоящая культура, а не ее масс- и поп-культурные суррогаты. В ре-

зультате именно таких культурологических реформ в России ее население живет, естественно руководствуясь импульсами великой литературы, живописи, музыки.

Если Достоевский провидел в европейской политической культуре выдающуюся роль Великого инквизитора, а заключенные ГУЛАГа точно определили значение в советском обществе Сталина как Великого хлеботорга, Оруэлл трансформировал этот образ в своей книге «1984» в Большого брата — Великого технократа, то Чаянов в своей утопической стране создает своеобразный образ Великого искусствоведа — агронома человеческих душ, пестующего и проращивающего человеческие личности в компосте высокохудожественной культуры.

Впрочем, в утопии один из таких Великих искусствоведов уверяет главного героя утопии Алексея Кремнева, что цель истинно высокохудожественной политики управления людьми заключается в достижении такого высокого культурно-политического состояния общества, при котором в конце концов отпадет нужда в главенстве над страной сплоченной группы высокоодаренных интеллектуалов-олигархов, и культурно-демократический строй этой крестьянской страны сможет поддерживаться и развиваться вполне автоматически, имея своей целью рост равномерно справедливого производства и распределения благ во имя приобщения и участия всего населения во все более совершенном культурном процветании. Ну и, конечно, не только культура, но и наука в этой крестьянской утопии добилась определенных успехов, например в совершенном регулировании погоды. Здесь созданы специальные аппараты — метеорофоры, благодаря которым можно с точностью до минуты вызвать или прекратить в любой точке этой необъятной страны дождь любой степени интенсивности, или в милитаристских целях в случае отражения чужь-то агрессии переклестить всю мощь метеорофоров на генерирование ураганов и смерчей, наносящих урон противнику, сопоставимый с последствиями ударных волн от атомных взрывов.

А платоновская утопия совершенно иная. Если у Чаянова ведущие силы утопии — это аграрно-кооперативные мудрецы, то у Платонова — анархо-коммунистические простецы. Если

в чаяновской утопии все события происходят в центре — в Москве, то у Платонова все свершается в глубинке, на периферии. Герои платоновской утопии и не собираются захватывать столицу, но здесь и сейчас в несусветной глуши переустраивают уездный город Чевенгур с ярко выраженными чертами типичного малого города России в чевенгурскую коммуны, лелея надежду, что по ее образцу можно будет переустроить весь мир.

О чевенгурских революционерах написано уже много самых противоречивых аналитических текстов в России и за рубежом. Например, британская исследовательница Анджела Ливингстон с истинно английской вежливостью констатировала: «Одиннадцать не очень умных большевиков, отвечающих за небольшой провинциальный город в степи, расчищают место для построения — в их понимании — коммунизма и верят в то, что они добились этого. Наступление коммунизма ведет — в их представлении — к „окончанию“ времени»¹. Отечественный писатель Алексей Варламов определяет чевенгурских коммунистов вполне по-русски: «...Бандитская преступная шайка, изуверская секта „смертепоклонников“ в нарушение всех человеческих законов узурпировала власть в отдаленном незащищенном поселении, занимаясь грабежом и проедаая остатки дореволюционного буржуазного добра, утверждая, что вот это и есть коммунизм»².

Итак, эти идиоты, впрочем, не только в отрицательном, но и в положительном мышкинско-достоевском смысле этого слова, хотя и с более жестоким кровавым оттенком, стремятся в Чевенгуре примерно летом-осенью 1921 г. осуществить полный и законченный коммунизм. Чевенгурским большевикам не нравится НЭП, пугающий их возвращением и усилением признаков капитализма. Нет, они стремятся как можно скорее и полнее воплотить окончательные идеалы именно коммунистической революции. Например, они до основания изничтожают не только капитализм, но любые и малейшие

¹ Ливингстон А. Время в Чевенгуре // «Страна философов» Андрея Платонова: проблемы творчества. Выпуск 6. М.: ИМЛИ РАН, 2005. С. 21.

² Варламов А. Андрей Платонов. М.: Молодая гвардия, 2011. С. 154.

признаки частной собственности, осуществляя настоящий геноцид — максимальное физическое искоренение — так называемого класса чевенгурской буржуазии, а вслед ей и всяческой «остаточной сволочи», истребляя, проживая, проедаая, оставшееся после зажиточных классов имущество. Делают это они сосредоточенно и почти беззлобно, будто перефразируя слова мафиози из «Крестного отца»: «Ничего личного, только коммунизм».

В результате истребив и выгнав все зажиточное население, в Чевенгуре остается лишь дюжина коммунистов. А далее в Чевенгуре фактически запрещается труд, потому что, с точки зрения революционеров-чевенгурцев, когда человек трудится, начинают появляться вещи, а за ними наступает эксплуатация с ее ложным богатством.

Чевенгурцы же добиваются главного богатства по Карлу Марксу — свободного времени, чтобы щедро потратить его для проявления своих искренних чувств дружбы и товарищества по отношению друг к другу. Критики Чевенгура признают, что чевенгурские большевики ничего толком не умеют делать, зато они действительно умеют любить друг друга. И не только друг друга, чевенгурцам свойственно чувство любви не только к ближним, но и к дальним — всем страждущим и обремененным на земном шаре. Они готовят свой Чевенгур к приходу всемирного пролетариата, всех цветных и разукрашенных народов. К ним в город приходят в конце концов жить даже не пролетарии, но люди еще более бедные и обездоленные, так называемые «прочие» — абсолютно нищие сироты. И чевенгурские коммунисты с торжеством и благоговением размещают «прочих» в своем городе.

Здесь надо признать, что, в отличие от чаяновской кооперативной революции, по-рыночному расчетливой, рациональной в отношениях между людьми и народами, платоновская коммунистическая революция щедра до безумия. Чевенгур находится посередине революционно нищей страны, которая «в то время... тратилась на освещение пути всем народам, а для себя в хатах света не держала»¹. Чевенгурцы мечтают пригла-

¹ Платонов А. Чевенгур. Котлован. М.: Время, 2011. С. 153.

силь в свой коммунистический рай все цветные и разукрашенные народы земли, включая «арапов и уродов».

Чевенгурцы полагают, что при капитализме были нарушены фундаментальные законы взаимодействия человека с природой. Природа за это мстила человеку экстракцией из самой себя элементов социальной эксплуатации. Но теперь, раз настанет коммунизм, то и природа благоволит человеку, придя с ним в естественное равновесие. Чевенгурцам нет нужды в чаяновских метеорофорах. Природа с пониманием относится к их коммунистическому городу, вовремя посылая ему столько, сколько нужно, дождя и солнца. Впрочем, чевенгурцы оказываются страшно огорчены и озадачены смертью ребенка, случившейся в Чевенгуре, страданиями от этого его матери, болезнью одного старого чевенгурца: значит смерть, страдание, болезнь не преодолены в Чевенгуре, какой же это коммунизм?!

И тогда, только во имя помощи и поддержки своего ближнего в болезни, в страдании, продолжении жизни, ближе к концу утопического повествования частично реабилитируется труд. Теперь трудиться можно, но исключительно во благо другого человека. Так труд в Чевенгуре начинается вновь с заботы о заболевшем пожилom чевенгурце. Этот труд для другого в Чевенгуре осуществляется в форме дара — персонифицированных отношений дарообмена продуктами своего труда между чевенгурцами, напоминающего в какой-то степени социальные практики, описываемые в исследованиях Марселя Мосса¹ и Карла Полаanyi².

Отметив самые общие сюжетные особенности обеих утопий, нам теперь необходимо подробнее сосредоточиться на их социально-философских и политэкономических основаниях. Таким основанием для чаяновской утопии является кооперация, а для платоновской утопии — коммунизм.

¹ Мосс М. Общества. Обмен. Личность. Труды по социальной антропологии. М.: КДУ, 2011.

² Полаanyi К. Великая трансформация: Политические и экономические истоки нашего времени. СПб.: Алетеия, 2014.

ЛИБЕРАЛЬНАЯ КООПЕРАЦИЯ, АНАРХИЧЕСКИЙ КОММУНИЗМ И ВОПРОСЫ ВЛАСТИ

Понятия кооперации и в особенности коммунизма весьма многозначны. В истории человечества они находили порой воплощение в самых разнообразных и достаточно противоречивых меж собой формах.

Все же с чаяновской кооперацией разобраться, кажется, легче, чем с платоновским коммунизмом. В своей крестьянской утопии Чаянов от имени одного из ее руководителей так кратко и емко объясняет, как кооперация на основе крестьянской культуры и экономики добилась определяющего положения в России XX века:

«Уже в начале XX века крестьянство коллективизировало и возвело в степень крупного кооперативного предприятия все те отрасли своего производства, где крупная форма хозяйства имела преимущество над мелким, в своем настоящем виде представляя организм наиболее устойчивый и технически совершенный...

Ремесло и кустарничество при теперешней заводской технике исключено в подавляющем большинстве отраслей производства. Однако и здесь нас вывела крестьянская самостоятельность; крестьянская кооперация, обладающая гарантированным и чрезвычайным объемом сбыта, задушила в зародыше для большинства продуктов всякую возможность конкуренции. Правда, мы в этом несколько помогли ей и сломили хребет капиталистическим фабрикам внушительным податным обложением, не распространявшимся на производства кооперативные.

Однако частная инициатива капиталистического типа у нас все же существует: в тех областях, в которых бессильны коллективно управляемые предприятия, и в тех случаях, где организаторский гений высотой техники побеждает наше драконовское обложение.

Однако этот остаточный капитализм у нас весьма ручной, как, впрочем, и кооперативная промышленность, более склонная брыкаться, ибо наши законы о труде лучше спасают рабочего от эксплуатации, чем даже законы рабочей диктатуры,

при которых колоссальная доля прибавочной стоимости усваивалась стадами служащих в главках и центрах.

Ну а кроме того, сбросив с себя все хозяйственные предприятия, мы оставили за государством лесную, нефтяную и каменноугольную монополии и, владея топливом, правим тем самым всей обрабатывающей промышленностью...»¹

Вообще эти абзацы, написанные за пару лет до введения НЭПа в изящной идиллической форме, кажется, предсказывают самые идеалистические мечтания по мотивам ленинского упоминания строя цивилизованных кооператоров как необходимой переходной ступени к грядущей победе коммунизма.

Но именно здесь заключаются и главные различия между чаяновской утопией и ленинским кооперативным планом. Чааяновская утопия признает свой вышеописанный кооперативный режим за верх совершенства. И в этой утопии не предусмотрен, по крайней мере, не упоминается в перспективе какой-то еще более высокий, развитой и прогрессивный строй. Утопия достигла своего апогея как в собственном кооперативном развитии, так и в главенствующем кооперативном регулировании взаимоотношений между крестьянскими домохозяйствами, государством и капитализмом.

Но для тотально большевистско-коммунистического утопического взгляда на мир через призму грядущего господства моноукладного громадного фабричного хозяйства, управляемого из единого центра, чаяновский многоукладный и, главное, достаточно либеральный режим экономики и политики, конечно, неприемлем.

А Чаянов именно на первых страницах своей утопии упоминал, что системная слабость либерализма заключалась в неспособности создать собственную утопию. Фактически чаяновская утопия и стремилась восполнить этот пробел, синтезируя основы либерализма с идеями кооперативного социализма.

Чаяновская утопия есть вымышленная история драматического восхождения к власти через череду хронических кон-

¹ Чаянов А. В. Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской утопии // Чаянов А. В. Венецианское зеркало: Повести. М.: Современник. 1989. С. 186–187.

фликтов и кризисов либеральной кооперации в экономически и культурно разнообразной России. Это история трудного, но успешного обучения российского общества основам сохранения и развития политического плюрализма и экономической многоукладности. Кажется, что смысл существования этой утопической крестьянской страны только и заключается во все более разнообразном политико-культурном существовании федеративного конгломерата самых разнообразных политических и экономических форм, или, как декларирует один из олигархов ее политического кооперативного духа: «Мы... в проведении всей этой механики в жизнь охотно допускаем и местные варианты; так, в Якутской области у нас парламентаризм, а в Угличе любители монархии завели „удельного князя“, правда, ограниченного властью местного совдепа, а на Монголо-Алтайской территории единолично правит „генерал-губернатор“ центральной власти»¹.

Самое главное, что эта утопическая страна живет с ощущением ценности прогрессивного значения бесконечного возрастания политического, экономического и культурного разнообразия социальной жизни как главного фактора эволюции и смысла человеческого существования.

Чевенгурские общественные настроения принципиально отличны от мироощущения чаяновской утопии. В тот исторический момент, когда партия объявила о переходе к НЭПу и многоукладной экономике с упором на развитие кооперации, в Чевенгуре и его окрестностях находится достаточно революционных персонажей, недовольных сменой предшествующего курса на форсированное строительство коммунизма любой ценой. Эти революционеры продолжают жить апокалиптическим чувством достижения коммунизма немедленно здесь и сейчас. Например, председатель чевенгурского ревкома товарищ Чепурный «замучился — буржуазия живет, коммунизма нет, а в будущее ведет, как говорилось в губернских циркулярах, ряд последовательно-наступательных переходных ступеней, в которых Чепурный чувством подозревал обман масс»².

¹ Там же. С. 197.

² Платонов А. Чевенгур. Котлован. М.: Время, 2011. С. 225.

Потому же и идеи постепенно эволюционистской кооперации чаяновского типа приходится не ко двору в Чевенгуре. Андрей Платонов красочно рисует трагикомически неудачную попытку либерально-компромиссной кооперации вступить в продуктивный диалог с коммунистически неприступным Чевенгуром в развитии ленинского кооперативного плана через диалог кооператора Алексея Алексеевича Полюбезьева с председателем чевенгурского ревкома Чепурным. Между прочим, случайно ли эти имя и отчество чевенгурского кооператора совпадают с именами двух главных героев кооперативных чаяновской утопии — Алексея Кремнева и Алексея Минина!? Вполне возможно, что Платонов читал утопию Чаянова и если читал, то лишь добродушно и печально высмеял ее в следующей чевенгурской истории:

«Алексей Алексеевич... не понимал науки советской жизни, его влекла лишь одна отрасль — кооперация... теперь, когда социализм назвался кооперацией, Алексей Алексеевич сердечно полюбил его. В Чевенгур Алексей Алексеевич пришел искать кооперацию — спасение людей от бедности и от взаимной душевной лютости...

— Полюбезьев! — узнал Алексея Алексеевича Чепурный... — Говори, пожалуйста, что тебе причитается.

— Мне о кооперации хочется вкратце сказать... Читали, товарищ Чепурный, про нравственный путь к социализму в газете обездоленных под тем же названием, а именно „Беднота“? Чепурный ничего не читал.

— Какая кооперация? Какой тебе путь, когда мы дошли?.. Теперь, братец ты мой, путей нету — люди доехали.

— Куда? — покорно спросил Алексей Алексеевич, утрачивая кооперативную надежду в сердце.

— Как куда? — в коммунизм жизни. Читал Карла Маркса?

— Нет, товарищ Чепурный.

— А вот надо читать, дорогой товарищ: история уж кончилась, а ты и не заметил.

Алексей Алексеевич смолк без вопроса и пошел вдаль...»¹

¹ Платонов А. Чевенгур. Котлован. М.: Время, 2011. С. 203–204.

Из дальнейшего чевенгурского повествования выясняется, что Чепурный и сам не читал Карла Маркса, чьим именем лишь постарался смутить вежливого и робкого кооператора. Впоследствии, когда Чепурный со своими товарищами все же принимается за чтение Маркса, то становится ясно, что марксизм для них является учением сакрально и темно непонятным, хотя, безусловно, достойным благоговейного отношения, как это видно из описания отношения Чепурного к книге Маркса: «Чепурный взял в руки сочинение Карла Маркса и с уважением перетрогал густонапечатанные страницы: писал-писал человек, сожалел Чепурный, а мы все сделали, а потом прочитали,—лучше бы и не писал!»¹

Итак, в Чевенгуре настает коммунизм после уничтожения в нем буржуазии и примыкающей к ней остаточной сволочи? Или еще нет? А если все-таки нет, то каковы к коммунизму ведут пути?—Таковыми вопросами постоянно так или иначе терзаются все чевенгурцы, как обыватели, так и коммунисты. В описаниях Платонова это выглядит следующим образом: «Ни в книгах, ни в сказках, нигде коммунизм не был записан понятной песней, которую можно было вспомнить для утешения в опасный час; Карл Маркс глядел со стен, как чуждый Саваоф, и его страшные книги не могли довести человека до успокаивающего воображения коммунизма; московские и губернские плакаты изображали гидру контрреволюции и поезда с ситцем и сукном, едущие в кооперативные деревни, но нигде не было той трогательной картины будущего, ради которого следует отрубить голову гидре и везти груженные поезда»².

Есть ли в пространстве социальной жизни этих двух революционных утопий потенциальные конфликты, способные возмутить и подорвать неуклонное следование избранным идеалам кооперативной Москвы и коммунистического Чевенгура? Да, есть, и эти конфликты связаны с вопросами власти, вполне соответствуя знаменитому ленинскому утверждению: «Коренной вопрос всякой революции есть вопрос о власти в государстве. Без уяснения этого вопроса не может быть и речи

¹ Там же. С. 243.

² Там же. С. 247.

ни о каком сознательном участии в революции, не говоря уже о руководстве ею»¹.

Вопросы власти в их потенциально конфликтном значении для общества в обеих утопиях формулируются одинаково, но заключительные ответы на них даются различные. И Чаянов, и Платонов подчеркивают значение демократической власти революции, ее прорастания снизу из первичной необходимости спонтанной и добровольной самоорганизации людей и сообществ на местах. Такое видение революционной самоорганизации власти населения повсюду представляется очень близким по духу к идеям анархизма Кропоткина², к которому и Чаянов, и Платонов относились с симпатией.

Чаяновская Москва 1984 г. представляет собой вертикаль власти самых разномасштабных кооперативно-муниципальных конгломератов, укорененных в процедурах контроля со стороны именно низовых, первичных муниципальных и кооперативных организаций. Иногда здесь на местном уровне могут зарождаться относительно опасные конфликты, которые тут же подвергаются демократическому обсуждению всей страны. Таков случай некоего авторитарного муниципально-го лидера из-под Кинешмы и Костромы Архипа Таратина. Являясь лидером большинства в местном Кинешемском совете, а также фанатом античной культуры и гимнастики, он принялся повсюду насаждать идеалы древнегреческой физкультуры и ретиво бороться против другого местного культурного сообщества — старобрядцев-федосеевцев, предпочитавшим античным философам сочинения Григория Богослова и «Патерик Печерский». Этот скандал дошел до колонного зала крестьянско-утопического ВЦИКа, откуда Архипу Таратину была сделано гневное внушение о том, что он своими действиями нарушает Великий декрет 1928 г. о неотъемлемых правах гражданина. Главный крестьянский кооперативный политолог Алексей Минин в связи с этим отмечал, что если раньше против таких ав-

¹ Ленин В. И. О двоевластии // Ленин В. И. Полн. собр. соч.: В 55 т. 5-е изд. Т. 31. М.: Политиздат, 1969. С. 145.

² Кропоткин П. А. Поля, фабрики, мастерские: Промышленность, соединенная с земледелием, и умственный труд с ручным. 5-е изд. М.: Ленанд, 2014.

торитарных фанатиков, как Архип Таратин, применялись крутые государственные меры, направленные на преследование иезуитов, франкмасонов и даже социалистов, то теперь общество найдет в себе силы осадить Архипа и его сторонников без государственного вмешательства.

Впрочем, властные конфликты могут исходить не только от территориально-политических образований, но также и от социально-экономических укладов. Поэтому Чаянов и упоминает о необходимости контроля в интересах всего общества над государством, капитализмом и даже кооперацией, чтобы они «не брыкались» в своих моноукладных эгоистических интересах.

Наконец, в мировом масштабе, во взаимоотношениях между пятью социально-экономическими системами, одной из которых является Россия, также возможны конфликты, поэтому крестьянская утопия имеет вполне боеспособные вооруженные силы.

В итоге в приватной беседе с Кремневым Минин от имени утопической власти подчеркивает: «Мы никогда не были тупо принципиальны, и когда нашему делу угрожало насилие со стороны, а целесообразность заставляла вспомнить, что в наших руках была государственная власть, то наши пулеметы работали не хуже большевистских»¹.

Итак, в утопической крестьянской стране существует сложнейший конгломерат самых различных видов и уровней власти, объединенных идей общественного контроля и согласия. Власть не отменяется в крестьянской утопии, но бесконечно диверсифицируется в системе сдержек и противовесов различных институтов во имя соблюдения прав отдельного индивида. Если же этой системе возникнет действительно серьезная угроза, что ж, тогда в защиту ее будет приведен последний довод крестьянских олигархов — «пулеметы не хуже большевистских».

А «Чевенгур» вслед за частной собственностью стремится отменить и государственную власть, и любую другую. Сделать это и трудно, и легко посреди крестьянско-черноземной стра-

¹ Чаянов А. В. Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской утопии // Чаянов А. В. Венецианское зеркало: Повести. М.: Современник, 1989. С. 184.

ны, страдающей от ужасов Гражданской войны со всем ее безначалием и бандитизмом. В середине повествования романа его главные герои Саша Дванов и Степан Копенкин только тем и занимаются, что путешествуют по разным селам и деревням, на местах обнаруживая самые диковинные формы местной властной самоорганизации — «коммуны», «ревзаповедник», село, прислушивающееся к односельчанину, объявившему себя богом, просто бандитские малины и т. д. В этом хаосе безвластия крестьяне, равно страшащиеся бандитского грабежа и советской продразверстки, тоскуют по крепкой власти и одновременно опасаются ее.

В самом же «Чевенгуре», где коммунизм был создан местным ревкомом во главе с товарищем Чепурным, теперь считают власть никчемным явлением, остатки которого надо поскорее окончательно упразднить. Теперь, после победы коммунизма, иметь власть, находиться у власти, при власти просто стыдно. Советская власть в «Чевенгуре» должна раствориться в царстве «множества природных невзрачных людей», стать как «природная сила»¹.

Сам глава чевенгурского ревкома стремиться поскорее сложить с себя ставшие при коммунизме постыдными властные полномочия, обуреваемый нравственными угрызениями: «Чепурный вспомнил, что он не Советская власть... он побоялся, как бы не подумали про него: вон самый умный и хороший пошел, богатым начальником бедноты коммунизма хочет стать! И Чепурный присел за одним поперечным плетнем, чтобы про него сразу забыли и не успели ничего подумать»².

Мы рассматривали возможные конфликты и угрозы в вопросах власти в крестьянской утопии, а существуют ли он в утопии чевенгурской? Да, тоже существуют. Это угрозы как внешние, так и внутренние. Внешняя угроза — контроль из центра, хотя бы из губернии. Как объясняет все тот же Чепурный: «Только знаешь, если мы в губернию... отвечать не будем, что у нас все хорошо, то оттуда у нас весь коммунизм ликвидируют»³. Угроза

¹ Платонов А. Чевенгур. Котлован. М.: Время, 2011. С. 168.

² Там же. С. 346.

³ Там же. С. 220.

внутренняя—возможная претензия на власть одного из главных идеологов и хозяйственных деятелей чевенгурского коммунизма Прокофия (Прошки) Дванова, обуреваемого собственными шкурными интересами.

Если в утопии Чаянова Архип Таратин олицетворял собой архаичного властолюбца авторитарной идеи, то в утопии Платонова Прошка Дванов является также архаичным властолюбцем, но идеи собственнической. Он все время держит в уме, что старые времена могут и обратно вернуться, а потому постоянно ведет счет коммунистическому имуществу, подобно партийно-хозяйственной номенклатуре времен перестройки, предлагающей для себя благо шоковой приватизации.

В отличие от чаяновской кооперативной утопии, где власть контролируется искусной командой сплоченных демократически ориентированных олигархов, чевенгурские коммунисты не признают никакой власти и принципиально от нее отказываются. Чевенгурский ревком, уничтожив буржуазию, с одной стороны, раскрывает двери для прихода в город всех страждущих и обремененных пролетариев, с другой—заявляет о сложении с себя всех властных полномочий. Чевенгурцы боятся и стесняются любой власти, а более всего—власти собственной.

А еще в чаяновском и платоновском сочинениях описываются силы враждебные, к концу обеих повествований веющие над обеими утопиями и обрывающие своими испытаниями путешествия главных героев повести.

ПУТЕШЕСТВИЯ, ОБОРВАННЫЕ ОЧЕРЕДНЫМИ ВОЙНАМИ

Итак, около 1921 г. герой чаяновской утопии проваливается во времени в столично-кооперативную Москву 1984 г., а герой Платонова в том же 1921 г. проваливается в пространстве в уездный коммунистический Чевенгур. Как богатая культурой и достатком кооперативная Москва, так и нищий духом и телом коммунистический Чевенгур в основном полагают, что они достигли того идеала, ради которого и свершалась русская революция. Лишь главные герои обеих утопий, путешествуя по всем их закоулкам, с тревогой пытаются прощупать в своих раз-

мышлениях и действиях возможные слабости и несовершенства утопических стран.

Безусловным испытанием для любой страны, а уж тем более страны победившей революции, является война. Ибо как говорил все тот же В. И. Ленин: «Всякая революция лишь тогда чего-нибудь стоит, если она умеет защищаться...»¹ Более того, он же утверждал и задавался вопросом: «Революция может состоять и, вероятно, будет состоять из долголетних битв...— И какое же оружие применять в этих битвах?»²

В обеих утопиях, конечно, упоминается неоднократно опыт бесчисленных больших и малых военно-политических столкновений в истории хода революций Москвы и Чевенгура. И обе утопии завершаются описанием очередных грозных военных испытаний, выпавших на долю двух утопических стран, стремительно обрываясь описанием чувств главных героев — свидетелей разразившейся военной грозы.

В утопии Чаянова главная угроза для кооперативной Москвы — ее агрессивная соседка, советско-бюрократическая Германия. Эта страна свято пронесла через десятилетия экономической строй планово-бюрократической централизованной экономики, так схожей с экономикой России времен военного коммунизма. В результате у немцев, измученных проблемами извечного советского продовольственного дефицита, возникает соблазн поправить свои дела вероломным вторжением в изобильно богатую кооперативную Россию. В чаяновской утопии Россия оказывается готовой к войне на все сто процентов. Она мгновенно мобилизуется в чувствах всенародного патриотического ликования, нанося противнику немедленный сокрушительный удар своим чудо-оружием, после которого германец запрашивает скорого мира, соглашаясь на уплату щедрой культурно-скотоводческой контрибуции. Война так описывается глазами главного героя утопии: «В 3 часа 15 ми-

¹ Ленин В. И. Доклад на объединенном заседании ВЦИК 22 октября 1918 г. // Ленин В. И. Полн. собр. соч.: В 55 т. 5-е изд. Т. 37. М.: Политиздат, 1969. С. 122.

² Ленин В. И. Истинные интернационалисты: Каутский, Аксельрод, Мартов // Ленин В. И. Полн. собр. соч.: В 55 т.. 5-е изд. Т. 27. М.: Политиздат, 1969. С. 57.

нут ночи на 8 сентября по заранее разработанному плану метеорофоры пограничной полосы дали максимальное напряжение силовых линий на циклоне малого радиуса, и в течение получаса миллионные армии и десятки тысяч аэропланов были буквально сметены чудовищными смерчами. Установили ветровую завесу на границе, и высланные аэросани Тары оказывали посильную помощь поверженным полчищам. Через два часа берлинское правительство сообщило, что оно прекращает войну и выплачивает вызванные ею издержки в любой форме.

Таковой формой русский Совнарком избрал несколько десятков полотен Боттичелли, Доменико Венециано, Гольбейна, Пергамский алтарь и 1000 китайских раскрашенных гравюр эпохи Танг, а также 1000 племенных быков-производителей»¹.

Описание утопической войны с Германией может вызвать неловкость читателя из-за всей ее водевильно-легкомысленной эйфории метеорофорного² блицкрига, ведь Чаянов, как-никак, был современником и свидетелем неимоверных тягот и страданий Первой мировой (германской) войны для всего мира и России. Тем не менее в чаяновских утопических строчках снова и снова проступают некоторые пророческие интуиции и очертания грядущего реального российско-германского конфликта будущей мировой войны. Чаянов точно передает предвоенные утопические чувства будущей легкой победы малой кровью, запечатленные в прекраснотушной песне и фильме с одноименным названием «Если завтра война» (1938). Чаянов также предсказывает, что с немцев в возмещение нанесенного чудовищного ущерба возьмут и полотна старых европейских мастеров, и Пергамский алтарь, и еще всяческие культурные и хозяйственные ценности.

Надо отметить, что лично Чаянов, являясь патриотом России, никогда не проявлял шовинистических настроений ни по отношению к Германии, ни по отношению к какой-либо дру-

¹ Чаянов А. В. Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской утопии // Чаянов А. В. Венецианское зеркало: Повести. М.: Современник. 1989. С. 207.

² Термин «метеорофоры» придуман Чаяновым. Метеорофоры — сеть силовых магнитных станций, управляющих погодой. См.: Там же. С. 182.

гой стране. Тем не менее, должно быть, унижительное поражение России в Первой мировой войне оставило свой досадный след в душе Чаянова.

Тем временем к возможному военному конфликту в конце своего романа готовятся и платоновские чевенгурцы. Живя в первобытном единении с природой, особо не доверяя науке, технике и культуре, они имеют в своем арсенале лишь доставшиеся им от Гражданской войны винтовки, пистолеты, сабли, пулемет и несколько заржавевших, негодных гранат. Саша Дванов, впрочем, пытается для грядущей обороны Чевенгура придумать некое чудо-оружие, достойное всей его предшествующей сонно-бредовой фантазмагии:

«Нужно колесо,—вслух определил Дванов.—Кованный деревянный диск, с него можно швырять в противника кирпичи, камни, мусор,—снарядов у нас нет. А вертеть будем конным приводом и помогать руками,—даже пыль можно отправлять и песок...»¹

Впрочем, даже это их единственное чудо-оружие чевенгурцы не успели подготовить и ввести в дело, потому что неведомый враг напал на них со стороны степи столь решительно и по-военному организованно, что чевенгурцы все как один, включая стариков и женщин, лишь успели высыпать на встречу противнику на окраину своего города, и героически почти все до одного пали в неравной борьбе.

В отличие от чаяновской утопии, где как всегда все четко и ясно: враг — германец, в платоновской утопии непонятно, чья же все-таки конница изрубила Чевенгур. В романе чевенгурцы кричат, что это кадеты. Но многие историки и литературоведы вполне резонно замечают, что к 1921 г. в России кадеты исчезли, разбитые в предшествующие годы Гражданской войны. Тогда остаются бандиты? Но конница, напавшая на Чевенгур, представляет собой уж слишком правильное и регулярное военное формирование, никак не похожее на разномастных бандитских кавалеристов. Тут вполне правдоподобной может быть и третья версия: это была регулярная Красная армия, посланная именно из центра для наведения порядка, чтобы покон-

¹ Платонов А. Чевенгур. Котлован. М.: Время, 2011. С. 393.

чить с пережитками анархо-бандитского коммунизма в уездном городе Чевенгуре. Читателю этого романа остается, как всегда, гадать и выбирать достоверный вариант, руководствуясь прежде всего личными чувствами и разумением.

Платоновское описание последней чевенгурской битвы — торжественное и трагическое, достойное в своей трогательности античных и скандинавских сказаний о гибели настоящих героев в борьбе против могучих врагов, у которых «были команда и строй, поэтому они держались ровно и бесстрашно против первых выстрелов Чевенгура. Дванов понял их преимущество и, установив ноги в ложбинке, сшиб четвертой пулей командира отряда из своего нагана. Но противник опять не расстроился, он на ходу убрал командира куда-то внутрь построения и перевел коней на полную рысь. В этом спокойном наступлении была машинальная сила победы, но и в чевенгурцах была стихия защищающейся жизни. Кроме того, на стороне Чевенгура существовал коммунизм...»¹

Коммунизм не спас чевенгурцев в этот последний и решительный бой. Город Чевенгур на последней странице повести предстает полностью разрушенным.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ: ОПУСТОШАЮЩИЕ ПУТЕШЕСТВИЯ В ПОИСКАХ БРАТСТВА

Опустошением душ главных героев заканчиваются их утопические путешествия.

«Американец» Алексей Кремнев, изначально радушно принятый в интеллигентной профессорской семье утопической Москвы, все больше вызывает недоумение странностями и промахами своего поведения. Из-за доноса главы семейства, заподозрившего его в шпионаже, Кремнева арестовывают и допрашивают как германского шпиона. На допросе Кремнев чистосердечно рассказал, что он является всего лишь современником великой русской революции, сам не понимает, каким образом перенесся в будущее-настоящее на несколько десятилетий вперед. Специально обсуждавшая его случай эксперт-

¹ Там же. С. 403.

ная комиссия, включавшая в себя также историков, внимательно и корректно выслушав все его ответы о якобы родственном ему времени, приходит к отрицательному заключению: «Его собеседники-профессора долго и с сожалением качали головами и заявили ему на прощание, что он, несомненно, начитан в революционной литературе, в нем видно знакомство с архивами, но что он совершенно не представляет собою духа эпохи и чудовищно по непониманию толкует исторические события, а потому ни в коем случае не может быть признан современником их»¹.

Впрочем, Кремнев быстро признается безвредным, хотя и странным гражданином, принимается решение о его немедленном освобождении из-под ареста. Чаянов подчеркивает, что за все время заключения с Кремневым обращались вежливо и предупредительно, по окончании ареста даже предоставив ему возможность позавтракать на веранде гостиницы за казенный счет. От всего с ним случившегося главный герой к концу повествования оказывается совершенно опустошенным. Повесть о нем завершается так: «Кофе был допит, ростбиф окончен, и Кремнев поднялся со стула. Сгорбленный и подавленный происшедшим, он медленно спускался с лестницы веранды, идя один, без связей и без средств к существованию, в жизнь почти неведомой ему утопической страны. Конец первой части»².

Еще более трагичной оказывается ситуация Александра Дванова, чудом уцелевшего в чевенгурской бойне. Из битвы конь выносит Дванова к озеру, где когда-то утопился его отец. Измучившийся бесконечными поисками социализма и коммунизма, потрясенный гибелью Чевенгура, не обнаруживая в окружающих его деревенских ландшафтах и людях никаких перемен со времен детства, Дванов решает следовать участи своего отца, погружаясь в глубину озерных вод. После исчезновения Дванова заканчивается и сам роман следующими строчками:

¹ Чаянов А. В. Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской утопии // Чаянов А. В. Венецианское зеркало: Повести. М.: Современник. 1989. С. 206.

² Там же. С. 208.

«В Чевенгуре...было пусто и скучно, только в одном месте, близ кирпичного дома, сидел Прошка и плакал среди всего доставшегося ему имущества.— Ты чего ж, Прош, плачешь, а никому не жалишься?— спросил Захар Павлович (приемный отец Дванова.— *А. Н.*).— Хочешь, я тебе опять рублевку дам (Когда-то в детстве за рубль Прошка отыскал своего сводного брата, сироту-побирушку Сашу для Захара Павловича.— *А. Н.*)— приведи мне Сашу.— Даром приведу,— пообещал Прокофий и пошел искать Дванова»¹.

Читателям обоих произведений остается лишь слабая надежда, что, возможно, в намеке на вторую часть утопии Чаянова и в обещании прохиндея Прошки в утопии Платонова все-таки последуют какие-то продолжения утопических путешествий в поисках дальнейшего осуществления революции.

В заключение хочется отметить, что все глубокомысленные и остроумные описания социально-экономического устройства крестьянской Москвы и бродяжьего Чевенгура направлены к постижению главной цели всякой великой социальной революции — достижению родства и братства всех людей. Тема братьев и сестер, любви между ними столь экзистенциально важна в двух утопиях, что потребует для своего раскрытия особого исследовательского текста.

Утопия Чаянова, писавшаяся в 1919 г., в разгар русской революции, была все же оптимистична. Утопия Платонова, завершавшаяся в 1928 г., на излете русской революции, оказалось пессимистической. В обеих утопиях было показано, как нелегко, несмотря на все успехи кооперации и культуры в утопической Москве и первобытной дружбы и товарищества в Чевенгуре, даются родство и любовь людей меж собой.

Наступал 1929 год, ставивший окончательный крест на альтернативных утопических мечтаниях русской революции, ознаменовавший усиление политических гонений не только на Платонова и Чаянова, но и на большинство населения советской страны. «Великий перелом» 1929 г. утверждал, что стремится продолжить революцию, но прежде всего через мучительно коллективное сплочение людей во имя целей, указанных

¹ Платонов А. Чевенгур. Котлован. М.: Время, 2011. С. 409.

бюрократическим государством, к которому столько недоверия и сарказма было высказано в утопиях Чаянова и Платонова. Именно о таком способе людского сплочения Андрей Платонов в своих «Записных книжках» 1930-х гг. писал с горечью: «Если нельзя сплотить людей на основе родства, то можно их соединить на основе мучительства»¹. Чаянов, мучимый в эти годы ссылкой и тюрьмой, уже не имел возможности откровенно записывать какие-либо свои мысли даже в стол.

Советское бюрократическое государство до конца своего существования продолжало казенным образом спланировать кооперацию и коммунизм, утверждая, что идет по правильному революционному пути.

¹ Платонов А.П. Записные книжки. Материалы к биографии. М.: ИМЛИ РАН, 2006. С. 109.

А. В. Соболев

Оценка экономистами русской эмиграции влияния революции 1917 года на трансформацию кооперации

1917 год для русской кооперации стал годом зенита ее славы и началом ее падения. Никогда больше наша кооперация, как свободное движение, росшее «снизу» на свойственных ей принципах, не имела такого крупномасштабного размаха и положительного влияния.

Именно такую оценку давали русские экономисты, волею судеб оказавшиеся за рубежом, но продолжившие в эмиграции исследовать природу и сущность кооперации, широкий спектр кооперативных проблем. Это профессора Алексей Николаевич Анцыферов (1867–1943), Александр Дмитриевич Билимович (1876–1963), Иван Васильевич Емельянов (1880–1945), Ваган Фомич Тотомианц (1875–1964). Кооперативная мысль русского зарубежья— это целое и продуктивное направление отечественной экономической науки.

Экономисты в эмиграции активно занимались историко-экономическими исследованиями отечественной кооперации как в рамках научно-образовательного центра—Русского Института сельскохозяйственной кооперации в Праге, так и персонально. Все они не были кабинетными учеными, наблюдавшими со стороны за кооперативным движением, наоборот, на протяжении всей своей жизни они являлись активными участниками этого движения, причем не только в досоветской России, но и за рубежом (в Европе и США).

Представители кооперативной мысли русского зарубежья всегда признавали большое значение кооперации для народного хозяйства России и, исходя из этой точки зрения, они рассматривали ее как фактор общего прогресса. Они обращали

внимание на то, что за жизнь только одного поколения перед октябрём 1917 г. кооперативное движение в России достигло крупномасштабных успехов. По разным подсчетам, в это время свыше 50 тыс. разного рода кооперативных организаций охватывали от 10 до 20 млн членов. России принадлежало мировое первенство по числу кооперативных организаций, а по оборотам и числу участников она находилась в лидирующей тройке стран¹.

Для того чтобы это произошло спустя полвека после отмены крепостного права в стране, русским народом при активном участии интеллигенции была совершена громадная организационная работа. Было положено основание эволюционному подъему хозяйственного и культурного уровня русской деревни, где кооперация охватила более трети крестьянских хозяйств. Крестьянство само начало свободно участвовать в этом процессе, и проникновение этой самостоятельности в деревенскую среду стало подлинным освобождением крестьянства от вековой его угнетенности и подопечности, проявлением им плодотворного хозяйственного и культурного творчества.

В своих трудах ученые русского зарубежья особо отмечали значение сельской кооперации. Об этом свидетельствуют крупнейшие труды И. В. Емельянова и А. Н. Анцыферова, посвященные сельскохозяйственной кооперации. Сельские кооперативы в Российской империи охватывали больше населения, чем любые иные институты. В 1914 г. насчитывалось 17 тыс. кооперативов, объединявших от 8 до 9 млн членов — это треть всех крестьянских хозяйств².

Два типа кооперативов, допущенных законом, под названием ссудо-сберегательные (паевые) и кредитные (непаевые) товарищества, стали развиваться довольно быстро, причем непаевые товарищества преобладали. Принципы Шульце-Делича

¹ Билимович А. Д. Кооперация в России до, во время и после большевиков. М.: Наука, 2005. С. 52.

² Antsiferov A. Effect of the War upon Co-operative Credit and Agricultural Co-operation in Russia // The Cooperative Movement in Russia during the War. New Haven, London, 1929; Емельянов И. В. Кооперативные организации среди земледельцев. Т. 1–2. Прага, 1923; Билимович А. Д. Кооперация в России до, во время и после большевиков. М.: Наука, 2005.

использовались ссудо-сберегательными товариществами, кредитные кооперативы придерживались принципов Райффайзена. Если в 1900 г. действовали 13 кредитных и 686 ссудо-сберегательных товариществ, к 1910 г. соответственно 3610 и 2786, то к началу 1917 г.— 11 929 и 4256. На 1 января 1917 г. они объединяли 10,5 млн человек, а их оборотные средства достигли почти 1 млрд рублей¹.

В роли учреждений второй степени выступали земские кассы мелкого кредита (уездные и губернские) и союзы учреждений мелкого кредита. К моменту революции первых было 254 и вторых—106. Центральный кооперативный банк был представлен Московским народным банком, основанным в 1912 г.

Этот вид кооперации был наиболее развит в России и имел наибольшее значение для хозяйственной жизни. По числу членов кооперативных товариществ Россия занимала первое место в мире. В товарищества объединились 10,5 млн дворов, что составляло около 60 млн человек, т. е. больше трети всего населения Российской империи².

Потребительская кооперация, возникшая, также как и кредитная кооперация, в 1865 г., занимала второе место и перед революцией развивалась довольно быстро. К концу XIX века потребительских обществ было около трехсот, а к началу 1915 г., когда российская кооперация отмечала свой 50-летний юбилей, их было уже почти 11 тысяч, при этом три четверти из них располагались в деревнях. Почти все они были построены по классическому, так называемому Рочдельскому типу. Из центральных организаций главную роль играл Московский союз потребительских обществ, превратившийся к осени 1917 г. во Всероссийский³.

В обширной и разнообразной группе производственной кооперации бесспорно наибольшее значение имели Сибирские маслодельные артели. Западная Сибирь оказалась поисти-

¹ Билимович А.Д. Кооперация в России до, во время и после большевиков. М.: Наука, 2005. С. 50–52.

² Там же. С. 50–52.

³ Там же. С. 56–58.

не «жемчужиной» русской сельскохозяйственной кооперации. Эта громадная территория обладала превосходными природными свойствами для ведения молочного хозяйства, но оно стало развиваться на кооперативных началах только в начале XX века, и к 1918 г. там уже действовало больше 2 тыс. маслодельных артелей. Экспорт сибирского масла за границу достиг 3,5 млн пудов в год. Движение возглавлялось Сибирским союзом маслодельных артелей¹.

Вторая группа кооперативов только во время мировой войны стала развивать свою деятельность, пытаясь объединить производителей льна. Эта начавшая развиваться группа льноводческих товариществ во главе с Центральным товариществом льноводов, основанным в 1915 г., успела все же собрать в кампанию 1917–1918 гг. около 2,5 млн пудов льна².

Подводя итоги дореволюционному кооперативному движению в России, А. Д. Билимович отмечал, что «кооперация стала необходимым элементом крестьянской жизни и жизни широких трудовых слоев городского населения, как одной из основ всей хозяйственной структуры России. Прогресс сельского хозяйства, столь характерный для России начала XX века, был тесно связан с развитием кооперативного кредита и всех видов сельскохозяйственной кооперации. С другой стороны, освобождение крестьян от гнета общины, рост индивидуальных крестьянских хозяйств и возникновение миллионов новых переселенческих хозяйств на свободных земельных пространствах Сибири явились мощными факторами, ускорившими развитие кооперативного движения»³.

Эта кооперация была продуктом массового народного движения, как в городах, так и особенно в деревне. Она не была насильственно навязана. Наоборот, ее рост был результатом глубоких изменений в экономической и социальной жизни России перед войной 1914 г. Даже в первое время после февраля 1917 г. она продолжала усиленно развиваться и несла населению экс-

¹ Билимович А. Д. Кооперация в России до, во время и после большевиков. М.: Наука, 2005. С. 65–69.

² Там же. С. 62.

³ Там же. С. 73.

тренную экономическую помощь среди начавшейся разрухи, хотя и страдала уже от инфляции, отсутствия товаров и общего хаоса в стране.

Русские кооперативы показали, что страна в состоянии приспособиться к серьезным переменам, мобилизовав для этого людей и ресурсы даже в тяжелые годы мировой и Гражданской войн. Совершенно различные социальные группы участвовали в общем деле, достигая заметного прогресса. Открывались возможности достижения равновесия социальных интересов. Кооперативы в селах Российской империи объединяли больше населения, чем любые иные неказенные общественно-хозяйственные институты. Они привлекали сельское население тем, что давали возможность довольно быстро и реально улучшить материальные условия жизни. В сословном государстве, каким оставалась еще в начале XX столетия Россия, кооперативы оказались единственным организованным массовым движением, способным объединять все сословия на добровольных началах.

Научная эмиграция с восхищением и гордостью писала о русском кооперативном движении, его бурном росте в последнее десятилетие перед 1917 г. Это была демонстрация того, «на какую высоту мирной созидательной работы может подыматься народный дух, и какие творческие силы таятся в народах России. Это движение дало пример исключительной предприимчивости, практической сметки и редкой способности народа к свободной хозяйственной жизни. Начиная с устройства своих маленьких низовых кооперативов и кончая созданием мощных центральных финансовых, торговых и производственных кооперативных организаций.

Но и над кооперацией, как и над другими сторонами русской жизни, висело политическое проклятие. Крестьянству и рабочим нужна была кооперация, и они пошли в нее. Пошли они и за кооперативными союзами, которые помогали строить и ширить кооперацию. Но многие союзы, попавшие в руки революционно и социалистически настроенной интеллигенции, стали пользоваться кооперацией для своих политических целей и пропаганды революционных идей среди крестьянства

и рабочих. Для них кооперация была очень удобным средством для подготовки революции»¹.

Об этом же пишет А. Н. Анцыферов: «Сельские общества желали улучшить свое хозяйство и повысить свои доходы. Но в молодых, недавно основанных союзах слишком часто господствовали городские социалистические элементы, стремившиеся любой ценой и сразу совершить скачок в „светлое царство социализма“ и жаждавшие немедленной перестройки всех экономических отношений»².

Эти тенденции подготавливали приход революционного 1917 г., но эти же тенденции, будучи по характеру противоречивыми, подготавливали также гибель кооперации после победы революции³. «Слишком многие считали, что переворот откроет самые радужные перспективы для политической свободы в России, для ее экономического расцвета и даже для победы над врагом, с которым страна была тогда в войне. И слишком многим русским кооператорам казалось, что этот переворот откроет столь же радужные перспективы для свободы и прочного расцвета русской кооперации.

И действительно, с первых же дней после переворота кооперация стала свободна от какой бы то ни было, даже необходимой для нее самой регламентации. Кооператоры приветствовали этот „скачок из царства необходимости в царство свободы“. Но очень скоро этот скачок оказался провалом в бездну, в которой погибла всякая свобода и умерла свободная кооперация. Вожди кооперации, если им была дорога кооперация, могли и должны были предвидеть этот результат»⁴.

¹ Билимович А. Д. Кооперация в России до, во время и после большевиков. М.: Наука, 2005. С. 73–74.

² Antsiferov A. Effect of the War upon Co-operative Credit and Agricultural Cooperation in Russia // The Cooperative Movement in Russia during the War. New Haven, London: Yale University Press, 1929. P. 418.

³ Томотианц В. Ф. Кооперация в России. Прага: Наша речь, 1922. С. 146–150.

⁴ Antsiferov A. Effect of the War upon Co-operative Credit and Agricultural Cooperation in Russia // The Cooperative Movement in Russia during the War. New Haven, London: Yale University Press, 1929. P. 418; Билимович А. Д. Кооперация в России до, во время и после большевиков. М.: Наука, 2005. С. 75.

Революционные события 1917 г. сняли с кооперации все административные ограничения, и она оказалась свободной с большими перспективами и открывающимися возможностями. «Но не сразу поняла она две вещи: 1) что все существование, весь ее расцвет и, в частности, вся ее культурная работа имели своим основанием здоровую корни быстро развивавшегося хозяйства России, и что как только будут расшатаны эти корни и это хозяйство, неизбежно окажется расшатанной выросшая на них кооперация; она окажется расшатанной, как бы внешне в своих номинальных числовых выражениях она еще ни продолжала возрастать; и 2) что полученная свобода не только дала кооперации права, но и наложила на нее тяжелые обязанности, подвергла ее опасным соблазнам и смертельному риску»¹.

Ученые русского зарубежья обращали внимание на то, что весной 1917 г. Временное правительство опубликовало новый кооперативный закон, называвшийся «Положение о кооперативных товариществах и их союзах». Этот законодательный акт, подготовленный в кооперативных кругах, представлял собой один из замечательнейших образцов единого кооперативного закона, хотя практически он не оказал почти никакого влияния на кооперативное движение в России ввиду наступившего вскоре прихода большевиков к власти.

Исследователи подчеркивают, что период власти Временного правительства ознаменовался еще большим численным ростом кооперации, хотя это был в значительной мере лишь внешний рост. Но объяснялся он отнюдь не тем, что с кооперации снимались все административные ограничения. Ведь они были незначительны, касались главным образом политической, а не хозяйственной деятельности кооператоров, и «вовсе не задерживали развития здоровой кооперации. На самом деле он (рост) вызван был теми хозяйственными затруднениями, которые постепенно нарастали во время войны и резко усилились вследствие политического и экономического хаоса, навалившегося на население после переворота. Рост кооперации

¹ Билимович А.Д. Кооперация в России до, во время и после большевиков. М.: Наука, 2005. С. 85–86.

вызван был теми продовольственными и прочими трудностями, в которые попали все классы населения, тем разрушением и параличом, в которые погрузилась вся частная хозяйственная жизнь. Естественно, что в этих условиях люди массами бросились в кооперативы, которые одни могли, казалось, дать им то, чего нигде, кроме дорогой черной биржи, не было, и одни могли, опять-таки, казалось, укрыть их от поднявшегося разгула законных и незаконных реквизиций и просто грабежей»¹.

В этой обстановке кооперативы и их союзы открывались, росли и «пухли». Но это не было губительным, как и влияние мировой войны 1914–1918 гг., которая не остановила ни работы, ни развития русской кооперации. На самом деле русскую кооперацию загубила революция и политика большевиков, начиная с первых лет их нахождения у власти, когда одни кооперативы упразднялись, а другие реорганизовывались, стали использоваться как распределительный аппарат, противоречащий сути кооперативных основ. В период 1918–1920 гг. кооперативное движение продолжало развиваться в местностях, свободных или освобождавшихся от власти большевиков. Экономика Дона, Сибири, Северной части европейской России в это время во многом держалась благодаря кооперативным организациям. Но вообще это было, по единодушному мнению зарубежных русских исследователей, началом угасания. Через двадцать лет, в эмиграции, А. Н. Анцыферов подытожит: «Кооперация оказалась в ситуации страшной катастрофы, от последствий которой она, как и вся страна, до сих пор не может отойти и восстановиться на своих традиционных основах. Вся постройка русской кооперации, созидавшаяся в течение полувека с огромными усилиями, разрушена системой большевизма до основания в тот именно момент, когда наше кооперативное движение выросло из пленок, встало на собственные ноги и начало приносить богатые плоды. Это одна из печальнейших страниц того тяжелого и жестокого периода русской истории,

¹ Билимович А. Д. Кооперация в России до, во время и после большевиков. М.: Наука, 2005. С. 75–76.

который совпадает с концом европейской войны и тянется вот уже больше двадцати лет»¹.

Ученый отмечает, что в период военного коммунизма первые акты советской власти уничтожили всю систему русской кооперации, расплили ее средства и функции по разным правительственным и превращенным в полуказенные потребительским организациям (ЕПО — единое потребительское общество). При этом погибли все капиталы кооперативного кредита, собранные упорным трудом в течение полувека.

Однако, констатирует А. Н. Анцыферов, после этого периода приходит время новой экономической политики, и указанное отношение, принципиально единственно правильное с точки зрения большевистского правительства, сменяется жалким компромиссом. Ленинские идеи о кооперации видоизменяются, и «рост кооперации в условиях диктатуры пролетариата» признается «тождественным с ростом социализма». Кооперация с предикатом «советская» признается как предварительный этап развития социалистического устройства общества, а для кооперации открываются некоторые возможности кажущегося самостоятельного существования.

Русские исследователи в эмиграции, изучая отечественный опыт кооперации, выяснили, насколько важными в развитии кооперативного движения являются политические и идеологические факторы. Именно эти факторы в значительной мере способствовали тому, что вместо массового и благотворного кооперативного движения, каковым оно было в начале XX века, в стране при советской власти воцарилось рутинное «кооперативное строительство».

Исследователи отмечали, что важной вехой исторического пути кооперации стал февраль 1917 г., после которого кооперативные организации выросли численно очень сильно. Но именно этот нездоровый рост оказался для нее трагическим. Под покровом этого внешнего распухания шло внутреннее разложение кооперации, вызванное общим революционным угаром. В. Ф. Тотомианц свидетельствовал: «Кооператоры новой фор-

¹ См.: *Соболев А. В.* Кооперация: экономические исследования в русском зарубежье. М.: Дашков и К, 2012. С. 188–189.

мации, вышедшие из рядов революционеров, путем демагогии завладели лучшими должностями в кооперативном движении, вытеснили старых заслуженных кооператоров и использовали, таким образом, кооперативные учреждения для целей политической агитации». О кооперативных съездах революционной эпохи он говорит: «Новоиспеченные социалисты... руководимые старыми политическими эмигрантами, уже в дни Временного правительства превратили всероссийские кооперативные съезды в своего рода политические сборища в угоду революционерам, часто совершенно чуждым кооперативному движению. <...> На кооперативных съездах говорилось гораздо больше о политике всевозможных борющихся между собою партий, чем о вопросах, которые, казалось бы, должны были интересовать собрание». Вместе с тем он отмечает разлагающую работу большевиков в среде рабочей потребительской кооперации. Большевики в условиях дефицита создали в Москве и Петрограде крупнейшие специальные «независимые» рабочие потребительские общества, хотя рабочие и принимали большое участие в прежде существовавших кооперативах¹.

А. Н. Анцыферов следующим образом характеризует внутреннее состояние кооперации в 1917–1918 гг.: «Среди общего состояния революционной экзальтации и нервности старые вожди кооперации оказались бессильными сдержать процесс внутреннего распада и коррупции. Здание русской кооперации, загнившее изнутри, не смогло противостоять революционной буре. Основы кооперативного здания были поколеблены и многие его части были разрушены до основания. Так расшатанная Февральской революцией и болезненно распухшая после нее кооперация стала заманчивой и легкой добычей большевиков. Их губительная политика по отношению к кооперации сказалась очень быстро и была проведена ими с циничной бесцеремонностью»².

¹ *Тотомианц В. Ф.* Кооперация в России. Прага: Наша речь, 1922. С. 146–150.

² *Antsiferov A.* Effect of the War upon Co-operative Credit and Agricultural Cooperation in Russia // *The Cooperative Movement in Russia during the War*. New Haven, London: Yale University Press, 1929. P. 420.

Следует упомянуть еще один важный аспект досоветской литературы о кооперации, которая создавалась в то время людьми, вовлеченными в дискуссии особого рода. Это была полемика о судьбах крестьянства, настоящем и будущем России, а также о роли в этом будущем лиц, которые могли судить об этом. Кооперативы воплощали в себе противоборство за право авторитетно судить о крестьянах, говорить от их имени, столкновение различных стратегий действий в отношении крестьянства и притязаний на влияние в их среде. Это была мощная смесь легитимности, власти и чувства миссии, которая побуждала заявлять свое право на крестьян¹.

Все соглашались, что кооперативное движение способствует укреплению динамики и мощи государства, но природа и характер этого государства вызывали бесконечные споры. Вопрос о том, кто и на каком основании будет осуществлять в нем властные полномочия, привел к еще более существенной конфронтации вокруг природы устройства страны. Все хотели видеть Россию сильной и единой, но на вопрос о том, чем же быть России, точнее, должна ли она стать нацией сограждан, а не империей верноподданных, не находилось легкого ответа. Кооперативное движение лишь отражало данную проблему.

Эти аспекты проявлялись в общественно-политических движениях и политических партиях. Партия социалистов-революционеров (В. М. Чернов) продолжала разделять мнение народников о том, что благодаря многовековому существованию общины в русском народе силен артельный дух. Русскому народу свойственна взаимопомощь и совместная работа, а артели известны с очень давних пор. Поэтому, утверждали эсеры, кооперация продолжает старинную артельную работу, имеет благодатные условия для развития.

Эсеры, исходя из того, что в социализме заинтересованы все трудящиеся, последовательно признавали социалистическое содержание кооперации. Согласно их воззрениям, после социализации земли в российской деревне разовьется мощная

¹ Коцонис Я. Как крестьян делали отсталыми: сельскохозяйственные кооперативы и аграрный вопрос в России: 1861–1914. М.: Новое литературное обозрение, 2006. С. 12.

кооперация. Потребительская и другие виды кооперации будут вести борьбу с торговым капиталом, воспитывать и внедрять социалистические навыки. По мнению эсеров, кооперация является не только способом борьбы с капитализмом и средством организации трудящихся, но и орудием построения социализма. Два пути, которые сходятся вместе, ведут к социализму — путь борьбы, революции и путь строительства в недрах капиталистического общества социалистических учреждений, каковыми могут и должны быть кооперативы¹.

Партия социалистов-революционеров признала, что кооперативное движение, вместе с профсоюзным и политическим, является необходимым условием раскрепощения трудящихся, а каждой из трех ветвей общественного движения предоставляется полная автономия. Такой подход позволил эсерам к 1917 г. монополизировать руководство крестьянской кооперацией².

В России ортодоксальные марксисты до 1907 г. придерживались взглядов К. Маркса на кооперацию, пренебрежительно относившегося к потребительским обществам, видевшем пользу лишь в рабочих кооперативах, которые не применяли наемный труд. Но и в этих кооперативах он не усматривал средства внедрения социализма в капиталистический строй, так как считал, что для утверждения социализма пролетариату развитых стран необходимо революционным путем завоевать государственную власть.

В последующие годы большевики соглашались с точкой зрения К. Каутского, который признавал с определенными оговорками важную роль потребительской кооперации, но критически подходил к сельской кооперации. Однако во время революций 1905 и 1917 гг. большевики отрицательно относились к потребительской кооперации, полагая, что этот пережиток старого строя следует заменить новыми формами общественного устройства. Меньшевики, напротив, проявляли

¹ Фроммет Б. Теория и история потребительской кооперации. Пг.: Мысль, 1917. С. 23.

² Кооперативная мысль в России // История экономических учений / Под ред. А. В. Соболева. М.: МУПК, 1997. С. 93.

больше усилий в работе с городской кооперацией, обеспечив руководство в ней к 1917 г.¹

Отношение лидера большевиков В. И. Ленина к кооперации до октября 1917 г. подчинялось главной цели — усилению революционного порыва пролетариата и силы его партии в целях захвата власти. Вслед за К. Каутским он представлял будущее социалистическое общество в виде охватывающего все население страны единого потребительского общества с планомерно организованным производством для потребления.

После прихода к власти и проведения ряда экспериментов, которые привели к огосударствлению и деформированию кооперации, В. И. Ленин в статье «О кооперации» (1923) признает перемену коренной точки зрения большевиков на социализм и кооперацию, которую ранее советская власть третировала и к которой не питала никаких симпатий. В его статье кооперация объявлялась социалистической, так как большевики находятся у власти, а государству принадлежат основные средства производства. Достичь социализма возможно путем простого кооперирования. Воспользовавшись эсеровскими идеями о социалистической природе кооперации, глава советского правительства увидел в кооперации средство, увязывающее частный интерес мелкого хозяйства с государственным и позволяющее государству проверять и контролировать частный интерес. То, как в кооперации «участвовали действительные массы населения», осуществлялось строго с классовых, партийных позиций. При этом основатель советского государства определенно и неизменно настаивал на принудительном, а не на добровольном членстве в кооперации. Такое обязательное членство проводилось вплоть до смерти В. И. Ленина. Подчинив кооперацию общегосударственным требованиям, он полагал, что люди воспримут советскую кооперацию, привыкнут к новым условиям своего существования, а принудительная организация может заставить людей приспособиться к ним. По его мнению, если поднять уровень культуры в стране, предоставить кооперации финансово-экономические льготы и поддержать новый принцип организации населения, то все это должно привести

¹ Там же. С. 93.

к тому, что за одно-два десятилетия возникнет строй цивилизованных кооператоров, т. е. социализм¹.

Эта картина будущей роли кооперации, конечно, не основывалась на знании истории досоветской кооперации, ее удивительного роста, и В. И. Ленин лишь хотел использовать опыт, который был приобретен кооперацией в досоветское время и не был потерян населением. В этой связи следует помнить, что В. И. Ленин и его сторонники никогда не упускали из вида стратегические цели — мировую коммунистическую революцию и мировое коммунистическое хозяйство. Следуя путем, начертанным марксистской идеологией, большевики захватили государственную власть в России. Была создана система централизованного хозяйства, принципиально отличающаяся от рыночной экономики с ее опорой на частную собственность. Государство стало владельцем средств производства и организатором всего народного хозяйства. В этих условиях работник подчинился властям так же, как он принуждался предпринимателем в условиях капиталистического наемного труда. Однако диктатура властей позволила разбухнуть колоссальной бюрократии, и вместо прежних эксплуататорских общественных групп возникли новые, привилегированные слои общества. Произошло еще более глубокое отчуждение рабочих и служащих от предприятий, где они работали, которыми управлял бюрократический аппарат. Государственные структуры, срачиваясь с партией, обладающей абсолютной монополией, превратились в мощнейшую силу. Воля к власти у партийно-административной номенклатуры стала самодовлеющей и с неизбежной логикой вела к тоталитаризму и диктаторству. Все это объясняет, почему в советском государстве не могло быть свободного кооперативного движения, которое заменилось «кооперативным строительством»².

В статье «О кооперации» большевики видели путь «вовлечения крестьянства в дело строительства социализма через

¹ Ленин В. И. О кооперации // Ленин В. И. Полн. собр. соч.: В 55 т. 5-е изд. Т. 45. М.: Политиздат, 1971. С. 369–377.

² Соболев А. В. Кооперация: экономические исследования в русском зарубежье. М.: Дашков и К, 2012. С. 202–203.

кооперацию». Сделать это, говорит В.И. Ленин, можно путем внедрения в сельское хозяйство начал коллективизма, сначала в области снабжения и сбыта, а потом в области производства, т. е. переход к тому, что потом было осуществлено в виде «колхозов». Именно за эту идею, получившую название «кооперативный план Ленина», Сталин назвал статью «О кооперации» (и статью «О нашей революции») «политическим завещанием Ленина», когда вознамерился внедрять в сельское хозяйство колхозы.

Однако в «ленинском кооперативном плане» содержалось коренное извращение природы и роли сельскохозяйственной кооперации, так как нормальная сельскохозяйственная кооперация, обслуживающая снабжение, сбытовые, кредитные и прочие нужды крестьянского хозяйства, вовсе не означает перехода к социализму и не ведет к нему. Она не только не имеет тенденции уничтожать индивидуальные крестьянские хозяйства, но, наоборот, крепит и охраняет их. С другой стороны, коллективизация хозяйства в виде производственных кооперативов вовсе не соответствует желанию и стремлениям крестьянства и может быть проведена только насильственным путем, т. е. путем, диаметрально противоположным кооперативному пути.

Сохраняя видимость кооперации в потребительских обществах, промысловых и иных кооперативах, советская власть превратила их в организации, не имеющие ничего общего с настоящей кооперацией, которые были полностью подчинены государству и партии. Этой ложной кооперацией власть широко пользовалась для своих целей. Таково было положение сельской кооперации, последовательно вытекающее из принципиально отрицательного отношения большевиков, подчинивших себе свободное кооперативное движение. Такую деформированную кооперацию терпели и окончательно не упразднили, так как советская власть не до конца извлекла пользу из нее.

М. Г. Покидченко

П. Б. Струве — теоретик и критик социализма

Петр Бернгардович Струве был выдающимся ученым и политическим деятелем России конца XIX — начала XX века. Происходил он из семьи обрусевших немцев. Дед его был основателем Пулковской обсерватории. Как ученый-гуманитарий Струве имел очень широкий круг интересов в области экономики, философии, социологии, истории, юриспруденции и филологии. В экономической науке в конце XIX века он находился на позициях марксизма, но, по определению Ленина, был «легальным» марксистом. Однако это определение имеет политический оттенок. Лучше сказать, что Струве, так же как Туган-Барановский и Булгаков, был критическим марксистом, в отличие от ортодоксального марксиста Ленина. В 1885 г. он стал приват-доцентом Петербургского университета, но в 1899 г. лишился должности из-за политической неблагонадежности.

Затем после перерыва Струве вернулся к преподавательской деятельности в Петербургском политехническом институте, где в 1906–1917 гг. преподавал политическую экономию и другие экономические курсы. За это время Струве защитил магистерскую (1913) и докторскую диссертации (1917). В начале XX века Струве перестал быть марксистом и заложил основы институционалистского направления в экономической науке России. В 1916 г. он был избран почетным доктором права Кембриджского университета, а 1917 г. — действительным членом Российской академии наук.

Одновременно Струве активно занимался политической деятельностью. Он был одним из основателей РСДРП и одним

из авторов манифеста, написанного для ее первого съезда, но, как уже было сказано, на рубеже XIX и XX веков разочаровался в марксизме и занял более правые политические позиции. В результате в начале XX века Струве стал одним из основателей Конституционно-демократической партии, а с 1906 г. — членом ее ЦК. В 1907 г. он избирался депутатом Государственной думы. Однако и здесь наступило разочарование: в 1915 г. Струве вышел из партии кадетов. Дело в том, что он, с одной стороны, имел склонность к политической деятельности, но с другой — не принимал правил ее игры. И в политике Струве оставался порядочным человеком, занимал объективную, а не партийную позицию, к теоретической платформе партии относился не как солдат к воинскому уставу, а как ученый, т. е. критически. После Февральской революции 1917 г. он работал в аппарате Временного правительства, а после Октябрьской революции активно участвовал в «белом движении», сначала в правительстве Деникина, а затем Врангеля. В эмиграции Струве тоже вначале пытался принимать участие в политической деятельности, но затем к концу 1920-х гг. отошел от нее, поскольку в эмигрантской среде вместо вопроса «Что делать?» все больше стал преобладать вопрос «Кто виноват?» Участвовать в этом выяснении отношений он не стал и в 1930–1940-е гг. в основном занимался преподавательской и научной деятельностью.

Обратимся теперь к теоретическим исследованиям Струве проблемы социализма после его отхода от марксизма. Уже в 1900 г. он опубликовал в журнале «Жизнь» статью «К критике некоторых основных проблем и положений политической экономии», где, в частности, содержались основы его теории «идеальных типов хозяйственного строя», которую он совершенствовал в своих последующих публикациях. «Идеально-типическое» познание экономической действительности было до этого обосновано известным немецким экономистом и социологом М. Вебером, но Струве указывал, что его понимание природы «идеальных типов» существенно расходится с трактовкой Вебера. (Близкую к идеям Струве теорию выдвинул в 1930–1940-е гг. немецкий экономист В. Ойкен).

Поскольку Струве считал основой экономической деятельности индивидуальные хозяйства, он предлагал три вариан-

та их комбинирования, которые назвал «идеальными типами хозяйственного строя». Первый представлял собой совокупность рядом стоящих, т. е. не связанных между собой индивидуальных хозяйств. При этом Струве уточнял, что такой «идеальный тип» нереален и предложен лишь для построения логического ряда. Второй тип представлял собой систему взаимодействующих с помощью обмена индивидуальных хозяйств, т. е. рыночную экономику. По мнению Струве, «...есть только одно подлинно хозяйственное отношение. Это отношение, которое осуществляется в актах... обмена»¹. И наконец, третий тип — «общество-хозяйство», т. е. социалистическая экономика. «Общество-хозяйство, — писал Струве, — может мыслиться... как общество, в котором господствует полное социальное равенство... как общество, построенное на порабощении большинства... людей некоей единой волей, в которой воплощается социалистическое государство»². В «обществе-хозяйстве» у хозяйственных единиц нет собственных интересов, соответственно нет необходимости в соизмерении их деятельности и, следовательно, существует равенство в распределении и потреблении. Струве допускал, что такое «общество-хозяйство» может возникнуть, но только принудительно, и как только принуждение ослабеет — оно развалится.

Хотя, как мы видим, Струве в XX веке относился к социалистическому «обществу-хозяйству» отрицательно, сами социалисты примерно так и представляли себе будущее социалистическое общество, считая его вполне реальным и естественным. Поэтому когда в октябре 1917 г. в России произошла социалистическая революция, в новой, принятой вскоре после революции программе партии большевиков была поставлена цель построения социалистического общества, в основных чертах соответствовавшего идеям «общества-хозяйства» Струве, и достижение этой цели последовательно осуществлялось в Советской России в 1917–1920-х гг.

¹ Струве П. Б. Экономическая история России. М.: Издательство «Э», 2017. С. 35.

² Там же. С. 35–36.

Социалистическая экономика представлялась большевикам с общественной собственностью на средства производства (и в 1918–1919 гг. были уже национализированы транспорт и промышленность, включая мелкую), без товарно-денежных отношений (и к 1920 г. деньги и кредит были ликвидированы и введено прямое, неэквивалентное распределение продуктов) и с единым централизованным управлением (для чего был создан Высший совет народного хозяйства). В результате к 1920 г. в Советской России возникла экономическая система, получившая название «военный коммунизм». (Зачастую «военный коммунизм» трактуется в литературе как специфический результат военного времени, но в действительности Гражданская война только подхлестнула создание той модели социализма, которая была прописана в новой программе партии большевиков.)

Однако в 1920 г. такая модель социализма в России потерпела крах. Дело в том, что во время Гражданской войны крестьяне, составлявшие подавляющее большинство населения страны, были в основном «за красных», несмотря на нарастающее изъятие сельскохозяйственных продуктов «продотрядами». Крестьяне боялись, что в случае победы «белых» им придется вернуть захваченные помещичьи земли и имущество. Когда крестьяне в 1920 г. поняли, что война кончается и помещики не вернуться, а «продразверстка» только нарастает, они начали бунтовать против советской власти, а в Тамбовской губернии возникла целая крестьянская армия. Большевики жестоко подавляли крестьянские мятежи, но они вспыхивали снова, и наконец, в начале 1921 г. против большевиков восстали кронштадтские матросы, бывшие до того опорой революции. Мятеж был подавлен, но на проходившем в это же время X съезде партии большевики решили перейти к «новой экономической политике», которую между собой лидеры партии называли временным отступлением и «крестьянским Брестом» (по аналогии с уступками немцам во время Брестского мира). Тем не менее и после отмены НЭПа к модели «военного коммунизма» большевики уже не вернулись.

Обратимся снова к Струве. В эмиграции он стал анализировать как саму революцию, так и первые шаги большевиков по

построению социализма в России, находя уже в годы «военного коммунизма» отличия практики от теории.

Первой проблемой, которую Струве исследовал в это время, были причины революции в России. Главной причиной он считал оттягивание до предела проведения политических реформ в России в течение XVIII, XIX и начала XX века. Образно выражаясь, он утверждал, что Ленин смог разрушить российское государство в 1917 г. потому, что в 1730 г. Анна Иоанновна при вступлении на престол разорвала «кондиции» — прообраз первой российской конституции. Поддержавшее ее дворянство в качестве компенсации за отказ от политических прав получило больше прав в отношении своих крепостных крестьян. По тому же пути шли затем Елизавета Петровна и Екатерина II. Даже манифесты о вольности дворянства Петра III и Екатерины II увеличивали личные, но не политические права дворян. Попытка же дворянства получить политические права во время восстания «декабристов» была подавлена.

Таким образом, делал вывод Струве, в XVIII и XIX веках верховная власть в России стала воспринимать себя как силу, не зависящую от общества. В результате «близоруко-ревнивое отстаивание нераздельного обладания властью со стороны монархии»¹ приводило к отчуждению от государственного управления широкого круга образованных и прогрессивных людей. Поэтому, по мнению Струве, приближение революции в России происходило с двух сторон — монархия не допускала интеллигенцию к власти, а интеллигенция усиливала борьбу с монархией, ища поддержку в низших слоях общества.

В результате когда в России во второй половине XIX века наконец начались реформы, они, по мнению Струве, страшно запоздали и не успели в оставшееся до революции время создать политическую культуру в широких слоях российского населения. Поэтому население не понимало роли реформ в развитии общества и выступало не за реформы, а за революцию. Кроме того, российская интеллигенция, не имея опыта реального управления государством, создавала утопические проек-

¹ Струве П. Б. Экономическая история России. М.: Издательство «Э», 2017. С. 523.

ты будущего общества. Также интеллигенция идеализировала простой народ (народники и их преемники эсеры идеализировали крестьян, социал-демократы идеализировали рабочих) и поэтому в борьбе с властью она не замечала и не понимала опасности «слева» (русского бунта — бессмысленного и беспощадного).

Подводя итоги, Струве ставил вопрос: возможна ли революция на Западе? По его мнению, на Западе революция была невозможна, так как там был уже другой уровень общей и особенно политической культуры.

Далее Струве рассматривал проблему несоответствия идеального и реального социализма, т. е. того, который выходил из рук большевиков уже в первые послереволюционные годы.

В качестве одного из таких несоответствий Струве указывал на противоречие двух принципов, заложенных в идеальной модели социализма, на которую опирались большевики. «Социализм требует, — писал он, — во-первых, равенства людей (эгалитарный принцип)..., во-вторых, организацию всего народного хозяйства... Но оба эти начала... противоречат друг другу»¹. Струве считал, что невозможно так организовать народное хозяйство, чтобы люди были только в роли винтиков, механически выполняющих указания центра, а затем уравнительно получающих предметы потребления. «Эгалитарный социализм, — писал он, — есть отрицание двух основных начал, на которых зиждется всякое развивающееся общество: идеи ответственности лица за свое поведение вообще и экономическое поведение в частности, и идеи расценки людей по их личной годности, в частности по их экономической годности. Хозяйственной санкцией и фундаментом этих двух начал... является институт частной, или личной собственности»². Эгалитарный же социализм отрицал любую собственность, кроме общественной. По мнению Струве, «право собственности и экономическая свобода индивида есть необходимая принадлежность и в то же время главная гарантия свободы личности»³.

¹ Там же. С. 472.

² Там же. С. 473.

³ Там же. С. 511.

Подтверждение своей мысли о том, что всегда необходим учет «экономической годности» человека, т. е. учет результатов его деятельности, Струве видел в том, что уже в годы «военного коммунизма» большевикам пришлось отойти от социалистического принципа уравнительности в распределении и перейти к таким «буржуазным» формам распределения, как сдельная оплата труда и премиальная система.

Далее Струве анализировал проблемы, возникшие в связи с формированием принципа единоначалия в управлении народным хозяйством в первые годы советской власти. Сначала он характеризовал политический строй Советской России: «Социалистический строй осуществляется определенной политической организацией. На языке доктрины и партии это зовется диктатурой пролетариата. В сущности, это военная и полицейская диктатура коммунистической партии»¹. И далее он пришел к выводу, что организация и управление народным хозяйством Советской России, по сути, тоже имеет политический характер: «Хозяйство советской России влачит призрачное существование, реальностью же является могущественная политическая организация, опирающаяся на армию и господство в ней скованной железной дисциплиной партии»².

Большевики прельстили народ перед революцией лозунгами: «Фабрики — рабочим, земля — крестьянам!», но после революции фактически отказались от их осуществления. В частности, вначале большевики выступали за рабочий контроль над отдельными предприятиями, но скоро поняли, что это ведет к анархии производства, и рабочий контроль был заменен «красными директорами», назначаемыми сверху. Что же касается крестьян, то сначала они получили землю, но после свертывания НЭПа крестьяне были принудительно организованы в колхозы, которые, образно говоря, стали «коллективными» крепостными советской власти. Произведенную продукцию они должны были сдавать государству, оставляя себе очень мало, а иногда и ничего, что доводило в первые годы коллекти-

¹ Струве П. Б. Экономическая история России. М.: Издательство «Э», 2017. С. 509.

² Там же.

визации до «голодомора», но одновременно государство, исходя из того, что формально колхозная собственность не является государственной, лишало колхозников даже тех минимальных социальных прав, которые имели рабочие.

Другой проблемой всеобщего огосударствления стал невиданный рост бюрократизма нового коммунистического государственного аппарата. В связи с этим в первые годы советской власти встал вопрос о месте и роли профсоюзов в социалистическом обществе. Высказывалась идея об участии профсоюзов в управлении народным хозяйством. Струве в своей работе «Итоги и существо коммунистического хозяйства» (1921) цитировал в этой связи некоторых видных советских деятелей, в частности Ю. Милейковского, который писал: «Мы должны совершенно отбросить всякие разговоры о несовместимости в хозяйственной работе Совнархозов и Профсоюзов и построить в интересах согласованной практической работы систему их функций и взаимоотношений»¹. Однако эта идея провалилась так же, как идея «рабочего контроля» на предприятиях.

Другую роль для профсоюзов при социализме предлагал первый нарком труда, а в 1920–1922 гг. один из лидеров так называемой рабочей оппозиции А. Шляпников. Он писал: «В ходе нашей борьбы мы нагромодили такое большое количество органов и так отдалили их от масс, что вынуждены ставить в порядок дел вопрос о борьбе с бюрократизмом»² и предлагал сделать профсоюзы средством борьбы с бюрократизмом. «Победить бюрократизм в хозяйственных органах,— писал он,— возможно только через привлечение рабочих союзов к активному творчеству в области организации нашей промышленности и предоставления им соответствующих этому прав»³. Однако роль профсоюзов как противовеса государственным органам в борьбе за права трудящихся советской власти не понравилась, и «рабочая оппозиция» была подавлена. В результате, делал вывод Струве, «профессиональ-

¹ Цит. по: Струве П. Б. Экономическая история России. М.: Издательство «Э», 2017. С. 503.

² Там же.

³ Там же. С. 504.

ная организация рабочих признается в пределах, политически и полицейски допустимых для советской власти. <...> Это — организации не свободные, не союзные, а принудительные и всецело зависимые от государства»¹.

Подводя итоги своих исследований построения социализма в Советской России, Струве пришел к выводу, что «либо социализм или коммунизм не есть вовсе высшая, по сравнению с капитализмом, экономическая формация; либо то, что осуществилось в России, не есть вовсе социализм или коммунизм»².

¹ Струве П. Б. Экономическая история России. М.: Издательство «Э», 2017. С. 506.

² Там же. С. 498.

С. В. Беспалов

П. Б. Струве об экономическом содержании русской революции

Работы, посвященные осмыслению итогов русской революции, занимают огромное место в наследии выдающегося отечественного мыслителя Петра Бернгардовича Струве. И это вполне закономерно. Как отмечал его крупнейший биограф Ричард Пайпс, «русская революция, понимаемая в самом широком смысле», интересовала Струве всю жизнь. В юности он размышлял о том, как не допустить ее, в зрелом возрасте — как направить ее в созидательное русло, в старости — как с ней справиться»¹.

Идейная эволюция Струве подробно охарактеризована во множестве исследований². К тому же философские взгляды П. Б. Струве на протяжении его жизни серьезно менялись, как трансформировались и его политические убеждения — от социал-демократических до праволиберальных. Особенно значительны были изменения в его взглядах, произошедшие во второй половине 1890-х — начале 1900-х гг. Как он писал в 1902 г., восемью годами ранее он «был в философии критическим позитивистом, в социологии и политической эконо-

¹ Пайпс Р. Струве: правый либерал, 1905–1944. Т. 2. М.: Московская школа политических исследований, 2001. С. 374.

² См., например: Балухев Б. П. П. Б. Струве о роли интеллигенции в социальном миротворчестве // Миротворчество в России: Церковь. Политики. Мыслители: От раннего средневековья до рубежа XIX–XX столетий. М.: Наука, 2003. С. 449–489; Гнатюк О. Л. П. Б. Струве как социальный мыслитель. СПб.: СПбГТУ, 1998; Иванцова О. К. Философия либерального консерватизма: П. Б. Струве: Опыт историко-философского анализа: Диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук. М., 2004; Пивоваров Ю. С. Два века русской мысли. М.: ИНИОН, 2006. С. 288–374 и др.

мии решительным, хотя и вовсе не правоверным, марксистом. С тех пор и позитивизм, и опирающийся на него марксизм перестали для автора быть всей истиной, перестали всецело определять... его мировоззрение. Ему пришлось... искать и вырабатывать себе новый строй идей»¹, причем процесс этот и в начале первого десятилетия XX века был еще далек от завершения. В то же время экономические взгляды Струве представляются нам самым устойчивым компонентом его мировоззрения.

Почти все наиболее значимые суждения по собственно экономическим вопросам, высказанные Струве в 1894 г., в первом крупном исследовании «Критические заметки: к вопросу об экономическом развитии России»² (публикация которого сразу же поставила 24-летнего автора в ряд крупнейших экономистов России), в дальнейшем воспроизводились им в работах 1900–1910-х гг. без существенных изменений. Более того, последующая эволюция социально-философской доктрины Струве являлась, на наш взгляд, в известной степени процессом приведения его философских и особенно социально-политических воззрений (последовательно воплощенных затем прежде всего в «Великой России», где был сформулирован принцип приоритетности внешней политики по отношению к политике внутренней) в соответствие с ранее сложившейся экономической концепцией. В связи с этим позволим себе остановиться вначале на одном весьма любопытном эпизоде, произошедшем вскоре после выхода «Критических заметок».

Эта книга, основным содержанием которой являлось опровержение народнической доктрины самобытного экономического развития России, вызвала оживленную полемику в русском обществе. Но первым внимание на то, что сформулированная Струве концепция экономического развития России вовсе не нуждается в последовательно марксистском обосновании, полностью «игнорирующем личность», обратил

¹ Струве П. Б. Предисловие автора // Струве П. Б. На разные темы. СПб.: тип. А. Е. Колпинского, 1902. С. I.

² Струве П. Б. Критические заметки: к вопросу об экономическом развитии России. Вып. 1. СПб.: тип. И. Н. Скороходова, 1894.

крупный публицист консервативного направления К. Ф. Головин, уже в 1896 г. написавший: «Если... выкинуть из книги г-на Струве довольно смутные надежды на имеющее когда-нибудь совершиться „обобществление“ и освободить ее от ненужного философского балласта» — его концепция окажется вполне приемлемой, а «цельность его взглядов только выиграет»¹. Кстати, несмотря на довольно жесткую критику философских воззрений Струве, Головин — один из самых прозорливых консервативных мыслителей России своего времени, с тревогой наблюдавший за ростом в конце XIX века популярности народнических взглядов, все чаще проникавших даже «в тайники канцелярий», обратился с удивительным, беспримерным для представителя консервативного лагеря той эпохи призывом к современникам, желавшим для России европейского будущего: «Всем людям, которым дорога будущность родины, нельзя уже сохранять нейтралитет между двумя направлениями (народничеством и марксизмом. — С. Б.), с которыми они одинаково расходятся (прежде всего в неприятии их мировоззренческих основ. — С. Б.), но из которых одно по крайней мере не поворачивается спиной к европейской культуре. Всем, кому не представляется иного пути к дальнейшему развитию нашего отечества, кроме этой культуры, надо встать под одно общее знамя и сомкнуться против общего врага — против защитников умственного и экономического одичания»².

Однако, хотя именно опубликование работы Струве и побудило Головина, увидевшего в нем потенциального союзника в борьбе против «общего врага», написать эти строки, молодой Струве не оценил должным образом этого призыва Головина и предпочел ответить ему с последовательно классовых позиций. Признав (в статье «Моим критикам», написанной в 1895 г., однако впервые опубликованной лишь в 1902-м), что в негативном отношении к народнической программе его взгляды

¹ Головин К. Ф. Мужик без прогресса или прогресс без мужика (к вопросу об экономическом материализме). СПб.: Книгопродавческая складчина, 1896. С. 88.

² Там же. С. I–II.

и представления Головина весьма схожи, так же как, например, в Германии есть сходство «в оценке некоторых сторон капитализма между реакционерами и социал-демократами», Струве заявляет о своих принципиальных разногласиях с Головиным не только «насчет далекого будущего», но и относительно современного положения России, «которые все сводятся к одному общему: интересы какого общественного класса выражает данное социально-политическое мировоззрение? И ответ на этот вопрос дает единственный прочный критерий для классификации направлений»¹.

Однако дальнейшее развитие событий показало, что именно К. Ф. Головин, более, чем кто-либо из современников, предугадал основное направление эволюции взглядов Струве (хотя нам неизвестно, вспоминал ли Петр Бернгардович слова Головина, например, в 1917 г. или в эмиграции, когда делал все возможное для создания альянса праволиберальных и консервативных сил).

К началу 1900-х гг. мировоззрение Струве уже во многом изменилось. Для него — «социального идеалиста» — первостепенным теперь стал вопрос созидания свободной личности как важнейшей составляющей прогресса. Наконец, к концу 1900-х гг. окончательно формируется новое мировоззрение Струве, в рамках которого идеализм сочетается с признанием ведущей роли экономической сферы в развитии общества. В статье «Экономические программы и неестественный режим», опубликованной в 1909 г., он утверждает, что основным фактором общественной жизни и, более конкретно, «решающей силой в экономической жизни является всегда человек». Создание нового человека требует решения целого ряда задач, в числе которых и «утверждение конституционного правопорядка со всеми его следствиями», и развитие народного образования. Но все же главным является вопрос «о создании нового экономического человека» применительно к большей части населения России — «хозяйственное воспитание нашего крестьянина»; и именно от того, как будет достигаться эта важ-

¹ Струве П. Моим критикам // Струве П. Б. На разные темы (1893–1901 гг.). СПб.: тип. А. Е. Колпинского, 1902. С. 13–14.

нейшая цель, в конечном счете «зависит все наше экономическое и культурное развитие»¹.

Поскольку Струве считал, что правительственная политика после 1905 г., при всех ее изъянах, в целом не только не препятствует, но даже в значительной степени способствует достижению этих фундаментальных целей, но в то же время он был убежденным сторонником расширения политических свобод, его отношение к Февральской революции неизбежно должно было оказаться неоднозначным. Р. Пайпс утверждал, что «в отличие от многих представителей так называемой „русской оппозиции“, Струве встретил Февральскую революцию без малейшего восторга»². С этой оценкой трудно согласиться полностью, как и с тем, что восторженные эпитеты, на которые Струве не скупился в первые недели после Февраля, Пайпс именует «беглыми похвалами в адрес революции»³. Но в то же время Струве, в отличие от подавляющего большинства либеральных политиков и общественных деятелей, видел и опасности, которые несет революция для России (воюющей страны!), и не скрывал эту свою тревогу.

Такое противоречивое отношение к революции в полной мере отразилось уже в первом тексте, опубликованном Струве в февральские дни — статье «Освобожденная Россия»: «Вторая русская революция, завершившая дело политического освобождения нашей Родины, налетела, как ураган, как разбушевавшаяся стихия, которая сломала на своем пути все преграды... видится только Россия, страдавшаяся, смятенная, но, сквозь весь ужас еще не утишенной смуты и борьбы, выпрямляющаяся и просветляющаяся. Слезы волнения и восторга, тревоги и умиления душат... К восторгу от скорой победы над отжившей и ставшей совершенно негодной и нетерпимой властью приmeshивается чувство тревоги за Россию, перед которой в грозной готовности стоит сильный и упорный внешний враг»⁴.

¹ Струве П. Б. *Patriotica*. Политика, культура, религия, социализм. М.: РХГИ, 1997. С. 96–97.

² Там же. С. 296.

³ Там же. С. 299.

⁴ Струве П. Б. *Освобожденная Россия* // Русская мысль. 1917. № 2. С. 3–4.

Неудивительно, что для избавления от эйфории по поводу созидательного потенциала русской революции Струве понадобилась лишь пара месяцев. Приход же к власти большевиков, которого Струве так опасался и для предотвращения которого призывал объединиться все здоровые силы русского общества, был воспринят им как полномасштабная катастрофа. Как писал он в ноябре 1917 г., «солдатский бунт, „из политики“ принятый интеллигенцией страны за революцию... превратился не в славную революцию, а в грандиозный и позорный всероссийский погром»¹.

Характерно, однако, что уже в ноябре 1917 г. Струве стремился дать не просто политическую, но и социологическую оценку переживаемым Россией событиям. Размышляя о том, что из себя представляет русская революция, Струве говорит о том, что она ведет свое начало не от «солдатски-рабочего бунта февраля — марта 1917 г., постепенно развивавшегося во всероссийский погром, нами переживаемый, и этим погромом не закончится». Начало русской революции, по мысли Струве, следует отнести по меньшей мере к 1902 г. И в 1905–1906 гг., которые стали одним из наиболее значительных этапов в истории русской революции, она «одержала гораздо более крупные победы, чем в 1917 г. И на погроме 8 месяцев, нами пережитых, русская революция не остановится»². При этом, констатируя, что вплоть до середины 1917 г. русская революция развивалась как революция буржуазная «в глубочайшем смысле этого слова», Струве утверждает, что «русский социализм в его борьбе с буржуазией и буржуазным порядком по существу контрреволюционен и должен в историческом процессе... быть преодолен и сметен»³. Развивая эту мысль через несколько лет, Струве высказывался еще сильнее: «Содержанием коммунистической революции была неслыханная в мировой истории грандиозная экономическая реакция»;

¹ Струве П. Б. В чем революция и контрреволюция? Несколько замечаний по поводу статьи И. О. Левина // Струве П. Б. Избр. соч. М.: РОССПЭН, 1999. С. 253.

² Там же.

³ Там же. С. 257.

коммунистический переворот «явился исходной точкой и условием экономической реакции совершенно определенного характера, реакции натурально-хозяйственной»¹, в чем он видел торжество, пиррову победу скорее даже не большевистских, а народнических идей, борьбе с которыми посвятил первую половину своей сознательной жизни.

Важно подчеркнуть, что в упомянутой выше статье «В чем революция и контрреволюция?» Струве оспаривал казавшееся ему уже в конце 1917 г. весьма примитивным утверждение о том, что именно война породила революцию. По словам Струве, мировая война, в которую оказалась вовлечена Россия, «ускорила выявление революции и обнаружение ее в погромной форме, но не она ее породила и не ею определились основные черты действовавших в революции сил»². К этой мысли, остающейся абсолютно актуальной и сегодня, Струве в дальнейшем возвращался много раз и в разных смысловых контекстах. Так, например, в 1925 г., полемизируя с П. Н. Милюковым, Струве утверждал, что война отнюдь не привела к драматичному падению уровня жизни населения России в целом. Русская революция 1917 г., писал Струве (не отказываясь от своей концепции «долгой революции», начавшейся примерно в 1902 г., он в то же время считал возможным говорить и собственно о революции 1917 г.), «подтверждает общий тезис, что крупные и глубокие „революционные“ движения — как бы их ни оценивать — никогда не происходят на почве обнищания и оскудения нации»³.

Прежде всего Струве утверждает, что ни о каком оскудении русской деревни в годы войны не приходится говорить; более того, «деревня никогда так не ела, как во время войны», поскольку мобилизация 14 млн крестьян для русской деревни, по-прежнему страдавшей от аграрного перенаселения, означала не только уменьшение количества работников, но и «сокраще-

¹ Струве П. Б. Итоги и существо коммунистического хозяйства // Струве П. Б. Избр. соч. М.: РОССПЭН, 1999. С. 292.

² Струве П. Б. В чем революция и контрреволюция? // Струве П. Б. Избр. соч. М.: РОССПЭН, 1999. С. 255.

³ Возрождение. 1925. № 23. 25 июня. Газета «Возрождение» издавалась в Париже.

щение числа едоков, которых каждое крестьянское хозяйство должно было содержать на свои собственные ресурсы». К тому же происходило это «в эпоху полной приостановки хлебного вывоза и при огромном военном спросе» со стороны государства. Все это позволило Струве сделать вывод о том, что экономическое положение России в годы Первой мировой войны принципиально отличалось от экономики других воюющих стран, и в эти отличия «надлежит вдуматься и русским, и иностранцам»¹. Отметим в связи с этим, что «вдумываться» в эту специфику отечественные исследователи начали лишь на рубеже 1990–2000-х гг. И первой эту проблему подняла Т. М. Китанина: «В аграрном секторе России происходили явления, не только нами еще не изученные, но даже и не понятые. В 1916 г., когда, казалось бы, все рушится... происходит возрождение русской деревни»².

Очевидно, что в своих оценках российской революции и установившейся в результате ее большевистской власти Струве зачастую был не просто излишне эмоционален, но и явно необъективен, порой игнорируя практически «лежавшие на поверхности» факты. «Случайно ли, — вопрошал Струве, — что во главе большевистской, коммунистической власти стоит грузин Джугашвили...? Я полагаю, что это не случайно. Так же как лозунгом социальной, грабительски-уравнительной революции, начатой большевиками, было пресловутое: „Грабь награбленное“, так лозунгом той национально-государственной революции, которую они замыслили и провели, было: „Дроби Россию и уничтожай ее вместе с ее именем“». Именно соединив эти два лозунга, полагал Струве, «социально-грабительский и социально-уравнительный и национально-раздробляющий и государственно-разлагающий, большевики объединили две необходимые для них разрушительные силы и ввели их в одно русло»³. При этом Струве был убежден, что, так же как и стрем-

¹ Возрождение. 1925. № 23. 25 июня.

² Китанина Т. М. Выступление // Россия и Первая мировая война: (Материалы международного научного colloquium). СПб.: Нестор, 1999. С. 533–534.

³ Струве П. Б. Два корня и два устоя большевизма — и оба они шатаются // Струве П. Б. Patriotica: Россия, родина, чужбина. СПб.: РХГИ, 2000. С. 130.

ление большевиков организовать хозяйственную жизнь огромной страны «на начале и пафосе грабежа» нелепо и не может привести ни к каким результатам — соответственно он не верил ни в успех (хотя бы относительный) новой экономической политики, ни в возможность советского режима обеспечить динамичный экономический рост, — так же и стремление положить в основу государственного устройства «начало и пафос личности и разъединения» лишь делает совсем близким неизбежный крах большевизма¹. Между тем в конце 1920-х гг., когда были написаны эти строки, у непредвзятого наблюдателя было уже более чем достаточно оснований для того, чтобы не считать Сталина олицетворением этого «разъединительно-го» начала государственной жизни. Равным образом и экономические достижения советской власти были уже и к тому моменту неоспоримы.

Конечно, Струве и сам осознавал предвзятость своих суждений о русской революции, которую он именовал великим крушением российского государства, национальным банкротством и мировым позором, и о советском режиме и его политике. Однако он считал необходимым ставить вопрос прежде всего о духовном приятии либо неприятии революции, четко заявляя: «Для меня этот вопрос давно решен непосредственным опытным восприятием и душевным переживанием революции», подчеркивая при этом, что рассматривает саму революцию 1917 г. и последующие события как единый революционный процесс². Он подчеркивал, что каковы бы ни были идеи, вдохновлявшие революцию, по сути своей она стала «разрушением и деградацией всех сил народа, материальных и духовных»³.

Необходимость оценки революции именно с таких позиций, сформулированных в первые послереволюционные годы, он отстаивал и в дальнейшем; этому была посвящена, в частности, опубликованная им в 1935 г. статья «О непримиримо-

¹ Там же. С. 131.

² *Струве П. Б. Прошлое, настоящее, будущее* // Струве П. Б. Избр. соч. М.: РОССПЭН, 1999. С. 320–321.

³ Там же. С. 321.

сти». Струве писал в этой работе, что «непримиримость есть не только единственное достойное состояние нашего гражданского духа, она же есть наше объективное положение, прямо-таки диктуемое нам противоположной стороной, большевиками». Поэтому многие высказывания Струве, на наш взгляд, не следует оценивать как позицию ученого, исследователя. Не случайно множество своих статей 1920–1930-х гг. он публиковал под рубрикой «Дневник политика» — а политик во многих ситуациях может и должен высказываться отнюдь не беспристрастно. «Мы непримиримы к большевизму (коммунизму), — писал Струве, — не только потому, что он разрушил дорогой нам образ исторической России, но и потому, что по существу духовные и общественные основы большевизма для нас абсолютно неприемлемы... Вот почему сокрушение большевизма есть для нас первая и основная, и патриотическая и человеческая задача, перед которой буквально меркнут и исчезают все другие вопросы и проблемы»¹. Абсолютно прав был Никита Струве, когда писал о том, что П. Б. Струве «счел своим долгом пожертвовать научным творчеством ради политической борьбы»² — борьбы (добавим от себя) заведомо обреченной на неудачу. Раз за разом заявляя о невозможности коренной внутренней трансформации большевизма и заявляя о необходимости «преодоления революции», Струве, кажется, не заметил того, что революция в известном смысле была преодолена именно сталинским режимом. Правда, результатом стало отнюдь не желаемое им возрождение лучшего из того, что было в «исторической России», которое сочеталось бы с утверждением идеалов свободы и принципов правового государства...

Невозможно отрицать, что, рассуждая о революции и ее последствиях, П. Б. Струве (так же, впрочем, как и почти все его оппоненты, в т. ч. среди русской эмиграции) совершенно сознательно во многих ситуациях занимал позицию скорее полити-

¹ Струве П. Б. Дневник политика (1925–1935). М.: Русский путь, 2004. С. 813–814.

² Струве Н. А. Мой дед П. Б. Струве // Струве П. Б. Дневник политика. М.: Русский путь, 2004. С. 4.

ка, гражданина и христианина, чем ученого. И все же, несмотря на всю бескомпромиссность и даже страстность его суждений о революции и большевизме, Струве и здесь оставался подлинным мыслителем.

А. Ю. Мельников

Заметки об уходящей стране

(Леонид Наумович Юровский в «Русских ведомостях», 1916–1918)

Диктатура, к которой мы вплотную приблизились, которую мы, может быть, уже получили, была названа революционной диктатурой. Это название верно. Цель этой диктатуры — сохранить завоевания революции ценою известных жертв. Так экипаж корабля, идущего ко дну, выбрасывает за борт часть того, что хранилось в трюмах, для того чтобы спасти самое судно и людей.

Л. Н. Юровский. Две диктатуры¹.

Наш государственный корабль, как лодка захваченного вихрем рыбака в мрачном и фантастическом рассказе Эдгара По, с головокружительной быстротой скользит в бездну, и никто из современников не в силах предугадать, что всплывет на поверхность взбаламученного моря, когда пройдет военный и революционный ураган.

Л. Н. Юровский. Русское хозяйство².

ВВЕДЕНИЕ

Источником для этого доклада послужили 26 статей, опубликованных экономистом Леонидом Наумовичем Юровским в 1916–1918 гг. в московской газете «Русские ведомости» и ее наследнице — газете «Свобода России»³. Эпиграфом взяты фрагменты

¹ Русские ведомости. 1917. 13 (26) июля.

² Русские ведомости. 1918. 3 (16) января. См. также с. 137 настоящего издания.

³ См. последний раздел — «Приложение».

двух статей — периода Временного правительства и после захвата власти большевиками.

Общее для них — образ тонущего корабля. Пожалуй, центральный образ, главное ощущение Юровского от «революционного времени». Соответственно этому доклад разбит на части, в заголовках которых используются близкие образы.

Для тех, кто знаком с работами Юровского советского периода, его статьи 1917 г. и ближайших временных окрестностей могут показаться необычными. Если его многочисленные публикации в советской «Финансовой газете» как бы намекают на хорошую школу журналистики, то по работам Юровского советского времени трудно судить о его политических взглядах, об отношении к происходящему в советском государстве (не считая, разумеется, вопросов экономической политики). Во всяком случае, это задача реконструкции.

Иное дело — статьи Юровского в короткий период 1917–1918 гг., когда сначала существовала свобода слова, а затем большевики ее не сразу уничтожили.

В этом отношении время начиная с февраля 1917 г. — уникальное, яркое. Еще более ярко оно выглядит на фоне наступившего затем советского молчания.

Здесь, в статьях в «Русских ведомостях», имеется достаточно полно прорисованный исходный пункт, чтобы понять, что случилось с этим человеком и его поколением в дальнейшем — в советском будущем.

В год столетия событий 1917 г. обращение к разнообразному наследию Юровского того времени может быть интересно в нескольких отношениях:

- историк русской интеллигенции найдет здесь яркие страницы ее мироощущения в трагическую пору;
- историк Первой мировой войны обнаружит интересные описания фронтовой жизни — детальные, сочные, трагические и способные заставить улыбнуться;
- экономист, историк экономики увидит, как можно оценивать хозяйственную жизнь в условиях почти полного отсутствия статистики;
- для политика в современной России подробное описание Юровским «углубления революции», возможно, послужит

грозым уроком и заставит в нашей непростой современности считаться с историческим опытом;

- наконец, для современного российского читателя статьи Юровского того времени могут дать нечто большее, чем сумму экономических, политических, военных подробностей российского перелома. Нечто большее, чем удовольствие от языка, которым написаны статьи.

И пожалуй, главное — живая, рациональная и вместе с тем страстная личность автора, патриота своей страны и сторонника необходимых стране перемен. Возможно, это главный урок статей Юровского для современников в наше непростое время.

ОТПЛЫТИЕ. НА ЮГО-ЗАПАДНОМ ФРОНТЕ

Отметить четыре военные корреспонденции Юровского (было ему тогда 32 года), охватывающие июнь 1916 — февраль 1917 г., стоит прежде всего по той причине, что полученный им, прапорщиком военного времени, на фронте опыт отразился в его дальнейшей публицистике — дал ему понимание, как устроен фронт, какова психология солдат и офицеров.

Вместе с тем одна из них («На полях сражений в Галиции») ценна в том отношении, что позволяет оценить объективность Юровского-журналиста, распространив такое понимание на его другие, невоенные публикации. В корреспонденции «На полях сражений в Галиции» описана разведывательная операция, в которой принимал участие Юровский. Разведывательная группа попала под ружейный обстрел германцев. Описание Юровского спокойное, без прикрас, без героизма и критическое к себе и своим товарищам («Конечно, мы могли бы быть благоразумнее, и никто впоследствии наших тактических приемов не хвалил»).

Другой пример объективности Юровского — высокая оценка мастерства артиллеристов противника, данная при трагическом описании смертельного ранения командира Юровского — подпоручика В. В. Ковалёва («Немцам и австрийцам надо отдать справедливость — они стреляют метко»).

Война Юровского — не та Великая война, о которой можно прочесть у Ремарка или Юнгера. Может быть, здесь дело

в разнице жанров — художественные книги по итогам событий и корреспонденции с фронта при военной цензуре — не одно и то же. Но во всяком случае, война Юровского не такая страшная, хотя, конечно, в ней есть место смерти («...мы так привыкли... что смерть для нас... обыденный, очередной факт»). Есть в ней и ужасы («Мы проезжаем... в то пространство между обеими линиями... где еще валяются неубранные трупы, свидетельства давнишних боев: лишь сегодня их можно будет опустить в братскую могилу»). Это, пожалуй, следствие того, что Юровский служил в артиллерии, где по сравнению с пехотой потери были относительно невелики (в статье «Дела и дни»: «В артиллерии убыль сравнительно с пехотой невелика, и значительная часть персонала работает с самого начала войны»).

В корреспонденциях Юровского «Русским ведомостям» попадаются иной раз художественные места, контрастные описания — от ночного боя (описанного короткими предложениями) к дремлющей батарее:

«Ночью стрельба занятнее. Около орудий мелькают огоньки. Работа с прицелом и шрапнельными трубками труднее и нервнее. Явственнее и громче раздаются слова команды. Резче слышны раскаты выстрелов. Ярko поднимается отблеск от вспышек боевых зарядов в стволах орудий. Он небезопасен — этот отблеск. По нему неприятель может определить положение батареи и впоследствии нащупать ее.

К 3 часам стрельба прекратилась и восстановился отдых. Спокойно протекли часы до утра и спокойно начался день... Батарея дремлет на позиции в узкой лощине среди зеленеющих хлебов. Солдаты толкуют об оставленных дома солдатках и о будущем мире. Телефон, соединяющий нас с остальным миром, тихо гудит в руках сонного телефониста» («Будни»).

Это прекрасно переданное ощущение двух миров — мира войны и другого, внешнего, мирного, далекого. При этом в охватывающих семь месяцев фронтовых корреспонденциях показана скука позиционной войны и радость наступления, жара и холод, повседневные рутинные военные занятия и радости неожиданных открытий: «...Нигде и никогда я не ел таких вареников, как в доме пани Марии. Это были чудесные, необыкновенные вареники. Только тут, в скромной деревушке, на

склонах лесистых Карпат, я понял, прочувствовал, осознал, почему в нашей литературе вареникам принадлежит столь видное место» («В зимние дни (Письмо с позиций)»).

Из всех 26 статей Юровского 1916–1918 гг. эти четыре, фронтовые («Будни», «Дела и дни», «На полях сражений в Галиции», «В зимние дни (Письмо с позиций)», как бы это ни показалось, на первый взгляд, странным, производят впечатление спокойствия и устойчивости. Все просто. Впереди — противник. Рядом — командиры и боевые товарищи. Отношения с ними прекрасны. Позади тыл, пусть иной раз и не без проблем, но дающий фронту то, что нужно («Будни»: «Наши ребята говорят: «Когда мы отступали, ему (неприятель всегда называется „он“) не доставались снаряды, потому что их у нас не было»).

Последняя корреспонденция с фронта, присланная Юровским («В зимние дни (Письмо с позиций)»), была опубликована в «Русских ведомостях» 26 февраля 1917 г. В тылу уже было волнение. Вскоре Юровский вернулся в Москву.

ВОЛНЕНИЕ НА МОРЕ. К НОВЫМ БЕРЕГАМ

Первая же его июньская статья в газете («Запоздалая мудрость») — критика большевиков, «приверженцев Ленина». Критика на фоне начавшегося безвластия и распада («теперь этих народившихся и нарождающихся государств чрезвычайно много»). С точки зрения Юровского, «на всем пространстве России отдельные группы большевиков и анархистов пытаются разрушить новую власть». Видно и отрицательное отношение недавно вернувшегося с фронта человека к его распаду, советы Юровский именует «советом большевистских и дезертирских депутатов».

Здесь очевидно также сочувственное отношение к «Временному правительству и всей революционной России» — «государственной революционной власти», и, что для Юровского важно, положительное отношение к «государственной точке зрения», к «русской государственности» как противовесу анархии (под другим именем — «разрушительные течения, которые не создают решительно ничего» — статья «Восстание», 6 июля). В дру-

гом месте (статья «Восстание», 5 июля), он сочувственно говорит о «партиях порядка».

Пожалуй, дихотомия, если так можно сказать, государственного революционного порядка и противостоящей ему под разными именами анархии (например, «движение без политического содержания, без государственной цели» — в статье «Восстание», 6 июля) — это та тема, которая в разных вариациях будет главной для всех выступлений Юровского примерно до конца января 1918 г. Она будет определять и его оценки, и его рекомендации.

Уже в этой июньской статье Юровский пророчески замечает: «Ленин хочет добиться власти через анархию. И желание его как будто осуществимо». Правда, он скептически относится к перспективам этой власти, так как считает, что «истинная революционная власть не рождается из анархии». И «тот, кто идет через нее, рано или поздно проиграет свою игру». Уверенность в поражении побеждающей и победившей позднее анархии у Юровского была устойчива, — позднее он постарался рационально обосновать причины ее поражения («Крайний срок», 26 января 1918 г.).

Может быть, осторожный Юровский и склонялся к продолжению Россией войны, но, однако, в следующей его статье (23 июня — «Без лозунга») вчерашний фронтовик, понимая психологию солдат и офицеров, отстаивал лишь ту точку зрения, что в вопросе о лозунгах на войне должна существовать полная ясность: «Солдаты, выходящие из окопов, чтобы броситься в атаку, хотят и должны бесспорно знать, достойны ли доверия их вожди и борются ли они за свои подлинные интересы и за правое дело».

Июльский кризис, пожалуй, послужил той точкой, которая заставила Юровского впервые всерьез рассуждать о перспективах «стоящих у власти организованных сил демократической России». Мы встречаем у него такое утверждение: «Задача власти в высшей степени трудна, но у нее нет выбора. Всеми силами и средствами, которыми она располагает, она должна бороться с направленным против нее движением» («Восстание», 6 июля).

И эта же статья содержит рациональное объяснение, почему «петроградское восстание было политически бессодержательно». Здесь и рассуждение вслух, и объяснение читателям «Русских ведомостей», почему в международных отношениях, политической, аграрной, промышленной и рабочей политике, «чисто разрушительный протест» ничего дать не может.

Интересна и показательна аргументация по аграрному вопросу: «В сфере аграрной политики важнейший вопрос принципиального значения предreshен. Что вся земля перейдет в руки „трудовых“ групп населения, в настоящее время не подлежит спору. Остается вопрос о том, производить ли немедленный захват, или предоставить решение через 3–4 месяца Учредительному собранию. Однако, из-за 3–4 месяцев революцию ведь не устраивают».

Июльское восстание большевиков заставило Юровского писать о том, что «мы вступили в фазис самой напряженной борьбы русской революционной власти за существование». И здесь же призыв к участию в этой борьбе всех граждан, дорожащих свободой России. Юровский пишет о «политическом долге». Пожалуй, статья «Восстание» говорит о том, что стремительно разворачивающиеся события привели к буре. И здесь же замечает, что выхода не видно («не предаваясь иллюзиям, не предугадывая исхода»), остался только долг. «Надо „работать и не отчаиваться“ и верить в свою страну. Больше мы ничего не знаем» (11 июля, статья «Гражданская война»). В устах такого рационального человека, каким был Юровский, такой ход мысли многое значит — он указывает, что выхода нет. Разыгралась буря, она несет по волнам корабль, нужно постараться спасти его, но управлять ходом событий уже нельзя.

БУРЯ. КРУШЕНИЕ

Через 6 дней после завершения «июльских дней» Юровский прямо называет разразившуюся бурю «Гражданской войной». В одноименной статье он пишет, что «Гражданская война налицо» и «дело революции — в смертельной опасности». Это не экзальтация, не сильная фраза, как показывает следующая оценка Юровского: «Надо признать прямо и без обиняков, по-

ложение настолько трудно, что, кажется, никто не видит сколько-нибудь надежного выхода из него». При этом взгляд Юровского на то, что он называл «элементами гражданской войны» укладывается в ту же дихотомию «революционная власть» — анархия (под именем «лагерь, не склонный... признавать никакую власть»).

Но в то же время его взгляд видит сложный состав противостоящих «революционной власти» элементов, что делает картину свидетеля, наблюдателя жизненной, далекой от последующих упрощений, сохранившихся доньше. Здесь есть свои крайние фланги — большевики и черносотенцы. Здесь же фанатики-интернационалисты, государственные изменники, люди голодные и люди подкупленные, часть бывшего подполья, не умеющая приспособиться к новым условиям политической жизни (ценное социологическое наблюдение), бывший полицейский участок, люди усталые и люди беспокойные — «все это и еще многое другое встретилось теперь в одном лагере».

В этой статье Юровский дает краткий и отсылающий к свидетельствам очевидцев очерк постепенного движения революции к анархии. В начале — приобщить социалистов к революции. Затем — долой буржуазных министров и вся власть советам. Теперь — говоря упрощенно, долой советы там, где они не «плывут по течению» и не «принимают все лозунги толпы».

Трудно вместить в короткий доклад подробный анализ взглядов Юровского, но стоит отметить: ценность его подхода заключается в том, что распад порядка, распад власти, развитие стихии предстает как куда более важная причина прихода к власти большевиков, чем подготовленное ими восстание.

А вот уже то, что актуально и ценно для современного российского опыта. То, что звучит современно: «В нашей государственной и общественной жизни исчезло психологическое звено, являющееся наиболее крепкой и надежной социальной спайкой: это — доверие... если люди перестают верить своим собственным представителям, то это значит, что разрушительный процесс достиг опаснейших пределов». Это, пожалуй, высшая точка распада — «война началась». И недаром Юровский заговорил здесь же о силах, готовых «спасать государство и ре-

волюционные завоевания». Появление глагола «спасать» пока-зательно.

Остался один выход—диктатура. Это последняя надежда. «Революционная диктатура есть последняя ставка револю-ции. Можно зарваться—и это было бы несчастьем. Но можно не проявить достаточной силы—и это было бы гибелью» («Две диктатуры», статья от 13 июля). Складывается ощущение, что к созданию такой власти Юровский относится скептически: «Блаженны верующие, но, увы, правы чаще бывают скептики» («Из предварительных итогов», статья от 15 августа). Он жа-лет сильной власти, он на нее надеется («быть может, положение будет отчасти спасено»), он сочувственно цитирует телеграм-му Л. Г. Корнилова («этот человеческий и исторический доку-мент необыкновенной силы»), но все же заканчивает свою ста-тью «Две диктатуры» словами: «Кто-то сказал, что революция в опасности. Нет, она погибает».

Дальше было только движение по наклонной плоскости. По-пытки предложить план действий (статья от 18 августа «Еди-ный путь»). Было у Юровского и личное участие в работе власти (назначение управляющим Особым статистико-экономиче-ским отделом министерства продовольствия), которое толь-ко подчеркнуло идущий развал: «Что за государственное дело ему было поручено, никто сообщить автору не мог, и там, где должен был быть его департамент, он обрел пустое место» (ста-тья от 24 августа «Из наблюдений бюрократа последней фор-мации»).

Дальше были только частные иллюстрации гибели.

О Государственном совещании в Москве, которое, с внеш-ней стороны—«большой день», но, по существу, «все усилия выступивших с декларациями членов Временного правитель-ства, увы, не создавали убеждения, что в России существует та обстановка, существует та власть, которые выведут страну из безнадёжного тупика на путь государственного оздоровления» (13 августа, статья «Впечатления»).

О Временном правительстве, как одна из иллюстраций поте-ри доверия: «На первых порах демократические организации давали правительству своих лучших людей, и это были деяте-ли, быть может, не всегда способные взяться сразу за государ-

ственное дело, но во всяком случае люди с опытом, со знанием России. И, в свою очередь, Россия знала этих людей. Но в дальнейшем, когда люди первого призыва ушли, обнаружилась такая бедность, какой нельзя было предполагать, оценивая даже исключительно мрачно наши культурные условия. В годину величайшей разрухи Россией стали управлять мальчики и уездные земские работники, все люди добрые и милые, но только на надлежащих местах».

О развале транспорта, падении поступления хлеба, как вывод из статистических сводок в статье 30 августа «На пути к анабиозу транспорта»: «Ничего к этому не прибавить. О „решительных, неотложных мерах“ в конце подобных заметок ведь пишут лишь потому, что надо же что-нибудь написать. В данной политической и социально-психологической обстановке этих мер не существует. Мы просто должны быть готовы всё, всё пережить».

Неудивительно, что пришло крушение. Во всяком случае, для Юровского.

РАЗБИТЫЙ КОРАБЛЬ. НЕИЗВЕСТНАЯ ЗЕМЛЯ

16 ноября в статье «Освобожденная Россия» Юровский, оценивая положение, пишет: «На государственных элементах нации по-прежнему будет лежать бесконечно трудная задача спасти какие-нибудь элементы права и силы в этом непрекращающемся потоке». Анархия захлестнула страну. Анархия победила.

Но еще раньше, до октябрьского переворота, не имея возможности что-то изменить, Юровский в своих газетных статьях (16 сентября — «После грозы») все ближе подходит к тому образу, который более привычен, знаком по его работам 1920-х гг. — экономиста и только экономиста. Это хорошо видно по его статье «Вольные цены или свободная торговля» (15 марта 1918 г.), направленной против хлебной монополии и предлагающей, в условиях отсутствия государства, способного осуществлять контроль, признать вольные цены.

Впереди была пугающая неизвестность — умирающие города, городская культура. «Это большая тема, к которой необходимо будет еще вернуться», — пишет Юровский из Сарато-

ва, куда он уехал из Москвы, в статье «Социальное содержание социалистической революции» («Свобода России», статья от 25 апреля 1918 г.). Но вернуться не пришлось. Свободная пресса погибла. Наступило молчание.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Статьи Юровского в «Русских ведомостях» и наследовавшей им «Свободе России» 1916–1918 гг., найденные нами при изучении подшивок газет, хранящихся в ИНИОН РАН, опубликованы в книге «Юровский. Впечатления. Статьи 1916–1918 годов»¹. В этой же книге опубликован составленный нами указатель «Статьи, библиографические заметки, письма, изложения докладов Юровского в газете „Русские ведомости“ 1910–1918 гг.»².

Наиболее полная, но пока далекая от завершения библиография работ Юровского опубликована нами в качестве приложения в книжке «Юровский. Портреты (С. Ю. Витте, В. Н. Коковцов, П. А. Столыпин)»³. В указанную библиографию не вошла найденная уже после публикации ранняя статья Юровского «Успехи крестьянского хозяйства в Бердянском уезде Таврической губернии»⁴.

Юровский начал публиковаться в «Русских ведомостях» с 1907 г. В своей краткой автобиографии 1913 г. он писал: «В „Русских ведомостях“ сотрудничает с 1907 г. главным образом по вопросам хозяйственной жизни и финансов»⁵. Статей и заметок Юровского, напечатанных в «Русских ведомостях» в 1907–1909 гг., нам обнаружить не удалось. Первая найденная нами публикация относится к 1910 г.

¹ Юровский Л. Н. Впечатления. Статьи 1916–1918 годов. М.: Медиум, 2010.

² См.: Там же. С. 213–224.

³ Юровский Л. Н. Портреты (С. Ю. Витте, В. Н. Коковцов, П. А. Столыпин). М.: ЭПИцентр, 2011.

⁴ Юровский Л. Н. Успехи крестьянского хозяйства в Бердянском уезде Таврической губернии // Известия С.-Петербургского Политехнического института. 1907. Том VII. Вып. 1–2. С. 115–132.

⁵ Максимов А. Н. Сотрудники «Русских ведомостей» (Автобиографии и биобиблиографические очерки) // Русские ведомости. 1863–1913. М.: Типография «Русских ведомостей», 1913. С. 212.

Для понимания направления московских «Русских ведомостей» и той среды, в которой работал Юровский, равно как и для оценки ее влияния на аудиторию, интересна характеристика В. А. Гиляровского, сотрудника «Русских ведомостей» с 1884 г., впервые опубликованная в 1960 г.: «„Наша профессорская газета“, — называла ее либеральная интеллигенция... Газета имела своего определенного читателя. Коренная Москва, любившая легкое чтение и уголовную хронику, не читала ее». «Газета держала тот тон, который дала небольшая группа, спаянная общностью политических убеждений и научно-социальных взглядов, группа сотрудников газеты, бывших в 1873 г. на Гейдельбергском съезде. Разные люди перебивали за полвековую жизнь газеты, но газета осталась в руках той группы молодых ученых, которые случайно одновременно были за границей, в 1873 г., и собрались на съезд в Гейдельберг для обсуждения вопроса „что нужно делать?“ И постановили на съезде добиваться конституции, как пути для демократического и социального обновления страны. <...> „Русские ведомости“ с самого рождения своего были идейной газетой, а не случайным коммерческим или рекламным предприятием. Они являлись противовесом казенным правительственным „Московским ведомостям“»¹.

Для понимания направления «Русских ведомостей» важно также иметь в виду мемуарное свидетельство (1952) А. В. Тырковой-Вильямс: «Московские „Русские ведомости“ по духу и по составу сотрудников почти сливались с кадетами, но эта старинная, влиятельная газета партийным указкам не подчинялась»².

¹ Гиляровский В. А. Москва газетная. Соч.: В 4 т. Т. 3. М.: Правда, 1967. С. 11–13.

² Тыркова-Вильямс А. В. На путях к свободе. Москва: Московская школа политических исследований. 2007. С. 369.

Ш. Мерль

Революция и политическая экономика, 1917–1929 годы: переход от планового управления хозяйством и обществом к сталинской командной экономике

Как Октябрьская революция повлияла на экономику — ускорила экономическое развитие, расширив пространство возможностей, или же политические решения большевиков затруднили рост? Известно, что политика «военного коммунизма» поначалу привела к почти тотальной экономической катастрофе и парализовала инициативу населения. Однако затем Ленин открыто порвал с этой политикой. Введение продналога возвестило переход к новой экономической политике (НЭПу).

В предлагаемой статье рассматриваются 1920-е годы. Чтобы ответить на вопрос о влиянии революции на динамику экономического развития, в первую очередь изучаются долгосрочные тенденции роста до 1914 г. и после него (раздел 1). В разделе 2 ставится вопрос о том, с какими новыми трудностями и ограничениями столкнулась экономика после революции и действительно ли революция расширила пространство возможностей. Именно этому расширению пространства для маневра, возникшему благодаря инициированной Лениным системе планового управления народным хозяйством, посвящен раздел 3. Идея, что экономику и общество можно развивать рационально, несла в себе утопические черты и восходила к представлениям модерна, корни которых, в свою очередь, уходили в раннее Просвещение. Широкое распространение рационального образования не только позволило бы человеку разумно формировать и тем самым улучшать окружающий его мир. Следствием этого процесса стало бы также становление «нового человека», который действовал бы рационально, превос-

ходя за счет этого своих предков¹. Такой «лучший» мир описан, к примеру, А. Богдановым («Красная звезда») и А. Чаяновым («Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской утопии»)². В разделе 4 дается ответ на вопрос, почему же в конце 1920-х гг. это расширение возможностей не было использовано для разумного решения. Сталин лишил Госплан СССР полномочий и следил за тем, чтобы ни один общественный институт не имел значимой власти. Для того чтобы разобраться в этом вопросе, в статье рассмотрены действия партийной верхушки под руководством Сталина, то давление, которое она оказывала на хозяйственные органы и плановиков, а также представления об «экономике социализма» и отказ Сталина централизованно руководить экономическими процессами, чтобы не мешать «революционному порыву» функционеров. Раздел 5 посвящен дальнейшим событиям: радикальной смене курса, предпринятой Сталиным в период между 1931 и 1934 гг., после того как он осознал, что масштабы экономической катастрофы могут стоить ему власти. Командная экономика и колхозная система послужили для Сталина структурами, наилучшим образом пригодными для его диктаторской власти, так как оказались способны существовать долгие годы и вновь обеспечить экономический рост. Роль Сталина как архитектора этого нового экономического порядка до сих пор оставалась в тени³.

Хотя эта статья и не посвящена конкретным экономистам, но роль экспертов, в том числе именитых, а также их вклад в послереволюционный экономический подъем находится в ней на переднем плане. Именно они являются главными действующими лицами — как в рамках планового управления эко-

¹ Мерль Ш. Существует ли «Трансатлантическая модернизация»? Размышления о роли России в концепте «модернизация» // Диалог со временем. 2016. № 57. С. 5–23. К сожалению, в этой статье понятие «модерн» во всем тексте переведено как «модернизация». Этот термин в статье вообще не используется, и при чтении текста его следует в каждом случае читать как «модерн».

² Богданов А. А. Красная звезда. СПб.: Товарищество художественной печати, 1908; Чаянов А. В. Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской утопии. М.: Госиздат, 1920.

³ Мерль Ш. Итоги развития советской экономики // Экономическая история. Ежегодник. М.: ИРИ РАН, 2017. С. 303–349.

номикой и обществом, так и благодаря проектам (что до сих пор остается во многих деталях не освещено), подготовленным ими для Сталина в первой половине 1930-х гг. Лишь экономическая ценность их предложений позволила Сталину создать мало-мальски функционирующую хозяйственную систему.

1. ТЕНДЕНЦИИ РОСТА ЭКОНОМИКИ В ПЕРИОД ОТ 1860 ДО 1941 ГОДА

Оценить динамику экономики России (СССР) возможно лишь в сравнении с одновременным экономическим развитием ведущих индустриальных стран. Если оценивать годы от 1860 до 1914 как общую фазу, то первое впечатление о России будет обманчиво негативным¹. Здесь нет ничего удивительного, потому что этот период включает два абсолютно разных отрезка времени: с 1860 до 1880 г. экономика России в сравнении с быстро развивающимися индустриальными державами Запада находилась в состоянии свободного падения. Лишь в 1880 г. его притормозила начинающаяся индустриализация, после чего произошел переход к заметному росту. Начиная с 1885 г. экономический потенциал России возрастал, и скорость его роста порой превосходила показатели западных индустриальных государств. Его «взлет», т. е. переход к самоподдерживающемуся росту, для России может быть датирован 1890 г. Даже если начавшийся в 1899 г. мировой экономический кризис и война против Японии послужили причиной катастрофы, то уже с 1907 г. началась новая фаза быстрого роста. Она доказала, что к этому времени действительно осуществился «взлет»: экономическая динамика базировалась теперь преимущественно на внутреннем спросе, в то время как до 1899 г. преобладал государственный спрос. Однако заикленность русских предпринимателей на отношениях с государством и их настойчивые

¹ За период с 1860 до 1914 г. экономика России, несмотря на происходящий в ней бум, откатывается назад, см.: *Davies R. W. Industry*//*Davies R. W., Harrison M., Wheatcroft S. G. The Economic Transformation of the Soviet Union, 1913–1945. Cambridge, Mass., 1994. P. 132–135.* Критику негативных оценок индустриализации в период до 1914 г. см.: *Gregory P. Before Command: An Economic History from Emancipation to First Five-Year. Princeton, 1994.*

требования продолжать политику протекционизма способствовали тому, что уровень цен в России заметно превышал уровень мирового рынка. Развитие внутреннего рынка из-за этого страдало. Потребности городских сообществ и сельского хозяйства не удовлетворялись. Лишь одна американская фирма «Зингер» следовала девиантной стратегии и благодаря снижению продажных цен сумела быстро увеличить сбыт швейных машин. В итоге Россия в период между 1890 и 1914 гг. сократила свое отставание от ведущих индустриальных держав, а также от Японии. Этот успех более заметен по сравнению с Великобританией, уже состоявшей в качестве индустриальной державы, чем с Германией и США, которые в это время так же переживали фазу экономического индустриального бума. На фоне находящейся в сравнительно ранней стадии индустриализации Японии Россия выглядит достаточно позитивно (ср. таблицу 1).

Однако при сравнении различных стран возникают проблемы. Лучшая на сегодняшний момент работа по сопоставлению экономической статистики (начиная с 1820 г.) опубликована М. Мэддисоном. Его анализ основан на наиболее значимом и надежном критерии роста, валовом национальном продукте (ВНП) на душу населения¹. В периоды между 1890 и 1914, 1928 и 1930, 1933 и 1937, а также от 1945 до 1960 г. Россия или, соответственно, СССР догонял все либо большинство западных индустриальных государств. И если статистика за 1930–1933 гг., вопреки экономической стагнации в Советском Союзе, также демонстрирует догоняющие цифры (за исключением сравнения с Японией), то это объясняется только кризисом экономик ведущих индустриальных стран, переживавших мировой экономический кризис. Он очень слабо коснулся Японии и практически не затронул Советский Союз (ср. ниже). В фазы экономического бума Россия (Советский Союз) не делала ставки на свободную конкуренцию на мировом рынке. Российский ры-

¹ Maddison A. *Monitoring the World Economy 1820–1992*. Paris, 1995. О трудностях статистики и измерения темпов роста см. статьи: Harrison M. *Economic Growth*// Davies R. W., Harrison M., Wheatcroft S. G. *The Economic Transformation of the Soviet Union, 1913–1945*; Davies R. W. *Industry*// *The Economic Transformation of the Soviet Union, 1913–1945*. P. 131–157.

нок благодаря протекционистской политике был изолирован, Сталин скорее стремился к автаркии. В действительности ситуация с начала мирового экономического кризиса до начала 1950-х гг. была совершенно особой: обрушение мировой валютной системы затруднило получение прибыли, обычно получаемой при использовании мирового рынка.

Таблица 1. ВВП России (СССР) в 1820–1985 гг. на душу населения в сравнении с другими государствами¹

Год	Россия/СССР	США	Германия	Великобритания	Япония
	(в долларах США)	ВВП в России (СССР) на душу населения в процентах от ВВП сравниваемой страны			
1820	0751	058	068	043	106
1870	1023	042	053	031	138
1890	0925	027	036	023	095
1900	1218	030	039	027	107
1913	1488	028	039	030	112
1928	1370	021	032	027	071
1930	1448	023	036	028	081
1933	1493	030	042	031	073
1937	2156	033	045	036	097
1940	2144	031	039	033	078
1948	2402	026	075	037	145
1950	2834	030	066	041	151
1960	3935	035	046	046	101
1985	6715	033	041	048	044

Наиболее значимый рост в Советском Союзе происходит в течение «трех хороших лет» (Наум Ясный) с 1934 по 1936 г. В этот

¹ Подсчитано по: *Maddison A. Monitoring The World Economy 1820–1992. P. 194–201.*

период Советский Союз улучшил свои позиции относительно всех сравниваемых стран. К 1940 г. он вновь откатился назад из-за проблем, вызванных концентрацией усилий на производстве вооружений и уничтожении специалистов в ходе больших чисток 1937–1938 гг.

Экономический рост Советского Союза в 1930-е гг. в целом производит менее сильное впечатление. Явное улучшение СССР демонстрирует лишь относительно США, находившихся, несмотря на рузвельтовский Новый курс, в затяжном кризисе. В сравнении с 1913 г. позиция СССР относительно США, напротив, практически не улучшилась. Однако наиболее осмысленно сравнение СССР с теми двумя государствами, которые в 1930-е гг. также сделали ставку на «конъюнктуру вооружения». Хотя сталинский рывок, произведенный за счет невероятных социальных жертв¹, и повлек за собой на какое-то время существенный подъем экономики, однако относительно Японии Советский Союз еще сильнее откатился назад (между 1913 и 1940 гг. — драматичное падение со 112 до 78%). В сравнении с будущим германским агрессором Советский Союз добился лишь ничтожного улучшения и в 1940 г. как раз достиг того соотношения, которое уже имелось в 1913 г.! Это косвенно доказывает мысль Хантера, что рост экономики СССР был бы гораздо выше без использования сталинской модели управления до 1940 г.²

Многое говорит за то, чтобы рассматривать 1920-е гг. как продолжение фазы экономического бума, начавшегося в 1890-е гг. Несмотря на сильное падение вследствие мировой и Гражданской войн, экономика России в середине 1920-х гг. быстро вернулась к фазе роста. Тяжелый экономический кризис 1931–1933 гг. был обусловлен вмешательством государства в самостоятельные экономические процессы. Однако сталинская командная экономика покоилась на другой основе. Вме-

¹ См.: *Merl S. Handlungsspielräume und Sachzwänge in der sowjetischen Wirtschafts- und Sozialpolitik der Zwischenkriegszeit* // W. Fischer (Hrsg.). *Sachzwänge und Handlungsspielräume in der Wirtschafts- und Sozialpolitik der Zwischenkriegszeit*. St. Katharinen, 1985. S. 211–216.

² *Hunter H., Szyrmer J.M. Faulty Foundations. Soviet Economic Policies. 1928–1940*. Princeton: Princeton University Press, 1992.

сто «самоподдерживающегося роста» экономический процесс теперь подвергался постоянному вмешательству государства либо воплощавшего его диктатора с их «указами».

2. КАКИЕ НОВЫЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА НАЛАГАЛИ ОГРАНИЧЕНИЯ НА ЭКОНОМИКУ ПОСЛЕ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ И КАК РЕВОЛЮЦИЯ РАСШИРИЛА СВОБОДУ ДЕЙСТВИЙ?

В 1920-е гг. после провала военного коммунизма и перехода к новой экономической политике быстро наметился возврат к стратегии индустриализации, существовавшей до 1914 г. Однако в определенной степени этому процессу препятствовали новые, созданные революцией обстоятельства. Они ограничивали свободу действий. К ним относились резкое уменьшение доступности иностранного капитала, трудности в накоплении капитала внутри страны и конец частного предпринимательства, которое в значительной степени осуществляло индустриализацию до 1914 г.¹ Новым неприятным обстоятельством стало в 1920-е гг. также сокращение традиционных экспортных аграрных ресурсов.

Поначалу существенную роль в индустриализации России играл иностранный капитал. Однако с наступлением нового века увеличилось значение внутренних инвестиций. Поэтому доля иностранного капитала после 1900 г. оставалась постоянной и держалась на уровне около 40%. Экспроприация иностранных предприятий и аннулирование царских долгов привели к долговременным проблемам в отношении с мировым рынком капитала. Это удержало от дальнейшего участия прежде всего Францию, бывшую до сих пор основным кредитором России. Хотя большевики уже в 1920 г. вновь предложили иностранному капиталу гарантии при прямых инвестициях в форме концессий, серьезного значения они в 1920-х гг. не получили. Также не удалось получить долгосрочные кредиты

¹ *Ананьич Б. В., Дальман Д., Петров Ю. А.* Частное предпринимательство в дореволюционной России: этноконфессиональная структура и региональное развитие XIX — начала XX века. М.: РОССПЭН, 2010.

для развития внешней торговли. Начиная с 1926 г. одна лишь Германия предоставляла Советскому Союзу многолетние кредиты¹.

Традиционных экспортных аграрных ресурсов, в особенности зерна, в 1920-х гг. практически не было. Объяснялось это прежде всего ростом потребностей внутри страны, наметившимся уже до 1914 г. К тому же голод 1921–1922 гг. надолго исключил участие Волжского региона-донора, очень значимого до 1914 г. Показатель роста населения (около 2% в год) оставался необыкновенно высоким, к тому же повышение спроса на продукты животноводства в городах увеличило расход зерна на корм скоту. Эти факторы четко повлияли на уменьшение объемов экспорта зерна, к тому же еще не был превышен довоенный уровень валового сбора². Поскольку необходимо было соблюсти баланс внешней торговли, а сельскохозяйственные товары невозможно было полностью заменить другой экспортной продукцией, это послужило новым ограничением объема импорта, включая импорт оборудования для индустриализации.

Изменения социальной структуры после революции сказались особенно сильно на накоплении капитала внутри страны. Более обеспеченные слои населения массово бежали за границу. Экспроприация промышленных предприятий и крупных поместий, как и перераспределение земли в деревне, способствовали социальному нивелированию. За счет этого значительно снизились добровольные взносы средств в банки и кредитные общества, которые имели существенное значение непосредственно перед 1914 г.³

Еще одним фактором, который неизбежно должен был привести к негативным последствиям, стала ликвидация

¹ *Beitel W., Nötzold J.* Technologietransfer und wirtschaftliche Entwicklung. Zur Konzeption der Sowjetunion in der Zeit der Neuen Ökonomischen Politik und des Ersten Fünfjahrplans. Berlin, 1979. S. 15 ff, 27 ff; 67 ff; *Schmieder M.* Fremdkörper im Sowjet-Organismus. Deutsche Agrarkonzessionen in der Sowjetunion 1922–1934. Stuttgart, 2017. S. 339.

² *Merl S.* Der Agrarmarkt und die Neue Ökonomische Politik. Die Anfänge staatlicher Lenkung der Landwirtschaft in der Sowjetunion 1925–1928. München—Wien, 1981. S. 35 f, 80 ff, 437 ff.

³ См. среди прочего: *Ibid.* S. 234 ff.

частных предпринимателей и экспроприация их предприятий. Всеми предприятиями, за исключением мелких предприятий местного значения, руководили назначенные государством менеджеры. Можно предположить, что отсутствие частного коммерческого интереса и предпринимательского таланта оказывали негативное воздействие на развитие экономики. Правда, детальные исследования пока раскрывают лишь тему частного предпринимательства до 1914 г., но не последствия его ликвидации в 1920-е гг.¹ Однако экономические цифры ввиду возобновившегося экономического бума настолько благоприятны, что долговременные негативные последствия этого фактора можно исключить. В конечном счете это сводится к принципиальному вопросу о том, действительно ли частные предприятия настолько превосходят государственные, как утверждает современное учение неолиберализма.

Хотя можно было бы ожидать, что названные факторы ограничат объективное пространство для маневра в сравнении с довоенным временем, имеющиеся данные это опровергают. России удалось достичь довоенного объема производства много быстрее, чем допускали самые оптимистичные планы, а затем и заметно превзойти его. Это означает, что одновременно с революцией в игру вступили факторы, расширившие свободу действий. До 1930 г. показатели роста были очень высоки. Несмотря на ничтожный объем импорта, импорт инвестиционных товаров в 1925/1926 г. достиг относительно более высоких показателей, чем в 1914 г., а с 1927/1928 г. превысил его и в абсолютных цифрах. Сокращение экспортных ресурсов, видимо, могло быть компенсировано более целенаправленным использованием полученных средств на индустриализацию. Импорта товаров роскоши теперь не было. Национальный доход уже в 1928/1929 г. также превзошел довоенные показатели. Накопление национального богатства достигло довоенного уров-

¹ См.: *Ананьич Б.В., Дальман Д., Петров Ю.А.* Частное предпринимательство в дореволюционной России: этноконфессиональная структура и региональное развитие XIX — начала XX века. М.: РОССПЭН, 2010.

ня даже раньше — в 1927/1928 г.¹, т. е. сократившиеся государственные доходы также более целенаправленно шли на индустриализацию. Норма сбережения вынужденно выросла, в то время как склонность к потреблению в расходовании общенационального дохода упала. В формировании внутреннего капитала вскоре вновь стало играть заметную роль косвенное налогообложение, хотя прежде большевики отвергали его как социально несправедливое.

Для финансирования индустриализации посредством налогов и ценовой политики усиленно привлекалось собственное население. Налогообложение потребления затронуло большие массы населения. Можно говорить, что советское государство продолжило финансировать индустриализацию за счет потребления алкоголя своими гражданами. Новой здесь была лишь дополнительная нагрузка на крестьян — государство значительно ухудшило условия торговли с ними относительно довоенного периода. То, что в эпоху «ножниц цен» 1922–1923 гг. еще казалось предосудительным, а именно — явное завышение цен на промышленные товары относительно более низких закупочных цен на аграрную продукцию, с 1926 г. стало политической нормой. Поскольку государство использовало свою нарастающую монополию, чтобы держать закупочные цены на аграрную продукцию на низком уровне, крестьянам приходилось переплачивать за промышленные товары примерно вдвое, будь это производственные или потребительские товары. Иными словами, чтобы приобрести то же количество промышленных товаров, как до 1913 г., крестьянину нужно было продать на рынке вдвое больше своей продукции. Уже в 1926/1927 хозяйственном году государство таким образом собрало с крестьян весьма высокую «дань» для индустриализации: это было задолго до того, как такой «дани» потребовал Сталин, и в то время, когда между правыми и левыми еще велся далекий от реальности жаркий спор о том, вправе ли они возложить на крестьян дополнительную нагрузку².

¹ Gregory P. *Before Command: An Economic History from Emancipation to First Five-Year*. Princeton, 1994.

² Merl S. *Der Agrarmarkt und die Neue Ökonomische Politik*. S. 85 ff, 137 f, 305–312.

3. Воплощение утопии? Создание плановой экономики и пятилетние планы управления экономикой

За то, что политико-экономическое пространство для маневра относительно довоенного времени расширилось, говорит не только явный успех политико-экономической концепции НЭПа, но прежде всего последовательное развитие плановой экономики. Ввести «плановое управление» хозяйством и обществом было сознательным решением Ленина. Первыми его шагами стали принятие Государственного плана электрификации (ГОЭЛРО) и учреждение Государственной плановой комиссии в начале 1921 г. Таким образом был воплощен в жизнь один из элементов утопии Просвещения: рациональное использование народно-хозяйственных ресурсов для достижения максимально возможной пользы для общества за счет оптимального развития экономики. Никогда прежде не собиралось так много данных о хозяйстве и обществе¹. Они позволили глубже понять экономическую подоплеку происходивших событий. При этом до 1927 г. работа по планированию была действительно независимой от политики. Конечно, идеологическую нагрузку несло на себе противопоставление «анархии рынка» «плановому управлению», но именно рынок был совершенно необходим для рационального установления цен на товары.

К этому моменту планирование на основе прогнозирования началось далеко не только в России. В Берлине был учрежден Институт конъюнктуры, осуществлявший в 1920-х гг. активный обмен с русскими специалистами. Как и в Берлине, советская Плановая комиссия под влиянием работ В.Г. Громана стремилась на основе полученных данных прогнозировать дальнейшее развитие народного хозяйства, чтобы на этой базе

¹ Мерль Ш. Экономическая система и уровень жизни в дореволюционной России и Советском Союзе. Ожидания и реальность // Отечественная история. 1998. № 1. С. 97–117. См. также: *Merl S. Handlungsspielräume und Sachzwänge in der sowjetischen Wirtschafts- und Sozialpolitik der Zwischenkriegszeit*; Мерль Ш. Существует ли «Трансатлантическая модернизация»? Размышления о роли России в концепте «модернизация» // Диалог со временем. 2016. № 57. С. 5–23.

разумно и сознательно перераспределять средства. Материалы, опубликованные в рамках этого подхода в советских социальных и экономических журналах, позволяют провести такой анализ экономических и социальных процессов, который ранее не был возможен. «Все виды экономических планов в Советском Союзе имеют одну конечную цель: указать путь, по которому с максимальным ускорением и без кризисов, т. е. таким образом, который в существующих обстоятельствах наиболее целесообразен экономически, технически и политически, может быть реализована намеченная правительством экономическая политика»¹.

Для 1925/1926 хозяйственного года Государственная плановая комиссия впервые опубликовала «контрольные цифры» развития народного хозяйства, а в последующем (как это делали и отраслевые наркоматы) — проекты пятилетних планов. Научные обсуждения возможных темпов индустриализации свободно велись до 1927 г. с участием именитых ученых из всех организаций². В декабре 1927 г. плановая комиссия в качестве итога предварительных работ предложила проект пятилетнего плана в двух вариантах (отправной и оптимальный). При этом она учла, что темп индустриализации зависит и от внешних факторов, которые нельзя точно рассчитать заранее (такие как урожай, внешняя торговля, доступность международных кредитов). Этот проект поставил вполне достижимые в существующих условиях цели и назвал необходимые для этого политико-экономические меры³. Оптимальный вариант задавал верхние границы: он предусматривал наиболее благоприятные условия, которые в реальности не могли наступить одновременно: ни одного неурожая за пять лет, завышенный объем экспорта, большие кредиты от торговых партнеров. Не-

¹ Pollock F. Die planwirtschaftlichen Versuche in der Sowjetunion 1917–1927// Archiv sozialistischer Literatur. Bd. 21. Frankfurt, 1971. S. 363.

² Ibid. S. 233–362; Zaleski E. Planning for Economic Growth in the Soviet Union, 1918–1932. Chapel Hill, 1971. P. 40 ff. О «гражданских специалистах» см.: Schröder H.-H. Arbeiterschaft, Wirtschaftsführung und Parteibürokratie während der Neuen Ökonomischen Politik. Eine Sozialgeschichte der bolschewistischen Partei 1920–1928. Berlin, 1982. S. 208 ff, 377 ff.

³ Zaleski E. Planning. S. 55 f.

сколько заниженный «отправной» вариант, со скидкой на непредсказуемые события, планировщики воспринимали как реалистичный. «Этот проект дал в распоряжение политических инстанций Советского Союза такую информационную основу для рационального принятия решений в сфере экономической и социальной политики, которой до сих пор не располагало ни одно государство в мире»¹.

Проекты экспертов были пригодны для рационального принятия решений. Однако и эксперты могли заблуждаться. Именно эту уязвимость их прогнозов и использовал Сталин, чтобы одним махом дискредитировать их всех как саботажников, которые преднамеренно занизили темпы индустриализации. Уже контрольные цифры на 1925/1926 г. дали повод упрекнуть крестьян в «саботаже индустриализации». Авторы планов ожидали высокого урожая зерновых и предостерегали от опасности, что цены на зерно могут слишком сильно упасть. Они допускали, что крестьяне, поскольку им очень нужны будут деньги, после уборки урожая немедленно поставят хлеб на рынок. Хотя в 1925/1926 хозяйственном году государством в итоге был закуплен точно спрогнозированный объем зерна, осенью 1925 г. продажа зерна на рынках происходила с торможением. В первое время ажиотажный спрос государственных закупщиков вызвал даже повышение цен на хлеб. Это заставило предполагать дальнейший рост цен. Плановики в своих прогнозах недостаточно продумали, что после долгого периода плохих урожаев многие крестьяне в первую очередь наполняют собственные, полностью опустошенные закрома, что во множестве хлебных регионов ввиду опасности неурожая было абсолютной необходимостью. Тем не менее их прогноз как таковой был более или менее корректным. До середины 1926 г. выполнялся, хотя и с задержкой, и план по экспорту зерна². Политические последствия недопонимания характера контрольных цифр были сокрушительными: в 1926 г. на крестьян, абсолютно неповинных в происходящем, было навешено обвинение в саботаже индустриализации. При этом контрольные цифры хозяйствен-

¹ Merl S. Handlungsspielräume. S. 184.

² Pollock F. Die planwirtschaftlichen Versuche in der Sowjetunion 1917–1927.

ных органов ни в коей мере не были предписанием для будущих действий. Предложенные плановиками ряды цифр должны были служить исключительно ориентирами для принятия экономических решений на улучшенной информационной базе¹.

Еще одна обнаруженная впоследствии ошибка была связана со скоростью роста, горячо дискутируемым вопросом, внимание на который обратил прежде всего Сталин. Плановики ожидали, что при реконструкции народного хозяйства темпы роста после завершения фазы восстановления замедлятся. Сталин и другие, напротив, постулировали, что экономика социализма будет демонстрировать постоянно растущие темпы. Начало замедления роста плановики ожидали в 1929/1930 хозяйственном году. Но в действительности крупная промышленность и в этом году показала рост. Сталин торжествовал. Создавалось впечатление, что подтвердилось его мнение об ускорении роста при социализме. Насколько опасным могло быть такое «опьянение от успеха», описал сам Сталин в статье «Головокружение от успехов», в которой описал собственную недальновидность под видом критики «коллективизаторов»². Ошибочный прогноз экспертов быстро разъяснился. Они исходили из того, что замедление роста наступит при достижении максимального уровня довоенного производства. Однако в действительности этот эффект проявился лишь после того, как были задействованы полностью все довоенные мощности. Поскольку в 1913 г. это было не так, максимальные показатели производства могли быть превышены еще величину до 30%, прежде чем рост стал ослабевать³.

Идея планового управления базировалась на том, что планы регулировали оптимальное внедрение ресурсов и при

¹ Pollock F. Die planwirtschaftlichen Versuche in der Sowjetunion 1917–1927. S. 50–85.

² Сталин И. В. Головокружение от успехов // Сталин И. В. Собр. соч.: В 13 т. Т. 12. М.: Госполитиздат, 1949. С. 191–199. Ср.: Merl S. Handlungsspielräume. S. 209–211.

³ Merl S. Handlungsspielräume und Sachzwänge in der sowjetischen Wirtschafts- und Sozialpolitik der Zwischenkriegszeit. S. 204 f; Jasny N. Soviet Industrialization, 1928–1952. Chicago, 1961. P. 54–56.

этом демонстрировали возможные альтернативы для принятия политических решений. Поэтому превышение темпов роста в одном месте неизбежно приводило к невыполнению их в другом — ведь планы предусматривали оптимальное использование доступных, но в любом случае ограниченных ресурсов. Приказ Сталина от апреля 1929 г. предпочесть «оптимальный» вариант, т. е. основанный на условиях, которые не могли исполниться одновременно, полностью подорвал замыслы плановиков и неизбежно привел к искажению в распределении ресурсов. Моше Левин в 1973 г. метко назвал это «исчезновением планирования в плане»¹. Требование Сталина от 1930 г. выполнить пятилетку за четыре года окончательно развело цели планирования и подготовку необходимых производственных ресурсов. Таким образом, распределение производственных ресурсов на долгое время вышло из-под государственного управления.

С экономической точки зрения НЭП, на базе которого покончил окончательно сформулированный пятилетний план, до конца 1929 г. представлял собой жизнеспособную и, в сущности, безальтернативную концепцию. Только она позволяла избежать значительной растраты производственных ресурсов, прежде всего аграрных, в ходе индустриализации². Для частного сектора пятилетний план предусматривал лишь относительное снижение показателей, в абсолютных цифрах они должны были оставаться константными³. Принятая в 1924 г. аграрная политика «Лицом к деревне» была пригодна для преодоления главной проблемы деревни — недозанятости значительной части трудоспособного населения. Индустриализация не могла решить проблему занятости за обозримое время, потому что развитие промышленности должно было осуществляться на

¹ Lewin M. The Disappearance of Planning in the Plan // Slavic Review. 1973. Vol. 32. P. 271–287.

² См.: Merl S. Der Agrarmarkt und die Neue Ökonomische Politik; Merl S. Handlungsspielräume und Sachzwänge in der sowjetischen Wirtschafts- und Sozialpolitik der Zwischenkriegszeit.

³ Пятилетний план народно-хозяйственного строительства СССР: В 3 т. М., 1930.

базе самой современной техники, с максимальной затратой капитальных, а не трудовых ресурсов¹.

Проблемы, возникшие при управлении аграрным рынком в период НЭПа, были вполне преодолимы. Против их раздувания говорит также аргумент Д. Миллара о том, что ассортимент товаров, предлагаемых крестьянами, был негибким в ценовом отношении. Они могли только отложить момент продажи и изменить ассортимент продаваемых товаров, но из-за потребности в деньгах ни при каких обстоятельствах не могли полностью воздержаться от продажи своих продуктов². НЭП, несмотря на свою рыночную направленность, ни в коем случае не исключал натуральный налог. В 1924 г. от него отказались только потому, что затраты на его администрирование казались слишком высокими³. Возможность возврата к натуральному налогу как альтернативе насильственному изъятию зерна существовала также в 1927/1928 г. Однако современниками она не обсуждалась. С этой точки зрения кажется особенно злоеющим, что Сталин в ответ на сокрушительные последствия коллективизации и голод в конце 1932 г. вернулся к натуральному налогу — именно этот налог в форме обязательных хлебных поставок должен был проложить путь к его административно-командной экономике⁴. Как уже описано, и необходимая для индустриализации аккумуляция капитала не вынудила его изменить политику. «Дань» с крестьян для индустриализации собиралась с 1926/1927 г. Вместе с ликвидацией частных крестьянских хозяйств в ходе насильственной коллективизации главное

¹ *Merl S. Sowjetmacht und Bauern. Dokumente zur Agrarpolitik und zur Entwicklung der Landwirtschaft während des „Kriegskommunismus“ und der Neuen Ökonomischen Politik. Berlin, 1993. S. 144–176, 270–276.*

² *Millar J.R. Mass Collectivization and the Contribution of the Soviet Agriculture to the First Five-Year-Plan // Slavic Review. 1974. Vol. 33. P. 766.*

³ *Merl S. Der Agrarmarkt und die Neue Ökonomische Politik. S. 285–315.*

⁴ Полученные в рамках обязательных поставок продукты формально были оплачены по государственным закупочным ценам 1927–1928 гг. Но поскольку индексации инфляции не было, цены 1932 г. едва покрывали треть, а в 1953 г. — десятую часть реальных производственных затрат. Поэтому фактически речь шла о натуральном налоге.

бремя накопления капитала невольно перешло на плечи рабочих и служащих!¹

Отказ от НЭПа быстро положил конец экономическому росту. Он стал виной катастрофического уничтожения ресурсов в сельском хозяйстве, мелком производстве, а также в торговле². Сюда же добавились негативные последствия ухудшения условий жизни и потребления. Текучка рабочих кадров на предприятиях в начале 1930-х гг. аномально выросла. Любой вариант политики, который позволил бы избежать уничтожения ресурсов и сохранил бы частный сектор хотя бы на уровне, достигнутом в 1929 г., в конечном итоге сделал бы возможным более быстрый рост вплоть до 1941 г. при меньших социальных затратах.

В следующем разделе будет поставлен вопрос, как было использовано это расширение пространства для маневра. Для этого нужно посмотреть на тех, кто принимал политические решения, и на последствия борьбы за власть в руководстве большевистской партии. Это приведет нас к следующему рубежу. Сначала будет рассмотрен период, непосредственно ознаменованный политической борьбой и длившийся до принятия окончательного пятилетнего плана XVI партийной конференцией в апреле 1929 г., затем — экономическая политика после победы сталинской группировки.

4. Почему не были использованы возможности рационального управления экономикой?

С точки зрения диктатора было просто необходимо ликвидировать институт, который вследствие своей компетенции связывал его в принятии решений. Если Сталин и после этого продолжал называть свою командную экономику «плановой», то только для внешней легитимации своих действий: этот термин

¹ *Merl S. Der Agrarmarkt und die Neue Ökonomische Politik. S. 303–309; Барсов А. А. Баланс стоимостных обменов между городом и деревней. М., 1969.*

² *Jasny N. The Soviet Industrialization: 1928–1952. Chicago, 1961; Kaufman A. Small-Scale Industry in the Soviet Union. New York, 1962.*

наводил на мысль, что и его «указы» базировались на «научной» основе.

Понять действия Сталина помогает модель диктатора, описываемая экономической теорией: с ее точки зрения, Сталину для долгосрочной гарантии власти нужно было выполнить два условия: подчеркнуть собственную руководящую роль, сделав себя незаменимым, и одновременно продемонстрировать экономические успехи, которые население приписало бы его руководству¹. Незаменимым Сталин оставался до тех пор, пока был непредсказуем в своих действиях. Как раз его, казалось бы, иррациональное поведение и отсутствие всяких правил, делавшие невозможным системную деятельность, и служили гарантией сохранения его власти. Любое следование правилам превратило бы управление в рутину, сделало бы его предсказуемым, а Сталина — заменимым. Как только хотя бы ближайшее окружение Сталина смогло бы предсказать его следующий шаг, его незаменимость оказалась бы под вопросом. Чтобы показать себя в качестве успешного хозяйственника, Сталин нуждался в роли, хорошо заметной извне. Ею стала для него роль арбитра. Кроме того, он претендовал на право тотального контроля, позволявшего ему вмешиваться в экономический процесс в любое время и на всех уровнях. Только он один имел право менять обязательные для всех планы, причем даже в ходе их исполнения. Наказание тех, кто не выполнил его команду, было частью коммуникативной инсценировки: оно переносило ответственность за экономические просчеты с диктатора на функционеров. В то же время они служили ему козлами отпущения.

Соответственно, сама логика роли диктатора, к которой стремился Сталин, потребовала от него в конце 1920-х гг. лишить полномочий все другие институты, которые должны были отвечать за общий баланс в распределении государственных

¹ *Gregory R.P. The Political Economy of Stalinism. Evidence from the Secret Soviet Archives. Cambridge. 2004.* Краткую трактовку его концепции см. в: *Gregory P.R., Markevich A. Creating Soviet Industry. The House That Stalin Built // Slavic Review. 2002. Vol. 61. P. 788–814.* Диктаторская модель «стационарного бандита» раскрывает логику действий диктатора независимо от личности Сталина.

ресурсов, а затем подчинить их собственному жесткому контролю. Если бы эти органы сохранили бы компетенции и добились полномочий, диктатор стал бы излишним. Поэтому Сталин сделал Государственную плановую комиссию (Госплан СССР) одной из своих главных мишеней в рамках кампании против буржуазных специалистов и «обезглавил» ее, приказав арестовать ведущих плановиков, включая Громана. В 1927 г. Сталин перетянул управление экономикой на себя¹. Его неоднократные атаки надолго определили последующее поведение Плановой комиссии². Совет народных комиссаров СССР после снятия Рыкова с поста его руководителя перешел в руки партийной верхушки и до 1941 г. находился под руководством Молотова — близкого доверенного лица Сталина. Этот человек не ставил под сомнение роль Сталина в качестве арбитра.

Специфическое сочетание интересов диктатора объясняет, почему центральные органы управления (аппарат Центрального комитета партии, Государственная плановая комиссия) держались в черном теле, не соответствовали предписанным им задачам и были недостаточно обеспечены персоналом. Вследствие этого они были не способны ни обеспечить такой объем информации, какой требовала бы концепция «планового» управления экономикой, ни обработать ее. С этого времени конструкция этих органов служила исключительно командным и контрольным интересам диктатора³. Поэтому на практике лишь отдельные решения действительно принимались централизованно. Огромная масса решений, касающихся конкретных деталей, принималась, как правило, на среднем уровне — в хозяйственных наркоматах без вмешательства диктатора или центральных органов.

На практике лишение полномочий Плановой комиссии произошло посредством множества процессов, управляемых централизованно лишь условно. Основной вклад Сталина состоял в том, чтобы сеять недоверие и искать повсюду «саботажников» индустриализации. Разборки между «правыми» и «левыми»

¹ Cp.: *Merl S. Handlungsspielräume*. S. 126–152.

² *Gregory R.P. The Political Economy of Stalinism*.

³ *Ibid.* P. 126–133, 153–156.

в партийной верхушке и нападки на «буржуазных специалистов» породили неуверенность на всех уровнях¹. Сталин сознательно провоцировал эти атаки, однако до 1930 г. отказывался от центрального управления. Он ограничивался тем, что давил на функционеров сверху, чтобы тем самым «снизу» разжечь их «революционный энтузиазм». Он требовал от них постоянного перевыполнения плановых заданий. Управление означало бы как минимум торможение в тех сферах, для которых государство не хотело или не могло выделять средства.

Подлинного содержательного анализа и обсуждения индустриализации среди верхушки партийных функционеров в 1920-е гг. не было. Так называемые дебаты об индустриализации, о которых пишет А. Эрлих, — лишь его конструкт. Это было полное споров обсуждение, которое никоим образом не вело к единому решению. Выдвигаемые предложения представляли собой в основном нападки на других руководящих функционеров с целью их дискредитации и исключения из политической борьбы². Для конкретной экономической политики и экономического планирования эти дебаты практически не имели значения. Сталин не занимал никакой ясной позиции, зато сначала использовал обсуждение для устранения левых, затем — правых, обвинив их в «уклонизме». На самом же деле, чем бы ни были эти дебаты, быстрое развитие промышленности в конце 1927 г. было уже бесспорным. Это вытекает из всех планов, предложенных различными организациями в течение 1920-х гг. (исключение составляет наркомат земледелия³).

С начала 1927 г. Сталин управлял экономикой с помощью давления на функционеров. Когда приказанное им вопреки совету экспертов 10-процентное снижение цен на промышленные товары, поставляемые в деревню, вследствие инфляции стало грозить провалом, он приказал арестовать ответственных функционеров. Естественно, экономике не помогло

¹ *Merl S.* Handlungsspielräume und Sachzwänge in der sowjetischen Wirtschafts- und Sozialpolitik der Zwischenkriegszeit.

² *Erlich A.* Die Industrialisierungsdebatte in der Sowjetunion 1924–1928. Frankfurt am Main, 1971; *Merl S.* Handlungsspielräume. S. 185 ff.

³ *Zaleski E.* Planning. P. 40 ff., особенно p. 54.

и это¹. Личное вмешательство Сталина в хлебозаготовки в Сибири в начале 1928 г. также было нацелено преимущественно на функционеров. Он потребовал их отставки за примиренчество и приказал отбирать у кулаков скрытое ими зерно. Этот акт насилия также не привел к желаемому экономическому результату. Напротив, весной 1928 г. зерно пришлось импортировать, а затем, уже летом 1928 г., позиция Сталина в рамках партийной верхушки в последний раз оказалась под угрозой. Бухаринская группировка высказала открытую критику сталинской политики². Он был вынужден совершить временное отступление, пока в начале 1929 г. не удалил «правых» из партии.

В 1928 г. набрала обороты кампания против буржуазных специалистов. Теперь их советы по поводу всего, что касалось социалистического строительства, считались подозрительными. За просчеты им грозила персональная ответственность вплоть до ареста. Начались кампании чисток в государственных и хозяйственных органах. Затеянное уже в 1928 г. «шахтинское дело» стало показательным процессом против «буржуазных вредителей»³. Это был важный посыл: буржуазно-капиталистические силы саботируют строительство социализма, доверять им не следует. Нет никаких указаний на то, что «политическое давление» в полной мере направлялось сверху. Атаки на «право-примиренческие» или «классово-чуждые» элементы были скорее выражением несогласий и раздоров, подспудно существовавших во многих отдельных наркоматах. Повсюду обнаруживались «буржуазные» теории и влияния. Преобладали нападки на конкретных персон. Проводились они в основном малоизвестными, чаще молодыми членами партии. В отдельных наркоматах существовали враждующие друг с другом группировки коммунистов⁴.

¹ Merl S. Handlungsspielräume und Sachzwänge in der sowjetischen Wirtschafts- und Sozialpolitik der Zwischenkriegszeit. S. 193 f.

² Ibid. S. 194–196.

³ Bailes K. E. Technology and Society under Lenin and Stalin. Origins of the Technical Intelligentsia, 1917–1941. Princeton, N. J., 1978. P. 69 ff.

⁴ Merl S. Handlungsspielräume und Sachzwänge in der sowjetischen Wirtschafts- und Sozialpolitik der Zwischenkriegszeit. S. 189.

Выразительным свидетельством того, насколько мощным было давление на плановиков, стали те изменения, которые Плановая комиссия внесла в «окончательную редакцию» (апрель 1929 г.) предложенного в 1927 г. проекта плана: вместо ежегодного примерно 10-процентного снижения показателя роста крупной промышленности окончательный вариант предусматривал ежегодный рост, постепенно доходящий до 16–21%. Общая сумма инвестиций была поднята с 16 до 64,5 млрд рублей, а аграрная продукция за пять лет должна была возрасти на 43%, или, по оптимальному варианту, даже на 55%¹.

Известный и близкий к Сталину статистик Струмилин в 1929 г. говорил о своих коллегах, что как следует надавив на специалистов — авторов конкретных частей плана, можно было легко избавиться от какой бы то ни было осторожности. Однако, увы, вряд ли было разумным испытывать гражданское мужество тех специалистов, которые в неофициальных признаниях и так предпочитали «стоять» за более высокие темпы роста, чем «сидеть» за более низкие². В Государственной плановой комиссии Струмилин входил в группу «телеологов», которые, в отличие от «генетиков», не считались с эмпирическими показателями, а рассчитывали возможный рост с использованием технических коэффициентов, тем самым завышая цифры.

Окончательный вариант пятилетнего плана, как считали многие из его разработчиков, не мог быть исполнен в предусмотренные сроки. Тем не менее предложенные цифры по крайней мере формально были согласованными. Своим «отправным вариантом» планировщики дали понять, что те же цели были вполне реально достижимы в течение шести лет. Хантер и Сжирмер использовали цифровые данные для задачи линейного программирования и затем проанализировали возможные варианты. Они пришли к выводу, что план хоть и не за пять, но за семь лет и с несколько меньшими темпами вполне

¹ *Merl S.* Handlungsspielräume. S. 188; *Zaleski E.* Planning. P. 54–58; Пятилетний план. Т. 1. С. 144–147.

² *Струмилин С. С.* О темпах нашего развития // Плановое хозяйство. 1929. № 1. С. 109.

можно было реализовать без падения жизненного уровня населения. Помимо этого, они рассчитали, какие именно не предусмотренные плановиками факторы послужили причиной самых серьезных отклонений.

Таким образом они смогли показать, что основным фактором с большим отрывом от остальных стала насильственная коллективизация сельского хозяйства и вызванное ею аномальное уничтожение производственных ресурсов: в ходе нее было уничтожено около половины всего поголовья продуктивного и такое же количество рабочего скота и одновременно утрачены необходимые для производства продуктов потребления аграрные ресурсы (начиная от кожи и заканчивая такими техническими культурами, как хлопок и др.). Действие других не предусмотренных плановиками факторов, в частности, мирового экономического кризиса, было, напротив, незначительным¹. Тяжелый кризис, разразившийся в Советском Союзе в начале 1930-х гг., был причинен самой сталинской коллективизацией. Без коллективизации и, соответственно, со скольконибудь значимыми аграрными экспортными ресурсами, как это предусматривал пятилетний план, падение цен на сырье значительно затронуло бы и Советский Союз².

В реальности же Советский Союз получил от мирового экономического кризиса 1930–1933 гг. выгоду: промышленное оборудование для новых строительных объектов можно было получить значительно быстрее. Советские заказы выполнялись незамедлительно за счет освободившихся благодаря кризису производственных мощностей, а Германия была готова кредитовать поставки. Наконец, можно было привлечь оказавшихся без работы специалистов, которые в иных условиях никогда не поехали бы в Советский Союз. Однако если цены на предлагаемое Советским Союзом сырье сильно упали, то закупочные цены на промышленное оборудование снизились лишь незначительно.

¹ Hunter H., Szyrmer J.M. *Faulty Foundations: Soviet Economic Policies, 1928–1940*. Princeton: Princeton University Press, 1992.

² Ibid.; Merl S. *Handlungsspielräume und Sachzwänge in der sowjetischen Wirtschafts- und Sozialpolitik der Zwischenkriegszeit*. S. 84 ff.

Хорошим примером того, как отсутствие централизованного управления заставляло увеличивать темпы, служит дефицит тракторов¹. В наличии их имелось ничтожно мало, так как они импортировались. Поэтому плановики предполагали приступить к полномасштабной коллективизации лишь после завершения строительства тракторостроительного завода в Советском Союзе в 1932–1933 гг. Конкурирующие между собой аграрные организации боролись за дефицитные тракторы и пытались получить их, выдвигая все более амбициозные планы. Без всяких на то предпосылок они начинали сплошную коллективизацию целых районов. Общее количество имеющихся тракторов позволило бы поддержать лишь три показательных колхоза. В реальной жизни уже в 1929 г. таких конкурировавших между собой колхозов насчитывалось несколько сотен. Некоторые функционеры в надежде получить больше тракторов ликвидировали лошадей².

Нехватка управления и ясных, в том числе притормаживающих, указаний сверху приводили к тому, что темпы коллективизации постоянно ускорялись. Одновременно крестьян насильно загоняли в колхозы. Партийная верхушка не тормозила это безумие. Вероятно, впавший в «головокружение от успехов» Сталин вообразил даже, что крестьяне практически не сопротивлялись коллективизации. Постоянное подстегивание темпа, отсутствие материальной базы для «индустриализации сельского хозяйства» и перенасыщенность села рабочей силой привели к катастрофе. В своей статье в «Правде» Сталин в его привычной манере перенес вину на местные кадры, хотя он сам был причиной перекосов. «Головокружение от успехов» скорее характеризовало психологическое состояние самого Сталина, чем описывало происходящее на местах.

Отказу от управления процессом способствовало и то, что не было ясных представлений, как же, собственно, выглядит соци-

¹ Ср. здесь: *Merl S. Handlungsspielräume*. S. 207–209; *Merl S. Die Anfänge der Kollektivierung in der Sowjetunion. Der Übergang zur staatlichen Regulierung der Produktions- und Marktbeziehungen im sowjetischen Dorf (1928–1930)*. Wiesbaden, 1985. S. 230–251, 331–400.

² *Ibid.* S. 235 f, 358 ff.

ализм. Так, в 1929 г. распространилось убеждение, что экономические законы капитализма уже потеряли свою силу. От перехода к социализму ожидали «революции в производительных силах». Как именно должен осуществляться этот процесс, оставалось неясным. Так, для промышленности был создан закон ускоряющегося роста при социализме, согласно которому ежегодный процент прироста промышленного производства должен был дойти до 50%¹. В 1929 г. стало распространяться мнение о том, что деньги в советском хозяйстве уже утратили свою функцию и рынки вскоре утратят значение. Это дало повод перестать бороться с инфляцией. М. Беленький уже осенью 1927 г. объявил, что контрактная система в сельском хозяйстве сделала крестьянина скрытым работником государственной промышленности и тем самым расчистила путь к социалистическому товарообмену. Сходные мысли высказывал Сталин перед делегациями иностранных рабочих². В этой новой трактовке речь шла уже не об эффективности предприятий, а о «выполнении плана»: в конце концов, людям нужен был продукт, а не добавленная стоимость³. План был теперь объявлен «выражением воли пролетариата» и тем самым возведен в закон⁴. Милютин в декабре 1929 г. заявил: «Такие основные понятия буржуазной экономики, как рынок, цена, закон спроса и предложения, рентабельность и т. д., звучат уже анахронизмом. Бесполезно искать осуществление этих законов в советской экономике...»⁵

¹ Merl S. Handlungsspielräume. S. 201 f; Jasny N. Industrialization. S. 73 ff.

² Беленький М. Пути производственного кооперативного крестьянства // Большевик. 1927. № 17. С. 58–78; Беседа с иностранными рабочими делегациями 5 ноября 1927 г. // Сталин И. В. Собр. соч.: В 13 т. Т. 10. М.: Госполитиздат, 1949. С. 221–226.

³ Олеванов П. Основные вопросы методологии составления организационных планов для районов сплошной коллективизации // Социалистическая реконструкция сельского хозяйства. 1930. № 2. С. 11 f.

⁴ Merl S. Handlungsspielräume. S. 200; Боролин Б. С. К вопросу о теоретическом изучении советской экономики // Большевик. 1929. № 11. С. 14.

⁵ Труды первой всесоюзной конференции аграрников-марксистов (20.12–27.12.1929): В 2 т. Т. 1. М., 1930. С. 31.

5. СТАЛИН КОНСТРУИРУЕТ КОМАНДНУЮ ЭКОНОМИКУ (1931–1934)

Введение коллективизации без всякого ее материального обеспечения послужило причиной аномального уничтожения аграрных производственных ресурсов и напрямую привело к голоду 1932–1933 гг. В то же время отказ от планового управления индустриализацией повлек за собой мощные диспропорции. Поэтому в то время как аграрное производство падало, в начале 1930-х гг. началась стагнация и в промышленности.

Чтобы сохранить власть, Сталину нужно было радикально скорректировать курс и восстановить экономический рост. Между 1931 и началом 1934 г. произошел отказ от практически всех существующих до того идеологических концепций о формировании экономики и общества. Хотя «революция сверху» завершилась примерно тем же фиаско, как до того «военный коммунизм», Сталин произвел смену курса в секретном режиме. Официальная пропаганда сообщала исключительно об успехах. Табуирование корректуры курса имело под собой все основания: если бы большевики в 1921 г. легитимировали и поддержали публичную инсценировку смены политического курса, то в 1932 г. признание Сталина, что его политика форсированной индустриализации привела к тяжелейшему голоду, стоило бы ему власти¹. Говорить о массовых смертях было нельзя, по официальным данным, умирали от голода исключительно «саботажники индустриализации». С этого момента табуирование важных фактов вошло в сталинскую стратегию сохранения власти.

В начале 1930-х гг. сколько-то значимой оппозиции Сталину уже не было. Архивные материалы свидетельствуют о его выдающейся роли. Все инициативы и тем самым сбивчивые и зачастую резкие смены курса исходят от него самого². Очевидно,

¹ Ср. записку Отто Шиллера в министерство продовольствия и сельского хозяйства: *Мерль Ш.* Голод 1932–1933 годов — геноцид украинцев для осуществления политики русификации? // *Отечественная история*. 1995. № 1. С. 59.

² Cp. *Gregory R. P.* (ed.). *Behind the Facade of Stalin's Command Economy. Evidence from the Soviet State and Party Archives*. Stanford, 2001.

Сталин реагировал на проблемы, которые осознавал или которые он воспринимал как угрозы своей власти. Он прежде всех и яснее всех понимал, что экономический кризис ставит его власть на карту. Реакция его была примечательна: в этих случаях он сделал ставку не на террор, а на уступки. Так, в ответ на «бабьи бунты» против коллективизации в начале 1930-х гг. он принципиально изменил концепцию колхоза: вместо немедленной ликвидации всякого частного подсобного хозяйства крестьянам в колхозе теперь гарантировались усадьба и одна корова (а также мелкий скот).

Для выработки нового курса Сталин использовал экспертов и специалистов. Сам он был «архитектором» «командной экономики». Из разработок экспертов он взял то, что ему казалось подходящим для сохранения диктатуры и вместе с тем сулило экономические успехи. Речь Сталина перед хозяйственниками в июне 1931 г. была частью радикальной смены курса¹. Вину он вновь переложил на других. Он представил им их ошибки. Все это были поступки, сделанные под его же собственным давлением. Все наставления, которые теперь давал Сталин, принципиально отличались от прежних, например, к буржуазным специалистам теперь надо было проявлять терпимость, хотя Сталин убеждал в том, что так было и прежде.

Формационный период советской экономики между 1930 и 1932 гг. лучше всех описал Дэвис. Он передает процесс изменения концепции, представляя «деидеологизацию» экономической политики и подчеркивая экстремально прагматический характер последующих функциональных принципов. До окончания 1932 г. общие рамки экономического управления были решительным образом преобразованы. Навязанная центром административно-командная система была теперь дополнена неотъемлемым вспомогательным инструментом в виде лишь частично видимой и более гибкой системы, условно базировавшейся на экономических рычагах². Тем не менее Дэвис на-

¹ Сталин И. В. Речь на совещании хозяйственников 23 июня 1931 г. // Сталин И. В. Собр. соч.: В 13 т. Т. 13. М.: Госполитиздат, 1951. С. 51–80.

² Davies R. W. The Industrialisation of Soviet Russia. Vol. 4: Crisis and Progress in the Soviet Economy, 1931–1933. London u. Basingstoke, 1996. P. 201–228;

зывает эти поправки «мелкими реформами», потому что одновременно с ними эксперты-экономисты требовали полного изменения системы с возвратом к рыночной и денежной экономике. Созданная к концу 1932 — началу 1933 г. колхозная система представляла собой ответ на голод и очевидно базировалась на понимании того, что при отказе от принципиальной смены политического курса после урожая 1933 г. голод угрожал принять невероятный размах. Она включала в себя возвращение к натуральному налогу в форме обязательных поставок зерна, постоянную прописку колхозников и введение системы, при которой после сбора урожая 10–20% зерна (так называемая предоплата) оставались в распоряжении колхозов и распределялись между колхозниками в соответствии с отработанными трудоднями. Очень часто по итогам года колхозы оставались убыточными и эта «предоплата» была единственным вознаграждением колхозников¹.

В промышленности радикальность практической смены курса была не так заметна прежде всего потому, что она происходила в форме множества внешне малозаметных мелких поправок. Дэвис причисляет к ним возврат к единоличному руководству и прекращение преследования «буржуазных специалистов», критику нивелировки зарплат, отказ от ликвидации денег и возвращение к субрынкам, в частности «колхозным рынкам»². Произошел также резкий отказ от «революционного самотека», развязанного Сталиным еще на исходе 1920-х гг.³ При этом можно различить два процесса: процесс обучения

Khlevnyuk O. V. Wheatcroft S. G. The Years of Progress. The Soviet Economy, 1934–1936. Basingstoke, 2014. Ср. Davies R. W. Changing Economic Systems. P. 18 f. Краткое описание новых механизмов.

¹ *Merl S. Bauern unter Stalin. Die Formierung des sowjetischen Kolchossystems, 1930–1941. Berlin, 1990; Мерль Ш. Итог подчинения — социальная и экономическая реорганизация деревни // Ярославский педагогический вестник. 2002. № 3. С. 19–35. Ср. также: Davies R. W. Wheatcroft S. G. The Industrialisation of Soviet Russia. Vol. 5: Years of Hunger. Basingstoke, 2003. P. 250–331. В Политбюро не обсуждалась ни реформа промышленности, ни концепция колхозной системы.*

² *Davies R. W. Industrialisation. Vol. 4: Crisis and Progress.*

³ *Ср. Merl S. Handlungsspielräume. S. 205–211; Gregory R. P. Political Economy. P. 62.*

«верхов» в ответ на драматическое снижение экономического роста, и процесс приспособления «внизу», когда управленцы на предприятиях и в министерствах реагировали на брутальную жестокость репрессий при невыполнении плана. Лишь взаимодействие этих двух процессов привело к окончательному формированию административно-командной экономики¹.

Командная экономика предполагала, что производственные приказы были недостаточно обоснованны и нельзя было гарантировать, что требуемые для их выполнения поставки последуют в нужный срок и в достаточном объеме. Для того, чтобы оправдать диктат сталинских планов несмотря на их несовершенство, существовали подспудные компенсационные механизмы. Использование директорами предприятий нелегальных по сути методов было не просто допустимым, но даже желательным, потому что в таком случае интерес диктатора в табуировании действующего механизма совпадал с интересом самого директора: если для диктатора на кону стояло доверие к его власти и признание его особой роли, то директора опасались репрессий в случае публичной огласки их правонарушений². Этот симбиоз командной экономики с теневой начался примерно с 1932 г. Попустительское отношение к собственно неправомерным действиям управленцев было платой за сохранение мифа о том, что система якобы управляется централизованно.

Сконструированная Сталиным командная экономика прежде всего отвечала его потребности сохранять среди населения веру в легитимность его власти. Она позволяла ему демонстрировать «успехи» и вполне гарантировала периодический экономический рост. В основных своих чертах она просуществовала до конца 1980-х гг.³

¹ *Berliner J. S. Factory and Management in the USSR. Cambridge, 1957.*

² Мерль Ш. Итоги развития советской экономики // *Экономическая история*. Ежегодник. М.: ИРИ РАН, 2017. С. 303–349.

³ Там же.

А. С. Сенин

Железные дороги в 1917 году в оценках инженеров путей сообщения — участников и очевидцев Великой российской революции

К 1914 г. в Российской империи было 72 981 км железнодорожных линий, в том числе в европейской части 62 198 км, в азиатской — 10 783 км¹. В европейской части России на 100 км² приходилось всего 1,1 км железных дорог, в то время как в 1913 г. во Франции было 9,4 км, в Германии — 11,9 км, Великобритании — 12,1 км. В начале 1920-х гг. транспортная секция Госплана подсчитала, что при сохранении интенсивности движения 1913 г. в 95 млн пудо-верст на 1 версту России необходимо было иметь сеть протяженностью в 165 тыс. км². Причины слабости нашей железнодорожной сети следует искать в истории железнодорожного строительства. По оценке И. Д. Михайлова, ее рост шел крайне неравномерно и не соответствовал росту производительных сил страны. Причем строительство дорог с начала XX века постоянно сокращалось. В 1900–1904 гг. было построено 8222 версты, в 1905–1909 гг. — 6160, а в 1910–1914 гг. — всего 3466 версты³.

Конечно, Министерство путей сообщения (МПС) в предвоенный период пыталось решить некоторые проблемы железнодо-

¹ *Отпенгейм К. А.* Россия в дорожном отношении: Опыт краткого историко-критического обозрения данных, относящихся до развития путей сообщения в России и параллельно в других важнейших странах (с приведением многих сравнительных и статистических данных по путям сообщений). М.: Высш. сов. нар. хоз. отд. ред.-изд., 1920. С 109, 113.

² *Борисов И. Н.* План железнодорожного строительства и схема Госплана. Б. м., б. г. С. 45.

³ *Михайлов И. Д.* Эволюция русского транспорта 1913–1925. М. — Л.: Экономическая жизнь, 1925. С. 10.

рожного транспорта. Еще в 1907 г. был составлен план усиления железных дорог. На его реализацию из бюджета предполагалось направить 916,1 млн рублей. Большая часть этих средств предназначалась для улучшения состояния подвижного состава (302,75 млн рублей), на переоборудование станций (119,2 млн рублей), сооружение новых и реконструкцию действовавших ремонтных заводов и мастерских (104,5 млн рублей). Остальные средства предназначались на закупку рельс, пополнение оборотного капитала. План встретил серьезное сопротивление в Министерстве финансов.

В 1910 г. МПС запросило на реконструкцию железных дорог в предстоящем пятилетии уже 1085 млн рублей. Но и этот план не получил поддержки ни в правительстве, ни в обеих палатах российского парламента. В 1916 г. министр путей сообщения А. Ф. Трепов признал, что «наша железнодорожная сеть не только не имела до войны никакого запаса в своей пропускной и провозной способности, но ее перевозочные средства далеко не удовлетворяли и потребностям обычных перевозок мирного времени»¹. Из-за недостатка финансирования, в частности, не удалось реализовать планы строительства таких важных линий, как Рязань — Тула — Барановичи — Бобруйск — Черемха — Варшава, Орел — Петербург.

Война застала страну с недостаточным количеством подвижного состава. В конце 1913 г. паровозный парк насчитывал 18695 паровозов, в том числе 3550 пассажирских. 54% паровозов инвентарного парка были построены в 1900–1913 гг.² По сведениям Н. А. Данилова, к 1912 г. на казенных железных дорогах было 3902 паровоза, выпущенных паровозостроительными заводами с 1857 по 1891 г. Эти «почтенные ветераны» подлежали списанию, а не эксплуатации³.

¹ Цит. по: Сидоров А. Л. Железнодорожный транспорт России в Первой мировой войне и обострение экономического кризиса в стране // Исторические записки. Т. 26. М., 1948. С. 10.

² История железнодорожного транспорта России. Т. 1. СПб.: Иван Федоров, 1994. С. 246, 247.

³ Данилов Н. А. Влияние великой мировой войны на экономическое положение России. Пг.: Госиздат, 1922. С. 59.

Специалисты, в отличие от политических деятелей, после Первой мировой войны расходились в оценке состояния железнодорожного транспорта России. В. И. Гриневецкий, А. А. Неопиханов, С. А. Ронжин, М. М. Шмуккер были настроены весьма критически. Например, А. А. Неопиханов утверждал, что отечественные железные дороги не удовлетворяли потребности даже в обычных перевозках мирного времени¹. Э. Б. Войновский-Кригер, К. А. Оппенгейм, А. А. Бубликов, Н. Л. Щукин высказывались более осторожно, признавая общую отсталость сети по сравнению с наиболее развитыми странами.

Профессор К. А. Оппенгейм в своем фундаментальном исследовании состояния железнодорожного транспорта отметил, что двухпутные участки русских железных дорог составляли 26% от всей железнодорожной сети. Для сравнения, таких участков во Франции было 43%, в Германии 27%, в США лишь 13%. По интенсивности работы (70 млн пудо-верст на версту), Россия накануне Первой мировой войны опережала Германию (64 млн пудо-верст) и Францию (36 млн пудо-верст). Вместе с тем это означало, что подвижной состав железных дорог подвергался значительным перегрузкам. Ведь в России на 1 км приходилось 0,30 паровоза и 0,32 вагона, тогда как в Германии соответственно 0,47 и 1,0, во Франции — 0,32 и 0,72².

Председатель правления общества Ачинск-Минусинской железной дороги, депутат Государственной думы 4-го созыва А. А. Бубликов, приехав в 1917 г. в США, был удивлен низкой пропускной способностью американских железных дорог. Если в России на однопутных участках была достигнута интенсивность движения в 21 пару поездов, а на двухпутных — 48, то «на американских дорогах об этом и думать нельзя»³. По свидетельству Н. Л. Щукина, последние типы вагонов, сконструированные в России, были «настолько удовлетворительными»,

¹ Неопиханов А. А. Русский транспорт и его планирование. Т. 1. М.—Л.: Гос. плановая комиссия, 1924. С. 114.

² Оппенгейм К. А. Россия в дорожном отношении. С. 115–116.

³ Бубликов А. А. Русская революция (ее начало, арест царя, перспективы). Впечатления и мысли очевидца и участника. М.: ГПИВ, 2018. С. 46.

что с успехом конкурировали со «спальными вагонами международного общества»¹.

Войновский-Кригер в эмиграции так подвел итоги развития железных дорог в довоенной России: «Если сравнивать наш железнодорожный транспорт с железными дорогами других стран, то по общему количеству наших рельсовых путей сравнительно с территорией и населением мы были позади всех без исключения стран Западной Европы. Сравнительно с дорогами Германии, Англии, Соединенных Штатов наши дороги много слабее по оборудованию, развитию узлов, станционных зданий, скорости движения, механизации сигналов и труда и пр. Но по сравнению с дорогами, например, Франции, Италии, Австрии мы отставали, так сказать, только количественно, по числу вторых путей, путевому развитию, числу обращения поездов; в отношении же оборудования, типов подвижного состава, приемов эксплуатации, устройства мастерских наши дороги были не хуже указанных стран. А что касается удобств пассажирского сообщения, дешевизны тарифов, дешевизны постройки и эксплуатации и общей доходности — наши железные дороги были выше большинства стран Западной Европы»².

В течение всего 1917 г. продолжала ухудшаться материально-техническая база железнодорожного транспорта. Количество паровозов, нуждающихся в ремонте, увеличивалось ежемесячно на 200–400 единиц³. С января по 12 мая 1917 г. число больных паровозов выросло с 3382 до 4779 (на 1400 больше мая 1916 г.)⁴. К этому следует добавить еще 235 паровозов, которые не прошли капитальный ремонт в 1916 г.⁵ К числу главных причин ухудшения состояния подвижного состава в 1917 г. следует отнести и резкое падение производительности труда и дисци-

¹ РГАЭ. Ф. 1884. Оп. 38. Д. 14. Л. 1280б.

² *Кригер-Войновский Э.Б.* Записки инженера. Воспоминания, впечатления, мысли о революции // Спроге В.Э. и др. Записки инженера. М.: Русский путь, 1999. С. 50.

³ *Волобуев П.В.* Временное правительство и вопрос о преодолении разрухи на железнодорожном транспорте // Исторические записки. Т. 69. М., 1961. С. 258.

⁴ РГИА. Ф. 273. Оп. 10. Д. 3677. Л. 33–34.

⁵ ГАРФ. Ф. 1779. Оп. 2. Д. 162. Л. 2.

плины среди рабочих и служащих, особенно в депо и мастерских. Рабочие настаивали на отмене системы сдельного расчета и переходе на почасовую или поденную плату. Но то, что возможно на заводах, на железнодорожном транспорте, по мнению товарища министра путей сообщения Л. А. Устругова, осуществить очень трудно «вследствие невозможности произвести учет интенсивности труда», сдельный же расчет «является единственным стимулом для повышения производительности».

В 1917 г. заводы получили от ведомства путей сообщения заказы на изготовление 1163 пассажирских и товарных паровозов. Для этого было необходимо в месяц выпускать около 100 локомотивов, но заводы с этой задачей не справились. В результате было изготовлено только 407 паровозов:

Выпуск паровозов в 1917 г.

Заводы	Заказано	Изготовлено
Брянский	164	38
Луганский	265	105
Коломенский	145	50
Невский	163	36
Путиловский	64	11
Сормовский	128	57
Харьковский	234	110
Итого	1163	407

Временное правительство полностью давало себе отчет в последствиях возможной остановки движения на железных дорогах. Поэтому 21 июля состоялось обсуждение сложившегося положения в Экономическом совете² при правительстве.

¹ Вестник путей сообщения. 1918. № 4. С. 20.

² Учрежден 21 июня 1917 г. «для выработки общего плана организации народного хозяйства и труда, а также для разрешения законопроектов и общих мер по регулированию хозяйственной жизни».

С обстоятельным докладом от МПС выступил товарищ министра путей сообщения Л. А. Устругов.

За первую половину 1917 г. по сравнению с таким же периодом предшествовавшего года, сказал он, потребители недополучили 700 тыс. вагонов с грузами. Недогруз угля только по Донецкому бассейну составил около 95 млн пудов. Значительно сократились перевозки продовольствия, особенно в крупные города. Например, если в июне 1916 г. в Петроград прибыло 8664 вагона с продуктами питания, то в июне 1917 г. 5695 вагонов¹. Устругов объяснил эти факты плохим состоянием подвижного состава. Причем рост числа неисправных паровозов особенно стал заметен с февраля 1917 г. Количество паровозов в стране по сравнению с 1916 г. увеличилось. Если на 1 июля 1916 г. их насчитывалось 19 684, то к 1 июля 1917 г. — 20 774. Количество же исправных паровозов было соответственно 16 373 и 15 730. Доля требовавших ремонта паровозов по всей русской сети достигла к 15 июля 25,3%, т. е. стоял каждый четвертый паровоз². Однако на некоторых железных дорогах этот процент был еще выше и приближался к 50.

Не лучше обстояло дело с ремонтом вагонов. В июне 1916 г. на железнодорожной сети был зарегистрирован 517 441 вагон, а год спустя — 574 486 вагонов. Однако процент находившихся в ремонте вагонов неуклонно рос. Если в июне 1916 г. их было 24 326 (4,7%), то год спустя — 45 886 (8%)³.

Далее Устругов остановился на вопросе использования паровозов и вагонов. Результаты были неутешительны. Средний суточный пробег товарных паровозов в августе 1916 г. составлял 76 верст, а в 1917 г. (среднемесячный показатель) — 55 верст. Аналогичные показатели по вагонам в мае 1916 и в мае 1917 г. составили соответственно 71 версту и 55 верст.

С резкой критикой положения дел на железных дорогах на Экономическом совете выступил инженер путей сообщения

¹ Стенографический отчет заседания Экономического совета при Временном правительстве (далее СОЭС). 1917. № 1. С. 3.

² ГАРФ. Ф. 1779. Оп. 1. Д. 818. Л. 3.

³ СОЭС. 1917. № 1. С. 4. В июле процент «больных» вагонов поднялся до 9,1. ГАРФ. Ф. 1779. Оп. 1. Д. 818. Л. 4.

А. А. Бубликов. Прежде всего, он обратил внимание членов совета на постоянное уменьшение перевозок. Так, невывоз груза в 1917 г. по сравнению с 1916 г. составил в апреле 22%, в мае 23%, в июне 25%, в первую половину июля 28%¹. Министерство связывало это явление с тем, что число требующих ремонта паровозов превысило четверть. Бубликов ставил эти данные под сомнение, ведь зачастую, «чтобы не навлечь на себя гнев начальства, служащие не показывают действительное количество больных паровозов». К тому же на линиях эксплуатировалось, по словам Бубликова, еще 25% неисправных паровозов. Поэтому в действительности на многих дорогах, прежде всего в районе Архангельска, сообщение «висит на волоске», а с Владивостоком «фактически прервано».

Бубликов заявил: «Мы вступили в преддверие остановки железнодорожных работ и кое-где мы уже имеем факты остановки, кое-где вот-вот она должна произойти. В связи с этим не приходится предсказывать все последствия, которые связаны с плачевным состоянием транспорта в стране — остановку железных дорог и все голодные и холодные бунты»².

8–10 августа в Москве проходил съезд общественных деятелей, на котором снова обсуждалось положение на железнодорожном транспорте. Специальный доклад о положении дел на железных дорогах сделал инженер-технолог А. А. Чаманский. Он сравнил состояние железнодорожной сети в России и ряде других стран. В России на 10000 жителей 4,7 км железных дорог, а в Соединенных Штатах 44, во Франции — 13, в Германии — 10. Ниже идут Турция и Китай. Он напомнил, что за 10 последних лет в Государственной думе немало говорили о слабости подвижного состава, но железные дороги так и не были усилены настолько, насколько это требовалось условиями движения и работы государства. И все же в 1916 г. железные дороги перевезли в 1,5 раза больше грузов по сравнению с любым предвоенным годом³. Оратор отметил, что перевозки грузов из портов Черного и Балтийского морей требовали сравнительно неболь-

¹ СОЭС. 1917. № 5. С. 12.

² Там же. С. 13.

³ Там же. С. 105.

шого пробега паровозов и вагонов, меньшего, чем теперь из Мурманска, Архангельска и Владивостока. К этим проблемам добавились новые — превратно понятый рабочими 8-часовой рабочий день, отказ от сдельной оплаты и т. п.

Чаманский говорил о техническом переоснащении подвижного состава, о поступлении усовершенствованных паровозов типа 0-5-0 «Э», которые могли везти 95 тыс. пудов груза против 75 тыс. пудов с паровозом типа 1-4-0 «Ш».

В целях создания нормальных условий работы он предложил перейти к частично натуральной оплате труда и выдавать железнодорожникам продовольствие, мануфактуру, обувь и все, что только можно. Надо было по возможности ослабить их зависимость от рыночных цен, рыночной мелочной продажи. Оратор также высказался против вмешательства рабочих в дела администрации.

Инженер путей сообщения А. В. Родионов отметил, что «одним из самых слабых мест русского железнодорожного аппарата является ничтожное развитие узлов, передаточных пунктов». В настоящее время на станциях, говорил Родионов, задержано 15 тыс. вагонов, которые не могут пробиться через пробки, образовавшиеся на железных дорогах.оборот вагона по сети московского порайонного комитета, который обслуживал дороги Александровскую, Казанскую, Курскую, Сызрано-Вяземскую и Северную, в 1916 г. составлял 5,5 суток, а в 1917 г. упал до 7,5 суток, т. е. каждый вагон перевозил почти в 1,5 раза меньше груза. Уменьшилась и скорость его движения. Пробег вагона в сутки составлял в 1916 г. 75,8 верст, а в 1917 г. — 57 верст, т. е. 4 с небольшим версты в час (скорость обыкновенного пешехода!). «Если взять армию людей и на плечи положить товар, — сказа Родионов, — то они с такой же скоростью перенесли бы его, как и наши поезда»¹.

Обсуждение положения на железных дорогах было продолжено на Государственном совещании в Москве 12–15 августа 1917 г. Председатель съезда железнодорожников М. Д. Орехов в своем выступлении говорил об увольнении железнодорожников, об отмене 8-часового рабочего дня даже там, где он был

¹ СОЭС. 1917. № 5. С. 111.

введен с согласия администрации дорог, предании суду дорожных комитетов и председателей главных дорожных комитетов. По его словам, репрессии обрушились на железнодорожников в августе, как раз накануне московского совещания¹.

От имени Совета частных железных дорог его председатель Н. Д. Байдак сделал заявление. В нем говорилось, что причиной кризиса на транспорте стали падение дисциплины и производительности труда, ошибочные решения правительства, постоянное вмешательство в работу дорог «самочинных посторонних организаций». Совет частных железных дорог рекомендовал правительству объявить на дорогах особое положение и признать железнодорожную службу «обязательной государственной повинностью». снабжение железнодорожников не должно отличаться от снабжения действующей армии. Необходимо положить конец вмешательству профсоюзных организаций в распоряжения администрации железных дорог. Контроль же за этими распоряжениями должно осуществлять только правительство. В свою очередь, администрация дорог контролирует работу подчиненных ей служащих, мастеровых и рабочих. Совет частных железных дорог считал необходимым немедленно ввести сдельную оплату труда. Для обеспечения порядка необходимо было организовать специальную милицию. Эти меры, по мнению Совета, должны быть введены немедленно, и только они помогут восстановить работу всей сети железных дорог².

Позицию значительной части железнодорожных специалистов озвучил на заседании 15 августа представитель Союза инженеров и техников, работающих по путям сообщения, А. Н. Фролов. Он признал, что «все авторитеты» в железнодорожном деле признают неминуемую остановку работы дорог к ноябрю 1917 г. в случае непринятия правительством решительных мер по спасению транспорта. В то же время он иначе, чем Байдак, видел причины кризиса. «Транспорт болен не тем, что у него больны паровозы и вагоны. Транспорт, как и вся Рос-

¹ Государственное совещание 12–15 августа 1917 года (стенографический отчет). М.—Л.: Госиздат, 1930. С. 170.

² Там же. С. 173.

сия, болен духом, — говорил Фролов. — Господа, та революция, от которой мы ждали, что этот дух будет вознесен на недостижимые высоты, эта революция, к нашему ужасу, низринула этот дух в такие низины, до которых он никогда не падал, и тот чистый источник, к которому мы прикасались тогда, оказался отравленным». Февральская революция смела все сдерживающие моральные опоры и в стране «началась вакханалия». Фролов высказался за объединение «живых сил страны» на патриотической основе. «Нужно, чтобы Временное правительство поняло, что Родина есть величайшая ценность сама по себе, а не ценность постольку, поскольку из нее извлекаются политические блага», — подчеркнул оратор. Далее Фролов озвучил предложения Союза инженеров путей сообщения. Они мало чем отличались от содержавшихся в заявлении Совета частных железных дорог. Можно лишь указать на предложение согласовать расценки норм оплаты труда в различных отраслях народного хозяйства и установить обязательные сверхурочные работы в связи с недопустимостью сокращения продолжительности рабочего дня в условиях военного времени.

Инженер С. В. Тюменев, бывший помощник управляющего эксплуатационным отделом Управления железных дорог МПС и член Центрального комитета по регулированию массовых перевозок грузов по железной дороге, в докладе Комитету совета съездов промышленности и торговли о состоянии железнодорожного транспорта за октябрь и ноябрь 1917 г. указал, что средняя суточная погрузка грузов в портах постоянно снижалась. В Архангельске грузилось в октябре 198 вагонов, в ноябре — 111 вагонов (норма 250); во Владивостоке соответственно 104, 61 (143); в Сретенске — 41, 36 (64)¹. Если на 1 октября запас топлива на железных дорогах составлял 18 млн пудов, то на 1 декабря примерно 12–13 млн пудов.

Тюменев подчеркнул, что не только отдельные станции, но целые узлы были переполнены невывезенными грузами. По его оценке, на складах лежало свыше 6 млн пудов грузов. В отличие от прежних месяцев и лет, новой причиной невывоза грузов стало опасение получателей грузов за их сохранность.

¹ РГИА. Ф. 32. Оп. 1. Д. 674. Л. 11.

Им приходилось решать вопрос: нанимать охрану для своих складов или платить железной дороге. И они предпочитали платить железной дороге, поскольку товарные дворы пока еще хорошо охранялись. Но в результате, например, на станциях Московского узла в ноябре не были поданы под разгрузку около 7 тыс. вагонов, и они превратились в склады на колесах. МПС было вынуждено направить значительную часть поездов в обход Московского узла. Продолжала снижаться производительность труда в железнодорожных мастерских. Уже в августе и сентябре она составила не более 50% от довоенной. Тюменев обращал внимание на нарушение правил эксплуатации железных дорог самими железнодорожниками. Например, недопустимо сокращались тяговые участки непрерывного обслуживания. Паровозные и кондукторские бригады устанавливали суточный отдых после каждой поездки. Систематически из депо не выпускались паровозы под уже готовые к отправке поезда. С конца сентября стали отмечаться случаи захвата и разгрома целых составов преимущественно с продовольственными грузами. На станции Царицын на трое суток прекратилась всякая работа из-за того, что большинство осмотровиков, слесарей, машинистов и кондукторов записывались и проходили обучение в отрядах Красной гвардии. «Эта анархия, — писал Тюменев, — все с возрастающей силой проявлялась и в течение минувших октября и ноября месяцев этого года»¹. Ее усиливали трения между различными железнодорожными профсоюзами и администрацией дорог. Тюменев обратил внимание на разгоревшийся конфликт между Викжелем² и союзом служащих МПС на почве требований Викжеля передать ему управление железными дорогами. По мнению Тюменева, все это вело железнодорожный транспорт к катастрофе.

Каким виделся выход из создавшейся ситуации специалистами железнодорожного дела? Приведем мнение начальника Эксплуатационного управления МПС инженера путей сообщения Э. В. Ландсберга. На первое место он ставил осознание

¹ Там же. Л. 13.

² Всероссийский исполнительный комитет железнодорожного профсоюза. — *Прим. науч. ред.*

народом важности в экономике страны железных дорог, которые, подобно кровеносным сосудам в организме, дают жизнь. Остановка кровообращения в человеческом организме знаменует его смерть. Равно и остановка железных дорог повлечет за собой гибель государства.

Ландсберг особо подчеркивал, что железные дороги являются достоянием всего народа, имеют исключительное значение для жизнеспособности и жизнедеятельности страны и должны находиться «под особым покровительством государственной власти и всего народа, и сохранение правильной и успешной работы железных дорог должно составлять особую их заботу»¹.

В вопросах управления железными дорогами Ландсберг допускал разумную децентрализацию с передачей ряда функций Министерства путей сообщения местным органам, объединяющим деятельность группы дорог определенного экономического района. Первоочередной задачей он видел преодоление хаоса на железных дорогах, возникшего в 1917 г.

Необходимо было срочно разработать и утвердить в установленном порядке «Положение о службе на железных дорогах». Нужно было срочно поставить «на твердые и справедливые основания» вопросы о пенсиях, об обеспечении старости, о страховании, о поощрении честной и беспорочной службы в виде периодического прогрессивного содержания служащего (за каждое пятилетие), отрегулировать жилищный вопрос для железнодорожников.

Большое значение в вопросе восстановления нормальной работы железнодорожного транспорта Ландсберг уделял повышению производительности труда, особенно в железнодорожных мастерских и депо. Для этого прежде всего нужно было разъяснить служащим, мастеровым и рабочим то критическое положение, в котором находился тогда транспорт, и те последствия, которые это имеет для страны и в частности для них самих. Необходимо было безотлагательно восстановить сдельные, сверхурочные и сверхнорменные работы, ввести различные поощрительные премии, единственно гаран-

¹ Ландсберг Э. В. К вопросу о положении железнодорожного транспорта. 1916–1917 гг. Пг.: Тип. Комитета путей сообщения, 1918. С. 53.

тирующие в совокупности повышение упавшей повсеместно производительности труда.

Э.В. Ландсберг считал глубоко ошибочной распространенную точку зрения, будто премиальная система есть «потогонное средство». По его мнению, премии устанавливались исключительно в целях достижения «внимательности, успешности и сознательности в работе», а равно «бережливости в расходовании материалов, составляющих фактически народное достояние»¹.

Для восстановления нормальной работы железных дорог должно быть совершенно исключено вмешательство посторонних лиц и органов в их работу, а также проявление нетерпимости к лицам, «принадлежащим к партиям „инакомыслящим“».

Ландсберг считал необходимым в кратчайший срок устранить творящиеся на железных дорогах бесчинства и грабежи. В спешном порядке требовалось создать железнодорожную милицию, и она не должна была подчиняться ни администрации дороги, ни организациям служащих. Милиция должна комплектоваться из лиц «с безупречной нравственной репутацией в смысле честности и порядочности»².

Осуществление этих мер было невозможно в условиях слабой и непопулярной власти Временного правительства и преобладания среди железнодорожников анархо-синдикалистских настроений. Не случайно второе совещание общественных деятелей в октябре 1917 г. в Москве в принятой резолюции потребовало от правительства решительной борьбы с анархией во всех ее проявлениях. Во внутренней политике резолюция совещания требовала создания единой вертикали власти, т. е. строгой соподчиненности волостных, уездных, губернских органов управления, подчиненности местной власти общегосударственной. Местности, охваченные анархией, следовало объявить на военном положении «и восстановить порядок, нарушенный буйством черни, силой оружия». Фактически совещание призывало установить в стране жесткий авторитарный политический

¹ Там же. С. 63.

² Там же. С. 64.

режим¹. Демократические процессы на транспорте после Февральской революции «обернулись еще одним ударом по дееспособности транспортного комплекса России»². Инженер путей сообщения А. А. Бубликов констатировал, что Россия завершает цикл и от самодержавия «через революцию и анархию неудержимо идет к восприятию вновь идеи единодержавия»³.

Авторитарное правление за тысячелетие российской государственности пустило глубокие корни, стало частью русского менталитета. Государство вплоть до начала XX столетия держалось на авторитете царской власти. Российские монархи, подчеркнул Бубликов, «умели олицетворять собой Россию, были подлинными ее вождями, инстинктивно улавливали ее национальные задачи, понимали ее грандиозный масштаб, находили в трагические моменты ее истории слова, которые шли к ее сердцу, поднимали ее дух». Все изменилось при Николае II. Как будто нарочно он и его правительство делали все, чтобы создать такое общественное настроение, при котором единственным выходом казался государственный переворот. Э. Б. Войновский-Кригер полагал, что будь на престоле Александр II или Александр III, страна продержалась бы до конца войны, что позволило бы избежать разрушения великого государства⁴. Мелок был Николай II, отметил Бубликов, не по России. Все государственно мыслящие люди, да и весь народ в совокупности «каким-то здоровым инстинктом» всегда рвался к сильной власти (хотя власть в России всегда любили критиковать). Это «душенстроение» русских людей не уловило Временное правительство. Бубликов полагал, что и успех большевиков «в значительной мере объясняется тем, что в них учуяли людей, склонных создать именно сильную власть»⁵.

¹ Россия в 1917 году: энциклопедия. М.: РОССПЭН, 2017. С. 910.

² Абдрахманов А. И. Экономические факторы кризиса железнодорожного транспорта в условиях буржуазно-демократической революции 1917 года // Транспортное право. 2013. № 4. С. 8.

³ Бубликов А. А. Русская революция (ее начало, арест царя, перспективы). Впечатления и мысли очевидца и участника. М.: ГПИБ, 2018. С. 127.

⁴ Кригер-Войновский Э. Б. Записки инженера. С. 129–130.

⁵ Бубликов А. А. Русская революция (ее начало, арест царя, перспективы). Впечатления и мысли очевидца и участника. М.: ГПИБ, 2018. С. 59.

А. А. Бессолицын

«Разгром нашей экономической жизни»

(И. Х. Озеров об экономической ситуации в России после февраля 1917 года)

Экономическая ситуация, возникшая в России накануне и после февраля 1917 г., привлекает пристальное внимание представителей научного сообщества. Дискуссии, развернувшиеся в преддверии столетнего юбилея Великой российской революции, продемонстрировали различные подходы к анализу ее предпосылок. По мнению ряда исследователей, в основе революции лежали не только глобальные экономические факторы, но и ухудшение условий жизни населения, падение морально-этических норм и другие. При этом подчеркивается, что экономический фактор сыграл в нарастании социального конфликта в России весьма важную роль, причем и до февральских событий, и еще более при Временном правительстве¹.

Однако при всем различии оценок большинство исследователей полагают, что до начала 1917 г. промышленность удовлетворительно адаптировалась к условиям военного времени. Более того, до 1916 г. включительно наблюдался рост объема производства, реальный спад начался только в 1917 г., а в конце 1917 г. промышленность вошла в состояние глубокого и нарастающего кризиса². В этой связи представляется важным понять, насколько адекватно воспринимало происходившие в России события профессиональное сообщество ученых. В частности, какой выход из сложившейся ситуации видели ведущие рос-

¹ См.: *Петров Ю. А.* Россия накануне Великой революции 1917 г.: современные историографические тенденции // *Российская история*. 2017. № 2. С. 3–16.

² См.: *Миронов Б. Н.* Динамика российской промышленности и транспорта в 1913–1920 гг. // *Экономическая история*. 2017. № 3(38). С. 9–11.

сийские экономисты, оценивающие социально-экономическое и отчасти политическое положение страны в своих работах, написанных не спустя определенное время после революции, а в короткий период существования Временного правительства и его краха в октябре-ноябре 1917 г.

Одним из таких свидетелей, активно откликнувшихся на произошедшую в стране революцию, был известный русский ученый-экономист Иван Христофорович Озеров (1869–1942). Его имя в силу разных причин долгое время оставалось в перечне многих незаслуженно забытых имен в российской экономической науке.

Известно, что Озеров родился в деревне Занино Чухломского уезда Костромской губернии и происходил из очень бедной крестьянской семьи. Поскольку семья нуждалась, то он смог начать обучение в гимназии только в 12 лет, но за успехи в учебе был освобожден от платы и переведен в пансион. Это позволило ему получить среднее образование, а потом продолжить обучение на юридическом факультете Московского университета, куда он поступил в 1889 г. После его окончания и получения степени магистра (1898), а также защиты докторской диссертации по финансовому праву (1900 г.) Озеров активно занимается преподавательской и научной деятельностью. Он читает курсы финансового права в Петербургском и Московском университетах, Московском коммерческом институте и других высших учебных заведениях, являясь убежденным сторонником индустриализации России на капиталистических началах.

Кроме преподавательской деятельности, Озеров вел активную общественную работу, имел тесные отношения с деятелями Московского биржевого комитета и при этом занимался частным предпринимательством, будучи членом правления ряда акционерно-паевых обществ, членом совета крупнейшего в стране Русско-Азиатского банка, председателем правления Центрального банка обществ взаимного кредита (1909–1914) и т. д.

В 1905–1906 гг. Озеров принимал активное участие в политической жизни России. В преддверии выборов в I Государственную думу он стал известен своими выступлениями в поддержку праволиберальной программы реформ, выдвинутой

партией «Союз 17 октября». В 1916 г. явился инициатором созыва первого Всероссийского съезда представителей банкирских домов и контор, призванного, по его словам, «создать обширный рынок для размещения дивидендных бумаг и, следовательно, создать прочную базу для развития у нас мощной промышленности»¹. Даже накануне февральских событий 1917 г. Озеров, как и большинство российских экономистов и предпринимателей, по-прежнему считал, что Россия остается чрезвычайно благоприятной страной для помещения капиталов. Он подчеркивал, что «интересы» промышленного, инновационного развития страны, т. е. «необходимость прилива капиталов сюда, счастливо сочетаются с личными интересами лиц, обладающих капиталами»². Этот вывод базировался на анализе котировок частных биржевых собраний, которые стали публиковаться в прессе с конца 1915 — начала 1916 г. В конце 1916 г. Министерство торговли и промышленности официально признавало, что обстановка на частной бирже в этом году характеризовалась «...резкой, едва ли отвечающей обстановке военного времени, повышательной тенденцией». По свидетельству министра финансов Петра Львовича Барка, в оборот частной биржи «постепенно были втянуты все котировавшиеся ранее на биржах бумаги». В том числе росли цены и на дивидендные бумаги³.

В декабре 1916 г. Министерство торговли и промышленности совместно с Министерством финансов созвали специальное совещание с участием делегатов Совета съездов представителей промышленности и торговли, Петроградского биржевого комитета и всех крупных акционерных коммерческих банков. На совещании было высказано мнение, что причинами усиления спроса на дивидендные бумаги стал рост доходности предприятий, прежде всего работающих на нужды войны. При этом

¹ *Ананьич Б. В.* Банкирские дома в России. 1860–1914. Очерки истории частного предпринимательства. Л.: Наука, 1991. С. 148.

² *Озеров И. Х.* Новая Россия. Пг.: Тип. «Копейка», 1917. С. 3.

³ См.: *Шепелев Л. Е.* Акционерные компании в России: XIX — начало XX века. СПб.: Издательство СПбГУ, 2006. С. 480.

отмечалось и в целом расширение производства в связи с ростом рыночного спроса почти на все товары¹.

Однако после февраля 1917 г. ситуация в стране резко меняется. Общее расстройство промышленности, а особенно появление на предприятиях рабочего контроля, деятели которого начинают активно вмешиваться в управление производством, рост забастовочного движения и как итог неконтролируемое увеличение заработной платы и явочное введение восьмичасового рабочего дня при катастрофическом снижении производительности труда — приводят экономику на грань катастрофы.

Уже весной 1917 г. становится очевидным, что страна сползает в полномасштабный экономический кризис. В специальной справке, подготовленной на имя министра торговли и промышленности на основании донесений фабричных инспекторов о положении на промышленных предприятиях, подчиненных надзору фабричной инспекции, датированной маем 1917 г., были перечислены факты, свидетельствующие о нарастании этого глобального экономического кризиса. Так, в донесении старшего фабричного инспектора Херсонской губернии отмечалось, что среди промышленников в настоящее время замечается растерянность вследствие сильно повышенных требований рабочих. Эти требования являются результатом все увеличивающейся дороговизны предметов первой необходимости, а также доминирующей позиции, занятой рабочими. В донесении старшего фабричного инспектора Тверской губернии отмечалось, что хотя все фабрики и заводы работают, но производительность их уменьшилась до 40% вместо ожидаемого уменьшения на 20%. Это произошло вследствие перехода с 9- и 10-часового рабочего дня на восьмичасовой. Особенно сложная ситуация складывалась в Петрограде и Петроградской губернии. По сведениям старшего фабричного инспектора, на многих предприятиях Петрограда со стороны рабочих продолжают отмечаться повышенные требования об увеличении заработка. Это происходит в том числе:

1. На писчебумажной фабрике Российского акционерного общества, на которой рабочие предъявляют новые требова-

¹ Шепелев Л. Е. Акционерные компании в России. С. 493–494.

ния (вторичные с февраля 1917 г.) о повышении заработной платы. При этом результаты работы значительно снизились по сравнению с 1916 г. Если в апреле 1916 г. было выработано 82 тыс. пудов бумаги, то в апреле 1917 г. — только 62 тыс. пудов, а за время с 1 января по 1 мая 1917 г. по сравнению с тем же периодом 1916 г. недоработано 93,6 тыс. пудов бумаги.

2. Переговоры о повышении заработной платы велись на заводе Акционерного общества «Сименс и Гальске».
3. На модельном заводе К. Ирасек рабочие вновь предъявили требования об увеличении заработной платы в размере 73%. Хотя до забастовки дело не дошло, но владелец вынужден был согласиться на прибавку в 50%.
4. На Литейном заводе Боровского рабочие требовали поднять дневную оплату до 16 рублей, а при условии выработки на 50% больше — установить ее в 24 рубля в день.
5. На Красносельской фабрике «Акционерного общества Российских паровых красильных фабрик» с числом рабочих 100 человек сразу после февраля 1917 г. заработок был увеличен на 25–50%. Однако позднее рабочие предъявили дополнительное требование гарантии минимального заработка в 5 рублей для мужчин и 4 рубля для женщин. Поскольку администрация не удовлетворила эти требования, то рабочие с 13 мая объявили забастовку.
6. Такие же требования предъявили рабочие Красильной фабрики Данцигер, на которой работали 160 человек. Они также объявили забастовку.
7. На пороховом заводе Акционерного общества Виннер с 5 по 19 марта динамитный завод вообще не работал, хотя его продукция имела военное предназначение. Причиной остановки стало отсутствие коллодиального хлопка, получаемого с Шлиссельбургского порохового завода, который также не работал, и т. д.¹

В этих условиях главным источником покрытия расходов для Временного правительства становится денежная эмиссия. По

¹ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 23. Оп. 19. Д. 349. Л. 10–18.

наблюдениям Гавриила Дмитриевича Дементьева, начальника бухгалтерского отдела департамента Государственного казначейства, рост количества бумажных денег был вызван стремлением демократических масс, пользуясь своей сплоченностью и силой, требовать улучшения своего материального положения за счет казны, владельцев частных предприятий и пр. Галопирующая инфляция привела к резкому обесценению рубля и обвальному падению его заграничного курса. За 7 месяцев нахождения у власти Временного правительства курс рубля в Лондоне и Париже, равнявшийся к марту 1917 г. 68 и 75% от довоенного уровня, понизился соответственно на 45 и 43% — до 25 и 32% — и продолжал понижаться, свидетельствуя если не о наступлении финансового краха, то о его близости¹.

На надвигающуюся экономическую катастрофу не могли не отреагировать ведущие ученые-экономисты страны. Анализ возникшей ситуации и поиск возможного выхода из нее стали предметом широкого обсуждения в самых различных средствах массовой информации. Так, в приложении к авторитетному в финансово-промышленных кругах журналу «Биржа» (Независимый беспартийный прогрессивный орган)² была анонсирована целая серия статей, авторами которых являлись известные российские экономисты, профессора П. П. Мигулин, М. И. Боголепов, а также И. Х. Озеров. Всего предполагалось издать в виде отдельных брошюр 11 статей. Автором девяти работ был заявлен Озеров³.

Сегодня сложно сказать, были ли реально опубликованы все статьи, поскольку они должны были выходить в течение года. В Российской национальной библиотеке (РНБ) в Санкт-

¹ Дементьев Г. Д. Государственные доходы и расходы России и положение Государственного казначейства во время войны с Германией и Австро-Венгрией до конца 1917 г. Пг.: Тип. периодических изданий Министерства финансов, 1917. С. 52–53.

² Биржа и русская промышленность (еженедельное издание). Независимый беспартийный прогрессивный орган. Издавался в Петрограде с 1914 по 1917 г. (с 1916 г. назывался «Биржа»)

³ См.: Озеров И. Х. Над бездной. Куда мы идем? Разгром нашей экономической жизни. Опомнитесь! Что нужно делать. Земельная реформа и будущее сельского хозяйства. Женщина идет. Что делать с деньгами? Грозные предостережения. Пг.: Свободный народ, 1917.

Петербурге и Российской государственной библиотеке (РГБ) в Москве удалось обнаружить 4 статьи из этой серии, написанные Озеровым, скорее всего, летом-осенью 1917 г. и посвященные анализу текущей социально-экономической ситуации в России. Эти небольшие по объему работы (от 16 до 24 страниц), представляют несомненный интерес, поскольку раскрывают позицию профессионального экономиста по целому ряду проблем, с которыми столкнулось Временное правительство в условиях нарастающего социально-экономического и политического кризиса. В этих статьях, изданных отдельными дешевыми брошюрами для широкой читающей публики, в свободной и доступной форме дан анализ явлений, возникших в экономике страны в период с февраля по октябрь 1917 г. Озеров предпринял попытку сформулировать основные задачи, которые в той или иной мере касались всех социальных слоев населения, включая рабочий класс, крестьянство, буржуазию и представителей либеральной интеллигенции, активно включившихся в политическую жизнь.

Критикуя старую власть за то, что она не смогла решить целый комплекс проблем, связанных с развитием страны, и характеризуя как великое преступление старого режима то, что он (режим) не шел вровень с требованиями жизни, Озеров с пониманием относится к взрыву социальных требований, возникших практически сразу после свержения монархии и установления республики. Но при этом он отмечает, что в России «всколыхнулось целое море всякого рода пожеланий, но нет регулятора»; мы «все говорим о демократии, о свободах, но надо быть достойными ее, надо суметь сочетать свой собственный интерес с интересами других, и этим проникнуться должны все классы и группы населения»¹.

Эйфория первых дней революции, когда на Невском проспекте можно было встретить представителей самых разных социальных слоев с красными бантами, очень быстро прошла. Вот характерная запись о первом дне революции (28 февраля 1917 г.), которую сделал в своем дневнике известный художник и историк искусства Александр Николаевич Бенуа: «А, пожа-

¹ Озеров И.Х. Куда мы идем? Пг., 1917. С. 3, 9.

луй, это и революция ... Вот и сейчас в ясном морозном воздухе гулко гудит проезжающий грузовик и слышны крики „ура“. Очевидно, опять мчится мимо нашего дома одна из бесчисленных партий солдат и рабочих, вооруженных винтовками и саблями наголо. Катят они во весь опор, в большинстве случаев в направлении к Тучкову мосту. В некоторых из этих самокатов сидят вместе с пролетариями сестры милосердия, а то и просто какие-то дамочки, а также штатские с красным крестом на ручной повязке. Очень принято — двум солдатам помоложе лежать с ружьем в позе прицела на колесных крыльях грузовиков. Так более картинно, в этом больше показной удали. Публика приветствует каждую такую повозку сниманием шапок и криками „ура!“»¹.

Однако первые восторги вскоре прекратились в условиях быстрого нарастания полномасштабного социально-экономического и политического кризиса. Усиление кризисных явлений в России после февраля 1917 г. Озеров связывает с разложением институционального строя, подчеркивая, что «мы присутствуем в настоящее время при экономическом разорении России: огромное количество наших раньше созданных ценностей уничтожено»². При этом, пишет Озеров, «в стране нет ясного понимания того, что мы переживаем. У нас разжигается классовая вражда, натравливается рабочий на предпринимателя, крестьянин на помещика, а наше новое правительство страдает тем же грехом, как прежняя русская бюрократия, подбирая себе людей из собственного кружка, и потому у него мало знающих советников, что, в конечном счете, ведет страну к гибели»³.

Критикуя правительство, он имеет в виду то, что «...оно прежде всего стремится быть приятным для всех», но «ни у правительства, ни у отдельных лиц не находится достаточно мужества, чтобы крикнуть властно на тех, кто производит сейчас

¹ Бенуа А. Н. Мой дневник: 1916–1917–1918. М.: Русский путь, 2003. С. 116–117.

² Озеров И. Х. Над бездной. Пг., 1917. С. 3.

³ Озеров И. Х. Что нужно делать. Пг., 1917. С. 8–9.

разрушительную работу у нас, а эта работа делает свое злое дело с большим успехом»¹.

Причину сложившегося положения Озеров связывает с тем, что «... мы страдаем отсутствием государственности в широких массах и склонны проводить вместо общих свои частные и партийные интересы»². Опасность для страны он видит в движении чрезмерных требований, прежде всего со стороны трудящихся, которые «доведут многие промышленные предприятия до остановки», поскольку рост заработной платы будет стимулировать рост цен, а это, в свою очередь, будет вызывать новые требования повышения заработной платы и т. д. Так «образуется заколдованный круг, и в результате будут исчерпаны все средства у промышленных предприятий, и эти последствия будут вынуждены остановиться, и тогда будет безработица, будет голод и холод, и на развалинах старого нам придется создать новое, но какими тяжелыми усилиями»³.

Подчеркивая, что повышение заработной платы налагает и обязанности, прежде всего, увеличения интенсивности труда со стороны трудящихся, а это, в свою очередь, предполагает развитие в них чувства долга работать, желания трудиться, Озеров отмечает, что вот именно этого понимания ситуации нет не только у рабочих, но и у правительства. Более того, «... некоторые министры расшатывают нашу экономическую жизнь. Делают это они, конечно, бессознательно, по недомыслию, делают это они, потакая трудящимся в их чрезмерных домогательствах»⁴.

Он справедливо считает, что требования рабочих в условиях продолжающейся войны чрезмерны: «Фактическое установление 8-часового рабочего дня в настоящее время неосуществимо: враг очень силен, и мы должны напрячь все усилия, чтобы ломить, а для этого нужно, чтобы все наши фабрики и заводы работали возможно больше, и притом не только работающие непосредственно на оборону, так как нам нельзя расстраивать

¹ Озеров И.Х. Разгром нашей экономической жизни. Пг., 1917. С. 3.

² Озеров И.Х. Что нужно делать. С. 13.

³ Озеров И.Х. Над бездной. С. 7.

⁴ Там же. С. 7, 9.

тыла»¹. Выход видится в том, чтобы «сдержать временно поток социальных требований»². Более того, по его мнению, «нельзя допускать вмешательства рабочих в управление фабриками, нельзя допускать устранения лиц администрации по капризу рабочих, это также расшатывает нашу промышленность, как расшатало нашу армию»³.

Ключевую роль в решении проблемы спасения страны от надвигающейся разрухи Озеров отводит правительству. Сам разделяя либеральные ценности и в этом смысле являясь активным сторонником Временного правительства, он тем не менее практически в каждой статье высказывает резкие критические замечания в его адрес. Красной нитью в работах Озерова проходит призыв к правительству быть более активным и соответствовать задачам текущего момента. «Власть только говорящая не есть власть», подчеркивает он, «надо уметь, когда это нужно, опираться на силу и на меч... Нам нужна сильная власть, а не тень ее. Нельзя только словами управлять страной. Если у правительства есть только слова, то оно не правительство» и т. д.⁴

Прежде всего Озеров критикует правительство и лично министра-председателя (с июля 1917 г.) Александра Федоровича Керенского за медлительность: «Министр-председатель заявил, что все будет поставлено на свое место, но надо делать это немедленно. Нельзя утопающего утешать тем, что начали-де вить веревку, и когда ее совяют, то ее ему бросят, и потому нельзя не ставить упрека правительству в медлительности»⁵.

Критика правительства, с которой выступает Озеров, это не критика оппозиции к правящей коалиции, а критика сочувствующего сторонника, но при этом сторонника, ясно понимающего глубину кризиса и те последствия, с которыми столкнется страна, если решение этих проблем откладывать. В рассуждениях Озерова все-таки прорывается надежда, что

¹ Озеров И.Х. Куда мы идем? С. 6.

² Там же. С. 7.

³ Озеров И.Х. Над бездной. С. 9.

⁴ Озеров И.Х. Что нужно делать. С. 5–6.

⁵ Там же. С. 9.

правительство сможет решить поставленные перед ним задачи. Поэтому он, как нам представляется, пытается выдать желаемое за действительное: «Вы, новые люди, я вижу, понемногу начинаете учиться: г. Керенский уже отказывается кой от чего, Скобелев тоже, но, господа, это учение происходит на живом организме России. И пока вы учитесь, Россия придет в такое состояние, что ее восстановить экономически будет невозможно. Опомнитесь, господа, пройдите курс учения возможно скорее и с наименьшим разрушением России»¹. Он дает характеристику как правительству в целом, так и отдельным министерствам, восклицая: «Где же творчество Временного правительства? Министерство народного просвещения совершенно мертвенно... Министерство торговли долго было обезглавлено и плетется по старой дорожке. Министерство финансов — здесь все говорят, говорят, совещаются, и кто же советники? А дел не видно...»²

Надо отметить, что критика Временного правительства со стороны экономиста Озерова не выглядела чем-то из ряда вон выходящим. В либеральных кругах в правительстве и, в частности, в деятельности Керенского достаточно быстро разочаровались. Уже 3 марта 1917 г. Бенуа записывает в дневнике: «Не могу скрыть от себя, что во всем поведении, во всей манере быть и в разговорах Керенского много наигрыша, „каботинажа“ (от фр. дешевое комедианство, манерничанье; кривлянье, ломанье; наигранность), но актер он, во всяком случае, неплохой. Кроме того, я думаю, что известный каботинаж, при подлинном уме и прозорливости, вещь для государственного деятеля не столь уж и плохая...»³

Зинаида Николаевна Гиппиус, которая находилась в центре событий, вела подробный дневник и практически ежедневно записывала не только свои впечатления, но и давала оценки происходящим событиям, тоже первоначально связывала свои надежды с Керенским. Сама квартира Гиппиус и Мережковского на Сергиевской улице в Петрограде после февраля 1917 г. ста-

¹ Озеров И. Х. Над бездной. С. 9–10.

² Там же. С. 12–13.

³ Бенуа А. Н. Мой дневник: 1916–1917–1918. С. 151.

ла настоящим политическим центром, где собирались известные политики и общественные деятели и обсуждались текущие события. Гиппиус вместе с Мережковским приветствовали Февральскую революцию, полагая, что она покончит с войной и реализует идеи свободы, и поэтому восприняли Временное правительство как «близкое», установили самые дружеские отношения с Керенским, как одним из ярких политических лидеров.

7 марта 1917 г. Гиппиус делает характерную для творческой интеллигенции того периода запись в дневнике: «Керенский — сейчас единственный ни на одном из „двух берегов“, а там, где быть надлежит: с русской революцией. Единственный. Один. Но это страшно, что *один*. Он гениальный интуит»¹.

Следующая запись от 20 мая 1917 г.: «Керенский военный министр. Пока что — он действует отлично». «Керенский — настоящий человек на настоящем месте»².

Однако уже 26 июля 1917 г. Гиппиус с тревогой отмечает: «Правительство Керенским составлено — неожиданное и (боюсь) мертворожденное. Не видно его принципа. Веет случайностью, путанностью. Противоречиями. Премьер, конечно, Керенский (он же военный министр)»³.

Проходит всего две недели, и вот следующая запись, сделанная 9 августа 1917 г.: «Что же случилось с Керенским? По рассказам близких — он неузнаваем и невменяем». И далее: «Керенского же я признаю сейчас, как главу возможного русского правительства, необходимым; я служу Керенскому, а не Корнилову; но я не верю, что и Керенский, один, спасет Россию и свободу; ничего он не спасет»⁴.

12 августа 1917 г. в Москве открылось Государственное совещание с участием министра-председателя Керенского, на которое возлагались определенные надежды в том смысле, что Временное правительство наконец-то примет решительные меры к наведению порядка. Однако этого не произошло. Гиппиус от-

¹ Гиппиус З. Н. Дневники. М.: Захаров, 2002. С. 85.

² Там же. С. 102.

³ Там же. С. 107.

⁴ Там же. С. 111.

мечает: «Керенский сказал длинную речь. Если не считать появившегося у него заплетания языка,—обыкновенную свою речь: пафотическую, местами недурную. Только уже несовременную, ибо опять не деловую, а „праздничную“»¹. Наконец, 1 сентября Гиппиус становится совершенно ясно, что Временное правительство во главе с Керенским не способно вывести страну из кризиса. Она пишет: «Если выбор,—с Керенским или без Керенского валиться в яму (если уж „поздно“), то, пожалуй, все-таки лучше без Керенского»².

Таким образом, потребовалось не более 6 месяцев, чтобы надежды, связанные с Временным правительством и лично Керенским, сменились на полное осуждение его деятельности, а скорее бездеятельности, а мечты о становлении и развитии демократии в России сменились полным крахом этих ожиданий. Хотя Озеров и не входил непосредственно в кружок Мережковских, но он, судя по его работам, пережил те же надежды и разочарования, что и творческая интеллигенция.

Если в работах, написанных летом-осенью 1917 г., он все-таки высказывает осторожный оптимизм относительно деятельности Временного правительства и его министра-председателя Керенского, то в своих воспоминаниях, написанных в 1930-е гг., Озеров дает уничижительную характеристику выступлению Керенского на Московском государственном совещании, называя его кокаинистом, который делает безответственные заявления наподобие: «Мы так сильны, что можем себе позволить роскошь вооруженного восстания, которое мы железной рукой задавим». «Я сам слышал эти слова,—пишет Озеров,—это было в августе 1917 г.»³.

Помимо критики деятельности правительства, Озеров выдвигает претензии и к буржуазии, в частности к той позиции, которую она заняла после февраля 1917 г. С одной стороны, он пытается защитить предпринимателей, отмечая, что «в настоящее время от дела устройства русской экономической жизни

¹ Там же. С. 116.

² Там же. С. 130.

³ Озеров И.Х. Воспоминания (1905–197). Черновик // Российская национальная библиотека. Отдел рукописей (РНБ ОР). Ф. 541. Д. 4. Л. 7.

устранены у нас люди, сколько-нибудь эту жизнь знающие; на каждом деловом человеке поставлено как бы клеймо Каина, а без буржуазии нельзя направить в должное русло нашу экономическую жизнь»¹, но с другой стороны, он предъявляет серьезные претензии самим деловым людям, подчеркивая, что его «особенно удивляет безучастное поведение нашей буржуазии: она махнула на все руками и предоставила событиям идти своим порядком, а между тем распалась уже не крыша здания, в котором мы живем, а сам фундамент грозит провалиться и, казалось бы, здоровый инстинкт самосохранения должен был бы проснуться у нас, но, увы, — этого нет»².

Более того, он бросает упрек буржуазии в том, что она не патриотична и «путем разных приемов в настоящее время капиталы от нас перекачиваются за границу. Путем покупки бумаг за границей, с платежом в рублях, продаются дома иностранцам с платежом за границей и внесением валюты в иностранные банки и т. д.»³.

Эту тему Озеров развивает позднее в своих воспоминаниях, подчеркивая: «Буржуазия наша умела только исподтишка фрондировать да выступать против масс, а тут спряталась в кусты да начала скупать валюту, а ее было достаточно на рынке, продавались чеки и какой-то организацией по обмену военнопленных, чеки на иностранные банки, а затем она изымала свои деньги из банков, выдавая чеки разным предприятиям якобы в оплату зарплат и по таким чекам деньги выдавались: организации эти за эти услуги брали тогда, сколько я помню, 10–15%»⁴.

Для того, чтобы справиться с поставленными революцией задачами, по мнению Озерова, «нужны люди с широким кругозором и богатой фантазией, но в то же время люди холодного расчета и коммерческой складки, люди сильной инициативы, могущие заражать своим священным огнем окружающих себя. Наше единственное спасение в развитии частной инициати-

¹ Озеров И. Х. Над бездной. С. 9.

² Там же. С. 13.

³ Там же. С. 11.

⁴ РНБ ОР. Ф. 541. Д. 4. Л. 9.

вы, а мы убиваем у нас ее живые побеги»¹. В качестве примера достижения социального мира Озеров рассматривает деятельность американских предпринимателей, которые охотно идут навстречу трудящимся, предоставляя часть акций в распоряжение служащих и рабочих. Он отмечает: «Рабочие, являясь акционерами предприятия, стремятся поднять производительность своего труда. Это их заинтересовывает кровно в успешности производства и создает среди них атмосферу, благоприятную для промышленности», а самое главное — «уничтожает ту пропасть, которая существует у нас между представителями капитала и труда», поскольку «при приобщении рабочих к участию в капитале предприятия это перебрасывает мост между капиталом и трудом»².

Идею координации интересов предпринимателей и широких масс населения Озеров высказывал еще в 1915 г. Важным шагом на этом пути, по его мнению, должна была стать «демократизация промышленных ценностей», т. е. снижение номинальной цены акций³.

Средняя цена акций в России составляла 250–500 рублей, что делало ее недоступной для рядовых служащих и рабочих акционерно-паевых предприятий, однако снижение ее хотя бы до 100 рублей и ниже делало ее более выгодной для приобретения. В качестве первого шага к установлению социального мира Озеров приводит пример Восточного общества товарных складов, которое разбило сторублевую акцию на более мелкую 25-рублевую. В этом, по его мнению, «сказывается здравый смысл американского предпринимателя, который хочет спать в одно целое служащих и рабочих предприятий». Поэтому Озеров призывает трудящихся приобретать акции: «Это они могут сделать именно в настоящее время, когда заработная плата сильно повышена и, следовательно, часть ее они могут обратить на указанную цель. И это выгодно во всех отношениях для наших рабочих в настоящее время: рубль падает

¹ Озеров И. Х. Над бездной. С. 11.

² Озеров И. Х. Куда мы идем? С. 11–12.

³ Озеров И. Х. На новый путь! К экономическому освобождению России. М.: М. Богуславский, 1915. С. 86–87.

в цене, а фабрики и заводы (машины и их оборудование) должны увеличиваться в цене и, следовательно, акция, которая теперь стоит 100 рублей, должна будет стоить в будущем значительно больше, когда окончится наша экономическая разлука и жизнь войдет в нормальную колею»¹.

О подъеме производительных сил страны, как единственном выходе из финансового и экономического кризиса, Озеров пишет в статье, хотя и не вошедшей в данную серию, но напечатанную также в рассматриваемый период в газете «Вестник Петроградского общества заводчиков и фабрикантов» 21 сентября 1917 г. под характерным названием «Единственный путь». В данной статье он развивает мысль о том, что «нам надо вступить на путь экономического творчества, иначе экономическое и финансовое банкротство неизбежно».

И далее: «Надо вступить на путь свободного трестирования промышленности, для этого необходимо трестировать банки коммерческого кредита. Надо слить крупнейшие кредитные учреждения в один трест. В наших банках столько разного рода промышленных предприятий, что тогда откроется обширная арена для творчества. Тогда легко будет объединить металлургическую промышленность и распределить работу между входящими в состав ее предприятиями.

Мы должны вступить на этот американский путь, ведь мы во многом напоминаем Америку — и нашей огромной территорией и нашими естественными богатствами, и этот путь нам предрекается. Такая организация будет иметь огромное влияние и на политическую жизнь страны: с экономическим подъемом, с расцветом нашей промышленности и завоевания революции сделаются у нас действительно прочными, так как экономически слабому населению свободу в своих руках не удержать. Мы должны понять, что в развитии и в новой постановке нашей промышленности — наше спасение, а это лучше всего может быть проведено через трестирование банков, которые часть нашей промышленности уже держат в своих руках»².

¹ Озеров И. Х. Куда мы идем? С. 12.

² РНБ ОР. Ф. 541. Д. 86. Л. 1.

Подводя итог, необходимо заметить, что Озеров в целом достаточно объективно оценивал ситуацию, сложившуюся в России к лету-осени 1917 г. Однако его призывы к обществу и рекомендации Временному правительству оказались не востребованы.

Призыв к трудящимся «спуститься на землю» и «сделаться собственниками тех предприятий, в которых они работают»¹, так и остался без ответа. Более того, этот призыв был воспринят трудящимися своеобразно. В начале октября 1917 г. на особом совещании по обороне рассматривался вопрос о финансовом положении Путиловского завода, одного из ведущих предприятий не только Петрограда, но и страны в целом. Выяснилось, что завод этот не столько работает на оборону, сколько является, по сути, благотворительным учреждением. Общая задолженность завода казне превышает 200 млн рублей. Производство на заводе пошло на убыль. Тем не менее число рабочих с 26 тыс. (1916 г.) возросло до 31 тыс. Правление лишено возможности препятствовать приему новых рабочих, так как этим ведают рабочие организации. Лишних рабочих оказывается свыше 11 тыс. Между тем заработная плата выросла в среднем до 10 рублей. Ежемесячный расход казны в связи с этим составляет 1,250 млн рублей, или 15 млн в год².

Таким образом, вместо покупки акций своих предприятий, трудящиеся, по сути, занялись их разграблением. Также осталось без ответа и обращение Озерова к правительству, в котором он подчеркивал: «... чтобы управлять Россией, чтобы вывести ее из того тупика, в котором она находится, нужно прежде всего быть выше толпы»³.

Временное правительство оказалось не способным справиться с поставленными перед ним задачами и было сметено в октябре 1917 г. более радикальными партиями, выдвинувшими лозунги, понятные и близкие массам и двинувшие развитие революции к ее апогею.

¹ Озеров И.Х. Куда мы идем? С. 13.

² Биржа. 1917. № 24 (2 октября). С. 2.

³ Озеров И.Х. Разгром нашей экономической жизни. С. 16.

Что касается самого Озерова, то после октября 1917 г., в отличие от многих русских банкиров и предпринимателей, он не последовал в эмиграцию и остался в России, где продолжал научную деятельность, в частности разрабатывал концепцию создания сельскохозяйственного банка, исследовал финансовые проблемы внутренней и внешней торговли, изучал вопросы научной организации труда, преподавал в вузах. Был репрессирован в 1930 г., но амнистирован в 1936 г. Умер Озеров в Ленинграде в доме престарелых ученых во время блокады. Похоронен на Пискаревском кладбище.

Приложения

Базаров (Руднев) Владимир Александрович (27.07(08.08). 1874–16.09.1939) — российский экономист. Родился в Туле, в семье врача¹. По свидетельству внука Е. А. Руднева, происхождение псевдонима Базаров связано с главным героем романа И. С. Тургенева «Отцы и дети» — Евгением Базаровым, которого отличала независимость суждений и отсутствие преклонения перед авторитетами. В тульской гимназии Базаров учился вместе с А. А. Малиновским, впоследствии известным под псевдонимом Богданов. После окончания гимназии они оба поступили на естественное отделение физико-математического факультета Московского университета. За участие в студенческом революционном движении оба были высланы в Тулу. По окончании срока высылки в 1900 г. Базаров уехал в Германию, где в течение двух семестров занимался на философском факультете Берлинского университета. Вскоре после возвращения в Россию, осенью 1901 г. был арестован и сослан в Сибирь. Срок ссылки истек в начале 1905 г., Базаров вернулся в Петербург, примкнул к большевикам; уже в мае 1905 г. вновь арестован, но затем амнистирован. В апреле участвовал в Стокгольмском съезде РСДРП (под псевдонимом Матвеев).

В 1907–1909 гг. вместе с И. Скворцовым-Степановым перевел три тома «Капитала» К. Маркса. В 1911 г. вновь арестован и выслан в Астраханскую губернию, вернулся из ссылки незадолго до начала Первой мировой войны. После Февральской революции вошел в редакцию «Известий» Петроградского совета рабочих, с апреля — член редакции газеты «Новая жизнь», в ней он работал до закрытия газеты советской властью летом 1918 г. За неделю до Октябрьской революции Базаров стал одним из основателей организации объединенных социал-демократов интернационалистов.

После закрытия «Новой жизни» Базаров покидает Петроград. Сначала он едет в Крым, затем, в декабре 1918 г., переез-

¹ Подробнее о биографии и взглядах В. А. Базарова см.: *Белых А. А., Мау В. А.* Безответственный критик в пределах цензурных возможностей // Базаров В. А. Избранные произведения: В 2 т. М.: ИД «Дело», 2014. Т. 1. С. 13–89.

жает в Харьков, где в 1919 г. становится одним из редакторов издававшегося меньшевиками журнала «Мысль». В этот период он резко критикует политику большевиков. После захвата Харькова войсками белой армии в июне 1919 г. Базаров уезжает в Крым, живет в Ялте. После занятия Крыма Красной армией весной 1920 г. Базаров находился под домашним арестом. Только после того, как 25 января 1921 г. Горький сообщил об этом Ленину, поступило распоряжение об освобождении Базарова, и он с семьей был приглашен в Москву.

С 1 мая 1921 г. Базаров начал работать в Госплане, стал одним из редакторов журналов «Плановое хозяйство» и «Экономическое обозрение». 1920-е гг. — время расцвета Базарова как экономиста, его главные научные достижения появились именно в этот период. Но успешная и плодотворная работа была прервана. С 1927 г. в прессе стали появляться статьи, в которых концепции Базарова подвергались резкой критике, а 28 июля 1930 г. последовал арест по обвинению в участии в контрреволюционной организации «Союзное бюро ЦК РСДРП (меньшевиков)», якобы стремившейся к организации интервенции и свержению советской власти.

На допросах Базаров держался мужественно, готовности помогать следствию в организации процесса над никогда не существовавшей организацией не проявил. Времена, по выражению А. Ахматовой, были еще сравнительно «вегетарианские» — в начале 1932 г. Базарова выпустили из тюрьмы, он смог заниматься переводами. Но в многочисленных советских изданиях «Капитала» его имя как переводчика с тех пор не упоминалось. Он перевел книгу И. П. Эккермана «Разговоры с Гете»¹, но в качестве переводчика была указана его жена, Е. Т. Руднева. В мае 1935 г. Базарову разрешили вернуться в Москву. К этому времени здоровье Базарова ухудшилось, в течение многих лет он болел бронхиальной астмой. В сентябре 1939 г. Базаров заболел воспалением легких и скончался 16 сентября 1939 г. Место его захоронения неизвестно.

А. А. Белых

¹ Эккерман И. П. Разговоры с Гете в последние годы его жизни. М. — Л.: Academia, 1934.

Билимович Александр Дмитриевич (25.05(06.06).1876–21.12.1963) — российский экономист. Родился в Житомире в семье военного врача. Закончил в 1900 г. юридический факультет Киевского университета с отличием, продолжил учебу в Германии, в Гейдельбергском и Берлинском университетах. Вернувшись в Россию, становится приват-доцентом Киевского университета, где в 1909 г. успешно защищает магистерскую диссертацию и получает должность профессора. Докторская диссертация защищена в 1915 г. в Санкт-Петербурге, главным оппонентом был П. Б. Струве. А. Д. Билимович возглавлял кафедру политической экономии и статистики Киевского университета, являясь одновременно деканом юридического факультета этого же университета вплоть до конца 1918 г. К началу революции А. Д. Билимович — лидер киевской экономической школы, автор нескольких монографий, посвященных экономике сельского хозяйства, финансов и транспорта. По своим социально-политическим воззрениям он являлся либеральным консерватором. До революции состоял членом Киевского клуба националистов, поддерживал проведение столыпинской реформы.

В 1918 г. после падения гетманского Киева Билимович отправился на юг, где в то время формировалось и набирало силу белое движение. Был привлечен к ответственной работе так называемого «Особого совещания» при главнокомандующем Вооруженными силами Юга России генерале А. И. Деникине. Вскоре становится главой Управления земледелия и землеустройства, фактически возглавив пост министра сельского хозяйства Белого Юга. Изначально Билимович, являясь правоцентристом, стремился сохранить помещичье землевладение. Но повседневная работа в земельной комиссии Деникина, вникание в нужды крестьянства быстро убедили Билимовича в невозможности спасти в целом экономику помещичьих хозяйств, и он заявил: «...после величайшей смуты, пережитой в годы революции, значительная часть крупного землевладения должна быть быстро передвинута в руки мелких и средних хозяев-крестьян... с применением принудительного отчуждения земли...»¹

¹ Билимович А. Д. Революция, большевики и хозяйство России. Ростов-на-Дону: б. и., 1919. С. 20.

В результате под редакцией Билимовича был разработан новый аграрный законопроект (фактически уже левоцентристский), осуществление которого предполагалось начать сразу после захвата белой армией Москвы. Для укрепления законности ведомство Билимовича готовило свой законопроект совместно с управлением юстиции, возглавлявшимся В. Н. Челищевым, отчего законопроект в итоге получил имя Билимовича — Челищева. А. И. Деникин высоко ценил проделанную Билимовичем работу, в своих очерках оставив о нем такое мнение: «Проект Билимовича — Челищева... представлял попытку проведения грандиозной социальной реформы и, если бы был осуществлен до войны и революции, в порядке эволюционном, законным актом монарха, стал бы началом новой эры, без сомнения, предотвратил бы революцию, обеспечил бы победу и мир и избавил бы страну от небывалого разорения. Но с тех пор маятник народных движений качнулся далеко в сторону, и новый закон не мог бы уже оказать никакого влияния на события и, во всяком случае, как орудие борьбы был бы совершенно непригоден»¹.

К концу 1919 г. фронты белых стремительно и безвозвратно покатались вспять. Исследователь истории белых аграрных реформ В. Цветков так описывает судьбу Билимовича и его ведомства во время развала и катастрофы белого лагеря:

В декабре 1919 г. с роспуском Особого совещания Управление земледелия и землеустройства А. Д. Билимовича потеряло свой правительственный статус. Во время спешной эвакуации белых из Ростова пропали архивы и все имущество управления.

Билимович навсегда оставил политическую деятельность, вновь обратившись к науке, он в феврале 1920 г. уезжает в Югославию, где работает профессором политэкономии Люблянского университета. В 1944 г. переехал в Германию. После окончания войны в Мюнхене осенью 1945 г. Билимович становится деканом экономического и юридического факультета университета для русских эмигрантов, проработав там до его закрытия в 1947 г.

¹ Деникин А. И. Очерки русской смуты. Книга 3. Т. 4. М.: АЙРИС-ПРЕСС, 2005. С. 334.

В 1948 г. Билимович приглашен в США, в Калифорнийский университет в Беркли в Институт славяноведения. Вскоре выйдя на пенсию, Билимович до конца своей жизни занимался плодотворной исследовательской работой, оставался непримиримым критиком советского коммунистического строя.

Изучая революцию и советскую экономику, системно критикуя экономическую неэффективность и политическую ущербность социалистического строя, Билимович постоянно задавался вопросами возможного будущего России после падения в ней коммунистического режима. В 1919, 1922, 1936, 1960 гг. он публиковал специальные исследования, посвященные анализу советского хозяйства, сопровождая их прогнозами неизбежной гибели советского социализма и приходом ему на смену возможных альтернатив.

А. М. Никулин

Богданов (Малиновский) Александр Александрович (10(22).08.1873–07.04.1928)— российский революционный деятель, ученый-энциклопедист, литератор. Разночинец, по образованию врач (в 1899 г. окончил медицинский факультет Харьковского университета). С 1895 г.— организатор сети рабочих кружков в Туле, из лекций в которых сложился «Краткий курс экономический науки» (1897; 9-е изд.— 1906 г.; 10-е изд.— 1920 г.), выдвинувший автора в число виднейших идеологов РСДРП. Организатор группы содействия газете «Искра» среди политических ссыльных Вологды (1900–1903); в 1904–1909 гг.— признанный «вице-лидер» большевизма; фактический организатор III съезда РСДРП (1905), представитель ее ЦК в петербургском Совете рабочих и солдатских депутатов, руководитель (вместе с Л. Красиным) военно-технической группы большевиков и соредактор их первой легальной газеты. Одновременно разрабатывал собственную философскую систему— эмпириомонизм, за «неортодоксальность» которой был обвинен сначала Плехановым, а затем Лениным в «идеализме» и «ревизионизме» («махизме»); из-за склоки с Лениным по тактическим и партийно-кассовым вопросам был выведен из фракции большевиков и из ЦК РСДРП (1910). Автор хрестоматийной социалистической утопии «Красная звезда» (1908) и фантастическо-

го романа «Инженер Мэнни» (1912). Один из организаторов «высших социал-демократических пропагандистских школ» для русских рабочих-революционеров на о. Капри (1910) и в Болонье (1911). Основатель литературной группы «Вперед», из которой, однако, вышел в 1912 г., после чего сосредоточился на пропаганде создания «пролетарской культуры» («Культурные задачи нашего времени», 1911) и разработке общей теории систем («Тектология: всеобщая организационная наука», 1913–1922) и общей теории идеологий («Наука об общественном сознании», 1914). С 1915 г. занимался врачебной практикой в Москве; в 1916 г. (статьи в журнале «Летопись») обосновал концепцию «мирового военного кризиса», обусловленного системными противоречиями капитализма. В 1917 г. — критик «максимализма» большевиков; отказался вернуться в партию, несмотря на посулы «любого поста» в Наркомате просвещения; в книге «Вопросы социализма» (опубликованной в начале 1918 г.) и статьях «Судьбы рабочей партии в нынешней революции» («Новая жизнь», 26 и 27 янв. (8 и 9 февр.) 1918 г.) вводил понятие «военного коммунизма», критиковал такую политику Ленина — Троцкого; и одновременно первым в России указал на угрозу атомного самоуничтожения «раздробленного человечества». В 1918–1920 гг. читал лекции по марксистской политэкономии в МГУ и Академии РККА; был главной фигурой (хотя и не руководителем) Пролеткульта. После разгрома в 1920 г. Пролеткульта Лениным и Зиновьевым был подвергнут политической и «диалектико-материалистической» обструкции, однако остался членом Социалистической академии. Был главным докладчиком на первой Всероссийской инициативной конференции по научной организации труда и производства (янв. 1921 г.), экспертом по подготовке делегации советской России к Генуэзской международной конференции по экономическим и финансовым вопросам (весна 1922 г.). Осень 1923 г. провел под арестом в ГПУ по делу организации «Рабочая Правда», участники которой без его ведома использовали его отдельные выводы и термины для составления антисоветской платформы. Автор автоаллегорической поэмы «Марсиянин, заброшенный на Землю» (1920, опубликована в 1924); в 1924 г. принимал участие в организации советского Общества между-

планетных сообщений. Оказал влияние на ведущих теоретиков Госплана СССР, занявших в советских дебатах о методах и темпах индустриализации противоположные позиции «генетиков» (В. А. Базаров, В. Г. Громан) и «телеологов» (С. Г. Струмилин). С середины 1920-х гг. сосредоточился на научных исследованиях в области трансфузиологии; при поддержке Н. И. Бухарина и И. В. Сталина организовал в Москве первый в мире Институт переливания крови (1926), подвел итоги первого года работы Института в книге «Борьба за жизнеспособность» (1927). Погиб на посту первого директора Института переливания крови при проведении на себе медицинского опыта. Незадолго до смерти написал развернутые тезисы «Линии культуры XIX и XX века» (опубликованы в 1992 г.) — важное «потерянное звено» в марксистской социологии.

Г. Д. Гловели

Бруцкус Борис (Бэр) Давидович (03(15).10.1874–07.12.1938) — экономист-аграрник, историк народного хозяйства и критик социализма, работы которого с конца 1920-х гг. находились в СССР под запретом и были заново открыты для российских читателей в самом конце 1980-х гг.

Б. Д. Бруцкус родился в местечке Паланген Курляндской губернии (ныне г. Паланга, Литва) в семье предпринимателя. Окончил гимназию в Москве с золотой медалью (1891). В 1892–1894 гг. учился на медицинском факультете Варшавского университета, затем перешел в Ново-Александровский институт сельского хозяйства и лесоводства (ныне г. Пулавы, Польша), который окончил в 1898 г. с золотой медалью за дипломную работу по физиологии.

В 1899–1908 гг. работал агрономом при центральном комитете Еврейского колонизационного общества — международной организации, имевшей свое отделение в Петербурге. В 1908–1917 гг. служил в страховых компаниях: «Российском транспортном страховом обществе», затем в страховом обществе «Россия». Параллельно с 1907 г. преподавал в тогда же созданном в Петербурге негосударственном высшем учебном заведении — на Каменноостровских высших сельскохозяйственных курсах, читая лекции по «экономии и организации хозяйства,

аграрной политике и истории сельского хозяйства»¹. После преобразования в 1918 г. Каменноостровских курсов в Сельскохозяйственную академию, а затем в Петроградский сельскохозяйственный институт, Бруцкус до 1922 г. состоял профессором этих учебных заведений, а также преподавал в ряде других вузов, возникших после революции.

По своим взглядам на экономику сельского хозяйства примыкал к «организационно-производственной школе». Во взглядах на аграрную политику в годы столыпинской реформы эволюционировал в сторону либерализма, признав прогрессивное значение частной собственности на землю для крестьян. В 1917 г. выступал в печати против проектов социализации и национализации земли, против сохранения крестьянской общины. В годы «военного коммунизма» пришел к выводу о невозможности построения эффективной экономики на принципах социалистического учения.

В 1922 г. опубликовал цикл статей «Социалистическое хозяйство» в журнале «Экономист» с критикой идеологии и практики социализма, после чего журнал был закрыт, Бруцкус был арестован ОГПУ и в ноябре того же года выслан из советской России как враг советской власти.

До 1935 г. жил в Берлине, работал профессором Русского научного института, созданного учеными-эмигрантами. Продолжал критически анализировать положение народного хозяйства СССР в годы НЭПа и первой пятилетки, публикуясь на русском, немецком и английском языках. В 1935 г. Бруцкус издает книгу «Экономическое планирование в советской России», на немецком и английском языках, причем предисловие к английскому изданию написал Ф. Хайек. Книга состояла из двух частей. Первая часть представляла собой работу «Социалистическое хозяйство», за публикацию которой Бруцкуса выслали из России в 1922 г., но с некоторыми добавлениями к ее журнальному варианту. Вторая часть, «Результаты экономического планирования в России», была написана в первой половине 1930-х гг. в эмиграции и посвящена анализу экономического

¹ Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга. Ф. 449. Оп. 7. Д. 95. Л. 42.

развития СССР в период первой пятилетки. На русском языке она была впервые опубликована в 1995 г. в сборнике работ Бруцкуса «Советская Россия и социализм» в переводе с английского и под редакцией В. К. Кагана.

Установление в Германии гитлеровского режима вынудило Бруцкуса переехать в Палестину (тогда британский протекторат), где он до конца жизни преподавал в Еврейском университете в Иерусалиме.

И.А. Кузнецов

Букшпан Яков Маркович (16(28).04.1887–14.04.1939) — российский и советский экономист, специалист в области экономики промышленности¹. Родился в еврейской семье. Окончил Кишиневскую 2-ю мужскую гимназию; экономическое отделение Петербургского политехнического института со степенью кандидата (1912) после защиты выпускной работы «Мелкая промышленность России». В 1912–1914 гг. стажировался в Германии, учился в Берлинском университете. Там же защитил диссертации по экономике на степень магистра, а затем доктора по этой специальности. В Германии же познакомился со своей будущей женой — выпускницей бестужевских женских курсов Сарой Гиреевной Ахмеровой (1889–1952), татаркой по национальности, приехавшей в Германию для продолжения образования.

С началом Первой мировой войны Я. М. Букшпан с женой вернулся в Россию (свадьба их состоялась еще в Германии по татарским обычаям). В годы Первой мировой войны преподавал в Политехническом институте. В 1916–1917 гг. — редактор «Известий особого совещания по топливу». Был также статистиком-экономистом в управлении делами Особого совещания по продовольствию, редактор «Известий особого совещания по продовольствию» (1915–1927). В 1919 г. проходил по делу «Национального центра» (рукопись «Программы экономического возрождения России» находится во 2-м томе следственного дела). В 1919–1921 гг. заведовал статистическим отде-

¹ Родственных связей с М. М. Букшпаном (1896–1937), известным деятелем органов госбезопасности УССР, не имеет.

лом газеты «Экономическая жизнь». В 1921–1928 гг. возглавлял бюро мирового хозяйства ВСНХ, против создания которого на самом деле выступал еще в 1918 г. Одновременно был редактором бюллетеня «Народное хозяйство». В 1922 г. принял католичество (история последовательного обращения семьи Букшпанов в католическую веру описана Г.А. Леманом). Работал на кафедре политической экономии Санкт-Петербургского политехнического института. Печатался в «Дне», «Речи», Биржевых ведомостях, «Вестнике финансов», «Торгово-промышленной газете» и других экономических изданиях.

В 1920-е гг. занимался как экономическими, так и философскими вопросами нового мироустройства послевоенной Европы. Написал для сборника «Освальд Шпенглер и закат Европы» (1922) статью «Непреодоленный рационализм», имеющую отклики и сегодня. Единственный из авторов этого сборника не был выслан в 1922 г. из СССР на «философском пароходе» (в отличие от Н.А. Бердяева, Ф.А. Степуна, С.Л. Франка). Участвовал в деятельности Вольной академии духовной культуры, возглавлявшейся Бердяевым, был членом ее Совета. По сведениям ОГПУ, в начале 1922 г. участвовал в нелегальных собраниях в доме Н.Н. Авинова, где читали доклады С.Л. Франк и Л.Н. Литошенко, выступал одним из идейных руководителей движения монархистов (наряду с Л.Б. Кафенгаузом). Вместе с С.Л. Франком — один из членов правления издательства «Берег». Играл ключевую роль в восстановленном на короткое время Вольном экономическом обществе (ВЭО). В 1920–1922 гг. был также научным сотрудником Комиссии по исследованию и использованию опыта мировой и гражданской войны. В начале 1926 г. выступил с докладом на пленуме промышленно-экономического совета ВСНХ СССР (в числе других участников пленума был Н.Д. Кондратьев, подводил итог дискуссии Л.Д. Троцкий). В 1922 г. как основное место работы указывал — профессор Института имени К. Маркса. Был участником «Лиги наблюдателей»¹. В 1928–1930 гг. заведующий экономическим отделом Всесоюзной торговой палаты. В 1929 г. выпустил свой итоговый классический труд «Военно-хозяйственная политика.

¹ См. статью Н.В. Валентинова на с. 255–287 настоящего издания.

Формы и органы регулирования народного хозяйства за время мировой войны 1914–1918 гг.» (М.–Л.: Госиздат).

Арестован 16 августа 1930 г. по делу «Трудовой крестьянской партии». Приговорен к трем годам исправительно-трудовых лагерей Коллегией ОГПУ 30 мая 1931 г. (обвинение по статье 58, п. п. 4, 7, 11). Постановлением Коллегии ОГПУ от 2 сентября 1932 г. Букшпан был досрочно освобожден (апрель 1932) и получил разрешение на свободное проживание на территории СССР. В 1932–1935 гг. был ответственным экономистом Наркомснаба, затем консультантом Нефтепроекта. Одновременно продолжал вести преподавательскую работу: в 1920–1922 гг. — в Иваново-Вознесенском политехническом институте, в 1922–1930 гг. — в Московском университете и Военно-хозяйственной академии, с 1932 г. заведовал кафедрой экономики промышленности Академии пищевой промышленности им. И. В. Сталина. Профессор. Вновь арестован 15 сентября 1938 г. по обвинению в участии в контрреволюционной организации и шпионаже («агент германской и английской разведок») и приговорен к расстрелу 13 апреля 1939 г. Расстрелян 14 апреля 1939 г. и похоронен в общей могиле в пос. Коммунарка (бывшая дача Г. Ягоды). Реабилитирован посмертно 28 марта 1956 г. Верховным судом СССР.

Я. М. Букшпан — автор нескольких книг по проблемам мирового хозяйства, внешней торговли и военно-хозяйственной политики. Ряд произведений до сих пор не издан.

П. Н. Клюкин

Валентинов (Вольский) Николай Владиславович (7(19).05.1880–26.07.1964) — российский политический деятель, публицист, экономист. Родился в Моршанске, из дворян. В Моршанске закончил реальное училище, затем учился в Петербурге, в Горном и Технологическом институтах (1897–1898), за революционную деятельность был арестован, сослан в Уфу (до 1900 г.) В 1900–1901 гг. учился в Киевском политехническом институте. В 1901 г. снова арестован за участие в демонстрации и провел полгода в Бутырской тюрьме. После освобождения вернулся в Киев и в 1902–1903 гг. работал в «Киевской газете». В 1903 г. разделял взгляды большевиков. В конце года был выпущен и уе-

хал в Женеву, где поначалу сблизился с В. И. Лениным. Затем разошелся с ним, как в связи с разногласиями по философским проблемам, так и в результате негативного отношения к ленинским методам руководства большевистской фракцией.

В области философии Валентинов доказывал необходимость дополнения марксизма эмпириокритицизмом, идеями Э. Маха и Р. Авенариуса, в политике перешел к меньшевикам. Вернулся в Россию, в 1904–1905 гг. жил в Харькове, затем в Москве. После подавления революции 1905 г. перешел на позиции ликвидаторства. В 1911–1913 гг. был фактическим редактором газеты «Русское слово». В время Первой мировой войны в 1916 г. стал сторонником заключения сепаратного мира с Германией, после Февральской революции вышел из РСДРП.

Октябрьскую революцию Валентинов не принял, политику военного коммунизма считал надуманной, губительной для экономики страны. Переход к НЭПу воспринял как возврат к нормальной экономической жизни, начал сотрудничать с советской властью. В 1922–1928 гг. работал заместителем ответственного редактора органа ВСНХ «Торгово-промышленная газета». В 1928 г. при содействии Г. Л. Пятакова был командирован в Париж и до 1930 г. был редактором органа советского торгового представительства в Париже «La Vie Économique des Soviets» (Экономическая жизнь Советов). Но в СССР, как писал Валентинов, началась «эпоха раскулачивания, террора, голода, холода». Это вынудило его в 1930 г. стать эмигрантом.

Жил в Париже, публиковался в эмигрантских и западных журналах и газетах: «Современные записки», «Новая Россия», «Русские записки», «Последние новости», в журналах «Народная правда», «На рубеже», «Новый журнал», «Социалистический вестник», «Новая Россия», «Мосты», «Возрождение», «Русская мысль» и «Новое русское слово».

Опубликовал ряд книг, содержащих ценную информацию о Ленине, об истории политики и экономики СССР: «Встречи с Лениным», «НЭП и кризис партии после смерти Ленина», «Малознакомый Ленин».

Архив Валентинова хранится в Гуверовском институте войны, мира и революции.

А. А. Бельх

Кафенгауз Лев (Леон) Борисович (29.10(11.11).1885–04.07.1940) — российский и советский экономист, специалист в области экономики промышленности, один из основателей этой особой научной и учебной дисциплины. Брат известного историка Б. Б. Кафенгауза (1894–1969). Из еврейской семьи. Окончил 10-ю Московскую гимназию (1905) и юридический факультет Московского университета (1910). Ученик профессора и политикозаконома И. М. Гольдштейна (1868–1939), участник его семинаров по экономической политике. Еще в юности увлекался марксизмом, примкнул к марксистскому кружку учащихся (1904), в 1905–1906 гг. был пропагандистом Московской большевистской организации. В 1905 г. участвовал в Декабрьском восстании в Москве, был арестован, но в 1906 г. освобожден под надзором полиции. С 1906 г. примыкал к меньшевикам. В 1911 г. был уволен из университета в связи с «делом Кассо». В 1911–1914 гг. работал в статистическом отделе Московской городской управы, был одним из составителей Статистического сборника г. Москвы (1913). С 1911 г. работал в Московском коммерческом институте (сегодня РЭУ им. Г. В. Плеханова), вел практикумы по истории промышленности. В 1915–1917 гг. заведовал статистикой в Московском управлении уполномоченного по топливу. В 1911–1917 гг. работал в газете «Русские ведомости».

После Февральской революции 1917 г. вступил в Московскую организацию меньшевистской партии, вошел в редакцию газеты «Власть народа». Летом 1917 г. был избран гласным Городской думы по меньшевистскому списку, но вскоре уехал в Петроград. Товарищ министра промышленности и торговли в последнем составе Временного правительства (работал под началом кадета А. И. Коновалова). После октября 1917 г. вышел из состава меньшевистской организации, но критиковал события октября и проекты В. И. Ленина. Вернулся в Москву. В 1919 г. по просьбе руководства «Национального центра» (вместе с экономистом Я. М. Букшпаном) и «Тактического центра» (С. А. Котляревский) разрабатывал программу экономического возрождения России в случае падения советской власти.

Профессор экономического отделения МГУ (1919). Профессор кафедры описательной экономики (1921–1925) факультета общественных наук. Профессор кафедры политической экономии

факультета советского права/советского строительства и права (1925–1930). Читал курсы «Экономика промышленности», «Статистика», «Мировое хозяйство и международная торговая политика». В 1920 г. был арестован органами ВЧК по делу «Тактического центра». Одновременно в 1919–1930 гг. в ВСНХ, с 1923 г. заведовал центральным отделом статистики. Организатор выпуска восьми статистических ежегодников «Промышленность СССР» (1921–1928), ежемесячного бюллетеня ВСНХ (1923–1930). В 1922–1927 гг. был участником «Лиги наблюдателей»¹. Сотрудник газеты ВСНХ и «Торгово-промышленной газеты», председатель тарифно-таможенного совещания Совнаркома. Работал также в структуре РАНИОН. В 1926 г. полгода провел в Париже как эксперт по долгам Российской империи. Вместе с известным статистиком с В.Е. Варзаром опубликовал три тома издания «Динамика российской и советской промышленности с 1887 по 1926 гг.».

В августе 1930 г. арестован и осужден по делу «Союзного бюро РСДРП(м)» на три года, выслан в Уфу, где работал в местном отделении ЦУНХУ и НИИ. В декабре 1932 г. вернулся в Москву, в 1933 г. читал лекции в Промышленно-экономическом институте им. С. Орджоникидзе, в 1934–1937 гг. заведовал кафедрой экономики и организации черной металлургии в Московском институте стали и сплавов (сначала кафедра «Экономика и организация производства», затем с 1936 г. кафедра «Экономика черной металлургии»). Старший научный сотрудник Института экономики АН СССР (1937–1940), заместитель главного редактора «Технической энциклопедии». В 1930-е гг. проводил также исследования в области производства и потребления черных металлов в СССР. Автор одного из первых исследований монополизации российской промышленности. Репрессирован, в Бутырской тюрьме продолжал писать статьи по истории российской промышленности (т. н. «Бутырские тетради»). Умер после продолжительной болезни. Похоронен на Введенском кладбище. Реабилитирован 16 июля 1987 г.

П.Н. Клюкин

¹ См. статью Н.В. Валентинова на с. 255–287 настоящего издания.

Кондратьев Николай Дмитриевич (04(16).03.1892–17.09.1938) — выдающийся российский экономист первой половины XX века, активный участник революции 1917 г., деятель советского правительства 1920-х гг., уничтоженный в ходе сталинских репрессий.

Он родился в крестьянской семье в дер. Галуевской Кинешемского уезда Костромской губернии (ныне Ивановской области). Кинешемский уезд был неземледельческим, многие крестьяне получали основной доход от промыслов и работы на фабриках, в частности, отец Кондратьева работал гравёром на ткацкой фабрике. Н. Д. Кондратьев окончил две ступени церковно-приходской школы (1900–1905), затем начал учёбу в церковно-учительской семинарии в селе Хреново, однако, вступив во время начавшейся революции в партию социалистов-революционеров, участвовал в организации рабочей забастовки, дважды арестовывался полицией и после нескольких месяцев заключения в 1906 г. был отчислен из семинарии. Поступил в Уманское училище земледелия и садоводства (Киевская губерния), откуда в 1907 г. также был вынужден уйти из-за своей нелегальной политической агитации среди учащихся. Затем жил в Петербурге, учился на вечерних общеобразовательных курсах А. С. Черняева, продолжая нелегальную революционную работу в политических кружках. В 1911 г. экстерном сдал экзамены в Костромской гимназии и поступил в Петербургский университет. Учился на экономическом отделении юридического факультета, защитив в 1915 г. в качестве дипломной работы свою монографию «Развитие хозяйства Кинешемского земства». От службы в армии был освобожден «по зрению». С 1915 г. оставлен при университете для сдачи магистерских экзаменов и подготовки диссертации. С этого же года Кондратьев участвовал в работе Петроградского комитета Всероссийского земского союза помощи больным и раненым воинам — неправительственного объединения земских деятелей, взявшего на себя не только помощь раненым, но и организацию снабжения армии одеждой, обувью, а затем и вооружением, по мере того как царское правительство не справлялось с этими задачами. Там он, как заведующий статистико-экономическим отделом Петроградского комитета, начал разрабатывать вопросы продовольственного снабжения.

Во время Февральской революции 1917 г. Н. Д. Кондратьев вместе с другими активистами левых партий участвовал в создании Петроградского совета, был деятелем различных советских органов, а с лета, когда социалисты вошли в правительство, — работал в органах Временного правительства. От партии эсеров избирался членом Костромского губернского совета крестьянских депутатов, делегатом I Всероссийского съезда советов крестьянских депутатов и членом исполкома съезда. Был заместителем председателя Государственной продовольственной комиссии, летом вошел в Совет Главного земельного комитета, стал членом Экономического совета при Временном правительстве, членом и товарищем председателя Общегосударственного продовольственного комитета. Входил в Лигу аграрных реформ. В августе участвовал в Государственном совещании, был назначен личным секретарем (помощником) премьер-министра А. Ф. Керенского по вопросам сельского хозяйства. В дни «корниловского мятежа» входил в состав Комитета народной борьбы с контрреволюцией. Затем был делегатом Демократического совещания, на котором его избрали членом Совета Республики (предпарламента). 7 октября в последнем составе Временного правительства занял должность товарища (заместителя) министра продовольствия. После большевистского переворота 25 октября продолжал руководить министерством, не признавая власти Совета народных комиссаров, вплоть до ареста 26 ноября. Затем был избран депутатом Учредительного собрания от Костромской губернии по списку партии эсеров. 7 января 1918 г. участвовал в открытии Учредительного собрания, после роспуска которого отошел от активной политики.

В годы гражданской войны Н. Д. Кондратьев углубился в научно-преподавательскую работу. Жил в Москве, сдал магистерские экзамены при Московском университете (1919), что по дореволюционным законам давало право читать лекции в вузах. Преподавал в Народном университете им. Шанявского и Кооперативном институте. С 1919 г. начал работать под руководством А. В. Чаянова в Высшей семинарии сельскохозяйственной экономики и политики при Петровской сельскохозяйственной академии, ставшей вскоре Научно-исследовательским инсти-

тутом (НИИСХЭ). В 1920 г. Кондратьев создал на экономическом факультете Петровской (Тимирязевской) академии кафедру сельскохозяйственных рынков, а при НИИСХЭ основал Бюро по изучению народнохозяйственных конъюнктур, которое затем выделилось в самостоятельный Конъюнктурный институт, вошедший с 1923 г. в структуру Наркомата финансов СССР. Кондратьев был директором Конъюнктурного института до 1928 г. Помимо разнообразной текущей работы, здесь он провел свое исследование, позволившее эмпирическим путем выявить большие циклы конъюнктуры («волны Кондратьева»); эта работа принесла ему мировую известность и посмертную славу. Параллельно в 1920-е гг. он работал в Наркомате земледелия РСФСР, состоял членом его Плановой комиссии (Земплана) и фактически руководил составлением первого плана развития сельского хозяйства страны на 1923/24–1927/28 гг. (так называемая пятилетка Кондратьева).

Еще в 1918 г. Кондратьев в эсеровской печати выступал с резкой критикой экономической политики большевистского правительства, но в 1919 г. вышел из партии эсеров и далее воздерживался от выступлений на политические темы. Тем не менее в августе 1920 г. он арестовывался ВЧК по делу «Тактического центра», был приговорен к расстрелу, замененному концлагерем, но вскоре амнистирован. В ноябре 1922 г. намечался органами ОГПУ к высылке из советской России как антисоветский элемент, но был оставлен по ходатайству руководителей Наркомзема. В 1927 г. Кондратьев выступил с критикой проекта плана первой пятилетки, подготовленного Госпланом СССР. С этого времени он подвергался резким идеологическим нападкам в партийной коммунистической печати, его заклеймили буржуазным экономистом и идеологом кулачества, его имя стало нарицательным для обозначения враждебных настроений («кондратьевщина»). В июне 1930 г. он был арестован ОГПУ по делу так называемой Трудовой крестьянской партии, в закрытом процессе приговорен к восьми годам тюрьмы, которые отбывал в Суздальском политизоляторе. В тюрьме писал монографию «Основные проблемы экономической статистики и динамики», в 1935 г. практически ослеп. В 1937 г. по новым обвинениям в антисоветской деятельности приговорен Воен-

ной коллегией Верховного суда СССР к расстрелу, расстрелян на полигоне «Коммунарка». В 1963 г. посмертно реабилитирован по второму приговору, в 1987 г.—и по первому «за отсутствием состава преступления».

С 1929 по 1987 г. работы Кондратьева в СССР не издавались, ранее изданные хранились в спецхранах библиотек и не изучались. С 1989 г. все основные его труды переизданы в России и введены в научный оборот. Н.Д. Кондратьев признан классиком российской и мировой экономической мысли XX века.

И.А. Кузнецов

Кулишер Иосиф Михайлович (01(13).08.1878–17.11.1933)— видный российский историк-экономист, представитель немецкой исторической школы в политической экономии. Один из крупнейших исследователей в области истории народного хозяйства Западной Европы и России в свое время. Профессор (1918). Сын адвоката и этнографа М.И. Кулишера (1847–1919). После окончания с золотой медалью гимназии Св. Анны в Санкт-Петербурге (1896) учился на юридическом факультете Санкт-Петербургского университета (закончил в 1900 г.). Испытал влияние И.Х. Озерова, П.И. Георгиевского, М.И. Туган-Барановского, Л.В. Ходского, И.И. Кауфмана, А.А. Исаева. За сочинение «О доходе на капитал» был удостоен золотой медали (расширена и опубликована в 1903 г. в одном из ведущих немецких журналов). В 1900–1903 гг. проходил научную стажировку в Берлинском (у Г. фон Шмоллера) и Венском (у австрийского последователя исторической школы К.Т. фон Инама-Штернега) университетах. Также стажировался в Галле (у И. Конрада).

После возвращения в Россию выдержал магистерский экзамен и с 1905 г. читал курс истории хозяйственного быта в Санкт-Петербургском университете. Выступал сторонником исторического метода В. Рошера и Б. Гильдебранда. Участвовал в работе над законопроектами по налоговой политике для Государственной думы. Магистр политической экономии и статистики (1908, оппоненты М.М. Ковалевский и М.И. Туган-Барановский). В одноименной книге «Эволюция прибыли с капитала в связи с развитием промышленности и торговли» (т. 1–2, 1906–1908) предложил историко-эволюционную кон-

цепцию промышленной прибыли, основанную на применении категории потребительского излишка (термин был предложен Ж. Дюпюи в 1844, разработан А. Маршаллом в 1890 г.). Считал теорию прибавочной стоимости / ценности К. Маркса справедливой только для мануфактурного периода и начального этапа развития производства, когда у рабочих не было возможностей бороться за улучшение условий жизни и труда. С ростом рабочих организаций и прогрессом средств сообщения и фондовых рынков предприниматели и потребители с конца XIX века стали, по мысли Кулишера, извлекать выгоду главным образом в виде добавочного продукта, созданного творческим трудом изобретателя. После критики теоретических основ концепции ведущими российскими экономистами-теоретиками В.К. Дмитриевым (1909) и М.И. Туган-Барановским (1909) перешел к созданию историко-хозяйственных монографий с широким охватом и тщательным отбором фактического материала, без фактических претензий на универсальную теоретическую схему. Известно, что он испытал влияние схемы эволюции мирового хозяйства К. Бюхера (1893), а свои построения создавал скорее по линии, альтернативной точке зрения В. Зомбарта. Богатство собранных сведений позволило Кулишеру скорректировать многие укоренившиеся представления об экономической истории Запада и России. В частности, ему удалось показать, что удлинение рабочего дня и вовлечение женщин и детей в производство имели место задолго до промышленного переворота, что значительная роль наделенных привилегиями иностранцев в насаждении мануфактур и принудительный труд являются особенностью не одной России (как полагали А.К. Корсак, П.Н. Милюков и др.), а Европы в целом.

В 1909–1912 гг. Кулишер состоял членом Совета Вольного экономического общества и товарищем председателя его III (экономического) отделения. За сочинение «Коммунальное обложение в Германии в его историческом развитии» был удостоен степени доктора политической экономии (Московский университет, 1915). В 1915–1917 гг. преподавал в Психоневрологическом институте, в 1930–1932 гг. в Ленинградском финансово-экономическом институте, а также других

учебных заведениях. Революция 1917 г. и последующие события не принесли в мыслительную жизнь (чего не скажешь о жизни бытовой) значительных перемен. С начала 1920-х гг. он — профессор ЛГУ. В 1921–1924 гг. возглавлял Экономический научно-исследовательский институт при Петроградском университете. Член редколлегии известного журнала «Экономист» (1922). Фундаментальные работы в области экономической истории России и Западной Европы, получившие высокую оценку М. И. Туган-Барановского, Ф. Броделя, М. Блока, Б. Д. Грекова и др., создавались им на протяжении всей жизни. Таковы, в частности, «Лекции по истории экономического быта Западной Европы» (1909, 8-е изд., под названием «История экономического быта Западной Европы», 1931; нем. пер. 1928–1929), которые считаются его основным трудом, а также «Очерк экономической истории Древней Греции» (1925), в которой подверглись методологической критике популярные в то время построения Э. Мейера и Р. Пельмана (стремились модернизировать историю). Любопытен поворот Кулишера к общим проблемам истории России и Древней Греции, который произошел в середине 1920-х гг. Скончался от болезни сердца, усугубившейся в связи с идеологическим прессингом начала 1930-х гг. в отношении неортодоксально мыслящих ученых.

Похоронен на Еврейском кладбище Санкт-Петербурга.

П. Н. Клюкин

Ленин (Ульянов) Владимир Ильич (10(22).04.1870–21.01.1924) — российский политический деятель, создатель Российской социал-демократической партии, организатор и руководитель Октябрьской революции 1917 г., первый председатель Совета народных комиссаров РСФСР.

Родился в Симбирске, в семье инспектора народных училищ Симбирской губернии И. Н. Ульянова, действительного статского советника, что давало право на потомственное дворянство. После окончания в 1887 г. гимназии поступил на юридический факультет Казанского университета. 8 мая 1887 г. старшего брата Александра казнили за участие в подготовке покушения на императора Александра III. Через три месяца после поступле-

ния в университет Ленин был исключен за участие в студенческих беспорядках и выслан в Симбирск. В 1891 г. ему было разрешено сдать экстерном экзамены на юридическом факультете Санкт-Петербургского университета.

В начале 1890-х гг. его взгляды эволюционировали от народо-довольческих к марксизму. В 1895 г. совместно с другими революционерами Ленин создает Союз борьбы за освобождение рабочего класса. В декабре 1895 г. он арестован, после содержания в тюрьме в 1897 г. выслан на три года в село Шушенское Енисейской губернии. В ссылке им написана книга «Развитие капитализма в России» и большое количество работ. В 1898 г. в Минске состоялся первый съезд Российской социал-демократической партии, вскоре после съезда все участники были арестованы. Ленин после возвращения из ссылки в 1900 г. жил в Пскове.

В 1900 г. Ленин уехал за границу. Стал одним из организаторов издания газеты «Искра», нескольких съездов партии. Во время революции 1905 г., после издания 17 октября Николаем II «Манифеста», Ленин в ноябре вернулся в С.-Петербург и продолжил революционную деятельность. В 1906 г. переехал в Финляндию, а в декабре 1907 г. эмигрировал.

Во время эмиграции Ленин жил в разных странах, занимался публицистикой, вел революционную деятельность, боролся за то, чтобы РСДРП стала партией, соответствующей его концепции. После начала Первой мировой войны выдвинул лозунг поражения России в войне и призывал превратить империалистическую войну в гражданскую.

Узнав о произошедшей Февральской революции 1917 г., отречении императора и приходе к власти Временного правительства, решил вернуться в Россию. В составе группы политэмигрантов, с разрешения правительства Германии, в специальном вагоне, вернулся в Санкт-Петербург (03(16).04.1917). В качестве политической цели партии выдвинул лозунг «Вся власть Советам!» и потребовал отказа от поддержки Временного правительства. После июльских событий в Петрограде перешел на нелегальное положение, скрывался близ Петрограда, у озера Разлив, где написал работу «Государство и революция». В книге обосновывается возможность прихода к власти и организа-

ции экономики на основе национализации промышленности, конфискации помещичьей земли и рабочего контроля над производством.

Ленин сыграл решающую роль в осуществлении Октябрьской революции и возглавил правительство— Совет народных комиссаров. Многие идеи Ленина нашли воплощение в политике военного коммунизма. Под руководством Ленина большевики смогли победить в гражданской войне и отразить иностранную интервенцию, но недовольство населения, крестьянские восстания заставили Ленина сделать крутой поворот и провозгласить новую экономическую политику (НЭП). Введение НЭПа позволило начать восстановление разрушенной экономики.

В мае 1922 г. Ленин тяжело заболел, в начале октября вернулся к работе, но в декабре болезнь обострилась, и он фактически утратил руководство партией и государством. В последних работах, которые он продиктовал, Ленин сформулировал программу дальнейшего развития страны, которая не была воплощена в жизнь.

В марте 1923 г. у Ленина произошло новое обострение болезни, лишившее его возможности работать. Он умер 24 января 1924 г.

А. А. Белых

Литошенко Лев Николаевич (13(25).02.1886–27.11.1943)— крупный российский экономист-аграрник, статистик и публицист либерального направления, павший жертвой сталинских репрессий.

Он родился в Харьковской губернии в дворянской семье. Окончил реальное училище в Харькове, затем экономическое отделение юридического факультета Московского университета (1909) и был оставлен при кафедре политической экономии. Ушел из университета в 1911 г. в группе 130 преподавателей, подавших в отставку в знак протеста против действий министра просвещения Л. А. Кассо. Затем работал в Московском коммерческом институте, от которого получил двухлетнюю научную командировку за границу, и далее с 1913 г. преподавал на кафедре политэкономии (ассистент,

сверхштатный доцент)¹. Его коллегами по этой кафедре были известные ученые: профессора С. Н. Булгаков, В. Я. Железнов, ассистенты Л. Н. Юровский, Н. П. Огановский.

Л. Н. Литошенко формально не принадлежал ни к каким политическим партиям, но уже в своих ранних работах выступал сторонником столыпинской реформы и рыночного прогресса российской экономики. В 1917 г. регулярно писал статьи в либеральной газете «Русские ведомости» с систематической критикой эсеровских и других социалистических проектов решения аграрного вопроса, эти статьи затем вошли в его сборник «Социализация земли» (1918). Проявил себя как яркий политический публицист.

С декабря 1918 г. работал в Центральном статистическом управлении (ЦСУ), сначала консультантом «по вопросам динамики сельского хозяйства», с 1920 г. — заведующим подотделом бюджетной статистики, с 1924 г. его подотдел был преобразован в отдел. Отдел под руководством Литошенко обрабатывал результаты ежегодных исследований бюджетов крестьянских хозяйств СССР. Как многие его коллеги из числа «старых специалистов», привлеченных на работу в советские правительственные учреждения, Литошенко в 1920-е гг. работал в нескольких местах по совместительству, в частности, возглавлял сельскохозяйственную секцию Института экономических исследований при Наркомате финансов СССР, был сотрудником Научно-исследовательского института сельскохозяйственной экономики (НИИСХЭ), профессором экономического факультета Тимирязевской сельскохозяйственной академии. Участвовал в составлении первого народнохозяйственного баланса страны 1923/24 г. В 1923 г. вступил в полемику с А. В. Чаяновым по проблемам теории крестьянского хозяйства, резко критиковал теорию «организационно-производственного направления» с позиций либерализма, предложил называть это направление «неонародничеством». В 1926–1927 гг. провел год в научной командировке в Стэнфордском университете в США, где ра-

¹ Центральный государственный архив Москвы. Отдел хранения документов до 1917 г. Ф. 417. Оп. 2. Д. 39. Л. 24.

ботал над своей книгой о сельском хозяйстве России в годы революции, гражданской войны и первых лет НЭПа, которая так и не была опубликована. В конце 1920-х гг. Литошенко подвергался идеологической травле в советской печати как «буржуазный экономист». После преобразования ЦСУ в ЦУНХУ Госплана продолжал работать в этом учреждении вплоть до своего ареста.

Летом 1930 г. Литошенко был арестован ОГПУ по делу так называемой Трудовой крестьянской партии, приговорен к трем годам заключения и ссылки. В 1932 г. вернулся к научной работе в Москве, однако не по специальности, а в качестве математика-статистика в институте медицинского профиля: заведующим отделом вариационной статистики НИИ обмена веществ и эндокринных расстройств. В январе 1938 г. был арестован повторно и приговорен к восьми годам лагерей. Умер в одном из колымских лагерей. В 1963 г. посмертно реабилитирован по второму приговору, в 1987 г. — по делу Трудовой крестьянской партии «за отсутствием состава преступления».

И.А. Кузнецов

Маркс Карл (05.05.1818–14.03.1884) — немецкий философ, экономист, политик. Родился в г. Трир, в семье адвоката, еврея, принявшего протестантство. Окончив гимназию в Трире, Маркс поступил сначала в Боннский университет, потом учился в Берлинском университете, который окончил в 1841 г. В это время он по своим взглядам был гегельянцем-идеалистом. С 1842 г. Маркс сотрудничает с оппозиционной «Рейнской газетой», а в октябре этого года становится ее главным редактором. Газета была закрыта в марте 1843 г.

Осенью 1843 г. Маркс переезжает в Париж, чтобы издавать там радикальный журнал, но вышел только один выпуск. Маркс активно изучает экономику, участвует в политической деятельности. В 1844 г. в Париж призывает Ф. Энгельс, ставший ближайшим другом Маркса. В 1845 г. Маркс по настоянию прусского правительства выслан из Парижа и переезжает в Брюссель. Весной 1847 г. Маркс и Энгельс примкнули к обществу «Союз коммунистов» и по поручению съезда

этого общества написали в 1848 г. «Манифест коммунистической партии».

После февральской революции 1848 г. Маркс был выслан из Бельгии. Он вернулся в Париж, затем переехал в Германию, в Кёльн. Там ему удалось в короткие сроки совместно с Энгельсом организовать выпуск большой ежедневной революционной газеты «Neue Rheinische Zeitung» («Новая Рейнская газета»). После поражения майских восстаний 1849 г. в различных областях Германии против газеты начались репрессии, а Маркс был выслан из Германии — 16 мая 1849 г. в Париж, но вскоре был выслан и оттуда.

Маркс переехал в Лондон, в котором прожил до своей смерти и создал главное экономическое произведение — «Капитал». За все время жизни в Лондоне Маркс практически всегда нуждался и мог жить и содержать семью в большой степени только благодаря финансовой поддержке Ф. Энгельса.

В Лондоне Маркс занимался не только научной, но и политической деятельностью — в 1864 г. он организовал «Международную рабочую ассоциацию», позднее переименованную в Первый Интернационал. Это была первая массовая международная организация рабочего класса.

Первый том «Капитала» вышел в свет в 1867 г. Первой страной, в которой был опубликован перевод «Капитала», стала Россия. Маркс не завершил свой труд, второй и третий тома «Капитала» остались в рукописях, как и так называемый четвертый том — «Теории прибавочной стоимости». После смерти Маркса Энгельс подготовил к печати второй (1885) и третий (1894) тома «Капитала».

Маркс скончался 14 марта 1883 г. в Лондоне в возрасте 64 лет и был похоронен на Хайгейтском кладбище.

Созданная Марксом теория оказала огромное влияние на политические движения в XX веке и сохраняет значение и в наше время.

А. А. Бельх

Махайский Ян-Вацлав (27.12.08.01).1867–21.02.1926) — революционер, публицист, теоретик анархизма. Родился в семье небогатого чиновника, в небольшом польском городке Пинзов

(Pinczow), в то время входившем в Российскую империю¹. Махайский посещал гимназию в Кельце, учился в Варшавском университете, где начал принимать участие в польском национально-освободительном движении. Первоначально его политические взгляды составляли смесь социализма и польского национализма, потом находился под влиянием идей Маркса и Энгельса. Затем в значительной мере воспринял идеи М. Бакунина и сам стал одним из идеологов анархизма.

В мае 1892 г. Махайский был арестован, пять лет сидел в тюрьме и затем был сослан в Вилуйск. Там, в конце 1890-х гг., он написал свой основной труд «Умственный рабочий». Идеи пролетарской революции Маркса и Энгельса Махайский считал недостаточными для реального освобождения пролетариата. Весь продукт капиталистического производства может быть представлен как $C + V + M$, где C —постоянный капитал, V —переменный капитал (заработная плата), M —прибавочная стоимость. По мнению Махайского, марксисты только обещают ликвидацию эксплуатации рабочих. После революции прибавочная стоимость больше не присваивается капиталистом, но рабочие не становятся собственниками главного богатства— C , капитала, который фактически остается в распоряжении управленцев, инженеров, интеллигенции. Именно с ней рабочие должны бороться.

В 1900 г. Махайский перебрался в Иркутск, был арестован, но бежал за границу. Вернулся в Россию в 1906 г. во время первой русской революции, опубликовал брошюру «Буржуазная революция и рабочее дело» (1906). В 1908–1917 гг. жил в Женеве. В 1917 г. вернулся в Россию, летом 1918 г. опубликовал первый и единственный номер журнала «Рабочая революция», в котором резко критиковал политику большевиков.

После 1917 г. Махайский отошел от политической деятельности, до самой смерти работал техническим редактором журнала «Народное хозяйство» (впоследствии—«Социалистическое хозяйство»), печатного органа Высшего совета народного хозяйства.

Махайский умер от сердечного приступа в феврале 1926 г.

А. А. Белых

¹ Его вдова Вера в 1939 г. утверждала, что он родился в городке Буск (Busk). Впрочем, эти городки находятся близко друг от друга.

Милютин Владимир Павлович (24.10(5.11).1884–30.10.1937) — участник революции 1917 г., член первого большевистского правительства, один из руководителей советской экономики в 1918–1920-х гг.

Родился в деревне Александрово Льговского уезда Курской губернии в семье учителя (отец — разночинец, мать — дворянка из рода Языковых). Окончил реальное училище в Курске (1903), поступил на юридический факультет Петербургского университета, который не окончил из-за увлечения революционной деятельностью. С 1903 г. член Российской социал-демократической рабочей партии, сначала примыкал к меньшевикам, с 1910 г. — большевик. Вел партийную работу в Курске, Москве, Орле, Петербурге, Туле. С 1906 по 1914 г. арестовывался 8 раз, провел в общей сложности около 5 лет в тюрьмах и два года в ссылке (в Вологодской губернии). В июне 1914 г. добровольно поступил на военную службу в качестве вольноопределяющегося.

В феврале 1917 г. находился в Саратове, участвовал в создании Саратовского Совета рабочих и солдатских депутатов, был его первым председателем. В июне — участник I Всероссийского съезда Советов, на котором был избран членом Всероссийского центрального исполнительного комитета (ВЦИК), далее оставался в Петрограде, избирался членом и заместителем председателя городской думы Петрограда. В то же время В. П. Милютин выдвигается в ряды руководителей большевистской партии: в апреле 1917 г. он избран в состав ЦК РСДРП(б). В августе на VI съезде партии, проходившем в отсутствие основных лидеров большевиков (В. И. Ленин, Л. Д. Троцкий, Г. Е. Зиновьев, Л. Б. Каменев тогда либо скрывались от властей, либо находились под арестом), В. П. Милютин выступал с докладом об экономическом положении в стране. Поддержав курс партии на вооруженное восстание, он участвовал в подготовке Октябрьской революции (переворота) в качестве члена Петроградского Военно-Революционного комитета (ВРК) и одного из трех руководителей большевистской фракции (наряду с Я. М. Свердловым и И. В. Сталиным) на II Всероссийском съезде Советов. После переворота 26 октября 1917 г. В. П. Милютин был назначен народным комиссаром земледелия в первом

составе ленинского правительства. Однако в тот момент он являлся сторонником создания коалиционного социалистического правительства, т. е. включения в правительство представителей и меньшевиков, и эсеров. В знак протеста против отказа В. И. Ленина и ЦК большевиков от этого варианта уже через 9 дней подал в отставку (вместе с наркомом А. И. Рыковым и В. П. Ногиним). Через 2 недели признал свою ошибку и вернулся в состав ЦК партии, но на высшие государственные посты больше не назначался. Его партийная карьера также постепенно шла по убывающей: в 1920–1922 гг. он избирался лишь кандидатом в члены ЦК, в 1924–1934 гг. — членом Центральной контрольной комиссии (ЦКК) ВКП(б), а после 1934 г. в высшие партийные органы не входил.

В период «военного коммунизма» В. П. Милютин был одним из руководителей Высшего совета народного хозяйства (ВСНХ) РСФСР — органа управления промышленностью советской России: в марте-апреле 1918 г. он временно исполнял обязанности председателя, далее до мая 1921 г. был заместителем председателя ВСНХ и членом Совета труда и обороны (СТО). В 1921–1922 гг. был заместителем председателя Экономического совещания Западной области.

При переходе к НЭПу его перевели с хозяйственной работы на партийную и идеологическую. В 1922–1924 гг. он был представителем Коммунистического Интернационала в Австрии и на Балканах. В 1924–1928 гг. состоял членом коллегии Народного комиссариата рабоче-крестьянской инспекции СССР. Одновременно с 1925 г. был членом президиума Коммунистической академии. В конце 1920-х гг. В. П. Милютин принял активное участие в идеологической травле Н. Д. Кондратьева и других экономистов немарксистской ориентации, в известном сборнике «Кондратьевщина» 1930 г. его доклад был основным.

В конце НЭПа и в годы первой пятилетки произошло возвращение В. П. Милютина в органы экономического управления: в 1928–1930 гг. он был управляющим Центральным статистическим управлением (ЦСУ), с декабря 1929 г. по апрель 1934 г. — заместителем председателя Госплана СССР. С 1934 г. занимал малозначительный пост председателя Ко-

митета ЦИК СССР по заведованию учеными и учебными заведениями.

26 июля 1937 г. В. П. Милютин был арестован по обвинению в принадлежности к контрреволюционной организации «правых» коммунистов. 29 октября 1937 г. приговорен Военной коллегией Верховного суда СССР к расстрелу. В 1956 г. посмертно реабилитирован.

И. А. Кузнецов

Никольский Борис Владимирович (3(15).10.1870–11.06.1919) — русский юрист, поэт и литературный критик. Деятель монархического движения. Личность неоднозначная и очень нехарактерная для профессорско-преподавательского корпуса Российской империи начала XX столетия. Обладая от рождения резким, неуживчивым характером, высочайшим самомнением (основанным, правда, на широкой образованности и громадной эрудиции), мало восприимчивый к мнениям, суждениям и подходам, с которыми не был согласен, Никольский к тому же связал свою судьбу с партиями и движениями правого политического спектра. Все это вкупе со временем привело его, фактически, к положению изгоя в преобладавшей в Петербурге умеренно-либеральной гуманитарной среде. Вынужденный оставить преподавание в Петербургском университете, страдающий от непризнанности и долгов, Никольский вступил на поприще адвокатской и политической деятельности, но не сумел преуспеть и там. Не удалась и государственная карьера — власть имущие явно не нуждались в заносчивом менторе, да еще и радикале, пусть и монархисте. Нереализованные стремления к признанию, славе, поклонению окружающих, богатству и т. д. отчасти восполнялись Никольским в его любимом детище — личной библиотеке, ставшей в результате одной из крупнейших частных библиотек в России того времени. И наконец, все вышесказанное подробно выплескивалось Никольским на страницы его дневника, который он вел с перерывами, иногда весьма длительными, в течение трех десятилетий, с училища до самой своей трагической смерти.

Сын профессора Александровского лицея и Петербургской духовной академии, незаурядного педагога В. В. Никольского

(1836–1883), Борис Никольский с юных лет был вхож в культурную среду Петербурга. Его женой в 1895 г. стала дочь известного историка и библиофила, редактора журнала «Исторический вестник» С. Н. Шубинского Екатерина (1875–1935).

Окончив в 1893 г. юридический факультет Петербургского университета, Никольский поступил на службу в МВД. Бюрократическая карьера не заладилась, в 1896 г. он вышел в отставку. Несмотря на обычные для молодого человека из небогатой семьи занятость и материальные трудности, в Никольском не ослабевало стремление к активной умственной и общественной деятельности. По примеру многих интеллектуалов того времени, он завел у себя «вторники», по которым принимал гостей. Ближайшими друзьями Никольского в ту пору являлись будущий нарком иностранных дел СССР Г. В. Чичерин, будущий член Государственной думы барон А. Ф. Мейендорф, будущий театральный деятель барон Н. В. Остен-Дризен. В «квартире» этом, по свидетельству современника, Никольский неизменно «держал первую скрипку» благодаря своей эрудиции и дару оратора и полемиста.

С 1894 г. Никольский начал регулярно выступать в печати с критическими заметками и рецензиями по истории русской литературы, а также со стихами в журналах «Русское обозрение» и «Русский вестник». Тогда же началось его многолетнее сотрудничество в газете А. С. Суворина «Новое время». Одновременно он стремился к общественной деятельности, выступал в разных кружках и салонах.

Одновременно Никольский стремился сделать научную карьеру. Темой магистерской диссертации он избрал памятник кодификации римского гражданского права — Законы XII таблиц. В 1899 г. диссертация была успешно защищена. Получив степень магистра, Никольский приступил к чтению лекций на юридическом факультете Петербургского университета. Одновременно он преподавал в Александровской военно-юридической академии. Кроме того, Никольский стал приват-доцентом историко-филологического факультета университета по кафедре русской словесности и прочел ряд специальных курсов о поэзии А. С. Пушкина, А. А. Фета, об основаниях лирической техники и др. При помощи Н. Н. Страхова Никольский лично

познакомился с Фетом и получил для разборки и издания часть архива поэта. В 1901 г. под редакцией и с предисловием Никольского вышло первое полное собрание стихотворений Фета. На почве интереса к Фету произошло знакомство и сближение Никольского с великим князем Константином Константиновичем (К. Р.). Впоследствии Никольский стал учителем его сыновей, князей Гавриила и Олега Константиновичей.

Третьим поэтическим «избранником» Никольского стал Гай Валерий Катулл. Здесь в нем в полной мере проявился библиофил. По свидетельствам современников, принадлежащая Никольскому коллекция средневековых и новых изданий Катулла была самой полной в мире. Сделанные им переводы произведений этого древнеримского поэта до сих пор используются исследователями.

В 1903 г. Никольский издал первый том своего нового исследования «Дарения между супругами», который представил в качестве докторской диссертации в Петербургский университет. Диспут по диссертации постоянно откладывался. Основанием для этого было главным образом негативное отношение к Никольскому петербургского ученого сообщества. Причиной обструкции являлись как радикальные политические взгляды Никольского, так и его неуживчивый, бескомпромиссный характер. В конце концов диспут был вообще отменен вследствие неоднократных закрытий университета и растущей напряженности в обществе.

После неудачи с диссертацией Никольский решает временно приостановить научную работу и стать адвокатом. Клиентами Никольского были многие известные издатели и предприниматели. Однако и этот род деятельности не приносил ему полного удовлетворения, как морального, так и материального.

В 1910 г. Никольский возобновил научно-педагогическую деятельность. Он был назначен на должность профессора римского права в Училище правоведения, а с 1913 г. читал в нем еще и курс новейшей российской словесности. В 1913 г. Никольский наконец-то получил профессуру, но не в Петербургском (как он хотел), а в Юрьевском университете (по кафедре римского права). Ему пришлось жить на два дома, путешествуя из Петербурга в Юрьев (ныне — Тарту, Эстония) и обратно. Осенью

1914 г. он стал приват-доцентом по кафедре латинской словесности историко-филологического факультета университета, где читал курс, посвященный поэзии Катулла. Для получения докторской степени в 1915 г. Никольский выпустил книгу «К истории дарений между супругами». Но и на этот раз защита не состоялась.

Одну из наиболее ярких характеристик Никольскому дал хорошо его знавший поэт Б. А. Садовский: «Представительный, плотный, лысый, с монгольского склада лицом и длинными седеющими усами, он держался ровно. Но под наружной выдержкой кипел горячий характер. Смеялся Никольский громко, говорил много. Холодные глаза его всегда оставались неподвижными, точно незаведенные часы. Огромная квартира на Офицерской была запружена книгами... Из магазинов прибывали ежедневно кипы новейших изданий. Библиотека занимала две огромные комнаты и кабинет; книги теснились в гостиной, в передней и в задних покоях... Это был изумительный собеседник, обладавший способностью в совершенстве подражать голосу и манерам кого угодно».

После Февральской революции 1917 г. Никольский подал в отставку и находился в положении заштатного профессора до осени, когда был избран сперва приват-доцентом, а затем и доцентом Юрьевского университета по кафедре классической филологии и древностей. В январе 1918 г. он был единогласно избран юридическим факультетом университета в приват-доценты по кафедре римского права. Когда в конце февраля Юрьев был занят наступающими немецкими войсками, Никольский находился в Петрограде. Связь с университетом прервалась.

Будучи убежденным и последовательным монархистом, Никольский еще до событий 1905 г. принял непосредственное участие в консервативном движении. Преподавательская деятельность для него была одной из возможностей пропагандировать свои взгляды и убеждения в сравнительно широких кругах молодежи. Особенно ярко это проявилось во время периодических студенческих волнений в Петербургском университете в первой половине 1900-х гг.

В октябре 1903 г. Б. В. Никольский стал членом первой крупной монархической организации — Русского собрания. Никольский сразу же стал одним из его активных членов, в 1905–1910 гг. постоянно избирался в совет Собрания. 1905 год сделал общественно-политическую известность Б. В. Никольского значительно более широкой. Он стал личным секретарем генерала Е. В. Богдановича, члена Совета министра внутренних дел, старосты Исаакиевского собора и известного издателя правых брошюр. Апогеем политического взлета стал личный прием 2 апреля 1905 г. у императора Николая II. Вскоре Никольский стал участвовать в составлении Богдановичем писем к Николаю II, так называемых записок в защиту самодержавия, пытаясь через него инспирировать собственные политические идеи. 31 декабря 1905 г. Николай II принял депутацию Русского собрания. В ее составе был и Никольский, который произнес всеподданнейшую речь в защиту самодержавия. Речь Никольского имела широкий резонанс и неоднократно переиздавалась. В феврале 1906 г. Никольский стал организатором I Всероссийского съезда русских людей в Петербурге, был избран его делопроизводителем и совместно с председателем совета Собрания кн. Д. П. Голицыным открывал съезд. Принимал он участие и в работе II и III съездов русских людей в Москве и Киеве в апреле и октябре 1906 г.

Неторопливость и даже некоторая пассивность Русского собрания не удовлетворяла жаждавшего действий Никольского. Он вступил в члены Союза русского народа, был одним из главных разработчиков тактики монархистов на выборах в Государственную думу. После раскола в Союзе русского народа Никольский принял сторону Дубровина, резко критиковал его противников В. М. Пуришкевича и Н. Е. Маркова. Но со временем он разочаровался и в действиях последователей Дубровина и вообще отошел от политической деятельности. Отход от политики совпал с началом общественной работы Никольского в структурах петербургского городского самоуправления. В 1912–1913 гг. он был членом Комиссии по народному образованию Петербургской городской думы.

Библиофильство Б. В. Никольского, его огромная библиотека — едва ли не самая значительная страница его бурной и многосторонней биографии. Страсть к поиску, собиранию и приобретению книг зародилась в нем еще в юношестве и сопутствовала на протяжении всей жизни. «Книги — это моя дурная страсть, — записал Никольский в дневнике 10 декабря 1899 г. — И я сам, и всякий другой понимает, что книги мне необходимы; но меня всегда грызет червяк, что я покупаю слишком щедро, отнимая эти деньги у семьи. Это мое мученье». К 1917 г. библиотека состояла из 33–35 тыс. томов, 10 тыс. брошюр и вырезок, а также более 20 тыс. антикварных каталогов русских и иностранных книготорговых фирм. Библиотека не помещалась в одну многокомнатную квартиру, для части книг приходилось содержать вторую квартиру. После революции Никольский пытался продать библиотеку государству для одного из новых университетов, но сделка не состоялась.

В мае 1919 г. Б. В. Никольский был арестован. Доказательств какой-либо его деятельности против новой власти обнаружено не было. Тем не менее в июне он был расстрелян как «убежденный организатор Союза русского народа». В 2002 г. полностью реабилитирован за отсутствием состава преступления. Книжное собрание Б. В. Никольского после расстрела владельца было передано в Публичную библиотеку, но, как и другие частные библиотеки, поступившие в первое послереволюционное десятилетие, не было сохранено как особая коллекция.

Д. Н. Шилов

Озеров Иван Христофорович (28.04(10.05).1869–10.05.1942) — российский экономист, финансист. Родился в деревне Занино Чухломского уезда бывшей Костромской губернии. Происходил он из очень бедной, крестьянской семьи. Учась в двухклассной народной школе, а потом в городском училище Чухломы, Озеров показал высокие способности, что позволило ему в 1881 г. поступить в гимназию в Костроме. За успехи в учебе он был освобожден от платы за обучение и через год принят бесплатно в пансион, где ему была дана стипендия имени И. Сусанина для детей из крестьян.

После окончания гимназии Озеров в 1889 г. поступил на юридический факультет Московского университета и по окончании в 1894 г. был оставлен на кафедре финансового права. В 1898 г. он получает степень магистра, а уже в 1900 г. защищает диссертацию на степень доктора финансового права, однако лишь в 1903 г. Озеров был назначен профессором в Московском университете по кафедре финансового права. Позже, в 1907 г., совет юридического факультета избирает его профессором Петербургского университета также по кафедре финансового права. В разное время он преподавал еще в Московском коммерческом институте, а в Петербурге — на Бестужевских женских курсах и на Женских курсах Н. П. Раева. Из-под пера И. Х. Озерова вышло множество книг и статей, среди которых: «Возможно ли ввести подоходный налог в России?» (1900), «Итоги экономического развития XIX века» (1902), «Почта в России и за границей» (1903), «Америка идет на Европу» (1903), «Экономическая Россия и ее финансовая политика на исходе XIX и в начале XX века» (1905), «Политика по рабочему вопросу в России за последние годы» (1906), «Что такое общество потребителей, как его основать и вести» (1908), «Чему учит нас Америка» (1908), «Горные заводы Урала» (1910), «Оборотная сторона нашего бюджета» (1911) и др.¹

Озеров был активен и в коммерческом деле. В начале XX века он являлся совладельцем и членом правлений девяти акционерных обществ; состоял в руководстве крупнейшего в стране Русско-Азиатского банка, был членом правления банка Общества взаимного кредита, в 1915 г. по рекомендации А. И. Вышнеградского и А. И. Путилова был избран председателем правления Ленского золотопромышленного товарищества².

Участие в бизнесе сделало его состоятельным человеком, при этом надо отметить, будучи действительным членом «Общества содействия опытных наук и их практических приме-

¹ См.: Дмитриев А. Л. Нереализованные идеи Ивана Христофоровича Озерова // Финансы и бизнес. 2005. № 2. С. 96–100.

² Ананьич Б. В. Банкирские дома в России 1860–1914 гг. Очерки истории частного предпринимательства. Л., 1991. С. 63–64.

ний им. Х. С. Леденцова», И. Х. Озеров в 1911 г. завещал все свои капиталы на экономическое образование населения.

При советской власти Озеров преподавал в МГУ, Индустриальном институте, но из-за болезни сердца в 1924 г. оставил преподавание. Работал в Наркомате финансов и Наркомате связи, в Собрании он обследовал постановку социального обеспечения в некоторых местностях СССР.

В 1930 г. он был арестован по делу «Русского национально-го союза» и осужден на десять лет. Срок отбывал на Соловках. В 1933 г. Озерова амнистировали, и по постановлению ЦИК СССР от 15 июня 1935 г. судимость была снята. В 1936 г. его поместили в Дом престарелых ученых в Ленинграде. Скончался ученый 10 мая 1942 г. в блокадном городе и, как следует из записей его вдовы, был «похоронен где-то на Пискаревке в общей могиле»¹.

Деятельность И. Х. Озерова в короткий период существования Временного правительства практически не освещалась в литературе, хотя он был одним из свидетелей того, как страна после эйфории февраля 1917 г. уже весной начала сползать в полномасштабный экономический кризис. Общее расстройство промышленности, появление на предприятиях рабочего контроля, деятели которого начинают активно вмешиваться в управление производством, рост забастовочного движения и как итог — неконтролируемое увеличение заработной платы и явочное введение восьмичасового рабочего дня при катастрофическом снижении производительности труда приводят экономику на грань катастрофы.

Включенные в настоящую хрестоматию четыре работы были заказаны Озерову редакцией авторитетного в финансово-промышленных кругах журнала «Биржа»² и должны были выходить отдельными изданиями в качестве приложения к этому журналу в течение всего 1917 г. Первоначально анонсировалась целая

¹ См.: *Дмитриев А. Л.* Нереализованные идеи Ивана Христофоровича Озерова // *Финансы и бизнес.* 2005. № 2. С. 96–100.

² *Биржа и русская промышленность* (еженедельное издание). Независимый беспартийный прогрессивный орган. Издавался в Петрограде с 1914 по 1917 г. (с 1916 г. назывался «Биржа»)

серия публикаций, авторами которых должны были выступить известные российские экономисты, профессора П. П. Мигулин, М. И. Боголепов и сам И. Х. Озеров. Всего предполагалось издать в виде отдельных брошюр 11 статей. Автором девяти из них был заявлен И. Х. Озеров¹.

В фондах РГБ и РНБ в Санкт-Петербурге удалось обнаружить только четыре публикации из этой серии, которые относятся к марту—июню 1917 г. Практически все они, за исключением одной («Разгром нашей экономической жизни»), публикуются впервые после 1917 г. Что касается оставшихся пяти работ, то скорее всего они просто не были написаны в условиях быстро ухудшающейся экономической и политической ситуации в стране.

Представленные статьи дают возможность увидеть трансформацию взглядов известного экономиста на развитие экономической и отчасти политической ситуации в стране в короткий период существования Временного правительства. Эти взгляды эволюционируют от ожиданий реформ и быстрых преобразований до полного разочарования деятельностью, а скорее бездействием правительства и предпринимательского сообщества, которые вели страну к экономической и политической катастрофе.

А. А. Бессолицын

Сорокин Питирим Александрович (23.01(04.02).1889–10.02.1968)— русско-американский социолог и культуролог. Родился в крестьянской семье в селе Турья Яренского уезда Вологодской губернии. Еще ребенком лишился обоих родителей. Проявив волю к учебе и самообразованию, окончил учительскую семинарию. Учился в 1909 г. у социолога М. Ковалевского в Петербургском психоневрологическом институте. Окончил Санкт-Петербургский университет в 1914 г., оставлен на кафедре уголовного права для подготовки к профессорскому званию.

¹ См.: Озеров И. Х. Над бездной; Куда мы идем?; Разгром нашей экономической жизни; Опомнитесь!; Что нужно делать; Земельная реформа и будущее сельского хозяйства; Женщина идет; Что делать с деньгами?; Грозные предостережения. Пг.: Свободный народ, 1917.

Стал редактором газеты «Народная мысль» в 1915 г. Приват-доцент Санкт-Петербургского университета с 1916 г. В 1906 г. вступает в партию социалистов-революционеров (эсеров), принимается активно распространять революционные идеи, за что был тогда же арестован и заключен в тюрьму Кинешмы.

Известный деятель русской революции в период 1917–1918 гг. Соредактор центральной газеты партии эсеров «Дело народа».

Одним из первых среди российских революционеров уже в марте 1917 г. Сорокин определил риски революции, связанные с классовыми конфликтами между рабочим классом, крестьянством, армией, капиталистами. В центре возможных конфликтов Сорокин поставил вопрос противостояния города и деревни, рабочих и крестьян по поводу продовольствия, прежде всего хлеба: «Конфликт между городом и деревней, рабочим и крестьянином... будет неизбежен... он наступит, если почему-либо крестьянин забудет о городе, задерживая свой хлеб, или рабочий забудет о деревне... в целях дальнейших завоеваний социально-экономических приобретений... если мы не хотим этого конфликта, то должны всемерно стараться, чтобы и крестьянин дал хлеб армии и городу, и город дал необходимые продукты деревне». Политологическое предчувствие Сорокина о значении сельско-городского хлебного конфликта в русской революции оказались пророческим. Именно с этим конфликтом связаны важнейшие события гражданской войны с ее продрозверсткой, затем кризисы НЭПа в связи с ножницами цен на продукцию города и деревни, наконец, именем этого конфликта Сталин осуществит политику великого перелома и форсированной коллективизации.

Одной из попыток противопоставить растущему влиянию большевизированного Совета рабочих и солдатских депутатов небольшевистскую влиятельную революционную организацию стало проведение в мае—июне 1917 г. Крестьянского съезда с последующим избранием Крестьянского совета, в котором Сорокин становится членом Центрального комитета, а затем секретарем председателя Временного правительства А. Ф. Керенского, таким образом, он непосредственно находится среди важнейших политических событий и решений правящей власти. Самокритично он характеризует ситуацию, в которой

оказался: «Однако все, что я делаю, не имеет смысла, поскольку Керенский почти не занимается конструктивными делами, а вместо этого погружен в составление резолюций, которые ничего не дают правительству. Колеса государственного механизма крутятся вхолостую».

Последовавшему большевистскому перевороту Сорокин стал в немедленную и непримиримую оппозицию вместе с многочисленными представителями различных партий, боровшихся с большевиками вокруг проведения Учредительного собрания, как легитимного и демократического органа, определяющего политическое устройство страны. Сорокин был избран в Учредительное собрание депутатом от Вологодской губернии по списку партии эсеров. А когда большевики разогнали Учредительное собрание, Сорокин продолжил борьбу, отправившись на Север России, где в Вологодской и Архангельской губерниях противники большевиков при помощи англичан стремились создать военно-политическую антибольшевистскую коалицию. Осенью 1918 г. Сорокин, не желая более принимать участие в кровавых событиях Гражданской войны, публикует в газете открытое письмо, в котором заявляет, что отходит от политической деятельности, соответственно выходит из партии эсеров, собираясь сосредоточиться на научной и культурной работе. Несмотря на это письмо, Сорокин был брошен в большевистскую тюрьму, ожидая казни. Но именно в это время на сорокинский текст обратил внимание сам Ленин, опубликовав к нему своеобразные комментарии в виде статьи «Ценные признания Питирима Сорокина», утверждая, что Сорокин признал свои политические ошибки, являя собой персональный пример поворота мелкобуржуазных сил от борьбы к нейтралитету по отношению к большевикам. В результате Сорокина не расстреляли, а выпустили из тюрьмы, предоставив возможность преподавать и даже участвовать в учебно-научных экспедициях.

Вспоминая 1919–1921 гг., Сорокин описывал, как истончалась и разрушалась сама социально-экономическая и культурная действительность вокруг него и коллег-профессоров в университете под повседневным воздействием голода, холода и террористических репрессий со стороны большевистской власти.

Несмотря на все это, Сорокин умудряется много преподавать, заниматься научными исследованиями, в 1921 г. он публикует два тома своей «Системы социологии».

В 1922 г. по окончании революции и гражданской войны в России Сорокин стремится подвести им своеобразный итог, работая над книгами «Голод как фактор» и «Социология революций». Но именно в это время власти (во многом после очередной ленинской статьи, в которой теперь Сорокин характеризовался в крайне оскорбительных выражениях) вновь предъявляют серьезные политические и идеологические претензии к Сорокину. Ему угрожают неминуемые репрессии, его книгу «Голод как фактор» рассыпают в типографском наборе, и только часть рукописи удается сохранить. Но в это время принимается решение советского правительства выслать значительную группу так называемой буржуазной и контрреволюционной интеллигенции за границу, в ее состав попадает и Сорокин.

В европейской эмиграции Сорокин останавливается в Праге где, наконец, получит возможность завершить свою «Социологию революций», хотя опубликована эта книга будет уже в США, куда Сорокин переедет в 1925 г. и сделает там головокружительную карьеру, став знаменитым гарвардским профессором, классиком социологии XX века.

В «Социологии революций» — книге, в которой был систематически описаны и проанализированы особенности революций от древнего до большевистского мира, — Сорокин в целом высказался против революционных изменений и потрясений общества, полагая, что любые, самые замечательные преобразования революций не стоят тех чудовищных жертв, которые они с собой и приносят: реформистские пути более гуманны и эффективны, чем революционные.

А. М. Никулин

Струве Петр Бернгардович (26.01(07.20).1870–26.02.1944) — российский экономист, историк, философ, социолог, публицист, общественный и политический деятель. Сын пермского губернатора Бернгарда Васильевича Струве, внук знаменитого астронома В. Я. Струве.

После переезда семьи в 1882 г. в Петербург поступил в 3-ю гимназию — одно из старейших учебных заведений столицы. В 1889 г. Струве окончил гимназию и поступил на факультет естественных наук Петербургского университета; в 1890 г. перешел на юридический факультет. Тогда же увлекся марксизмом и даже основал в университете марксистский кружок, в который входили, в частности, А. Н. Потресов и М. И. Туган-Барановский. В 1892 г. учился в университете г. Граца (Австро-Венгрия) у социолога Людвиг Гумпловича, где всерьез заинтересовался экономикой. В ходе поездок в 1892 г. по Италии, Австрии, Германии активно контактировал с представителями европейской социал-демократии. Тогда же Струве начал публицистическую деятельность — в немецкой социал-демократической прессе публикуются его первые статьи с критикой российских народников.

В 1893–1894 гг. служил библиотекарем в Ученом комитете министерства финансов.

В августе 1894 г. опубликовал книгу «Критические заметки: к вопросу об экономическом развитии России», посвященную полемике с народничеством и доказывавшую прогрессивное значение капитализма для России. Работа, получившая широкий общественный резонанс, сделала Струве одним из ведущих теоретиков марксизма в России; при этом он отвергал некоторые идеи Маркса, например, об обнищании пролетариата по мере развития капитализма.

С 1895 г. Струве — член Вольного экономического общества. В том же году экстерном сдал экзамены за курс юридического факультета Петербургского университета.

Участвовал в Лондонском конгрессе II Интернационала (1896); являлся автором аграрного раздела доклада российской делегации, с которым выступил Г. В. Плеханов. Во второй половине 1890-х гг. Струве был идейным лидером «легальных марксистов»; редактировал их журналы «Новое слово» и «Начало». В 1898 г. участвовал в разработке «Манифеста социал-демократической рабочей партии», от идей которого через несколько лет отмежевался.

С 1900 г. начинается сближение Струве с либеральным движением. В 1902 г. вышел сборник его статей «На разные темы»,

знаменовавший окончательный разрыв Струве с социал-демократией и переход на либеральные позиции.

В 1901 г. за участие в демонстрации нескольких тысяч петербургских студентов на Казанской площади Петербурга был выслан в Тверь. Затем Струве получил разрешение на выезд за границу и в 1902 г. эмигрировал. В том же году начал редактировать журнал «Освобождение» (выпускался до ноября 1905 г.), а с 1903 г. стал одним из лидеров «Союза освобождения», выступавшего за переход России к конституционному строю.

В 1905 г. по ходатайству С. Ю. Витте был амнистирован и вернулся в Россию; вступил в Конституционно-демократическую партию и стал одним из лидеров ее правого крыла; член ЦК партии в 1905–1915 гг. В 1907 г. избирался депутатом II Государственной думы. В том же году получил чин статского советника.

В 1906–1917 гг. — доцент, экстраординарный, затем ординарный профессор и заведующий кафедрой политической экономии Санкт-Петербургского Политехнического института императора Петра Великого. В 1913–1916 гг. был опубликован главный экономический труд Струве — «Хозяйство и цена» (первый том был его магистерской диссертацией, второй — докторской). В 1907–1918 гг. был редактором влиятельного литературно-политического журнала «Русская мысль». Также печатался в журналах «Новое слово», «Русское богатство», «Освобождение», «Полярная звезда», «Вопросы философии и психологии», «Логос», «Журнал Министерства народного просвещения», «Русская свобода», «Известия Санкт-Петербургского Политехнического института», «Русская школа», «Вестник Европы», «Труды Вольного экономического общества», «Мир божий», «Научное обозрение», «Начало», «Жизнь», «Право», «Вопросы философии и психологии», «Листок освобождения», «Вестник Партии народной свободы», «Свобода и культура», «Известия Российской Академии наук», «Отечество», «Московский еженедельник», газетах «Северный курьер», «Биржевые ведомости», «Русские ведомости», «Искра», «Народная свобода», «Дума», «Русская молва», «Слово», «Речь», «Русская свобода», «Самарский вестник», немецкой, английской, французской периодической печати.

В 1915–1917 гг. — председатель Особого межведомственного комитета по ограничению снабжения и торговли неприятеля при министерстве торговли и промышленности.

С 1915 г. — член Комиссии Академии наук по изучению естественных производительных сил, возглавляемой академиком В. И. Вернадским.

В 1916–1917 гг. — представитель Всероссийского земского союза в Особом совещании по продовольственному делу,

Почетный доктор Кембриджского университета (1916). С мая 1917 г. — академик Российской Академии наук (исключен в 1928 г., в 1990 г. восстановлен).

В апреле — мае 1917 г. являлся директором Экономического департамента МИД (в период пребывания на министерском посту П. Н. Милюкова). Участник Государственного совещания; член Временного совета Российской республики (Предпарламента).

К октябрьскому перевороту отнесся резко отрицательно. В декабре 1917–1920 гг. — активный участник белого движения. Член особого совещания при генерале А. Н. Деникине, член правительства П. Н. Врангеля (министр иностранных дел и финансов). С 1921 г. — в эмиграции. Жил в Софии, Праге, Берлине, Париже. В 1920-х гг. Струве являлся идейным лидером той части русской эмиграции, которая категорически отвергала возможность какого-либо примирения с большевизмом («советчиной») и считала необходимым продолжение борьбы с ним. Неоднократно предрекал неминуемый экономический крах СССР, не веря в способность его властей создать жизнеспособную в долгосрочной перспективе экономическую систему. В докладе на Съезде представителей русской промышленности и торговли в Париже 17 мая 1921 г. «Итоги и существо коммунистического хозяйства» утверждал, что основным экономическим итогом большевистской революции стала неслыханная в мировой истории грандиозная «натурально-хозяйственная реакция».

Струве возобновил издание закрытого большевиками журнала «Русская мысль»: в 1921–1927 гг. журнал выходил в Софии, Праге, Берлине и Париже. В 1925–1926 гг. — редактор газеты «Возрождение», еженедельников «Россия» (1927–1928), «Россия

и славянство» (1928–1934). В 1926 г. — председатель Российского зарубежного съезда в Париже.

С 1928 г. проживал в Белграде, преподавал социологию в университете. С этого времени он окончательно отошел от политики, занимался исключительно научной и издательской деятельностью.

В последние годы жизни работал над фундаментальной «Социально-экономической историей России»; незавершенный труд был опубликован уже после смерти Струве в 1952 г.

В 1941 г., после оккупации Югославии немецкими войсками, был арестован по ложному доносу как якобы «друг Ленина», но через три месяца освобожден. В июле 1942 г. Струве с женой Ниной переехал к детям в Париж. Умер в феврале 1944 г., похоронен на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа.

С. В. Беспалов

Троцкий Лев Давидович (26.10(07.11).1879–21.08.1940) — революционер, политический и государственный деятель. Родился в украинском селе Яновка, в семье зажиточного землевладельца. Посещал религиозную школу, в Николаеве окончил реальное училище, начал посещать лекции математического факультета Одесского университета. В Одессе стал участвовать в революционной деятельности, но в январе 1898 г. был арестован и затем сослан в Восточную Сибирь. В сентябре 1902 г. бежал из ссылки и перебрался за границу. В 1903 г. участвовал во II съезде РСДРП, на котором по вопросу об уставе партии поддерживал Мартова против Ленина.

После начала первой русской революции Троцкий приехал в Петербург и в октябре стал одним из трех сопредседателей Петербургского Совета рабочих депутатов, редактором газеты «Известия». В 1907 г. он был арестован и приговорен к вечному поселению в Сибирь, но по пути к месту ссылки бежал и уехал за границу. В начале Первой мировой войны перебрался в Швейцарию, потом во Францию и Испанию. В 1916 г. выслан из Франции и переехал в США.

В 1917 г. после Февральской революции Троцкий вернулся в Россию. В мае в составе группы «межрайонцев» он вступил в партию большевиков. Он стал председателем Петроградского

совета рабочих и солдатских депутатов. Троцкий был одним из руководителей Октябрьского вооруженного восстания. Он вошел в правительство в качестве народного комиссара по иностранным делам.

В 1918–1925 гг. Троцкий был наркомом по военным и морским делам, председателем Реввоенсовета РСФСР. Был одним из создателей Красной армии.

В 1920 г. стал одним из теоретиков и организаторов трудовой повинности населения. В то же время уже в феврале 1920 г. Троцкий направил в ЦК письмо «Основные вопросы продовольственной и земельной политики», в котором предлагал ряд по стимулированию производства продовольствия.

Троцкий был членом ЦК партии в 1917–1927 гг., членом Политбюро ЦК в октябре 1917 г. и в 1919–1926 гг. В развернувшейся в период болезни Ленина и особенно после его смерти борьбе за власть он потерпел поражение. Став лидером «левой оппозиции», он не смог завоевать руководство в партии. В 1927 г. Троцкий был снят со всех постов и отправлен в ссылку. В 1929 г. выслан за пределы СССР и на пароходе «Ильич» прибыл в Константинополь.

В изгнании продолжил политическую деятельность, опубликовал большое количество книг и статей, в которых подверг резкой критике деятельность И. В. Сталина, как в области экономики, так и в сфере внутренней и внешней политики. Троцкий стал создателем и теоретиком Четвертого Интернационала (1938). После высылки Троцкий сначала жил в Турции на Принцевых островах. В 1933 г. переехал во Францию, затем, в 1935 г. — в Норвегию. В 1936 г. уехал в Мексику. Последним местом жительства для него стала вилла в Койокане, предместье Мехико.

В работе «Преданная революция: Что такое СССР и куда он идет» (1936) Троцкий дал анализ эволюции правящей советской элиты, высказал предположение о ее перерождении.

По указанию Сталина была подготовлена операция по ликвидации Троцкого. Первая попытка, предпринятая в мае 1940 г., не увенчалась успехом. Организатором нападения на виллу был художник Давид Сикейрос. Но уже 20 августа 1940 г. Троцкий был смертельно ранен агентом НКВД Рамоном Меркадером и умер на следующий день.

В настоящее время Койокан — район Мехико; вилла, где жил Троцкий, превращена в музей, там же находится его могила.

А. А. Белых

Чаянов Александр Васильевич (17(29).01.1888–03.10.1937) — российский экономист, социолог, социальный антрополог. Родился в Москве в купеческой семье. Он увлеченно и успешно учился в гимназии и Петровской сельскохозяйственной академии, по окончании которой стажировался два года в ведущих европейских аграрных научных центрах Бельгии, Франции, Италии. Вернувшись в Россию, Чаянов занимается исследованиями крестьянских хозяйств в различных российских регионах, активно участвует в организации крестьянской кооперации, много преподает не только как доцент в университете, но и как сельский лектор-активист в различных крестьянских аудиториях. Одновременно он публикует ряд оригинальных научных статей об экономике крестьянских хозяйств, сельскохозяйственной кооперации, сельскохозяйственной регионалистике, создавших ему блестящую репутацию молодого и талантливого аграрника России.

Кроме того, Чаянову на протяжении всей его жизни была присуща исключительная широта и глубина интересов в целом спектре наук и искусств: в математике, географии, истории, а также литературе и поэзии. Особенно ему удавались интеллектуальные изыскания на стыках научных дисциплин. На протяжении всей своей жизни Чаянов с потрясающей легкостью умел предлагать яркие модели и метафоры как в своих научных аграрно-экономических сочинениях, так и в своих исторических, футурологических и литературных произведениях.

Аграрный (фактически крестьянский) вопрос был одним из самых насущных в интеллектуальных и политических спорах России начала XX века. Многие замечательные ученые, политики, общественные деятели дискутировали о путях разрешения аграрного вопроса. Для социально-экономических дискуссий по аграрному вопросу в России к этому времени накопилась первоклассная эмпирико-статистическая информация, собранная в социальных обследованиях русских статистических от-

делов. Земства, органы местного самоуправления в царской России, часто находились в идейной оппозиции к царскому правительству. Многие земские статистики и агрономы считали своим профессиональным и гражданским долгом добросовестно исследовать жизнь простого народа — крестьянства, и на основе полученных всесторонних данных о жизни и экономике крестьян предлагать и отстаивать проекты разрешения аграрного вопроса в России.

Именно в такой интеллектуально-политической среде происходило формирование талантливого экономиста-аграрника Александра Чаянова. Именно на основе данных земских исследований бюджетов крестьянских хозяйств Чаянов опубликовал свои первые работы, доказывающие, что крестьянская семейная экономика обладает собственной мотивацией и динамикой развития, отличной от характеристик капиталистической экономики. По Чаянову, крестьянство, объединившееся в разнообразные сельские кооперативы, сможет эффективно отстаивать свои социально-экономические интересы в рыночной экономике.

Революция 1917 г. призвала 29-летнего профессора Чаянова к активной политической деятельности. Он становится одним из сооснователей политической партии русских кооператоров, одновременно является ведущим экспертом в Лиге аграрных реформ — организации, объединившей лучших аграрных ученых всех политических направлений для выработки оптимальных решений аграрного вопроса в революцию 1917 г.

В это же время в своей научно-популярной брошюре «Что такое аграрный вопрос?» Чаянов, прежде всего, подчеркивал огромное региональное разнообразие сельских миров такой громадной страны как Россия. При этом он настаивал, что формулироваться и решаться аграрный вопрос должен прежде всего снизу, от конкретных региональных и локальных сельских нужд местного населения.

Чаянов призывал максимально широко и бережно учитывать экономическое и культурное разнообразие сельской России. Аграрная реформа, по его мнению, должна была искать оптимум между высокой производительностью труда на земле и широкой демократизацией национального дохода страны.

Склоняясь к национализации земли, на которой должен был утвердиться прежде всего строй трудовых крестьянских хозяйств в условиях рыночных, товарных отношений, Чаянов подчеркивал необходимость бережного отношения к конфискованным помещичьим хозяйствам. Часть их собственности предлагалось передать крестьянам, с условием выкупа этих земель у бывших владельцев государством. Часть высококультурных помещичьих хозяйств должна была трансформироваться в специальные государственные хозяйства, занимающиеся вопросами научного, культурного, образовательного сельского развития.

В своем сочинении Чаянов фактически стремился синтезировать и согласовать различные возможные подходы к такому сложному событию, как аграрная реформа в России.

Но в 1917 г. крестьянство, во многом прошедшее школу жестокости Первой мировой войны, возвращавшееся с фронтов домой с оружием в руках, не хотело вникать в сложности оптимального решения аграрного вопроса. Оно прежде всего мечтало о немедленном расширении крестьянских наделов за счет захвата и ликвидации всех помещичьих хозяйств. В своем революционном нетерпении крестьяне приветствовали т. н. ленинский «Декрет о земле», заимствовавший дословно аграрные идеи левых народнических партий, с их требованием немедленной и безвозмездной передачи крестьянам всей земли. В разгар Гражданской войны в России большевики стремились провести полное огосударствление и милитаризацию всей социальной и экономической жизни страны, вводя централизованное планирование, тотальный государственный контроль, запрещая рыночные отношения. Например, в 1918 г. они национализировали и крестьянский кооперативный банк, несмотря на все протесты российских кооператоров и самого Чаянова, лично встречавшегося с Лениным и уговаривавшим его не проводить огосударствление крестьянского кооперативного банка.

Изначально Чаянов отрицательно отнесся к революционному эксперименту большевиков. Но уже в 1918 г. он соглашается сотрудничать с советским правительством, предполагая, что крестьянство и крестьянская кооперация в русской революции

все же могут получить новые доселе невиданные возможности социального развития.

Несмотря на окружающие его ужасы гражданской войны, Чаянов чрезвычайно плодотворно работает в это время над сохранением и развитием крестьянских кооперативов, пишет замечательные статьи и книги, анализирующие природу экономики крестьянских хозяйств ее кооперации. В это же время Чаянов подвергает критическому анализу теоретические и практические основы новой революционно-бюрократической экономической системы России, которой он дает название «государственный коллективизм».

В 1919 г. Чаянов публикует свое фантастическое литературное произведение «Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской утопии», где ироничная критика капитализма и большевистского коммунизма сочетается с манифестацией позитивной программы победоносного сельского развития крестьянской кооперации, создающей новый эффективный, гуманный, мультикультурный социальный и политический строй жизни. Чаяновская утопия является эффектной манифестацией плюралистического и мультикультурного мирового миропорядка, сопротивляющегося как капиталистическим, так и коммунистическим догмам. Критика бюрократическо-милитаристского социализма в этой утопии оказалась пророческой, ведь в 1921 г. Ленин и его партия фактически признают провал политики военного коммунизма и переходят к НЭПу.

1920-е годы — время наивысшего расцвета организационных и интеллектуальных талантов Чаянова. Он создает и возглавляет Сельскохозяйственный научно-исследовательский институт экономики и политики, являвшийся в России и, возможно, в мире ведущим аграрным интеллектуальным центром. Профессор Чаянов при этом как всегда много преподает в Тимирязевской сельскохозяйственной академии, бывает в научных зарубежных командировках в странах Европы и США. Одновременно он является влиятельным аграрным экспертом в Народном комиссариате земледелия СССР. В это время он публикует свои главные научные труды: «Теорию крестьянского хозяйства» (1926), «Основные идеи и формы сельскохозяй-

ственной кооперации» (1927), «Теорию дифференциальных оптимумов» (1928), «Методы бюджетных исследований» (1929).

В конце 1920-х гг. Сталин приступает к расширению централизованной бюрократической системы управления экономикой, которая помогает ему осуществить коллективизацию — систему жестокого государственного управления крестьянством через объединение крестьянских хозяйств в так называемые производственные кооперативы — колхозы. Колхозы — сельскохозяйственные предприятия, в которых имущество и труд крестьян часто насильственно объединялись в формально кооперативную собственность, которая реально контролировалась партийной бюрократией.

Для такой сталинской аграрной реформы, безусловно, воззрения Чаянова его коллег, выражавших волю и настроения слоя самостоятельно думающих и хозяйствующих крестьян, являлись главным препятствием. Ведь Чаянов в своей теории сельскохозяйственной кооперации доказывал, что путь свободного вертикального кооперирования автономных крестьянских хозяйств снизу является более социально и экономически эффективным, и, наоборот, осуществление горизонтальной, бюрократической (сталинской) коллективизации сверху в конечном счете обрекает сельское хозяйство России на неэффективность и стагнацию.

В результате в 1930 г., в разгар сталинской коллективизации, Чаянов и многие его коллеги были брошены в тюрьму, их обвинили в создании «Трудовой крестьянской партии», противостоявшей партии большевиков. Уникальная чаяновская система вертикальной кооперации была до основания разрушена, на ее руинах было возведена грандиозная система горизонтальной системы сталинской кооперации. Опыт истории показал, что такое советское коллективное сельское хозяйство в целом оказалось неэффективной сельскохозяйственной системой, перманентно страдавшей от отсутствия стимулов для крестьянского труда, задавленного бюрократическим контролем. В сталинских чистках были уничтожены профессиональные элиты крестьян, агрономов, экономистов-статистиков. Чаянов был расстрелян в Казахстане в 1937 г.

А. М. Никулин

Чернов Виктор Михайлович (25.11(07.12).1873–15.04.1952) — российский политический деятель. Родился в городе Хвалынский; отец имел чин коллежского советника, дававший право на личное дворянство. Учился в Саратовской гимназии, участвовал в работе революционных кружков. В 1890 г. был исключен из гимназии, осенью переведен для продолжения учебы в гимназию в Дерпте (ныне — Тарту, Эстония). Затем учился на юридическом факультете Московского университета (1892–1894), в апреле 1894 г. был арестован, но выпущен под залог. В ноябре 1895 г. был выслан в город Камышин Саратовской губернии, потом переехал в Тамбов. Вел революционную пропаганду, в мае 1899 г. уехал за границу, жил в Швейцарии и Франции.

Чернов стал одним из организаторов партии социалистов-революционеров (эсеров), был членом ее ЦК в 1903–1909 и 1917–1920 гг. Стал главным идеологом партии.

В 1905 г. после объявления политической амнистии вернулся в Россию, принял участие в первой русской революции, находился на нелегальном положении. В декабре 1905 г. — январе 1906 г. на I съезде партии социалистов-революционеров был основным докладчиком. В 1906–1909 гг. Чернов — один основателей, член редакции эсеровских газет «Голос», «Знамя труда», журнала «Народный вестник».

После поражения революции, в 1908 г. Чернов вновь эмигрировал. После разоблачения в 1909 г. провокаторской роли Евно Азефа, которого он защищал, признал себя морально ответственным и вышел из ЦК партии. Занимался публицистической деятельностью, участвовал в конференциях социалистических партий в Циммервальде (1915) и Кинтале (1916).

После Февральской революции в апреле 1917 г. Чернов вернулся в Россию и был избран в Исполком Петроградского совета. В июне 1917 г. на III съезде партии социалистов-революционеров Чернов был вновь избран в ЦК.

С 5 (18) мая по 28 августа (10 сентября) 1917 г. Чернов занимал пост министра земледелия Временного правительства, был членом Главного земельного комитета.

Приход к власти большевиков в результате Октябрьской революции считал незаконным. В январе 1918 г. Чернов был избран председателем Учредительного собрания, после его раз-

гона вступил в борьбу с новой властью. В Самаре осенью 1918 г. участвовал в работе Комитета членов Учредительного собрания (Комуч), затем перебрался в Екатеринбург. В ноябре 1918 г. был арестован белыми, но благодаря офицерам Чехословацкого корпуса освобожден.

В сентябре 1920 г. эмигрировал, жил в Эстонии, Германии, Франции. Во время Второй мировой войны после поражения союзников в 1940 г. уехал из Франции, с 1941 г. жил в США. Скончался в Нью-Йорке 15 апреля 1952 г.

Основная работа, написанная в эмиграции, — «Конструктивный социализм». Первый том был издан в 1925 г. в Праге. Рукопись второй части долго считалась утраченной, обнаруженные сохранившиеся части второго тома были совместно с первым томом изданы в России в издательстве РОССПЭН в 1997 г.

А. А. Белых

Юровский Леонид Наумович (24.10(06.11).1884–17.09.1938) — российский экономист. Родился в Одессе в семье купца первой гильдии. Окончил с золотой медалью 2-ю одесскую гимназию. В 1902 г. поступил на экономическое отделение Санкт-Петербургского Политехнического института. По окончании учебы в 1907 г. командирован за границу. В 1910 г. получил степень доктора Мюнхенского университета и возвратился в Россию.

В 1907 г. Л. Н. Юровский стал сотрудником московской газеты «Русские ведомости». До войны преподавал в Московском коммерческом институте и Народном университете имени Шанявского.

В годы Первой мировой войны работал в «Земгоре», затем служил прапорщиком артиллерии на Юго-Западном фронте.

Вернулся в Москву летом 1917 г., занимался публицистической деятельностью в «Русских ведомостях». С конца августа 1917 г. — управляющий Особым статистико-экономическим отделом министерства продовольствия Временного правительства.

Большевистский переворот встретил враждебно.

В начале 1918 г. уехал в Саратов, где работал до осени 1921 г. профессором университета, деканом факультета обществен-

ных наук, ректором организованного в 1918 г. Института народного хозяйства.

По возвращении в Москву осенью 1921 г. стал заведующим отделом иностранной статистики Центрального статистического управления. Одновременно поддерживал тесные связи с Наркоматом финансов (НКФ).

В денежной реформе 1922–1924 гг. сыграл одну из руководящих ролей. Работал заместителем начальника Валютного управления НКФ, представителем НКФ в Совете по эмиссионным делам при Госбанке. Позднее начальник Валютного управления, с февраля 1926 г. член коллегии Наркомфина.

Активный участник экономических дискуссий 1920-х гг., автор многочисленных статей по вопросам экономической политики.

В конце 1928 г. освобожден от должности начальника Валютного управления, но оставлен членом коллегии Наркомфина.

В июле 1930 г. арестован по делу «Трудовой крестьянской партии». В 1932 г. приговорен к восьми годам лишения свободы. Наказание отбывал в Суздальском изоляторе. В конце 1934 г. освобожден по болезни с запретом жить в 15 крупных городах.

Поселился в поселке Серeda Ивановской области, где работал бухгалтером. В конце 1936 г. добился разрешения вернуться в Москву. Зарабатывал на жизнь переводами. Осенью 1937 г. в связи с необходимостью обеспечить поступление сына на физический факультет МГУ был вынужден искать штатную работу. Назначен консультантом в планово-экономический отдел «Севморпути».

В конце 1937 г. арестован. 17 сентября 1938 г. расстрелян. Место захоронения — Московская область, расстрельный полигон «Коммунарка».

Реабилитирован 1 июня 1963 г. Военной коллегией Верховного суда СССР.

А. Ю. Мельников

УЧАСТНИКИ КОНФЕРЕНЦИИ

Белых Андрей Акатович, доктор экономических наук, заведующий лабораторией актуальной истории ИОН РАНХиГС, abelykh@inbox.ru

Беспалов Сергей Валериевич, кандидат исторических наук, научный сотрудник Лаборатории экономической истории РАНХиГС, sbesp@mail.ru

Бессолицын Александр Алексеевич, кандидат исторических наук, доктор экономических наук, профессор, Институт российской истории РАН, Центр экономической истории, ведущий научный сотрудник Института общественных наук РАНХиГС, A_Bessolitsyn@mail.ru

Биггарт Джон (John Biggart, Dr.), Великобритания, независимый исследователь, ранее — School of History, University of East Anglia, pti_projects@mail.ru

Клюкин Петр Николаевич, доктор экономических наук, профессор НИУ ВШЭ, Финансового университета при Правительстве РФ, kpn1306@yandex.ru

Кузнецов Игорь Анатольевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Лаборатории экономической истории РАНХиГС, repytwd68@mail.ru

Мельников Алексей Юрьевич, Центр политических и экономических исследований (ЭПИцентр), melnikov@yabloko.ru

Мерль Штефан (Stephan Merl), Билефельдский университет, Германия, smerl@uni-bielefeld.de

Никулин Александр Михайлович, кандидат экономических наук, директор Центра аграрных исследований РАНХиГС, harmina@yandex.ru

Покидченко Михаил Георгиевич, доктор экономических наук, профессор Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, pokidchenko@yandex.ru

Сенин Александр Сергеевич, доктор исторических наук, профессор, Историко-архивный институт Российского государственного гуманитарного университета, as_senin@mail.ru

Соболев Александр Валерьевич, доктор экономических наук, профессор кафедры экономики Российского университета кооперации, sobolev-aleks@mail.ru

Научное издание

Серия «Экономическая история в прошлом и настоящем»

Экономисты о революции 1917 года

Главный редактор *В. В. Анашвили*
Выпускающий редактор *Е. В. Попова*
Редактор *Д. С. Дамте*
Корректор *К. Г. Заманская*
Художник *В. П. Кориунов*
Верстка *Н. А. Кильдишевой*

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ЭКОНОМИСТЫ О РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА